

ЦЕРКОВЬ
БОГОЧЕЛОВЕКА

*Эта книга переиздана
миссионерским обществом
св. Кирилла и Мефодия.
Кому не удалось получить эту
книгу, тот может ее заказать
по следующему адресу:*

*Монастырь св. Иосифа
290008, Львов, 8, Винниченко, 22*

Свящ. С. Тышкевич

ЦЕРКОВЬ БОГОЧЕЛОВЕКА

**В ком есть послушание, тот
со всеми соединён любовью.**

Св. Ефрем Сирий, О послушании.

Russian Center
Fordham University
New York, 58

Russicum
Via Carlo Cattaneo, 2
Roma

1958

Типография: »ВАРЯГ«, Missionshaus der Pallottiner, Limburg/Lahn

---

Печатается с разрешения церковных властей

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга не составлена для широкого распространения. Она не для „пропаганды“. Она предназначена, главным образом, для русских католических священников, которым по воле на каждом шагу приходится сталкиваться с извращенными представлениями о Церкви и отвечать как на бесчисленные нападки врагов католичества, так и на недоуменные вопросы тех, кто искренно и добросовестно ищет полноту правды о Церкви.

Если русский католический священник хочет быть верен голосу совести, требующей от священнослужителей, чтобы они были светом миру и не прятали истины под египетом, то он должен прежде всего всесторонне изучить, молитвенно обдумать и жертвенно в душе своей пережить духовным опытом самую сущность истин, так или иначе касающихся того таинственного Тела Христова, за которое он должен быть готов много пострадать и даже кровь свою пролить. Руководясь этими соображениями, автор решился поместить в своей книге не только легко воспринимаемые данные исторического богословия, тексты Св. Писания и свидетельства отцов, но и рассуждения принципиально-умозрительного характера, которые могут быть хорошо усвоены только частыми молитвенными размышлениями. Притом он имел в виду вовсе не навязывать другим свои личные выводы, а помочь читателю в подвиге личной самоотверженной выработки цельного, живого, благодатного представления о Невесте Христовой, Церкви святой. Конечно, совершенства в этом отношении мы в сей жизни не достигнем; но мы можем всё более и более приближаться к тому беспредельному неземному счастью и духовной силе, которые порождает в сердце и уме созерцание подлинного облика святой Церкви. Повторяем, тут нужен подвиг, повторные усилия мысли и воли, самоумерщвление и горячая молитва; но ведь на всё это русский священник способен не хуже иностранца. Именно для таких проникнутых светом и любовью Христовой священников автор писал

настоящую книгу: только они смогут с пользой потрудиться над единственным серьёзным разрешением православно-католического спора, — соединением полноты Православия и цельности его святых преданий с подлинною, беспредельною в своих возможностях, Католическою Церковью. Для проповедников же поверхностного церковного единения, имеющих в виду не присоединение православных людей к католическому церковному единству, а „переходы” православных в католичество с ущемлением их здравых религиозных преданий, — книга сия не писана, они её и читать не будут, она им покажется скучной, непонятной.

Автор предвидит критику, упрёки. Иным покажется странным, что он привёл так много всевозможных возражений. Это полемика, скажут, а полемика ведь дело безнадёжное, бесплодное. С такой оценкой воинствующего апостольства автор вполне согласен; более чем кто бы то ни был, он убеждён в бесполезности полемических приёмов в пастырской работе. Возражения приведённые им в книге несколько не имеют полемического назначения, они упомянуты не для того, чтобы питать споры. Они помещены в настоящем труде с совсем другою, именно методологическою целью более наглядного выявления истины путём сопоставления её с её отрицанием или непониманием. Вся христианская догматика развивалась и окрепла благодаря разбору противоположных ей учений. Светлый лик Церкви может быть верно начертан только на тусклом фоне помутнения начал церковности. Кроме того, возражения против католичества, бессильные поскольку они направлены против самой сущности Церкви, не раз вполне справедливы и заслуживают внимания, поскольку они напоминают нам, католикам, о наших исторических и иных, личных или поместно-коллективных, погрешностях, коими затемнена в глазах иначемыслящих правда всеенской Церкви и в кои мы должны покаяться.

Слышится и другой упрёк: само упоминание разногласий мешает миролюбивой подготовке путей православно-католического единения; не лучше ли на нападки отвечать молчанием, миролюбием? Эту точку зрения автор разделяет лишь отчасти. „Зуб за зуб”, конечно, дурной, нехристианский принцип. На столь частые в антикатолической литературе язвительные выкладки, иронические подтрунивания, озлобленные критики и нагромождения клеветы, нам не подобает отвечать тем же. Но давать

волю страстям и возмущению при виде несправедливого отношения к католицизму — одно, а излагать святую Христову истину, сопоставляя её с противоположными взглядами — совсем другое; быть верным этому последнему заданию столь же ясное веление совести, как и избегать первого. Если автор не только обнаруживает слабость антикатолических умопостроений, но кое-где упоминает и о пробелах в истории и жизни христиан не-католиков, то он, кажется, довольно ясно показал, что причина этих пробелов не в положительной сущности исторического православия, а наоборот — в подавлении его посторонними враждебными ему силами. И работа по восстановлению единства христианского мира и само миролюбие — только обманчивый мираж и источник новых, худших раздоров, если они не обоснованы на самоотверженных, подчас весьма непривлекательных, исканиях и труженичестве над всесторонним выявлением истины. А миротворчество опирающееся на замалчивание истины, т. е. фактически — на затемнении её, только углубляет пропасть разделения и готовит почву для всё более и более острого отчуждения и взаимной чуть ли не ненависти. От возникновения Московского государства наши правительства запрещали публично выступать в защиту католического понимания Церкви, между тем как все могли возводить против католицизма самые возмутительные по своей неправде обвинения; католики только слушали и молчали. И что же? разве этим было достигнуто примирение? Наоборот. Расщелина между православием и католицизмом стала постепенно зияющей бездной, той ужасающей пучиной, из которой выползло безверие большевизма.

Один видный православный иерарх писал однажды составителю сей книги: «В разборе вопросов церковного единения прежде всего нужна искренность» (слово «искренность» было трижды подчеркнуто). Он безусловно прав. Искренность нарушает мирные отношения только с людьми невысокого духовного уровня, привыкшими смотреть на религию с точки зрения не Христовой правды, а политических, расовых или других земных соображений. Подлинно религиозные православные люди не обижаются за откровенность. Мы могли бы их обидеть скорее неискренностью, т. е. недоверием и недооценкой их добросовестности. Они говорят и пишут о нас прямо, откровенно и убеждённо; того же самого они вправе ожидать и от нас.

Всесторонний разбор многочисленных и разнообразных, подчас даже более чувствительных, чем высказанных, возражений наших отделённых братьев имеет ещё одно преимущество: благодаря этому исследованию легче и яснее осознаются те великие и глубокие богословские начала, на которых можно развивать эkkлeсиoлoгию в направлении приемлемых для обеих сторон положений.

Но главным побуждением к откровенному обсуждению возводимых на Католическую Церковь обвинений должен быть для нас пример Спасителя, Который, при всём Своём миролюбии и снисходительности к людским взглядам и нуждам, никогда не скрывал истины, но ради неё принял крестную смерть. Только крестный путь съясления истины приведёт нас к освобождению (Ио. 8, 32) от разделяющих нас, христиан разных вероисповеданий, узостей, предрассудков и заблуждений.

Автор вполне сознаёт, что труд его далёк от совершенства. Он надеется, что после его смерти найдутся продолжатели его начинания, которые дополнят, исправят и очистят от скрывшихся ошибок настоящий плод хотя и слабый, но пока что единственной попытки изложить католическое учение о Церкви с принятием во внимание наиболее волнующих возмательного русского христианина эkkлeсиoлoгичeских проблем.

Иной подумает: „К чему всё это богословствование? Доказательства никого не вразумляют. Соединение всех христиан в единой вселенской Церкви может созреть только на почве христианской любви, только сила благодати может осуществить это чудо“. Автор несколько не сомневается в том, что только свет и сила благодати и любви Христовой способны преодолеть вековые предубеждения и привести всех христиан к полноте церковного единства. Но весь вопрос в том, как снискать, как обеспечить это мощное воздействие божественной благодати на разведи́нённы́х христиан? Тут в первую очередь нужен с нашей стороны сверхприродный жертвенный подвиг, порождённый любовью к Церкви, благодатною любовью во Христе. Прежде всего мы сами, католические священники, должны быть насковзь обожены благодатью и проникнуты чистой любовью к единой святой Церкви Христовой. Но чтобы полюбить Церковь, надо ежедневно в молитвенных размышлениях всё глубже и всестороннее узнавать её, изучать её природу, вдумываться в дивные факторы её жизни.

ВВЕДЕНИЕ

Спаситель сказал — *созижду Церковь Мою* (Мф. 16). Итак, Церковь есть Божие творение и, потому, определяется премудрыми Божиими законами сотворённого природного бытия. Однако в Церкви есть и сверхприродная сторона: Церковь — таинственное Тело Спасителя; в ней сказывается воплощение Христово. Оттого, она определяется также основными началами благодатной Христовой „икономии спасения”. Таким образом, для правильного разрешения вопроса о сущности Церкви, необходимо предварительное ознакомление как с упомянутыми вселенскими законами тварного бытия, в частности разумно-волевого, так и с руководящими началами благодатной жизни во Христе. Краткому разбору наиболее существенных, и в то же время легче всего забываемых, вселенских **законов бытия и духовного совершенства** посвящена первая часть настоящего труда.

Иисус Христос есть *путь и истина и жизнь* (Ио. 14, 6). Эти слова применимы и к Церкви, основанной и возглавляемой Христом.

Церковь есть благодатная **жизнь** во Христе. Она есть таинственное Тело Христово, благодаря которому и в котором верующие становятся *причастниками Божеского естества* (2 Петр. 1, 4), достигают возможно большего единения со своим Главою. Полнотою жизни во Христе люди могут быть одарены только в Царствии Небесном, в жизни вечной. Но уже здесь, на земле, благодатная жизнь зарождается и развивается в сердцах наших под воздействием Церкви Святой и в силу нашего участия в её божественной жизни. Жизнь во Христе есть цель, ради которой Богочеловек основал Свою Церковь на земле, и к которой она стремится. Во второй части настоящей книги мы пытаемся выяснить эту конечную цель Церкви.

Церковь есть не только жизнь, она есть также **истинный путь** ведущий к Жизни. Весь смысл существования земной Церкви состоит в том, чтобы вести людей к жизни во Христе, воспитывать

их до „зрелого возраста”, объединять их для совместного соборного стремления ко Христу, учить их истине и ограждать их от лжеучений. Церковь Христова — и только она одна — обеспечивает людям вечное спасение. Это её единственное прямое назначение определяет её неотъемлемые черты и свойства: её видимость, её неизменность, её независимость, её непримиримое отношение к лжеучениям. Об этом **назначении** и вытекающих отсюда **свойствах** Церкви подробнее говорится в части третьей.

Приводить к полноте жизни во Христе может только истинная Христова Церковь. Как её найти, как её отличить от других церквей, подчас сохранивших значительную долю правды Христовой? Господь не мог не снабдить Своей Церкви такими, для всех понятными, **признаками**, благодаря которым всякий искренно ищущий человек мог бы узнать её подлинность. В четвёртой части нашего исследования мы рассматриваем эти признаки Церкви. Основному признаку истинной Церкви — святости — посвящена вся пятая часть нашей книги.

Наконец, шестая часть отвечает на вопросы: Как осуществляется совершенное **единство** Церкви? Каким орудием пользуется Господь для сохранения в Церкви **святой** верности Его учению и заветам? Где находится та богоустановленная твердыня, благодаря которой Церковь всегда пребывает **вселенской**? Где хранится подлинная преемственность от **апостолов** и где жив чистый апостольский дух? Где высшее выражение пастырства Христова, ведущего людей по церковному пути к Истине и Жизни?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДПОСЫЛКИ УЧЕНИЯ О ЦЕРКВИ

Глава первая

ЦЕРКОВНОЕ ПРЕДАНИЕ

Учение о Церкви есть учение об указанном самим Богом пути к спасению. Оттого оно должно опираться на религиозные данные заключающиеся в богоустановленных законах человеческой природы, и в особенности на учение Христа Бога и Спасителя нашего, делом и установлением Которого является Церковь. Другими словами, учение о Церкви должно точно отвечать как требованиям откровения Божия в природе, т. е. откровения в широком смысле, так и всем истинам положительного Откровения, преподанным нам Иисусом Христом.¹

Сверхприродное, особенное Откровение дано нам в значительной мере в Св. Писании, авторы которого писали как вдохновенные орудия Самого Бога. Но не всё Откровение исчерпывается изложенным в Св. Писании; к тому же нужен критерий, по которому мы могли бы с уверенностью познать точный смысл некоторых изречений Св. Писания, различить канонические книги от неканонических, точно определить пределы боговдохновенности и т. д. Вот тут-то нам приходит на помощь Св. Предание.

---

1. «Различают два вида божественного откровения: откровение в общем и широком смысле и откровение в тесном и собственном смысле. Бог открывает Себя во всём Своём творении, особенно в богоподобной душе человека, и в действиях Своего промысления о мире и человеке. Это откровение иначе называется откровением естественным, потому что Бог открывает Себя здесь в природе или естестве Своих тварей, и притом естественно, подобно тому как, напр., художник открывает себя в своём произведении, автор — в своём сочинении и т. п. Но этот вид откровения может служить лишь с большими и существенными ограничениями источником для науки, имеющей предметом изложение православно-христианского вероучения. О многих догматах христианских он ничего не может открыть и не открывает, а может разве лишь приводить к сознанию необходимости особенного, высшего, непосредственного откровения Божия, восполняющего немощь человека в его естественных исканиях Божества... Такое откровение и даётся людям в откровении сверхъестественном... Оно состоит в том, что Бог, снисходя к немощи человеческого духа, Сам непосредственно открыл Себя людям... сперва чрез закон и пророков, и потом чрез Самого воплотившегося Сына Божия и ниспосланного Духа Святаго» (Прот. Н. Малиновский, Очерк Прав. Догм. Богословия, Сергиев Посад, 1911, стр. 8).

В первые годы своего существования христианство ещё не имело Св. Писания, оно опиралось исключительно на устное учение; оно не было „книжной” религией. Иисус Христос поучал и наставлял Своих учеников живою речью, Он не оставил нам ни одного писанного поучения или хотя бы только письма. Пресвятая Богородица, св. Иоанн Креститель и св. Иосиф Обручник тоже ничего не написали, хотя без сомнения оставили первым христианам драгоценные заветы. Своим ученикам Спаситель велел проповедывать, Он не дал им поручения писать (Мф. 28, 18 и сл.; Мк. 16, 15; Лк. 24, 47; Ио. 17, 14 и др.). Лет через 20 или более некоторые из них по внушению Святого Духа написали священные книги для назидания и доказательства божественности Иисуса Христа (Ио. 20, 31); но они вовсе не намеревались дать исчерпывающее изложение христианского учения, они хотели только подчеркнуть некоторые важные части его; оттого в Св. Писании столь наглядно отсутствие всякой систематичности, плана, законченности. Ап. Павел, который более других написал, всё же утверждает: *Вера от слышания* (Рим. 10, 17); повидимому чтение для него что-то второстепенное. Главное для него — Предание: *Стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим* (2 Фесс. 2, 15). Он считал себя как бы связанным преданием заимствованным от первых апостолов: *Я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по писанию...* (1 Кор. 15, 3); именно это предание, касающееся веры и добродетельной жизни, он повсюду проповедует и защищает в своих посланиях. Подобным образом и Ап. Иоанн высоко ценит устную передачу Христова учения: *Многое имею писать вам, но не хочу на бумаге чернилами; а надеюсь прийти к вам и говорить устами к устами, чтобы радость ваша была полна* (2 Ио. 12). В том же духе составлены поручения, которые апостолы давали своим ученикам и заместителям. Тимофея Ап. Павел „заклинает”: *Проповедуй слово..., обличай, запрещай, увещывай со всяким долготерпением и назиданием. Ибо будет время, когда... от истины отвратят слух... Совершай дело благовестника, исполняй служение твоё* (2 Тим. 4, 1-5). *И что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям* (2 Тим. 2, 2). В Св. Писании нет и намёка на то, будто бы оно есть или будет единственным источником вероучения. Да и вообще во всём первоначальном христианстве нет никаких данных

для обоснования этого основного положения протестантских учений. Впрочем, теперь более серьёзные протестантские историки честно признают, что их первые учителя ошибались.

Из древнейших памятников христианской письменности видно, что в первые века Св. Писание далеко не считалось единственной нормой вероучения и благочестия.

По убеждению отцов Церкви, Предание не только пригодно для пояснения истин заключающихся в Св. Писании, но и само, наравне с Библией, включает истины Откровения.

Откровения данные Богом христианам не могут быть почерпнуты вне Библии и Предания: на них зиждется всё христианское веро- и нравоучение; всякие другие, частные, откровения могут помогать при оценке данных Откровения, имеющих в Св. Писании и Предании, но ни в коем случае не могут определять вероучения. В этом смысле следует сказать, что оба указанные источника Откровения безусловно достаточны для установления христианского религиозного учения.

Для установления, какие именно истины заключаются в источниках Откровения, необходимо соответствующее учительство, с одной стороны, уполномоченное от Бога для этой цели, осеняемое благодатною помощью для безошибочного толкования данных Св. Писания и Предания, являющееся выражением подлинного Христова учительства, а с другой стороны, общедоступное, способное во всякое время разрешать назревшие сомнения относительно того или иного применения Христовых истин в повседневной жизни; ибо истины евангельские — не мёртвые, застывшие, отвлечённые изречения, а вечно живые двигатели христианской жизни, закваска мира. Церковь обладает таким безошибочным учительством. Она по существу своему имеет своим назначением делать Откровение Христово фактическим живым достоянием людей. Точно определив пределы Св. Писания, выделив канонические, боговдохновенные книги из множества других благочестивых, но не вдохновенных писаний, она постоянно защищает содержание святых книг Библии от никогда не умолкающих лже толкований, указывает на подлинный смысл библейских изречений, согласный с совокупностью богооткровенных истин, имеющих как во всей Библии, так и в Предании, питает людей боговдохновенным словом согласно нуждам времени и среды. Она же является выразительницей подлинного Предания, как до наших дней словесно хранимого, так и записанного

в прошлые века святыми и учёными мужами, в большинстве своём опытными пастырями и учителями. Она подводит итог их учению, различает в их творениях то, что они записали как свидетели Откровения, от того, что они учили, как общепринятое убеждение богословов или как частное мнение. Без богоданного авторитетного церковного учительства толкование Предания породило бы хаотическое нагромождение противоречивых мнений и послужило бы только духовному разброду.

Итак, церковная учительская власть есть необходимый и главный критерий источников Откровения. Есть и вспомогательные критерии. Таковы, главным образом: общепринятое мнение серьёзных церковных богословов и убеждение верующих вселенской Церкви. На этот последний критерий указывал ещё Викентий Лиринский: божественная истина то, во что все, повсюду и всегда верили. Само собою разумеется, что „все“ в данном случае — не масса самочинных христиан, в которой единства быть не может и на самом деле никогда не было, не те верующие, которые хотят сами учить богоданную иерархию, а подлинно церковный народ, в духе Христова послушания с сыновнею любовью присмлющий учение законных пастырей, руководимых светом благодатной преемственности, восходящей до апостолов: в зарождающейся Церкви апостолы учили верующих, а не наоборот.

Связь Предания с Церковью становится особенно наглядной, если иметь в виду основное значение веры в деле спасения. Сущность веры состоит в подвиге подчинения горделивого человеческого ума истинам Откровения, подвиге совершаемом с помощью благодати. Петины эти — одни и те же для всех людей и всех времён. Раз они были даны в Откровении, все должны их придерживаться до скончания веков. Это постоянное хранение раз навсегда данного Откровения, это блюдеие источных истин веры — и есть Предание. Для сектантской веры Предание излишне: для сектанта вера не есть подвиг самоотречения и послушания, а чувство, настроение, подчинение не собственной ограниченности Божиему разуму, а наоборот — определение религии своими личными или коллективными переживаниями, субъективными мериллами, подчинение себе объективных истин и принятие их лишь поскольку они „подходят“. Такое понимание веры не годится для подлинного христианства. Христианин знает, что он не властен создавать себе веру или хотя бы только подбирать в предлагаемой ему

объективной вере то, что ему кажется лучшим, более соответствующим его „религиозному опыту“; он не властен этого делать даже сообща с другими, будь это даже большинство христиан. Слова Христовы ясны: «идите, учите»; кто подчинится учащей Церкви, тот спасён будет; люди же, народы и целые поколения по своему налаживающие веру не удостоятся спасения Христова; они предупреждены об этом грозным „анафема“, неизменно повторяемым вселенскими соборами по адресу тех, кто не подчиняется учащей Церкви в вопросах веры. Истинный последователь Христов так высоко ценит Предание именно потому, что от него он имеет спасительную веру. Но, с другой стороны, вера предлагаемая Преданием не есть нечто целиком оторванное от жизни, математическая формула или известное число когда-то кристаллизовавшихся изречений.¹ Она вполне богочеловечна, как и главный её Предмет и Податель — Христос. Она касается по существу своему не только Бога и вечности, но и всего того, что ведёт к Богу и жизни вечной, всего умозрения и поведения человека во всевозможных условиях времени и места. Она нужна не небожителям, обладающим уже лицезрением Бога, а людям странствующим ещё на земле. Она дана нам не как цель, а как светило, осмысляющее жизнь и освещающее путь к конечной цели существования. Оттого истины веры находятся в постоянном соприкосновении и во взаимодействии с истинами естественного порядка и с разными человеческими восприятиями отношений между верою и природою, наукой, ходом истории. Люди предоставленные самим себе тут легко запутываются, перемешивают правду с ложью и легко поддаются соблазнительным увлечениям в сторону искажения веры и данных Св. Писания или Предания под давлением страстей или массовых эгоизмов.

Итак, для сохранения веры Предание и необходимо и не достаточное: нужно богоданное, Божиим авторитетом облечённое постоянное богочеловеческое установление, которое рассеивает

---

1. Иные некатолические богословы утверждают, что число догматов точно установлено раз навсегда, что ни одним догматом больше или меньше быть не может. Но почему же тогда ни один из этих богословов никогда не указал этого точно определённого числа? Они явно смешивают неизменность самой божественной истины с догматическими словесными определениями учащей Церкви. Божественная истина сама в себе едина и неисчерпаема, она бесконечно выше всяких „чисел“; церковные же догматические определения могут увеличиваться в числе и на самом деле всегда численно увеличивались по мере того, как в богословских спорах выяснялись те или иные аспекты Божественной правды и догматические определения становились необходимыми из-за распространения противоположных лжеучений.

недоумения по мере того, как они вырастают на почве соприкосновения веры с жизнью, и точно разграничивает ложные и правильные выводы при применении истин веры к жизни. Таким установлением и является учащая Церковь Христова. Под сенью её развивается догматическое учение, обеспечивающее незыблемость источных догматов веры: где Церкви нет, там неизбежно эти догматы или остаются отвлечённостью без большого влияния на жизнь или искажаются жизнью.

Для лучшего **осознания** христианского вероучения, для созидательной богословской работы и для борьбы с лжеучениями нужно справляться с данными Предания, как они были выражены и записаны достойными доверия и Церковью признанными свидетелями и богословами прежних, в особенности первых, веков христианской истории. Чтобы обосновать какое-либо богословское положение, надо показать, что оно не только не противоречит общему развитию богословской мысли, постоянно назревающей на вековом дереве Предания, но и положительно обосновывается на Предании, вытекает из него в силу логической необходимости и благодатно-исторического провиденциального раскрытия неисчерпаемых по своему содержанию истин Предания. Из этого уже видно, почему Церковь с таким уважением относится к „отцам Церкви” и древним церковным писателям. В их единогласном учении, в особенности в являемых ими богословских принципах или началах, церковное богословие имеет верную точку опоры, чтобы ответить на вопросы: Раскрывается ли то или иное современное богословское учение „по линии” Предания или нет? Является ли оно органическим плодом из цветка святоотеческого учения? Вытекает ли оно из учения отцов так, как само это учение вытекало из наставлений апостолов?

Для богослова важно знать, кто были наиболее авторитетные отцы, какими богословскими вопросами они по преимуществу занимались, в какой духовно-умственной обстановке они жили и писали. На все эти вопросы обстоятельно отвечает патрология и отчасти история догматов и история Церкви. Здесь мы ограничимся совсем кратким обзором патрологии и некоторыми необходимыми примечаниями, разделив святоотеческую эпоху на шесть периодов.

1) **Апостольские мужи.** Так называются те отцы и христианские учителя, которые жили в общении с апостолами или их непосредственными учениками. В их творениях нет систематического изложения христианского учения. Главные вопросы затрагиваемые ими: Бог один в трёх Лицах, Христос — воистину Богочеловек, Церковь иерархична, моральные требования христианства весьма возвышенны и строги. К этому периоду относятся:

а) Дидахэ или «Учение двенадцати Апостолов», неизвестного автора.

б) Послание св. Климента, папы Римского, к Коринфянам (конец I века). Св. папа настаивает на необходимости подчинения верующих иерархии от Бога уполномоченной; он осуждает коринфских религиозных самочинников.

в) Семь посланий св. Игнатия Богоносца и мученика, дышащие глубочайшим благочестием, верою, любовью и духом самоотверженного подчинения законным церковным пастырям.

г) «Пастырь» Ермы, в котором подчёркивается необходимость строгого покаяния.

Главное место среди «апостольских» памятников письменности занимает Символ веры в его многочисленных первоначальных, восточных и западных, вариантах. Древнейшие восточные варианты Символа веры были дополнены впоследствии Никейским и Константинопольским вселенскими соборами 325 и 381 годов. Символы веры составлялись постепенно и потому не могут быть приписаны одному определённом автору.

2) **Отцы и писатели второй половины II века и начала III века.** Сюда относятся, главным образом, «апологеты», т. е. некоторые доблестные христианские писатели, которые во времена гонений выступали в качестве защитников христианства; они опровергали лжеучения язычников, евреев и различных сектантов. Из восточных апологетов особенно известны: Аристид, св. Иустин философ, Татиан, Афинагор, Мильтиад, св. Феодил; из западных: Тертуллиан, Арнобий и, значительно позже, Лактанций. Не следует забывать, что апологеты, в большинстве случаев, не были глубокими богословами, обыкновенно писали „на свой риск“ и сами не раз впадали в заблуждения. Татиан постепенно уклонился в гностическую ересь, а Тертуллиан задолго до своей смерти отпал от Церкви и пристал к секте монтанистов. Такие факты наглядно

показывают, что для сохранения чистоты учения одного Предания не достаточно, нужен ещё вселенский авторитет учащей Церкви.

Наиболее выдающимся свидетелем Предания того времени был св. Ириней Лионский; он особенно известен своим трудом «Против Ересей», в котором красною нитью проводится мысль, что всякая ересь всегда коренится в нежелании слушаться иерархической апостольской Церкви.

3) К III веку относятся:

а) Ориген — мощный ум, весьма плодотворный писатель христианской древности. Применяя к христианству греческие философские системы, Ориген не раз впадал в крупные заблуждения, но вряд ли можно причислить его к еретикам, как это делали иные отцы Церкви; он просто высказывал более или менее удачные богословские гипотезы.¹

б) Ипполит Римский, мыслитель-моралист. Борьба против еретиков модалистов завлекла его самого в заблуждения и открытый раскол; но во время гонений на христиан, в 235 году, он покался, подчинился папе Римскому, призвал своих последователей сделать то же самое и удостоился мученического венца.

в) Св. Киприан Карфагенский. Из оглашённых он почти сразу стал епископом; этим лучше всего объясняются непоследовательности в его взглядах на церковное единство и в его деятельности. Тем не менее он выявил себя твёрдым защитником христианства и епископской власти и противником церковного демократизма. Мученической смертью он исправил свои ошибки и заслужил быть причисленным к лику святых.

г) Два святых Дионисия — епископ Александрийский и папа Римский. Они были скорее церковными борцами, чем писателями. Их взаимные отношения показывают, что уже тогда богоустановленность папской власти лучше осознавалась святыми, чем христианами посредственного уровня.

д) Св. Григорий Чудотворец, ученик Оригена; он был свидетелем Предания более всего святостью своей миссионерской деятельности.

---

1. В Православном Богословском Энциклопедическом Словаре Сойкина мы читаем: «Оригена нельзя считать христианским мыслителем в строгом значении этого слова... Скорее всего Ориген не мог быть формальным еретиком в православии, что явствует уже из широкого влияния и распространения его учения у истинных ревнителей православия» (ст. 1707).

е) Св. Мефодий Олимпийский, священномученик. Он писал против нео-платоников, гностиков и Оригена. Из его поистине замечательных творений уцелели лишь немногие; сохранилось его прекрасное сочинение о христианском понимании девственности.

ж) Для понимания Предания имеют большое значение также «Деяния мучеников»; к сожалению из них сохранились лишь немногие.

4) Первая половина „золотого века” патристики. Этот период обнимает весь IV и более половины V века. Это время наиболее обильно богословскими творениями отцов, весьма ценными для догматики, в особенности для учения о Пресв. Троице и о Христе. Христианство, получив наконец свободу, „вышло из катакомб”. Появились крупные ереси, в отпор которым знаменитейшие отцы Церкви подробно разработали догматическое учение. Целного учения о Церкви и этот век не дал. Но отцы того времени твёрдо установили те принципы, из которых не могло не вылиться католическое учение о Церкви: отцы эти выяснили, что во Христе Божество сочетается с совершенной, полной, законченной человеческой природой; но если таков Глава Церкви, то и сама Церковь должна быть не только местопребыванием Божества, но и вполне человеческим, завершённым обществом. Вот наиболее выдающиеся отцы и церковные писатели указанного периода:

а) Евсевий Кесарийский, автор знаменитой «Церковной Истории»; в христологии он не сумел стать твёрдо на почве Никейских догматических принципов.

б) Св. Афанасий Вел., мужественный защитник догмата Пресв. Троицы и один из наиболее выдающихся борцов против арианства и порабощения Церкви государством.

в) Св. Иларий Пиктавийский; он также боролся против арианства, за что и прозван „Афанасием Запада”.

г) Св. Кирилл Иерусалимский прославился особенно своим учением о таинствах, которое он изложил в своих знаменитых Оглашениях.

д) Св. Ефрем Сирин, замечательный духовно-аскетический писатель. Он излагает богословские мысли о Церкви чаще других отцов того времени. Церковь для него прежде всего таинственная Невеста Христова, сообщающая благодать людям. Он определённо учил, что Апостол Пётр был действительным главою апостолов. Св.

Ефрем — автор чудных молитв, между прочим молитвы *Господи и Владыко живота моего*.

5) Ко второй половине „золотого века” относятся:

а) Св. Епифаний Кипрский, автор Анкората и Панария, трудов, в которых выявилась его беспредельная любовь к Преданию; по его убеждению, только Церковь построенная на Петре есть подлинный хранитель Предания.

б) Св. Василий Вел., борец за чистоту учения о Св. Духе, сочинитель знаменитых общежительских „правил” и выдающийся моралист.

в) Св. Григорий Назианзин, прозванный Богословом за свои знаменитые богословские труды. Друг и сотрудник Василия Вел.

г) Св. Григорий Нисский, брат св. Василия, оказал Церкви великие услуги. Его творения отличаются философско-мистическим направлением.

д) Св. Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, величайший христианский проповедник, бесстрашный страдалец за веру и Христову мораль, великий аскет и образцовый пастырь. Из его творений сохранилось много проповедей, слов, поучений и толкований Св. Писания. Он положил твёрдое основание для учения о Церкви; он неутомимо защищал те начала и богословские принципы, на которые опирается вся современная католическая эклесиология.

е) Св. Амвросий Медиоланский, тоже образец архипастыря. Подобно св. Иоанну Златоусту, он много потрудился, чтобы обосновать и возможно лучше осуществить начало независимости Церкви от государства; он был проповедником подлинного сверхнационального вселенства.

ж) Св. Иероним Стридонский, знаменитый переводчик (на латинский язык) и толкователь Св. Писания; известен также своими полемическими трудами.

з) Св. Августин, один из величайших отцов и учителей вселенской Церкви. По глубине и всесторонности богословского мышления он вряд ли имеет себе равного. Может быть назван творцом богословия по части благодати; в многочисленных трудах он основательно опроверг пелагианское недооценивание благодати. Своей книгой «О Граде Божиим» он нанёс окончательный удар язычеству.

и) Св. Астерий Амасийский. «Это был человек непоколебимый в своей православной вере, и на его авторитет часто делались ссылки в последующие века, и особенно на седьмом вселенском

соборе выставляли его в опровержение ереси иконоборцев, как яркое светило озаряющее все умы»¹.

к) Св. Кирилл Александрийский, неутомимый защитник истинной веры против несторианства. По воле папы св. Келестина он сыграл руководящую роль на Ефесском вселенском соборе.

л) Феодорит Киррский был долго противником св. Кирилла Алекс.; эту ошибку и недостаток он впоследствии исправил, защищая учение Церкви против монофизитов.

м) Св. Лев Великий, папа Римский, знаменитый своей мужественной борьбой против черезчур демократических течений в клире. По сей день в Греческой церкви он считается святым и столпом православия, несмотря на то, что вся его жизнь и учение являются осуждением непослушания папе.

К этому же „золотому веку“ следует отнести ряд крупных аскетических писателей и подвижников, как Макарий Великий, Нил Синаит, Марк Пустынник и другие продолжатели аскетических преданий св. Антония Вел. и св. Пахомия.

6) Наиболее выдающиеся свидетели Предания **последующих трёх веков:**

а) Св. Григорий Великий, или Двоеслов († 604 г.), великий аскет, мистик, учитель и церковный правитель. До сих пор считается святым и в греческом православии, несмотря на то, что, как все святые папы, он имел очень высокое, чисто католическое представление о папской власти. Автор столь известного в России «Пастырского правила».

б) Св. Иоанн Лествичник (конец VI века), автор «Лествицы», в которой излагается верное, на всестороннем послушании основанное, учение о совершенстве духовной жизни, т. е. подлинной церковности.

в) Св. Максим Исповедник († 662 г.) известен своей энергичной борьбой с ересью монофелитов.

г) Св. Иоанн Дамаскин († ок. 749 г.), защитник иконопочитания и независимости вселенской Церкви от государства. Основоположник схоластической философии. В своём учении о Пресв. Троице он подводит итог учению прежних отцов.

д) Св. Феодор Студит († 826 г.), наиболее авторитетный из всех восточных учителей монашеского совершенства, сочинитель монастырского устава, который всегда считался в России образцовым

и которым до сих пор руководятся лучшие православные монастыри. Убеждённый в том, что духовное благодатное совершенство не осуществимо без послушания церковной иерархии, он был ревностным поборником папской власти и противником порабощения Церкви политически-национальными силами. Он мужественно боролся за иконопочитание и за святость и нерасторжимость христианского брака.

Св. Предание — не музей: оно живёт в Церкви и проявляет её жизненность.

ПРИЛОЖЕНИЕ. «В католической церкви Предание... живо до сих пор. Благодаря этому, с одной стороны, открыта широкая возможность дальнейшего развития католического учения по пути всё большего раскрытия Предания, а, с другой — предотвращена возможность резкого разрыва с прошлым, сохраняющим себя в настоящем...

«Единство знания должно выражаться в определённых положениях, обоснованных Писанием и Преданием. Очевидно, что в условиях земной жизни, при невозможности путём разума убедиться в истинности Предания, необходимо какое-то удостоверение того, что это Предание действительно священо. Мы знаем, что священность его обеспечена преемственностью от апостолов и, следовательно, в конечном итоге, от самого Божества. Разумеется, хранительницей Предания могла бы быть вся совокупность верующих. Но теоретически это трудно потому, что земная церковь состоит не только из истинных сынов Божиих, а практически подобная гарантия истинности предания общим согласием необходимо должна привести к хаосу мнений и к отсутствию единства в знании. Так или иначе должен существовать орган, хранящий Предание, а, так как оно почерпает свою достоверность из факта восхождения к апостолам, этот орган должен быть преемственно связанным с апостолами. И поскольку Предание живо и способно раскрываться всё более и более, постольку и хранящий его орган должен обладать таинственной силою и властью учительства, властью толкования старых истин и обнаружения новых... Живое и абсолютно истинное Предание является краеугольным камнем католического учения, не бросившегося, как протестантство, в искания истины человеческим разумом, не ждущего новых пророков, новых апостолов — в его сокровищницу, по словам блаж. Иринея, апостолы в полноте вложили всё, что относится к вере — и не застывшего в признании установленного далёкими предками...» (Карсавин, Католичество, стр. 27—29).

«Уже в конце II века папа Виктор I потребовал от восточных церквей соблюдения римского обычая, и верность преданию апостолов, уверенность в первенстве своём в единой церкви Христовой стали отличительными чертами папского Рима... Наиболее авторитетным является предание, хранимое церквями апостольскими, в частности церковью первого апостола Петра, тем более, что именно представители кафедры Петра рано выделились среди прочих иерархов своею верностью самому принципу Предания» (Карсавин, там же, стр. 36, 37).

Глава вторая

ХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ И РАЗУМ

Человек отличается от животных и неодушевленных предметов тем, что в нём эти ступени бытия сочетаются с высшим, духовным началом, свободной и бессмертной душой, главные способности которой — разум и воля. Всё „вегетативное” обще у человека с растениями; всё „чувственное” (в широком смысле слова) обще у него с животными. Человек физически растёт подобно растениям. У него есть память, воображение, чувство страха или гнева, разные инстинкты; у животных тоже. Испытывать приятное ощущение, слушая музыку, может и собака и змея. Все животные переживают чувства симпатии или антипатии. Родительские инстинкты любви к детёнышам, привязанность к своему стаду, породе или стране и отвращение к „чужому”, инстинкт солидарности и самосохранения расы — явления встречающиеся в большей или меньшей степени во всём животном мире; в человеке они могут оставаться на ступени общего всем животным инстинкта, но могут тоже, под воздействием духа, перерождаться в более благородные реальности и из психо-физиологических явлений становиться факторами этического порядка.

Рассуждать, делать умозаключения, доказывать, свободно принимать решения — на это из всех видимых существ способен только человек; только он обладает разумом и волею. С другой стороны, в том же видимом мире тварей, один лишь человек способен иметь религию, познавать божественные истины и руководиться ими в жизни. Совпадение, конечно, не случайное: между явлениями постоянно сопровождающими друг друга, вместе появляющимися и вместе исчезающими, не может не существовать

глубокой связи.¹ Совпадение это приводит нас к следующему заключению: религиозные ценности, поскольку они доступны человеку, воспринимаются умом (разумом, мышлением) и волею: или, переходя от общего к частному, — правильное познание Церкви предполагает **искание истинной Церкви разумом**, данным человеку для восприятия истины, и **волею**, смиренно и искренно стремящейся к добру и склоняющей разум к покорности Божию разуму и к господству над чувствами. В распознавании истинной Церкви низшие способности души, чувства, память, воображение, могут, и до некоторой степени должны, участвовать, но только в роли **второстепенных** факторов, безусловно подчинённых разумно-волевому, духовному началу. Кто устанавливает своё отношение к Церкви, руководясь только чувством, эстетическими переживаниями, впечатлениями, настроениями, темпераментом, эмоциональностью, сословными или расовыми влечениями, тот только случайно может избежать заблуждения. Для людей, у которых чувство преобладает над умом, душевное над духовным, Церковь Христова непонятна, чужда, антипатична, недостижима, ибо буквально всё в ней предполагает господство духовного, разумно-волевого, начала над низшими жизненными силами. Закон иерархии ценностей обязателен как внутри самой Церкви, так и на пути к ней.

Но обратимся к Евангелию и Преданию.

Иисус Христос постоянно побуждал Своих учеников к исканию истины умом, мышлением, „пониманием”, „разумением”, рассудком; нигде в Евангелии не говорится, что „религиозное чувство” должно руководить нами при восприятии правды Божией.

Приведём несколько примеров из Евангелия от Матфея. Спаситель желал, чтобы его последователи были «*мужами благоразумными*»: *Всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю*

---

1. Могут возразить: «А сколько учёных оказываются атеистами». Ответ не труден. Во-первых, мы утверждаем связь религиозного уровня не с обособленным разумом, а с совместной и нераздельной деятельностью разума и воли, с гармоническим сочетанием устремлённости ума к полноте истины и воли — к бесконечному Добру, для достижения Которого они даны человеку. Во-вторых, разумность и односторонняя учёность вовсе не одно и то же; можно быть отличным ботаником и в то же время страдать полной атрофией разума в области этики или социологии. В-третьих, статистически доказано, что процент атеистов гораздо меньше среди великих учёных и изобретателей, чем среди недoucек и серой „культурной” массы. Наконец, не следует смешивать защищаемый нами интеллектуализм с рационализмом, о котором будем говорить ниже.

*мужу благоразумному, который построил дом свой на камне... А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному...» (7, 24-26). Христианину подобает быть не только простым, но и разумным, дабы не заблудиться среди лжеучений: *Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии...*» (10, 16). Христос жалуется на тех, кто слышит не слышат, и не понимают (13, 13). *К... неразумяющему приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его... Посеянное на доброй земле означает слышащего слово и понимающего... (13, 19-23). Слушайте и разумеете... Неужели и вы еще не разумеете? Еще ли не понимаете? (15, 10-16). Наибольшая заповедь в Законе...: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим (т. е., по толкованию отцов Церкви, — всею свободною волею), и всею душою твою, и всем разумением твоим (22, 37). Безумные и слепые... безумные и слепые (23, 17-19); таковы фарисеи, таковыми христиানে не должны быть. В притче о десяти девах Господь восхваляет мудрых дев и порицает «неразумных» (25).**

Указание на необходимость пользоваться разумом в религиозных исканиях мы находим и у других евангелистов. После Своего воскресения Христос *отверз им (ученикам) ум к разумению Писаний (Лк. 24, 45).*

Апостол Павел горько жалуется на то, что *нет разумевающего; никто не ищет Бога (Рим. 3, 11)*; другими словами, божественную истину следует искать разумом. Он же увещевает Ефесян: *Не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия (Ефес. 5, 17).* Он негодует на людей «обезумевших», «безрассудных», имеющих «неразумное сердце», не умеющих из факта существования видимого мира делать разумное умозаключение, что существует всемогущая Причина (Рим. 1, 20-31). Одного выражения «неразумное сердце» достаточно, чтобы опровергнуть столь распространённое в антикатолической протестантской литературе противопоставление «сердца», как органа религиозных переживаний, «разуму», будто бы непригодному для глубинной духовной жизни. Апостол уподобляет животным тех, кто ленился разумом искать Божию истину; то же уподобление мы встречаем в Ветхом Завете (напр., Исаия 11, 2; Пс. 31, 8). Апостол требует от христиан «разумного служения» Богу и «обновления ума» (Рим. 12, 1-2).

Воспитывая Своих апостолов и просвещая народ, Иисус Христос заставлял слушателей думать, соображать разумом,

здравым смыслом; одновременно с мышлением, Он развивал в них волю, решимость, приучая их к самоотречению и послушанию. В Евангелии нас везде поражает полное отсутствие сентиментализма, игры на настроениях и впечатлениях. Проповедь Христова не сопровождалась благолепием обстановки. Не было в ней тоже ничего митингового или патетического. Во Христе все чувства были настолько подчинены духу, что сторонники „религии чувства” могут только возмущаться. Двенадцатилетним отроком Иисус остаётся в храме, зная, конечно, какое огорчение Он причинит Своей Матери и Иосифу. *Господи, позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему (ученику): иди за Мной и предоставь мертвым погребать своих мертвецов (Мф. 8, 22). Я пришёл разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её... И враги человеку — домашние его (Мф. 10, 35-36).* Модернистически настроенным христианам мало понятно это безусловное подчинение чувства разуму просветлённому благодатию.

Спаситель вовсе не был бессердечен и не проповедывал какого-то христианского стоицизма. Беспредельная и святая нежность слышится в Его сравнении Самого Себя с птицей, собирающей птенцов своих под крылья. У гроба Лазаря Христос „прослезился”. Сердце Христово поистине достойно великого почитания. Но Христос учил **подчинять** „внутреннее чувство” воле Отца, познанной разумом. Если принять во внимание в учении Христа господство разумно-волевого начала над чувствами, тогда понятны и трогательные сцены из жизни Христа на земле и Его „бессердечное” отношение к близким; в противном же случае, всё Евангелие сводится к непримиримым противоречиям.

Согласно предсказанию пророка, во Христе благодать освящает не „религиозное чувство”, или какие-либо настроения, а духовные способности души, разум и волю: *И почитет на Нём Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия (Исаия 11, 2).* Все мы, христиане, должны подражать нашему Главе, Христу; поэтому мы должны стремиться к благодатному обожению ума, мышления последовательными соображениями.

Христос и Его апостолы осуждали не разумность, а превозношение грешного разума, благодатью не очищенного от **земных** помыслов, над **свободным ввысь устремлённым** человеческим мышлением: *Мудрость сего мира есть безумие перед Богом*

(1 Кор. 3, 19); и в этом смысле надо понимать Апостола: *Будь безумным, чтобы быть мудрым* (там же, ст. 18).

Христовым интеллектуализмом проникнуты все наши богослужебные книги. В них нет и следа сентиментализма и „религиозного чувства”. Зато совсем определённо спасение в них ставится в тесную связь с работою ищущего разума. В литургии св. Иоанна Златоуста мы читаем, например: «...создавший человека по образу Твоему и подобию..., давая просящему премудрость и разум...» (Молитва трисвятого пения); «...мысленные наши отверзи очи во евангельских Твоих проповеданий разумение» (Мол. перед Еванг.); «Даруй же Боже, и молящимся с нами преспеяние жития и веры и разума духовного» (Мол. верных вторая).

Отцы Церкви также настаивали на строгом подчинении всех душевных способностей разуму и воле.

«Человек, свергший с себя власть разума, делается каким-то чудовищем».¹

«Душа, не управляемая разумом, постепенно погружаясь, падает ниже и ниже».²

«Души кротких исполняются разума; а гневливый ум — сожигатель тьмы и неразумия... В совершенных рассуждение есть находящийся в них духовный разум, дарованный божественным просвещением... Убиение души есть умерщвление словесного (по греч. — логикэ, «логического») ума... Рассуждение есть светильник во тьме, возвращение заблудших на правый путь, просвещение слепотствующих. Рассудительный муж есть истребитель болезни (духовной)». Так выражается св. Иоанн Лествичник.³

«Ты получил разумную душу — пишет св. Василий Вел. — **кото-рою уразумеваешь Бога**, проникаешь рассудком в природу сущего, пожинаешь сладчайший плод мудрости... Внемли себе и знай, что одно в душе разумное и духовное, другое — страстное и неразумное, и что первому по природе принадлежит господство, а прочему — повиненке и послушание разуму... Приличное виталище устроил разумной душе наилучший Художник». И в другом месте: «Весьма

1. Св. Иоанн Златоуст, Бес. II на Ев. Иоан. Изд. С.П.Б. Дух. Акад., 1914, т. VIII, кн. I, стр. 21.

2. Творения св. Григория Богослова, ч. V. Москва, 1847, стр. 123.

3. Лествица. Изд. Оптиной Пустыни, 1898, стр. 158, 175, 177, 200.

полезна раздражительность, когда она, как пёс за пастухом, следуя за рассудком, остаётся кроткою и послушною..., скоро бежит на зов рассудка, но приходит в свирепость от чужого голоса и взора...» И ещё: «Чем отличен от бессловесных ты, человек? Не даром ли разума, который получил от своего Творца?» «Тело не получило на свою долю рассудка, чтобы преимуществом разума почтена была душа».¹

Св. Иоанн Дамаскин проводит следующий взгляд: «Познание есть свет разумной души». Кто предаётся впечатлениям чувства, тот «хуже животных». «Нет ничего более ценного, чем познание, ибо познание есть свет разумной души. Наоборот, незнание есть тьма. Как лишение света есть тьма, так и отсутствие познания есть помрачение разума. Неразумным существам свойственно незнание, разумным — познание... Христос есть ипостасная мудрость и истина, *в нем же вся сокровища разума сокровенна* (Колос. 2, 3)... Будем искать, исследовать, высматривать, спрашивать... Будем исследовать также и учения языческих мудрецов. Может быть и у них мы найдём что-либо пригодное... Философия есть уподобление Богу».² «Подобна Богу разумная природа, постигаемая только умом... Из земли Он (Бог) образовал тело человека, душу же разумную и мыслящую дал ему Своим вдунуением. Это мы и называем образом Божиим... Душа есть сущность... бессмертная, одарённая разумом и умом... Мы утверждаем, что свобода связана с разумом... Разумному существу с необходимостью усваивается и свобода, ибо оно или не будет разумным, или, если разумно, то будет господином своих действий и свободным... Ангелы, как существа разумные, свободны».³

«Кто хочет христианскую жизнь с великою точностью вести в совершенстве, — писал один древний подвижник, — тот обязан всеми силами позаботиться прежде всего о смысле и о рассудке души, чтобы, приобретши способность в точности различать доброе и худое, и во всяком случае распознавая, что в чистую природу призвонило несвойственного ей, жить нам правильно и непреткновенно, и чтобы, пользуясь рассудком как глазом, быть нам в состоянии не сдружаться и не входить в согласие с внушениями порока, а через это, сподобившись Божественного дара, соделаться достойными Господа. Возьмём же пример с видимого; потому что есть сходство между

1. Творения св. Василия В., Изд. Моск. Дух. Акад., IV, 1892, стр. 41, 43, 161, 227, 358.

2. О познании, Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина, т. I, СПб, изд. Импер. СПб Дух. Академии, 1913, стр. 49-51.

3. Точное изложение Православной Веры, там же, стр. 212, 213, 232, 233.

телом и душою. Тело имеет своим путеводителем глаз, и он видит, и всё тело ведёт надлежащим путём... Подобным образом и душа,— нося на себе, как бы прекрасный хитон, одежду тела, и имея у себя рассудок, который даёт направление всей душе с телом, когда проходит она по лесистым и тернистым стезям жизни, среди тины, огня, стремнин, т. е. вожделий и удовольствий и прочих несообразностей века сего,— должна с трезвением, мужеством, рачительностью и внимательностью везде сдерживать и оберегать себя... Душа... смыслённостью и рассудительностью своей воли... будет охраняема...»¹

По свидетельству св. Григория Нисского, «...ум есть способность в человеке божественная и священная, дар превосходнейший..., свойство драгоценнейшее... Посему-то человек и называется созданным по образу Божию... Бог, обладая Сам всеобъемлющим умом, частицу сего ума уделил и нам, особенно для того, дабы мы размышляли о Нем... Человек — разумное животное».²

«Обидно для разума, если станешь его подчинять неразумному... **Разумной части души свойственно упражняться в познании Бога**».³

«Естественно предписывать закон существам разумным; ибо жить без закона свойственно бессловесным».⁴

«Светильником всей своей жизни признавай разум».⁵

Св. Афанасий Великий отмечает, что псалмопевец „скотами называет неразумных в Церкви».⁶

Конечно, Бог — существо бесконечно совершенное и потому лишь в очень относительном смысле и в сравнительно бесконечно малой степени может быть постигнут существом ограниченным человеческим разумом. Даже для ума обоженного благодатью познание Бога — частично и беспредельно слабо. В этом смысле отцы Церкви и католические богословы говорят о „непостижимости”

1. Духов. Беседы св. Макария Египетского. Изд. Москов. Духов. Академии, 1904. Бес. IV, стр. 22-24.

2. Слово против тех, кои не любят обличений, в «Христианском Чтении», С.П.Б., изд. Правосл. Дух. Академии, 1836, ч. I, стр. 113.

3. Преп. Фалассий, Мысли, в «Христианском Чтении», 1822, ч. VI, стр. 265 и 270.

4. Св. Кирилл Алек., О волеочеловечении Господа, в «Христианском Чтении», 1847, ч. III, стр. 170.

5. Св. Григорий Богослов, Творения. Москва, 1847, V, стр. 210.

6. Творения, Св. Троицкая Лавра, 1903, ч. IV, стр. 344.

2* Церковь Богочеловека

Бога. Но этим они вовсе не хотят сказать, что то малое, что мы можем утверждать о Боге, постигается не разумом, а чувством или настроением. И хотя Бог в Своей безотносительной сущности непостижим для человека, пути, ведущие к Богу и истине, постигаются чистой, любящей душой, её высшей духовно-разумной стороной, умом, а не чувством; вот на чём так настаивают отцы Церкви.

Евангельское и святоотеческое учение о существенной роли разума в религии отчасти пришло в забвение; особенно жестокий удар был ему нанесён теориями Канта, Якоби, Шлейермахера. Модернизм последних десятилетий тоже причинил много зла. Иные современные протестантствующие мыслители защищают теорию „иррациональности” духовных ценностей, диаметрально противоположную древне-православному преданию. Это отступление от христианского интеллектуализма, хотя и не касается непосредственно христологических догматов; всё же крайне пагубно, так как нет той ереси, которой нельзя было бы оправдать: стоит только показать, что она „иррациональна”, т. е. не обоснована!

Иисус Христос непрерывно живёт в Церкви Своей, оживляет её, руководит ею. Его „психология” есть в то же время и „психология” Церкви. В Церкви всё подчинено божественным истинам и благодати через подчинение всего разумно-волевому началу, а этого последнего — благодати. Нет в богоданном домостроительстве Церкви ничего бесцельного, иррационального, неумного. Всё установленное в ней Спасителем разумно, последовательно, целесообразно. Если, по учению свв. отцов, человеческий разум есть образ и отражение божественного разума, то тем более разумность Церкви является „иконой”, отражением Божией Премудрости. Духовные высоты Церкви **сверхрациональны** по отношению к нашему ограниченному мышлению, это правда; но они ни в коем случае **не иррациональны**, не противоречивы по отношению к хотя бы самым слабым и отдалённым отблескам Божиего разума в мире тварей.

Итак, и требования естественной психологии, и Евангелие, и Предание, и факт отражения предвечной Христовой Мудрости в строе Церкви — всё указывает на единственный правильный подход к познанию истинной Церкви Христовой: искать подлинную Церковь надо так же, как надо любить Бога, т. е. всюю душою, всем

сердцем, под безусловным руководством благодати, со стороны Бога, и разумно-волевого начала, со стороны ищущего. Надо вдуматься в великие основные истины религии, в пути Провидения; надо иметь в виду, что Господь, пожелавший спасти людей через Свою Церковь, не мог не наделить её общепонятными, „разумными” признаками, по которым всякий искренно ищущий человек, даже неспособный или не имеющий физической возможности разбираться в догматических спорах, мог бы с уверенностью отличить истинную Церковь Христову от других церквей.

Католические богословы **отличают** природный разум от благодатного сверхприродного „света разума”, озарений превышающих естественные способности разумной души. Но из этого вовсе не следует, что они **отделяют** или отдаляют разум от сверхприродного света. Наоборот, они из самой природы сотворённого человеческого разума заключают, что он безусловно ограничен и потому для высших духовных достижений нуждается в помощи свыше. Воинствующие безбожники постоянно нападают на св. Фому Аквината и называют его „величайшим мракобесом” именно потому, что он, как никто другой, чётко отличал природный свет разума от благодатного света и рационально доказал, что христианская религия не „иррациональна”, то-есть не „глупа”, как утверждают все безбожники.

Из только что сказанного видно, как глубоко ошибаются те не-католические богословы, которые возводят на св. Фому тяжкое обвинение, будто он „породил современное безверие”; они рассуждают так: Аквинат **различал** разум от веры, значит он **отдалил** разум от истин веры, что и повело к безверию. Обвинение это крайне несостоятельно и легкомысленно. Следуя странной логике этих обвинителей св. Фомы, надо признать само Евангелие, да и вообще всё христианство, источником безверия: Евангелие определённо отличает человека от Бога, значит оно отдаляет от Него!

Разум Божий и разум человеческий не противоречивы по существу: не искажённый посторонними влияниями, в особенности влиянием страстей, **разум человеческий есть отражение Божиего разума.** Нет двух истин: какое-нибудь утверждение есть или объективная правда, и тогда оно есть правда для Бога и должно быть признано за правду и человеком: или же это утверждение есть ложь в глазах Божиих, и тогда оно не должно

не быть ложью для человека. Дважды два — четыре — есть истина и, как всякая истина, имеет своё основание в самой сущности Божества; потому оно есть вообще истина. Вне Божией истины и разумности всё только сплошное безумие. Однако из онтологического тождества объективной истины с самой собой не вытекает конкретная идентичность познающих ипостасных разумов; в этом смысле, конечно, разум Ивана или Павла не совпадает с разумом Божиим, не идентичен ему. И наоборот: из „неидентичности” познающих разумных особей и из факта, что разум Божий бесконечен, а разум человеческий — ограничен, ничуть не следует будто данные человеческого разума не годятся для познания истинной Церкви.

Чтобы не ошибиться в поисках божественной истины, разум должен идти заодно с искренним желанием **познать и исполнить** правду, с незапятнанной волей, свободной от всякого тяготения к земному, от всякого себялюбия, индивидуального или собирательного, сословного, профессионального или расового. Не достаточно не желать нравственного зла; надо положительно желать добра, *да исполнится воля Твоя* во всём; ради вечных истин религии, надо быть готовым на любую жертву. Только при такой чистоте намерений, только при самоотверженной устремлённости „всей души” ввысь, разум человеческий может постигнуть истину единой Церкви Христовой. Путь этот есть та узкая тернистая стезя, которая одна ведёт к спасению. Путь этот часто приводит к желанной цели только в жизни вечной; это обычная участь христиан родившихся и воспитанных в предубеждениях против истинной Церкви, но заблуждавшихся *bona fide*, не совершив греха сознательного уклонения от истины. Но, в конечном итоге, путь искания истинной религии „всею душою” есть единственный верный; он обязателен для всех.

Этим морально-аскетическим элементом святоотеческий и католический интеллектуализм отличается от рационализма вольнодумцев. Разница огромная, существенная. Христианский интеллектуалист верит в догматы; он знает, что тайны бесконечного бытия Божиего **превосходят человеческий разум, но не противоречат ему**; подчиняя свой ограниченный разум бесконечному Разуму, учащему через разумом постигаемую **истинную Церковь**, он поступает весьма разумно. Рационалист проявляет радикальное **безумие** тем, что он, вопреки элементарной логике,

бессмысленно **отрицает** всё, что не вмещается непосредственно в его личном понимании, и **всякий авторитет**. Смирение подлинного христианского интеллектуалиста беспредельно расширяет его понимание религиозных истин; рационалист, в своей безумной гордости, способен только суживать свой уместный кругозор. Рационализм есть самоубийство разума. Христианский интеллектуалист уповает на помощь **благодати**, просвещающей его разум, он подчиняет разум благодати; рационалист ставит свой разум выше Бога и в своём безумии отрицает благодать и основное требование разума. Весьма прискорбно, что наши модернисты сплоснь и рядом смешивают эти два существенно различных понятия и, вследствие этого, из похвального отвращения к всеразрушающему рационализму, порывают с евангельскими основами богопознания и критериологией свв. отцов.

Таким образом, вопрос о познании истинной Церкви существенно связан с вопросом о сущности духовного совершенства. Можно быть хорошим математиком независимо от своего морального уровня. Но для надлежащего познания, в особенности — признания, истинной Церкви, первое и основное условие — нравственная прямота. Нужно великое смирение, **отсутствие всякой гордости**, не только индивидуальной, но, что гораздо труднее, и собирательной, национальной, например, столь легко вкрадывающейся даже в благородные порывы патриотизма. Только „чистые сердцем“, духовно свободные, подчинятся благодати, узрят Бога и Его Церковь. Надо любить Бога превыше всего, а всё остальное только в Нём и ради Него. Церковь есть не что иное, как величайшее явление в мире премудрой любви Бога к людям; а божественную любовь может постигнуть только любящий „всею душою, всем сердцем и всем разумением“. Благодать познания истинной Церкви как таковой даётся только тому, кто ищет Церковь со смирением и любовью.

Как известно из Символа веры, Церковь есть предмет веры, т. е. восприятия покорным Богу умом, под воздействием благодати, истин непосредственно недостижимых для ограниченного человеческого разума. Это касается внутренней сверхприродной стороны Церкви. Но Церковь есть в то же время Богом установленное видимое человеческое объединение, или общество, по любви Божией к людям — общедоступное, приуроченное ко всем здоровым требованиям человеческой разумно-волевой природы; рассмат-

риваемая именно с этой стороны, Церковь есть предмет искания и понимания природным разумом. Церковь, будучи телом Христовым и Невестой Христовой, подобна Главе и Жениху; а Иисус Христос в Своей Божеской природе с самого начала был предметом веры, в Своей же человеческой природе и жизни был предметом естественного человеческого познания, как любой человек.

Из того, что истинность Церкви познаётся разумом, впрочем, не следует, что наше отношение к ней должно быть чем-то сухим, отвлечённым, Нет, Церковь, как и её Главу Христа, надо любить всеми способностями своей души, но под водительством озарённого свыше разума. Искренно ищущим истинную Церковь Господь умножает веру.

Иные противопоставляют разуму рассудок, как особую силу или способность души; они признают значение разума в религии и в познании истинной Церкви, но рассудок считают тут непригодным. Но, как видно из Св. Писания и творений отцов Церкви (напр. св. Иоанна Дамаскина), рассудок есть тот же самый разум, поскольку он „работает“, думает, размышляет, соображает, ищет, проверяет, делает логические выводы, например, из наблюдаемого в мироздании заключает, что Бог существует и сотворил мир (Рим. 1, 20). Исключать из разума рассудок, делать его „безрассудным“, это то же, что сводить его к опасному уровню слёпого чувства, превращать его в источник неизбежных заблуждений.

Другие предпочитают говорить о сердце, как „органе“ духовных познаний. Но, по справедливому замечанию еп. Феофана Затворника, сердце должно почитаться „корнем существа человеческого, фокусом всех его сил духовных, душевных и животного-телесных“.¹ Сердце — очаг и добра и зла, правды и лжи (Ср. Рим. гл. 1). Оно только тогда служит познанию истинной Церкви, когда в нём просветлённое благодатью духовное, разумно-волевое начало господствует над слепым чувством, животное-телесными инстинктами, симпатиями, настроениями. По этому поводу тот же самый великий русский духовный писатель выражается так: «Если что нужно чувствовать сердцу, пусть оно чувствует под влиянием представлений ума, а не само по себе, как бы забегая вперёд; иначе оно опять заставит разум представлять вещи по

1. Начертание Христианского Нравоучения, изд. второе, стр. 306.

своему, опять подчинит его себе, опять внесёт беспорядок в понятия... ещё в большее повергнет ослепление».¹

Иногда говорят, что истинная Церковь познаётся личным „религиозным опытом”, „опытом сердца”. Конечно, правду надо испытать на себе, жизненно воспринять всем своим существом. Но религиозный опыт открывает истину лишь постольку, поскольку он образуется под воздействием разума, в свою очередь направляемого высокой нравственной чистотой — смирением, самоотверженностью, любовью к истине, чуткостью к призывам благодати, покорностью ей.

Отметим ещё, что русские православные подвижники благочестия прекрасно понимали, какую огромную роль разум играет в христианской религии. Вот что мы читаем в письмах знаменитого оптинского старца Макария: «Человек одарён от Бога разумом и свободною волею в избрании лучшего...; когда наше произволение, разумом управляемое, желает доброго..., то сие угодно Богу». «Мы одарены от Бога разумом и волею свободною, и ограждены святейшим Его законом; оными душевными силами нашими должны мы избирать и следовать закону Божию». «Надобно просить разумления и помощи Божией, и предаваться в Его святую волю, а не следовать влечениям своего сердца».² «Предмет познаний разума есть верховное Существо — Бог, с бесконечными Своими совершенствами, и божественный вечный порядок вещей... Разум в истинном своём виде есть созерцатель таинств Божества, духа и мира вещественного»; так выражался уже известный нам подвижник, еп. Феофан Затворник.³ Знаменитый затворник Георгий пишет: «Веровать и не веровать зависит от разума и произволения»⁴.

ПРИЛОЖЕНИЯ. I. Ещё со времён Феофана Прокоповича в наших антикатолических, протестантизмом пропитанных, кругах принято всячески поносить католическую схоластику — „сухую”, „мертвящую”, „никому не нужную”, „воняющую” (выражение Хомякова) и т. д. Схоластика, как всякая философская система, имела свои пробелы и эпохи упадка. Но не следует закрывать глаза на ту

1. Путь ко спасению, изд. четвёртое, стр. 137.

2. Собрание писем, изд. Оптиной пустыни, Москва, 1862, стр. 97, 118, 366.

3. Начертание Христианского Нравоучения, издание второе, Москва, 1895, стр. 214.

4. Письма затворника Георгия, Москва, 1944, I, стр. 404.

огромную положительную роль, которую она сыграла в развитии христианской культуры и вообще цивилизации. Не надо забывать, что первым типичным „сухим“ схоластиком был такой столп восточного православия как св. Иоанн Дамаскин. „Сухость“ схоластики сводится в конце концов к точному, ясному определению и разграничению понятий, к умению последовательно рассуждать и не „путать“, то-есть как раз к тому, чего так недостаёт современному антикатолическому богословствованию, именно вследствие этого недостатка, так бесплодному. Схоластика воспитала европейские народы, приучила их мыслить и создала подходящую среду для развития всех отраслей человеческих наук. Схоластика своею „сухостью“, то-есть необходимой для честного искания истины независимостью от страстей и влечений, немало способствовала выяснению важных спорных вопросов христианского учения; злоупотребления ею тут не при чём, мы говорим о нормальном применении схоластики. Впрочем, не надо думать, что богословы-схоластики были чёрствые, бессердечные люди; именно познание истины с помощью схоластического ясного различения понятий способствовало развитию в них восторженной любви к Богу и к ближнему, привели их к мистическим высям. Сколько религиозного горения, благочестивого восторга и даже поэтической картинности, например, в богословских трактатах средневековых схоластиков об отношении таинственного Тела Христова, то-есть Церкви, к Пресвятой Евхаристии! Как жаль, что весь этот огромный мир, эта обширнейшая духовная литература, созданная схоластиками, почти совсем неизвестна православным.

Очень крупный русский учёный, проф. Н. С. Суворов, пишет о схоластиках: «Есть несомненные доказательства того, что сочинения западных схоластиков переводились на греческий язык. Наконец, поучительная история составления первых катехизисов в России Зизанием, Мелетием Смотрицким и Петром Могиллой не указывает ли на то, что и вообще учение о Церкви стало принимать у нас более или менее определённые черты только благодаря влиянию Запада? Церковный историк-протестант, следовательно человек, которого нельзя заподозрить в пристрастных симпатиях к средневековым католическим схоластикам, Герцог, признаётся, что глубже и глубже проникающая богословская наука опять возвращается к многим вопросам схоластики, которые устранены были новейшею мудростью, как бесполезные subtilities, и припоминает при этом слова Землера: „Бедные схоластики попали уже в слишком большое презрение,

и часто у таких людей, которые не годились бы и в переписчики к ним" (II, стр. 199). Так рассуждает о схоластиках протестантский богослов. Для русских богословов эта точка зрения не только лична, но и обязательна. Пока не изучены средневековые теологи и философы, русская наука никогда не будет чувствовать под собою твёрдой почвы, целая половина православно-догматических систем будет висеть на воздухе». (Н. Суворов. К вопросу о тайной исповеди, изд. второе, Москва, 1906, стр. 167).

Заметим кстати, что для католиков схоластика авторитетна лишь в своих бесспорных научных достижениях. У нас допускаются и другие философские системы, поскольку они, конечно, не расходятся с основными положениями христианского учения.

II. «Католическая Церковь, допуская частичное познание Божества и религиозных истин слабыми силами человеческого разума, решительно отгораживается от всякого агностицизма и, в частности, от вышедших из самого католичества модернистов, утверждавших, что разум не может возвыситься до Бога и познать Его бытие чрез Его создания и что Бог никоим образом не может быть предметом науки. Этим устраняется опасность отрицательного отношения к положительному содержанию богословия и следовательно разрушение всей религиозной системы христианства, равно как и другая, не меньшая — опасность сведения всех истин богословия к индивидуальному мистическому опыту. Этим же оправдывается и утверждается естественное богословие, научное исследование истин веры. Но, с другой стороны, утверждая невозможность для человеческого разума собственными силами постичь всю религиозную истину, католичество выдвигает необходимость откровенного богословия, т. е. богословия, покоящегося на сверхъестественном откровении. Только благодаря сверхъестественному откровению могут быть познаны или узнаны неисследимые для разума истины религии. На откровенных истинах и покоится всё учение Церкви и в признании их верующими и заключается одна из сторон единства Тела Христова». Так рассуждает один из наиболее выдающихся русских мыслителей, Л. Карсавин (Католичество, Петроград, 1918, стр. 24).

Глава третья

ВТОРОПРИЧИНЫ

В видимом мире Бог всё созидает и всем правит при посредстве Своих же тварей. **Несотворённая предвечная невидимая Первопричина действует через сотворённые видимые причины, через «второпричины».** Второпричины — орудия всемогущей Первопричины, Бога.

Поясним эту истину примерами.

Каменный уголь не сотворён непосредственно Божиим всемогуществом; он образовался в течение тысячелетий под воздействием множества сотворённых причин: растительности, солнечной энергии, атмосферных осадков, геологического давления и проч. Дождь и снег не производятся Творцом без участия соответствующих физических факторов — температуры, влажности и т. п.

Возьмите любой цветок, отражающий величие Творца: он создан Богом при „содействии” всей природы, через действительную причинность определённого растения, которое в свою очередь имеет непосредственной причиной — зёрнышко; об этом последнем следует сказать то же самое. Так мы можем дойти, следуя веренице причинностей, до того момента, когда Господь создал из ничего первые твари-причины.

Ещё нагляднее, ещё величественнее проявляется Божие всемогущество в создании животного мира. Сотни миллиардов всевозможных животных населяют земной шар; и ни одно из них не сотворено только непосредственным действием Первопричины, без причинного воздействия соответствующих видимых факторов.

Чем совершеннее какое-либо видимое существо, тем определённое становится разбираемый нами закон. На земном шаре нет того человека, который перешёл бы из небытия в бытие без

причинной зависимости от подобных ему тварей, не считая бесконечных и сложных действительных влияний на его физическое и духовное развитие со стороны окружающей видимой среды. Не только тело, но и душа человеческая, волею Творца, растёт в своих способностях, крепнет и развивается под неустанным воздействием множества посылаемых Провидением «второпричин».

Сказанное верно не только в жизни каждой отдельной личности, но и в зарождении и развитии всех без исключения общественных группировок: семьи, общины, государства, международных объединений.

Конечно, среди воздействий, которые отдельный человек и общество испытывают со стороны других однородных или разнородных факторов мироздания, есть много нежелательного, отрицательного, пагубного. Но это доказывает только, что человек не должен поддаваться слепо и без разбора всем окружающим его влияниям. Он сам и те, кто, по воле Провидения, над ним поставлен, должны, следуя голосу разума и совести, сознательно относиться к действующим на них сотворённым причинам, считаться с их богоустановленной иерархией, устранять все отрицательные влияния и искать волю Божию во всём. Но из-за возможных во всём человеческом злоупотреблений, не следует забывать великие основные нормы духовного благосостояния. Наличие относительно вредных, неуместных второпричин (абсолютно вредные второпричины немислимы) не уничтожает универсального закона, в силу которого Господне Провидение ведёт людей к конечной цели их существования через посредство всего сотворённого, в особенности — через других людей. Многие родители недостойны и плохо воспитывают своих детей; оттого не меняется предвечный Божий закон, в силу которого люди должны воспитываться при посредстве подобающей естественной второпричины — родителей.

Закон воздействия Первопричины на человека посредством созданных её всемогуществом второпричин — **безусловен и универсален**. Нет того мгновения в жизни человека или того уголка в сфере его помышлений или деятельности, которые могли бы безнаказанно ускользнуть от этого божественного закона; говорю — безнаказанно, ибо фактически человек слишком часто отвергает нужные, но не всегда приятные, воздействия орудий Божьего Провидения.

Этот же закон должен осуществляться и в Церкви Христовой на земле. Действительно, исключение видимой Церкви из общего правила, из постоянного и универсального закона, данного Творцом для всего видимого мира, мыслимо или в силу внутреннего **противоречия** между этим законом и теми началами, которые лежат в основе церковного строительства, или в силу положительного **волеизъявления** Христа, основателя Церкви. Но никакого внутреннего противоречия между нормами исходящими от одной и той же Божией Премудрости быть не может; Божие домостроительство Церкви не противоречит Божию миростроению, а освящает, облагораживает и завершает его. С другой стороны, в Евангелии и Предании мы не находим никаких следов заповедей о недопустимости в жизни Церкви норм второпричинности; наоборот, указанный закон нашёл полное применение в подвиге Искупления и в устроении Церкви Спасителем. Читая Евангелие, не трудно удостовериться в том, что Господь осуждал только всё греховное, но отнюдь не отвергал обычных путей Провидения и требований естественного нравственного закона, вытекающего из созданной Богом природы человека. Напротив, во всей «икономии» спасения и во всех установлениях Христовых мы наблюдаем **максимальное** осуществление закона второпричинности.

Бог спас род человеческий при посредстве сотворённой, человеческой природы Господа нашего Иисуса Христа. Спасение могло бы совершиться одним решением воли Божией; познание его людьми могло бы осуществиться путём непосредственного благодатного откровения в душе каждого христианина. Однако Божия Премудрость решила обеспечить людям спасение способом более подходящим к их природе; искупление, от начала до конца, свершилось при действительном участии сотворённой, видимой, человеческой второпричины; орудием Божиего милосердия к людям был Человек, подобный им во всём, кроме греха.

Бог-Слово мог бы воплотиться в непосредственно созданное Им человеческое тело зрелого возраста. Но опять-таки Он предпочёл путь второпричинности: Пресвятая Дева была призвана стать „причиною“ Спасителя в его человеческой природе.

Господь, в лице волхвов, призвал язычников поклониться „явленному“ Спасителю: для этого Он воспользовался, как орудием, Своими творениями, в частности — звездой.

Прод намеревался убить новорождённого Иисуса; Господь спас Младенца, избрав для этого, в качестве „второпричин“, ангела и св. Иосифа.

Спаситель „возрастал и укреплялся духом“ — под воздействием Пресв. Девы и св. Иосифа.

Настало время открытой проповеднической деятельности, время поучений, апостольских трудов и чудес. Нравственный закон, проповедуемый Иисусом Христом, подтверждает, между прочим, ветхозаветную заповедь почитания отца и матери, как орудий Провидения. Все заповеди Христовы сводятся к заповеди любви к Богу и к ближнему: по воле Спасителя, мы должны быть, по отношению к ближнему, орудиями Божией любви к нему.

В чудесах Господних „орудийность“ также играет существенную роль. Иисус Христос, совершая чудеса, пользуется при этом разными материальными действиями или предметами: соприкосновением, громким воззванием, слюною. Для прокормления многочисленной толпы, Он делает великое чудо умножения хлебов, употребляя при этом уже существующих пять хлебов.

Дело Искупления Бог-Первопричина завершает посредством страстей Господних.

Общественная деятельность Спасителя сводилась, главным образом, к обучению и воспитанию учеников, „двенадцати“, первых иерархов Церкви. Они были Его неотлучными спутниками: с неисчерпаемым терпением Он их наставлял, исправлял, ободрял. Им же наконец, в силу данной Ему «всякой власти», Он сообщил величайшие полномочия — учить все народы, отпускать или задерживать грехи, совершать таинства, заменять Его. Другими словами, Иисус Христос установил иерархию, чтобы она до скончания веков была „второпричиною“ спасения людей. Быть судьями веры, учить все народы, Он поручил не всей массе Своих последователей, а одной только второпричине — иерархии апостолов, на которой лежит великая обязанность определять догматический смысл неизменных истин христианства. Этой же иерархии дана власть пасти народ, разрешать все церковные вопросы, устанавливать каноны, освящать верующих благодатью таинств.

Из всех даров, какими Господь облагодетельствовал человечество, наиболее возвышенный — благодать, которая нас делает *причастниками Божеского естества* (2 Петр. 1, 4); сверхприродный дар благодати сообщает нам, в некотором смысле, участие в жизни Пресв. Троицы. Казалось бы, тут уже нет места ни для каких посредников или земных

орудий. Но Господь подчинил даже освящение людей благодатью всё тому же универсальному закону второпричинности. В крещении Бог дарит крещаемому благодать сверхприродного усыновления через крестящего, воду, особое призывание Пресв. Троицы. В миропомазании Бог даёт укрепляющую благодать и зачисляет нас в воинство Христово при посредстве совершителя этого таинства и особого обряда. В таинстве покаяния Господь касается глубинных тайников человеческой совести и перерождает душу при содействии священника, в свою очередь получившего в таинстве священства надлежащую власть от другой второпричины, епископа. Непосредственное единение со Христом в таинстве Евхаристии совершается не без действительного участия служителей алтаря и не без обрядов над видимым веществом, хлебом и вином. Именно в таинствах второпричинность принимает характер чего-то особенно необходимого, существенного, святого.

«Благая Весть» дана людям через людей же — евангелистов и авторов посланий. Откровение сообщается нам также через другую второпричину — Св. Предание.

Итак, с какой стороны мы бы ни подходили к вопросу о взаимоотношениях между Спасителем и спасаемыми, мы **всегда и везде наблюдаем одно и то же явление или правило: всё в Церкви совершается Богом при посредстве видимых человеческих действительных начал, которые мы назвали второпричинами.**

Сказанное верно не только относительно отдельных факторов и моментов в жизни Церкви; оно верно также, в силу универсальности разбираемого нами явления, и в отношении самой Церкви, как таковой. Земная Церковь не есть Бог, не есть благодать: она есть орудие Бога, проводник благодати. Кроме невидимой стороны Церкви, благодатного союза спасённых в безмятежной любви Царствия Божия, есть ещё видимая земная сторона: «эмпирическая» Церковь, основанная Спасителем для того, чтобы служить необходимою второпричиною постепенного приобщения нас к жизни во Христе. Из забвения этой важной истины проистекает множество грубых и опасных заблуждений и ересей. Правда, что Церковь есть соборное и благодатное Тело Христово, что Христос есть Глава Церкви, что Дух Св. даёт жизнь Церкви, что Бога надо почитать в духе и истине. Но всё это не только не исключает, но даже

безусловно **предполагает** второпричины, посредством которых Господь **ведёт** нас к этой невидимой, чисто духовной жизни во Христе. Христианин достигает благодатного единения с Христом-Главою в той мере, в какой он принадлежит к истинной Христовой Церкви. Путь к Церкви, как к невидимому Царству Небесному — через Церковь, как видимое иерархическое общество.

Из всего сказанного явствует, насколько важно правильно разрешить вопросы: Где та безусловно необходимая в видимой Церкви человеческая второпричина, объединяющая и обучающая верующий церковный народ? И через какое видимое орудие Иисус Христос утверждает в вере иерархию, с которой он пребудет до скончания века (Мф. 28, 18-20)?

Отрицать наличие в Церкви особого постоянного видимого установления, посредством которого Христос-Глава объединяет иерархию и верующих, равносильно допущению в деле Христовом вопиющего **пробела**, искажения, чуждой Божиим делам незаконченности. Спаситель действовал с божественной разумностью и последовательностью; для **всех** существенных функций Церкви Он установил соответствующие орудия, второпричины; для постоянного объединения верующих и пастырей Церкви Он установил особый орган, общедоступный и снабжённый подобающими полномочиями. Истинная Христова безошибочная Церковь, лишённая видимой второпричины, или органа, безошибочности — немыслима.

Богоустановленность этого органа обыкновенно оспаривается следующим соображением: Христос единственный Глава, Он Сам объединяет всю Церковь. Это вполне верно. Но из главенства Христа в Церкви ведь вовсе не следует, что Христос не может объединять Церковь через Им же установленный особый видимый орган церковного строительства. К тому же, если бы главенство Христа исключало второпричину единения архипастырей Церкви, то на том же основании пришлось бы исключить весь епископат, священников и вообще всякую второпричину: ведь Иисус Христос есть Глава не только всей Церкви, но и каждой епархии, каждого прихода, каждого монастыря, каждой семьи, каждого христианина; пришлось бы отвергнуть все писания отцов Церкви и все постановления вселенских соборов: Христос — наш единственный Учитель и Наставник; пришлось бы отбросить целиком всё Св. Писание, так как оно написано хотя и Богом, но при посредстве людей. Одно из двух: или второпричинность в Церкви допустима, и тогда возра-

жение против папства и иерархии, выводимое из главенства Христа в Церкви, теряет всякий смысл; или же она не допустима, и в этом случае Церковь превращается в „чисто духовный” сектантский коллектив, без иерархии, без таинств, без обрядов, без храмов, без Св. Писания; такая „чисто духовная” Церковь по необходимости является безжизненной отвлечённо-абстрактной идеей, логической фикцией: в сложном, духовно-телесном существе, каким является человек, всякая духовная реальность, лишённая „телесного” выражения, неизбежно вырождается в чисто теоретическое, отвлечённое построение.

Иные возражают: „Христу не нужна ничья помощь в управлении Церковью, Он всемогущ”. Никто в этом не сомневается. Но Господь ведь может действовать в мире через второпричины и по другим побуждениям, например, чтобы постоянное видение Первопричины не лишило человека возможности вполне свободно искать и постигать Творца; без второпричин люди были бы в постоянном непосредственном соприкосновении с бесконечным Добром, вера была бы невозможной, всё существование человека на земле не имело бы цели. Оттого „теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло” второпричин (1 Кор. 13, 12). А всемогущество Бога не только не умаляется от наличия второпричин, но, наоборот, ещё более выявляется; создавать причины больше, чем создать только последствия.

Господь без сомнения установил единую верховную второпричину объединения пастырей и верующих, главным образом, по той же побудительной причине, по какой Он воплотился. Причина эта — беспредельная любовь к людям, нисходящая до крайних пределов восприятия человеческой природы.

Факт всеобщего и исчерпывающего воздействия Бога на Церковь, и в Церкви — на все её движущие силы, через средство **законченной** иерархии видимых второпричин или орудий, этот факт наглядно обнаруживает глубокую внутреннюю разницу между богоустановленным строем Церкви и протестантским понятием о ней. Чем совершеннее какая-либо реальность на земле, тем более осуществляется в ней божественный закон второпричинности. В Церкви, совершеннейшем творении Христа, второпричинность не может не быть максимальной и **исчерпывающей** во всём. В этом отношении Св. Писание и Предание не знают исключений, пробелов, изъянов.

*Глава четвёртая***РАЗНОЕДИНСТВО**

Совершенство какого-нибудь существа может быть определено степенью его „единства в разнообразии”, его „разноединства”.

Бездушная глина представляет мало единства: достаточно взять её в руки, чтобы она распалась; а однообразие её состава подавляет в ней слабые зачатки разнообразия элементов.

Растение занимает более высокое место в иерархии существ, чем предметы минерального мира. Зато в растении мы и находим особое начало единства — жизнь; и разнообразия в нём больше, чем в глине: по составу, формам и функциям корни, листья, цветы и ствол совсем не похожи друг на друга. Да и весь растительный мир, как нечто целое, объединён своеобразными „узлами родства” и в то же время представляет величавую картину неисчерпаемого богатства пород и видов.

Животное, обыкновенно, совершеннее растения. Вегетативное единство сочетается в нём с более совершенным жизненным началом: чувственностью. Растение можно без особого затруднения разрезать на части, которые часто способны жить каждая своею жизнью; но попробуйте разрезать пополам живую птицу — и перед вами предстанет более возвышенное жизненное начало во всей силе своей неделимости. Химики, биологи и специалисты по сравнительной анатомии удостоверяют, что разнообразие также гораздо богаче и сложнее в животных, чем в растениях.

В момент смерти живое существо лишается своего жизненного, объединяющего начала; начинается разложение, разнообразие исчезает, как и единство, и от живого существа вскоре остаётся только однообразный прах.

Возьмём вселенную. Какая безграничная картина разнообразия элементов, притяжений, объёмов, состояний и проч., объединяемых одними и теми же вечными законами природы!

Человек, по природе своей, несравненно совершеннее растений, животных и всей совокупности звёздных миров: из всех видимых существ, он один обладает разумом, волей и свободой. Его безусловно неделимая и — в отличие от животных — бессмертная душа, в особенности, если она совершенствуется познанием и исполнением воли Божией, представляет собою целый микрокосм бесконечно разнообразных мыслей, переживаний и хотений, имманентных одному, всегда тождественному себе, началу единства и жизни. Человеческое творчество тем совершеннее, чем больше в нём единства в разнообразии.

Армия тем лучше, чем больше в ней единства духа и командования и чем более она способна применяться к самым разнообразным условиям борьбы.

Любое социальное объединение, любой союз или общество, тем целесообразнее и жизнеспособнее, чем устойчивее его единство и чем всестороннее и многограннее его организм, чем разнообразнее его функции.

Разноединство есть начало действительное относительно всякого бытия, как материально-видимого, так и духовно-невидимого. Природа бесплотных духов не только не чужда его, но даже с особенной силой выявляет его.

А Бог может быть назван — бесконечно совершенным единством бесконечно совершенным образом сочетающимся с бесконечно совершенным разнообразием.

Разбираемый нами **универсальный** закон совершенства может быть точнее выражен в следующем виде: всякое разнообразие с безусловной необходимостью предполагает **однородное** ему по природе и свойствам **соответствующее** единство; и наоборот: всякое единство предполагает разнообразие, соответствующее ему во всех без исключения отношениях. Опять поясним сказанное на примерах.

Лист папоротника представляет собою удивительную иерархию разнообразий; и соответственно этому каждая отдельная органическая частица листа имеет свой объединяющий стебелёк, зависящий от общего всему листу стебля. Как всё растение, так и каждая его часть имеет своё единство и своё разнообразие.

«Патетическая соната» Бетховена едина и разнообразна как в каждой своей части, так и в целом. Ритмически гармоническому раз-

пообразию звуков соответствует такое же ритмически-гармоническое единство, а не единство химического или этнического поядка.

Кёльнский собор знаменит удивительным математическим разнообразием архитектурных пропорций, объединённых математическим же единством тех же пропорций.

В организме льва разнообразие анатомических структур объединено своим же „львиным” анатомическим единством, а не „лошадиным единством” или единством... общественным.

Здоровое, процветающее государство сильно всесторонним обилием государственных функций, сплачиваемых между собою государственными же органами, а не... астрономическими учреждениями. Если государственное разнообразие имеет объединяющим началом единение разнородное или не адекватное, например, социально-классовое, этническое или торгово-промышленное, государство это будет неизбежно влечить жалкое существование, или будет тиранией.

В образцовой армии духовное разнообразие военно-патриотических порывов объединено единением духа; разнообразие командований отдельных составных частей — единством верховного командования. Каждая часть — артиллерия, пехота, авиация и т. д. — имеет своё разнообразие и своё единство, которые, сочетаясь, образуют элементы общего единства и общего разнообразия. Если же разнообразие частичных командований окажется объединённым не одним верховным командованием, а только единством „духа” или же единством высшей государственной власти (по отношению к которой армия не является соответствующим соразмерным разнообразием), никакая храбрость не поможет, и в бою армия эта потерпит поражение.

Зато в чисто духовном мире ангелов, где нет человеческого разнообразия, не может быть и речи о человеческом объединяющем начале.

Внутреннему, духовному, невидимому разнообразию всегда должно соответствовать внутреннее же и духовное единство, внешнему — внешнее, частичному — частичное, подчинённому — подчинённое, этническому — этническое, психологическому — психологическое, территориальному — территориальное и т. д. во всём, всегда и везде.

Итак, путём обыкновенной индукции мы приходим к необходимому заключению, что закон, согласно которому в порядке реальности всякое разнообразие немыслимо без **собственного, однородного и адекватного**, начала единства, есть закон

онтологический, т. е. касается всякого бытия. Закон этот имеет своим глубочайшим основанием Божескую природу и по необходимости неизменно отражается во всех Божиих творениях.

С этим следует считаться и богословам при разработке учения о Церкви. В Церкви, **совершеннейшем** творении Господа нашего Иисуса Христа, не могут не осуществляться, и притом с особенной силой и выпуклостью, **все начала совершенства**, в частности принцип однородности и адекватности единства в разнообразии.

Ап. Павел, говоря о Церкви, называет её телом Христовым, указывая этим самым на наличие в ней совершенного органического единства и разнообразия; вообще он настаивает на единстве духа Церкви при разнообразии невидимых даров Духа Св. и на единстве её видимого организма при разнообразии видимых служений. *Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий всё во всех. Но каждому даётся проявление Духа на пользу: одному даётся Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки... Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело... Если всё тело глаз, то где слух? Если всё слух, то где обоняние? ...И вы — тело Христово, а порознь — члены. И иных Бог поставил в Церкви во-первых Апостолами, во-вторых пророками, в третьих учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки. Все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя?... (1 Кор. 12).* Итак, Церковь имеет не только один Дух, но и одно тело. Отцы Церкви единодушно повторяют это учение великого Апостола.

Подводя итог всему сказанному, мы приходим, в области учения о Церкви, к следующим заключениям:

1) **Внутреннему** духовному разнообразию переживаний догматической истины в сердцах верующих соответствует **внутреннее** же духовное единство тех же переживаний. В сердцах

людей действует Божия благодать, единая в своей сущности и до бесконечности разнообразная в своих воздействиях.

2) Однородным и адекватным единством, **непосредственно** соответствующим **видимому** разнообразию в человеческом богоустановленном строе Церкви, является не единство веры и благодати, непосредственно относящееся к разнообразию благодатных даров, а **видимое** человеческое единство этого строя; другими словами, раз Господь установил, или хотя бы только допустил, в Церкви Своей разные внешне осязаемые функции (напр., обряды при таинствах), раз Он хотел, чтобы Церковь имела свой видимый церковный организм, то Он и снабдил её подобающим органическим видимым единством.

3) Подлинная Церковь Христова невозможна без духовного единства, духовного разнообразия, „телесного” единства и „телесного” разнообразия; отсутствие в каком-либо вероисповедании одного из этих четырёх элементов — признак заблуждения.

4) В небесной Церкви орган внешнего, „земного” единства, недопустим; по той же причине недопустимо отсутствие его в земной Церкви Христовой, отличающейся „земным” разнообразием. Утверждать обратное равносильно требованию, чтобы бесплотные духи имели человеческую голову, а люди ходили на земле без головы.

5) Соборность может быть частичным, но не адекватным, соразмерным, началом единства Церкви: разнообразие и множественность видимых поместных церковных организмов, предполагающих подчинение **многих одному** (напр., прихожан настоятелю, священников епископу, монахов игумену), требует **однородного** же единства всей их органической совокупности, т. е. подчинения всех пастырей одному высшему архипастырю.

6) Видимое разнообразие в Церкви постоянно, непрерывно; оттого и видимое единство Церкви должно отличаться **постоянством**. Одних, время от времени собирающихся, вселенских соборов недостаточно.

7) Разнообразие видимой человеческой стороны Церкви постоянно и постепенно **раскрывается** и крепнет (в чём нетрудно убедиться, сравнив, например, Церковь I века с Церковью эпохи Халкидонского собора). В той же степени должен развиваться и крепнуть центральный орган единства Церкви. Только при этом условии может сохраниться требуемое неизменностью

Церкви равновесие и гармоническое **соотношение** элементов церковного строения:

8) На земле всё духовное осуществляется только в телесном или, как мы выше видели, — через видимые второпричины. Оттого без видимого органического единства в разнообразии **подлинное** внутреннее единство в разнообразии неосуществимо.

9) Так как вселенское иерархическое единство немыслимо без соответствующего разнообразия, то-есть **своеобразия** поместной церковной жизни разных народов, то папство уже в силу необходимости, стремясь объединить восточные церкви, не может не желать процветания их местного культурно-религиозного своеобразия. Ошибки и узости отдельных лиц тут не при чём и свидетельствуют лишь против них самих, а не против Церкви, духом которой они недостаточно прониклись.

Конечно, Бог мог бы сделать чудо: видимое, человеческое разнообразие Церкви постоянно объединять без соответствующего видимого, человеческого органа объединения, Он мог бы непосредственно объединять христиан высшим благодатным невидимым объединяющим началом, непосредственно соответствующим невидимому духовно-благодатному разнообразию Церкви. Он властен чудом поддерживать в человеческом теле кровообращение, лишив человека сердца; чудом может расти дерево без ствола, чудом может держаться на воде корабль без своего кия. Но такая „чудесная”, вернее чудовищная, в высшей степени противоположенная, Церковь была бы постоянным отрицанием всего Христова домостроительства Воплощения, смысл которого состоит в спасении человеческой природы, а не в уничтожении её. К тому же, в Св. Писании и в Предании, при наличии в них бесчисленных указаний в пользу всестороннего, как духовно-благодатного, так и телесно-общинного, объединения верующих, нет и намёка на исключение Церкви из общего порядка Божиего мироздания и Искупления. Церковь, изуродованная в своём существенном богочеловеческом строении, не была бы Церковью Богочеловека.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Мы заимствуем из книги Н. Бердяева Константин Леонтьев (Париж, 1926) следующие выписки прямо или косвенно относящиеся к нашей теме:

По мнению Леонтьева, «процесс развития в органической жизни значит вот что: Постепенное восхождение от простейшего к сложней-

шему... Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности. Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства. Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, объединённая неким внутренним деспотическим (?) единством. Единство в разнообразии, цветущая сложность — вот вершина органического развития... Что такое разложение? ...Разложению и смерти организма и уничтожению процесса предшествуют явления: упрощение составных частей, уменьшение числа признаков, ослабление единства, силы и вместе с тем смешение. Всё постепенно понижается, мешается, сливается, а потом уже распадается и гибнет, переходя в нечто общее, не собой уже и не для себя существующее... Гибнущее становится однообразнее...» Так Бердяев формулирует основную мысль Леонтьева его же собственными словами (94). И ещё: «Всё истинно великое, и высокое, и прочное вырабатывается никак не благодаря повальной свободе и равенству, а благодаря разнообразию положений, воспитания, впечатлений и прав в среде, объединённой какой-нибудь высшей и священной властью» (97: слова Леонтьева).

Послушание есть двигатель разнообразия и жизни. Вот подлинные слова Леонтьева: «Там, где утратились одинаково и меньше смело властвовать и меньше подчиниться с любовью и страхом, там уже не будет ни силы, ни жизни долгой, ни прочного... порядка» (106: слова Леонтьева). «Победа космических начал в обществе порождает иерархическое, дифференцированное, сложное его строение. Победа начал хаотических означает смешение и упрощение, низвержение иерархического строя» (122). «Все нации и все люди становятся всё сходнее и сходнее и вследствие этого всё беднее и беднее духом» (190: слова Л.). «Католичество одно из лучших орудий против общего индифферентизма и безбожия» (204: слова Л.). «К. Н. был крепко и традиционно церковный человек, более церковный, чем Федоров и Достоевский, даже, чем славянофилы. Он шёл к монашеству и кончил монашеством. Авторитет церковной иерархии имел для него непреложное значение» (224). «Леонтьев относился отрицательно к славянско-демократическому православию, сближающемуся с англиканством... У Хомякова он видит протестантский и гуманистический уклон» (237). «Оптинские старцы одобряли К. Леонтьева более чем славянофилов, Гоголя, Достоевского, Вл. Соловьёва и считали его

духовное устройство истинно православным» (240. Именно эта православность приблизила Леонтьева к католичеству). «Леонтьев не только не разделял традиционно-славянофильского отрицательного отношения к католичеству, но имел положительные католические симпатии, которые под конец у него возросли... Он считает католиков очень полезными не только для всей Европы, но и для России. Он сочувствует соединению Церквей и находит проповедь Вл. Соловьёва полезной... В католичестве, по Леонтьеву, есть огромная сила для противодействия нигилизму и революционному разрушению, большая чем в православии. „Когда речь идёт о развитии, о своеобразии, о творчестве культурно-религиозном, я не могу не видеть, что после разделения Церквей православие в Византии остановилось, а в России и вообще в славянстве было принято оттуда без изменения, т. е. без творчества. А европейская культура именно после этого разделения и начала выделяться из обще-византийской цивилизации. В истории католичества, что ни шаг то творчество, своеобразие, независимость, сила“. Эти справедливые слова К. Н. должны ужасно звучать для славянофилов...» (240-244). О. Фуделю Леонтьев писал: «Я не скрою от Вас ...мне лично папская непогрешимость ужасно нравится. Старец старцев. Я, будучи в Риме, не задумался бы у Льва XIII туфлю поцеловать, не только что руку... Римский католицизм нравится... моей склонности к духовному послушанию...» (245).

Леонтьев прав: папа есть «старец старцев», именно это самое главное в его первосвятительском служении. Католичество есть не что иное, как вселенское, всецерковное осуществление высшей идеи православия, идеи старчества — наиболее светлой стороны русского православия от Нила Сорского до Серафима Саровского.

Глава пятая.

БОГОЧЕЛОВЕЧНОСТЬ ЦЕРКВИ

Чтобы лучше понять значение упомянутых законов второпричинности и единства в разнообразии для правильного освещения сущности Христовой Церкви, следует вдуматься в столь часто забываемую великую истину богочеловечности Церкви.

Христос Господь наш — Бог, единый истинный и бесконечно совершенный Бог; Он же — совершенный человек. Все христологические ереси заключаются в допущении того или иного **пробела** в полноте божеской или человеческой природы Спасителя. Как Бог, Христос предвечен, вездесущ, бесконечен, всемогущ... Как человек, Он имел нормальное человеческое тело, бессмертную душу, одарённую человеческим разумом, волею, памятью, способностью говорить, воображением; Он дышал, ел, чувствовал жару, слышал, ходил. Совершенство Его человеческой природы состояло вовсе не в каком-то **поглощении** тела душою или души Божеством, не в **замене** человека бестелесным ангелом или Богом, а в гармоническом подчинении совершенного человеческого тела совершенной человеческой душе, а этой последней — самому Божеству. Во Христе не было греха, не было хаотического столкновения способностей, не было бунта страстей против разума и воли; другими словами, не было никаких „пробелов”, никаких „недостатков”, пропусков. В известном смысле, можно сказать, что Христос был более человеком, чем все другие люди. Будучи ещё отроком, Он уже удивлял еврейских учёных Своєю мудростью. Божественность не устраняла, не подавляла в Нём человечества; наоборот, Она **поддерживала, раскрывала, просветляла, освящала** Его человеческую природу.

Во Христе человеческая природа была совершеннейшим орудием, второпричиною зависящей от Природы Божеской, от Первопричины;

нечто подобное находим в Церкви Христовой. Церковь, как Христос, имеет вполне человеческую, но обоженную природу. Уподобление обоженной Церкви Христу касается, конечно, только этой, человеческой Его природы, ибо Церковь не соединена ипостасно с Божеством, не есть Бог.

В самом деле:

1) Как каждый отдельный христианин, так и вся Церковь имеет своим Главою Христа. А так как в отдельном верующем Христос возглавляет **полноту** человеческой личности со всеми свойствами человеческой природы, (в том числе — с человеческою головою), то и в Церкви, возглавляемой Христом, не может не быть **полноты** совершенства человеческого объединения, общества.

2) Христос уполномочил Церковь продолжать, раскрывать и применять к людям Его подвиг искупления; её иерархии поручены все крещёные и даны все установленные Христом средства спасения. Но „продолжать” **богочеловеческий подвиг**, передавать божественную благодать человеку может только богочеловеческий организм.

3) «Слово стало плотью»; человеческая плоть стала орудием искупления; поэтому и Церкви, орудию, посредством которого искупление распространяется на людей, тоже подобает быть «плотью», совершенным видимым человеческим обществом.

4) Церковь не только освящает людей, но и **состоит** из них; поэтому душевно-телесная природа принадлежит ей по существу; а так как, с другой стороны, Церковь возглавляется Христом, то она должна включать в себя **все элементы** богочеловеческого общества: быть вполне „телесной”, человеческой, иметь человеческую собирательную „душу”, и быть обоженной единением с Богом, благодатью.

5) Церковь есть как бы **лестница** ведущая с земли на небо: в этом весь смысл её существования. Но ведь всякая лестница по необходимости имеет две точки опоры, одну — вверху, другую — внизу. Чтобы исполнять своё назначение, Церковь должна твёрдо опираться на небо и на землю.

6) *Если пшеничное зерно, падши на землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода* (Ио. 12, 24). Христос есть зерно сначала умирающее, но затем воскресающее для жизни в своём соборном теле, в плоде своей жертвенности. **Зерно** и плод, выросший из него, не могут быть различной природы. Раз „зерно” есть соединённый с Божеством совершенный Человек, то и плод должен быть „обоженным человеком”, собирательным конечно,

обладающим полнотою совершенного человеческого общинного строения и единства. Разница только в том, что во Христе Спасителе человеческая природа соединена с Богом ипостасно, в одном Лице, а в Церкви человеческое совершенное общинное объединение — только обожено благодатью Христовою.

7) Человек достигает святости, **подражая** Христу, во всём своём существе уподобляясь Ему, поскольку это возможно человеку. *Умоляю вас: подражайте мне, как я Христу* (1 Кор. 4, 16). Но как же люди смогут быть подражателями Иисуса Христа, если Церковь не будет давать им в этом отношении постоянного примера, если она сама в сущности своей не будет „Христоподобной“, совершенным человеческим объединением? Ибо по старинной философской аксиоме: всё действует сообразно тому, что оно есть. Вспомним тут слова св. Афанасия Великого: «Господь некогда и Савлу, гнавшему тогда Церковь, на которой был Его отпечаток и образ, как будто гоним был Сам, сказал: Савле, что Мя гониши?»¹ Кошунственно было бы представлять себе этот отпечаток и образ Христа в Церкви в виде чего-то случайного, внешнего, как бы штемпеля, или чего-то не касающегося Церкви как единого вселенского религиозного общества; таким отпечатком может быть только полнота обоженной человеческой природы Церкви, „собрания“, общества.

8) *Вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим, во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса* (1 Фесс. 2, 14). Как поместные церкви, так и вся Церковь должна быть уподоблена Христу и в свою очередь являться для верующих образцом **уподобления в страданиях** и гонениях перетерпеваемых ради вечной Правды. И опять-таки, какое может тут быть уподобление Христу, если Церковь не есть, и притом именно как единая вселенская Церковь, вполне человеческое объединение? Иисус Христос страдал не в Божестве Своём, а в полноте Своей человеческой природы, в плоти и в душе человеческой: полнота человечества давала Ему возможность испытать полноту чаши искупительных страданий. Потому и Церковь, чтобы в отношении гонений и жертвенных страданий вполне уподобиться Христу-Главе, должна быть не только участием людей в божественной любви, но и вполне человеческим собирательным общинным Телом. Для уподобления

¹ Творения св. Афанасия Вел., Св. Троицкая Сергиева Лавра, 1902, ч. вторая, стр. 366.

Церкви страждущему Спасителю недостаточно мученичества отдельных групп в Церкви, нужно мученичество **самой** Церкви в полноте её человеческой природы, как самобытного религиозного закономерно объединённого общества.

9) Все богоустановленные или боговдохновенные **средства**, которыми Церковь сообщает людям заслуженное Нисусом Христом спасение, — богочеловечны: это обыкновенные человеческие средства или орудия — материальные, телесные, осязательные, — но Божиим всемогуществом возведённые в степень более или менее непосредственных проводников божественной благодати. а) В таинствах участие в Божеской жизни сообщается людям человеческими словами, водою, елеем; в особенности Св. Евхаристия, этот очаг благодатного единения всех во Христе, немислима не только без Христова личного человечества, но и без человека-священника, его слов и действий, и без материальных предметов. б) Св. Писание есть Откровение людям божественных истин, но сообщаемое им людьми же при участии всех их душевных и телесных способностей, с отпечатком их личных, этнических, сословных, культурных и других особенностей; божественные истины записаны вдохновенными писателями точно так же, как составлены любые писания I века, вполне „эмпирически“. в) Божественная истина сохранилась в Церкви также через Предание, творения отцов, людей как и мы, при участии их человеческих соображений, в которых Божия премудрость облекается в выражения и понятия подчас заимствованные у древних нехристианских философов; творения отцов, хотя и охраняются Провидением, но по существу своему подлежат всем превратностям истории, как любые человеческие сочинения. г) Благовестование спасения со времён апостолов и до наших дней совершалось человеческим живым словом, писаниями, преподаванием и т. д., точно так же, как распространение любых человеческих наук; сегодня Церковь проповедует тоже по радио; Церковь всегда осуждала только нечестные приёмы пропаганды, но она не пренебрегала никакими науками. д) Догматы всегда определялись при помощи человеческого мышления, логики, слов и формул; догмат собственно и есть не что иное как божественная истина, но облечённая в продуманное человеческое предложение с подлежащим, сказуемым, дополнениями. е) Богослужение совершается в храмах сооружённых с помощью лучших достижений техники и искусства, как любое крупное здание; само оно является „служением“ Богу; тут Бог присутствует в обстановке интенсивной человечности, челове-

ских молений, пения, воздыханий. ж) Сострадательная любовь Церкви к людям, это прямое продолжение или применение любви Христовой к людям, осуществляется точно так же, как и человеколюбие Спасителя, всевозможными человеческими способами оказывания помощи, от человека к человеку; добродетели, все без исключения, прямо невозможны на земле без человеческой природы.

10) Все частичные или поместные объединения верующих в Церкви тоже человечны; таковы епархии, приходы, монастыри, благочестивые союзы и проч. Во всех этих как бы разветвлениях или „повторениях” Церкви, во всех „малых церквах”, всегда и неизменно уровень внутренней благодатной жизни повышается или понижается с повышением или понижением усердия в соблюдении дисциплины, правил, постановлений настоятелей. Везде дух Божественной любви соразмерен совершенству послушания объединяющему иерархическому начальству. Везде в Церкви обожение нисходит на людей путями вочеловечения. Братская благодатная любовь становится действительностью благодаря послушанию богоданным настоятелям, людям. Если бы сама вселенская Церковь, как таковая, имела иное, не вполне человеческое домостроительство, она оказалась бы чем-то чуждым, разнородным по отношению к поместным церквам, епархиям и т. п., входящим в неё, чем-то внешним, посторонним, органически не связанным со своими очагами сверхприродной жизни. Такая разрозненность, такая вопиющая несогласованность Церкви с поместными и „малыми” церквами, такое коренное противоречие недопустимы в прекрасном творении Христовом — разноединой Церкви.

11) Одна и та же Премудрость, одно и то же Слово и создало человеческую природу и обожило её. Природа человека создана Богом с неискоренимым **стремлением к объединению** в организованных обществах, определяемых их целью и назначением; в Церкви это заложенное Богом в человеческую природу стремление обожено Им же. В Предании часто говорится об облагодатствовании человеческой природы; у отцов нигде не упоминается о каком-то исключении из благодатного обожения природной устремлённости людей к образованию религиозного общества. Из всех вероисповедных обществ, конечно, только одно может быть признано истинным, Христовым, подлинною Церковью; но подлинная Церковь не существует без „своего” общества. Обожение без того, что обожено, есть сказуемое без подлежащего, абсурд, фикция, прилагательное без того, к чему прилагается; и потому обожение людей во всеобъединяющей

благодати Христовой, то-есть Церковь-любовь, не осуществляется без соответствующего всестороннего природного вполне человеческого объединения тех же людей в одно цельное совершенное организованное религиозное общество, то-есть в Церковь-учреждение. Сказуемое „обжено“ предполагает подлежащее „общество“. Другими словами, чтобы быть действительной, а не только отвлечённой, соборностью любви, Церковь должна быть естественным человечески благоустроенным самостоятельным иерархически объединённым обществом, которое одно способно воспринять благодать вселенского единения. Сверхприродное единение в любви есть абстракция, пустой отвлечённый звук, если нет того „природного“, по отношению к которому оно было бы „сверх“. Отдельных верующих Господь освящает благодатью соборного единения в той мере, в какой они добросовестно стремятся к жизни в самобытном вселенском человечески налаженном собирательном теле Церкви. И потому пусть нам не возражают, что в первые три века христианства процветала интенсивная благодатная жизнь верующих при сравнительно слабом развитии Церкви, как организованного общества: все подлинные святые тех времён не имели, конечно, тех отчётливых канонических и богословских понятий касающихся единства Церкви, которые провиденциально вырабатывались многовековой последующей жизнью её, но все они тяготели к этому единству, все так или иначе принимали участие в созидании тела Церкви на Христовых началах самоотречения и послушания.

12) Главное **обвинение** возводимое евреями на Христа сводится к тому, что Он — Богочеловек: *Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человеком, делаешь Себя Богом* (Ио. 10, 33). И с тех пор всё антихристианское на земле терпеть не может богочеловечества. В отношении главного возводимого на неё обвинения, Церковь должна уподобиться своему Главе. И в самом деле, бесчисленные нападки и возражения против Католической Церкви обыкновенно сводятся к следующему: «Не за добрые дела благотворительности или просвещения мы хотим побить тебя камнями, а за то, что, будучи человеческим, юридически организованным, совершенным обществом с единым верховным управлением, ты смеешь считать себя ковчегом спасения, единственною Церковью Христовою!»

13) В деле обеспечиваемого в Церкви спасения существенную роль играет **время**; оно даётся нам здесь на земле для совершения

подвигов покаяния и любви; человеку было бы не по силам мгновенно воспринять подаваемое ему спасение. Для достижения максимально-го освобождения от временности и связанной с нею переменчивости, нам необходимо максимальное использование времени в условиях земной жизни. А время очень „человечно“, оно показатель и условие человеческого совершенствования. Мёртвая природа чуть ли не под временем; Бог в совершенстве над временем; а человек на земле — в высшей степени во времени. Отсюда следует, что Церковь, чтобы приводить людей из временности во сверхвременность, должна сама быть в высшей степени божественной, сверхпреходящей, метаэмпирической, вневременной, и — в совершенстве эмпирической, „во-временной“, человеческой.

Итак, Церковь богочеловечна участием в богочеловечестве Христа-Главы, она Хриstopодобна. Это постулат догмата главенства Христова в Церкви. Такова основная истина всякой здоровой экклесиологии. Чтобы правильно понять эту истину и не ошибиться в своих выводах, следует всегда рассматривать принцип церковной „богочеловечности“ именно в зависимости от этого догмата. Об этом ясно говорится в знаменитой энциклике Льва XIII *Satis cognitum*. Богочеловечество Церкви ни в коем случае не может рассматриваться как нечто самостоятельное, стоящее рядом с богочеловечеством Иисуса Христа и Ему равное. Нет, богочеловечество Церкви есть только **участие тела в богочеловечестве Главы**, как бы распространение и продолжение единственного богочеловечества Христова в плоскости церковной соборности. Было бы величайшей ересью говорить о каком-то сходстве Божества Церкви с Божеством Иисуса Христа: нет двух сходных Божеств, есть только один Бог. Подобие, сходство имеется между обоженным благодатью человеческим обществом-Церковью и обоженной благодатью личной человеческой природой Христа. Единственное и неповторимое ипостасное единение двух природ во Христе является основанием той таинственной тесной связи, которая по воле Христовой сочетает видимую „юридическую“ Церковь с неисчерпаемой благодатью Христовой.

Сходство между Церковью и человеческой природой Христа следует понимать не в смысле какого-то неуместного всестороннего **параллелизма**; нелепо, кощунственно пожалуй, было бы

искать, что в Церкви соответствует, например, дыханию Христа или Его пальцам. Коренная истина во всём этом вопросе сводится к следующему положению: как Иисус Христос имел полноту единоличной человеческой природы, так и Церковь, которую Он возглавляет, должна отличаться исключительной всесторонней полнотой, законченностью всего того, что требуется для её совершенства как естественного религиозного общества. Можно говорить: „Церковь должна иметь видимую главу, как Христос имел физическую голову”, для того, чтобы дать представление о полноте человеческой природы. Но не в этом суть дела. В Церкви должен быть видимый глава не потому, что Иисус Христос имел Свою человеческую голову, а потому, что, в противном случае, Церковь не была бы совершенным человеческим объединением, как это требуется полнотой человечества во Христе; она не была бы „соприродной” Христу (сюмморфос Христо), как выражался св. Кирилл Александрийский (**Толк. на Исаию, V, 1**).

Заметим ещё, что: а) Христоподобие Церкви борющейся на земле непосредственно относится к человеческой природе Христа во время Его земной жизни; точно так же христоподобие Церкви торжествующей в Царстве Небесном касается Иисуса Христа прославленного после вознесения; ведь, как это хорошо отметил св. Тихон Задонский (**Сокровище духовное, § 157**), все христиане должны подражать Христу в условиях земной жизни, а не Христу торжествующему на Небесах. б) Христоподобие исчерпывающе распространяется на всю сущность, деятельность и „страдательность” („гонимость”) Церкви. в) Церковь никогда не может быть „слишком человеческой”, если под этим выражением понимать совершенство её иерархического строения, её канонического права. г). Истины вытекающие из богочеловечества Церкви бросают свет на точный смысл, значение и пределы установлений Христовых.

Христологический монофизитизм, который раздирал Церковь в V веке, исчез; теперь эта ересь имеет сравнительно мало последователей. Но **эклесиологический монофизитизм**, особенно развитый в протестантизме, соблазняет значительную часть христианского мира. Многим „чисто духовная” Церковь, для которой единый, видимый, незыблемый „эмпирический” организм не существует или не нужен, кажется более совершенной, чем Церковь богочеловеческая, или даже единственной истинной. Они

теряют из виду, что совершенство Церкви должно определяться не потусторонним состоянием небожителей, не условиями Царствия Божиего на небесах, а **требованиями предвечных законов бытия и установлениями Христа**. Они смешивают **цель** Церкви, которая действительно заключается в „чисто духовном” царствии Небесном в жизни вечной, с **природой** Церкви, основанной Христом на земле и приспособленной Основателем к условиям земного существования. Всецело поглощённые чудным видением небесной истины, нерасторжимого единения с Христом в жизни вечной, они забывают, что земная Церковь не есть сама эта пристань, а мощный корабль, безошибочно ведущий к гавани жизни вечной. Они не понимают, что, по воле Того, Кто был не только „истиною и жизнью”, но и „путём”, земная Церковь есть путь ведущий к истине и жизни, к Церкви Небесной.

Христиане заражённые церковно-монофизитским духом полагают, что человеческая сторона Церкви, её внешний видимый строй — обрядность, порядок, папство, епископат, стройная каноническая организация — „затемняет” Христа, мешает благодатной жизни. Между тем жизненный религиозный опыт показывает, что не внешний иерархический строй „затемняет” духовную жизнь во Христе, а как раз наоборот — от духовной жизни церковный народ чаще всего отвлекается беспорядками, раздорами, лжеучениями, одним словом тем хаосом, который неизбежно вытекает из отсутствия здорового законченного иерархического организма, учащего и правящего именем Христовым. Здоровый мозг и крепкий череп вовсе не „затемняет” мышления и молитвы; скорее наоборот: у кого раздроблён череп и мозг воспалён, тому труднее размышлять и молиться, чем здоровому человеку. *Mens sana in corpore sano*; это верно и в применении к Церкви. Поучителен и характерен факт: споры о власти, о иерархическом подчинении, об авторитете, о канонических правах, гораздо более поглощают внимание верующих в отпавших от Католической Церкви вероисповеданиях, чем в католичестве; вне католичества споры эти притихают только тогда, когда или нецерковная, нередко атеистическая или иноверческая власть полагает им конец, святотатственно посягая на свободу Церкви, или когда равнодушие к догматам берёт перевес над христианским преданием. В самом католичестве подобные споры возникали только в связи с ослаблением высшей церковной власти. В Церкви „примат духовного

начала” — выражаясь словами Маритена — всегда пропорционален действительности богоустановленного иерархического начала.

Во Христе-Главе Божеское было соединено с человеческим ипостасно, наиболее совершенным способом единения. Оттого „тело” и „душа” Церкви сочетаются с благодатной жизнью её во Христе не механически, не случайно и не искусственно, но глубинным нерасторжимым единением, имеющим своё основание в единении Божества с человечеством в лице воплотившегося Слова.

Церковь предназначена для людей, она приносит плоды спасения в людях, люди составляют её „поле действия”; но для того, чтобы быть богочеловеческой, подобной Христу, всего этого мало для неё: Церковь сама по себе, Церковь **как таковая**, должна быть в высшей степени божественной, обоженной, и в высшей степени человеческой. Церковь богочеловечна во всех своих существенных свойствах и функциях — в своём единстве, в своей святости, в своей вселенскости, в своей апостольской иерархичности, в своём безошибочном учительстве.

Итак, Церковь есть не только благодатный союз, но и совершенное организованное человеческое общество. Всякое „общество” (*societas*) есть постоянное объединение людей стремящихся к определённой цели под руководством одной власти. Чем совершеннее какое-либо общество, тем устойчивее все его органические элементы, тем твёрже в нём правящая власть. Чтобы руководить каким-нибудь спортивным обществом, достаточно председателя, созывающего общее собрание раз в год. Для управления сложным и важным общественным предприятием нужно сильное центральное правление. Чтобы обеспечить процветание за целым государством, необходима ещё более устойчивая высшая власть, обладающая обширными полномочиями, нужно здоровое, жизнеспособное законодательство, нужны армия, полиция, министерства и проч. Во всяком обществе требуется одна высшая правящая инстанция, власть которой **прямо пропорциональна** значению общества и совершенству его конечной цели. В Церкви, **наиболее совершенном из всех обществ**, имеющем свою целью приведение всего человечества к полноте сверхприродного единения во Христе, безусловно необходима одна постоянная верховная вполне человеческая центральная власть, снабжённая соответствующим учащим авторитетом, т. е. безошибочностью, по крайней мере в окончательном разрешении догматических вопросов.

Наиболее характерным признаком экклесиологического монофизитизма является отрицание человеческой главы церковной иерархии на основании главенства Христа в Церкви. В плоскости христологии этому заблуждению соответствует следующее кощунственное умозаключение: «Так как Бог-Слово возмлавляет человеческую природу Христа, то нельзя допустить, чтобы Христос имел человеческую физическую голову; Он имел туловище, руки и ноги, но головы ни в коем случае иметь не мог».

Христос имел своё собственное человеческое тело, отличное от физического тела Иоанна или Андрея. По аналогии с этим, Церковь не есть „душа“ того или иного чужого общественного организма — государства, народа, семьи, сословия, филантропического общества и т. п.; она имеет как свою собственную „душу“, так и своё **собственное**, личное, неотъемлемое „тело“, своё право (каноническое), утверждаемое ею же самою, а не государственною властью, свою единую вселенскую иерархию и свои учреждения. Вообще Церковь имеет свою собственную законченную общественную организацию, независимую во всём существенном от обществ преследующих земные цели.

От этого она, впрочем, не становится бесполезной для других богоданных общественных группировок, в частности — для государства или нации, как раз наоборот: освящая и облагораживая людей в своём самостоятельном соборном организме, она, тем самым, делает их честными и полезными гражданами. Свободная Церковь порождает чистейший патриотизм. Независимая, внесударственная Церковь гораздо успешнее содействует повышению нравственно-культурного уровня какой-либо страны, чем церковь оторванная от общецерковного собирательного организма и подчинённая государству или нации; и это понятно: всякий предмет может быть поднят только таким рычагом, который имеет точку опоры вне себя самого; в случае совпадения точки опоры с точкою приложения, рычаг может только вертеться на одном месте. Влияние Церкви на народ и культуру тем глубже, благотворнее и действеннее, чем лучше осуществлён принцип неслиянности разнородных общественных организмов — Церкви, с одной стороны, и группировок преследующих временные цели, с другой; это, впрочем, нисколько не исключает желательности и возможности их тесного сотрудничества. Отделившиеся от вселенской Церкви вероисповедания оказывают благотворное влияние на культуру лишь постольку, поскольку они ещё не израсходовали запас духовной энергии унаследованный от древней Церкви.

Раз Церковь должна иметь свой собственный общественный строй, свой организм, то ясно, что этот строй или организм может быть только **один**. Христос — один Бог, ипостасно соединённый с одной душой и одним человеческим телом. В Церкви один Христос возглавляет одно видимое совершенное, иерархически законченное, человеческое общество. *Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех...* (Ефес. 4, 4-6). Церковь не есть один дух в нескольких поместных церквях, представляющих каждая в отдельности одно вполне независимое органическое и иерархическое целое; она есть один дух в одном неделимом видимом соборном организме. Во вселенской Церкви допустимы поместные церкви, как разветвления зависящие от одного центрального ствола, но не как вполне самостоятельные, цельные, автокефальные церковные образования, соединённые только внешним сходством, общим духом и одною верою. В Церкви допустимы усиления и ослабления „централизации” в зависимости от условий времени и места; но не допустим постоянный полный автокефализм поместных церквей: Церковь стала бы поликефальной, многоглавой, что немыслимо с точки зрения её хриstopодобной природы.

Христос возглавляет Своей невидимой благодатью видимую вселенскую Церковь, не безглавую и не многоглавую, не изуродованную или чудовищную, а одноглавую как Он Сам, Бого-человек.

В основе всего Христова подвига искупления людей лежит воплощение, восприятие Богом-Словом человеческой природы как орудия, в котором и через которое даётся людям всё необходимое для достижения жизни вечной: таинства, учение, пастырство. Икономия воплощения была бы неполной, самой себе противоречащей, уродливой, бессодержательной и бессильной, если бы мы из неё исключили обожение Премудростью христианского богословского мышления, органического объединения единичных или поместных религиозных исследований в одно соборное мышление Церкви и в Церкви. И если бы Церковь не была божественно и человечески разумной в своём строении, если бы она была лишена целесообразного, единого и вселенского, постоянного руководства, если бы её истинность не была доступна ищущему человеческому мышлению, — то она не была бы телом своего Главы, Своим

воплощением освятившего человеческий разум, в земной жизни Своей всегда стремившегося пробудить в слушателях здоровое человеческое религиозное мышление; такая Церковь была бы каким-то отрицанием Христа. Искание истинной Церкви Христовой должно соответствовать Воплощению, должно быть разумным: только такое искание, при соблюдении, конечно, чистоты намерения и вообще нравственной чистоты, может быть просветлено Христовой благодатью и правдою.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Наиболее глубокие соображения о богочеловечестве читатель найдёт в творениях Владимира Соловьёва.

В книге Л. П. Карсавина *Католичество* (Петроград, 1918) мы читаем:

«Величайшие католические мистики глубоко прочувствовали идею воплощения Христа, в XVII веке нашедшую себе выражение в культе сердца Иисусова. Во Христе Бог стал не только человеческой душой, но целым человеком, душою и плотью. Этим плоть обожена, приятна в Божество. И католик не мыслит будущего блаженства иначе, как в духе и теле, хотя и просветлённом. Правда, в католичестве же мы находим примеры самой беспощадной борьбы с плотью. Но догматически все эти примеры могут быть поняты лишь как борьба с греховным вождением, а не с телом в его существе. Наряду же с аскезой мы встретим и жалость св. Франциска или св. Христины Чудесной к своему измождённому постами телу, к „брату ослу“, верно послужившему спасающемуся духу и получившему в награду лишь голод, да побои. Современного человека отпугивает материальность представления о будущем блаженстве, телесность адских мук. Но ведь существо то не в этом, а в освящении и приятии телесного во единство Христово. Однако следует заметить, что католическое приятие плоти не вырождается в освящение плотского вождения...» (стр. 12).

«Именно потому, что ничто человеческое католичеству не чуждо, оно и может вбирать в себя важнейшие результаты восточного умозрения. Именно потому сильным было на Западе влияние раннего восточного богословия... Глубочайшие католические или выросшие на почве католичества философы вдохновлялись платонизирующей мыслью Востока... Итак, католическая идея церкви лучше всего может быть охарактеризована, как идея единства человечества, царствующего над миром во Христе» (стр. 13, 14).

«Бог не только Любовь. Он вместе с тем и Истина и Справедливость: обращая свой взор на человеческое, земное общество, сами мистики видят, что постигаемый ими союз любви, когда Бог всяческое во всех, когда воля каждого свободно совпадает с волею Божией,— состояние будущего, будущая свобода славы чад Божиих. Здесь, на земле, творить правду, осуществлять волю Божью можно только ценою усилий и борьбы. Люди ещё не сыны Божии, или не только сыны Божии, а и рабы закона. Воля Божья связывает их ещё как внешнее принуждение, как внешняя сила. Поэтому и церковь, поскольку она включает в себя живых и, следовательно, греховных людей, есть сообщество, связанное подчинением закону Божьему. Святой Бернард Клервосский очень тонко подметил необходимость для верующего двух идей: идеи бесконечного милосердия Божьего и идеи беспощадной справедливости Божьей. Мысль о милосердии Божества без соединения с мыслью о Его справедливости может ослабить дух человека, лишить его необходимой для борьбы со злом энергии и низвергнуть в пучину себялюбивого услаждения любовью. Но и мысль о справедливости без мысли о всёпрощающем милосердии столь же опасна и губительна. Она несёт с собою отчаяние, ввергает в безнадежность и бессильный трепет. Так и в идее церкви должны быть две стороны: церковь, как единство любви, и церковь, как единство неумолимого закона; церковь благодати и свободы и церковь закона и послушания» (стр. 17, 18).

---

*Глава шестая***РАЗВИТИЕ ЦЕРКВИ**

Всякое живое земное существо развивается.

Органическое развитие, или эволюцию, можно понимать в двух смыслах.

1. Существа низших ступеней бытия сами собою развиваются в существа более совершенного порядка, онтологически высшее находится в низшем, как в своём зародыше. Животные — результат естественной эволюции материи. Человек — завершение животного, и только. Эволюция, понимаемая в этом смысле, не соответствует действительности. Абсолютно мёртвая, бессемянная материя никогда живого существа не производит. Теперь никакой серьёзный учёный не станет говорить о происхождении не только тела, но и души человека от „обезьяны”, как о доказанной научной истине. Такой эволюционизм не имеет оснований в естественных науках, нарушает основное требование разума, согласно которому всё „конечное”, ограниченное предполагает соразмерную причину своего бытия; он противоречит христианскому Откровению. Понимание эволюции, как развития всего из материи без воздействия духовного начала, всемогущей и бесконечной Первопричины, — немислимо и недопустимо и в учении о Церкви. Церковь не есть плод развития чисто человеческого общества, и только; благодать не есть продукт „эмоции”; догматическая истина не развивается из субъективных переживаний, из „религиозного чувства”.

2. Всякий живой организм развивается из соответствующего однородного зародыша. Человек, в отношении тела, проходит через эволюцию свойственную животным; со стороны души, он развивается с большей или меньшей динамичностью, смотря по способностям и главное — нравственной чистоте. Душа из „бессмертной точки” становится постепенно „микрокосмос”. В зависимости от хорошего или дурного употребления свободы, в человеке

развитие духа более или менее быстро берёт перевес над вегетативно-животными инстинктами, или наоборот — низшая природа заглушает духовную. Но человек всегда остаётся человеком; он может сделаться святым или преступником, но только в переносном смысле его иногда называют „ангелом” или „зверем”.

Закону эволюции человек подлежит не только как индивидуальная личность; этот же закон, волею Творца природы, распространяется на все проявления общественной жизни человека: союзы, науку, культуру. Всякое общество обречено на гибель, если оно не развивается; в этом случае все другие родственные ему коллективы его „перегонят”. Сменно верить в прогресс, достигаемый путём одного лишь развития техники и цивилизации; но прогресс, как развитие положительных научных достижений, несомненно существует. Никакая общественная группировка, никакое государство или племя, никакой жизнеспособный социальный организм — не были созданы сразу, но всегда образовывались путём эволюции, подчас, правда, малозаметной. Физика, медицина, этнография — все науки развивались и развиваются постепенно.

Подлежал ли Иисус Христос закону развития? В божественной своей природе, конечно нет; пантеистическое предположение, что Бог развивается — внутреннее противоречие и ересь. Но со стороны Своей человеческой природы, Спаситель без сомнения развивался, как и всякий человек. Из младенца Он становится отроком, из отрока — взрослым мужчиной. *Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости* (Лк. 2, 40).

Принимая во внимание универсальное явление эволюции в человеческой природе, а также всё сказанное выше о богочеловечности Церкви, мы по необходимости приходим к следующему заключению: **вся человеческая богоустановленная сторона Церкви подчинена божественным законам развития.**

О развитии благодати в Церкви можно говорить лишь в том смысле, что со всесторонним ростом церковной жизни, во всей Церкви или её частях, благодать сообщается большему числу людей; притом, как во всяком живом организме, неизбежны колебания, временные повышения или понижения жизненной энергии. По учению Св. Писания благодатная жизнь есть некое участие разумной твари в жизни Бога (ср., напр., 2 Петр. 1, 4); смотря по религиозно-нравственной чистоте души, это участие может возрастать или нет, принимать более или менее совершенные

формы. Но сама „жизнь Бога”, конечно, никогда не эволюционирует, предвечный источник благодати остаётся всегда бесконечно выше какой бы то ни было эволюции.

В догматах, во избежание грубых заблуждений, следует строго различать самую объективную **истину** от **восприятия** этой истины.

Догматы, в смысле объективной догматической правды, неизменны и ни в какой мере не могут подлежать эволюции. Положения: «Бог троичен в Лицах», «Бог-Слово воплотился», «Господь бесконечно свят» — выражают **истины**, которые „развиваться” не могут. Кто допускает возможность развития объективного содержания догматических истин, другими словами — религиозной истины самой в себе, тот — модернист.

Но слово «догмат» может ещё обозначать более или менее отчётливое **восприятие**, осознание учения Христова человеческим разумом Церкви, озарённым светом благодати, или словесное **выражение** этого понимания. Воспринимаемые в этом смысле, все христианские догматы „развивались”, точнее — раскрывались. Иначе и быть не может: **ограниченным** человеческим разумом, хотя бы даже соборным, освящённым благодатью или предохраняемым от заблуждений провидением Христа-Главы («не оскудеет вера твоя»), неограниченная, **бесконечная** истина, совпадающая с бесконечной сущностью Бога, никоим образом не исчерпывается и постигается только отчасти и постепенно, и то только с доступной для сотворённого духа стороны; итак, отрицать постепенное и постоянное раскрытие догматических истин может только тот, кто отрицает Божию бесконечность. Словесное же **выражение** понимания догматических истин по природе своей неспособно адекватно передавать полноту божественных истин и должно дополняться в противовес лжеучениям. Углубление сознания и более точное словесное определение смысла вечных истин фактически происходило в Церкви не сразу и одновременно, а по мере появления противоположных им ересей. Бог-Сын во всём равен Богу-Отцу, кроме отношения Родителя к Рождаемому; но только в IV веке, в противовес арианству, истина эта была догматически определена подходящей словесной формулой «омоусиос», т. е. «единосущный»; тогда же выяснилось, что формула «омойоусиос», т. е. «подобной сущности», неверно выражает смысл определяемого догмата. Формулировка догматического учения о том, что Пречистая Дева Мария —

Богородица и Приснодева, появилась ещё позже, хотя догматическое содержание этого учения независимо от момента определения. С самого начала христианства существовала вера в непричастность Богоматери к какому бы то ни было действительному греху, нигде в Предании не говорится о каком бы то ни было периоде её жизни, когда она была бы запятнана первородным или личными грехами. По учению св. Иоанна Дамаскина, задавшегося целью точно передать догматическое учение древних отцов, благодать (несовместимая с первородным или смертоносными грехами) присуща душе Марии с самого начала её существования, как свет солнцу.¹ В течение последующих веков, трудами богословов и внутренним соборным религиозным опытом верующих, под непрерывным воздействием Духа Святого, постепенно выяснилось, в каком смысле учение о непричастности Богородицы первородному греху недопустимо,² в каком — оно обязательно. Объективно неизменная истина «Беспорочного Зачатия» была облечена в ясную догматическую формулу только в XIX веке.

Итак, догматы-истины — неизменны, независимы от хода истории, не подвластны законам развития; они существовали в I веке не более и не менее, чем в XX. Догматы же в смысле словесного определения существовали в первые дни христианской Церкви только в более или менее развитом „зародыше“: с этой, человеческой стороны догматы-формулы подлежат «догматическому раскрытию».

Нечто аналогичное замечается и в таинствах. В таинствах следует различать элемент божественный — не только сообщаемую таинством благодать, но и богоустановленную сущность обряда — от человеческого элемента, назидательных молитв и обрядностей, установленных обычаем или постановлениями иерархии. Благодать развивается лишь в указанном выше относительном смысле, и участие в ней, до известной степени, пропорционально благочестию человека; установленные же Спасителем существенные элементы таинств неизменны; всё остальное может меняться и совершенствоваться сообразно внешним условиям жизни. В крещении неизменны — источник благодати крещения; вода, символ омовения души и призывание Пресв. Троицы; все же прочие обряды крещения, молитвы, способ „омовения“, облачение совершителя крещения и т. п. могут изменяться так, как того требуют

1. Слово 1 на Успение Богородицы, Минь греч., 96. стр. 716.

2. Например, нельзя утверждать, что Богородица непричастна первородному греху в том же смысле, в каком это говорится о Христе.

общий ход истории Церкви или местные условия; и фактически в I веке эти элементы нигде не существовали в том виде, в каком они имеются сегодня на Востоке или Западе. Простая Христова Тайная Вечеря постепенно развилась на Востоке в стройную и продолжительную «литургию св. Иоанна Златоустого» или «литургию св. Василия Вел.», на Западе же — в «тихие» или «торжественные» мессы римского, амвросианского и других обрядов.

В Ветхом Завете будущее Царство Божие на земле, Церковь, сравнивается с „нежною отраслью“, которая *пустит ветви, и принесёт плод, и сделается величественным кедром* (Иезек. 17, 22-23). Сам Спаситель сравнивает это Царство с деревом, вырастающим из горчичного зерна: *Царство Небесное подобно зерну горчичному..., которое, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом,¹ так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его* (Мф. 13, 31-32). Царство, основанное Спасителем на земле, „подобно закваске“, постепенным брожением проникающей всё тесто. Притча о поле, на котором растут и добрые семена и плевелы, также указывает на значение развития в земной Церкви. Христос обещал построить Свою Церковь на Петре; но ведь никакое здание не сооружается мгновенно, а строится постепенно. Весь богоустановленный видимый человеческий „организм“ Церкви постепенно развивался.

В этом организме существенный остов — иерархия, которой Христос передал полномочия руководить, обучать и освящать всех чад Церкви (Мф. 28, 20; 18, 18 и др.). Первоначальная Церковь управлялась апостолами-иерархами, которые *исполнились Духа Св.* (Деяния 2, 4) и, согласно поручению Христа, учили Церковь догматам веры; верующие же *пребывали в учении Апостолов* (там же 2, 42). Церковная иерархия была орудием, посредством которого Христос возглавлял Церковь.

Отметим некоторые моменты в развитии Христова священноначалия.

При внимательном чтении Евангелия, мы поражены той исключительной заботливостью, с которою Спаситель относился к апостолам, первым пастырям Церкви. Им посвящал Он большую часть Своего

1. Характерно, что в Св. Писании и в Предании Церковь уподобляется одному дереву, одному дому, одной горе, одному стаду, одному городу и т. д.

времени; для них, со дня их призвания, Он постоянно был отцом, братом, наставником, другом. Он воспитывал их с безграничным терпением и любовью, исправлял их недостатки, укорял, ободрял. Им, а не сразу всей толпе Своих последователей, постепенно сообщал Он понимание глубокого смысла Своего учения (см., напр., Мф. 13). Апостолов, по крайней мере главных из них, Христос сделал свидетелями Своего Преображения и Своих душевных мук в Гефсиманском саду. Всё это становится вполне понятным, если мы примем во внимание, что Христос поручил пастырской заботе апостолов и их преемников всю Свою Церковь. *Идите учите все народы... се Я с вами во все дни до скончания века... Слышающий вас, Меня слушает... Всё что свяжете...* Не апостолы поручены „церковному народу“, а, наоборот, — апостолам, „учащей Церкви“, Христос поручил преподавать догматы веры церковному народу, „обучаемой Церкви“, освящать верующих таинствами, охранять их благочестие.

В Евангелии отчётливо выделяются только две формы апостольской власти: примат одного и священство. Разветвление священства на епископство и простое иерейское служение ещё не заметно; на основании одного Евангелия оно может быть доказано только косвенным путём богословских умозаключений: раз Христос передал апостолам полноту священнической власти, то они могут рукополагать себе преемников или помощников, передавая им полноту (епископство) или только часть (простое священство) этой власти. В Евангелии также не упоминается о диаконах. Подавно смешно было бы искать в Евангелии установление санов патриарха, митрополита, кардинала, благочинного или игумена. Из Евангелия тоже не видно, чтобы вселенские соборы были божественного установления. Теория же подчинения в догматических вопросах Петра — собору апостолов, а пастырей — „церковному народу“, не только не имеет никакого основания в Евангелии, но и прямо противоречит всем заветам Иисуса Христа; не сказано „всей твари“ — „будьте блюстителями благочестия и веры ваших пастырей“, а пастырям сказано: *Проповедуйте Евангелие всей твари... Учите все народы... Отвергающий вас Меня отвергает*; не сказано — „пусть братья утверждают Петра“, а, наоборот, — *утверди братьев твоих* (Лк. 22, 32). *Внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога* (Деяния 20, 28). Итак, по словам апостола, пастыри должны пасти верующих, Церковь, а не Церковь — пастырей.

В Евангелии имеются прямые указания только относительно подчинения верующих апостолам и апостолов Петру; притом Христос завещает апостолам пасти своих подчинённых в духе смирения и любви. Слова Христовы дают главные очертания и основные принципы иерархического строя Церкви. Дать более точное определение отношений между разными ступенями церковной иерархии Господь поручил ей самой; с иерархией Своей Он обещал пребывать до конца существования земной Церкви, т. е. до конца нашего мира.

В первые десятилетия после Вознесения Христова, иерархический строй Церкви представляется в следующей фазе развития. По почину апостолов появляется сан диаконов (Деяния 6). Начинает выступать грань между епископским и священническим санами; впервые упоминается о „пресвитерах“, хотя смысл этого слова ещё не был вполне установленным (Деяния 15, 22 и 21, 18). Выступает наружу соборное начало и притом в органическом сочетании с иерархическим началом главенства Петра: по инициативе Петра и указанным им образом, ученики сообща избирают Матфия в апостолы. По замечанию св. Иоанна Златоуста, Пётр был „начальником“ апостолов; он мог лично избрать и назначить нового апостола, но, по снисхождению, он этого не делает; он только „первый распоряжается в этом деле, так как ему вверены все“. 1 Деяния Апост. обозначают церковную иерархию словами *Пётр с одиннадцатью*, или *Пётр и Апостолы* (2, 14, 37; 5, 29). Суд Петра над Ананией и Сапфирией Господь санкционирует, наказывая смертью виновных; и в этом отношении Пётр занимает исключительное место среди апостолов. В лице Корнилия Пётр, повинувшись особому откровению, принимает язычников в Церковь; он же приказывает крестить язычников призванных к Церкви Духом Святым. Собор апостолов „молчит“ и не прекословит Петру (15, 12). Миряне принимают участие в церковных делах, но всегда в зависимости от „Петра и Апостолов“. Апостолы подчас возражают Петру, но „последнее слово“ остаётся за ним. В Деяниях, как и в Евангелии, нигде не упоминается о догматическом главенстве Церкви-народа над пастырями.

В эпоху великих гонений II и III веков, Церковь скрывалась „в катакомбах“, её общинная жизнь мало проявлялась вне её самой. Эволюция церковно-иерархического начала становится от того трудно осязаемой для историка, располагающего лишь весьма скудными

1. Беседа III на Деяния Ап., изд. СПб Дух. Акад., ч. I, 1856, стр. 49-59.

историческими документами, уцелевшими от гонений. Вселенское главенство преемников Петра выступает наружу лишь спорадически. Но о соборном начале можно сказать, что оно в ту эпоху ещё более тускнеет для современного нам наблюдателя: в течение всего этого периода было сравнительно мало поместных соборов, а вселенских — совсем не было. От того сущность дела не меняется; „в катакомбах“, как это видно из «Деяний Мучеников», христиане жили духом соборного послушания единой иерархии. Все папы времён великих гонений были отыскиваемы гонителями с исключительным усердием и ненавистью, все они были мучениками: тираны-язычники, как и вообще все враги христианства, уже тогда знали, что Церковь Христова держится на Петре.

В начале IV века отношение Римской империи к Церкви резко меняется, гонения на христианство прекращаются, сами императоры становятся покровителями Церкви. Церковь выходит из катакомб. Но языческая идеология, в особенности поскольку она касается положения религии в государстве, не сразу исчезает, и просачивается во все области христианской жизни. Папская власть не скоро могла справиться с трудной задачей: устранить языческую идею хозяйничанья светской власти в делах религии, идею подчинения вопросов вечного спасения мнимым нуждам государства и нации, и заменить эту идею христианским началом независимого от государства единого всецерковного и всемирного священноначалия, объединённого пастырства. Очень многие преемники Цезаря и Августа, несмотря на свою часто искреннюю преданность Христу, обращались с церковной иерархией в значительной мере так же, как их предки обращались с сословием жрецов. Большинство из них никак не могли понять, что вопросы веры их не касаются. На престоле апостола Петра понадобились такие энергичные борцы, такие столпы православия, как св. Келестин и в особенности св. Лев Великий, чтобы старая, римская, перекочевавшая в Константинополь императорская власть осознала наконец, что ей придётся или предоставить Церкви свободно развиваться и иерархически объединяться на Христовом начале независимости Церкви от государства, или, опираясь на до-христианские нездоровые течения в клире и народных массах, постепенно образовать свою, Византийскую, совпадающую с границами империи „вселенскую церковь“, совсем независимую от папства и вдохновляемую национальными чаяниями греков. Византийские императоры часто колебались между этими двумя решениями вопроса, но только гораздо позже,

после того как цезаропапистическое мировоззрение стало достоянием большей части греческого духовенства и монашества, они окончательно стали на стороне компромисса (теперь в антикатолических кругах часто называемого „симфонией“) православия с древне-римской идеей государственной религии, не имеющей иерархической точки опоры вне Империи; именно этот древне-римский элемент византизма был несовместим с всецерковным иерархическим началом, с папством. Ответственность за создание Греческого раскола падает, впрочем, не на одну Византию: было не мало обид и несправедливостей, причинённых грекам узостью многих латинян, недостаточно проникнутых католическими началами, не имевших уважения к положительным особенностям восточного христианства.

Во время знаменитых вселенских соборов V в. раскрытие церковной иерархичности быстро подвигается вперёд. Разница между епископом и священником уже вполне определилась. Впервые появляются патриархи. Ряд важных догматических вопросов получает своё разрешение на вселенских собраниях епископов, руководимых папскими легатами или утверждаемых Римом. Провиденциальное учительство пап уже вполне окрепло. Даже некатолический историк В. Болотов признаёт, что в учении св. Льва Великого о примате уже заключаются «юридические прерогативы», определённые впоследствии Ватиканским Собором;¹ и Халкидонский вселенский собор признал учение Льва Вел. согласным с Преданием. Однако, в это же время распространяется, в особенности на востоке, и антицерковное, цезаропапистское течение, стремление подчинить Церковь национально-политическим факторам. Мы имеем налицо две параллельные эволюции: Отцы Церкви и вообще все „столпы православия“ (Златоуст, Кирилл Ал., Пётр Хрисолог, Флавиан, Афанасий Вел. и т. д.) содействуют укреплению начала живого единения соборности с церковной иерархичностью; враждебные или чуждые Церкви элементы, люди пропитанные римскими традициями о подчинении „сословия жрецов“ всемогущему императору, работают над превращением византийских епархий в одну вполне независимую от Рима автокефальную вселенско-императорскую церковь.

В последующие века церковная иерархия продолжала развиваться в соответствии с общим развитием Церкви и в тесной органической связи с ним. Главенство пап особенно ярко выступало при святых

1. Лекции по Истории Древней Церкви, СПб. III, 1913, стр. 280-301.

папах; его влияние временно слабело при недостойных преемниках Петра, когда волны западного цезаропапизма захлёстывали ладью Петрову; благополучный исход этих тяжких испытаний, равно как и постоянное тяготение бесчисленных святых к папству, которое они желали видеть вполне свободным и авторитетным, при одновременном стремлении нравственно павших людей к порабощению папства сильными мира сего или полному его уничтожению — все эти данные исторического опыта подтверждали веру в богоустановленность папства.

Постановления последнего, Ватиканского, вселенского собора являются, таким образом, естественным и нормальным этапом одной и той же чисто церковной эволюции, раскрытия соборно-единовластного органического двигателя церковной жизни. Никогда соборное начало не было так сильно во вселенской Церкви, как после Ватиканского собора: ясная формулировка веры всей древней Церкви в необходимость догматической согласованности с Римом дала церковной соборности вполне определённое сознание, что всякое церковное соборное начинание имеет в Риме надёжную точку опоры. Ежегодно в католическом мире собираются сотни международных, национальных, провинциальных и епархиальных соборов, „конгрессов“, Katholikentag, semaines, съездов, общих собраний. Чем ближе какая-нибудь среда к папству, тем живее в ней сознание соборной сверхприродной солидарности со всеми чадами Церкви; чем больше любовь к отцу, тем больше братская любовь ко всем его детям. Папство было и есть лучший оплот истинной церковной соборности против разлагающих и убийственных воздействий разных „империализмов“, с одной стороны, и всевозможных псевдособорностей, с другой. Утверждение, будто папство „вытеснило“ из Церкви дух соборности во Христе — плод глубокого незнания и неспособности различать Христову соборность-благодать от столь соблазнительных демократических „соборностей“ мира сего.

Церковь Христова постоянна и неизменна. Христос создал её неизменной в её духовной и внешне-органической сущности: если бы что-либо существенное в ней изменилось, она перестала бы быть Церковью Христовой, сделалась бы церковью людскою, обыкновенной ложной религией. И именно потому, что Церковь неизменна и ненарушима, она не может из органически развивавшейся, какою она бесспорно была в первые века, сделаться

неразвивающейся, из динамичной она не может перевоплотиться в статическую; „эмпирия” догматического раскрытия ненарушимых истин Откровения не может замениться „эмпирией” догматической косности.

Перед очевидным фактом исторического развития богоустановленного строя Церкви многие протестанты последовательны: они перестали признавать не только папство, но и священство, и таинства, и иконопочитание, и другие факторы христианства, в которых проявилось развитие; они попытались вернуться к первой стадии развития Церкви и придали именно этой **стадии** значение **постоянной нормы**; „упрощение” христианства логически вытекало из этой основной ошибки. Но не признавать папства на том основании, что главенство Петра среди апостолов или папство III века не имело той степени раскрытия, какую мы наблюдаем в эпоху Халкидонского вселенского собора или в наши дни, и в то же время сохранять веру в таинства и в различие между саном епископа и саном пресвитера, различие имеющее во всём Св. Писании несравненно меньше прямых оснований, чем главенство папы, — это верх непоследовательности, догматического произвола и пренебрежения к древнему Православию.

Нельзя безнаказанно насиловать данных Богом законов земного существования, в особенности когда дело касается церковной „эмпирии”. Неизбежность раскрытия истины в земной Церкви вытекает из воли Творца, осуществляемой Спасителем в плане спасения. Эволюция в Церкви есть своего рода неумолимый закон; если она не течёт в богоустановленном русле соборно-иерархического начала, то она неизбежно превращается в чудовищную разрушающую стихию. Протестанты, искореняя действительные злоупотребления в жизни духовенства XVI века, зашли далеко за пределы желательных реформ и отвергли нормальное здоровое развитие Церкви. И что же получилось? Получился целый ряд пагубных разрушительных эволюций, особенно в догматах; подлинное церковное развитие автоматически заменилось ложными эволюциями, ведущими, прямыми или окольными путями, к отрицанию основы христианства, веры в божественность Иисуса Христа. Восточные Церкви отвергли раскрытие иерархического начала и в результате вместо эволюции „папизма” появилась эволюция цезаропапизма, а затем „нациопапизма”. *Natura horret vacuum* (природа не терпит пустоты). Это верно и относительно челове-

ческой природы Церкви: где только людская немощь делает „пробелы” в живом церковном организме, пустое место заполняется посторонними вредными реальностями. Исключать из Церкви закономерное развитие иерархии или раскрытие догматов значит обрекать её на постепенное разложение под влиянием чуждых ей течений.

ПРИЛОЖЕНИЯ. I. «Католичество... не может вместе с модернизмом Луази видеть сущность христианства в развитии, как таковом. Напротив, для католичества само развитие заложено в сущности христианства. Развитие это есть не что иное, как постоянный прогресс, как постоянное развёртывание неизменного в своём существе, раскрытие и обнаружение нового, заключённого в истинности старого. Пышное дерево, широко раскинувшее свои листья, не отрицает своим расцветом того зерна, из которого оно вышло и в котором потенциально и истинно заключалось. Так и современная католическая догма потенциально заключена во всех предшествующих стадиях своего развития и ни одной из них не противоречит. Католичество не только не отрицает идеи развития, но не мыслимо без неё, построено на идее органического развития или заключает её в самом существе своём. Католичество не отрицает и не может отрицать развития богословия и науки уже по одному тому, что наука — одна из высших форм человеческой деятельности, а католичество стремится освятить, религиозно понять и преобразовать всю жизнь. Оно стремится к целостному знанию, которое насквозь должно быть религиозным...» (Л. Карсавин. Католичество, стр. 52, 53).

По католическому учению, повторяем, органическое развитие, вернее раскрытие догмы, касается не самой догматической истины или объективной истинности какого-либо изречения, а только богословских исканий, восприятия неизменной догматической истины соборным сознанием Церкви, словесного выражения этой истины и согласования его со всеми данными церковного вероучения в его совокупности.

II. В труде знаменитого русского православного богослова, еписк. Сильвестра, Опыт Православного Догматического Богословия, мы читаем: «Догматы перед изучающим их разумом являются... в виде более или менее развитом и сформированном, как перешедшие уже чрез разные и многие ступени своего развития» (Изд. второе. Киев, 1884, т. I, стр. 39). «Так как историческое развитие

догматов в Церкви необходимо предполагает позади себя или под собою свой незыблемый корень, на котором оно утверждается, непрерывно питаясь его неистощимой жизненной силою, и этот корень есть не что иное, как божественное Откровение, то-есть Писание и Предание; то догматисту прежде обозрения исторического хода в развитии догматов необходимо рассматривать их здесь, как в первоначальном их зародыше» (Там же, стр. 48).

Другой крупный православный богослов, прот. Н. Малиновский, пишет: «То учение, которое не содержится в Откровении *explicite* или *implicite*, не есть и не может быть догматом веры» (Очерк Православного Догматического Богословия, изд. второе, Сергиев Посад, 1911, т. I, стр. 6). Итак, и он признаёт раскрытие некоторых догматов из истин заключающихся *implicite*, сокровенно, потенциально, в Откровении.

---

*Глава седьмая***СВОБОДА**

Разбор исторического факта совместного развития в Церкви соборного и иерархического начал приводит нас к другому, не менее важному вопросу: каково значение свободы в Церкви?

Невозможно дать положительное определение свободы, как разновидности более общей категории понятий. Свобода, как таковая, принадлежит к первоначальным, самоочевидным понятиям, которые трудно обозначить иначе, как сродными идеями или тавтологиями, каковы для свободы, например, — „самоопределение”, „имманентное решение”, „индетерминизм” и проч. Легче и удобнее всего пояснить суть свободы присущим всякому виду свободы отношением зависимости свободного существа от одних данных и независимости от других. Независимость, по крайней мере на практике, — основной момент духовной свободы; **но всякая моральная независимость предполагает с онтологической необходимостью соответствующую зависимость**, ибо чем совершеннее какое-нибудь свободное существо, чем более оно независимо от всего преходящего, тем более оно сознательно зависимо от Непреходящего, и наоборот. Без сознания и признания зависимости нет духовной свободы.

О свободе глины, планет, облаков и речи быть не может, разве только в воображении поэтов: в этих творениях нет сознательной зависимости от Творца; они безжизненны, а настоящая, духовная свобода возможна только в духовно живых существах. Воля Божия бесконечно „зависима” от совершеннейшего бытия Бога, абсолютно тождественна ему: оттого Бог безусловно независим от всего того, что не есть Он Сам, оттого Он абсолютно свободен.

Надо различать внутреннюю и внешнюю свободу. Нравственно чистый человек, связанный по рукам и по ногам и брошенный в

темницу, внутренне свободен, внешне — нет. Пьяница, беспрепятственно бродящий по улицам, внешне свободен, внутренне нет. Внутренняя духовно-нравственная свобода, конечно, важнее внешней; без неё внешняя свобода вообще не имеет никакой ценности: от внутренней свободы зависит счастье, праведность, достижение конечной цели существования; на неё мы главным образом и обратим наше внимание.

Внутренняя духовная свобода отдельной личности тем совершеннее, чем менее эта личность зависит от нравственно отрицательных факторов, или что то же самое, — чем более она зависит от положительных. Вся сущность совершенной человеческой свободы в **максимальной зависимости** от абсолютного конкретного нравственного Добра и Свободы, т. е. от Бога, и в независимости от всего стремящегося к независимости от Него. И это понятно: **свобода есть жизнь нашего духа, а источником и причиной нашей жизни может быть только Бог**; поэтому, чем ближе человек становится к Богу сознательной зависимостью от Него, т. е. исполнением Его пресвятой воли, тем интенсивнее будет его духовная жизнь, тем совершеннее и реальнее его свобода.

Таким образом, перед каждым из нас открывается целая лестница для **восхождения** от менее совершенной свободы к более совершенной. На первой ступени этой лестницы предстоит выбор между честными поступками и преступлениями; отказываясь от этой свободы грабить, убивать, говорить неправду и т. п., мы укрепляемся в более возвышенной свободе выбирать между нравственно безразличными и нравственно добрыми поступками. Преодолевая и эту ступень свободы, свободу делать нравственно безразличное, и стремясь в своих поступках к положительному нравственному совершенству, мы развиваем в себе новую, более высокую ступень свободы. Окончательная, высшая ступень этого восхождения достижима только в загробной жизни и состоит в безусловной потере свободы делать зло и окончательном утверждении в благодатной свободе и свободном общении со всеми небожителями.

Итак, основным **двигателем** свободы духа является как раз постоянное **преодолевание** свободы. Эта кажущаяся антиномия легко разрешается, если принять во внимание, что предмет свободного выбора меняется с каждой ступенью. Чтобы достигнуть

вершины горы, надо оставить за собою все промежуточные высоты, надо их преодолеть, отказаться от них. Непреодоление собственной свободы свойственно людям „опускающимся” и ведёт к полному своеволию, т. е. уничтожению подлинной свободы, к полной независимости воли от Добра и унижительной зависимости от зла; ад есть не что иное, как непоправимое „освобождение” от Бога и мучительная рабская зависимость от своего гордого „я”. Чтобы двигаться вперёд и, в особенности, чтобы подняться, нужно действительное сопротивление почвы „свободе” ног; чтобы подняться к истинной свободе, надо иметь на что опереться, надо подчинить свою свободу ограничивающим её нормам. Чтобы достигнуть свободы святых, надо пожертвовать всякой другой свободой; чтобы купить эту дорогую жемчужину, надо „продать всё”. Нет более опасного врага духовной свободы, чем необузданность нашей свободы. „Остерегайся собственной своей свободы, предшествующей лукавому рабству”, — читаем мы в одном древнем „слове”, которое многие приписывают Исааку Сириянину.²

Внутреннее взаимоотношение связывает свободу человека с его духовной и моральной жизнью; с повышением или понижением одной повышается или понижается другая. С точки зрения духовной ценности, человек никогда не остаётся на „мёртвой точке”, он никогда не статичен; он постоянно или подымается или опускается, при чём и то и другое может происходить с большей или меньшей скоростью. Другими словами, мы никогда не стоим на одной ступени свободы, но, или восходим вверх, в направлении совершенной духовной свободы, т. е. освобождения от свободы грешить, или же катимся вниз к полному духовному рабству, невозможности не грешить. От исходной точки мы приближаемся или к бесповоротному освобождению от зла или к окончательному „освобождению” от добра, от Бога; мы уподобляемся или ангелам или диаволам.

В нескольких словах, сказанное сводится к следующему: человек тем свободнее, чем совершеннее его нравственный облик, т. е. чем с большею любовью он исполняет волю Божию, чем более и чем сознательнее он ищет зависимости от неё и независимости от всего, что противно Божией святости.

Итак, восхождение к полноте свободы сводится к искреннему, постоянному, смиренному и любовному **исканию и исполне-**

1. Творения Исаака Сириянина, Моск. Дух. Акад., 1893, стр. 360.

нию воли Господней, к преобразению всей жизни, в целом и в подробностях: согласно предвечным нормам божественного закона, выражаемым в природном нравственном законе; согласно указаниям посылаемым Провидением; согласно первоначальному Откровению; согласно, наконец, заветам и заповедям Господа нашего Иисуса Христа.

Здесь возникает весьма важный вопрос: как следует человеку относиться к воле других людей, проявляющейся по отношению к нему, т. е. к власти на земле? Ответ может быть только один: христианин **должен** подчинять свою свободу воле других в пределах, в каких они выражают волю Божию по отношению к нему; во всём же остальном он **должен** стремиться к возможно большей независимости от них. Не подчиняться людям, когда они являются второпричинами имеющими „власть от Бога”, точно так же пагубно для духовной свободы, как слушаться людей приказывающих противное воле Бога.

Нет духовной свободы, где нет исполнения воли Господней, исполнения подобающего чадам Божиим — смиренного, великодушного, радостного, преисполненного любви к Богу и к людям. Но воля Божия, особенно когда дело касается подробностей повседневной жизни и подчас весьма сложных отношений к окружающей среде, в большинстве случаев далеко не самоочевидна. Как узнать, например, в какой мере и в чём дети должны видеть волю Божию в приказах учителя в школе? В каких случаях государство является „властью от Бога”, в каких — властью сатаны? Для разрешения всех этих вопросов нам дана Церковь. Церковь — орудие Божиего Провидения, учреждённое Спасителем на земле, чтобы указывать верующим путь спасения. Две величины, равные третьей, равны между собой: каково наше послушание Церкви, таково наше духовное совершенство; каково наше совершенство, такова наша свобода; итак, каково наше послушание Церкви — воле Божией, открываемой нам через людей — и какова наша независимость от самочинных авторитетов, такова наша свобода.

Христос — наш Глава, идеал и норма во всём. У Него нам следует учиться духовной жизни, искусству преуспевать в свободе духа. В Своей человеческой природе Спаситель достиг наиболее высокой ступени свободы, доступной человеку. Во Христе нас поражает Его полная независимость не только от всего греховного,

но и от всего преходящего. Иисус Христос свободен от предрас-судков окружающей среды, свободен от „посторонних влияний“, свободен от страха перед „сильными мира сего“, свободен от „культурной“ или национальной узости, свободен от беспокойства за завтрашний день. Величайшее в мировой истории преобразование — установление христианской религии — Он совершает „как власть имеющий“, как человек свободный от обыкновенного человеческого бессилия. Во всей жизни Сына Человеческого отражается безграничная свобода Слова. Христос „возрастал и укреплялся духом“ — свободным духом — тем же способом, который Он завещал нам, тем же узким путём самоотречения, повиновения воле Отца, подчинения человеческой свободы Божией свободе, пожертвования нижней свободой ради высшей. Христос отверг соблазн самочинной свободы, когда сатана или люди искушали Его (Мф. 4, 1-10; 16, 23). От колыбели до крестной смерти Он руководился одним правилом: *не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26, 39), да будет не по Моей свободе, а по Твоей. Святая свобода Сына Человеческого утверждалась благодаря тому, что Он „был послушен до смерти крестной“, послушен Отцу и людям (например, Иосифу и Пресв. Деве Марии), поскольку они были второпричинами, заместителями Отца. Иисус Христос был идеально свободен, потому что Он был идеально послушен.

Христианин, преданный Христу и верующий во Христа, как Главу всей Церкви и каждого из её чад, следует по стопам своего Вождя: велед за Христом он бесстрашно стремится к святой „свободе во Христе“ тем же путём послушания Богу и Его заместителям на земле. Нигде свобода человеческая не достигает таких высот и такого расцвета, как в святой Церкви. Притом это процветание свободы всегда пропорционально сыновнему послушанию верующих Христу в лице Его пастырей. Все христианские церкви или секты, которые откололись от вселенской Церкви, попадали в зависимость от духовно бесплодных, нецерковных сил мира сего; в той мере, в какой они отказывались от начала послушания и предавались своеволию, они теряли и богатую свободу. Конечно, в восточных церквях и даже в протестантских сектах встречается ещё не мало глубоко верующих христиан, но только среди людей живущих духом послушания: по вине других, они ошибаются относительно второпричин Божиего волеизъявления, относительно наличия Христовых учительских полномочий у тех

пастырей, под властью которых они издавна жили. но они не отвергают самого принципа послушания, и этим спасаются.

По учению ап. Павла, свобода есть великий дар Божий. *Господь есть Дух; а где дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17). *Итак, братия, мы дети не рабы, но свободной* (Галат. 4, 31). Эта подлинная Христова свобода есть не что иное, как духовный плод преодоления свободы грешить, следовать своим прихотям, т. е. плод повиновения Богу, Его законам. *Мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем* (Рим. 3, 31).

У св. Иоанна Златоуста мы читаем: «Но ты скажешь: я человек, почтенный свободою. Ты почтен не для того, чтобы употреблять свободу на прекословие, а для того, чтобы употреблять эту честь на послушание Почтившему».¹

Еп. Феофан Затворник пишет: «Бог... оставляет нас на свободе, чтоб мы сами покорили и предали Ему в жертву свою свободу, — единственное, какое может человек сделать от себя, приношение Богу, достойное Бога. В жертвоприношении свободы Богу состоит истинный характер нравственно-благочестивой жизни, или, что то же, он состоит в решимости не иначе располагать своими внутренними и внешними действиями, как по воле Божией».²

Наибольшей чистоты и силы „свобода во Христе“ достигает в хороших монастырях. Монах имеет перед собою верную и безопасную стезю для восхождения к высшим ступеням свободы; это устав и распоряжения игумена, через которые Господь указывает ему Свою волю. Оттого все ревностные монахи, усердно приносящие Богу в жертву свою свободу, всегда веселы, радостны; духовная радость есть признак победы над низменной свободой и достижения высшей благодатной свободы.

Основная задача Церкви — пролагать своим чадам путь к полноте духовной свободы, другими словами — указывать волю Божию, толковать Господни заповеди и поучения, пасти именем Бога. Уже из этого видно, как необходима в Церкви Христовой общедоступная постоянная инстанция, безошибочная в своих вселенских и окончательных решениях, имеющая своей задачей с возможно большей определённою разрешать сомнения верующих насчёт

1. Против иномеев, Н. Творения св. Иоанна Златоуста, СПб. том I, 1895, стр. 498.

2. Начертание Христианского Нравоучения, изд. второе, стр. 46.

этических и религиозных обязанностей. Такой инстанцией и является установленная Спасителем единая церковная иерархия, „Церковь учащая”. Само собою разумеется, Всемогущий мог бы постоянным непосредственным откровением указывать каждому христианину, как ему следует поступать во всех обстоятельствах его жизни. Но кто читал Евангелие, тот знает, что Господь избрал более соответствующий человеческой природе способ указывать верующим ступени восхождения к подлинной свободе, а именно действительное, авторитетное пастырство: слушающий вас, Меня слушает; если и Церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник; научите... соблюдать всё, что Я повелел вам...

Чтобы достойным образом выполнить эту задачу, сама учащая Церковь должна быть возможно более свободной, и притом 1) благодатною сверхприродною свободой; 2) свободой от посторонних, нецерковных влияний; 3) свободой от преобладания внешнего, „юридического” начала.

Благодатная свобода пастырей Церкви — их радость во Христе, их отрешённость от земных благ, их святость, располагающая верующих к послушанию своим иерархам — укрепляется и развивается в пастырях тем же способом, каким она раскрылась в человеческой природе Христа: самоотречением, смиренным послушанием орудиям Божией власти. Оттого „Петру поручены все”, как выражается св. Иоанн Златоуст. Господь мог бы сделать для архипастырей исключение из общего правила и изъять их из подчинения видимому оудию Своего вселенского главенства в Церкви. Но ни в Евангелии, ни в Предании мы не находим никаких следов подобного изъятия, подобного **нарушения** универсального божественного закона, в силу которого всё „низшее” подчинено „высшему”, а „множественное” — „единому”.

Во-вторых, учащей Церкви необходимо стремиться к максимальной независимости от посторонних — политических, сословных, профессиональных и вообще **вне-церковных влияний**. Нигде в Евангелии или в Предании не сказано, что Господь ведёт людей к благодатному спасению через подчинение Церкви государству, политическим партиям, национальному духу, „культуре”, „науке” или искусству. Иисус Христос и апостолы поучали бесстрашию перед сильными мира сего; в лице еврейского национализма все „нациократии” были изгнаны Христом из святыни Церкви. Для процветания подлинной свободы

в учащей Церкви, необходимо её единство, нужно сильное устранение разногласий, порождающих враждебность, отсутствие любви и свободы духа. Все же внешние, нецерковные влияния, по природе своей, действуют на Церковь разъединяющим, разлагающим образом. Церковь есть „соль“ государства, нации, общины, культуры, социальных и международных отношений, — а не наоборот. Во всех странах, Церкви приходится испытывать давление со стороны внецерковной мирской стихии; оттого каждой поместной ветви церковного организма необходима органическая связь с „матерью и корнем“, как св. Киприан называет Римскую Церковь; где этой связи нет, церковная жизнь неизбежно впадает в пагубную зависимость от преходящей посторонней „эмпирии“, теряет свою специфическую, церковную свободу. Папство обеспечивает католической иерархии неведомую другим христианским исповеданиям степень свободы. Объединяющая власть — существенная потребность всякого общественного организма, в том числе и земной Церкви Христовой.

Нет того христианского вероисповедания, в котором не было бы какого-либо „папизма“ — или подлинного, богоустановленного, или ложного, нецерковного и вредного, каковы цезаропапизм, этнопапизм, демопапизм, сектопапизм, культуropaпизм или эгопапизм. Разница между Католическою Церковью и другими религиозными группировками не в том, будто вне католичества верующие свободны от необходимости подчиняться в религиозных вопросах какому-либо давлению, в католичестве же — не свободны: разница в том, что в Католической Церкви, благодаря папству, достигнута высокая степень свободы церковной иерархии — а через её посредство и всего церковного народа — от посторонних, паразитарных „папизмов“, между тем как в некаатолических религиозных общинах те или иные „папизмы“ искажают церковную свободу до неузнаваемости.

Иные возразят: само папство часто вовлекалось в политику, сильные мира сего не раз и не без успеха оказывали давление на выбор нового папы и на деятельность Римских первосвятителей. Но ведь именно эти постоянные напряжённые усилия земных властелинов „завладеть“ папством, то-есть устранить его сверхполитический и сверхнациональный авторитет, ясно показывают, что чисто католическая „идея“ папства им неужгодна, противна, опасна для их тиранических затей, что для их близорукой политики допустимо только ущемлённое и духовно слабое папство, почти не сопротивляющееся их кощунственным посягательствам на свободу вселенской Церкви.

Они всегда осознавали, что папство по существу своему есть сила противодействующая порабощению Церкви земными державами, постоянно спасающая свободу Церкви. Иные выборы нового папы, конклавы, заканчивались неудачно, некоторые папы слабо отстаивали независимость Церкви, поддавались желаниям своих „покровителей”; но ведь всё это было как раз более или менее осознанным **отступлением** от католического принципа; все эти исторические факты показывают только, что вполне правы были все лучшие представители католического мира, все католические святые, которые так самоотверженно боролись за независимое, духовно авторитетное папство.

В третьих, для преуспевания церковного народа во свободе Христовой нужно, чтобы в земной Церкви устремлённость к небесному не была парализована **юридизмом**, земною, человеческою стороною церковного строя, чтобы, например, внимание верующих не отвлекалось от великих заданий христианства спорами о каноничности того или иного иерарха, о законности постановлений того или иного собора. Ничто так не удаляет от подлинной церковной жизни, как постоянные бесплодные споры о власти того или другого церковного сановника, той или иной поместной иерархии, полемика насчёт прав мирян и клира, борьба разных „течений” за влияние на народ и т. п.; а одно бесспорно: эти болезненные явления дают себя чувствовать с особенною силой везде, где богоустановленная высшая церковная инстанция не пользуется должным догматическим авторитетом и уважением. Характерен факт: в то время как в католическом мире существует огромная мистическая и аскетическая литература и лишь сравнительно незначительная часть церковных изданий посвящена вопросам о внешнем строе Церкви, о канонических и юридических факторах, в отколовшихся от неё исповеданиях — англиканстве, например — в печати и в живом слове гораздо больше места уделяется томящей и безвыходной полемике по поводу вновь возникающих „канонических неразберих”. В подлинной Церкви Христовой, постоянная вселенская догматически обоснованная центральная власть ставит предел ненужным спорам, устраняет хаос мнений и суждений, освобождает церковный народ от искушения заменять мирную духовно-религиозную жизнь страстным и духовно мертвящим участием в попытках разрешить неразрешимые канонические „узлы” и загадки; папство сводит к минимальным размерам все церковно-юридические неурядицы, столь вредно отзывающиеся на благодатной жизни и внутренней свободе верующих.

Учение о свободе в Церкви многих современных либеральных мыслителей покоится на своеобразном софизме: христианская святость предполагает подвижничество, но величайшим из подвигов является „подвиг свободы“, состоящий в том, что христианин отказывается от „удобного и лёгкого“ пути следования за „авторитетом“, от пути послушания пастырям Церкви, и обретает спасение в мучительном свободном непосредственном искании и исполнении воли Господней. Учение это направлено остриём против католичества. Самобытного в нём мало; оно является простой разновидностью протестантского либерализма и, подобно ему, пагубно отзывается на устойчивости религиозных начал, даже догматических. Это учение о „подвиге“ (или, как теперь иногда выражаются, — „пафосе“) свободы:

- 1) Противоречит недвусмысленным **словам Христа** о необходимости послушания иерархам; кто непослушен законному пастырю, тот Христа *отвергается* (Лк. 10, 16).
- 2) Диаметрально противоположно **примеру Спасителя**, Который был послушен до смерти крестной, был послушен людям и заповедал нам следовать Его примеру.
- 3) Противоречит **учению св. апостола Павла** и других апостолов, которые требовали от верующих послушания не только в „административных“, но и в догматических вопросах; в этом не трудно убедиться, прочитав иные послания ап. Павла; *Повинуйтесь поставникам вашим* (Евр. 13, 17).
- 4) Противоречит **постановлениям всех вселенских соборов и учению отцов Церкви**. Вселенские соборы предавали анафеме христиан не повинующихся их догматическим постановлениям, как видно из „Деяний Всел. Соборов“.
- 5) Противоречит основам христианского подвижничества.
- 6) Заключает или предполагает ряд утверждений не соответствующих действительности.

Неправда, будто в католичестве нет свободного, сознательного отношения к Церкви; в глубоко верующих католических кругах такое отношение к Церкви гораздо живее, чем там, где „вера отцов“ имеет характер национальный, и потому в значительной мере подчинена законам этнического детерминизма: принадлежность к какой-либо нации или расе не подлежит свободному исканию и избранию со стороны отдельных личностей; потому в национально-автокефальных церквях остаётся сравнительно мало места для свободного искания полноты правды Христовой.

---

1. См., напр., Деяния Ефесского и Халкидонского всел. соборов, в «Деяниях Всел. Соб.», изд. Казан. Духов. Академией, т. I (1859), стр. 293-740 и весь т. III (1863).

ПРИЛОЖЕНИЯ. I. Старый предрассудок, будто католический авторитет убивает свободу, понемногу рассеивается.

В. В. Розанов пишет: «О рабстве в католицизме навраны горы пустяков. Нет, такое гордое и долговечное здание на рабстве не основывается. Католицизм знал и знает безграничную свободу, но не вековечную, не переходящую в анархию... Нет, католичество творило гениально и свободно; в самих делах веры оно было свободно...» (Около Церковных Стен, т. II, стр. 354).

А у Бердяева мы читаем: «Пора, наконец, исправить несправедливость относительно католичества. Когда православные критиковали католичество, то они обыкновенно обвиняли его в авторитарности, в отрицании свободы совести и мысли, в инквизиции... Предполагалось, что в православии есть больше свободы духа, нет клерикализма. Но так было лишь пока нападали на католичество. Когда же обращались к внутренней жизни православной церкви, то никакой свободы не оказывалось, меньше, чем в католичестве... У Хомякова были гениальные интуиции о свободе и соборности, но они не соответствовали фактическому положению православной церкви. Соборность существовала в идее, а не в практике. Нужно решительно сказать, что у католиков гораздо больше свободы мысли, чем у православных и именно не в отвлечённой концепции, а в практике. Поэтому в католичестве возможна была богатая и разнообразная богословская литература. Я не говорю уже о западном средневековии, когда свобода мысли в католичестве была велика, большая, чем в новое время (?). Поэтому в средневековии возможен был расцвет очень разнообразных, борющихся между собой богословских, философских, мистических школ. Ничего равного этому не было на православном Востоке. И сейчас католическая мысль находит возможность двигаться, отвечать на проблемы нашей эпохи без того, чтобы быть окончательно удушаемой. Так, например, среди французских католиков-томистов, т. е. людей дорожающих ортодоксией, создаётся целое движение неогуманизма, очень радикальное в вопросах социальных и культурных, стоящее на высоте современной проблематики...» («Путь», 1935, № 49, статья Дух Великого Инквизитора, стр. 74-76).

Бердяев правильно отметил факт: свободы в католичестве несравненно больше, чем вне его. Но он не видит настоящей причины этого явления, он не осознал до конца антиномию свободы. Подобно Достоевскому, он не различает подлинного авторитета от ложного, самочинного; а между тем это два противоположных понятия.

„Авторитарность” властей живущих в разрыве с верховным церковным авторитетом, конечно, убивает или, по крайней мере, ослабляет свободу. Но подлинный церковный авторитет, точнее чистосердечное и **благодатное** послушание богоустановленной иерархии, есть самый мощный двигатель и проводник подлинной духовной свободы: подчиняясь Божию авторитету, действующему в людях, свыше для этого уполномоченных, христианин исполняется Божией жизнью, силой, свободой, проникается ею, делает её своею. Напрасно Бердяев обвиняет православие; виновато не православие, а навязанное ему византийскими националистами отрицательное отношение к папству.

Послушаем ещё такого крупного мыслителя как Л. П. Карсавин. «Рассматриваемое извне, католическое богословие связано своими основными догматическими предпосылками и кажется несвободным. Но внутренне этою связанностью и обуславливается настоящая свобода. Свобода исследования не может означать свободы от принципов и границ познания. Отбрасывающий абсолютные истины, как исходный пункт своего исследования, вовсе не свободен: он раб относительного. Отрицающий во имя науки историчность Христа, воплощение Бога, как действительный исторический факт, только кажется свободным. Он признал для себя необязательной абсолютную истину, но зато рабски подчинился князю века сего — относительной, позитивной науке. Он служит не Богу, а рабу, рабствует в относительном, тогда как подчиняющий себя непререкаемой абсолютной истине в своём служении ей возвышается над относительным, приобретает всю полноту достижимой для человека свободы. Обвинения католичества в принципиальном отрицании свободы исследования одно из самых крупных и наивных недоразумений, основанное на предположении, что возможно вообще беспредпосылочное исследование и что нет абсолютной истины. И это обвинение направлено вовсе не против католичества, а против христианства, даже против истинной религии, т. е. совокупности абсолютных ценностей вообще, как бы мы такую религию не называли. Допустите, хоть на одно мгновение, что католическое учение — абсолютная истина. Тогда вы поймете внутреннюю правду католиков, утверждающих, что только в католичестве возможно истинно свободное исследование, истинно свободная наука» (Католичество, Петроград, 1918, стр. 50).

И ещё: «Воспитание церковью верующих должно быть понимаемо, как явление им истины и устранение заволакивающих эту истину лжи и греха. Тут не насилie над свободной волей — воля по природе

стремится к добру — и над разумом — разум по природе стремится к истине, — а освобождение воли и разума от оков лжи и греха, проявляющееся как насилие над греховным. Даже и это устранение греховности кажется насилем только потому, что никто не смотрит на положительную сторону акта церкви — на утверждение истины, никто не хочет понять, что устранение лжи только естественно-необходимое, самопроизвольное следствие утверждения истины» (Там же, стр. 118).

II. Немалую роль в развитии „византийского недуга” сыграло влияние до-христианских идеологий и философских систем. Восток долго находился под влиянием философии Платона и Плотина. Конечно, в границах определяемых приматом вечных истин веры, допустимо и даже желательно, в силу принципа разноединства, чтобы религиозная жизнь каждой страны носила свой особый неповторимый культурно-философский отпечаток. Но при всём, подчас благотворном значении платонизма и плотинизма в выработке восточной религиозной мысли, не следует закрывать глаза и на услугу, которую эти теории оказали поборникам восточного сепаратизма. В системе Платона, как и вообще в до-христианских, языческих мировоззрениях, нет места для Церкви, как отличного от государства самобытного „совершенного общества”; в этой системе мыслимо только одно „общество”, именно всёпоглощающее государство; тут „лучшие”, то-есть жрецы и религиозные мудрецы, — такое же для государства существующее сословие, как и воины или земледельцы. Византия никак не смогла преодолеть страшного соблазна — слияния Церкви с государством в одно „совершенное общество”; на этой почве зародилось так называемое „разделение церквей”.

Со времени признания христианства имп. Константином «светская власть начала принимать участие в церковном законодательстве... Древнему миру чуждо было различие церкви и государства, как двух особых организмов» (Прот. М. И. Горчаков, Церковное право, СПб, 1909, стр. 39). «Римская мысль об императоре, как верховном первосвященнике, с чрезвычайной резкостью была выражена императором Львом Исавром, в предисловии к его еклоге, где он назвал себя преемником апостола Петра, имеющим миссию пасти верующих» (Н. Суворов, Учебник церковного права, 5-е издание, Москва, 1913, стр. 40). Римско-византийские императоры «и по принятии христианства не могли отрешиться от мысли, что *ius sacrum* (священное право) есть составная часть *iuris publici* (государственного права)...

Императоры-христиане перенесли ту же точку зрения на христианскую религию... Императоры не стеснялись издавать законы, не согласные с канонами, а канонисты не стеснялись объяснять, что позднейшими императорскими законами отменяются древнейшие каноны» (Там же, стр. 465). Это признаёт лучший русский канонист; а у величайшего русского религиозного мыслителя, Владимира Соловьёва, мы читаем: «Византийское преобразование римской империи, начатое Константином Великим,... дало в результате государство христианское лишь по имени. Законы, учреждения, а частью и общественные нравы — всё это сохраняло отдельные черты старого язычества» (Россия и Вселенская Церковь, Москва, 1911, стр. 19).

В книге прот. А. Шмемана Исторический путь Православия (Нью-Йорк, 1954, изд. им. Чехова) мы читаем: «Обращение Константина не повлекло за собой никакого пересмотра, никакой переоценки теократического самосознания Империи... С самого начала сознание христиан заворожено было обращением Константина; оно-то и помещало Церкви пересмотреть в евангельском свете теократический абсолютизм античной государственности...» (стр. 104, 105). Правильно сказано, если под словом „Церкви“ понимать не подлинную вселенскую Церковь, а византийских христиан. «В монофизитском кризисе... вскрылись все противоречия и, скажем прямо, соблазны того союза Церкви с Римской Империей, что был заключён при Константине» (стр. 173). «Римское государство... никак не могло до конца признать Церковь отличным от себя обществом, не понимало её „онтологической“ независимости от мира. Этому мешал религиозный абсолютизм римского государственного самосознания» (стр. 192). «В византийской письменности постепенно классическим становится уподобление отношений Церкви и Государства отношению души и тела. Иными словами, государство мыслится, как тело, живущее благодаря наличию в нём души — Церкви. Но нужно увидеть радикальное отличие этой схемы от учения ранней Церкви, от которого она на деле никогда не отказалась, ибо это значило бы отказаться от самой себя. Ранняя Церковь сама себя ощущает телом, живым организмом, новым народом, до конца не сводимым ни к одному народу и ни к какому естественному обществу. И только внутри этого организма и только по отношению к нему имеет смысл служение иерархии, цель которой — осуществлять это единство, преобразовать Церковь в образ Самого Христа... В официальной византийской доктрине само государство уподобляется телу совсем не в... ранне-христианском смысле... На

деле оно целиком исходит из неопределённых языческих предпосылок, по которым само государство мыслится, как **единственное**, Богом установленное, всю жизнь человека объёмлющее общество. Видимым представителем Бога в нём, исполнителем Его воли и распорядителем Его достоинства является Император» (стр. 193). Из византийского государственного сознания «выпадает Церковь-тело, Церковь-общество, оно заменено или подменено государством» (стр. 194). «Просветление государства состоит, прежде всего, в осознании им своей ограниченности, в отказе рассматривать себя как абсолютную ценность, и за это просветление боролись христиане в эпоху гонений, когда отвергли право государства подчинять себе всего человека. Отсюда постулатом христианского мира является не слияние Церкви с государством, а как раз напротив, их различие: ибо христианское государство только в ту меру и христианское, в какую оно не претендует быть всем для человека, определять всю его жизнь, но даёт ему возможность быть членом и другого общества, другой реальности, иной по отношению к государству, хоть и не враждебной ему. Между тем исторически — в этом вся драма византизма — этой переоценки не совершилось ни при Константине, ни после него. Теория Юстиниана укоренена в теократическом сознании языческой империи, для которого государство есть священная и абсолютная форма мира» (стр. 195). Да, о. Шлеман прав: Византия радикально порвала с первоначальным взглядом на Церковь, с представлением о Церкви как отличном от государства совершенном обществе или общинном теле, с убеждением бесчисленных мучеников первых веков, с идеалом, за который пострадали многие великие отцы Церкви, начиная с Афанасия. В этом разрыве с Церковью катакомб, в этом пагубном новшестве, — главная причина отпадения Византии от великой семьи католических народов, от единства вселенской Церкви. Теперь, правда, цезаропапизм не существует больше, но трагические последствия его налицо: национализм, беспросветная борьба разных „юрисдикций“ между собою, а в СССР — уродливое сочетание гонения на христианство с поддержкой оказываемой иерархии, поскольку она принимает участие в мировом походе коммунизма против папства.

Заметим, что в русской церковной литературе византийская идея „единого общества“, исчезновения тела Церкви в теле государства, очень ярко выражена митрополитом Платоном Левшиним (См. полное собрание его сочинений, изданное Сойкиным, том I, стр. 339, 340).

*Глава восьмая***ПОСЛУШАНИЕ**

Из предписаний христианского аскетизма одни имеют значение **условных** норм, касающихся определённой части церковного народа, людей, чувствующих особое, недоступное для масс призвание; такие нормы не подходят для всех категорий верующих и являются лишь руководящим началом той или иной из них; иные аскетические правила полностью применимы только к определённой эпохе или осуществимы только в тех или иных климатических или этнических условиях. Другие предписания христианского самоусовершенствования, наоборот, — по существу своему **безусловны и универсальны**, необходимы всем верующим, пастырям и пасомым, и должны применяться всегда и везде, в какой бы то ни было обстановке, во всех проявлениях духовной жизни; ничто не освобождает нас от обязанности руководиться этими основными принципами Христовой этики; исключение их из христианства тождественно с отпадением от Церкви.

К условным требованиям аскетизма относится, например, девственность: почти неизвестная античному языческому миру, девственность расцвела в христианстве; ап. Павел и отцы Церкви посвятили ей много внимания. Но ясно, что девственность не может и не должна быть уделом всех людей; брак не только не осуждён христианской моралью, но даже включён Спасителем в число таинств и, подобно другим таинствам, настолько свят, что не может быть расторгнут никакой человеческой властью. Благодатное призвание быть столпником или молчальником — удел немногих избранных: если бы все люди были столпниками, все умерли бы голодной смертью; при всеобщем молчании жизнь стала бы невозможной.

Из универсальных аскетических норм краеугольными являются — любовь, смирение и самоотверженное послушание; на их

необходимости больше всего настаивали, как Сам Иисус Христос, так и апостолы, отцы Церкви и вообще все святые; всех текстов из Св. Писания или Предания, доказывающих что это так, привести невозможно; пришлось бы переписать значительную часть Нового Завета и творений отцов. Иисус Христос и все святые толкователи слов Его постоянно подчёркивают универсальный, вселенский и всеобъемлющий характер этих основ христианских добродетелей и духовного совершенства. Кто не смирится как дитя, тот не войдёт в Царство Небесное; кем бы он ни был — ребёнком, взрослым, архиереем, монахом, мирянином, царём, общественным деятелем I-го или XX-го века, — он спасения во Христе не достигнет. Любовь — чистая, духовная, подлинная любовь — так необходима христианину, что все Свои заповеди Спаситель сводит к одной — заповеди любви к Богу и к ближнему; кто не имеет любви, тот даже не может называть себя христианином. Ап. Павел описывает универсализм христианской любви с особенной выпуклостью и силою. *Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13, 1-3).

С не меньшей настойчивостью Св. Писание и Предание отмечают Христову заповедь всеобщего послушания. Вся духовная жизнь христиан предполагает слова Христа — *идите, научите... се Я с вами...* (Мф. 28, 20). Сам Спаситель, от колыбели до смерти на кресте, дал нам один сплошной пример послушания Богу и людям, поскольку они являются орудиями Его. Апостолы, в особенности Пётр и Павел, учили и действовали согласно словам Христа: *слушающий* (всякий, кто бы он ни был) *вас Меня слушает*; нет спасения без послушания Богу, нет послушания Богу без послушания тем, кто от Его имени руководит земною Церковью и толкует догматы веры. *Непокорный непокорен не человеку, но Богу* (1 Фесс. 4, 8).

Отцы Церкви, все без исключения, указывают на смиренное любящее послушание как на единственный путь спасения. Все древние подвижники, аскеты, моралисты и проповедники увещивают своих слушателей или читателей идти путём самоотречения

и послушания, послушания не поверхностного, заключающегося в чисто внешнем исполнении приказов, но глубокого, духовного, вытекающего из подлинной и чистосердечной любви к Богу.

Примера ради, привожу несколько свидетельств из творений отцов.

«Преподобное послушание безленостно восходит на небо... Послушание есть действие без испытания, добровольная смерть, ... бесстрашие смерти, безбедное плавание. Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения. Послушный, **как мёртвый**, не противоречит и не рассуждает... Одна только есть стезя, вводящая в заблуждение: она называется самочинием... Отцы псалмопение называют оружием, молитву стеною, непорочные слёзы умывальницей, а блаженное послушание называли **исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа...** В простоте повинующиеся ради Господа благополучно совершают путь свой... Находящийся в повиновении пребывает уже рабом Христовым... От послушания рождается смирение... Продайся на злате смирения, на хартии послушания, на рукописи служения и раздери хартию воли своей... Тем, которые взяли на себя о Господе попечение об нас, должны мы веровать без всякого собственного попечения, **хотя бы повеления их и несогласны были с нашим мнением** и казались противными нашему спасению... **Признак истинной веры** в том и состоит, чтобы без сомнения покоряться повелевающим... От послушания рождается смирение... Пользу послушания возвестят тебе те, которые отпали от него; ибо они тогда только узнали, на каком стояли небе». Так писал св. Иоанн Лествичник.¹

В «послании», которое долго приписывали преп. Макарию Египетскому, мы читаем: «Отречение от души состоит в том, чтобы ни в чём не искать своей воли, а более исправлять свою волю, **настоятеля соделать для себя Божиим словом**, и пользоваться им, как добрым кормчим, который направляет к пристани Божией воли... Если кто совлечётся и житейской о себе заботы, то будет попечительным об общей потребности, и усердно, с удовольствием и надеждою станет выполнять приказанное начальствующими, как доброжелательный и

1. Препод. Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, пятое издание Оптиной Пустыни, Сергиева Лавра, 1898, «Слово о блаженном послушании», стр. 20-58. В послании Лествичника к Иоанну Раифскому мы читаем: «Боюсь смерти (духовной), рождающейся от преслушания...» (Там же, стр. XII).

простодушный раб Христов». В «Слове о хранении сердца» тот же представитель первоначального восточного аскетизма выражается следующим образом: «Все добродетели одна на другой держатся и... одна от другой зависят: молитва от любви, любовь от радости, радость от кротости, кротость от смирения, смирение от служения, служение от упования, упование от веры, **вера от послушания**, послушание от простоты».¹

Не иного мнения о послушании и св. Ефрем Сирин (ум. в 373 г.). «Он (Иисус Христос) первый показал послушание делом и словом, послушлив был Отцу даже до смерти, смерти же крестныя... Он Сам прежде исполнил, а потом научил; а мы и малого даже послушания не оказываем друг другу, но все порабощены наиболее прекословиям и непокорности и не подчиняемся, не кому бы то ни было, но Самому Владыке Христу. Ибо, когда противоречим отцам нашим, предлагающим спасительные для нас наставления,... тогда противимся не Самому ли Христу, сказавшему: Слушайяя вас Мене слушает, и отменяяся Мене отменяется пославшего Мя...? Не хотим видеть, как опасно преслушание, и не познаём пользы послушания, и того, что **преслушание производит смерть, а послушание доставляет жизнь вечную**. Итак употребим усилие, возлюбленные, за прекрасное сие послушание и за покорность наследовать жизнь вечную... Что же скажет иной о послушании Исаака, или кто ублажит оное? Когда отец вёл его на жертву, охотно шёл он на смерть; почему и стал прообразом Владыки Христа. И мы приобретём его послушание, его готовность, и не сомневаясь, будем оказывать послушание отцам, чтобы и нам от Спасителя Христа получить награду за послушание... **Дьявол не может ничего вымыслить против покорных и послушных**, потому что видит в них Владыку... Послушание, а также и покорность, доставляют ту же (что и любовь) славу принявшим их на себя от всего сердца, потому что покорность приводит в порядок неумеренную попечительность; а также и послушный, убедившись, что **предел послушанию полагает только смерть**, ничего не предпочитает оному, но, как сказано, делается в нём подражателем Христу, Который послушлив был Отцу даже до смерти. И любовь — непреоборимое оружие от дьявола, потому что Бог любви есть; и пребывая в любви, как сказано, в Бозе пребывает. Нет ничего

1. Преп. Макария Египетского Беседы, Послания и Слова, четвёртое изд. Московской Духовной Академии. 1904. стр. 330 и 449.

достоинство сих добродетелей, потому что в них весь закон и пророки висят».¹

Св. Иоанн Златоуст также приписывает послушанию существенное значение в деле христианского совершенствования. «Велико зло — порицать начальников... Далёк должен быть подчинённый от того, чтобы исправлять дела священников... Подлинно, ничто так не вредит церквям, как эта болезнь».² «Как ветвям необходимо соединяться с корнем и рекам с источниками, так сыновьям — с отцом и ученикам с учителем. Это высказали мы вашей любви, ... чтобы возрастало в вас повиновение учеников и видно было, какое расположение вы питаете к отцу. Украсьте меня, дети, и возложите на меня венец вашей покорности, прославьте мое учение своим послушанием... Подлинно, как прекрасно пастырю быть закланным за овец, так же прекрасно овцам в самой смерти не отделяться от пастыря; если они будут с ним нераздельно, то не станут бояться волка — диавола».³ «Нужно, чтобы не все были в равной чести, но один начальствовал, а другой подчинялся; и это по устроению Божию».⁴ «Не для того нам даны учителя, чтобы мы восставали друг против друга, но чтобы все соединялись друг с другом. Военачальник поставляется над войском для того, чтобы из отдельных членов составить одно тело».⁵ «**Везде Бог устроил степени и разнообразие власти, чтобы всё пребывало в единомудрии и великом согласии.** Потому и прежде размножения рода нашего, когда были только два первых человека, Он повелел одному начальствовать, а другому подчиняться».⁶ «Но у нас есть ещё начальство, гораздо высшее начальства гражданского. Какое же? Начальство в Церкви, о котором упомянул Павел, сказав: повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь. Это начальство настолько превосходнее гражданского, насколько небо выше земли, и даже гораздо более».⁷ «Подобно тому, как в войсках не все одинаковым образом исполняют службу, но в различных чинах, так и в Церкви один

1. Творения св. Ефрема Сирина, пятое издание Москов. Духовной Академии, 1912, ч. III, О том, что человеку должно быть совершенным, стр. 279-293.

2. Слово второе об Акиле, Творения св. Иоанна Златоустого, изд. СПб Духовн. Академии, т. III, кн. I, 1897, стр. 200-202.

3. О привятии Севериана; т. III, кн. II, стр. 440.

4. Бес. 34 на Деяния Ап., т. IX, кн. I, стр. 303.

5. Бес. на I Коринф., т. X, кн. I, стр. 110.

6. Там же, стр. 346.

7. Толк. на II Кор., т. X, кн. II, стр. 610.

занимает место учителя, другой — ученика, третий — ничего несведущего».¹ «Церковь есть то же самое, что малый дом, и подобно тому, как в доме находятся дети, жена, слуги, и **над всеми возвышается своею властью муж**, так и в Церкви не иное что, а то же самое: есть дети, жены, слуги».² **«Вот причина всех зол: исчезло должное повиновение начальствующим**, нет ни стыда, ни страха... Кто почитает священника, тот будет почитать и Бога; а кто стал презирать священника, тот постепенно дойдёт и до оскорбления Бога... Иудеи стали презирать Бога потому, что презирали Моисея, что бросали в него камнями: Кто благоговевает перед священником, тот тем более будет благоговеть пред Богом. Хотя бы священник был нечестив, но Бог, видя, что ты из благоговения к Нему почитаешь даже недостойного чести, Сам воздаст тебе награду... **Получит награду тот, кто уважает священника, слушается его и повинуется ему**. Если в деле странноприимства, когда ты не знаешь, кого принимаешь к себе, ты получаешь такую награду, то тем более получишь, когда будешь повиноваться тому, кому повиноваться повелевает Господь... Если для народа Он говорил чрез ослицу и Валаама, человека нечестивого, то тем более чрез священника».³ «Нет ничего приятнее и любезнее покорности, кротости и послушания. Такой человек угоден всем. Такой человек не стыдится рабства и не убегает ни от бедного, ни от больного и страждущего, потому что **эта добродетель торжествует над всем и преодолевает всё**».⁴ «Как неверие бывает причиною порочной жизни, так и наоборот, **когда душа нисходит во глубину зол, то она делается непослушною**, не хочет и верить, чтобы заглушить в себе страх... Если он (Христос), будучи Сыном, получил пользу от страданий, научившись послушанию, то тем более можем получить мы. Видишь ли, **как много Апостол говорит о послушании?...** **Безначалие — везде зло, причина многих бедствий, начало беспорядка и смещения; особенно же в Церкви оно тем опаснее, чем власть её больше и выше**. Если от хора удалишь начальника его, то хор не будет строен и согласен; если у отряда воинов отнимешь предводителя, то действия их не будут совершаться в стройности и порядке; если корабль

1. Толк. на I Тим.: XI, кн. II, стр. 654.

2. Там же, стр. 685.

3. Толк. на II Тим.: там же, стр. 767.

4. Толк. на посл. к Титу, там же, стр. 867.

лишишь кормчего, то потонишь корабль: — так и здесь: если у паствы не будет пастыря, то всё извратится и уничтожится. Безначалие есть зло и причина смятения; но не меньшее зло — и неповиновение подчинённых, так как и от него происходит то же самое».¹ «То, что существуют власти, и одни начальствуют, другие находятся в подчинении, а не идёт всё без порядку и разбору, ... есть дело **мудрости Божией**. Потому Бог строго и карает за пренебрежение к ним. Если ты не станешь повиноваться им, Он подвергнет тебя не какому-нибудь ничтожному наказанию, а весьма тяжкому... Поистине, власть священства больше власти царской, и постолку больше, поскольку царю вверены тела, а священнику души».² Всё учение св. Иоанна Златоуста о христианском послушании вкратце выражено в следующих заключительных словах его третьей беседы на Деяния Апостольские: «Ведь мы все братья, и один у нас Наставник (Христос); но и между братьями **надобно, чтобы один давал приказания, а остальные слушались**».³

Св. Василий Великий видел в послушании основу христианского подвижничества. «Отрекшийся себя самого, отложивший все свои хотения, делает не то, что хочет, но то, чему его учат... Надобно стараться, чтобы не находила себе пищи страсть самомнения, и чтобы не нарушалось правило послушания и благопокорности... **Такова мера послушания, что оно должно простираться до смерти**... Непослушание вообще есть корень многих и великих зол... Поелику Господь говорит: о себе не приидох, но Той Мя посла, то не тем паче ли каждый из нас не должен давать себе воли? Ибо кто даёт себе волю, тот явно страждет высокоумрием и подлежит суду Господа... Получивший приказ не должен прекословить, потому что предел послушания — послушание до смерти... Должно повиноваться тому, кто понуждает к исполнению заповеди, с таким же расположением, с каким дитя, одолеваемое голодом, слушается кормилицы, которая зовёт его ко вкушению пищи, и с каким всякий человек ищущий себе пропитания, слушается того, кто даёт ему средства для жизни; вернее же сказать, гораздо с большим ещё расположением, поколику вечная жизнь предпочтительнее настоящей... (Подвижник должен) даже до смерти показывать стойкость мучеников, как держась заповедей

1. Толк. на посл. к Евр.: твор. т. XII, кн. I, стр. 275.

2. О начальстве: т. XII, кн. II, стр. 630.

3. Творения, т. IX, кн. I, стр. 41.

Божиих, так и соблюдая послушание наставникам. Как Бог... так и духовный у людей отец, соображающий распоряжения свои с Божиими законами, требует беспрекословного послушания... Приступающие к изучению благочестия и святости... даже не будут допытываться, на каком основании даётся им приказание, но станут исполнять сказанное дело... **Противящийся наставнику не явно ли противится Божию повелению, особливо же, когда Апостол ясно повелевает во всём повиноваться духовным вождям?**... И никто да не думает, что... благопокорность людям надменно осмеливаюсь уподоблять тому послушанию, каким мы обязаны Богу. Не по собственному своему изволению, но согласно с самыми божественными Писаниями делаю это уподобление... Слушай вас, Мене слушает, и отменяйся вас, Мене отменяется. А что сказанное апостолам узаконил Он о всех и после них наставниках, сие можно подтвердить многими и несомненными свидетельствами божественного Писания и самыми ясными доводами...»¹

Св. Феодор Студит, монастырский устав которого «ещё во времена Феодосия Печерского введён был в употребление в русеких обителях»², также полагал, что без послушания заместителям Бога на земле невозможна христианская духовная жизнь. Нижеследующие выдержки извлечены из его «Огласительных Поучений» (изд. Оптиной Пустыни, 1872). Чтобы духовная жизнь была в безопасности, надо быть послушным настоятелю «как железо ковачу» (стр. 53). Все должны стараться «совершать досточудные дела послушания» (стр. 56). Бог пошлёт в ад «тех, которые здесь живут без повиновения и по своей воле» (стр. 57). Жизнь вечная достигается через «отсечение воли» (повсюду в книге). «Один другого превосходите послушанием» (стр. 82). «Потщимся совершать боголепное и преподобное послушание без рассуждения» (стр. 93). Подвиг послушания равен подвигу мученичества (стр. 95). «Мученического венца

1. Творения св. Василия Великого, третье изд. Москов. Духовной Академии, часть пятая, О подвижничестве, Сергиев Посад, 1892, стр. 168, 170, 248, 249, 261, 267, 393, 405. Патролог о. Г. Флоровский пишет в своей книге Восточные Отцы IV Века (Париж, 1931, стр. 61): «Св. Василий... восходит к идее Церкви как тела Христова, — из неё вытекает общежительный идеал. Монашество должно быть некоей малой Церковью, тоже телом. Из этого идеала св. Василий выводит заповедь послушания и повиновения игумenu даже до смерти, ибо игумен или предстоятель являет самого Христа, и организическая цельность тела предполагает согласованность членов и подчинённость главе». Это признание ведёт к следующему заключению: роль папы в Церкви должна быть подобна и пропорциональна роли игумена в монастыре.

2. Преп. Феодора, игумена Студийской обители, Огласительные Поучения, изд. Оптиной Пустыни, Москва 1872, предисловие издателя, стр. V.

сподобляет нас повиновением с послушанием» (стр. 176). «**Основание добродетелей**» — «блаженное и мученическое отсечение своей воли» (стр. 229). Послушание «небозванно» (стр. 9). «Кто держится своей воли, тот скорбит, смущается, многообразно увлекаясь и заблуждая мыслями своими» (стр. 101). **Любовь и соборное единомыслие достигается через послушание одному, начальнику** (стр. 109). «**Иисус Христос избрал не пустынное или столпническое житие, но образ и правило повиновения**» (стр. 113). «Он (Христос) снизошёл с небёс на землю, дабы и мы помыслом устранились от нашей воли» (стр. 143). Послушание человеку, подобно крещению, необходимо для спасения (стр. 275). Псаак Сириянин говорил, что непослушный «уподобляется свинье, которой нет закона»¹; то же резкое сравнение мы находим у Студита: «Ужели будем свирепеть, подобно свиньям? Почему лучше не вкушаем мы сладости смиренномудрия? Почему не обучаемся тщательно искусству послушания?» (стр. 146). Послушание людям безусловно необходимо, ибо Христос «не повиновался ли родителям?» (стр. 148); нет ничего лучше «Христоподражательного послушания» (стр. 229). **Чистота веры, мир и «неразрывное единство» обеспечиваются «послушливостью»** (стр. 150). Непослушный «пребывает бесплодным и нераскаянным» (стр. 158). Послушание человеку, Христа ради, есть «**не человеческое, но божественное**» (стр. 165). «Послушание может укрощать и зверей... Послушание и над мёртвыми чудодействует... Сын Божий, послушлив был даже до смерти, совершил спасительное искупление мира» (стр. 328). «Кто раб человека и вместе с тем верен и благоговеен пред Богом, тот свободен» (стр. 237). В другом издании творений св. Феодора Студита мы читаем: «Благо нам, которые прежде смерти сделались мёртвыми посредством умерщвления себя послушанием... Кто беспрекословно повинуетя и побуждает себя ко всякому благому послушанию, назовётся сыном Божиим».² Вот почему св. Феодор Студит был таким убеждённым поборником папского вселенского учительства.

Приведём ещё несколько характерных свидетельств.

«Кто будет жить по своей собственной воле, тому Бог ни в чём не будет оказывать помощи, и того Он отдаст во власть демонов... **Повинуйтесь отцу своему**».³

1. Слова Подвижнические, Сергиев Посад, 1893, Слово IX, стр. 53.

2. Творения, изд. С.П.Б. Дух. Акад., т. II, 1908, стр. 84 и след.

3. Св. Антоний Великий; см. «Христианское Чтение», XXXVI, стр. 146.

По поводу слов Св. Писания: «Имже несть управления, падают аки листовие» (Притчи 2, 14), авва Дорофей говорил: «Мы имеем нужду в таких людях, кои, по Боге, управляли бы нами».¹

Св. Псидор Пелусиот: «**Подвижничество делает всё из послушания, по мановению вождя**».²

Св. Пахомий: «Исполнять волю свою есть самое первое зло. **Кто исполняет волю свою, тот не будет иметь познания о Боге**». Из «Правил» св. Пахомия видно, что он смотрел на послушание, как на единственную верную основу духовной жизни.

Блаж. Диадок: «Известно, что послушание есть **первая добродетель... Вступающие в брань против надмения диавола должны прежде всего стараться о послушании**».³

Блаж. Пероним Стридонский: «Даже бессловесные животные и стада диких зверей следуют своим вожакам. У пчёл есть матки, журавли летят за одним... Всякий чин церковный поддерживается своими правителями. **На корабле один кормчий; в доме один господин; в войске, хотя бы и весьма большом, дожидаются сигнала одного**».⁴

В своём труде о Православной Вере св. Иоанн Дамаскин, обращаясь к епископу Майюмы, писал: «Так как плод преслушания — смерть, тогда как смиренный и послушный подражатель Христов до конца восходит на высоту и приобретает от Бога световодящую благодать и, отверзая уста, исполняется духа, очищает сердце, просветляет разум и, едва открыв уста, начинает говорить, не заботясь о том, что скажет, являясь органом говорящего чрез него Духа, — то, повинувшись Христу, Который священноначальствует в вашем лице, подчиняюсь повелению...».⁵

Итак, без послушания заместителям Бога на земле, нет благодатного единения со Христом, нет чистой любви к Богу и к ближнему, нет братской соборности, нет церковной жизни, нет чистой веры, нет истинного Православия.

1. См. «Христ. Чтение», XXXIX, стр. 33.

2. Творения. Москва, 1859, ч. I, стр. 164.

3. Наставления: см. «Христ. Чтение», 1827, стр. 285.

4. Подвижническое Слово: см. «Христ. Чтение», 1827, стр. 36.

5. Письма, п. 161, изд. Киевской Дух. Акад., кн. V, ч. III, Киев, 1904, стр. 281.

6. Собрание творений, т. I, СПб. 1913, стр. 46.

Из приведённых и многих других свидетельств Св. Писания и Предания следует:

1) Послушание представителям Бога на земле должно воодушевлять не только начинающих, но и **преуспевающих** в духовной жизни. Так как оно является безусловно необходимым двигателем святости, к которой все христиане призваны, то без него не могут продвигаться к благодатному совершенству ни младенцы и новички, ни старцы у гробовой доски; ни миряне, ни клирики; ни священники, ни епископы.

2) Внешний порядок, дисциплина, стройность, практичность и т. д., всё это только второстепенные плоды церковного послушания. Послушание священноначальникам есть прежде всего фактор **внутренней**, благодатной, обоженной жизни. Им существенно изнутри создается таинственное тело Христово, святая Церковь: Церковь создается Божией благодатью, которая даётся только смиренным, послушным. И так как может быть только одна Христова благодатная жизнь, то в подлинной Церкви Христовой может быть только одна иерархия, то-есть подчинение всех членов епархии одному епископу, а всех епископов (или патриархов) — одному всецерковному архиерею. Согласие между собой нескольких поместных или национальных иерархий недостаточно, ибо такое согласие, не оживляемое Христовым началом послушания одному общему руководителю, всегда будет половинчато, не органично, почти призрачно. Там, где, по независимым от Церкви внешним причинам, послушание одному объединяющему верховному пастырю неосуществимо или ещё не налажено, не организовано, благодать Божия восполняет вытекающий оттого недочёт в сердцах верующих и пастырей; так бывает нередко в далёких миссиях, так было в значительной мере и с первоначальной Церковью в эпоху великих гонений, когда к тому же всё в Церкви — обряды, иконопочитание, догматика, всецерковная соборность и т. д. — было мало развито. Но этим нисколько не оправдывается постоянное принципиальное отрицание высшей степени церковной иерархии.

В Корее в прошлом столетии вследствие жестоких гонений католики несколько десятилетий оставались без священников и без таинств; Господь, в виду их усердия в посильном исполнении Его заповедей, преисполнял их обильной благодатью и любовью; но из этого вовсе не следует, что священники и таинства должны быть повсюду и навсегда устранены.

3) Будучи живым таинственным телом Христовым, Церковь есть в то же время „дом” Божий, Христово вселенское освящающее учреждение, **однородное** по своему основному началу со всеми поместными церковными учреждениями, объединениями, институтами, имеющими свою целью то же соборное стремление к святости, духовной любви и свободе Христовой. Все эти объединения или учреждения построены на принципе подчинения многих одному человеку: епископу в епархии, настоятелю в приходе, игумену в монастыре, ректору в семинарии и т. д. Почему делать исключение для всей земной Церкви Христовой, в строении которой ведь больше всего должны проявляться Христовы начала и заветы? Лишённая видимого верховного руководителя, земная Церковь была бы чужой, внешней, инородной по отношению к составляющим её объединениям, группировкам, „малым церквам”; она не была бы одним устремлённым к святости обществом, живым союзом, а только каким-то мёртвым, привнесённым, посторонним вместилищем этих объединений и церквей, что коренным образом противоречит учению ап. Павла об органической природе Церкви. Такая Церковь оказалась бы какой-то расплывчатой средой, в которой были бы погружены освящающие институты и церковные объединения; но ведь Церковь есть нечто гораздо большее чем „вместилище” или „среда”, она есть живой организм, отдельные части которого представляют собою как бы её повторения, поместные осуществления. В Царствии Небесном, где все уже достигли определённой степени святости, уже не нужны ни послушание человеку, ни епархии, ни таинства, ни учительство; там Церковь уже не будет „совершенным обществом”, не будет никаких канонических установлений, не будет папства; но на земле все эти учреждения или институты необходимы, ибо они установлены Спасителем именно для того, чтобы приводить людей к небесной Церкви.

4) Церковное послушание должно быть **всесторонним**, вселенским, католическим. Недостаточно для достижения святости подчиняться только своему духовному отцу. Церковь не есть сопоставление личностей, какая-то „коллекция”, она есть соборное тело; по этой причине надо тоже подчиняться настоятелю того церковного объединения, к которому принадлежишь (приход, монастырь и т. п.), ибо целью всех группировок является та же святость, поскольку она достигается общими согласованными уси-

лиями. Именно это послушание иерархическому начальству отцы Церкви имеют главным образом в виду, когда они говорят об освящающем действии послушания. Именно иерархическое повиновение многих одному, создавая единодушие, располагает всех к восприятию благодатного единения, сверхприродной любви, то есть самой сущности духовной жизни и святости.

Христианское послушание должно распространяться как на отдельные или преходящие веления начальствующего, так и на постоянные всецерковные законы, или каноны, и на поместно-церковные предписания.

Католичность послушания требует, чтобы оно касалось всех факторов спасения, каковы: приумножение благодати таинствами, всё нравственное поведение, литургическая жизнь, применение канонического права, аскетические и апостольские подвиги и, в особенности, восприятие веры и связанных с верою истин. Канонически законно поставленные архипастыри являются преемниками апостолов, которым было сказано именно „учите”, конечно истинам веры, учению Христову, а не посторонним наукам или только административной церковной практике; кто не слушается учащей Церкви, тот Самого Христа отвергает: *Отвергающийя вас Меня отвергается* (Лк. 10, 16).

Надо слушаться своих наставников и пастырей всеми способностями своей души, не только внешним исполнением распоряжений начальства. И это вполне понятно: подлинное католическое послушание есть прежде всего осуществление любви, а любить Бога следует *всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всей крепостию твою, и всем разумением твоим* (Лк. 10, 27).

5) Послушание укрепляет все христианские **добродетели**; благодаря ему, они из отвлечённых возможностей или вялых начинаний становятся реальными, живыми, великими силами души. Но чтобы укреплять другие добродетели, само послушание должно, со своей стороны, воодушевляться ими, стремиться к ним.

Для вполне католического церковного послушания необходимы:

а) **Смирение**, глубокое познание и сознание своего ничтожества перед Богом, своего несовершенства, своей греховности; это сознание должно быть насквозь проникнуто упованием на Божию помощь, которая сообщает послушанию всю его сверхприродную ценность.

б) Сверхприродный свет **веры, надежды и любви**. Дела послушания следует творить из побуждений имеющих своё основание в данных Откровения Христова. Мы повинемся „пастырям и учителям” не ради земного благоденствия, а *к совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова* (Ефес. 4, 11-12). Святые подвиги послушания следует совершать в духе благодатной любви к Богу и к ближнему, в духе той сверхприродной свободы, которой так дорожил апостол: без любви послушание было бы лишено своего подлинного смысла и назначения, оно превратилось бы в несовместимое с католическим духом рабское повиновение. Назначение послушания — следуя Божиим велениям, сообщаемым нам настоятелями, на то от Бога поставленными, приводить людей к Богу, Любви вечносущей, проникаться любовью и сообщать её другим; где этого нет, послушание перестаёт быть послушанием, становится подделкой, обманом, фарисейством.

в) **Чистота намерения**, высшее целомудрие, устранение побуждений мешающих великому делу соборного спасения людей во Христе; кто повинуется церковной иерархии по побуждениям национальным, классовым или другим, не подчиняя их высшему закону всечеловеческого соборного единения всех во Христе, в том нет подлинного Христова послушания.

г) Дух мужества и радостной **жертвенности**. Послушание настоящего христианина есть продолжение в таинственном Теле Христовом Христова жертвенного послушания. Подлинное послушание есть великий трудный подвиг, коренным образом претящий нашей нравственной испорченности; тут надо великодушно отказаться от всякого себялюбия и самочиния, от гордой независимости, от эгоистических затей. Кто слушается лишь в том, что ему нравится и что подходит к его личным или коллективным взглядам или национальным настроениям, тот ещё далёк от христианского подвига послушания. Иисус Христос шёл путём послушания; говорить, что этот путь „лёгкий и удобный”, то же что издеваться над Искуплением. Повиноваться, ради исполнения воли Божией, людям, слабым и грешным существам, особенно в вопросах религии, по всеобщему признанию вовсе не легко. Христианское послушание несколько не исключает „мучительного искания” воли Божией; в Церкви Христовой „авторитет” разрешает сомнения повинующегося — и притом свободно и с любовью повинующегося — только после того, как он сам сделал всё что мог, чтобы в молитве и

размышлении познать свою обязанность. Потому-то в католичестве „подвиг свободы” находит более широкое и всестороннее применение, чем вне его, доказательством чему может служить хотя бы повсеместное распространение „духовных упражнений” св. Игнатия. Папские окружные послания очень часто призывают верующих к евангельской жертвенности — великодушной, радостной, свободной, любящей.

д) **Рассудительность.** Слушаться людей надо постольку, поскольку они являются орудиями Божиего волеизъявления. Каждому начальнику мы обязаны послушанием в области его полномочий, его служения. Настоятелю прихода следует подчиняться во всём, что касается приходского благочиния и в пределах указанных каноническим правом; гражданской власти надо повиноваться в гражданских делах, но когда эта власть, без согласия верховной церковной власти, вмешивается в церковные дела, христианская совесть запрещает исполнять её приказания. Папе Римскому все христиане должны повиноваться поскольку он является верховным вселенским архипастырем, но никто не обязан руководиться, например, его соображениями в области физики или математики. Как и в чём следует слушаться каждого начальственного лица в Церкви, лучше всего познаётся в усердной молитве.

Все святые Католической Церкви достигли высшей степени благодатной духовной жизни и свободы во Христе вполне сознательным геройским послушанием; стоит только вспомнить, с каким трогательным восторгом отзывались о послушании папе такие великие подвижники и чудотворцы, как св. Бернард, св. Франциск Ассизский, св. Бонавентура, св. Доминик, св. Франциск Ксаверий и тысячи других. Православные же подвижники последнего тысячелетия, вследствие унаследованных от Византии и поддерживаемых местными политическими силами цезаропапистических предрасудков, ошибались насчёт законного высшего церковного начальства, они просто не знали его; но самый принцип питания духовной жизни послушанием богоданным пастырям был им понятен и дорог. Итак, можно сказать, что все лучшие представители христианства всех стран и всех времён считали великим двигателем святости именно то начало, которое существенно для всего домостроительства Католической Церкви. Святые так дорожили церковным послушанием — особенно высшей его степенью, послушанием в

вопросах вероучения — по той простой причине, что сердцевина святости состоит в благодатной, сверхприродной, божественной любви, а христианское послушание есть самый верный способ достигнуть высшей степени этой высочайшей добродетели. «В ком есть послушание, тот со всеми соединён любовью»; в этих простых словах великого подвижника, св. Ефрема Сирина,¹ заключается вся „тайна“, вся „загадка“ католичества.

ПРИЛОЖЕНИЯ. I. Русские православные подвижники очень высоко ценили послушание.

В «Письмах келейных» св. Тихона Задонского мы читаем: «Примечай, возлюбленне: Царь царей, и Господь сил, Бог во плоти, не токмо Отцу Своему небесному во всём был послушлив, но и человекам повиновался. И бе повин уяся има. Кому? Господь. Кому? Человекам, рабам своим. Чего ради? Да наше преслушание и непокорение, которое нас обличало перед Богом, загладить. Нас ради, тебе ради и мене ради, не только в мир пришёл Господь наш, но и повиновался человекам: и бе повин уяся има. Кому? Матери Своей пресвятой и Носифу. Видишь любовь к нам, видишь и смирение ради нас Сына Божия... Христос, высший низшим, и Бог человекам повиновался; кольми паче человеки человекам и низший высшим повиноваться должны. Да посрамится убо человеческая гордость и непокорение, когда Сын Божий тако смирился. Он велик был и тогда, но, величество Свое сокрывая, показался как смиренный человек, и Господь всех во образе раба обращался. Напишем убо, возлюбленне, сей живой смирения образ на мыслях наших, и потщимся подражать Ему в том, да Сам Он нас вознесет. Всяк бо смиряяй себе вознесется. Спасайся!» (Письмо 69. Творения св. Тихона Задонского, Письма, СПб, изд. Сойкина, стр. 120). Вот христианское понимание самой сущности „авторитета“, того авторитета, который так ненавистен модернистам.

Вот выписки из известного двенадцатитомного труда: Жизнеописания Отечественных Подвижников Благочестия (Изд. Афонского Пантелеймонова монастыря, Москва, 1907-1910). Пустытники в Рославльских лесах «вырабатывали в себе твёрдость при помощи полного отречения от своей воли» (Март, стр. 161). Глинский подвижник Пётр дал торжественное обещание «всем начальникам и старшим беспрекословно повиноваться, любить и почитать их» (Ап-

1. О послушании. Москва, 1848, I, стр. 20.

рель, стр. 192). «Собор братии у о. Василия (настоятеля Белобережской пустыни) со дня на день умножался и украшался боголюбивыми душами, которых он всячески утверждал в самоотвержении и отсечении собственной воли» (там же, стр. 257). Епископ Игнатий (Брянчанинов) «будучи послушником, отличался беспрекословным послушанием и глубоким смирением; назначенный служить при поварне, он смиренно исполнял все распоряжения повара, бывшего крепостного его отца» (там же, стр. 316). О. Нил, подвижник Макарьевской пустыни, «смотрел на послушание как на долг не допускающий никаких послаблений» (Июнь, стр. 45). Молодому иноку Паисию Афонскому, желавшему быть мучеником Христа ради, настоятель указал путь послушания: «Послушание есть истинное мученичество, как свидетельствуют богоносные отцы» (там же, стр. 345). Старцу Тимону преп. Серафим Саровский дал следующий совет: «В своей новоустроенной обители положи и утверди устав совершенного общежития, по правилам и уставу свв. Отец, чтобы никто не творил своей воли» (Июль, стр. 303). Нило-Сорский старец Николай отличался «безропотным послушанием» (там же, стр. 359). Архимандрит Пётр, настоятель Тихвинского монастыря, «полагал в отсечении воли вернейшее средство к преуспеянию в добре» (там же, стр. 551). Молчальник Тихон Святогорский «истощал свои силы в изнурительных трудах безусловного послушания» (Август, стр. 239). Архимандрит Исаакий Оптинский «требовал от братии беспрекословного повиновения воле начальства, считая послушание высшею добродетелью инока» (стр. 431); «к местным епархиальным архипастырям о. Исаакий отличался примерной покорностью и сыновнею преданностью» (стр. 439). Об Афонском подвижнике Аниките сказано в его житии: «Неповиновения воле начальства, как воле Божией, не мог допустить строгий подвижник» (Сентябрь, стр. 77). «Святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского отец Архипп (Глинский подвижник) ставил в пример подражания одному послушнику: учёность не спасает, говорил он, а послушание и смирение» (стр. 339).

В письмах Оптинского старца Макария мы читаем: «Слушайя вас Меня слушает... Сии слова относятся от святых Апостолов и до преемников их, — церковных пастырей и учителей, даже до сего времени» (Собрание писем, Москва, 1862; письма к мирским особам, стр. 111). «Отвержение себя состоит, главное, в отвержении своей воли и разума и покорении оных пастырю и руководителю вашему ко спасению» (там же, стр. 269).

II. В наши дни нередко против Церкви возводят следующее обвинение. Человеческое достоинство, говорят, требует, чтобы каждый мог свободно развивать свою личность, особые черты своего характера, то что ему одному присуще, свою „индивидуальность“, самопроизвольность, духовную самобытность, между тем как постоянное послушание распоряжениям настоятелей лишает человека всех этих ценных качеств, делает его придавленным, запуганным, без инициативы и собственного почина, пассивным, безжизненным, несчастным.

Обвинение это показывает полнейшее незнание основных двигателей христианской жизни. Вполне правильно, что развитие индивидуальных свойств личности, поскольку, конечно, они не являются просто разновидностями порока, во всех отношениях желательно: ведь на то они и даны нам Творцом, чтобы помогать нам в достижении конечной цели нашего земного существования; особые одарённости личностей полезны также для самой Церкви, для её единства, которое, как мы уже видели, предполагает высокую степень разнообразия и интенсивности лучших личных особенностей её чад; ведь люди не могли бы сплотиться в одно живое совершенное общество, если бы они не имели тех личных свойств и качеств, коими они могут восполнять друг друга. Правильно тоже, что в делах религии повиновение посторонней власти обыкновенно притупляет, угнетает, ослабляет самобытность духовной жизни; так подчинение христиан в вопросах церковного управления светским правительствам государств отрицательно отзывается на здоровом развитии личности, заменяет его какой-то казарменностью, да и вообще вытесняет религиозную свободу общегосударственным или национальным детерминизмом; так было не только на византийском Востоке, но и везде на Западе, когда какой-либо цезаропапизм мешал нормальному течению свободной церковной жизни. Правда, наконец, и то, что повиновение даже законному папству может быть невысокого нравственного качества и принимать нежелательное направление, если оно, например, осуществляется из дурных побуждений — рабского страха, эгоистического расчёта или фарисейства. Но ведь всё это только пробелы в послушании, отступления от него, явления как раз несовместимые с подлинным католическим благодатным послушанием. Это — злоупотребление послушанием, а злоупотребления возможны везде, где есть люди, и во всём; как часто люди злоупотребляют даже Св. Евхаристией, но ведь не станем же из-за этого считать её чем-то „мертвющим“.

Послушание подлинно церковное, воодушевляемое любовью свыше, не убивает личности, а наоборот, является лучшим её обеспечением. Послушание, будучи осуществлением смирения, в высшей степени угодно Богу и потому обеспечивает послушному обильную благодать, которая преисполняет душу радостной, творчески действенной устремлённостью к Богу, решимостью служить Ему всеми способностями своей души, всей своей личностью. Именно церковное послушание даёт личности её полный расцвет.

Послушание общим постановлениям начальства и канонам вовсе не „вдавливает всех в одну мерку“; оно сближает различные, друг на друга не похожие личности для взаимного восполнения и сотрудничества, что в свою очередь способствует развитию каждой из них: самосознание „я“ крепнет при соприкосновении с „ты“ и „он“.

Развитие личности вовсе не тождественно с предоставлением полной свободы всем своим прихотям и инстинктам; ведь между этими последними есть не только положительные для данных условий, благотворно влияющие на самораскрытие личности, но и дурные, пагубно отзывающиеся на нём. Каждый знает по печальному личному опыту, сколько в нём есть причуд и постыдных влечений сердца, уступая которым можно докатиться до полного расстройства ума, совести и личности. Послушание, укрепляя нашу волю и обеспечивая нам обильную помощь свыше, даёт нам возможность развивать свою личность не только прямо, но и косвенно — устраняя пагубную самость, то душу убивающее самочиние, которое, по убеждению всех восточных и западных подвижников христианского благочестия, является главным врагом нашей духовной жизни, а потому, конечно, и нашей личности.

Везде, где процветало незапятнанное церковное послушание, появлялось много духовно выдающихся личностей, имеющих каждая свой ярко очерченный характер, мощную творческую благодатную инициативу, свою „оригинальность“ в лучшем смысле этого слова. То же самое следует сказать и о собирательных личностях, общинных организациях: нациях, союзах, монашеских орденах, культурно-социальных объединениях и т. д. И наоборот, упадок духа церковного послушания всегда влёт за собою ослабление самобытности, преобладание стадных, казарменных настроений, всеобщей хаотичности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О ЦЕРКВИ КАК ТЕЛЕ ХРИСТОВОМ

*Глава первая***ЦАРСТВО БОЖИЕ И ЦЕРКОВЬ**

Выражение „Царство Божие” не всегда имело один и тот же смысл. В ветхозаветную эпоху постепенно созревала идея Царства Божия, как особого попечения Бога об избранном народе. Это царство создавалось уже отчасти существующим, но имеющим своим главным назначением подготовить будущее, более полное осуществление царствования Бога над облагодатствованными Им народами, т. е. Царство Мессии Спасителя. Ко времени пришествия Христа чаяния Царства Мессии были особенно живучи в еврейском народе, угнетённом иноземной властью и ожидавшем спасения. Судя по данным Евангелия, евреи имели тогда довольно смутные и противоречивые представления о призвании и намерениях будущего Мессии; среди них преобладало ожидание восстановления национально-религиозного величия свободного Израильского народа; уже тогда национальный эгоизм не давал людям возможности подняться до высот всечеловеческой любви Христовой; в Иисусе Христе масса евреев так и не узнала обещанного пророками Мессии, а книжники и фарисеи были и по-прежнему на слишком низком нравственном уровне, чтобы признать подлинного Спасителя и пойти по Его стопам.

По свидетельству Евангелия, Царство Божие, проповедуемое Иисусом Христом, или что то же — Царство Небесное, имеет в виду, главным образом, окончательное, вечное неизменное состояние праведников; в Евангелии описывается и утверждается „жизнь вечная”, внимание обращено на воскресение людей и их окончательное состояние после Страшного Суда. Но в то же время Царство Небесное имеет существенное отношение и к пребыванию человека на земле, к его временному, непостоянному состоянию: вечная участь человека целиком зависит от того, как он отнёсся к евангельскому благовествованию и воздействиям благодати, как он уже

здесь на земле направлял свою духовную жизнь, как он охранял чистоту своей веры, как соблюдал все заповеди Господни, как подчинялся руководству Церкви Христовой. Чтобы достигнуть там вечного спасения, нужно непременно уже здесь, в условиях земной жизни, преобразить всё своё поведение, все свои помышления и стремления. Спаситель настойчиво убеждает нас не откладывать на завтра дело спасения, так как смерть может прийти неожиданно, как вор ночной, и тогда уже будет слишком поздно думать о Царстве Небесном. Царство Небесное есть всё для христианина, но всё в нём зависит от жизни на земле.

Однако, было бы большой ошибкой просто отождествлять Царство Божие с загробным состоянием праведников и усматривать в пребывании человека на земле только времяданное для подготовки будущего Царства Божия в душе. Нет, уже здесь, среди жизненных невзгод, праведник отчасти предвкушает святость и блаженство Царства Небесного, здесь уже до известной степени осуществляется соборное единение верующих, сплочённых между собою общим участием в обожении Пресв. Троицей, в благодати. Правда, по сию сторону могилы праведник может ещё потерять освящающую благодать, а грешник может ещё обратиться к Богу, что после смерти уже невозможно; но поскольку христианин обожен благодатью, Царство Небесное уже сейчас пребывает в нём. Царство это завершается на небе, но оно до известной степени осуществляется уже теперь, на земле, в особенности в сердцах верующих.

Что Царство Божие должно существовать уже отчасти здесь на земле, явствует между прочим из следующих данных: а) Любовь к Богу и к ближнему, эту внутреннюю жизнь Царства Небесного, Господь велит нам иметь уже теперь, не ожидая будущей жизни. б) Заповеди Христовы касаются разных сторон жизни на земле (пост, милостыня, нерасторжимость брака, и т. д.), а благодать обеспечивающая верное их соблюдение, обожение, есть просветление человека Царством Божиим. в) Благодать *текущая в жизнь вечную* (Ио. 4, 14) имеет свои источники на земле, в таинствах. г) Царство Божие имеет не только внутреннюю, но и внешнюю, видимую сторону (см. ниже). д) Притчи Господни о Царстве Небесном предполагают развитие этого царства уже в настоящей жизни, как видно, например, из притч, приведённых у Матфея в главе 13. е) *Царство Небесное силою*

берётся (Мф. 11, 12), берётся именно уже теперь, а не только обещивается для загробной жизни.

Каковы существенные черты Царства Божия, возведённого нам Христом, Спасителем нашим?

1) Оно — царство в высшей степени **благодатное**. В этом восприятии оно может быть определено как совокупность всех внутренних благ духовных, коими поддерживается сверхприродная жизнь христиан. Об этих то благах сказано: *Ищите же прежде Царства Божия и правды его* (Мф. 6, 33). На неземную ценность этих благ указывает Спаситель, уподобляя Царство Небесное сокровищу, ради приобретения которого всё продаётся (Мф. 13, 44; ср. Лк. 15). Благодатный характер Царства Божия ярко выступает в убожениях нагорной проповеди. Сверхприродны, благодатны в Царстве Христовом и таинства, и учение Откровения, Евангелия, благой весты. Благодатный дух Царства Христова особенно нагляден в Евангелии от Иоанна и в посланиях ап. Павла, в которых яркими чертами изображаются разные стороны сверхприродной жизни во Христе.

2) Царство Божие в учении Господа нашего Иисуса Христа есть царство **правственного** совершенства, добродетелей, умения жить учением Христовым в трудных условиях земной жизни. Мы призваны содействовать благодати, исполняя во всём волю Божию. Требуется внутреннее очищение сердца покаянием, без которого невозможно никакое прощение грехов; требуется подобающее расположение ума и воли, устремлённость этих способностей души к духовному совершенству. *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48). Христианская праведность должна далеко превосходить праведность ветхозаветную, в особенности фарисейскую; без неё невозможно обладать Царством Небесным (Мф. 5, 20). Требуется молитва и пост; притом и молиться и поститься надо в духе основных духовных требований, предъявляемых самой сущностью христианства. Нельзя служить двум господам, надо всей жизнью служить только Богу. Надо быть готовым скорее понести мучительную смерть, чем отказаться от Христа или Его заповедей. Когда законы Царства Божия того требуют, надо себе „глаз вырвать” или оставить отца и мать. Следует постоянно бодрствовать, нести крест свой, стремиться к тому, чтобы „погубить душу свою”, т. е. победить свою гордость.

Иисус Христос особенно требователен во всём, что касается любви к ближнему. Вера, на которой зиждется христианская жизнь в Царстве Божием, мертва без дел нравственных добродетелей (Иак. 2, 17).

3) Царство Божие есть царство внутренних ценностей, но облакаемых во внешние формы и вырабатываемых с помощью общедоступных, видимых, **внешне осязательных** факторов. Это царство в совершенстве приурочено к человеческой, духовно-телесной природе, к внутренне-внешнему составу её: божественная любовь в нём нисходит до полноты человеческого естества и воплощается в ней. Царство Божие поэтому по существу своему „общественно“, в нём осуществляется соборное единение многих во Христе посредством естественных человеческих общинных связей, в особенности посредством Богом заложенного в человеческую природу стремления к соединению в одно видимое человеческое религиозное общество. Это царство не может не согласовываться с установленным Самим Творцом порядком единения людей между собою, а порядок этот существенно предполагает внешне осязательные способы общения: органы тела — язык, глаза, уши; воздух, свет, материальную среду, необходимую для применения этих органов; помещение и оборудование для собраний и т. д. Кощунственно предполагать, что Бог Сам Себе противоречит, и устанавливает царство несовместимое с Им же созданной человеческой природой. Иисус Христос упразднил Моисеево законодательство, но Он никогда не отрицал того, что Его царство будет осуществлением предсказанного пророками внешне-видимого Царства Божия. Спаситель требовал открытого и общедоступного исповедания веры; Он предсказал извне приходящие гонения на Его религию, а это было бы немислимо, если бы эта религия не имела, кроме внутренней, также и внешней, вполне человеческой стороны; дела милосердия, на которых Он так настаивал, тоже предполагают внешне-осязательную сторону Царства Божия. Все сравнения и притчи, при помощи которых Господь изобразил Своё царство, просто непонятны и бессодержательны, если предположить, что это царство исключает общинные связи верующих между собою. Царство Христово, по учению ап. Павла, есть один общинно-благодатный организм, который живёт и создается при содействии разных, но всегда для всех осязаемых естественно-социальных человеческих служений, пастырских и

учительских (Ефес. 4, 11). Постоянство этого царства предполагает передачу этих служений от прежних их совершителей к новым; с первых же дней христианства эта передача совершалась видимым обрядом рукоположения.

4) В отличие от национально-религиозного ветхозаветного домостроительства. Царство Христово есть царство **чисто религиозное**.

Иисус Христос различал „Божие“ от „цесарева“ (Мф. 22, 21). Он считал возможным осуществление христианского религиозного царства в Римском языческом царстве, Он вовсе не призывал евреев к борьбе против римлян-поработителей. Видимое общинно оформленное царство Христово и политическое, гражданское царство находятся как бы в двух разных плоскостях, их задания различны. Христос не считал входящим в Свою программу заниматься гражданскими исками: *Кто поставил Меня судить или делить вас?* (Лк. 12, 14). Правящие в Царстве Божием должны быть воодушевлены более возвышенными побуждениями, чем представители гражданских властей: дело первых — заниматься обеспечением жизни вечной, тогда как дело вторых — думать о временном благоденствии. Иисус Христос пришёл не для того, чтобы восстановить царство Израилю (Деяния 1, 6). И во втором грядущем Своем пришествии Спаситель не придет, чтобы основать политическое царство. Христос Спаситель не одобрял желания народа провозгласить Его царём Израиля (Ио. 6, 15). Он победил Своих врагов не мечом, а смертью на кресте. Пилату Он прямо заявил: *Царство Моё не от мира сего* (Ио. 18, 36), а Пилат не считал Его виновным в посягательстве на политическую власть. Евреи не признали Его Мессией именно потому, что Он не захотел служить национальной идее Израиля. В Его царстве нет никаких перегородок или ограничений, нет больше „избранного“ племени; это не союз национально-религиозных объединений: есть только единый сверхнациональный град Божий. Христос — царь, но не в силу политических стечений обстоятельств, а потому что Он — Сын Божий и Спаситель. Во время Своего пребывания на земле Он проявлял гораздо больше священническую власть, чем царскую. Блаженными Господь объявляет не тех, кто занимает видное место в политической или национальной жизни своего народа, а тех, кто религиозно настроен и всё направляет к жизни вечной. Притчи Христовы, хотя и предполагают царство Божие на земле в виде человеческого естественного

объединения людей, в то же время ясно указывают на сверхземную цель этого объединения. Чисто религиозный характер царства Христова очень ярко выступает в посланиях ап. Павла: в них, как и в евангелиях, христианское общество людей, в целостности и во всех элементах, получает свой смысл исключительно от устремленности к жизни вечной в единстве всецерковного Тела Христова. Определяемое неземными интересами, Царство Божие отнюдь не сходно с каким-то социалистическим или коммунистическим раем, как иные склонны думать; в существенном пункте тут даже имеется противоположность: коммунизм лишает человека того религиозного фактора, которым он отличается от животных, христианское же царство Божие возводит его до недостижимых для природы высот обожения; христианство освящает всякий честный труд и вообще считает труд религиозно-нравственным долгом: *Кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фесс. 3, 10); между тем, коммунистам высший, духовный труд непонятен, непосилен.

Каково, собственно, отношение новозаветного царства Божия к ветхозаветному? Иисус Христос признавал книги Ветхого Завета авторитетными, священными, заключающими слово Божие. Он лично соблюдал предписания Моисеева законодательства; Он почитал Иерусалимский храм и соблюдал ветхозаветные праздники; Он признавал еврейское священство (напр., Мф. 8, 4) и священные преимущества Израильского народа. *Не думайте, что Я пришёл нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл Я, но исполнить* (Мф. 5, 17). Исполнение же Закона состояло, главным образом, в осуществлении новой, благодатной икономии спасения, предсказанной пророками Ветхого Завета. Весь смысл этого Завета в том, что он должен был приготовить пришествие Христа Мессии и Его благодатного Царства. Замена Ветхого Завета Новым была ничем иным, как исполнением Ветхого Завета, его окончательным завершением. Поэтому нет никакого противоречия в том, что Спаситель, при всём Своём уважении к Моисееву законодательству, в конце пребывания Своего на земле заменил его другим. Резко и определённо восстал Он против того духа, которым в его время были проникнуты ревнители Ветхого Завета — фарисеи. А старому формализму Иисус Христос противопоставил более духовное, нравственно более совершенное исполнение религиозного законодательства.

Господь наш Иисус Христос положил конец национальным

преимуществам евреев и смешению религиозных чаяний с национальными или государственными. Царство Божие должно было перейти от евреев к вселенскому религиозно-международному объединению верующих, основанному Спасителем. Проклятие бесплодной смоковницы Иисусом Христом было символом отвержения Израиля, народа ставшего неспособным осмыслить Ветхий Завет и принять Мессию. Та же мысль выражена в предсказании о долженствующих прийти с Востока и Запада (Мф. 8, 11), в притче о виноградарях (Мф. 21, 43), в предсказании разрушения Иерусалима.

Провозглашая, что наступил конец Ветхого Завета, Иисус Христос всей Своею жизнью и учением вводил Новый Завет, раскрывая его дух, законы, свойства, назначение. Новый Завет был обоснован установлением Пресв. Евхаристии: *Сия чаша есть новый завет в Моей крови* (Лк. 22, 20). Старый союз Бога Отца с избранным народом уступил место союзу воплощённого Бога-Слова со всем родом человеческим, расовое начало было заменено многонародным. Наступило Царство отпущения грехов и восстановления людей в первоначальном состоянии обожения.

Наиболее характерной чертой Нового Завета является его вселенскость, католичность, благодатная многонациональность. Ветхий Завет, хотя и был союзом Бога с одним народом, тем не менее сокровенно включал основы будущего вселенства. Ягве есть Бог всех людей; Израиль только „первородный” из народов. Пророки Ветхого Завета определённо и настойчиво предсказывали всечеловечность Царства Мессии. Исаия говорит, что спасение Господне распространится *до конца земли* (49, 6), в доме Господнем будут молиться все народы (56, 7). Для Иезекииля, Царство Мессии есть большой кедр, выросший на горе Израиля: *Всякие пернатые* (все народы) *будут обитать в тени ветвей его* (17, 23). По Даниилу, Христу Царю будут служить *все властители* (7, 27). Аггей, Захария, Малахия тоже предсказывали, что в Царство Мессии войдут люди из всех народов. В псалмах мы повсюду встречаем намёки на католичность этого царства.

Христово учение по внутреннему своему содержанию не национально, а всечеловечно: всё тут касается религии человека, как человека, всякого человека. Заповеди Христовы относятся ко всем людям; так, ближнего надо любить, кто бы он ни был; ублажения нагорной проповеди касаются всех людей, расположенных воспри-

нять дух Христов; благодать Господня идёт навстречу человеческой природе, а не самолюбивому партикуляризму того или иного сословия, народа или „культуры”, равно приноравливаясь ко всем людям или их природным группировкам. Спаситель охотно входил в сношения с чужеземцами и язычниками; Он любил ссылаться на универсальные тексты Ветхого Завета.

Иисус Христос назвал Своих учеников «солью земли» (не той или иной земли, а всей земли) и «светом мира» (Мф. 5). Он пришёл *огонь низвесть на землю* (Лк. 12, 49). Св. Иоанн проводит повсюду мысль, что спасение Христово касается всего мира. Все семь притч, помещённых в главе 13 Евангелия от Матфея, насквозь проникнуты духом католичности: тут всё относится к „человеку” или „миру”, истины тут выраженные равно применимы к людям всех этнических или иных групп и подразделений. Притча о милосердном Самарянине (Лк. 10) включает явное осуждение националистического самодовольства. Весьма поучительна притча о виноградарях (Мф. 21, 33 сл.): царство Божие отнимется от евреев и будет дано всякому народу, приносящему плоды благочестия. На брачный пир царства Христова служители этого царства должны призывать *всех кого найдете* (Мф. 22, 9).

Иисус Христос прямо заявил, что в Царстве Небесном будут многие *с Востока и Запада* (Мф. 8, 11). Он предсказал Своим последователям универсальное гонение: и от настоятелей синагог, и от Римских властителей, и от языческих царей (Мф. 10, 17-18). Царство Божие будет проповедано *по всей вселенной* (Мф. 24, 14), *в целом мире* (Мф. 26, 13). Евангелие от Матфея заканчивается торжественным завещанием Христа ученикам: *Идите, научите все народы* (Ср. Мк. 16,15). Апостолы и их преемники должны быть свидетелями Христа *до края земли* (Деяния 1, 8).

Против вселенскости Царства Христова приводят иногда слова Спасителя: *Я послан только к погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 15, 24). Но Спаситель Сам же поясняет смысл этих слов: спасение предлагается сначала избранному народу, а затем только всем людям вообще; Христос просто соблюдает „преимущество” евреев, именно их призвание быть первыми слушателями благой вести.

Учение Ап. Павла о Царстве Христовом определённо универсалистично. Главное препятствие к установлению вселенского Царства Божия, национальное Моисеево законодательство, отменено, навсегда устранено. Люди разных племён, *бывшие некогда далеко, стали*

близки кровию Христовою (Ефес. 2, 13). Теперь уже нет различия между иудеями и греками. Господь есть Бог всех людей, *конечно, и язычников* (Рим. 3, 29). В Царстве Христовом нет разделений, сепаратизмов: *...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но всё и во всё Христос* (Колосс. 3, 11). Спасение Христово предлагается всему роду человеческому, так как весь он запятнан грехом прародителя Адама: *Как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни* (Рим. 5, 18). Оттого крещение имеет вселенское значение. Бог желает спасения всех людей (1 Тим. 2, 4; Ефес. 4, 6); оттого апостольство Нового Завета во всех отношениях католично: *Мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы* (Рим. 1, 5); Павлово апостольство было действительно таковым, он рвался во все населённые страны, чтобы повсюду нести благую весть Христову. Из Деяний Апостолов явствует, что дух католичности, который мы наблюдаем у Ап. Павла, был духом всей первоначальной Церкви.

Из всего до сих пор сказанного явствует, что понятие „Царство Божие” очень широко по содержанию; оно объёмлет всё то, что так или иначе относится к единой истинной религии; тут имеются в виду и дух, и внешнее устройство; это Царство охватывает как начальное и переходное, так и окончательное, „эсхатологическое”, состояние спасаемых; сюда входят и уже осуществлённые религиозные реальности и программы будущего, святые чаяния. В силу совершённого Им подвига спасения рода человеческого, Иисус Христос стал на веки Царём этого царства, оно стало подлинно царством Христовым. Оно называется тоже Царством Небесным, конечно не в том смысле, будто ему нет места на земле („да будет воля Твоя, яко на небеси, **и на земли**”), а потому, что оно по цели своей эсхатологично, всё подчиняет жизни вечной в окончательном состоянии спасённого человечества.

Царство Божие иногда называется теократией („богоставием”). Это название приемлемо, если под теократией понимать тот факт, что в Царстве сем осуществляется самое чистое единобожие: в нём всякое бытие, всякие дары признаются исходящими от единого Творца и Промыслителя. Ветхозаветная теократия, особый союз Бога с избранным народом, прекратилась после того, как Ветхий Завет исполнил

своё назначение — приготовить пришествие Мессии, — а евреи, отвергнув Мессию, сделали себя недостойными особого попечения Всевышнего. Средневековая же теократия, замешанная в политику, фактически была только в незначительной мере и ненадолго осуществлена на Западе; в нашу эпоху такая теократия и немыслима и нежелательна, ибо, как показал опыт, она связана с большими опасностями для Церкви. Католическое понятие Царства Божия далеко не совпадает с идеей такой теократии; католицизм существенно сверхполитичен, и средневековая теократия давным давно оставлена. В России, в патриарший период, были попытки осуществления средневековой теократии восточного типа, но все они кончались обратным злом — усилением цезаропапизма, возрастающим подчинением духовенства государству даже в чисто религиозных вопросах. В католичестве давно уже восторжествовало наиболее соответствующее Евангелию учение: государство не подчинено Церкви во всём, что касается его непосредственного назначения — обеспечивать временное, земное благоденствие граждан; оно ей подчинено только **косвенно, поскольку** оно должно уважать религиозную совесть граждан, не препятствовать Церкви в исполнении её назначения и обязанностей, руководиться нормами нравственного Христова законодательства.

Царство Божие, или Церковь, рассматриваемая с точки зрения благодатного единения всех во Христе и даруемой Им сверхприродной жизни, у Ап. Павла называется Телом Христовым, а впоследствии, во избежание смешения понятий и в отличие от физического Тела Христова, стало называться Мистическим или Таинственным Телом Христовым.

Царство Божие, возвещённое Иисусом Христом, есть христианская религия; Таинственное же Тело Христово есть та же самая христианская религия, но ставшая постоянным, живым, органическим единением спасаемых во Христе, сплочённых между собою истинами Откровения, благодатными дарами свыше и единой богоустановленной иерархией.

Тождественны ли понятия Церкви и Таинственного Тела? Это зависит от того, в каком, — более широком или более узком, — смысле употребляется слово „церковь”. Дело в том, что, как в Свящ. Писании, так и в Предании и богословии, термин „церковь” не всегда обозначает одну и ту же реальность. Во избежание плачевных недоразумений при разборе свойств Церкви следует всег-

да точно определять, имеется ли в виду вся Церковь или та или иная её часть, сторона, аспект.

Греческое слово „эκκλeσιa“, которым уже в первые века по-гречески и по-латыни обозначалась Св. Церковь, соответствует еврейскому „кагал“ и обозначает „собрание“, объединение созванных людей. В Ветхом Завете под словом „кагал“ подразумевалось то собрание благочестивых, то сборище неправедных, то весь народ. В Новом Завете „эκκлeσιa“ обозначает или всю совокупность последователей Христовых, или объединение таковых в известной стране или известном городе; иногда имеется в виду просто собрание верующих в том или ином доме. Из евангелистов только один Матфей употребляет выражение соответствующее нашему „Церковь“. Зато в Деяниях и посланиях Ап. Павла слово „эκκлeσιa“ употребляется часто, как в смысле всего общества христиан, так и в смысле поместных объединений верующих. У отцов, как восточных так и западных, Церковь также обозначает то всё общество покорных истинной вере и священноначалию, то поместные церкви, епархии, митрополии и т. п. При этом под словом „Церковь“ понимается или богоустановленное иерархическое „учреждение“, или какая-либо ветвь его, или объединённая совокупность верующих, живущих в данный момент на земле, или всё множество праведников, как перешедших уже в жизнь вечную, так и пребывающих ещё на земле, или даже вся совокупность христиан на земле и праведников в жизни вечной.

Богословы часто берут понятие „Церковь“ в смысле всех людей возглавляемых Христом, как уже соединённых с Ним в потустороннем Царстве Небесном, так и странствующих ещё на земле. Это и есть та Церковь, которую св. Фома Аквинат определяет как существующую „от начала мира до конца его“ (III, кв. VIII, ар. 1, 3, 4). Иногда богословы имеют в виду только Церковь „в состоянии отечества“, вечного отечества блаженных на небесах, уже окончательно утверждённых в спасении Христовом; в этой именно Церкви все уже полностью и навсегда соединены с Христом Главою, и потому там все средства исправления, совершенствования или предохранения от падений (таинства, догматические определения, иерархия, папство и т. д.) излишни и немыслимы. Чаще всего под Церковью понимается Церковь в „состоянии пути“, общество возглавляемых Христом людей ещё живущих на земле, установленная Спасителем видимая, земная,

эмпирическая, иерархически организованная семья верующих. Это и есть Церковь „земная“, или „борющаяся“, так называемая в отличие от Церкви „торжествующей“ на небесах или ещё „страждущей“ в чистилище; впрочем, эти три Церкви на самом деле обозначают только три различных „состояния“ одной и той же единственной Церкви Христовой.

Называя Церковь «таинственным» Телом Христовым, богословы имеют в виду, главным образом, благодатно-органическое единение верующих в сверхприродной любви, в обожении, даруемом Святым Духом. Основную истину тут, как и везде, где речь идёт о каком-либо аспекте Церкви, является догмат о Христе Главе Церкви. Заметим, что под Церковью, или Таинственным Телом, можно понимать или объединённое множество спасаемых Христом людей **вместе** с Главою Христом (*Christus totalis*, как выражается блаж. Августин) или только это объединение в отличие от Главы, как тело состоящее **под** главенством Христа. Многие современные лжеучения происходят из рокового смешения этих понятий.

Но, различая понятия, не следует впадать в другую крайность и рассматривать благодатное единение во Христе и видимое „юридическое“ соединение верующих в одно организованное церковное общество, как две целиком различные Церкви, связанные между собою только случайными узами. Это не две Церкви, а только **одна** Церковь, единая как её Глава, Христос, но рассматриваемая с двух различных точек зрения: с точки зрения внутренней благодатной жизни в душах членов Таинственного Тела (аспект достигнутой или достигаемой **цели**) и с точки зрения внешней организации, дисциплины, учения (аспект богоустановленного **пути** и средств, нужных для достижения этой цели). Как во Христе божеская, невидимая природа и природа человеческая, осязаемая, земная, неслиянны и в то же время нераздельны, так и в Церкви элементы, благодатно-божественный и природно-человеческий, представляют собою две реальности, различные по содержанию, но не отделимые одна от другой. Весь смысл земной иерархической Церкви, учреждённой Господом нашим Иисусом Христом, состоит в том, чтобы **вести** людей по пути к Церкви, как союзу людей в божественной любви; не будь этого её назначения, Церковь - учреждение была бы величайшим абсурдом и повиноваться ей было бы тягчайшим заблуждением. Но с другой стороны, без

Церкви - учреждения, без послушания её учительству и пастырству, Церковь - любовь, есть только бесплодная мечта, недостижимый идеал, опаснейшая иллюзия и сатанинское искушение. Монофизитизм в учении о Церкви так же пагубен, как монофизитизм христологический; он недопустим в икономии Воплощения.

Глава вторая

О ТАИНСТВЕННОМ ТЕЛЕ ХРИСТА-ГЛАВЫ

В Богом созданной природе человека заложено стремление к объединению с другими людьми. Таким образом появились природные группировки людей: семья, город, государство и т. п.

В полном соответствии с естественным стремлением человека к жизни сообща, Спаситель объединил Своих последователей в одно общество. Но, со стороны своей обоженной сущности, Церковь есть не только „общество”. Цель, к которой стремится Церковь, лежит далеко за доступными для человеческого естества пределами; отсюда и особый характер существующей между её членами связи. В Церкви, как живущей божественною жизнью, такой связью служит сам Дух Святой, выявляющий Своё присутствие в ней дарами благодати: единение членов Церкви между собою есть не только „моральное” или правовое, но и органическое, живое.

Поэтому, и в Св. Писании Церковь часто обозначается сравнениями, которые подчёркивают жизненный характер церковного единения во Христе. *Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело: так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело* (1 Кор. 12, 12-13). *Мы многие составляем одно тело во Христе* (Рим. 12, 5). *И Он поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями, ... для созидания тела Христова..., дабы мы ... истинною любовью всё возвращали в Того, Который есть Глава, Христос, из Которого всё тело... получает приращение для созидания самого себя в любви...* (Ефес. 4). Образ виноградной лозы и её ветвей (Ио. 15, 1-8) и метафора маслины (Рим. 11) освещают безусловную зависимость духовной жизни верующих от Христа.

Краеугольный камень (Ефес. 2, 20) напоминает о единстве и прочности Церкви.

Мистическое, или таинственное, или соборное Тело Христа есть превосходящее всякое природное совершенство постоянное объединение людей или собирательный организм, который живёт жизнью Самого Христа. Организм этот представляет собою нечто гораздо более совершенное, чем какое бы то ни было другое объединение людей: душою его является не только общий дух, не только одно общее исповедание истин Откровения и одна солидарная устремлённость к Богу, а — Сам Бог — Дух Святой, вдохновляющий и определяющий все функции этого организма. С внешней стороны, Церковь есть „общество”: по внутреннему своему существу, она превосходит всякое общество: она есть жизнь Самого Христа в людях, членах Таинственного Тела. Сказанное, конечно, не следует понимать в пантеистическом смысле поглощения личностей одним собирательным существом: человек, охваченный Божией жизнью и соединённый со своими братьями в Христе узами сверхприродного родства, не только ничего не теряет, но наоборот — достигает такой степени развития своей личности и своего самосознания, какая недостижима для человеческой природы, предоставленной самой себе.

Никогда католические богословы не употребляли выражение „мистическое тело Христово” в том смысле, будто Церковь есть какое-то исключительно невидимое, „чисто духовное”, „бестелесное тело”. Они никогда не отступали от учения Ап. Павла, для которого тело — Церковь есть, хотя и обоженное благодатью, но вполне человеческое, организованное общество верующих. Не надо забывать, что Апостол писал свои послания по-гречески, а на современном ему греческом языке термин „сома” (т. е. тело), употребляемый в переносном смысле, обозначал именно организованное видимое юридически сплочённое „общество” с центральным общедоступным человеческим правлением; таково, например, государство. В протестантизме, в связи с общим уклонением от древнего понимания сущности Церкви, появилось лжеучение об исключительной „мистичности”, о невидимости „метаэмпирической” Церкви. Церковь „таинственна” в том смысле, что она хранит и преподаёт тайны Откровения, ведёт к жизни согласно этим тайнам, облегчает отрешённость от всего мирского и переходящего,

но она не таинственна в гностическом смысле, она не „чисто духовна“.

Внутренняя суть Таинственного Тела Христова представляет для нас много непостижимых сторон. Только в жизни вечной, когда тайны сверхприродного мира откроются перед духовным взором избранных, когда блаженные увидят Бога лицом к лицу, в особенности после всеобщего воскресения мёртвых, когда „созидание Тела Христова“ будет окончательно завершено: только тогда возможно будет более совершенное понимание внутренней сущности разбираемой нами догматической истины.

Теперь же можно лишь сказать, что наиболее глубокой причиной возникновения богочеловеческого организма Церкви было **воплощение** Бога Слова. Иисус Христос был „одновременно и Бог и Человек; **сочетая в Себе столь различные природы, Он сделал человека участником Божией природы**“¹. Такова истина, лежащая в основе католического учения о Церкви, Телу Христовом.

Таинственное Тело Христово есть как бы применение, продолжение и распространение Воплощения и Искупления; оно является целью того и другого. Христос умер, чтобы устранить препятствия, мешающие единению человека с Богом, и чтобы включить нас в Своё соборное Тело; с другой стороны, Его смерть спасает нас только этим путём. Искупление совершается для того, чтобы „осуществить“ мистическое Тело, и плоды Искупления достижимы только для тех, кто подлежит воздействию этого Тела. Грешник спасается Страстями Господними только через участие в жизни соборного Христа: необходимо, чтобы смерть Спасителя сделалась собственным достоянием грешника и чтобы жизнь Христа сделалась его собственной жизнью. Воплощение Слова совершилось в виду установления Таинственного Тела Христова — Церкви святой.

Иисус Христос называется Главой Церкви по аналогии с головою в человеческом теле. Ап. Павел приписывает голове три свойства: органическое **единение** со всем телом, **управление** телом и способность **сообщать жизнь** всему телу. Единение Христа Главы с Церковью так велико потому, что оно коренится в ипостасном единении Слова с человеческою природой. Оттого, отцы Церкви нередко называют Церковь — Христом. Христос жи-

вёт в Своём соборном Телѣ, в Церкви. Иисус Христос непрерывно управляет Церковью, как голова телом. Наконец, от Христа—Главы вся Церковь и каждый из её членов получают в изобилии Христову жизнь, Христову благодать: от Христа Церковь получает свою мудрость, веру, мужество, святость. **Христос есть единственное, всеобщее и неисчерпаемое начало благодати**, так что никто никогда не получил какой-либо сверхприродной благодатной помощи из другого источника. Благодать, конечно, от Бога, но Христос, как Человек, — единственное орудие искупления, через которое человечеству обеспечена помощь Божией благодати.

Господь наш Иисус Христос есть Глава Церкви в полном и всестороннем смысле этого слова: Он не только Спаситель, но и Первосвященник, Царь, Законодатель, Учитель. Безмерное достоинство быть источником благодати включает все второстепенные, подчинённые достоинства.

Христос является Главою **всей Церкви**, не только её невидимой, благодатной стороны, но и всего её видимого общинного иерархического организма. И в каждом из нас Он возглавляет не только душу, но и тело; непосредственно душу, косвенно тело, орудие души. Оттого, по учению Ап. Павла, наши тела — члены Христовы и храмы Духа Святого. *Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?... Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа?* (1 Кор. 6, 15-19); Оттого, великий грех осквернять своё тело грехами противными целомудрию. Мощам святых воздаётся поклонение потому, что они были живыми орудиями, посредством которых Дух Святой освящал людей. По учению св. Кирилла Алекс., единение с Христом распространяется и на наши тела; благодаря Евхаристии, Господь обитает в нас не только верою и любовью, но и личным присутствием.¹

Хотя и в различной степени, однако, Христос является Главою **всех людей**, ибо Он *есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных* (1 Тим. 4, 10); Он *есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира* (1 Ио. 2, 2). Все люди призваны быть членами Тела Христова.

Блаженных в Царстве Небесном Христос возглавляет в наиболее высокой степени: Он их Глава окончательно, бесповоротно,

1. Минь греч., 74, стр. 341, 557.

во веки веков; только там, Церковь будет совершенно чистой и беспорочной. На земле Христос есть Глава, в первую очередь, праведников. Для людей пребывающих в смертоносном грехе,¹ Спаситель является Главой в том смысле, что Его благодать идёт навстречу всем искренне кающимся; духовно мёртвые члены Тела Христова могут быть возвращены к жизни благодатью Главы: они перестают быть членами Церкви только тогда, когда, покидая землю, они окончательно и безусловно отворачиваются от Бога.

Христос — Глава и тех, которые ещё не принадлежат к Церкви, но впоследствии сделаются её чадами. Он также Глава праведников Ветхого Завета. Его любовь простирается на всех людей, способных воспринять спасение.

Главенство Христа в Церкви не ограничено никакими пределами в пространстве или во времени, между тем, как главенство заместителей Христовых на земле, папы или других пастырей, всегда ограничено в различных отношениях.

Иисус Христос есть Глава и ангелов, но не как Искупитель, а как Тот, в Ком даже человеческая природа, по достоинству, совершенству и святости, превосходит бесплотных духов.

В окружном послании Папы Пия XII *Mystici Corporis* мы читаем:

«Наш Божественный Искупитель Сам руководит и управляет непосредственно основанным Им обществом. Сам Он, именно, царствует в духе и сердцах людей, склоняет и побуждает по Своему благоволению даже самую сопротивляющуюся волю... То просвещает и укрепляет Он предстоятелей Церкви, дабы они исполняли своё служение верно и плодотворно. То призывает Он — и сие особенно в трудных обстоятельствах времени — в лоне Матери-Церкви мужей и жён, чтобы они сиянием своей святости служили примером прочим верующим во Христа для возрастания Его таинственного Тела. С особенною же любовью смотрит Христос с неба на Свою непорочную Невесту, которая здесь на земле страдает в изгнании. Видя её в опасности, Он её спасает из пучины бушующих волн лично или через ангелов или через Ту, Которую мы призываем как помощь христиан, и чрез других небесных предстателей. Когда же волны улягутся и море успокоится, утешает Он её тем миром, который превыше всякого ума (Филипп. 4,

1. Смертоносным грехом называется крупное, вполне сознательное и вполне добровольное нарушение воли Божией, ясно и безусловно запрещающей данный поступок; этот грех лишает человека освящающей благодати.

---

7)... Сам Он озаряет верующих светом веры; Он обогащает пастырей и учителей... сверхприродным даром познания, рассуждения и мудрости, дабы они верно сохраняли и усердно объясняли и утверждали сокровище веры. Наконец, Он же Сам управляет и просвещает, хотя также незримо, и соборы Церкви...

В силу того божественного Боговидения, которым Он пользовался немедленно по Своем зачатии в лоне Богоматери, Ему стали ведомы и в любой момент сопричастны все члены Его мистического тела, которых Он объемлет Своей спасительной любовью. О, чудесное снисхождение божественной благодати к нам! О, непостижимый источник безграничной любви! В яслях, на Кресте, в вечной славе Отца, содержит Христос всех членов Церкви перед очами и в сердце с значительно большей ясностью и любовью, чем мать своё дитя на коленях, чем каждый знает и любит самого себя».

Глава третья

ХРИСТОВА БЛАГОДАТЬ

Всякому существу естественно то, что требуется его природою, что соответствует его существенным свойствам: глине естественно, например, иметь определённый вес, животному — дышать или спать, человеку — устраивать свою жизнь на разумных началах. Всё, что превосходит природные данные какого-либо существа, „сверхприродно“, „сверхъестественно“, по отношению к нему: камню „сверхприродно“ иметь чувства, растению „сверхъестественно“ сознательно заботиться о своём будущем.

Не следует смешивать **сверхъестественное** с **противоестественным**: первое превышает или возвышает данное существо, второе противоречит ему, калечит или уничтожает его. Надо также различать **относительную** сверхприродность от **безусловной** и всеобщей. Размышлять сверхприродно для растений, но не для человека; передвигаться сверхприродно для камня, но не для животного.

Сверхприродная жизнь, о которой говорится в богословии, есть жизнь превосходящая природные способности всякой твари. Это — жизнь божественная, которою живут Отец, Сын и Дух Святой. Но Божие всемогущество может, в известной степени, облагодетельствовать нас участием в этой божественной жизни. И действительно, мы *соделались причастниками Божеского естества* (2 Петра 1, 4). Адам, первый человек, через первородный грех потерял для себя и своих потомков данное ему Богом сверхприродное участие в Божеской жизни; Богу было угодно возвратить людям это участие через Искупление.

Средство, которым Бог пользуется, чтобы „привить“ Свою собственную жизнь к нашей естественной жизни, называется благодатью. **Благодать есть сверхприродный дар, который**

Бог уделяет разумным существам ради жизни вечной.

Различают два вида благодати: 1) благодать воздействия, или **воздействующую** (*gratia actualis*), и 2) благодать освящающего состояния, или **освящающую** (*gratia habitualis*).

Воздействующая благодать есть временная, скоро преходящая, помощь, которую Бог даёт душе, чтобы побудить её совершить какое-либо доброе дело, имеющее отношение к жизни вечной. Эта благодать озаряет ум и укрепляет волю в виду того или иного поступка. Она может воздействовать на душу или непосредственно, или посредством внешних данных: проповеди, назидательного примера и т. п.

Освящающая благодать есть своего рода постоянное сверхприродное свойство души; она сообщает душе сверхприродную жизнь, делает её праведной и святой в глазах Божиих. Она называется иногда „оправдывающей“.

Благодать безусловно необходима человеку для достижения вечного спасения. Без благодати, падший (через первородный или смертоносный грех) человек не может сделать ничего заслуживающего спасения. Она необходима до, во время, и после совершения человеком спасительного поступка. *Никто не может придти ко Мне, если не привлечёт его Отец* (Ио. 6, 44). *Без Меня не можете делать ничего* (Ио. 15, 5). Мы оправданы *даром, благодатью* (Рим. 3, 24). Без помощи благодати, падший человек не может долго исполнять всех требований хотя бы только природного нравственного закона, ни побороть все тяжкие искушения. Праведник нуждается в воздействующей благодати, чтобы долго пребывать в благодати освящающего состояния. *Все мы много согрешаем* (Иаков 3, 2). Смерть в состоянии благодатной праведности есть особая милость Божия. Тем не менее, безблагодатный человек может своими природными способностями познать основные истины религии, поскольку о них свидетельствует сама природа, и совершать многие нравственно хорошие дела природного порядка (Рим. 1, 19–24): нельзя говорить, что все поступки падшего человека по необходимости греховны.

Господь премудр и бесконечно милосерд. Он даёт всем людям

благодать, достаточную для спасения. *Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10, 13). Грешникам Бог даёт необходимую благодать для покаяния. Он не желает, *чтобы кто погиб* (2 Петра 3, 9). Всякому, искренне и действительно стремящемуся к правде, Господь посылает помощь, по крайней мере, в минуту смерти.

Относительно взаимоотношения между благодатью и человеческой свободой, можно сказать: как сильно бы ни было воздействие благодати, оно не уничтожает свободы. «Воля побеждена (грехом) только тогда, когда она сама этого хочет», говорит блаж. Августин в своём труде «О благодати и свободе». Сверхприродные дары Божии не уничтожают человеческой природы.

Переход человека из состояния безблагодатного в благодатное, или „оправдание“, не совершается механически. От человека требуется определённое расположение души. Он должен возбудить в себе, с помощью воздействующей благодати: 1) веру в истины Откровения; 2) надежду получить сверхприродную жизнь; 3) любовь к Богу, по крайней мере, зарождающуюся; 4) искреннее раскаяние в своих грехах.

Так как в членах Церкви жизнь Христа-Главы несовместима с наличием тяжкого греха, так как не может быть ничего общего у света с тьмою, и согласие между Христом и Велиаром немыслимо (2 Кор. 6, 14-15), то следует признать, что оправдание освящающую благодатью действительно уничтожает грех, а не только „вменяет“ его грешнику в вину, не только „покрывает“ грех. Благодатью грехи подлинно отпускаются, „заглаживаются“: *Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши* (Деяния Ап. 3, 19). Жизнь во Христе несовместима с духовной смертью: *Бог... нас, мёртвых по преступлениям, оживотворил со Христом; благодатью вы спасены* (Ефес. 2, 5). Душа человеческая не может быть одновременно духовно живою и мёртвою.

Освящающая благодать делает нас: 1) Друзьями Бога: *Кто любит Меня, тот соблюдает слово Моё; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придём к нему* (Ио. 14, 23). 2) Приёмными детьми Бога и Его наследниками: *Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими* (1 Ио. 3, 1); *Дух свидетельствует духу нашему, что мы дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же*

Христу (Рим. 8, 12-17). 3) *Причастниками Божеского естества* (2 Петра 1, 4); как железо, брошенное в горнило, делается подобным огню, так душа в состоянии благодати проникается Божеством; сопричастие Божескому естеству не следует, однако, понимать в смысле отождествления или уравниения: тварь не становится Богом. 4) *Храмом Пресвятой Троицы*, любимым местопребыванием Отца, и Сына, и Духа Святого. 5) *Очагом сверхприродных добродетелей и даров Духа Святого*. 6) *Живыми членами Церкви*.

Признаки состояния благодати — свидетельство совести, искренняя и сверхприродная любовь к Богу и к ближнему, отвращение ко греху, презрение благ мира сего и т. п.

Благодать приумножается добрыми делами. *Праведный да творит правду ещё, и святой да овящается ещё* (Апок. 22, 11).

Освящающая благодать утрачивается при совершении какого-либо смертоносного греха, т. е. при вполне сознательном и добровольном нарушении той или иной заповеди в важном предмете.

По своей природе, человек, конечно, никакого „права“ на вечную жизнь во Христе не имеет, никаких „заслуг“ в порядке сверхприродного спасения иметь не может. Но в силу Богом данной благодати и в силу Божиих обещаний, его добрые дела и подвиги получают ценность заслуги, благодатного преуспевания. *Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его* (2 Тим. 4, 7-8). Без благодати нет сверхприродной заслуги; а так как без участия в жизни Таинственного Тела Христова нет благодати, то следует заключить, что могут иметь заслуги перед Господом только те, которые принадлежат к Таинственному Телу Христову, Церкви Святой, или подлежат действию благодати оживляющей Церковь. Подвигом искупления Христос-Глава приобрёл несметные заслуги не только для Себя, но и для всех тех, кто составляет одно с Ним. Благодаря нашему единению с Главою и со всем соборным Телом Христовым, мы можем приобретать сверхприродные заслуги Христовы и сообщать их другим.

Дела, достойные спасения, можно совершать только в настоящей жизни; после смерти, осуждённый, в аду, не может спастись; праведник, в Царстве Небесном, не может повысить степени своей святости: Церковь Богочеловека

Приходит ночь, когда никто не может делать (Ио. 9, 4); ...хотя бы перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят (Лк. 16, 26); на суде Христовом, каждый получит соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или злое (2 Кор. 5, 10). Само собою разумеется, что только нравственно хорошие поступки и подлинно христианские подвиги покаяния, смирения, любви к Богу и к ближнему, совершённые в состоянии благодати, могут иметь ценность сверхприродной заслуги. Предметом заслуги являются: увеличение освящающей благодати и жизнь вечная; первую помощь благодати и дар покаяния после совершённого смертоносного греха никто себе заслужить не может.

Божественная благодать даруется отдельным людям, но в зависимости от их отношения к Таинственному Телу Христову: она сообщается им или как уже членам Церкви, или ради приведения их к жизни в ней. Так или иначе, всякий благодатный дар Божий людям касается Церкви. Божественная жизнь, одухотворяющая членов Церкви, одухотворяет и саму Церковь, из этих членов составляемую. Это правильно относительно всех действий благодати в людях, но соотношение между значением благодати для всей Церкви и для отдельных её членов с особенной силой и наглядностью проявляется в главном плоде благодати, в любви. Благодатной любовью люди и возрождаются в своей личной духовной жизни и охватываются жизнью всей Церкви, взаимопроникновением благодатных воздействий на всех влекомых к любви и единству во Христе.

Чтобы лучше уяснить себе эту дивную истину, следует иметь в виду, что сверхприродная благодать всегда предполагает соответствующие природные проявления деятельности человеческого духа, она возносит до божественных высот уже существующие природные устремления ввысь ума и воли. Всё сверхъестественное облагораживает то естественное, к которому оно относится и без которого оно не могло бы быть сверхъестественным, просто — не могло бы существовать как жизненная реальность. Благодать освящает и просветляет, но надо же быть тому, что освящается и просветляется — мысли, желанию, действию и. т. п. Благодать просвещает лучом божественного познания нашу познавательную способность, ум, мышление; она облагораживает божественным хотением наши человеческие

благие хотения, ею же внушённые; благодать сообщает участие в божественной чистоте нашим подвигам природной целомудренной чистоты, вводит в сферу божественной справедливости наши дела естественной человеческой честности и справедливости, и таким же образом действует во всём остальном. Благодать, так сказать, вовлекает в божескую жизнь Пресв. Троицы, возводит на высоту обожения всю нашу природную духовную, умственно-волевою жизнь, во всём приспособляясь, применяясь к нашей духовно-животной, умственно-телесной, разумно-материальной человеческой природе; она поддерживает стремления души, поскольку, конечно, они не уклоняются в греховность и покорны её предваряющему святому воздействию.

Сверхприродная благодать исходит от Иисуса Христа, Главы Церкви; она сообщается людям Духом Христовым — главным образом в святых таинствах — молитвами Пресвятой Богородицы и всех святых членов соборного Христа; она даётся в виду грядущего воскресения для вечной жизни. Следующие главы поясняют сказанное.

Глава четвёртая

ПОЛНОТА БЛАГОДАТИ ВО ХРИСТЕ, ГЛАВЕ ЦЕРКВИ

И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать (Ио. 1, 16). Толкуя этот текст, св. Иоанн Златоуст пишет: «Христос есть источник и корень всех благ. Он — жизнь, свет, истина. Он не удерживает при Себе Своих сокровищ, но дарит их всем; распределив их, Он остаётся столь же богатым, как и раньше... Сколько бы вы ни черпали из этого источника, он никогда не оскудевает».¹

И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины (Ио. 1, 14). **Иисус Христос всегда обладал благодатью во всей полноте её разнообразия и совершенства.** Это понятно, если принять во внимание тесное единение души Христа с Божеством, бесконечным источником всякой святости. Благодать была в изобилии дана Христу, в виду Его призвания быть Главою Церкви и сообщать сверхприродную жизнь миллионам членов Своего таинственного Тела.

Эта полнота благодати присуща одному только Иисусу Христу. Все проявления благодати во всём человечестве истекают только из этого единственного источника. Благодать во Христе соразмерна Его подвигу и Его роли: возглавлять Церковь и приводить её чад к вечному спасению. Преизбыточность благодати свойственна Спасителю, между прочим, и потому, что *един посредник между Богом и человеками, Человек Христос Иисус* (1 Тим. 2, 5).

Господь наш Иисус Христос обладает полнотою и совершенством всех добродетелей. Иначе и быть не может. В самом деле, добродетели

1. Бес. 14 на Еванг. от Иоанна.

вытекают из совершенства души, а душа тем совершеннее, чем более она во власти благодати.

Христос был в избытке одарён как благодатью, относящейся к личному совершенству, так и благодатными дарами, имеющими отношение к обращению ближнего на путь спасения. Это видно из евангельских рассказов о чудесах Христовых. В то время, как *многу даются чудотворения, многу пророчество...* (1 Кор. 12, 10), один лишь Спаситель располагает полнотою и совершенством всех сверх-природных даров.

Иисус Христос, как Бог, конечно, всеведущ; душа же Его одарена наиболее совершенными человеческими познаниями. Лицеизрение Бога в исключительно высокой степени присуще душе Христовой. Таким образом, и в этом отношении Христос превосходит и возглавляет как всю Церковь, так и каждого из её чад. Как Вождь Церкви, Христос знает всё, что когда-либо существовало, все людские поступки в прошлом, настоящем и будущем.

Христос — **Посредник** между Творцом и тварью. В Его воплощении, Божия природа сочеталась с человеческою как нельзя более тесным единением. *Бог во Христе примирил с Собою мир* (2 Кор. 5, 19). *Помните, что вы, некогда язычники, ... были в то время без Христа... А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки кровию Христовою. Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих (народов) одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду плотию Своею, ... дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нём... Через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе* (Ефес. 2, 11-18). Итак, Христос примиряет людей между собою и, в то же время, служит посредником между Богом и людьми: и то и другое Он совершает как Глава последовавшего за Ним человечества, как Глава Церкви.

Будучи посредником между Богом и людьми, Христос является Верховным **Священником**, *ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи... Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником* (Евр. 5, 1-5). В Ветхом Завете законодательная, священническая и царская власти были разделены: Христос же соединил их в Своём лице. Полнота

священнической власти была непосредственно дана Спасителю; в других людях эта власть исходит от Христа-Главы.

Сверх того, Иисус Христос — верховный Судья, и притом не только как Бог, но и как Человек, как Глава Церкви. Также и в этом отношении, власть Христова простирается на всех людей. В день Страшного суда Христос будет судить людей в качестве Главы Церкви: поэтому, и члены Церкви будут принимать некоторое участие в этом суде. *Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, в пакибытии, когда сядет Сын человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах, судить двенадцать колен Израилевых* (Мф. 19, 28).

Вся жизнь Спасителя на земле имеет отношение, прямое или косвенное, к Его главенству в Церкви.

Уже в момент Воплощения Иисус Христос вводит в непосредственную и непостижимую близость к Богу не только Своё личное человеческое существо, душу и тело, но и всё Своё соборное Тело, Церковь. «Поклоняясь новорождённому Спасителю — пишет св. Лев Великий — мы, тем самым, празднуем наше собственное рождение, ибо пришествие Христа есть происхождение христианского народа, и рождение главы есть тоже рождение тела».¹

Явление Младенца-Христа всем людям, волхвам и пастухам, праведникам и грешникам, евреям и чужестранцам, возвещает всестороннюю вселенскость Церкви. *Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе* (Галат. 3, 28).

Крещение обозначает обновление, очищение, а так как Спаситель для Себя лично ни в каком очистительном обряде не нуждался, то и крещение Христово следует понимать, как относящееся к введению человечества в Церковь. По учению отцов, Христос подвергся крещению ради нас, чтобы очистить нашу природу и «похоронить в воде ветхого человека». По мнению блаж. Августина, Спаситель крестился для того, чтобы первым исполнить то, что Он должен был впоследствии предписать всем людям. Сошествие Св. Духа на Христа, во время крещения, имело в виду не столько Самого Иисуса Христа, сколько Его всецерковное Тело, ибо лично Христос был изначально исполнен

1. Минь лат., 54, col. 213.

Духа Святого. «Из Иордана Иисус извлёк мир, который в нём был как бы погружён», говорит св. Григорий Богослов.¹

В Преображении слава небесная представляется как конечная цель земных страданий. Оно напоминает нам, что как мы страдаем с Христом-Главою, так же мы будем вместе с Ним прославлены в Царстве Небесном. Как *надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою* (Лк. 24, 26), так и нам *надлежит многими скорбями войти в царствие Божие* (Деяния 14, 22). Преображение Господне — символ и залог нашего усыновления для славы небесной.

Таинственная связь между Главою и Телом особенно сильна в страданиях и смерти Спасителя. Подвиг Главы есть в то же время подвиг всего соборного Христа, Церкви. В силу нашего единения с Христом, как членов тела с головою, мы можем и должны, со всей Церковью, принимать участие во всех искупительных страстях Спасителя. Вся история Церкви и жития всех святых — не что иное как описание страстей Господних, продолжающихся в Таинственном Теле Исккупителя. Кто не принимает участия в муках Христовых, тот не может быть назван живым членом Церкви.

Смертью Христовой мы духовно умерли греху и чем глубже, искреннее и сильнее наше участие в ней, тем реальнее наша собственная смерть всему греховному. *Вы умерли, и жизнь ваша открыта со Христом в Боге* (Колосс. 3, 3).

В Воскресении Своём, Иисус Христос становится Главою Церкви в наиболее полном смысле этого слова. Как прославленный Богочеловек, окончательно поправший смерть, Он во веки утверждает, как единственный и вселенский источник жизни для души и для тела. В особенности с момента Своего Воскресения *последний Адам есть дух животворящий* (1 Кор. 15, 45). Христос *воскрес для оправдания нашего* (Рим. 4, 25). Воскресшее человеческое естество Христа послужило воскресению душ и тел человеческих для жизни вечной.

Воскресение Христово является для нас прообразом духовного воскресения и избавления от смертоносных грехов. *Как Христос воскрес из мёртвых славою Отца, так и нам ходить в обновлённой жизни... Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним... Почитайте себя мёртвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе Нашем...* (Рим. 6, 4-11).

Наконец, и в Вознесении Своём Христос был Главою Церкви.

1. Минь греч., 36, col. 349.

Глава со славою покинул землю для жизни вечной, чтобы все члены таинственного Тела могли последовать за Ним. Какова участь головы, такова же и участь тела. «Что нам делать, пишет блаж. Августин, чтобы не быть покинутыми Христом на земле? Соединиться с Его Телом, чтобы быть одним Христом возносимым на небо... Мы и Он — одно».¹ Столь же ярко выраженные мысли встречаются у свв. Кирилла Алекс., Златоуста и др. Бог нас *воскресил с Ним и посадил на небесах во Христе Иисусе* (Ефес. 2, 6).

Во Христе, Главе Церкви, полнота главенства предполагает полноту благодати.

---

1. In Ps. 122.

Глава пятая

ДУХ СВЯТОЙ И ЦЕРКОВЬ

Дух Святой сообщает нам освящающую благодать Христову. Он обитает в нас, поскольку мы живые члены Церкви: *Тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа* (1 Кор. 6, 19). В тех, кто в полном смысле имеет Главою Христа, Дух Святой пребывает не только наличием Своих даров, но и собственным Своим присутствием. Отцы, в особенности св. Кирилл Алекс., часто напоминают нам об этом. Оправдание благодатью совершается *именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего* (там же, ст. 11). Устами праведников говорит Сам Дух Святой (Мф. 10, 20).

Дух Святой делает нас подобными Себе. Он есть сущая Любовь и потому сообщает нам **любовь к Богу**: *Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам* (Рим. 5, 5). Дух Святой открывает нам, как велико счастье любить Бога: *... не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим* (1 Кор. 2, 10). Из того же источника любви мы получаем обильные и разнообразные дары: *Но каждому даётся проявление Духа на пользу. Одному даётся Духом слово мудрости;... иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений тем же Духом; иному... истолкование языков. Всё же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно* (1 Кор. 12, 7-11). **Дух Святой делает наше отношение к Богу подлинно сыновним и радостным**: *Ибо все, водимые Духом, суть сыны Божии. Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления* (Рим. 8, 15). Дух Святой есть причина и свидетель этого божественного усыновления.

Благодаря просвещающему воздействию на нас Святого Духа, уже в этой жизни начинается *наше жительство на небесах* (Фи-

лип. 3, 20), поскольку, конечно, это совместимо с условиями земного существования: *Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу* (1 Кор. 13, 12). Ободряя нас в трудностях, утешая нас в наших скорбях, Параклит, согласно обещанию Спасителя, помогает нам исполнять волю Господню и соблюдать заповеди: *Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди, и Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек* (Ио. 14, 15).

Где Дух Господень, там свобода (2 Кор. 3, 17). Истинная свобода, свобода сынов Божиих, достигается послушанием. Она освобождает от рабства плотских страстей. *Если живёте по плоти, то умрёте; а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете. Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии* (Рим. 8, 13-14). Евангельская свобода, подчиняя нас игу Христову, освобождает нас от власти греха и от обрядовых предписаний Моисеева закона. *Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства... К свободе призваны вы, братия; только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти... Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотьми* (Галат. 5). *Закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти* (Рим. 8, 2).

Сказанное о значении Духа Святого в Церкви отнюдь не противоречит догмату главенства Христа. Как раз наоборот. Ибо Дух Святой сообщается нам именно Иисусом Христом, как Главою Церкви. Дух Святой есть Любовь. Благодатные плоды любви в сердцах наших естественно приписывать Тому, Кто есть Сама Любовь Творца и Искупителя.

Дух Святой есть как бы залог постоянного пребывания Бога в Церкви: *Что мы пребываем в Нём и Он в нас, узнаём из того, что Он дал нам от Духа Своего* (1 Ио. 4, 13).

«Одним и тем же Духом, именно Духом Святым, Христос совершил единение людей между собою и с Богом. Несмотря на наше количество и разбросанность, действием Христа, Дух Отца и Его Самого обитает в нас, соединяя души наши».¹ Вся сверхприродная благодатная жизнь в Церкви Святой — от Христа через Духа Его. По этой причине не следует удивляться тому, что в Св. Писании и в творениях

1. Св. Кирилл Алекс., Толк. на Ев. от Иоанна, XVII 20.

свв. отцов и аскетов разных эпох действия благодати в сердцах верующих приписываются то Иисусу Христу, то Духу Его.

Вся духовная жизнь христианина сводится в конце концов к стяжанию Духа Святого.

Согласно учению некоторых отцов Церкви, Святой Дух есть „душа“ соборного тела Христова, Церкви: *Одно тело, один дух* (Ефес. 4, 4). Дух освящает Своим присутствием и Своей благодатью всю Церковь и, в первую очередь, — человеческую природу Главы её. Даруя нам некое участие в Своём божественном сыновстве, Иисус Христос сообщает нам Духа Сына: *А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче* (Галат. 4, 6). Один и тот же Дух одушевляет всю Церковь.

Конечно, это не следует понимать так, как будто бы Дух был „формой“ Церкви, её составной частью, как будто бы Он не мог существовать без неё: Дух предвечен, будучи Богом, Церковь же основана Спасителем во времени. Единение Духа Святого с Церковью не ипостасно, как соединение Слова с человеческой природою во Христе. Святой Дух только обитает в Церкви, особнным образом пребывает в ней, Он только действенное начало благодатной жизни всех членов всецерковного тела Христова. Тем не менее, есть большое сходство, аналогия, между воздействиями Духа на Церковь и отношением души к телу. Как душа сообщает телу единство, красоту, порядок органических соотношений и жизнь, так и Святой Дух даёт Таинственному Телу Христову единство и сверхприродную жизнь.

От Святого Духа — единство веры, ибо Он есть Дух истины, той единой, общей для всех, неземной истины, которая воспринимается верою. *Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами во век, Духа истины* (Ио. 14, 16-17). *Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю-вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне* (Ио. 15, 26). Эту божественную истину Дух раскрывает для Церкви и в Церкви постепенно, сообразно общему росту её и нуждам времени; *Дух истины... наставит вас на всякую истину* (Ио. 16, 13); это сказывается особенно в догматических определениях вероучения, предлагаемых от времени до времени учащей Церковью церковному народу, как предмет веры.

Далее, Св. Дух объединяет людей, членов Таинственного Тела, божественной любовью. Он — сущая, ипостасная Любовь и начало,

источник любви, чистейшей, неземной любви. Огненные языки Пятидесятницы — символ благодатного горения любовью, даруемой Духом Христовым.

Третий вид единения производимого Святым Духом — иерархическое единство, осуществляемое согласно установлению Христову, как средство и орудие для обеспечения единства веры и любви. Отсюда формула соборов: „Угодно было Святому Духу и нам”. Когда Анания и Сапфира попытались было обмануть апостолов, апостол Пётр без колебаний обвинил обоих в преступлении против Духа: *Анания! для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому?... Но Пётр сказал ей (Сапфире): что это согласились вы искушать Духа Господня? (Деяния 5, 3-9); повиновение Христовому священноначалию — от Духа, неповиновение — от сатаны. И это понятно: подлинное пастырство церковное — от Духа: *Внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителеми, пасти Церковь Господа и Бога (Деяния 20; 28)*; оттого всякое рукоположение и хиротония совершаются „божественною благодатью немощная врачующею”, благодатью Духа. Св. Дух связывает учащую Церковь с Церковью пасомых, иерархию и верующих, таинственными узами свободного, радостного, неведомого посторонним Христова послушания. «Порядок и в церквах распределил, чтобы одни были пасомые, а другие пастыри, одни начальствовали, а другие были подначальными; кто составлял как бы главу, кто ноги, кто руки... То же и у нас — в общем теле Христовом. Ибо все едино тело есмы о Христе, а по единому Христу и друг другу уди. Один начальствует и председательствует, а другой водится и управляется; оба действуют неодинаково, если только начальствовать и быть подначальным — не одно и то же, но оба делаются едино во едином Христе, составляемые и слагаемые тем же Духом».¹ Дух соделывает, что в Церкви без повиновения законному иерарху — нет любви, нет соборности.*

Дух проникает верующих одною и тою же божественной жизнью. Благодаря Ему, верующие „творят дела Божии”. Дух животворящий освобождает от греховности, т. е. от духовной смерти: *Закон Духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смер-*

1. Творения св. Григория Богослова, Москва, 1844, часть третья, стр. 143.

ти... Если же кто Дуга Христова не имеет, тот и не Его (Рим. 8, 2-9). В таинствах мы получаем приток божественной жизни Духа Святого (Ио. 3, 5; 6, 64; 21, 22-23 и др.).

*Глава шестая***ЗНАЧЕНИЕ ТАИНСТВ**

Вся сверхприродная жизнь Церкви состоит в постоянном и обильном приливе в сердца верующих благодати, исходящей от Христа-Главы. Дух Святой мог бы, конечно, сообщать нам участие в Божеской жизни непосредственно, без применения каких бы то ни было внешних, осязаемых средств. Но в икономии спасения всё соответствует воплощению, всё духовно-благодатное облечено в видимые формы, отвечающие духовной и, в то же время, телесной природе человека. Применяясь к нашей духовно-материальной природе, Господь пожелал вести нас к невидимому Царству Своему на небесах путём видимым, земным, общедоступным.

С этой целью, Он установил таинства, т. е. внешние символические знаки или действия, которым Его всемогущество сообщило способность производить благодать в душах достойно их принимающих. **Таинства не только обозначают освящающую благодать, не только напоминают о ней или располагают к принятию её, но и сообщают её душе верующего.**

Однако, благодать сообщается в таинствах сообразно искренности, духовной жажде и смирению принимающего. Она исцеляет от духовных недугов, укрепляет, просвещает и освящает только должным образом расположенных, покорных ей. Богословы учат, что таинства действуют **ex opere operato**, т. е. сообщают благодать силою Христовой, сами по себе, а не заслугами принимающего; этим, конечно, не исключается необходимость принимать их со страхом, верою и любовью. Неправы утверждавшие, будто бы по католическому учению таинства обладают „магической силою”.

Таинства — орудия Бога в деле спасения. Они являются как бы продолжением первого и совершеннейшего орудия искупления — души и тела Христовых.

Итак, таинства производят благодать оправдания не как самостоятельные действенные причины, а как средства, которыми Бог пользуется при освящении людей. Единственная действенная первопричина благодати в таинствах — Бог, ибо один лишь Творец может открывать тварям доступ к Своей природе и давать им участие в Своей собственной жизни. Христос, как Бог, дал силу таинствам. Как Человек, заслуживший нам спасение, Он через таинства распределяет благодать в душах верующих. Как Глава Тела Своего, Он источник благодати для всех его членов. Христос заслужил нам спасение, и потому Ему принадлежит власть устанавливать способы и средства распределения сверхприродных сокровищ. Из этого вытекает, что действенность таинств не зависит от святости совершающего их священнослужителя: этот последний действует не собственной властью, а исключительно силою Христовой.

Таинства всецело направлены на благо Таинственного Тела Спасителя и его членов. Через них передаётся членам оживляющая сила Главы. Через крещение, человек освобождается от греха первого Адама и „воплощается” в нового Адама, вступает в число членов Церкви. Через миропомазание, он становится мужественным воином Христовым. Через покаяние, он излечивается от язв своих. Брак обеспечивает умножение чад Церкви. Священство даёт верующим пастырей. Елеосвящение смывает остатки грехов и приготавливает верующего к вступлению в торжествующую Церковь, к совершенному и бесповоротному единению с Христом-Главою. Св. Евхаристия — наиболее действенное средство освящения во Христе и объединения членов Церкви между собою под главенством Господа нашего Иисуса Христа.

Остановимся на каждом таинстве в отдельности. Евхаристии, в виду её исключительного значения, мы посвящаем особую главу.

Крещение есть своего рода смерть: принимая это таинство, человек „умирает греху” через участие в смерти Христовой. В то же время крещение должно быть названо „возрождением”, новым рождением, ибо именно в нём совершается принятие в Таинственное Тело

воскресшего Христа. Отрываясь от Адама, как главы человечества в отношении грехопадения, мы в крещении переходим под главенство Спасителя, чтобы вместе с Ним умереть и воскреснуть. *Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мёртвых славою Отца, так и нам ходить в обновлённой жизни... Если же мы умерли со Христом, то вернем, что и жить будем с Ним* (Рим. 6, 3-8). Итак, крещение есть начало благодатного единения со Христом.

Крещаемый становится живою частицей соборного организма, живущего божественной жизнью Христовой. Непостижимым, но вполне действительным способом — не только символически и отвлечённо — он начинает принимать участие в страстях Господних и в воскресении Христовом, со всеми их плодами и благими последствиями.

Через крещение, для верующего начинается постоянная, новая, благодатная жизнь. И как для любой части человеческого тела чувства и движения зависят от головы, так и для человека, принадлежащего — через крещение — к церковному Телу, Христос-Глава становится источником сверхприродных познаний и сил.

В крещении подлинная духовная жизнь только начинается. И подобно тому как Христос-Глава удостоился воскресения и славы не в начале, а только в конце Своей земной жизни, так и христианин освобождается от земных немощей и страданий не в начале, а в конце своего пребывания на земле.

Из учения о Таинственном Телу Христовом становится понятным, почему крестить можно даже новорождённых младенцев: через крещение, они становятся членами соборного Христа, и жизнь Спасителя охватывает их, течёт в них, задолго до пробуждения в них сознания. Кто умирает живым членом Церкви, тот в потустороннем мире во веки будет жить сверхприродным лицезрением Бога; этой счастливой участи не будут лишены и младенцы, получившие крещение и скончавшиеся малолетними.

До пришествия Спасителя, праведники отдавались Христу верою в грядущее Искупление. Таким образом, пока Ветхий Завет не потерял силы, до наступления Нового, спасение уже совершалось «во Христе», ожиданием участия в благодатной жизни Тела Христова.

За исключением случая крайней необходимости, когда всякому позволено преподать крещение, совершителем этого таинства может быть только священник, ибо он является орудием Христа при совер-

шении таинства Евхаристии, которая есть символ и высшее начало единения в соборном Телѣ Искупителя: *Один Хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного Хлеба* (1 Кор. 10, 17). Глубокие, таинственные узы соединяют крещение с Евхаристией: первое открывает доступ ко второй.

Таинство **миропомазания** делает нас воинами Христовыми; оно даёт нам мужество, необходимое для успешной борьбы с врагами нашего Главѣ, в частности нашими собственными греховными помыслами. Через миропомазание, верующий становится защитником Церкви и её величайшего сокровища: веры. Это таинство укрепляет в верующих дух соборности, спланивает их для успешной борьбы со злом под водительством их общего Главѣ — Христа.

Миропомазание дополняет и укрепляет благодать, полученную при крещении.

Это таинство, по возможности, даётся всякому крещённому¹, так как в живом организме все части его призваны защищать всё тело.

Подобно крещению, **покаяние** устраняет грех, главное препятствие, мешающее единению с Христом-Главою. Это таинство имеет целью дать возможность вновь ожить жизнью Христовой тем, кто после крещения впал в смертоносный грех и, таким образом, оказался лишённым благодатной жизни во Христе. Любовь Спасителя к членам Своего всецерковного Тела так велика, что Он установил особое средство восстановления в благодати крещения потерявших её; таинство покаяния и есть это средство. Господь Иисус Христос есть бесконечно любящий Глава не только для живых членов Церкви, но даже для мёртвых, сознательно лишивших себя сверхприродной жизни.

Так как только священники имеют власть пресуществлять хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы, то им же дана власть превращать мёртвых членов соборного Тела Христова в живых, то-есть власть отпускать грехи. Действительно, тем же апостолам, которые на Тайной Вечери были уполномочены совершать Св. Евхаристию, Спаситель передал власть совершать таинство покаяния: *Кому простите грехи, тому простятся* (Ио. 20, 23). Конечно, священник, отпускающий грехи, есть только орудие; действенная же первопричина вторичного духовного рождения для благодатной жизни во Христе — Сам Глава Церкви.

1. В византийском обряде миропомазание даётся тотчас после крещения, в латинском — позже, когда дитя способно сознательно отнестись к этому таинству.

Таинство священства установлено Иисусом Христом для созидания Таинственного Тела. В этом вся сущность священства, ибо главная задача священников — совершать таинства, в особенности Евхаристию и покаяние, а таинства имеют своим назначением служить проводниками сверхприродной жизни, текущей от Главы Церкви к людям. Так как присоединение людей к соборному Христу будет продолжаться до конца мира, то и Христос будет пребывать в установленной Им священнической иерархии до свершения времён: *Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 20).

Назначение священников, в особенности епископов, облечённых полностью священства, — быть посредниками между Главою и членами Таинственного Тела Христова. От Главы исходит благодать, — сверхприродная жизнь, сообщаемая членам Церкви священниками, посредством таинств. Но этим не ограничивается роль священников в Церкви Христовой. Христос есть не только источник жизни, но, будучи Главою Церкви, Он её высший Правитель и Учитель; поэтому в обязанности священнической иерархии входит — быть орудием Христа в управлении Церковью и в обучении чад её истинам веры.

Из сказанного однако не следует, что духовенство имеет какую-то монополию на дары Духа Святого. В Церкви существует большое разнообразие служений. *Он поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова* (Ефес. 4, 11-12). При созидании Тела Христова, главная роль и „контроль“, если можно так выразиться, принадлежит священникам (к этому вопросу мы еще вернёмся), но все призваны содействовать росту и процветанию Церкви под руководством богоустановленной священнической иерархии. Все верующие, в некотором смысле, участвуют в Евхаристическом жертвоприношении, которое совершается ради них. Все призваны молитвою и святостью своей жизни воздействовать на ближних и, таким образом, принимать участие в созидании Тела Христова. Все составляют один живой организм и должны единодушно трудиться на общее благо, сохраняя при этом должное подчинение Христовым наместникам на земле, епископам и священникам.

В окружном послании папы Пия XII „О Таинственном Телe Христовом“ мы читаем: «Отцы Церкви, — когда они говорят о служениях, степенях, призваниях, должностях, распорядках и службах этого Тела, — с полным правом имеют в виду не только получивших

священные степени рукоположения, но и всех воспринявших евангельские наставления, которые ведут жизнь деятельную среди людей или сокрытую в тишине; ... далее, тех, которые хотя и живут в мире, однако же усердно предаются делам милосердия, дабы оказывать духовную и телесную помощь другим; наконец, также и тех, которые соединены в целомудренном браке... Кто, будучи мирянином, простирает руку содействия церковной иерархии к распространению Царства Христова, занимает почётное, хотя подчас и неприметное место в христианской общине, и может Божией милостью и помощью достигать высочайшей святости... Верующие сами приносят непорочную Жертву, которая, становясь таковой на престоле исключительно чрез слово священника, приносится ими через руки того же священника в молитвенном с ним общении Предвечному Отцу, как благоприятная жертва хваления и искупления для потребностей всей Церкви».

Отношение между **таинством брака** и Церковью раскрыто Ап. Павлом в его посланиях. *Муж есть глава жены, как и Христос Глава Церкви, и Он же Спаситель тела; но как Церковь повинуется Христу, так и жёны своим мужьям во всё. Мужья, любите своих жён, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё, чтобы освятить её, очистив банею водною, посредством слова... Так должны мужья любить своих жён, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет её, как и Господь Церковь; потому что мы члены Тела Его, от плоти Его и от костей Его... Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви (Ефес. 5, 23-32).*

Брак даёт новых чад Церкви и, в этом смысле, обеспечивает её постоянное существование до скончания века. Существенные свойства христианского брака — единство и нерасторжимость. Те же свойства присущи отношению Христа к Церкви.

Многоженство и многожухие безусловно недопустимы с христианской точки зрения: есть только один Христос, один Искупитель и Спаситель, и одна только истинная Церковь Христова; отделившись от неё секты и расколы чужды Христу, хотя отдельные сектанты и раскольники, не по вине своей заблуждающиеся относительно истинной Церкви, могут быть спасены.

Завершённый таинством и супружеским сожителем христианский брак безусловно нерасторжим, так что, *кто женится на разведённой, тот прелюбодействует* (Мф. 5, 32). Церковные власти,

по уважительным причинам, могут разрешать более или менее продолжительное разлучение супругов, но они не властны давать развод. Если бы какой-либо епископ или священник посмел благословить новый „брак” при жизни первого супруга (или супруги), то это было бы ничем иным, как бессознательным поощрением прелюбодеяния. *А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем* (1 Кор. 7, 10). Точно так же немислим „развод” Церкви с её Главою. Во веки веков Христос беспрестанно пребудет Главою Церкви Своей, и подлинная Его Церковь никогда не оставит Его. Кто отрицает нерасторжимость брака, тот должен отрицать догмат вечного главенства Христа в Церкви, т. е. отвергать сущность христианства.

И, наконец, таинство **елеосвящения** также совершается во имя Иисуса Христа и Его Церкви. Священник, соборующий больного от имени всей Церкви, сообщает ему ту особую благодать Главы его, которая нужна ему для успешной борьбы с предсмертными искушениями. В минуту смерти окончательно и бесповоротно решается вечная участь человека: духовная жизнь или смерть; в загробной жизни грешник никогда уже не сможет быть причислен к членам Тела Христова, праведник не сможет повысить степени своего благодатного единения с Главою. Вот почему вся Церковь с такой любовью идёт навстречу страждущим в опасных болезнях.

Прямое назначение елеосвящения это — не сообщать первую освящающую благодать, для чего установлены крещение и покаяние, а увеличивать и укреплять её в больном. Однако, в том случае, когда больной находится в состоянии смертоносного греха и не имеет возможности исповедаться (например, впал в предсмертный обморок), елеосвящение отпускает даже смертоносные грехи, вновь даёт Христа; при этом необходимо, чтобы больной, по крайней мере, до потери сознания имел искреннее желание примириться со своим Спасителем и бесконечно милосердным Главою.

На Церкви и её священнослужителях лежит обязанность свято совершать таинства, оберегать их от злоупотреблений, приводить к ним верующих. Но этим ещё не исчерпывается отношение Церкви к таинствам. Таинства коренятся в самой сущности Церкви, как человеческого орудия, посредством которого Господь освящает людей. Таинства Церкви, как и она сама, происходят из одного и того же домостроительства Христа, из Его богочело-

---

вечности, воплощённости. Саму Церковь можно назвать таинством в более общем и широком смысле: вся Церковь есть видимое единение людей, которое, подобно всем таинствам, обозначает и производит, как орудие Всемогущего, благодатное единение спасаемых в божественной любви.

---

*Глава седьмая***ЗНАЧЕНИЕ****СВ. ЕВХАРИСТИИ И СВ. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ**

В Евхаристии с особенной силою обнаруживается сущность соборного единения чад Церкви с её божественным Главою. Благодаря Евхаристии, Тело Христово „созидается” в **единстве и любви**.

В этом таинстве, Сам Глава даёт Себя в пищу членам Своего соборного Тела и непосредственно совершает в них „обожение”. Единение верующих с Главою Церкви достигает в Св. Причастии высшей степени непосредственности. На земле нет более совершенного сближения разумной твари с Творцом. В других таинствах Господь сообщает нам Свои дары, благодатный свет и сверхприродную силу; в Евхаристии Иисус Христос отдаёт нам всего Себя, со Своим Божеством и человечеством, со Своим Телом и Кровью, со Своею душой.

Из единения каждого члена Церкви с Главою вытекает, как прямое последствие, соборное единение чад её между собою. Через Причастие Дух Христов становится как бы нашей общей душой.

Между тем как крещение, главным образом, устраняет смерть духовную и даёт только начало подлинной жизни, Евхаристия сообщает нам **самый источник** благодатной жизни, самую предвечную Жизнь. Крещение вводит нас в соборную жизнь во Христе, Евхаристия открывает перед нами возможность беспредельно проникаться этой жизнью.

Евхаристия, по крайней мере желание принять её, необходима христианину. Тяжко грешит тот, кто отвечает полным равнодушием на ту беспредельную любовь, которую Спаситель проявил к

людям, учредив это святое таинство. Св. Евхаристия необходима и в том смысле, что она внутренне поддерживает единство Таинственного Тела Христова. Желание питаться Евхаристией не отделимо от желания жить благодатной жизнью Церкви; таинство Тела и Крови Христовых неотделимо от тайны соборного Тела Спасителя: пребывание в церковном Телес Христе есть единственная подлинная сверхприродная жизнь, и жизнь эта питается Евхаристической манной. Господь сказал: *Если не будете есть плоти Сына человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни... Я живу Отцем: так и ядущий Меня жить будет Мною* (Ио. 6, 53-57). Св. Кирилл Алекс., св. Киприан, св. Августин и другие отцы сравнивают эти слова с соответствующими словами Христа, касающимися крещения: *Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие* (Ио. 3, 5). Сама необходимость крещения вытекает, в известном смысле, из значения Евхаристии, как начало определяется концом, целью, которую необходимо достигнуть. В данном случае, цель есть жизнь во Христе, питаемая Евхаристией, безусловно нужная для спасения. Св. Августин хвалил верующих за то, что они называли Св. Причастие словом: «Жизнь».

Отцы Церкви нередко усматривают в дарах, употребляемых при Евхаристическом жертвоприношении, символ единения верующих в Таинственном Телес Искупителя: как зёрна пшеницы в хлебе, так верующие составляют одно в Христовой Церкви.

Благодаря Св. Евхаристии, единение чад Церкви с её Главою не ограничивается отвлечённой любовью или порывами сердца: оно есть действительное **проникновение** всего нашего существа Богочеловеком и претворение нас в членов Его соборного Тела. *Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет её, как и Господь Церковь; потому что мы члены Тела Его, от плоти и от костей Его* (Ефес. 5, 29-30).

Евхаристическое единение верующего с Христом-Главою столь совершенно, что Сам Спаситель сравнил его с единением Отца с Сыном в Троице Святой (Ио. 6, 57). Что живой зародыш в зерне, то Христос-Евхаристия в причащающемся.

Тело и Кровь Христовы даны нам Спасителем, чтобы питать нас. Но питание совершается через усвоение, претворение питающего вещества в живой организм. А так как, с другой стороны, предположение, что Иисус Христос претворяется в причащающегося,

немыслимо, то следует заключить, что в данном случае усвоение совершается через „претворение” причащающегося во Христа. Таково учение св. Августина.

Из непостижимо глубокого слияния причащающегося с Главою Церкви вытекает соответствующее по своей глубинности слияние чад Церкви между собою: *Мы многие одно тело, ибо все причащаемся от одного Хлеба* (1 Кор. 10, 17). По словам св. Кирилла Алекс.¹, силою Евхаристического Хлеба мы становимся «от одной плоти».

Из этого следует, что Св. Евхаристию надо рассматривать как таинство совершенной любви, как лучшее средство, чтобы противодействовать врождённому людям стремлению к себялюбию, обособленности и эгоизму, личному или собирательному (национальному, сословному и т. п.).

Евхаристия сливает в одну две основные заповеди — **любви к Богу и любви к ближнему**: причащающийся Главе, в то же время, причащается всему церковному Телу; питающийся предвечною Любовью, питается любовью Христа к Отцу и к людям, даже врагам. Глава-Христос неотделим ни от Отца, ни от Тела. Только посредством Евхаристии мы можем быстро продвигаться к цели, намеченной Спасителем: *Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино* (Ио. 17, 21).

Причащаясь Главе, мы причащаемся всему Телу и его членам, поскольку они сами проникнуты жизнью Главы: святым на небесах, в первую очередь Пресвятой Деве, душам находящимся в чистилище, пастырям и чадам вселенской Церкви. Оттого св. Августин настойчиво увещает² верующих, ради уважения к Евхаристии, хранить единение с Церковью, всеми чадами её, всем Таинственным Телом Христа. Св. Игнатий Богоносец, св. Иоанн Златоуст, св. Киприан и другие отцы настолько живо ощущали связь между Евхаристией и Церковью, что в своих творениях как бы отождествляли Церковь с Христом.

Из всего сказанного следует, что питаться Евхаристией подобает возможно чаще: вне единения с Главою и со всем Телом Церкви, жизнь христианина теряет всякий смысл и становится смертью.

1. Толк. на Еванг. от Иоанна, XVII 20.

2. In Ioan. VI, 58, Tract. 26.

Имеющееся, в том или ином виде, во всех религиях **жертвоприношение** лежит в основе богопочитания и есть не что иное как видимое, подобающее человеческой природе, признание полной зависимости твари от Творца. Человек приносит Богу в жертву что-либо ему дорогое, в знак того, что он сам и всё, что у него есть, принадлежит Богу и создано для Божией славы. К тому же, чувствуя свою виновность перед Богом, человек приносит Ему видимую жертву, чтобы таким образом засвидетельствовать наличие внутренней жертвы, раскаяния, отрешения от преступных привязанностей к тварям: человек стремится по мере сил восстановить нарушенную красоту мироздания.

Смерть Господа нашего Иисуса Христа, взявшего на Себя грехи всех людей, — жертвоприношение, по своему достоинству бесконечно превосходящее все жертвенные деяния людей. Смерть Христова на кресте единственна, неповторима, преизбыточна в отношении почитания Бога и умиловления Его правосудного гнева. Спаситель *принёс в жертву Самого Себя* (Евр. 7, 27); *Он не с кровию козлов и тельцов, но со Своею кровию, однажды вошёл во святилище и приобрёл вечное искупление* (там же, 9, 12); *Он же, принесши одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога* (10, 12).

Заклание Агнца на Голгофе совершилось «однажды» и больше не повторится. Но само **приношение** Богу голгофской Жертвы непрерывно повторяется в Церкви, ибо жив в ней Глава её, постоянно изливающий на неё благодать спасения, заслуженную Им на кресте: Евхаристическое жертвоприношение за Св. Литургией есть постоянно повторяющееся заимствование подлинной жизни из источника, данно-го людям на Голгофе.

Члены церковного Тела Христова живут жизнью Христовой, Христовым подвигом Искупления. Поэтому они должны принимать участие в жертвоприношении своего Главы. Хлеб и вино, употребляемые за обедней, — символы соборного единения верующих с Главою, как Жертвой и как Приносящим Жертву. По словам св. Киприана, многочисленные зёрна, смолотые и испечённые вместе в один хлеб, изображают наше участие в Литургическом жертвоприношении, в котором продолжается и возобновляется жертвоприношение на кресте. Смешение же воды с вином во время проскомидии представляет нераздельное слияние верующих с Главою соборного Тела.

В обоих жертвоприношениях — на Голгофе и во время Литургии — Иисус Христос есть одновременно и Священник, приносящий Жертву,

и Жертва приносимая, «принося и приносимый». Но во время Литургии всё церковное Тело, с Христом-Главою и во Христе, приносит Богу бескровную жертву; Первосвященник и Глава сообщает всем членам Церкви власть приносить Его в жертву Богу и даёт всем иереям таинственную силу, благодаря которой они, как орудия Христовы, пресуществляют хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы. В Литургии, вместе со Спасителем и в силу Его благодати, вся Церковь жертвует собою; соборное Тело приносит в жертву физическое Тело Христа в залог и во свидетельство своего собственного самопожертвования, получающего свою ценность от жертвы принесённой Искупителем на кресте.

Так как Литургия есть жертвоприношение, исходящее **от всей Церкви**, то почти все сопровождающие её молитвы, в восточных и в латинском обрядах, произносятся от имени верующих (мы, нас, нами и т. д.), и когда священник, служащий обедню, молча совершает какой-либо относящийся к ней обряд, все присутствующие приглашаются духовно „содействовать” ему. Литургические молитвы имеют в виду, главным образом, благо всей Церкви, всего Таинственного Тела Спасителя. При этом не остаются в стороне ни Церковь торжествующая на небесах, ни Церковь страждущая в чистилище: святых мы молим о том, чтобы через их заступничество Христос-Глава услышал и исполнил моления Своего борющегося на земле Таинственного Тела, а обе эти Церкви, борющаяся и торжествующая, сочетаются для того, чтобы молитвами и жертвоприношением прийти на помощь тем членам Тела Христова, которые окончательно очищаются от своих прегрешений, прежде чем совершенным образом и во веки соединиться со своим Главою. В этом проявляется вселенский характер Евхаристического жертвоприношения.

Литургия сама по себе имеет безмерную ценность и достоинство, которые она получает от главного Совершителя и главной Жертвы, приносимой на ней, — Иисуса Христа. На присутствующих же благодатная сила Литургии изливается в той мере, в какой они сами принимают в ней участие, соединяя свою жертвенность с жертвенностью Христовой.

Наше жертвоприношение во время Литургии не должно быть чем-то оторванным от повседневной жизни; наоборот: для ревностного христианина Литургия и причастие являются центром и ду-

пою всего его существования. Не может быть назван здоровым членом Таинственного Тела Христова тот, чьи помыслы, чаяния и поступки не проникнуты духом Евхаристического жертвоприношения. Согласно Ап. Павлу, хранить целомудрие значит приносить Богу весьма угодную Ему жертву: *Представьте тела ваши в жертву живую, свящую, благоуханную Богу...* (Рим. 12, 1); то же самое можно сказать и о других добродетелях. Эта постоянная жертвенность в поведении служит лучшим приготовлением к Литургии и лучшим благодарением после неё. И, в свою очередь, Литургия и причастие служат для достойных членов Церкви самым мощным источником света и силы в исполнении всех их обязанностей.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Христианская жертвенность, дух самоотречения во всех помыслах и поступках, питается евхаристическим жертвоприношением: она есть жизненное требование самой сущности христианства, она тесно связана с основными догматами христианской веры. Аналогичный образ жертвенности имеется в природе всякого тварного бытия. Всё тварное сохраняется, утверждается в своей сущности и развивается — поскольку оно, вообще, способно развиваться — непрерывным, сознательным или несознательным, **отказом** от всяких уклонений своего бытия от того смысла и назначения, которые определяются его конечной целью; всё утверждается в подлинном своём бытии отрицанием самочинного, призрачного бытия, отрешённостью, **о-пределённостью**, сдерживанием, самообладанием. Растение существует тем, что каждая его частица „жертвенно” подчиняется общим требованиям организма, послушно исполняет высшую „волю”, отказывается от самостоятельности; если бы корни дуба стали своевольничать и расти вверх, а листья укрываться в землю, всё дерево погибло бы. Человеческий организм здоров, пока все его органы „жертвенно” подчиняются сдерживающим их бесчисленным перепонкам, стенкам, сосудам и т. д.; но лопни только стенка какой-либо жилки в мозгу под болезненным давлением крови, и это нарушение законов „жертвенности” повлечёт за собою катастрофу, большей частью смерть. Чтобы какое-либо здание держалось, надо, чтобы каждый камень „не имел прихотей”, удерживался в той форме и на том месте, которые ему указаны волею строителя; не будь и здесь этой же „жертвенности”, всё здание рухнуло бы.

Любое человеческое объединение держится постольку, поскольку

все его члены жертвенно соблюдают все требования подчинения и соподчинения. Разум человеческий только тогда бывает способен проникать глубже в великие истины бытия, когда он перестаёт быть рабом посторонних увлечений и во всём жертвенно подчиняется божественной Премудрости. Итак, закон жертвенности универсален, он дан природе самим Творцом. Он имеет своё основание и предельное совершенство в абсолютном бытии Бога: в Боге немислимо какое бы то ни было уклонение от бесконечной Премудрости, Святости, Благодати.

Из сказанного вытекает важное заключение: домостроительство Церкви, в котором должны особенно свято соблюдаться все божественные законы мироздания, должно во всём определяться святой полнотою подчинённости, жертвенности.

По учению отцов Церкви и великих богословов-схоластиков, Св. Евхаристия сообщает Церкви её живое благодатное единство, единство в любви Христовой. Но было бы крупнейшим заблуждением выводить из этой бесспорной истины заключение, что единая всеобъемлющая иерархия не нужна Церкви или имеет только второстепенное, напр., административное, значение. Только при наличии смиренного послушания законному Христову священноначалию, Св. Евхаристия приносит в сердцах верующих обильные плоды единения христиан в божественной любви. И это понятно: Евхаристия не действует механически, она наполняет Духом Христовым только сердце, способное Его принять, смиренное, покорное; а смирение становится действительным, чистым, неподдельным, Христу Спасителю угодным, — через повиновение пастырям, в свою очередь послушным высшей церковной богоустановленной власти. Поскольку святое послушание отвергается сознательно и горделиво, — подлинного евхаристического единения во Христе нет и быть не может.

---

*Глава восьмая***ПРЕСВ. БОГОРОДИЦА И ТАИНСТВЕННОЕ ТЕЛО
ХРИСТОВО**

Пречистая Дева есть Мать Господа нашего Иисуса Христа, Главы Церкви. Христос стал Главою искупленных людей благодаря тому, что «Слово стало плотию», благодаря воплощению. Но природу человеческую второе Лицо Троицы Святой приняло от Девы Марии. Церковь есть большая сверхприродная семья, в которой Богородица есть Мать всех детей. Выше мы видели, что Тело неотделимо от Главы: Мария не может быть Матерью только Главы или только Тела, Она — **Мать всего соборного Христа**. «Богородица есть наша Мать в духовном смысле, но Она подлинная Мать членов Иисуса Христа, т. е. нас самих» — так выражается св. Августин в своей книге о Девственности.

Будучи Матерью Главы Церкви, Пресв. Дева занимает исключительное положение в деле Искупления человечества и освящения верующих. Когда архангел Гавриил сообщил Марии благую весть Воплощения, *Мария сказала: се, раба Господня; да будет мне по слову твоему* (Лк. 1, 38). Этими словами Она высказала свою готовность участвовать в подвиге Спасителя, разделять с Ним, ради спасения нашего, весь Его жизненный крестный путь. Она сознательно вскормила и воспитала Жертву, заслужившую нам доступ к истинной сверхприродной жизни, к участию в жизни Пресв. Троицы. Пресв. Богородица томилась всеми лишениями и страданиями своего Сына, физическими и душевными. Она стояла у подножия креста, на котором Сын её отдавал Свою жизнь за спасение людей, и эти безмерные муки Она тоже переносила за нас, ибо все намерения её Сына были её намерениями, Его любовь к людям была её любовью. Вместе с Ним Самим, Она приносила

Его в жертву Богу, ради удовлетворения Божиему правосудию за грехи наши. Известно святоотеческое сравнение Марии с Евой: в деле нашего искупления Пресв. Дева была тем, чем была Ева в деле первородного грехопадения. Само собою разумеется, Богородица не прибавила от себя самой ничего существенного к Христову подвигу искупления, но Она настолько «приняла к сердцу» это искупление, настолько была проникнута этим подвигом, что, в исключительно возвышенном смысле, может быть названа — Матерью соборного Христа, Матерью верующих. Слова Распятого к Своей Матери и к Иоанну: «Се сын твой... Се мать твоя» — подтверждают сказанное. Если Христос должен быть почитаем, как единственная первопричина нашего спасения, то Богородица есть главная второпричина его, орудие, по святости и достоинству безмерно превосходящее все другие орудия, которыми Спаситель пользовался и пользуется, совершая наше искупление и освящение.

Церковное Тело Христово живёт Евхаристией, а Евхаристия, Тело и Кровь Христовы, уготована нам Пресв. Девойю.

Иисус Христос есть наш единственный необходимый и достаточный Заступник; Он один заслужил нам безусловно все дары благодати. Но Пресв. Богородица, в исключительно высокой степени, как «луна от солнца», заимствует от Него свойство заступаться за людей во всех их нуждах. И в этом отношении, Она беспредельно превосходит даже целые сонмы святых. Заступничество Богородицы имеет определённо **вселенский** характер: оно простирается как на все человеческие нужды, имеющие отношение к спасению, так и на всех людей, на которых распространяется влияние Главы, на все народы, на все времена. «Через тебя, о Мария — говорил св. Ефрем, — от первого Адама и до скончания веков, текла, течёт и будет течь всякая слава, всякая честь и всякая святость».

Заступничество Пресв. Богородицы касается всех служений и всех призваний в Церкви Святой: Она покровительница пастырей и пасомых, иереев и мирян, могучих царей и чернорабочих. Нет той благодати, которая сообщалась бы людям без заступничества Приснодевы. Это заступничество не знает никаких перерывов, никаких пробелов. Отсюда имеющееся у некоторых отцов Церкви сравнение Марии с шейей, через которую голова, Христос, влияет на жизнь всего тела, или ещё с руслом, через которое единственный источник орошает мир. Богоматерь знает всё, в чём мы

нуждаемся для спасения, и обо всём этом молит своего Сына.

Из всех когда-либо существовавших людей, Пресв. Дева наиболее близка к Божественному Главе Церкви. Поэтому, её заступничество за нас более действенно перед Господом, чем заступничество всех святых. В глазах Бога молитва Богородицы более ценна, чем молитвы всех других праведников, вместе взятые. Заступничество святых зависит от заступничества Пресв. Богородицы. Приснодева — «заступница заступников». Нет того чуда, которое совершилось бы во вселенской Церкви без её могущественного вмешательства. Заметим ещё, что одной только Пресв. Деве дано быть «вселенской» заступницей. Без её помощи, даже величайшие святые обойтись не могут.

Великий духовный двигатель церковной жизни — молитва, в особенности общая молитва, совершаемая под покровительством Пресв. Богородицы и с Нею. После вознесения Христова апостолы, *пришедши вошли в горницу, ... единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми жёнами и Марией, Материю Иисуса...* (Деяния 1, 13-14).

Отцы Церкви и многие другие святые (Лев Вел., Мефодий, Амвросий, Августин, Павлин Нолянский, Беда Достопочтенный и др.) охотно сравнивают святую Церковь с Пресв. Богородицею. Христиане должны жить так, чтобы Церковь, из них составляемая, возможно лучше отображала преимущества Пресв. Девы. Церковь должна быть не только Хриstopодобною, но и «Богородицеподобною», «Пречистоподобною». Вот главные черты сходства между Богородицей и Церковью:

1) Пресв. Дева Мария — *благодатная* (Лк. 1, 28). То же изобилие благодати мы находим и в Церкви. При этом, Мария была одарена освящающей благодатью с самого момента сотворения её разумно-волевой души; это доказывает св. Иоанн Дамаскин прекрасным сравнением: как солнце непрерывно светит с мгновения его сотворения Богом, так и Богородица блистает благодатным светом с самого начала её существования, с момента когда Господь её создал.¹ Церковь, подобно Богородице, облагодатствована с самого начала своего существования, с Пятидесятницы: прежде чем она начала благовествовать, Дух Святой вселился в неё, чтобы не покидать её до скончания века.

1. Беседа на Успение, Минск греч., 96, 716 В.

2) Церковь — мать и в то же время приснодева.

3) Как Богородица родила Христа от Духа Божия, так и Церковь силою Духа Божия рождает христиан, „народ христианский”, „членов Христа”, „тело Церкви”, „таинственного Христа”.

4) Как Богородица вскормила Христа, так и Церковь окормливает Таинственное Тело Христово, множество пасомых.

5) Пречистая Дева Мария — посредница, ходатайница, распределительница благодати. *Се Мать твоя*, как и св. Амвросий² полагает, сказано умирающим Христом не столько Иоанну, сколько всему роду человеческому; под словом *Мать* надо понимать здесь не только Марию, но и Церковь.

6) Церковь не подлежит тлению и преодолевает все ереси. „Песнь песней” отцы применяют то к Марии, то к Церкви.

В наши дни иные мыслители отождествляют Софию Божию как с Богоматерью, так и с Церковью. Физическое отождествление, конечно, недопустимо с христианской точки зрения и в конечном итоге ведёт к пантеизму. Но есть в этом заблуждении и значительная доля правды: как в Богородице, так и в Церкви Божия Премудрость отразилась с исключительной силой и сходным образом.

Итак, в созидании соборного Тела Христова первое место, после Христа и Его Святого Духа, принадлежит Пренепорочной Приснодеве.

Пречистая была и есть — Мать Иисуса Христа в отношении Его совершенной, законченной, интегральной человеческой природы. Поэтому Она является Матерью и Покровительницей Церкви как совершенного, иерархически законченного, юридически самостоятельного, всесторонне объединённого религиозного общества.

1. In Luc. 7, 5. Минь лат. 15, 1700.

Глава девятая

ВСЕОБЩАЯ ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ ВО ХРИСТЕ

Все христиане, находящиеся в состоянии освящающей благодати и принадлежащие к воинствующей на земле, страждущей в чистилище и прославленной на небе Церкви, живут сверхприродным благодатным общением с Христом-Главою и друг с другом. Это один из догматов католического учения, выраженный в Апостольском Символе веры латинской редакции: *credo sanctorum communionem*.

Так как сущность внутренней духовной жизни в Церкви Христовой состоит в том, что верующие, благодаря Главе своему, всё более и более становятся „причастниками Божеского естества”, то и взаимоотношения между живыми членами Тела Христова слагаются по образцу и под воздействием отношений между Тремя Лицами Божества. Как Отец, Сын и Дух Святой имеют сообща одну и ту же Божескую природу, одну и ту же бесконечную святость, представляют из Себя одну предвечную истину, одно совершеннейшее благо и одну жизнь: так и живые члены Церкви — в меру своего единения с Главою — сообща, соборно владеют благодатными сверхприродными сокровищами Таинственного Тела Христова.

Верующие могут и должны молиться друг о друге, вопреки еретическим утверждениям Пелагия, Виклефа и других лжеучителей. Церковь есть живое Тело, в котором, как во всяком живом организме, отдельные члены поддерживают жизнь друг в друге. **В Церкви Христовой, все — для каждого, каждый — для всех.** Так как каждый христианин нуждается в бесчисленных дарах благодати, и наша христианская братская любовь должна распространяться на всё церковное Тело Христово, то отсюда видно, какое огромное поле, какие возвышенные и беспредельные

задачи открыты для „внутреннего делания” живых членов Церкви. Молиться за своих братьев во Христе — обязанность каждого верующего, и кто её не исполняет, тот тем самым перестаёт жить жизнью общего Главы всех. Духовный индивидуализм в истинной Церкви недопустим; неприемлем для неё не только личный, но и собирательный эгоизм, национальный, например. По указанию Спасителя, мы, в обращении к Богу, говорим «Отче нани», Отче всех усыновлённых Богом, а не «Отче мой» и не «Отче моих соплеменников».

Христианская «взаимопомощь» не может ограничиваться одними молитвами, она должна быть подвижнической, выражаться делами **духовного милосердия**. Мы уже говорили о том, что благодатью Христовой наши добрые поступки могут иметь ценность заслуги. Но было бы признаком духовной вялости и непонимания соборной жизни Церкви — хранить свои добрые дела для себя одного и не жертвовать ими в пользу ближнего: только в мёртвых членах тела кровь застывает и не передаётся другим членам того же тела. Уже в Ветхом Завете бывали случаи духовной «солидарности». Господь обещал пощадить содомлян, если бы среди них нашлось хоть десять праведников, добрые дела которых могли бы послужить в пользу остальным жителям злосчастных городов. Когда какое-нибудь чадо Церкви достигает святости, вся семья верующих становится от этого дороже Богу. Святость одних изливается на других, чтобы охватить их и укрепить в них благодатное воздействие Главы.

Единственным подлинным злом для Таинственного Тела Христова является грех. Борьба с ним, с его причинами и последствиями, — общая обязанность всех верующих. От Главы передаётся нам «удовлетворяющая» ценность смерти Спасителя: она проникает всю нашу жертвенность и становится её свойством. Этим даром мы можем и должны пользоваться для уничтожения последствий не только наших личных беззаконий, но и грехов ближнего. Грех, даже отпущенный на исповеди, влечёт за собою необходимость понести некоторое временное наказание, принять участие в удовлетворивших Божие правосудие страстях Господних. Поэтому, в силу своего братского единения во Христе, верующие и в этом отношении могут и должны поддерживать друг друга. *Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (Галат. 6, 2).

Итак, силою заслуг Христовых, мы можем совершать благочестивые жертвенные поступки, сглаживающие временное наказание за грехи, наши собственные или чужие. Подобная жертвенность может иметь целью спасение, как определённых лиц и коллективов, так и верующих нам неизвестных; в этом последнем случае, плоды нашей жертвенности, слившись с заслугами всех святых, оплодотворяемые заслугами Христа, поступают в общую сокровищницу Церкви и распределяются ею между искренне покающимися верующими, чтобы помочь им исправить зло, причинённое их грехами. *Ныне радуюсь в страданиях моих за вас, и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за тело Его, которое есть Церковь* (Колосс. 1, 24). Такова догматически-мистическая основа так называемых индульгенций. Индульгенции — прямое следствие догмата главенства Господа Иисуса Христа в Святой Церкви; отрицающие их тем самым не признают за Христом-Главою власти сообщать удовлетворяющую силу благочестивым поступкам, совершаемым членами Его соборного Тела; для них Христос является только отчасти Главою Церкви.

Членам всецерковного Тела Христова подобает совершать дела духовного милосердия в пользу всех тех, за которых Спаситель умер крестной смертью и которые призваны ко спасению под Его главенством. Надо молиться и жертвовать собою за вечное спасение во Христе всех христиан и иноверцев.

Существенные черты церковной соборности отметил папа Пий XII:

„Главное действие благодати состоит именно в том, чтобы поддерживать наши искренние усилия, как частных лиц или членов общества, в ежедневном соблюдении Божиих заповедей... В душе Церкви живёт и пребывает чувство соборной ответственности всех за всех, то чувство, которое вдохновляло и вдохновляет героической подвижнической любовью сердца стольких монахов-земледельцев, освободителей ближнего от рабства, врачей, миссионеров, несущих культуру и науку всем поколениям и народам, с целью создать лучшие условия общественной жизни, которые ценны лишь тем, что делают для всех достижимым благосостояние, достойное человека и христианина“.¹

1. Радио-послание Е. С. папы Пия XII от 1 июня 1941 по случаю пятидесятой годовщины энциклики «Рерум новарум».

Без сомнения, та огромная апостольская, каритативная и культурная работа, которую совершает Католическая Церковь, в особенности трудами стольких монашеских орденов, конгрегаций и братств, есть не что иное, как одно из внешних проявлений подлинной Христовой соборности, так слабо развитой в других вероисповеданиях.

У подлинного христианина не должно быть никаких перегородок между текущей в нём жизнью Христовой и его собственной повседневной жизнью: первая должна всецело проникать и **определять** вторую. Жизнь во Христе должна руководить всеми нашими отношениями к Богу и к ближнему, как частными, так и общественными.

Под благодатным воздействием своего Главы, истинный христианин видит в Боге не столько грозного Судию и Творца, сколько бесконечно любящего Отца. Преклоняясь перед Богом с глубочайшим смирением и сердечным сокрушением о грехах, подлинный христианин любит Отца Небесного беспредельной, радостной и благодарной, **сыновней любовью**. Ему известно, что он — брат и сонаследник Христу, что Дух Святой — его Друг и Утешитель. Те же истины определяют его отношение к ближнему.

Сознавая всего себя частью Церкви и храмом Духа Святого, христианин относится с уважением к своему телу и к телу ближнего и с особенной тщательностью хранит святое целомудрие. Он уважает и употребляет во славу Божию все способности своей души. Разум, просвещённый лучезарными истинами веры, он устремляет к постоянному исканию истины во всём; всё ясно и последовательно в его духовной жизни и в его мышлении; туманный, фантастический или сентиментальный мистицизм чужд ему. Его сердце проникнуто любовью Иисусовым, оно отзывчиво к страданиям ближнего, особенно духовным; всех и каждого он любит во Христе и чуждается всяких низменных привязанностей. Его воля, наконец, подчинена воле Бога, и в радостных событиях, и в жизненных испытаниях; подобно своему Главе, он живёт только одной мыслью, одним желанием — «да будет воля Твоя».

При свете догмата главенства Господа Иисуса Христа в Церкви, **семейные** отношения достигают несравненной высоты. Супружеская любовь становится вполне чистой, благодатной, вечной, нерасторжимой. Рождение и воспитание детей совершается в духе Христова самопожертвования, ибо родители понимают всё величие своего призвания — быть сотрудниками Бога в умножении числа приёмных детей Божиих, сонаследников и братьев Иисуса Христа, храмов и друзей

Духа Святого. В хорошей христианской семье все домочадцы чувствуют себя близкими, „родными“. Такая семья — живой прообраз Церкви Святой.

Единственная устойчивая основа общественной жизни, любовь к ближнему, не остаётся на уровне природных добродетелей, но, движимая благодатью, возвышается до святости недостижимой для природных способностей человека. Догмат главенства Иисуса Христа в Церкви проливает обильный свет на слова Спасителя: *Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть... Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 35-40). Там, где люди привыкли видеть Христа в ближнем, все затруднения общественно-сословного характера сами собой получают наилучшее разрешение; исчезают обиды, озлобления, неурядицы, ибо все знают, что *согрешая против братьев, ... вы согрешаете против Христа* (1 Кор. 8, 12). Понимание сверхприродной соборности в мистическом Теле Христовом, в котором благо каждого есть благо всех и, наоборот, порождает потребность братского единения не только между отдельными лицами, но и между разными сословиями, общинами, народами. Слова Спасителя: *Да будут все едино* — не могут не влиять самым благотворным образом на все человеческие взаимоотношения.

Принимают ли ангелы участие в соборной жизни Таинственного Тела Христова? В этом отношении нельзя, конечно, всецело уподобить ангелов людям: ангелы никогда не подлежали первородному греху, и потому их благодатная жизнь не есть плод Искупления, она даруется им независимо от спасительных заслуг Христовых; к тому же Глава Церкви — Богочеловек, а не „Богоангел“. Однако имеется целый ряд веских богословских оснований для включения ангелов в церковную соборность, понимаемую в более широком смысле:

1) Благодать даруемая ангелам и благодать Главы, Богочеловека, не разнородные дары, а одно и то же тварное участие в Божией жизни.

2) Человеческая природа Христа сходна с природою ангелов в отношении разумно-волевой духовности.

3) Ап. Павел учит, что Бог желает *всё небесное и земное соединить под Главою Христом* (Ефес. 1, 10). И ещё: *Вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и*

тьмам ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев... (Евр. 12, 22-23).

4) Ангелы, как хранители людей, участвуют в жизни Церкви. *Ангелы их (детей) на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного* (Мф. 18, 10). *Бывает радость у ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся* (Лк. 15, 10).

5) В богослужебных книгах есть ясные указания на участие ангелов в церковной соборности: «Крестом Твоим Христе, едино стадо бысть ангел и человек, и едина Церковь, небо и земля веселится, Господи слава Тебе» (Пяток 2-ья седмицы по Пасце, на утрени, 1-ая стихира на хвалитех). «Тя неизреченно соединившаго небесным, Христе, земная, и едину Церковь совершивша ангелов и человеков, непрестанно величаем» (8 ноября, св. архистратига Михаила и прочих бесплотных сил, на утрени, 1 канон, песнь 9-ая, 2). В Херувимской мы прославляем Царя всех, невидимо сопровождаемого чинами ангельскими.

6) *И я видел и слышал голос многих ангелов, ... которые говорили громким голосом: достоин Агнец закланный принять силу...* (Апок. 5, 11-12). Христос сообщает ангелам изобилие благодатной отрады при созерцании плодов Искупления. Симеон Солунский пишет: «Ангелы получили и для себя величайшую пользу от домостроительства о нас Слова, — нашедши для себя путь к высшему восхождению в любви Божией и единении с Богом, радуются о нашем спасении».¹

7) Отцы обыкновенно приписывают ангелам большое значение для спасения людей в Церкви. По учению св. Амвросия, люди и ангелы объединены одним Главою, Христом, Который установил гармонический духовный порядок в отношениях между ангелами и людьми.²

1. Толк. на Символ веры, Писания св. Отцов и учит. Церкви, СПб, 1857, III, 76-77.

2. Письмо 76; Минь лат., 16, 1262. Толк. пс. 118; Минь лат., 15, 1229.

Глава десятая

ВОСКРЕСЕНИЕ ПЛОТИ И ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ

Грядущее воскресение тел наших — догмат веры. Наше воскресение вытекает из воскресения Спасителя: *Если нет воскресения мёртвых, то и Христос не воскрес* (1 Кор. 15, 13). Ап. Павел указывает на основание этой причинной связи между воскресением Христовым и нашим: *Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут* (там же, 22). Воскресение мёртвых — прямое последствие нашего участия в жизни Христа. Мы воскреснем, как члены соборного Тела Христова. Части тела должны быть сообразны голове: *Христос, воскресши из мёртвых, уже не умирает* (Рим. 6, 9), душою и телом Он воскрес во веки веков. Поэтому и члены Церкви должны воскреснуть для жизни вечной, и притом не только в отношении души, но и в отношении тела. Христос, в вечности, не может быть Главою какого-то изуродованного человечества. Воплощению Слова соответствует прославление плоти в Царстве Небесном. **Мы призваны к участию в жизни Христовой как люди**, в полноте человеческой природы, а не как бесплотные духи.

«Христос есть Глава Церкви, а Церковь есть Его Тело; весь же Христос состоит из Головы и Тела. Но Глава воскрес... Мы должны последовать за Главою». Так говорит св. Августин.¹ Не будь нашего воскресения в плоти, победа Спасителя над смертью была бы неполной, воскресение самого Главы оказалось бы частичным, неудачным. «Во Христе впервые вся наша природа была освобождена от тления. Все воскреснут в силу своего сходства с Тем, Кто воскрес ради нас». Таково учение св. Кирилла Алекск.²

1. Слово 127.

2. Толк. на Ев. от Иоанна, VI 52.

В воскресении Спасителя Предвечное Слово дало бессмертную жизнь тому человеческому Телу, в которое Оно воплотилось и которое Оно употребило для осуществления нашего собственного воскресения. Оживание человеческих тел для бессмертия, как и оправдание душ во Христе, вытекает из факта благодатного возглавления Им Церкви. Эта причинная связь настолько сильна и несомненна, что Апостол говорит о нашем грядущем воскресении — в прошедшем времени, как бы о совершившемся уже событии: *Бог... нас оживотворил со Христом, — благодатью вы спасены, — и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе* (Ефес. 2, 5-6).

Видимое средство, избранное Господом для укрепления нас в качестве членов Своего церковного Тела, — Св. Евхаристия. Тем же самым дивным оцутительным образом обеспечивается нам и телесное воскресение для славы небесной. *Я есмь Хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли. Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрёт... Хлеб же, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира... Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день* (Ио. 6, 48-54). В Евхаристии содержатся Божество и Человечество Христовы, т. е. причина и орудие нашего воскресения. Евхаристия — жизненное начало для душ и для тел наших. «Быть не может, чтобы Тот, Кто есть сама жизнь, не восторжествовал над тлением и смертью. Потому смерть, которая окутала нас вследствие грехопадения, напрасно пытается подчинить тело человеческое власти тления: мы все воскреснем, ибо Христос присутствует в нас Телом Своим».¹

Подобно нашему Главе, мы воскреснем для жизни вечной в том же теле, которое мы имели в настоящей жизни, но преображённом, просветлённом, освобождённом от всех немощей и нужд посясторонного существования, не подверженном тлению и страданиям. *... Так и при воскресении мёртвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное... Мёртвые воскреснут нетленными... Тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие* (1 Кор. 15, 42-53).

1. Св. Кирилл Алекс., там же, VI 55.

Воскреснут все призванные к вечному спасению под главенством Христа, т. е. все люди, добрые и злые. Но праведники воскреснут для жизни вечной, а грешники, до последнего мгновения настоящей жизни отвергавшие спасение, — для вечных мучений в аду, уготованном дьяволу и ангелам его.

В Царстве Небесном нет места для смерти. Царство Небесное есть жизнь вечная, полное, безусловное и безмятежное владычество Господа нашего Иисуса Христа, Который есть Жизнь: *Я есмь воскресение и жизнь* (Ио. 11, 25). Единение верующих с Христом-Главою, с Христом-Жизнью, завершено окончательно.

Благодатная вечная жизнь состоит в непосредственном духовном созерцании Бога, в созерцании, порождающем бессмертную любовь к Богу и беспредельную духовную радость, святое блаженство. По словам св. Григория Богослова, Царство Небесное состоит в том, что «Бог соединяется с обожествлёнными существами и познаётся ими».¹ А св. Ириней пишет: «Как видящие свет, погружены в него и воспринимают его блеск, так и видящие Бога, погружены в Него и освящены Им. Они живут этим светом».²

Жизнь вечная — от благодати, благодать же — от воздействия Христа-Главы. Итак, жизнь вечная целиком исходит от Главы Церкви. Благодать есть начало жизни вечной. Благодать есть зарождение славы блаженных, а слава есть завершение благодати. Между благодатью и славою нет „перерывов“, в том смысле, как нет их между жёлудем и выросшим из него великолепным дубом.

В настоящей жизни, даже с помощью благодати, мы видим Бога только верою и соображениями нашего разума, в жизни же вечной нам будет дано непосредственное лицезрение Его: *Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан* (1 Кор. 13, 12). Согласно св. Василию Вел.³, в настоящей жизни наш ум слишком связан с материальным миром, чтобы быть способным непосредственно созерцать Божество, и наши размышления о делах Божиих — только подготовительные упражнения перед грядущим лицезрением Бога.

1. Слово 45.

2. Против Ересей, IV, 20.

3. Письмо 8, пар. 7.

Зависимость жизни вечной от благодати так велика, что Апостол мог написать римлянам: *Дар Божий (благодать) — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 6, 23).

Блаженные в небесах будут лицезреть Божество благодаря Христу; Христос-Глава и в будущей жизни будет нашим источником света, истины и любви. Бог будет созерцаем в Своей сущности, благодаря Сыну, *Который есть образ Бога невидимого, рождённый прежде всякой твари* (Колосс. 1, 15), *сияние славы и образ ипостаси Его* (Евр. 1, 3).

В жизни вечной блаженные будут просвещены светом Христовым в той степени, в какой они в настоящей жизни были соединены с Главою соборного Тела.

Да не подумает кто-либо, что в раю Христовом лицезрение Бога будет поглощать внимание блаженных каким-то суживающим, односторонним видением. Наоборот, предметом, порождающим вечный святой восторг небожителей, будет „весь Христос“, в завершённом несметном сонме Своих членов, небесная Церковь во всей её красоте, разнообразии и славе. Все будут радоваться в каждом и каждый во всех. Евхаристическое единение с Главою принесёт свои лучшие плоды соборного единения всех во Христе Иисусе. Ничем не возмущаемая братская любовь во Христе обратится в своего рода дивную гармонию, которую Божии избранники будут наслаждаться во веки веков.

Хотя блаженство воскресших во Христе будет неодинаково для всех и соразмерно благодатным подвигам каждого из них на земле, однако каждый будет безмерно доволен своею участью, и для зависти не будет места. Так большой и малый стаканы, наполненные водою, хотя и не равны, но равно полны; этим сравнением пользовалась св. Тереза, чтобы дать нам понятие о полноте счастья всех Божиих избранников при неравенстве небесной славы.

Полноты своей славы небесная Церковь достигнет после Страшного Суда, когда Христос примет в Царство Божие всех избранников от начала и до конца мира. Тогда для небесной Церкви в полном её составе начнётся вечная Пасха: радость, покой, лицезрение, любовь, хваление Господа, и всё это без конца. *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9).

Тогда же на всю вечность блаженные будут отделены от

не раскаявшихся грешников. Порвутся все земные узы, не освящённые благодатью и принадлежностью к Таинственному Телу Спасителя.

Всё земное уступит место единому вечному Отечеству во Христе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**СТРАНСТВУЮЩАЯ
ИЛИ
ЗЕМНАЯ ЦЕРКОВЬ**

Глава первая

БОГОУСТАНОВЛЕННОСТЬ ЦЕРКВИ

По учению Ватиканского собора (Засед. IV; у Денцингера 1821), сам Господь наш Иисус Христос решил создать святую Церковь. В „присяге” по поводу модернизма сказано, что Иисус Христос „прямо и непосредственно учредил” Церковь.

Противниками этого положения являются либеральные протестанты, которые, глубоко расходясь между собою в положительном объяснении происхождения Церкви, сходятся лишь в отрицании установления иерархической Церкви самим Спасителем. Для модернистов Церковь есть просто „порождение коллективного сознания”, как сказано в энциклике *Pascendi*, которой осуждается это пагубное учение. Мы же веруем, что Господь наш Иисус Христос **лично** установил Свою Церковь, как совершенное общество верующих. Под словом „общество” мы понимаем **постоянное** объединение людей **общими** усилиями стремящихся к одной **общей цели** под руководством объединяющей верховной власти.

Как мы уже видели выше, в основе учения Христова лежит проповедь царства Небесного. Между тем, кроме Церкви, Христос никакого другого царства не учредил.

Чтобы правильно понять смысл догмата об установлении Церкви самим Спасителем, полезно рассмотреть по очереди различные стадии зарождения Церкви.

1. **Обещание** установить Церковь.

Такое обещание определённо заключается в тексте из Евангелия от Матфея (16, 18-19): Сам Христос Господь созиждет свою Церковь. Тут обещается созидание именно „общества”. В самом деле, слово „церковь” уже в Ветхом Завете обозначало народ, объединённый богоданной иерархической властью; в

Новом Завете оно тоже употребляется в смысле всем доступного объединения [*...скажи церкви; а если и церкви не послушает...* (Мф. 18, 17); *...они были приняты церковью...* (Деяния Ап. 15, 4); *Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пастии Церковь Господа и Бога...* (Деяния Ап. 20, 28)]. *И будет одно стадо и один Пастырь* (Ио. 10,16); здесь имеется в виду стадо, собираемое на земле не непосредственно Спасителем, Который послан только к погибшим овцам дома Израилева (Мф. 15, 24), а Его апостолами и заместителями, образующими одну иерархию, орудие единого Христова вечного пастырства.

2. Период **установления**.

Сам Иисус Христос установил тройные узы, связывающие Его последователей в одно общество:

а) Узы **вероисповедные**: *Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет верить и креститься, спасён будет* (Мк. 16, 15-16). Спасение зависит от единственной для всех общей веры, внешне проповедуемой апостолами и их преемниками, так как апостолы не бессмертны, а „всякая тварь” —это люди сменяющие на земле друг друга до скончания века.

б) Узы **священнодейственные**, т. е. таинства: крещение (Мк. 16, 16; Мф. 28, 19; Ио. 3, 5); Евхаристия (Ио. 6, 54); покаяние (Ио. 20, 23) и т. д.

в) Узы **иерархические**: *...Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе* (Мф. 18, 17-18).

Особенно ясно выступает установление Церкви Иисусом Христом в заключительных словах Евангелия от Матфея (28, 18-20): *Дана Мне всякая власть на небе и на земле: итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам: и се Я с вами во все дни до скончания века. Аминь*. Тут имеется всё требуемое для наличия „общества”: многие члены, даже целые народы; общая цель — спасение, освящение; „общественные”, не только внутренне, но и внешне связывающие средства, каковы учение, таинства, соблюдение предписаний, церковных законов; и, наконец, власть Христова, переданная созданному Им священноначалию. Итак, всё, что по существу составляет церковное общество, установлено самим Главою Церкви, Христом Господом. Об окончательном установлении

архипастырского единоначалия повествует в заключительной главе Ев. от Иоанна (ст. 15-17).

3. Время зачаточного **осуществления** Церкви как общества:

Первые дни жизни Церкви наглядно представлены в Деяниях Апостолов и в посланиях Ап. Павла.

а) В Деяниях Апостолов.

Число **членов** Церкви растёт, а с ним и объединение людей, независимое от Синагоги, преодолевающее национальные перегородки: в церковное общество вступают массы язычников (1, 13-14; 2, 41; 4, 4; 8, 12-13; главы 9, 10 и т. д.). Начинает осуществляться слово Христово: *будете Мне свидетелями в Иерусалиме и ... даже до края земли* (1, 8).

Всё это множество людей стремится к одной **цели**, совсем новой — к спасению во Христе. По указанию апостолов, верующие стремятся к освящению Духом Христовым: *Что нам делать, мужи братья? Пётр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа, ... и получите дар Святого Духа* (2, 37-38).

Появляются новые **средства** богопочитания и совместной религиозной жизни. Все пребывают в учении апостолов, в преломлении Хлеба, в молитве. Общинные узы уже настолько сильны, что проводится некая общность имущества (2, 44-45).

Вся эта общинная жизнь находится под пастырским руководством единого Господом Иисусом Христом установленного **священноначалия**. И учение и благочестие определяются не демократическим началом равенства пасомых и пастырей, а Христовым началом передачи духовных даров свыше, через богоустановленные орудия освящения (напр., 10, 42).

Таким образом, описываемая в Деяниях молодая Церковь Христова представляет собою настоящее „общество“.

Заметим, что лучшее описание первоначальной жизни Церкви можно найти в Беседах св. Иоанна Златоуста на Деяния Апостолов. Златоуст тут определённо подчёркивает главенство Ап. Петра среди других апостолов: *ему вверены все*.¹

б) В посланиях Ап. Павла.

Церковь представляется нам здесь как самобытное общество,

¹ Беседы на Деяния Ап., Беседа третья, СПб 1856, ч. I, стр. 58.

новый народ, составленный из представителей разных народов (Ефес. 2, 14). Христос есть краеугольный камень Церкви. Ап. Павел настаивает на том, что Церковь есть в высшей степени жизнь. жизнь духовная, союз соборной любви, царство сверхприродных ценностей, благодати Христовой; она есть тело Богочеловека. И **именно** потому Ап. Павел, следуя учению Христа, так настойчиво выдвигает начало иерархичности, авторитета, послушания церковному начальству, не уполномоченному народом, но заимствующему учительскую и пастырскую власть непосредственно от Христа. По его учению, тело Христово, Церковь, создается взаимодействием движущих сил: благодати и авторитета, пророчества и апостольства. Иисус Христос учредил власть учительскую и апостольскую, иерархическую, *к совершению святых... для созидания тела Христова* (Ефес. 4, 12). *Каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих* (1 Кор. 4, 1). Служители-иерархи имеют свою пастырскую способность от Христа Бога (2 Кор. 3, 6). *Мы — посланники от имени Христова, и как бы сам Бог увещавает через нас* (2 Кор. 5, 20).

Духом Христовым *все мы крестились в одно тело* (1 Кор. 12, 13). Христовой Евхаристией мы совершенствуемся именно как члены тела-Церкви: *Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба* (1 Кор. 10, 17). Христос даёт Своему телу освящающего Духа.

Если рассматривать вопрос с точки зрения всего вообще, что Христос сделал, чтобы осуществить Свою Церковь, то можно различать следующие моменты: а) проповедь Евангелия, воспитание будущих первых иерархов; б) жертва на кресте и переход от Ветхого Завета к Новому; в) установление после Воскресения церковной иерархии и главенства Петрова; г) завещание проповедовать Евангелие всем народам; д) сошествие Духа Святого, чтобы наставить пастырей и освятить всех. Во время всей Своей земной жизни Христос готовил установление Церкви; Он фактически установил её после Своего Воскресения и освятил её в день Пятидесятницы.

Против установления вселенской Церкви самим Господом нашим Иисусом. Христом нельзя возражать, приводя слова Христовы: *Я послан только к погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 15, 24); из того, что Христос послан лично творить чудеса только среди

Еврейского народа, не следует, что Он не послан для спасения всех людей. Иные возражают, что Христос пришёл *исполнить закон* (Мф. 5, 17), что Он соблюдал предписания Ветхого Завета, а значит и не думал создавать новое самобытное общество. Отметим, по этому поводу, что Спаситель соблюдал эти предписания только до тех пор, пока Ветхий Завет существовал, а установление самобытной Церкви есть именно исполнение ветхозаветных пророчеств. Нельзя тоже говорить, что освящение есть личное дело каждого и потому в царстве Христовом нет общей цели: такой индивидуализм претит духу благодатной соборности, который Христос так усердно развивал в Своих учениках.

Глава вторая

НАЗНАЧЕНИЕ ЗЕМНОЙ ЦЕРКВИ

Совершенство какого-нибудь существа определяется совершенством его природного назначения и степенью, в какой это существо отвечает своему назначению. В Божьем мироздании нет ничего бессмысленного, бесцельного: всё имеет своё предназначение; оно даёт ему „смысл существования”, им определяется его природа и оно же служит мерилем всех её качеств.

Закон целесообразности очевиден для всех, кто не ослеплён материалистической предвзятостью; нам, христианам, доказывать его наличие — это ломиться в открытую дверь. Ясно тоже, что этот закон универсален, распространяется на всякое, видимое или невидимое, существо и имеет основание в Божьей Премудрости, в естестве Творца, Который без разумной цели ничего не созидает.

Церковь есть не только невидимое, благодатное, духовное объединение членов соборного Тела Христова: как явствует из всех книг Нового Завета, она есть также и община, основанная Спасителем на земле. Земная Церковь Христова не может не иметь собственного, исключительного, особенно возвышенного назначения; и всё в её богочеловеческом строе должно в высшей степени отвечать этому назначению. Правильное определение какого-либо существа немислимо без ясного представления о его природной конечной цели. Правильное изучение догмата Церкви невозможно без всестороннего освещения вопроса о предназначении Церкви и без применения Божьих законов целесообразности ко всем сторонам церковной „икономии”.

В чём же состоит назначение земной Церкви Христовой? Какие устремления чужды её природе? Что больше всего способствует достижению Церковью её назначения? Ответим вкратце на эти вопросы.

Иисус Христос основал Свою Церковь на земле ради достижения преследуемой Им цели: сделать всех людей причастными Искуплению, „обеспечить незыблемость делу Искупления”, как учит Ватиканский Собор. Назначение земной Церкви — **призывать всех людей к сверхприродному спасению, руководить их духовной жизнью, обучать их истинам веры, освящать их благодатью таинств, одним словом — приводить их к Небесной Церкви, Царствию Божию в жизни вечной.** Земная Церковь существует „по сию сторону гроба”, её конечный объект, вечная жизнь во Христе, — по ту сторону. Весь „динамизм” истинной Церкви направлен к тому, чтобы приводить людей к этому объекту. Задача Церкви — напоминать людям, что они созданы единственно для вечной жизни во Христе, что *дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы чрез них соделались участниками Божеского естества* (2 Петр. 1, 4), что в этом наше исключительное конечное назначение, что всё сотворённое и преходящее — здоровье, имущество, родина, друзья, государство, нация, ум, искусство, общественная деятельность и т. п., т. е. всё, что не Бог, — имеет ценность лишь поскольку оно связано с жизнью вечной. Роль Церкви — приучать верующих любить только Бога ради Него Самого и всех людей, даже врагов (личных, сословных, политических и др.) — ради Христа, во Христе, руководясь Его любовью к ним. Вот безусловная конечная цель нашего существования, определяющая и возглавляющая сложную иерархию бесчисленных „промежуточных” временных стремлений искреннего христианина. Назначение Церкви — материнской рукой отводить, иной раз даже отрывать, своих чад от всего того, что удаляет от Бога, т. е. — ставить преграды той неумеренной привязанности к преходящему, которая так легко вкрадывается во все наши, даже наиболее благородные устремления, какова, например, преданность отечеству.

Основная истина не только христианства, но даже иудейства или магометанства, — единобожие. *Никто не может служить двум господам; ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть* (Мф 6, 24). Назначение Церкви — всеми имеющимися в её распоряжении средствами приводить людей к служению Одному Господу неба и земли и к беззаветной преданности Иисусу Христу.

Я пришёл разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её, и невестку со свекровью её. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; а кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня (Мф. 10, 35-37). Иди за Мною, и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов (Мф. 8, 22). Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Мою? (Лк. 2, 49). Кто сберегает душу свою (жизнь свою) по побуждениям чуждым любви ко Христу, тот потеряет её (Мф. 10, 39). Из требуемого Спасителем постоянного, всеобщего, нередко крайне мучительного, отрешения от всего того, что удаляет нас от конечной цели существования и Искупления, видно, сколь возвышенна эта цель, а потому — сколь высоко и назначение Церкви, передающей нам плоды Искупления.

Церковь не имеет своим назначением ни создавать ни совершенствовать „культуру” или „цивилизацию”. Фактически, Церковь, облагораживая человеческие нравы, приучая людей к самоотвержению и дисциплине и просвещая человеческий разум, косвенно, но весьма действенно, способствует процветанию „культур”, как мировой, так и национально-поместных. Но везде, где мировая цивилизация или национальная культура становится конечной целью Церкви, хотя бы только второстепенной, — неминуемо понижается религиозно-нравственный уровень народа, что пагубно отзывается и на его культурном благоденствии. Великая „евангельская антиномия” оправдывается не только в спасении отдельного христианина, но и в „спасении” народов, государств, всего человечества: кто сберегает душу в ущерб самоотверженной преданности Богу, тот губит её; нация, которая „сберегает душу свою”, свою культуру, в ущерб вселенскому, сверхнациональному назначению Церкви, разрывая, например, Церковь на обособленные национальные церкви, — медленно но неизбежно губит свою культуру, ослабляет силу сопротивления разлагающим влияниям; без вселенской Церкви нет полноты подлинного христианского патриотизма. Классы общества, которые навязывают Церкви постороннюю цель — служить их сословным интересам, — создают плодородную почву для безбожия и сами готовят себе гибель. „Гуманисты”, которые требуют от Церкви, чтобы она ставила себе целью созидать земной рай человечества, оказывают человечеству поистине медвежью услугу, так как они подтачивают основание подлинного „вселенского братства” — устремлённость к раю небесному. Истинная Церковь Христова „ищет наипаче” вечное спасение для чад своих и верит.

что национальное процветание «приложится» для просвещённых ею народов в той мере, в какой эти народы будут свято чтить её собственное сверхкультурное и сверхнациональное назначение. Подлинная Церковь знает только одну жемчужину — Царство Небесное; ради этой жемчужины она «продаёт всё, что имеет». Она отказывается от всего, чтобы купить поле, в котором зарыто сокровище жизни вечной (Мф. 13, 44-46).

Назначение Церкви — не в служении общественному благосостоянию, классовому, национальному или всечеловеческому благоденствию; точно так же она не основана для того, чтобы содействовать развитию философии, наук, искусства, и, вообще, служить «прогрессу». Сказанное, однако, не следует понимать превратно, именно в том смысле, будто Церковь осуждает служение науке, патриотизм, заботу о временном благосостоянии общества. Нет, всего этого она нисколько не осуждает, всё это она **благословляет и поощряет**; но она требует, чтобы ей не навязывали чуждых её существу стремлений, и предписывает рассматривать все преходящие блага, даже самые благородные, как ступени для **достижения единственной конечной цели земного существования человека** — вечного спасения; она побуждает любить их и пользоваться ими, но лишь постольку, поскольку они могут способствовать восхождению ввысь, к жизни вечной. Она запрещает пользоваться ею самою, её догматами, таинствами, иерархическим строем, как средствами, как орудиями, для осуществления человеческих замыслов, мешающих её стремлению к единственной конечной цели её существования — вечному спасению рода человеческого, искупленного Кровью Христовой, обожению мира. Тем более, она осуждает и считает преступным кощунством изменять и исказить её сверх-национальную духовную сущность или иерархический строй ради каких бы то ни было земных целей, даже столь высоко нравственных и благородных, как любовь к отечеству. Любить своё отечество и служить ему — добродетель и святой долг; определять своё вероисповедание патриотическими соображениями — тяжкий грех.

Сама земная Церковь, с таинствами и иерархией, есть только „средство“ в отношении к Небесной Церкви и конечной цели Искупления. Тем более всё, что не есть Церковь, не может считаться высшей целью человека и Церкви.

Иисус Христос проповедывал „Царство Божие“, „Царство Небесное“, „Царство Моё“. Выражения эти тождественны по смыслу и

выражают единственную цель Воплощения и установления Церкви.

Блаженства нагорной проповеди, как и все остальные заповеди Христовы, имеют исключительно религиозное содержание. Иисус Христос решительно и беспощадно осуждал всякое злоупотребление религией ради преходящих целей: достаточно упомянуть об изгнании торговцев из храма. Строгий выговор Спасителя был для Петра врачевством от остатков иудаистически-земного, националистического понимания пришествия Мессии: *Отойди от Меня, сатана, ты Мне соблазн; потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мф. 16, 23).

Из евангельских рассказов о суде над Христом явствует **чисто религиозный** характер Его проповеди, а потому — и основанной Им Церкви. *Тогда Пилат... призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты Царь Иудейский?... Иисус отвечал: царство Моё не от мира сего; если бы от мира сего было царство Моё, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне царство Моё не отсюда. Пилат сказал Ему: итак, Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришёл в мир, чтобы свидетельствовать о истине... Пилат... сказал: я никакой вины не нахожу в Нём* (Ио. 18). Христос разочаровал еврейских шовинистов, Он не служил их национально-политическим мечтам, Он ничего не сделал, чтобы избавить свой народ от тяжёлого римского ига; в противном случае Пилат, представитель римского кесаря, нашёл бы в Нём вину и сам велел бы казнить Его. Но Спаситель не менее далёк был и от мысли служить великодержавным замыслам римлян: если бы Он был „сторонником” римлян, евреи, конечно, не водили бы Его на суд Пилата, а сами тайком бы убили Его.

Для Церкви Своей Иисус Христос не искал **политической** власти над народами: Он прогнал сатану, искушавшего Его в этом отношении (Мф. 4, 8-10). Зато Он облёк Свою иерархию **религиозной** властью, и велел ей насаждать Церковь *по всему миру* (Мф. 28, 18; Мк. 16, 15).

Как Христос родился не от плотских вожделий, но „воплотился” и принял на Себя совершенную человеческую природу, так и **Церковь Христова происходит не от земных человеческих объединений и не для них, но воплощена** в своё собственное, во всех отношениях от неё зависящее, организованное общество людей. Именно благодаря этой своей

воплощённости, являющейся продолжением воплощения Христова в таинственном Теле, Церковь может сохранить в земных условиях своего существования необходимую ей возможно большую всестороннюю независимость.

Церковь не только **зовёт** людей к спасению из невидимого, чисто духовного, благодатного мира, она не только „эсхатологична”. Подобно своему Основателю и Главе, она здесь же на земле **ведёт** их к жизни вечной, и притом по пути соответствующему их телесно-духовной природе. Церкви Христовой чуждо учение об Ормузде и Аримане, ей чужд манихейский дуализм¹: распространяя по миру икономию Воплощения, она не проклинает человеческой природы, Богом созданной, но нисходит к ней, освящает её и подчиняет сверхприродным началам.

Назначение земной Церкви Христовой — в ежедневной борьбе со злом, в земной обстановке, собирать людей для жизни вечной, вести их к ней. Ради этой высокой цели, она ещё не блаженствует на небесах, но подходит к людям, говорит на понятном для них языке, становится вполне человеческим „учреждением”, общепонятной и общедоступной пристанью спасения. Пастыри Церкви — соль земли, свет мира, закваска положенная *в три меры муки* (Мф. 5 и 13). Доброе семя и плевелы растут на одном и том же поле. Земная Церковь живёт среди соблазнов. *Ещё подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, севши, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон* (Мф. 13, 47-48). Но именно потому, что земной церковный невод ловит людей для жизни вечной, а не для преходящих культурных, промышленных или политических целей, он ненавистен для всех, чьи чаяния не доходят до вечности: *Будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас. И поведут вас к правителям и царям за Меня...* (Мф. 10, 17-18). *Будете ненавидимы всеми за имя Моё* (Лк. 21, 17). Иначе и быть не может, ибо ради жизни вечной Христос велел отрешиться от всего земного.

И вся история Церкви есть один сплошной рассказ о борьбе её с силами „мира сего”, стремящимися навязать ей посторонние цели, **не подчинённые** единственной конечной цели её. Боль-

1. Еретическое учение о двух независимых причинах мироздания, доброй и злой. Согласно этому учению, всё материальное и телесное происходит от зла.

шинство ересей и расколов, явных или более или менее прикрытых, которые отрывали от Церкви подчас значительную часть её чад, коренились, по крайней мере отчасти, в том или ином уклонении от слов Спасителя: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его* (Мф. 6, 33).

Но Церковь не враг природного, временного человеческого благоденствия, она даже лучше какого бы то ни было другого религиозного объединения поддерживает, облагораживает и освящает как любовь к родине, так и процветание всеобщей и поместных культур. Она является самой мощной, наиболее действенной живительной „закваской” народов и цивилизаций. Более того, она сама, поскольку её чада проникнуты подлинным католическим духом, повсеместно усваивает себе всё положительное в конкретном человечестве всех стран и эпох, все отличительные черты народов, их быта, их этнического гения, отбрасывая лишь нравственно недопустимое, для самих же народов пагубное. Она проникает во все факторы поместных культур; она вводит в собственное святилище всё творчески-национальное. Под её покровом и в ней самой национальное самосознание и самосозидание достигает наибольшей интенсивности и устойчивости. Под сенью единой вселенской Церкви все национальные своеобразия достигают наибольшего расцвета, чистоты, цельности. Никто, например, не был более „французом”, в самом благородном смысле, чем св. Викентий-де-Поль, более испанцем, чем св. Доминик, более итальянцем, чем св. Франциск Ассизский, более австрийцем, чем св. Климент Гофбауер, более японцем, чем свв. мученики Павел, Иоанн и Иаков, более негром своего племени, чем юноши-мученики Уганды, и т. д. Не даром все враги какого-либо в католичестве воспитанного народа, чтобы погубить этот народ, стремятся прежде всего убить его „душу”, часто путём образования раскольной, „национальной” Церкви.

Допустимы ли вообще национальные Церкви? Да, если под этим выражением понимать проникновение **поместных** сторон церковной жизни **положительными** движущими силами национальной культуры и самобытности; нет, если, по существу своему сверхнациональные, **повсеместные** реальности церковной жизни, например, догматы или строй Церкви, становятся зависимыми от земных соображений и, тем более, от коллективно-национальной греховности — гордости, несправедливости по отношению к другим нациям, заразной нравственной распушенности и т. п. В пределах и в духе богочеловеческого

разноединства католической Церкви, национальные церкви не только допустимы, но и желательны, и на самом деле существуют; при этом они находятся на гораздо более высоком уровне национально-культурного своеобразия и самобытности своей „симфонической личности“, выражаясь словами Карсавина, чем самостоятельные национальные церкви. Пока Византийская Церковь не порвала окончательно с католическим вселенством, в ней процветали и богословие, и общественная жизнь, и искусство; с отпадением от Рима всё это в значительной мере пришло в упадок. В России всё более и более отходившее от вселенства греческое православие пошло путями неестественной, тормозящей духовную жизнь зависимости от поместных западно-европейских достижений, или даже лжеучений.¹ В протестантских странах церковный сепаратизм расшатал самые догматические основы христианства.

Христианская жертвенность, подчинение единому вселенскому священноначалию, созидает здоровую национальную церковность, отсутствие же этой жертвенности и национального самоотречения, собирательный национальный эгоизм — разрушает её; так было всегда и везде в христианском мире. Нельзя противопоставлять национально-поместную церковность сверхнационально-вселенской: эти два фактора христианской жизни не только не исключают друг друга, но и поддерживают, взаимно дополняют, подкрепляют. Они составляют вместе одну и ту же богочеловеческую реальность. Оттого их уровни **вместе** повышаются или понижаются. Они служат друг другу показателем, залогом, условием. Где вселенское сверхнациональное начало искалечено, ущемлено, там и национально-церковная жизнь страдает какой-то частичностью, ущемлённостью, болезненной замкнутостью. Исключают друг друга не национально-религиозная поместная собирательная индивидуальность и сверхнациональная вселенскость, а органический **синтез** этих двух сторон христианской реальности и отрицание, **распад** этого синтеза. А отпадение от центра вселенской церковной иерархичности почти равносильно, может быть и медленно, многовековому, но неизбежному понижению национально религиозной самобытности. „Обескатоличение“ всегда ведёт к индивидуальному или коллективному духовному обезличению.

Цель, которую Спаситель наметил учреждённой Им на земле

1. Поучительна в этом отношении книга прот. Г. Флоровского Пути Русского Богословия (Париж, 1937).

видимой Церкви, может быть определена двумя словами: **освящать людей**. Своим наместникам на земле, апостолам и их преемникам, по Его поручению возглавляющим видимую Церковь. Иисус Христос передал то же мессианское поручение, которое Он Сам получил от Отца. *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас* (Ио. 20, 21). *Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир* (Ио. 17, 18). *Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя... уча их соблюдать всё, что Я повелел вам...* (Мф. 28, 18-20). *Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается; а отвергающий Меня отвергается Пославшего Меня* (Лк. 10, 16). Ясно, что Церковь не может иметь другого назначения как то, которое определяется Воплощением и Искуплением; ясно, что тело должно идти туда, куда его ведёт голова.

Христос же, как мы уже видели выше, имел единственной целью Своего мессианского служения — вечное спасение людей. *Не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасён был чрез Него* (Ио. 3, 17). *Ибо Сын человеческий пришёл взыскать и спасти погибшее* (Лк. 19, 10). Ап. Иоанн передал нам ту прекрасную молитву Спасителя, в которой с особенною чёткостью и силою выступает цель установления видимой иерархической Церкви: *Освяти их истинною Твоею; слово Твоё есть истина. Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир. И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истинною. Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино* (Ио. 17, 17-21).

Ученики Христовы вполне сознательно и ревностно исполняли данное им сверхприродное поручение. Об этом свидетельствует чуть ли не каждая строка Деяний Апостолов. Ап. Павел, со свойственным ему неземным воодушевлением, постоянно напоминает своим читателям о единственной подлинной цели Царствия Божия на земле. *Бог избавил нас от власти тьмы и ввёл нас в царство возлюбленного Сына Своего, в котором мы имеем искупление* (Колосс. 1, 13). *Ибо Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир во Святом Духе* (Рим. 14, 17). *Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец жизнь вечная... во Христе Иисусе* (там же 6, 22).

Глава третья

НЕОБХОДИМОСТЬ ЦЕРКВИ ДЛЯ СПАСЕНИЯ.

ЧЛЕНЫ ЦЕРКВИ

I

Мы имеем в виду **сверхприродное спасение благодатью** Христовой, действием которой мы становимся *причастниками Божеского естества* (2 Петра 1, 4), детьми Божиими и сонаследниками Христа в вечном лицезрении Бога. Иисус Христос, подвигом Искупления, заслужил нам спасение. Поэтому, всецело от Него зависело установить средство или орудие, через которое спасение сообщается людям. Таким орудием Христос избрал и лично установил Свою Святую Церковь.

Без истинной Церкви Христовой никто не может обрести спасения. Таков один из основных **догматов** христианской веры. Догматическое определение этой истины было провозглашено в 1215 г. на XII Вселенском Соборе (Латеранском IV).

Без Христа нет спасения. *Верующий в Него* (Христа) *не судится, а неверующий уже осуждён... Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нём* (Ио. 3, 18 и 36). *Нет ни в ком ином спасения* (Деяния 4, 11). *Кто не со Мною, тот против Меня* (Мф. 12, 30). Но с другой стороны: **без Церкви Христовой нет Христа.**

Что „без Церкви нет Христа“, это вытекает из **поручения**, которое Спаситель дал церковной иерархии. *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас* (Ио. 20, 21); но Сын послан Отцом, чтобы спасти людей; поэтому, и апостолы посланы, чтобы сообщать людям спасение во Христе. *Дана Мне всякая власть... Итак,*

идите, научите... (Мф. 28, 19). *Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается* (Лк. 10, 16), т. е., кто не слушается учащей Церкви, тот лишается спасения Христова. *Идите... проповедуйте... Кто не будет верить, осуждён будет* (Мк. 16, 15). Пастыри истинной Церкви — посредники и орудия, второпричины, через которые Иисус Христос даёт людям плоды Искупления и жизнь вечную; оттого, *участь тех, кто не примет вас* (апостолов и их преемников, с которыми Христос пребудет до скончания века) *и не послушает слов ваших*, в день суда будет хуже участи земли Содомской и Гоморрской (Мф. 10, 15). Кто не слушается Церкви уподобляется „язычникам” и „мытарям” (Мф. 18, 17), т. е. людям лишённым сверхприродного спасения; *ибо что вы свяжете на земле, то будет связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе* (там же, ст. 18); заметим, что „вязать” и „разрешать” — слова, на языке современных Христу евреев, имевшие смысл: осуществлять оправдание или осуждение.

Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие (Ио. 3, 5). Итак, крещение необходимо для спасения. Но, с другой стороны, крещение есть как бы вступление, внедрение в „одно тело”, конечно — Тело Христово, Церковь: *Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело: так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом* (1 Кор. 12, 12-13).

Невозможность достигнуть спасения без Церкви становится ещё более наглядной, если принять во внимание догмат **главенства Христа в Церкви**: благодать, обеспечивающая спасение, исходит от Главы на всё соборное Тело Христово, и только на него. Для достижения спасения, надо принадлежать к соборному Христу, т. е. Церкви, надо подчиняться пастырям, которых *Он поставил... для созидания Тела Христова* (Ефес. 4, 12).

Апостолы отождествляли неповиновение Церкви Христовой с потерей жизни вечной (Деяния 13, 43-46). По учению Ап. Павла, спасение невозможно без проповеди, а проповедь невозможна без тех, кто властью Христовой **посылает** проповедников (Рим. 10, 13-15). Молитва Спасителя призывает благодать на тех, кто верит учащей

Церкви: *Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их* (апостолов) *в мир. И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною. Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их* (Ио. 17, 18-20); благодать Христова касается лишь тех, кто верует „по слову” иерархии. *Созржадана святым и домочадцы Бога* только те, которые *утверждены на основании Апостолов и пророков*, ибо только они имеют Христа *краеугольным камнем* (Ефес. 2, 19-20). Домочадцы Бога живут *в доме Божиим, который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15). *Сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной* (Галат. 4, 30); сонаследники Христу могут быть только сыны „свободной”, т. е. Церкви.

Те же категорические выражения и ту же „нетерпимость” мы находим и в **Предании**.

«Не заблуждайтесь, братья мои: кто следует за творцом раскола, тот не достигнет наследства в царстве Божием; кто принимает чужое учение, тот не имеет участия в страстях Господних». ¹ «Остерегайтесь чужой травы, которая есть ересь», приносящая смерть. ² «Кто делает что-либо без епископа, того совесть не чиста». ³

«Не имеют участия в дарах Духа Святого те, которые не спешат к Церкви... Ибо где Церковь, там и Дух Божий». ⁴ «Творцы расколов пусты, не имеют любви Божией, имеют в виду свою пользу, а не единство Церкви, и из-за пустяков пытаются... убить тело Христово». ⁵

То же учение о необходимости принадлежать к единой истинной Церкви Христовой мы находим у св. Киприана: «Невеста Христова не может прелюбодействовать... Кто, отпав от Церкви, присоединяется к прелюбодействующей (секте), тот отпадает от обещаний, данных Церкви. Не достигнет награды Христовой тот, кто оставил Церковь Христову. Он чужд, он посторонний, он враг. **Не может иметь Бога своим Отцом, кто не имеет Церковь своею Матерью...** Кто не придерживается этого единства, тот не придерживается ни Божиего закона, ни веры Отца и Сына, ни жизни и спасения». ⁶

1. Св. Игнатий Богоносец, Посл. к Филад., 3.

2. Он же, Посл. к Тралл., VI 1, 2.

3. Там же, VII 2.

4. Св. Приней Лионский, Против Ересей, III 24.

5. Там же, IV 33.

6. О единстве католической Церкви, 6.

Св. Августин многократно повторяет ту же грозную истину. «Всякий, кто отделён от католической Церкви, сколько бы он ни полагался на свою благочестивую жизнь, не будет иметь жизни, хотя бы он совершил только это одно преступление отпадения от Церкви; гнев Божий пребывает на нём» (Письмо 141). «Одна только католическая Церковь есть Тело Христово... Вне этого тела, Дух Святой никому не даёт жизни» (Письмо 185). «Если умрёшь в удалении от единства Тела Христова, ни к чему тебе не пригодится твоя девственность» (Письмо 208, к Фелиции). «Вне католической Церкви никогда нельзя достигнуть спасения» (Слово к Кесар., 6). Столь строгое учение о необходимости Церкви для спасения вытекало у св. Августина из его глубокой веры в главенство Христа.

Все без исключения вселенские соборы, по крайней мере косвенно, провозглашали ту же истину, когда они анафематствовали непослушных Церкви христиан. Вся история вселенских соборов сводится к отстаиванию ими разбираемого нами догмата.

Из сказанного следует:

1) Нельзя ставить в вину современной нам Церкви того, что она сегодня, как и в первые века христианства, остаётся „нетолерантной”, **нетерпимой** по отношению к расколам и лжеучениям, не принимает участия во „всехристианских” протестантских съездах, в роде Стокгольмского, Лозаннского или Эванстонского.

2) Эта „нетерпимость” говорит в пользу **истинности** вселенской Церкви, свидетельствует о её верности Св. Писанию и Преданию.

3) „Нетерпимость” Церкви говорит в пользу наличия в ней подлинной Христовой **любви к бессмертным душам**, учение же о равенности христианских исповеданий есть признак отсутствия или, по крайней мере, радикального извращения святоотеческого взгляда на сущность христианской любви. В самом деле, жертвовать собственными выгодами и быть ненавидимым всеми лжеучителями, чтобы спасти людей от „смертоносной травы” лжеучений, — признак великой, самоотверженной любви.

4) Раз без Церкви нет спасения, **святая обязанность** всех верующих, в особенности пастырей, заботиться о распространении истинной Церкви по всему миру, проповедывать истину „всякой твари”. Забвение слов Христовых: „идите, научите все народы” — признак отсутствия Духа Святого.

5) Тяжко **грешат** те католики, которые, своими личными пороками или своим шовинизмом, затемняют истину единой спасающей Церкви.

II

Быть членом таинственного церковного Тела значит находиться в органическом отношении к нему, быть частью его, по крайней мере до известной степени: быть **частью** тела, т. е. входить в общий состав всей соборной Церкви; быть органической частью, т. е. быть оживляемым „душою” Церкви, невидимым благодатным жизненным началом, из массы верующих составляющим одно живое собирательное „тело”, или, по меньшей мере, подлежать воздействию природных уз соподчинения, делающих из Церкви одно человеческое религиозное общество. В полном смысле член Церкви тот, кто вполне принадлежит к её телу-обществу и вполне живёт её благодатною жизнью. Принадлежать к телу Церкви не значит быть какой-то молекулой, не имеющей другой жизни кроме той, которую ей сообщает весь организм, впитавший её, но значит — стремиться к особой цели Церкви-общества, средствами присущими и свойственными Церкви, сотрудничая с другими членами того же стада Христова, под руководством общего церковного настоятельства и пользуясь преимуществами Церкви. Быть **живым** членом церковного общества значит жить всецерковной благодатью, исходящей от Святого Духа в силу заслуг Христовых. Из этого уже видно, что возможны различные степени в интенсивности, с какой кто-либо принадлежит к Церкви. Отметим несколько наиболее существенных положений.

1. Нельзя говорить, что Церковь состоит из одних **предопределённых** к вечному спасению: это значило бы впасть в ересь Вikleфа, гусситов и кальвинистов, различавших две церкви, именно — видимую и невидимую, и учивших, что одна лишь невидимая Церковь, состоящая из всех предопределённых и только из них, есть истинная и святая. Ереси Вikleфа были осуждены Констанцким собором (1415) и папою Мартином V (1418). Влияние кальвинизма заметно на ряде богословов школы Феодана Прокоповича.

Одного предопределения **недостаточно**, чтобы считаться Церковью Богочеловека

членом Церкви. В самом деле Христос сказал: *Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора; и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь* (Ио. 10, 16). Значит, есть овцы, которые не принадлежат ещё к „сему двору” Христову, т. е. к Церкви, и между ними есть несомненно такие, которые наверно достигнут вечного спасения. Также из 1 Петр. 2, 10 видно, что *народ святой... некогда не народ, а ныне народ Божий*: иные святые, predeterminedенные, одно время ещё не принадлежали к Церкви. С другой стороны, predeterminedение **не требуется**, чтобы в данный момент быть членом Церкви. Это видно из притчей Господних: в церковном неводе есть непригодные рыбы; на пиру присутствуют гости, которых потом изгонят, на свадебных празднествах — неразумные девы, которые не будут допущены к встрече жениха.

Церковь видима, извне различаема от самочинных общин, религиозных и других. Но predeterminedение ко спасению, т. е. несомненность **факта**, что те или иные люди достигнут вечного спасения — нечто не заметное извне, не осязаемое.

2. Нельзя также утверждать, что Церковь состоит **из одних только святых**, как учили в древности монتانсты, донатисты и новатиане, а после появления протестантизма — вальдензы.

Положение: Церковь состоит не только из праведников — есть **догмат** католического вероучения. Для правильного понимания его не следует упускать из виду, что: а) Церковь во всякую эпоху имеет среди своих чад подлинных святых, это одно из требований и последствий её святости. б) Праведники — главные члены Церкви в том смысле, что в них и через них с особенной силою осуществляется изливание даров Святого Духа на тело Церкви. в) Есть такие преступления, которые делают невозможной внутреннюю и внешнюю связь с Церковью. г) Не всякий смертоносный грех исключает из Церкви.

Разбираемая нами истина явствует из следующих данных:

а) Притчи Господни — в особенности притча о добром семени и плевелах (Мф. 13, 24-30: *оставьте расти*), о неводе, захватившем *рыб всякого рода* (Мф. 13, 47-48) и др. — явно указывают на то, что в Церкви есть и такие христиане, которые в конце концов, если не исправятся, то не войдут в жизнь вечную.

б) *Если согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи...*;

если же не послушает, ... возьми с собою ещё одного...; скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будут он тебе как язычник и мытарь (Мф. 18, 15-17). Итак, пока христианин не порвал с Церковью открытым и вполне сознательным непослушанием её верховному руководству, он остаётся „братом”, со-членом Церкви; только восстание против церковного священноначалия низводит его на уровень „язычников”.

в) Ап. Павел велит отлучить от Церкви кровосмесителя (1 Кор. 5, 1-5); это не имело бы смысла, если бы тяжкий грех сам по себе был равносителен исключению из числа членов Церкви.

г) Таинства покаяния и елеосвящения установлены для освобождения членов Церкви от власти греха. Это значит, что среди членов Церкви есть грешники и что явление это не представляет собою редкого исключения, так как оба упомянутые таинства установлены навсегда и для повсеместного употребления.

д) Церковь, состоящая из одних только праведников или predetermined к будущему спасению, была бы церковью невидимой, „чисто духовной”, не богочеловеческой, не согласованной с данными Св. Писания и Предания.

е) Отцы Церкви произносили много поучений именно с целью исправить недостойных членов Церкви, показав насколько неуместно для члена Церкви пребывать в состоянии смертоносного греха.

3. Чтобы стать членом Церкви, необходимо получить **крещение**.

Таинство крещения необходимо, но для взрослых недостаточно, чтобы быть членом Церкви: нужны ещё узы единства **веры**, общения в других **таинствах** и послушания законной **иерархии**. Для младенцев достаточно действительного крещения, даже если совершителем этого таинства был еретик или раскольник. ибо всякое действительное крещение (т. е. совершённое с омовением водою, с призыванием трёх Лиц Пресвятой Троицы и с намерением совершить Христом установленное таинство благодатного возрождения) сообщает сверхприродную жизнь, которая по существу своему внедряет в подлинную Церковь, а не в секту; с другой стороны, новорождённый ребёнок неспособен личными сознательными актами приостановить действительность крещения.

Заметим, что в случае невозможности получить таинство крещения, можно всё-таки сделаться причастником его спасительной

действенности: 1) горячим желанием принять крещение при первой возможности, соединённым с искренним сокрушением о грехах и с чистой любовью к Богу (крещение **желанием**), или 2) мученической смертью, перенесённой из любви к Иисусу Христу (крещение **кровью**).

Что крещение есть вступление в Церковь, видно из следующего:

а) В Св. Писании крещение упоминается в связи с причислением к соборности последователей Христовых, т. е. к Церкви. В Деяниях Ап. мы, например, читаем: *Итак охотно принявшие слово его* (Петра) *крестились, и присоединилось в тот день душ около трёх тысяч* (2, 41). Характерно выражение Ап. Павла: *все мы одним Дулом крестились в одно тело* (1 Кор. 12, 13).

б) Отцы определённо говорят о необходимости крещения для того, чтобы принадлежать к Церкви, в особенности когда речь идёт об оглашенных. Св. Григорий Богослов и св. Кирилл Иерусалимский утверждают, что оглашенные находятся „в преддверии”, откуда они войдут в „чертог”, т. е. в Церковь. Св. Августин определённо говорит о крещении как о „включении или внедрении оглашенных в Церковь”.¹

в) В Литургии св. Иоанна Златоуста мы молимся об оглашенных: «призри на рабы Твоя оглашенные... сподоби я бани пакибытия... соедини их святей Твоей соборней и апостольстей Церкви и сопричти их избранному Твоему стаду».

г) В этом же смысле учат соборы Флорентийский и Тридентский.²

4. Чтобы быть членом Церкви, надо быть **соединённым** с нею:

а) Единством **вероисповедания**. Церковь по существу своему есть общество, сплочённое единою верою и одним открытым исповеданием её: одна лишь „внутренняя”, субъективная вера не способна сплотить людей в одно общество, в одно „тело”; тело без всякой „телесности” есть абсурд, квадратный круг. Нельзя совершать крещения над способным думать и желать человеком, если он не **принимает веру Церкви**, не подчиняется авторитету её догматического учительства. Отцы не считали членами

1. De pecc. meritis et remiss., 39.

2. Денцингер, 696 и 895.

Церкви тех, кто не исповедует веру, принятую Церковью. Тертуллиан писал: «Еретики не могут быть христианами».¹ Киприан писал об еретике Новатиане: «Он не христианин, он не из Церкви Христовой».² Да и сам Ап. Павел дал Титу следующее наставление: *Еретика, после первого и второго вразумления, отворачивайся* (Тит. 3, 10).

б) Единством **священноначалия**. Это явствует из слов Христовых: *Если и Церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь* (Мф. 18, 17). Кто открыто не подчиняется законной церковной иерархии, кто не слушается Церкви, тот должен быть причислен к язычникам, не принадлежащим к ней. Да и вообще никто не может быть членом какого-либо общества, если он отказывается подчиняться „правлению” его; от анархии всякое общество распадается. Оттого, как мы уже видели в других местах, отцы Церкви так настаивали на послушании законному церковному начальству. Св. Иероним Стридон. писал: «Раскол из-за разлада с епископатам отделяется от Церкви».³ По учению св. Августина, «ни еретики, ни раскольники не принадлежат к католической Церкви».⁴

в) Общением в **таинствах**. Крещение есть уже как бы вступление в это общение, но именно только вступление, начало питания таинствами, дающими благодатное единение, общность сверхприродной жизни во Христе. В особенности Пресв. Евхаристия есть таинство всецерковного единения: *Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба* (1 Кор. 10, 17).

Заметим, что эти три вида принадлежности к единству Церкви тесно связаны между собою: не может быть живого единства веры без таинств питающих веру и без смиренного богоугодного послушания Христу и Его представителям; плодотворное вкушение Пресв. Евхаристии немислимо без глубокого смирения и готовности следовать церковной объединяющей власти. *Один Господь, одна вера, одно крещение... И Он поставил одних Апостолами, других Пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учи-*

1. De praescriptione, 37.

2. Письмо 55.

3. Толков. Тит 3, 11.

4. О вере и символе, гл. 10.

телями, к совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова, доколе все придём в единство веры... (Ефес. 4, 5-13).

Итак, сознательные и явные еретики, равно как и отлучённые от Церкви с запрещением верующим иметь всякое общение с ними („витанди”), просто не члены Церкви. Тем не менее, крещение наложило на них неизгладимую „печать”, и когда они возвращаются к Церкви и получают прощение, то крещение над ними не повторяется и они вновь становятся членами Церкви.

Тот, кто родился в разлучённой с Католическою Церковью христианской общине, при крещении в этой общине потенциально становится членом Католической Церкви и остаётся под воздействием её благодати до тех пор, пока не **порвёт** сознательно с Церковью своим поведением против единства Церкви; если же, **познав истинную Церковь**, он всё-таки решит оставаться в расколе, хотя бы даже по таким побуждениям, которые сами по себе не греховны — например, чтобы не огорчать родных — он совершит великое преступление; таких вялых христиан Господь часто наказывает полным духовным ослеплением и потерю всякого интереса к вопросу принадлежности к истинной Церкви. Грешит против Церкви и тот, кто, заметив в „родной” церкви или секте существенные пробелы, несовместимые с учением Христа, по небрежности или из страха перед жертвами, связанными с присоединением к подлинной Церкви, не ищет разрешения своих сомнений в молитве и смиренном изучении Св. Писания и Предания.

Кто ищет подлинную Церковь Христову подобающим образом, со смирением, самоотречением и любовью, но вследствие влияния антикатолической среды, в которой он родился, и укоренившихся предрассудков, не доходит до познания правды Католической Церкви, потому что представляет себе её и её учение не таковыми, каковы они на самом деле, но такими, какими их рисует предвзятость враждебных католичеству писателей и проповедников, — тот пребывает под воздействием истинной Церкви, её благодати, и находится на верном пути к полному воссоединению с нею. Он может преуспевать в благодатной жизни и благочестии, даже если он, не ведая, что творит, поносит Католическую Церковь: такой **кажущийся** враг католичества на самом деле поносит только карикатуру, искажение католичества, и притом часто из неосознанной преданности подлинным католическим началам. Таких

христиан не мало среди последователей Византийского раскола; Господь, принимая во внимание их чистосердечность и прямоту, доведёт их до полного познания церковной истины, если не на земле, то в будущей жизни.

Те, кто родившись в расколе, всю свою жизнь не даёт себе отчёта в трагическом состоянии своей поместной церкви, не подозревает даже, что она отошла от вселенской Церкви, те несомненно подлежат освящающему действию церковной благодати. Всё, что они делают из послушания своей иерархии, зачитывается всеблагим Господом как послушание истинной Церкви, и служит к приумножению благодати: послушание, не искажённое **сознательным** уклоном в раскол, есть основная движущая сила католического церковного домостроительства; оно по природе своей противоречит основному началу всякого сепаратизма в религии — непослушанию. Ребёнок, почитающий какую-либо чужую ему по крови женщину, которую вследствие стечения обстоятельств он считает своей матерью и любит как таковую, фактически питает любовь к своей матери, а не к посторонней особе. Грек, благочестиво исполняющий предписания Константинопольского патриарха и не подозревающий наличия раскола, несознательно совершает акт католического церковного послушания. Благоговейно причащаясь или приступая к какому-нибудь другому таинству, такой „диссидент” не грешит против истинной Церкви: ведь все семь таинств являются таинствами подлинной Церкви, независимо от того, где они совершаются, и они освящают благонамеренных христиан приступающих к ним. Где дело идёт об этой категории не католиков, не может быть и речи о разрыве единства веры, если, конечно, они сохраняют решение верить всему, чему учит Церковь, и не отвергают **подлинного** учения Католической Церкви. Все догматы, определённые на древних вселенских соборах; входят в состав католического вероучения, а позднейшие антикатолические лжеучения или точнее отрицания (папства, посмертного очищения, исхождения Святого Духа от Отца через Сына и др.) никогда духовно не питали этих христиан и были достоянием одних только антикатолических полемистов.

Ко всем таким христианам, когда они искренне и добросовестно отрицают католичество по незнанию его, католики должны относиться с великим уважением и братской любовью, как к сонаследникам Христу, нередко более угодным Богу, чем многие

католики; однако, чтобы не способствовать распространению индифферентизма, вероисповедного равнодушия, католикам не дозволено иметь общение в таинствах с теми, кто не присоединился явным образом к Католической Церкви. Сама Церковь всегда относилась с большой благожелательностью к этого рода диссидентам, отвергающим её не по злой воле, а по случайности рождения. Св. Августин говорит, что такие не католики «никоим образом не должны быть причислены к еретикам» (Письмо 43). Того же мнения придерживаются и другие отцы. Они верят в возможность благодатного спасения даже честных язычников; тем более не может быть сомнения насчёт их подлинного мнения относительно спасения добросовестных христиан, не по вине своей пребывающих вне видимого единения с Церковью.

Кроме вопроса: кто в данный момент принадлежит к Церкви? — на практике важен вопрос: кто будет членом Церкви? кто перестанет впоследствии быть таковым? Другими словами, кроме статической, есть ещё динамическая постановка вопроса. Фактически никто в этом отношении не стоит на „мёртвой точке“: 1) он или движется по направлению к осуществлению своей подлинной принадлежности к Церкви (если он внешне считается инославным, или даже иноверным, и всё же руководится церковными началами) или к возможно лучшему осуществлению своего преимущества быть полноправным членом Церкви; он восходит, его динамизм центро-стремителен, направлен к совершенству единения с Христом Главою; 2) или же, он „опускается“, удаляется от Христа-Центра, становится всё меньше и меньше близким Церкви, при внешнем ещё пребывании в ней или нахождении вне видимой ограды её; его идейный динамизм — центробежен. Перед нами открывается как бы беспредельная лестница, по которой одни восходят к совершенству церковности, другие же, наоборот, отдаляются от него. Этот динамический аспект принадлежности к Церкви очень важен; но важнее всего быть **на верном пути** к утверждению на всю вечность в состоянии святости, любви и полноты церковности. Из этого, конечно, вовсе не следует, что статическая принадлежность к истинной Церкви — дело не имеющее большого значения; наоборот, для не католика, спасительный динамизм, восхождение к святости, невозможен без устремлённости к тому, чтобы всесторонне принадлежать к Церкви: единение всех в единственной Церкви есть воля Христова, без исполнения которой нет

спасительного динамизма. Точно так же и по той же причине, для католика, внутреннее совершенствование невозможно без упрочения его связи с Церковью. Из всего сказанного вытекает заключение: прежде всего мы должны стараться приводить инославных к возможно большей добросовестности в отношении к церковному вопросу и к желанию беспрестанно приближаться ко Христу. Только те христиане, которые всецело отдались Христу, смогут понять и полюбить Его единственную истинную Церковь.

III

Разберём главные возражения. Это послужит выяснению точного смысла догмата необходимости Церкви для спасения.

1) Если можно достигнуть спасения в разных вероисповеданиях, то принадлежность к единой видимой иерархической Церкви не существенна, не нужна для жизни вечной.

Ответ. — Вовсе нет. Некатолик никогда не достигает спасения через своё вероисповедание, поскольку оно противоречит католической истине, а только **через истинную Христову богочеловеческую Церковь** и то, что от неё осталось в отделившейся общине. Он спасается лишь тогда, когда его уклонение от подлинной Церкви не может быть вменено ему в вину, и он имеет желание „соблюдать всё“, что Христос установил относительно Своей Церкви: его субъективное заблуждение на этот счёт не может изменить объективной сущности Церкви, воздвигнутой Спасителем.

2) Если христианин, родившийся и живший вне канонического подчинения истинной Церкви, всё-таки может быть спасён, то, видимо, его спасает невидимая благодать Христова, а не Церковь.

Ответ. — Спасение всегда и во всяком человеке совершается благодатью Христовою. Но благодать, по воле Спасителя, относится к видимому организму Церкви, как душа к телу; она изливается на человечество только **через Церковь**. Благодать и земная Церковь не два отдельные создания Христа, а две стороны одного и того же единственного, живого церковного состава. Только Своей, истинной Церкви Христос поручил сообщать благодать людям. Церковь спасает своих верных чад и изливает на них благодать таинствами, поучениями, каноническими мероприятиями; пребывающим же далеко от неё

она посылает благодать молитвами, подвигами своих праведников, приношением Евхаристической Жертвы, всей своей богочеловеческою жизнью. Из того, что многие получают спасение **невидимым образом**, ещё не следует, что их не спасает единственная истинная **Церковь** Христова. Поясним это на примере. В темнице томится осуждённый. Влиятельный и милосердный сановник, узнав о чистосердечном раскаянии заключённого, в частном, никому неизвестном разговоре с монархом добивается освобождения осуждённого. Этот последний приписывает своё помилование хлопотам своей семьи и продолжает считать великодушного сановника своим врагом. Когда Церковь спасает инославных, её можно уподобить этому сановнику.

3) Неужели в некаатолических христианских вероисповеданиях всё от дьявола? Неужели все их благочестивые обычаи, набожные обряды и таинства не могут содействовать спасению людей?

Ответ. — В инославных вероисповеданиях следует различать:

а) актуально или потенциально **общее** у них с Церковью Христовой и б) **противоречащее** Церкви и осуждённое ею. Первое вовсе не от дьявола, но от Бога и Церкви. Таинства, поскольку они сохранились в какой-либо отколовшейся церкви или секте, суть таинства подлинной Церкви, а не этой церкви или секты; крещение, например, есть вступление в единую истинную Церковь, в каких бы заблуждениях ребёнок не воспитывался. Всё, что в независимых от Рима церквях есть благочестивого, нравственного, евангельского, всё это церковного происхождения. Это — часть наследства, унесённая из отчего дома. Это — обломки Евангелия и Предания. Для инославного, заблуждающегося без личной вины, эти „обломки” могут служить к спасению. Совсем другое дело те элементы какого-либо вероисповедания, которые **противоречат** догматам Церкви Христовой. Тут уже искажение правды Христовой, хаос, разложение, болезнь духовная. Всё, чем какая-нибудь религия отличается от единой истинной, всегда сводится к **отрицанию** тех или иных элементов богочеловеческого состава и учения Церкви: отрицанию единства иерархии, отрицанию литургии, отрицанию непорочности всей жизни Богородицы (непорочное зачатие), отрицанию чистилища, отрицанию нерасторжимости таинства брака и т. д. Все такие отрицания — от лукавого, который, по существу своему, есть „отрицатель Бога”, или от человеческой ограниченности. Всё положительное — от Бога, всё „отрицающее” — от духа гордости и непослушания. Вне Церкви во всякой религии есть доля божественной правды и доля заблуждения.

4) Да разве есть какая-либо церковь, в которой не было бы ничего греховного, „сатанинского“?

Ответ. — Все люди грешны. Человек по природе своей свободен, может следовать голосу совести или нет. И в неволе подлинной Церкви попадается и доброе и худое. Некоторые служители Церкви гораздо ближе к гибели духовной, чем последователи секты. Всё это предусмотрено Спасителем, как видно, между прочим, из установления таинства покаяния. Но человеческая немощь — одно, а сущность Церкви — другое. **Греховное в Церкви не от Церкви**, а как раз наоборот — от непослушания ей; это что-то наносное, чуждое и враждебное ей. Инославие иногда допускает это отрицательное. даже в свою сущность, в свои **принципы**, Церковь же этого не делает. Везде встречаются люди, готовые попать Христову заповедь нерасторжимости таинства брака, но разница между Церковью и отпавшими вероисповеданиями в том, что истинная Церковь никогда не одобряет этого греха, никогда не благословляет брака с разведённой, между тем как иные Церкви примирились с нарушением заповеди о браке.

5) Церкви сказано: всё, что разрешите на земле, будет разрешено на небе. Почему же тогда Церковь, из миролюбия, не признаёт за другими вероисповеданиями духовной способности сообщать спасение всем верующим во Христа?

Ответ. — Церковь может „всё разрешать“, но лишь **в пределах установленных Иисусом Христом**; она может пояснять Божии законы, раскрывать истины Откровения, отпускать грехи кающимся и т. п. Но она не уполномочена делать постановления, **противоречащие** природному Божественному закону или воле Христовой. Между тем, по воле Спасителя, может быть только одна Церковь — *создаи церковь Мою* (Мф. 16, 18), а не „Мои церкви“. К тому же Бог не может вести людей к спасению и лицемерию Истины — через заблуждение. Заметим, наконец, что приравнивание к истинной Церкви какого-либо другого вероисповедания, хотя бы даже сохранившего многие элементы истинной Церкви, неизбежно ведёт к отождествлению веры с полным безверием; по этой наклонной плоскости многие секты дошли до отрицания божественности Иисуса Христа, т. е. до коренного отвержения христианства; если допустить, что 99 равно 100, то на том же основании следует признать, что 98 равно 99, ... и 100 равно 0. Миролюбие, основанное на сделках совести с заблуждением, не есть миролюбие Христово.

6) Христос сказал: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там*

и Я посреди их (Мф. 18, 20). Значит, Церковь не нужна для спасения, достаточно и без Церкви собраться во имя Христово.

Ответ. — Спаситель не может **противоречить** Себе Самому. Поэтому, смысл этих слов может быть только такой: Христос пребывает с теми, кто собраны во имя Его, т. е. во имя Его учения и Его заповедей, кто „соблюдает всё” установленное Им (Мф. 28, 20), кто с евангельским смирением слушается Его иерархии (Лк. 10, 16).

7) *Кто будет верить и креститься, спасён будет* (Мк. 16, 16). Итак, для спасения достаточно верить во Христа и креститься, хотя бы в протестантской секте.

Ответ. — Как видно из связи речи и из параллельного текста у Евангел. Матфея, вера, обеспечивающая спасение, не есть какая-то отвлечённая „сверхконфессиональная” мёртвая вера, а вера во всё, что Христос учил и заповедал, вера живая, проявляющаяся в делах (*вера без дел мертва*—Яков 2, 26) и в любви, осуществляемой исполнением всех заповедей Христовых, в том числе и тех, которые касаются послушания Церкви. *Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди* (Ио. 14, 15).

8) Христианские вероисповедания, вместо того, чтобы спорить между собою, должны составить „единый фронт” против безверия. А это достижимо только при „равноправии” этих вероисповеданий.

Ответ. — **Лучший способ вести борьбу с безверием — это исполнять волю Спасителя** в отстаивании единства Церкви и её исключительного призвания, как и во всём остальном. Врата ада серьёзно бояться только истинной Церкви, а остальных вероисповеданий лишь постольку, поскольку они сохранили кое-что от неё или поскольку они склонны подчиниться ей. „Единый фронт”, основанный на „равноправии” и индифферентизме, полезен и желателен только безверию. Впрочем, Церковь не осуждает сотрудничества с инославными и с иноверцами, когда оно не затемняет истины и не ведёт к догматическому равнодушию.

Глава четвёртая

ВИДИМОСТЬ ЦЕРКВИ

Видимость, или „познаваемость” Церкви извне, имеет своим **непосредственным** предметом человеческую сторону мистического Тела Христова, т. е. Церковь, как совершенное общество людей. Видима **сама Церковь** в своём понятном для всех единстве, а не только её проявления, не только таинства, обряды, сношения между иерархами, не только члены Церкви, не только поместные церкви, в отдельности или в совокупности.

Как в человеке, для окружающих, видимо его тело и невидима его душа, так и в Церкви видимо её богоданное человеческое собирательное строение, но невидима „душа” её, благодатная божественная жизнь, о наличии которой посторонние могут иметь только смутное представление.

Видимости Церкви не признавали донатисты, гусситы и другие; большинство протестантов и теперь её не признаёт; по мнению сектантов, Церковь есть чисто духовное объединение святых и потому она непостижима для других, видима только для самой себя и своих членов. Модернисты признают видимость Церкви, но видимую „эмпирическую” Церковь они не считают необходимой для спасения; они противопоставляют ей субъективную „религию”, невидимое „религиозное чувство”. Мы же, следуя Св. Писанию и Преданию, утверждаем видимость неизменной и спасающей Церкви, со стороны её общинного строя, хотя и человеческого, но установленного Спасителем, и потому существенного для неё и неотъемлемого.

Видимость есть свойство Церкви, вытекающее из её назначения — призывать людей к спасению и вести их по пути к святости.

Обращаясь к свободным, духовно-телесным существам, находящимся вполне или отчасти вне её, Церковь должна быть **познаваемой извне**, способом соответствующим их природе, не только духовной, но и телесной. Неисчерпаемая любовь Господа нашего к людям побудила Его создать Церковь такой, чтобы она могла „бросаться в глаза”.

Слово воплотилось в видимую человеческую природу. Церковь видима потому, что Глава её „явился” на земле. Видимость Церкви есть продолжение видимости Иисуса Христа. **Орицать видимость соборного Тела Христова значит не верить в догмат главенства Христа в Святой Церкви.** Христос был видим для людей в Своём совершенном человеческом Телё; поэтому, и Церковь видима для всех людей, видима во всех существенных элементах совершенного человеческого общества; она видима, как одно живое целое.

Уже **ветхозаветные пророчества** определённо намекали на поразительную видимость грядущего соборного Тела Христова. У Исаии (2, 2-3) мы читаем: *Гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню;... ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима.* Предсказание касается духовного Сиона и духовного Иерусалима — Церкви. Она будет как одна гора, в противоположность всем религиозным обществам чисто человеческого происхождения, которые уподобляются беспорядочной толпе гор и холмов. Это исключительное, в высшей степени наглядное, извне и издали для всех **видимое**, единство Церкви будет служить для всех отличительным признаком, по которому люди изо всех народов, лишённые ещё освящения благодатью Христовой, легко смогут отыскать истинную религию и истинную Церковь; Церковь же даст им возможность „взойти” до совершенства внутренней святости. У другого пророка мы находим то же предсказание: *Так говорит Господь Бог: и возьму Я с вершины высокого кедра и посажу; с верхних побегов его оторву нежную отрасль и посажу на высокой и величественной горе... И пустит ветви, и принесёт плод, и сделается величественным кедром, и будут обитать под ним всякие птицы, всякие пернатые будут обитать в тени ветвей его* (Иезек. 17, 22-23). Единый кедр — земная Церковь — будет в высшей степени видим для всех и общедоступен;

он будет расти на высокой горе, так чтобы „всякие птицы” могли его отовсюду замечать и слетаться к нему.

Но обратимся к свидетельствам из **Нового Завета**.

Иисус Христос основал Свою Церковь, собирая Своих последователей в **одно** „стадо”, в одно общество, и постепенно устанавливая видимую связь, существенную для всякого общества, тем более общества совершенного, — единое постоянное вполне авторитетное „высшее управление” и иерархию. Об установлении иерархии мы пространно говорим в другом месте. Здесь достаточно указать на то, что всякое иерархическое человеческое общество, без особенного чуда со стороны Божьего всемогущества, или без особенного тайного заговора, не может не быть видимым; между тем, нигде в Св. Писании или в Предании не упоминается о таком чуде или заговоре.

По воле Христовой, Церковь, как определённое и особое организованное человеческое общество, должна быть настолько видимой, чтобы каждый мог **обращаться к ней за разрешением сомнений и за судом**: это будет немислимо, если предположить, что Церковь невидима. *Если согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи... Если же не послушает, возьми с собою ещё одного или двух... Если же не послушает их, скажи Церкви: а если и Церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь. Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе...* (Мф. 18, 15-18).

Царство Христово на земле подвергнуто **гонениям**; и это предполагает видимость Церкви, ибо гонители лишены света Христова, и потому могут опознавать Церковь только со стороны её внешней, земной видимости. Внутренняя, благодатная связь членов Церкви с Главою незаметна и неизвестна врагам Христовым, видимо для них только обнаруживающееся во вне человеческое единение с Христом. Если бы Церковь не была обществом видимым, и потому подверженным нападкам и нуждам мира сего, Христовы слова: *врата ада не одолеют её* (Мф. 16) — не имели бы смысла.

Евангельские **сравнения и притчи**, относящиеся к царству Божию на земле, также предполагают видимость иерархической Церкви. *Вы* — апостольская иерархия, с которой Христос пребудет до конца света, — *свет мира...; зажёгши свечу, не ставят её под сосудом* (Мф. 5, 14-15). *Вы* — один и единственный

свет, которому предстоит просвещать все народы. Единая иерархия — видимое орудие, посредством которого светит Христос, *Свет истинный, Котый просвещает всякого человека, приходящего в мир* (Ио. 1, 9). Как свет Отца стал видимым в воплотившемся Слове, так, после Вознесения Христова, свет Спасителя стал видим в Его иерархии. Церковь не может скрыться от людских взоров: *Не может укрыться город стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14), т. е. Церковь построенная на скале. Все метафоры и названия, которыми в Св. Писании обозначается Церковь, говорят в пользу видимости самого единства иерархической Церкви: город, дом, царство, стадо, тело, дерево.

Само слово „церковь” есть перевод греческого слова „эκκλησία” (по-евр. — кагал), которое, в каком бы смысле оно ни употреблялось (в смысле ли народного собрания, как у древних греков, или в смысле прихода, поместной или вселенской Церкви, как у первых христиан), во всяком случае всегда обозначало видимое „собрание” или общество людей.

Вся икономия спасения осуществляется благодаря **Откровению**, „раскрытию”, благодаря тому, что *из невидимого произошло видимое* (Евр. 11, 3). Всему в христианстве присущ характер Богоявления.

Из Деяний Апостолов явствует, что уже в первые дни после Вознесения Христова Церковь была видимым обществом. Организация, иерархическое строение Церкви было ещё, правда, в зародыше; нельзя же ожидать наличия крепкого ствола в зерне горчичном! Да и Сам Глава Церкви, когда был ещё новорождённым младенцем, не имел внешности взрослого человека. И, подобно Младенцу-Христу, новорождённая Церковь вмещала в существе своём всю природу человеческого видимого, „эмпирического”, объединения. Вскоре после Вознесения ученики Христовы уже представляли такое постоянное объединение, к которому видимым образом „сопричислялись” новые члены, и которое устраивало ежедневные собрания. Члены этого общества ощутимым образом спасались *от рода сего развращённого* (2, 40), смиренно подчинялись *Петру и прочим Апостолам* (2, 37). Верующие постоянно пребывали не только *в учении Апостолов*, но и *в видимом общении* (42). Это общение было настолько сплочённым, что *все верующие были вместе, и имели всё общее* (44), и этим общим имуществом заведывали апостолы, строго наказывавшие

виновных (напр., в деле Анании и Сапфиры, гл. 5). *Из посторонние же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их* (5, 13). Всё это было бы немислимо, если бы Церковь была „чисто духовной“. Пастырское служение „одиннадцати“, с Петром во главе, существовало раньше излияния харизм Духа Святого на верующих; на место предателя Иуды ещё до Пятидесятницы был избран Матфий. С самого начала верующие слушались учащей Церкви, иерархии; народ *охотно принимал слово Петра* (2, 41), „*вождя в блаженном лике*“, по выражению Златоуста; верующие *постоянно пребывали в учении Апостолов* (42), а не наоборот. Апостолы открыто *учили* (5, 21), вполне сознавая, что учительская власть дана им свыше (1, 2). Они установили сан „*диаконов*“, им подчинённых. Освящающие дары Духа Святого сообщались верующим через видимую иерархию, через апостолов (8, 17-19).

Христос „поставил“ видимую апостольскую иерархию. *дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, ... но истинною любовью всё возвращали в Того, Который есть Глава, Христос* (Ефес. 4, 14-15): **без подчинения видимой учащей Церкви, верующие не могут возрастать в подлинной любви, догмат главенства Христа не находит в их жизни своего полного осуществления.**

Видимая учащая Церковь, таким образом, необходима для чад Церкви. Она необходима и для того, чтобы привлекать к Церкви **посторонних**: *Всякий, кто призовет имя Господне, спасётся. Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слышали? как слышать без проповедующего? и как проповедовать, если не будут посланы? ... Вера от слышания...* (Рим. 10, 13-17). Горькая участь ожидает тех, кто не верует видимой иерархической Церкви: *отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда* (Мф. 10, 15).

Гонимая и унижаемая, Церковь Христова видима для всех: *мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков* (1 Кор. 4, 9).

Отцы Церкви знали только одну, видимую и иерархическую, Церковь; никогда они ей не противопоставляли какой-то „более совершенной“, невидимой Церкви; наоборот, они всегда боролись с последователями „чисто духовных“ сект, с апо-

столами непослушания. Толкуя вышеприведённые тексты из Св. Писания, они горячо отстаивали видимость Таинственного Тела Христова. В этом отношении, из западных отцов особенно известны Ириней, Киприан и Августин, из восточных — Афанасий, Григорий Богослов, Кирилл Иерус. и Златоуст.

Ответим вкратце на обычные возражения протестантов.

1) *Не придёт Царствие Божие приметным образом; и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 20-21). Значит, Церковь невидима и не имеет видимого объединяющего центра.

Ответ. — Как видно из предшествующих слов 20-го стиха (*Был же спрошен фарисеями, когда,...* отвечал им: *не придёт...*), Иисус Христос отрицал не видимость Церкви, а желательное фарисеям и ожидаемое ими политическое царство, могущественное с точки зрения „мира сего“. Царству Христову чужд блеск и крикливая реклама митинговой религиозности, преследующей земные цели — политические, шовинистические, экономические и т. п. Ни об одной национальной («вот здесь, вот там») религии или секте нельзя сказать, что в ней находится Царствие Божие. Когда, обращаясь к фарисеям, Спаситель говорил: *Царствие Божие внутри* (по более точному переводу — среди) *вас*, Он не имел в виду невидимости Церкви, ибо при таком предположении выходит, что Церковь — в душах фарисеев! Как из всего рассказа видно, Христос хотел сказать: в тех же городах и селениях, где вы живёте, среди вас, в вашем же народе, без шума теперь уже созревает независимое от синагоги религиозное общество учеников Христовых.

2) *Наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине* (Ио. 4, 21-24).

Ответ. — Опять-таки надо считаться с обстановкой, в которой данные слова были сказаны. Отвечая самарянке, намекавшей на рознь иудеев с самарянами, Иисус Христос осуждал узко-шовинистическое связывание религии с родиной. Поклонение Богу должно происходить не из земных соображений, а из сверхприродных убеждений, внушённых благодатью Духа Святого; не из привязанности к родной горе, а из любви к истине, к истинной вселенской Церкви. Видимость Церкви этим, конечно, не отрицается.

3) По учению Ап. Павла, в христианстве процветает свобода, нет

никаких законов, а потому нет и видимой организации в Церкви или, по крайней мере, эта организация не существенна.

Ответ.— Апостол отрицал оправдание через исполнение бытового **еврейского законодательства** или через **неискреннее, рабское, фарисейское соблюдение** какого бы то ни было закона. Но нельзя выводить отсюда, что Апостол будто бы отвергал **всякий** закон и его соблюдение. Ведь тот же Ап. Павел поучал, что *исполнители закона оправданы будут* (Рим. 2, 13), что *преступлением закона бесчестишь Бога* (2, 23), что закон *нерасторжимости брака должен быть свято соблюдаем, ибо закон имеет власть над человеком пока он жив* (7, 1), что *любовь есть исполнение закона* (13, 10). Сам Апостол Павел устанавливал церковные законы, напр., для коринфян. Из Деяний Ап. видно, что апостолы считали одной из своих главных обязанностей устанавливать общеобязательные каноны. Сам Спаситель дал нам пример святого исполнения законов, исходящих от Бога или Его заместителей на земле. Мы уже знакомы со свидетельствами свв. отцов по этому вопросу.

4) Церковь есть Дух Святой, а Дух Святой неосязаем.

Ответ.— В Церкви пребывает Дух Святой, но нельзя отождествлять земной Церкви Христовой с третьим Лицом Пресвятой Троицы, ибо тогда слова Христовы: *Я создам Церковь Мою* (Мф. 16) заключали бы в себе величайшую ересь: выходило бы, что Дух Святой есть тварь, Христово создание, когда-то не существовавшее.

5) Для спасения невидимая Церковь важнее видимой.

Ответ.— Христос основал не две Церкви — одну видимую, другую невидимую, — а одну только Церковь, необходимую для спасения, богочеловеческую, невидимую со стороны освящающей благодати, видимую со стороны иерархического домостроительства. И та, и другая сторона Церкви имеет своим основанием Воплощение и Искупление и, потому, существенна.

6) *Ещё, подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое нашедши...* (Мф. 13, 44).

Ответ.— Церковь сама по себе видима, как видимо по природе своей то сокровище, о котором говорится в притче. Но истинную Церковь надо **усердно и добросовестно искать**. Такова святая обязанность всех находящихся целиком или отчасти вне Церкви; на самих же чадах её лежит обязанность стремиться к возможно более совершенному **познанию** её. Для людей чувственных, гордых, безразличных к тому, где находится истинная Церковь, эта последняя непонятна,

---

непостижима: *они видя не видят* (там же, ст. 13). Сам Христос, хотя в силу Воплощения был безусловно видим, но для фарисеев был скрытым и не найденным сокровищем.

Положение „Церковь видима” не есть провозглашённый догмат, но является всё-таки общепринятым учением Католической Церкви.

Глава пятая

ПОСТОЯНСТВО И НЕИЗМЕННОСТЬ ЦЕРКВИ

Неизменность Церкви так или иначе отрицают, следуя примеру древних сектантов-монтанистов: протестанты, социниане, иллюминисты (квакеры, мормоны и др.), последователи Деллингера и теперь в особенности модернисты.

Так как одна и единственная Церковь Христова должна вести к спасению людей всех времён „до скончания века”, то она должна быть постоянной. Но в Св. Писании имеются и прямые указания на это существенное свойство Церкви. Из этих данных становится очевидным, что Церковь будет не только непрерывно существовать до конца мира, но и будет всегда пребывать неизменной в своём духе и в существенных чертах своего богоустановленного строения. Церковь неизменна в своей **богочеловеческой сущности** на всём протяжении своего **существования**.

„Неизменность Церкви” есть бесспорная догматическая истина, ясно выраженная в Св. Писании.

Уже ветхозаветные пророчества о Церкви определённо указывают на неизменность грядущего Царствия Божия на земле. Как мы выше видели, Исаия (2, 2) сравнивает будущую земную Церковь Христову с величавой горой; но гора есть символ постоянства, непоколебимости, устойчивости, долговечного существования. У Пророка Иеремии (32, 40) упоминается Божие обещание вечно пребывать с Церковью и не отвращаться от неё: *Я соберу их из всех стран... И заключу с ними вечный завет, по которому Я не отвращусь от них*; но там, где пребывает Бог, нет разложения или перемен. Незыблемость будущей Церкви ясно предсказал Пророк Даниил: *Бог Небесный воздвигнет царство, которое во-веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и*

разрушит все царства (т. е. будет существовать и после того, как земные царства исчезнут в силу хода исторических событий), *а само будет стоять вечно* (Дан. 2, 44).

Притчи Господни явно намекают на непрерывное существование одной и той же видимой Церкви до Страшного суда. Церковь уподобляется полю, на котором посеяны пшеница и плевелы. И пшеница, и плевелы непрерывно растут и развиваются на одном и том же поле до „кончины века”; тогда *пойдёт Сын человеческий ангелов Своих, и соберут из царства Его все соблазны и делающих беззаконие... Тогда праведники воссияют, как солнце, в царстве Отца их* (Мф. 13, 41-43). *Ещё подобно царство небесное неводу... захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег, и, севши, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века...* (там же, 47-49). Эти притчи были бы неуместны при предположении, что Христова Церковь на земле может подвергаться существенным изменениям: между временем, когда хлеб созреет, и самой жатвой нет места для каких-то промежуточных эпох или состояний.

Иисус Христос недвусмысленно **предсказал и обещал** постоянную неизменность Своей Церкви. *Дана Мне всякая власть на небе и на земле; итак, идите, научите все народы, крестя их...уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь* (Мф. 28, 18-20). Стоит вдуматься в эти торжественные слова Спасителя, которыми евангелист Матфей заканчивает своё благовествование. Всемогущая помощь Богочеловека будет непрерывно пребывать до скончания века с иерархией. Помощь эта даётся учащей Церкви **безусловно**, не в зависимости от каких бы то ни было исторических условий, и не как награда, а ради спасения людей, т. е. ради цели, с которой Господь основал Свою Церковь. Через Свою единую иерархию, Спаситель будет во все дни неизменно учить и освящать членов Своего соборного Тела. «Я с вами», посему — *слушающий вас Меня слушает* (Лк. 10, 16). Церковь всегда пребудет неизменной, как и Глава её, Христос.

Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек...; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает, и в вас будет. Не оставляю вас сиротами... (Ио. 14, 16-18). Дух Отца и

Сына будет непрерывно и „вовек” пребывать с истинной Церковью Христовой, и потому она никогда не исчезнет и никогда не распадётся на части. Там, где пребывает Дух Святой, — нет разложения.

На сём камне (Петре) Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её (Мф. 16, 18): „Врата ада” — все, кто ненавидит Христа — всегда и везде стремятся больше всего к тому, чтобы разрушить дело Христово, Церковь. Ад может одерживать победы над христианами, он может вредить Церкви, отрывая от неё отдельных её чад, способствуя образованию враждебных ей сект, возбуждая в людях гордость, самомнение и дух непослушания. Но самого видимого и невидимого, — богочеловеческого — создания Христова, подлинной Церкви Господа нашего Иисуса Христа, он никогда не преодолет, не убьёт; он никогда не изменит сущности Церкви.

„Служение оправдания” **Апостол Павел** называет „пробывающим” в отличие от Моисеева закона, который он считает „преходящим”: *ибо если преходящее славно, тем более славно пребывающее* (2 Кор. 3, 11). Тот же апостол уподобляет единение подлинной Церкви с Христом брачному союзу; но таинство брака, по учению Ап. Павла, как и по заветам Иисуса Христа, нерасторжимо (1 Кор. 7, 10); а разве может подвергнуться существенным изменениям, порче или распаду то, что нерасторжимо соединено с Христом, Богом, не знающим никаких перемен?

В главе 10 послания к Евреям, Апостол различает три эпохи или ступени: 1) ветхозаветный Закон, *тень будущих благ*, 2) царство Христа, *Который отменяет первое, чтобы поставить второе*, и 3) обещанное небо, *великое воздаяние*. Между раз основанной Церковью Христовой на земле и царством Христовым в потусторонней жизни нет места для какой-то новой земной церкви; если бы предстояли в будущем, или были только возможны, перемены в икономии спасения, Апостол, сравнивая разные эпохи этой икономии, не преминул бы упомянуть, хоть вскользь, о грядущих или возможных переменах в „эмпирической” Церкви; а между тем, он этого не делает. Наоборот, *мы приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать...* (Евр. 12, 23).

Оттого Господь и апостолы предостерегают верующих и увещывают их не слушаться религиозных революционеров и проповедников

соблазнительных учений. *Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем Моим...* (Мф. 24, 4). Действительно, по сей день многие сектанты прельщают верующих „чистым Евангелием“, „обновлённой церковью” и т. п. Апостол строго осуждал всех проповедников непослушания Церкви: *Если бы даже... Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествуем вам, да будет анафема* (Галат. 1, 8-9). Апостол сравнивает со змеем, совратившим Еву, всякого, кто бы начал проповедывать другого Иисуса... или иного Духа... или иное благовестие, которого не принимали... (2 Кор. 11, 3-4). *О Тимофей! храни преданное тебе, отвращаясь неудобного пустословия и прекословий лжеименного знания* (1 Тим. 6, 20).

Сказанное подтверждается девятнадцативековой историей Церкви. „Врата ада” никогда не прекращали ожесточённой борьбы с Церковью. А между тем Церковь не погибла, не изменилась в своей сущности. Если бы Церковь была только невидимой, чисто духовной, в этом не было бы ничего удивительного, ибо невидимые ценности не подвержены прямому разлагающему воздействию порочных людских страстей и адских сил; сколько ложных религий, состоящих из одного лишь учения, но лишённых собственного общественного организма, продержалось в течение тысячелетий! **Для Церкви Христовой показательно именно то, что устойчивым и неизменным оказался не только её дух, но и её видимый общественный строй, её „тело”,** одним словом, её богоустановленная человеческая природа; именно эта сторона Церкви является главным предметом нападков ада. Против Церкви выступали и выступают всемирные коалиции злейших врагов Христовых, а между тем ни одной из них никогда не удалось изменить природы богочеловеческого устройства Церкви. Помощь, оказываемая Церкви Божественным Провидением, бросается в глаза. Отсюда можно заключить, что и впредь Провидение будет защищать Церковь и не допустит никакого искажения её подлинного облика. *Если это предприятие и это дело от человеков, то оно разрушится. А если от Бога, то вы не можете разрушить его* (Деяния 5, 38-39).

Божественный, сверхприродный характер незыблемости церковного организма сказался и в том, что Церковь не перестала быть сама собой, несмотря на **человеческие немощи**, тяжкие

ошибки или даже преступления стольких её чад, пастырей и архипастырей. Поистине „предприятие это не от человеков”.

Все отцы Церкви отмечают благодатную устойчивость, неизменность и непоколебимость подлинной Церкви Христовой.

Св. Афанасий, толкуя стих 38 псалма 88: *И престол Его яко солнце предо Мною*, пишет: «Под престолом Христовым разумеи Церковь, потому что в ней упокоевается Христос. Посему, Церковь Христова будет озарять и просвещать поднебесную, всегда пребывая, подобно солнцу и луне».¹ По учению св. Игнатия Богоносца, органическая неизменность Церкви обеспечена ей Богом: «Господь для того принял благовонное миро на главу Свою, чтобы дать Церкви нетление».² Многие отцы Церкви, поясняя 16 главу Евангелия от Матфея, понимают слова: *И врата ада не одолеют её*, в смысле незыблемости безошибочного учительства Церкви. Св. Амвросий решительно утверждает: «Легче потушить солнце, чем разрушить Церковь».³

Могут возразить: как некогда Моисеев Закон устарел и уступил место Новому Завету, так и Церковь, с течением времени, может сделаться непригодной и должна будет исчезнуть при наступлении более совершенного, чисто духовного „домостроительства”. Так, действительно, говорят и учат многие сектанты. Это возражение свидетельствует только о полном незнании как Ветхого, так и Нового Завета. Ветхий Завет, как видно в особенности из книг пророков, сам свидетельствует, что по существу своему он был только подготовительной иконономией, вступительной стадией по отношению к Царству Христову на земле. Эта черта, столь показательная для Моисеева Закона, чужда Новому Завету. Новый Завет отличается своею вселенской и исчерпывающей законченностью, он весь устремлён только к Царству Христову на небесах. Грешно предполагать, что дело Христово нуждается в поправках или что Христу было не по силам сразу основать свою незыблемую Церковь. Церковь „чисто духовная”, „свободная от юридических элементов”, вовсе не „более совершенна”, чем подлинная Христова Церковь, иерархическая и богочеловеческая: она не соответствует ни Воплощению, которое она вынуждена отрицать, ни духовно-телесной природе людей, ради спа-

1. Творения св. Афанасия Вел., Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903, ч. 4, стр. 295.

2. Послание к Ефеслянам, Послания св. Игнатия Бог., Казань, 1857, стр. 64.

3. Толк. на ис. 40, ст. 30.

сения которых Церковь существует, ни словам и всей жизни Спасителя, Который даже благодать Свою сообщает через осязаемые, материальные обряды — таинства. Иисус Христос определённо и **безусловно** обещал пребывать до скончания века с собранной Им видимой общиной учеников; и кощунством было бы предполагать, что Христос-Бог может не сдержать Своего слова. Иерархическая Церковь могла бы отпасть от Христа и разложиться, если бы её верность Христу проистекала от неё самой; но как раз это предположение ложно, ибо Сам Христос-Глава непрерывно сообщает Церкви обещанный ей великий дар — быть верной Ему.

Некоторые протестанты возражают ещё: организация Церкви в одно человеческое общество, необходимая в первую эпоху христианства, чтобы обеспечить распространение веры, теперь излишня, ибо Евангелие в наши дни всем известно. И на это возражение ответить не трудно. Церковь с самого начала воплотилась в форму совершенного человеческого общества, ибо Глава её Христос воплотился в человеческое тело; подобно Главе своему, она будет пребывать всегда воплощённой, всегда будет, и притом по существу своему, — организованной общиной верующих. **Икономия Воплощения неизменна, как неизменна человеческая природа, спасённая через Воплощение.**

Итак, богочеловеческое домостроительство Церкви Христовой на земле пребудет всегда неизменным потому, что: 1) неизменен Христос, Глава Своего Таинственного Тела; 2) неизменны, безошибочны и независимы от людских немощей обещания и предсказания Спасителя, касающиеся незыблемости Церкви; 3) человеческая природа, определяющая воплощение Церкви, создана Богом неизменной.

Из сказанного следует:

1) Церковь не распалась на католичество, православие и протестантизм. Верить в такое распадение — просто богохульство. Если Церковь рассыпалась на части, то это значило бы, что Христос ошибся в Своих предсказаниях, не исполнил Своего обещания, что Он — не Бог, а всё христианство — один сплошной обман. Церковь не расплылась и не перевоплотилась в какое-то новое религиозное образование, а от одной неизменной истинной Церкви отпали или отошли крупные христианские общины. Разные христианские вероисповедания отнюдь не „ветви” одной Христовой

Церкви, как ошибочно утверждают англиканские протестанты; одно вероисповедание есть истинная Церковь, первоначальный и здоровый ствол, другие же вероисповедания — отколовшиеся большие ветви, сохранившие лишь более или менее значительную долю истины.

2) По той же причине, не следует говорить и о „соединении церквей”, а только о **воссоединении** заблуждающихся христиан с истиной неизменной Церковью. Поступать иначе значило бы проявлять ложную любовь к инославным и способствовать углублению заблуждений. Оттого католики, непоколебимо убеждённые в истинности Церкви, основанной Спасителем на Камне, не принимают участия в протестантских „всехристианских” съездах.

3) Церковь не есть какой-то клад, зарытый **навсегда**, и не безжизненная формула. Она — живой организм, Спаситель уподобляет её *зерну горчичному, которое взяв человек посадил в саду своём; и выросло, и стало большим деревом* (Лк. 13, 19). Подобно своему Главе, Церковь, со стороны своей человеческой природы, *возрастает и укрепляется духом, исполняясь премудрости* (Лк. 2, 40). Церковь развивалась и продолжает развиваться в богословском понимании неизменных истин Откровения, в органическом развитии всех, столь разнообразных, сторон своего соборного тела, в росте и укреплении иерархии, одним словом, во всех функциях совершенного общества. Поэтому неизменность Церкви состоит тоже в **неизменном развитии** общественно-таинственного тела её, под невидимым воздействием её неизменного жизненного начала, которое есть сущая Жизнь. Церкви, в которых прекратилось раскрытие догматов, т. е. столь интенсивное в эпоху древних вселенских соборов совершенствование восприятия и словесного определения догматов, или в которых это раскрытие преломилось и пошло куда-то в сторону / или в обратном направлении, не могут быть истинной Церковью Христовой.

4) Неправы те модернисты, которые полагают, что „эмпирическая” сторона Церкви может существенно меняться в разные эпохи истории: Иисус Христос обеспечил неизменность и непоколебимость всей Своей богочеловеческой Церкви, а не только её благодатно-духовным элементам.

Глава шестая

САМОБЫТНОСТЬ ЦЕРКВИ

Изучение свойств Церкви, вытекающих из её назначения, приводит нас к более подробному богословскому исследованию её независимости. На земле нет и быть не может цели более возвышенной, или хотя бы только равной той, которую по существу своему преследует Церковь Христова: спасти человечество для жизни вечной. Поэтому Церковь не может быть подчинена, прямо или косвенно, **какой бы то ни было посторонней власти**: государству, союзу государств, „общественному мнению”, международным организациям, одному народу или совокупности народов, классовым или научным учреждениям, и т. п. Этим, конечно, несколько не исключается **нравственная обязанность** духовенства и верующих повиноваться законным гражданским властям во всём, что не противоречит Божиим законам.

Три года подряд Иисус Христос собирал в одно „стадо” Своих учеников и воспитывал Свою иерархию, с которой Он пребудет до скончания века. Между Воскресением Христовым и Сошествием Духа Святого окончательно завершается установление Церкви Спасителем, как особого постоянного богочеловеческого общества.

Христос имел совершенную человеческую природу, совершенное человеческое тело; в Нём Божеская природа не уничтожала, не подавляла и не искажала человеческой, а как раз наоборот — поддерживала, возвышала, совершенствовала и освящала её во всей её целостности. Точно так же, Церковь, „продолжающая” Воплощение Христово, имеет природу совершенного человеческого объединения во всей её полноте: Церковь есть „совершенное общество”, общество самобытное.

„Совершенное общество” можно определить так: **общество**,

имеющее в самом себе всё необходимое для достижения своей цели. Общество, которое является составною частью другого общества (напр., община в государстве), не может быть названо совершенным.

Совершенному обществу присуща независимость. Церковь, никому кроме Бога не подчинённая, по природе своей независима в **безусловном** смысле, в противоположность государству, которое независимо в смысле **относительном**: по вопросам религиозно-нравственного характера, государство должно руководиться наставлениями Церкви, а не наоборот.

Независимость Церкви вытекает, как прямой вывод, из поучений Христа-Главы, и из примера, данного нам Спасителем.

Воплощение Христово совершилось без какого бы то ни было участия или соизволения государственных властей или национальных учреждений.

Христианская вера насаждалась при зарождении Церкви не гражданскими учреждениями и не „сильными мира сего”, а бессильными, с мирской точки зрения, орудиями власти Христовой. *Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых; и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное* (1 Кор. 1, 27). Своей иерархии Иисус Христос передал величайшие и несравненные полномочия, не только ничего не упоминая о согласии государства, но даже предупреждая Своих учеников, что им придётся много претерпеть от посторонних властей за свободное проповедывание слова Божия и независимое от этих властей управление церковными делами. *Пред правителями и царями поставят вас за Меня* (Мк. 13, 9). *И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28). Итак, государственная власть, имеющая право казнить, не уполномочена Спасителем вмешиваться в церковные дела.

Христос *превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени...* (Бог) *всё покорил под ноги Его и поставил Его выше всего, Главою Церкви* (Ефес. 1, 21-22). Если это так, то вся Церковь Святая **превыше всего** и подчинена только Своему Главе и Его закономерным заместителям. Только со Своими заместителями Христос обещал пребывать до окончания века; ничего подобного Он никому другому не обещал.

Иерархии, объединяемой Петром, сказано: *Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле,*

то будет разрешено на небе (Мф. 18, 18). Итак, Христос установил безусловную независимость единой церковной власти.

Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу (Лк. 20, 25). Апостолы, следуя этому завету, проповедывали повиновение гражданской власти *по совести* (Рим. 13, 5) во всём, что касается гражданского преуспевания отечества (*подати платите*, там же 6); и, в то же время, они мужественно защищали независимость церковной власти от гражданской: *Петр же и апостолы сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам* (Деяния 5, 29). Апостолы правили Церковью независимо от Ирода (Деяния 12) и римского императора.

С самого начала Церковь защищала свою независимость, и бесчисленные чада её мученически отдали свою жизнь за её свободу. Именно за это отстаивание своей независимости Церковь постоянно обвиняется своими врагами в уподоблении государству, обмирщении, „папоцезаризме”, властолюбию и враждебном отношении к патриотизму: **истинная Церковь разделяет участь Главы её, Которого ведь тоже обвиняли в измене отечеству и в властолюбии: ... Повели Его к Пилату. И начали обвинять Его, говоря: мы нашли, что Он развращает народ наш, и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царём** (Лк. 23, 1-2).

Свв. отцы наглядно видели, какая опасность угрожает вере от посягательств гражданской власти на свободу иерархии; они бесстрашно выступали в защиту независимости Церкви.

Св. Афанасий, в своём Послании к Монахам, выражался так: «Ежели это — определение епископов, то как это касается до царя?... Слышно ли было что подобное от начала века? Когда суждение Церкви получало свою силу от царя? ... Отцы никогда не требовали совета от царя».¹ Несколько строк дальше, он называет вмешательство гражданской власти в церковные дела «изобретением арианской ереси». Свв. Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин и Феодор Студит в ещё более решительных и резких выражениях протестовали против давления гражданской власти на иерархов при решении канонических вопросов. Тот цезаропапизм, который впоследствии породил отпадение Византии от Рима, они называли „злодейством”, „разбойничеством”, „святотатством”,

1. Творения, изд. Св. Троицкой Серг. Лавры, 1902, ч. II, стр. 148.

„изменной Христу” и т. п. Они претерпели жестокие гонения за свою преданность Вселенской Церкви и своё отвращение к государственно-национальной лжецерковности.

В IV веке св. Иларию писал Констанцию: «Пусть гражданские власти воздерживаются от церковных дел и не осмеливаются вмешиваться в тяжбы среди клира...».

Св. Амвросий писал императору Валентиниану: **«Когда же ты слышал, чтобы в делах веры миряне судили епископа?...** Если мирянин станет учить епископа, что же из этого выйдет?» (Письмо 21). «Не думай, император, что у тебя есть какое-либо императорское право вмешиваться в церковные дела... Императора касаются дворцы (гражданские дела), священника — церкви» (Письмо 20). «Император в Церкви, а не над Церковью... Мы, рабы Христовы, научены не бояться пожаров, меча и ссылок» (Против Авксенция, 35).

Влияние посторонних факторов на ход церковных дел всегда имеет пагубные последствия и для Церкви, и для государства, и для семьи, и для культуры. На Западе вторжение светской власти в область религии привело в средние века к ослаблению авторитета Апостольского Римского Престола. Но скале Петровой обещано, что врата ада не одолеют её; поэтому, из этих временных испытаний папство всегда выходило окрепшим и очищенным. Зато «на периферии» давление мира сего на церковную жизнь приводило не только к временному упадку религиозной жизни, но нередко и к трагическому исходу. Так, в Германии распространился желательный местным князьям протестантизм, в Англии — государственная англиканская „церковь”, управляемая парламентом. На Востоке цезаропапизм постепенно привёл к образованию раскола — враждебной Риму императорской „вселенской” церкви, а затем и к ослаблению Византии. У нас в России зависимость церковной жизни от государства подготовила почву для большевизма.

Каковы должны быть отношения между Церковью и государством?

Церковь не может быть подчинённой гражданской власти, и притом не только вся Церковь, но каждая поместная церковь, и не только в вопросах догматических, но и в области канонической организации.

Но и государство **не прямо, а только косвенно** подчинено Церкви. Объясним на примерах смысл этой формулы. Госу-

дарство не подчинено Церкви „прямо”: Церковь не вмешивается в вопросы о том, должна ли та или иная провинция иметь самоуправление, как должно быть составлено расписание поездов, где следует ввести электрификацию, какие договоры с другими государствами полезны для страны и т. п. Но Церковь может требовать от государства, чтобы оно не допускало, например, богохульства в общественных учреждениях, или расторжения церковных браков, или не мешало родителям в религиозном воспитании детей; это и есть косвенное подчинение. Церковь учит соблюдать божественные законы во всех отношениях между людьми, и государство должно принимать во внимание это учение Церкви: ей одной дано руководить совестью христиан.

Такое отношение между Церковью и государством вытекает из отношения между назначением государства — заботиться о временном, условном благоденствии людей — и назначением Церкви — вести тех же людей к вечному, безусловному благу.

Тем не менее, при всём **разграничении** между сферами Церкви и государства, желательно возможно большее согласие между церковными и государственными властями. Ради этого согласия, Церковь, при заключении „конкордатов” (соглашений) с разными государствами, готова идти на уступки, поскольку они не затрагивают её сущности и не противоречат Божиим законам.

Косвенное подчинение государства Церкви — верный оплот самого же государства и нации. В самом деле, благосостояние гражданского общества покоится на добросовестном исполнении каждым своих обязанностей по отношению к согражданам и к государственным властям. А эта **добросовестность** будет тем большей, чем более граждане будут проникнуты сознанием нравственной обязанности повиноваться Церкви, призывающей к верности отечеству и законным властям. Это сознание, в свою очередь, особенно сильно тогда, когда проповедь любви к отечеству исходит от вселенской Церкви, а не от самого государства, говорящего устами клира. Свободная Церковь гораздо полезнее государству, чем какая-либо иная церковь, в которой пастыри выступают в роли чиновников государства или «народных представителей».

Нечего бояться, что при таком соотношении властей Церковь захватит в свои руки гражданские дела: Церковь понимает, что от «теократии», понимаемой в дурном смысле этого слова, ей был бы только ущерб. Возможны единичные случаи злоупотребления со

стороны отдельных иерархов, но общее стремление Церкви, особенно её вселенских архипастырей, — избегать всего того, что подрывает её авторитет в глазах верующих.

Вселенская Церковь лучше других церквей защищает права семьи, трудящегося народа, женщины и т. д. Ставя пределы правительственному абсолютизму, сопротивляясь всякой тирании и своеволию, защищая права всех, Церковь, тем самым, оказывает неоценимую услугу отдельным народам и всему человечеству.

Правильное отношение между Церковью и государством возможно только при наличии в Церкви видимого, авторитетного, вполне независимого, сверхнационального центра, могущего от имени всей вселенской Церкви вступать в переговоры с гражданской властью.

Перейдём теперь к возражениям.

1) Независимость Церкви от языческой или богоборческой власти естественна и желательна. Но следует ли из этого, что и христианский император, Божий помазанник, не может заведывать церковными делами?

Ответ. — Император — сын Церкви и должен, в силу своего значения, более чем кто-либо иной давать пример сыновнего послушания Христовой иерархии. Помазание миром при короновании он получает, как благословение свыше на **благочестивое правление государством**, и только на это. Независимость Церкви от государства вытекает из того, что Церковь и государство, по воле Провидения, имеют различное непосредственное назначение; хотя они по своей природе и устремлены к целям друг другу не противоречащим, но всё же их непосредственные цели существенно различны. Помазание императора на царство не меняет сущности ни Церкви, ни государства.

2) Независимость Церкви достаточно обеспечена, если гражданская власть не вмешивается в вопросы вероучения; административная сторона церковной жизни может находиться в зависимости от государства.

Ответ. — Церковь, хитон несшитый, нельзя разрезать пополам на Церковь-веру и Церковь-управление. Вмешательство посторонних элементов в область администрации Церкви **неизбежно** отзывается и на догматической жизни, искажая догматы или мешая раскрытию божественных истин и выяснению спорных вопросов. С тех пор, как христианский Восток был оторван от Рима, прежняя интенсивная

работа отцов и соборов по выяснению взаимоотношения между истинами Откровения резко оборвалась, и ни один спорный вопрос, касающийся всей Церкви, не мог быть разрешён автокефальными церквями. Ясно, что государственная власть, бесконтрольно назначающая пастырей и преподавателей богословия, будет гораздо больше заботиться о приискании послушных ей „чиновников духовного ведомства”, чем о чистоте веры, и вера постепенно потечёт по руслу политических или национальных соображений, **даже после прекращения давления со стороны государства.** Поэтому, Иисус Христос установил независимость всего домостроительства Церкви от светской власти. По этой же причине апостолы, не только в вопросах вероучения, но и в организации церковных учреждений, в назначении своих помощников и преемников, в вопросах брака, благотворительности и т. д., действовали вполне независимо от посторонних властей. Свв. отцы осуждали посягательства византийских императоров не только на чистоту догматов, но и на независимость иерархии в установлении **канонов.** Соборное Тело Христово образует одно нераздельное целое, в котором внешняя, административная, эмпирическая сторона всецело связана с догматами и благодатью; связь эта имеет своё основание в ипостасном единении двух природ в Господе нашем Иисусе Христе.

3) Государственная власть вмешивается только в дела поместной церкви; на свободу вселенской Церкви она не посягает.

Ответ. — Государственная власть, подчиняющая себе поместную церковь, вредит вселенской Церкви в пределах поместной, ибо поместные церкви, если только они не впали в раскол, принадлежат к Церкви вселенской. Если бы все поместные церкви находились в подчинении государству, Церковь оказалась бы разодранной на части, органически не спаянные между собою, ибо сами государства обыкновенно связаны друг с другом только политическими, экономическими или национальными соображениями.

4) Пусть цезаропапизм вреден для Церкви. Но нельзя того же сказать о возглавлении Церкви всем народом „богоносцем”.

Ответ. — Как видно почти из всех частей Нового Завета, в особенности первых трёх Евангелий, Деяний Апостолов и посланий Ап. Павла, верующий народ может и должен принимать участие в церковной жизни, но при условии подчинения его церковной власти, а не наоборот. К тому же, не следует смешивать „церковный народ” с нацией, к которой неизбежно принадлежат и неверую-

щие, и которая, потому, никогда не должна иметь влияния на ход церковных дел. Итак, необходима свободная высшая церковная инстанция, противодействующая опасному давлению нации на Церковь; такой инстанцией не может быть „народ богоносец”, сам находящийся под влиянием нации. Исторический опыт показывает, что засорение церковной жизни национальным эгоизмом всегда ведёт к болезненному самопревозношению поместных церквей в ущерб вселенской Церкви, к замиранию здоровой национальной жизни и, в конце концов, к частичному или полному торжеству безбожия.

5) В первые века христианства епископы нередко назначались императором или народом. Итак, древняя Церковь не была независимой.

Ответ. — Наличие злоупотреблений, неизбежных во всём человеческом, доказывает только необходимость высшего вполне независимого учреждения, могущего успешно устранять эти злоупотребления, по мере того как они вкрадываются. В Церкви таким учреждением является Апостольский Престол. Впрочем, в данном случае, злоупотребление и устранение церковной свободы начинается только тогда, когда государь или народ **бесконтрольно** избирает или назначает иерархов. Ради лучшего удовлетворения местных нужд, Церковь и теперь допускает **избрание** (не назначение) пастырей верующими или благочестивым правителем, сохраняя за собою принадлежавшее ей всегда право лишить силы избрание в пастыри людей недостойных.

6) Независимость Церкви — утопия.

Ответ. — Было бы, конечно, утопией ожидать, чтобы всё, что делается любым членом церковной иерархии или собором, было совершенным и вполне независимым от посторонних влияний. В Церкви есть пшеница и плевелы, в церковный невод попадают хорошие и плохие рыбы. Иисус Христос это знал и, именно потому, дал Своей Церкви такое домостроительство, которое **наиболее** действенным образом обеспечивает устранение вредных элементов от влияния на церковную жизнь. Устанавливая, если можно так выразиться, „максимум иерархичности”, совершенство иерархического строения Церкви, Иисус Христос положил отнюдь не утопическое основание Своей Церкви на земле. Независимость Церкви, конечно, — не более как утопия, отвлечённая, неосуществимая идея, если не признавать той скалы, на которой Спаситель основал Свою Церковь — Ап. Петра и его преемников.

7) Зависимость Церкви от народа лучше клерикализма.

Ответ. — Слово „клерикализм” может иметь два существенно различных смысла. Как вмешательство духовенства в чисто мирские дела, как стремление членов клира использовать свой сан с целью господствования во всём, даже в том, что, по природе своей, не имеет отношения к вере или благочестию, — клерикализм есть несомненно большое злоупотребление. С этим злом Церковь всегда боролась. Но „клерикализм”, в смысле подчинения пасомых законным пастырям по всем вопросам „оцерковления жизни”, есть святое установление Христово. Такой „клерикализм”, основанный на Евангелии, ненавистен всем, кому ненавистны Спаситель и Его Церковь; это явствует из всей литературы советских безбожников. «Для ведения церковных дел мы имеем пастырей... Сохраним предания в том виде, в каком мы их получили. Ибо если начнём разрушать строение Церкви, хотя бы только в малом, постепенно всё здание распадётся».¹ Без евангельского „клерикализма”, вместо плодотворного участия мирян в догматическо-благодатной жизни Церкви, получился бы сплошной хаос и бесплодное блуждание.

8) Столь радикальное отстаивание независимости церковной иерархии есть несогласная с духом Евангелия нетерпимость.

Ответ. — Дух Евангелия вовсе не в беспринципности и уступчивости в отношении всех, а в **сочетании** любвеобильного отношения к людям с безусловной непоколебимостью в соблюдении Божеских законов. Спаситель был бесконечно милосерд к кающимся грешникам, но фарисеям, Ироду и Пилату, Он не делал никаких уступок, проявлял в обращении с ними крайнюю „нетерпимость”; Церкви же не позволительно отступать, в угоду кому бы то ни было, от пути указанного её Главою. Истинная Церковь всегда проявляла неуступчивость в отстаивании независимости иерархии.

9) Как же быть, если Церковь, во имя своей независимости, прикажет что-либо делать против Бога и совести?

Ответ. — Иерархия независима от людей, но, само собою разумеется, вовсе не независима от Бога. Поэтому, когда тот или иной иерарх явно уклоняется от воли Господней, тем самым он уклоняется от Церкви, и тогда всякий должен избегать участия в его грехе. Голоса подлинной совести, **не извращённой предрассудками или самолюбивыми земными наклонностями**, всегда следует слушаться. Но между подлинной совестью и подлинной Христовой учащей Церковью

1. Св. Иоанн Дамаскин, Об иконах, Слово II, 12.

существенного противоречия быть не может, ибо та и другая от Бога, а первое требование здоровой совести — считаться со словами Спасителя: *Отвергающийя вас (учащей Церкви) Меня отвергаетя.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИЗНАКИ ИСТИННОЙ ЦЕРКВИ

Глава первая

О ПРИЗНАКАХ ИСТИННОЙ ЦЕРКВИ ВООБЩЕ

Мы уже доказали, исходя из догмата главенства Иисуса Христа и из назначения Церкви, что Царство Христово на земле как бы воплощено в особом независимом, постоянном и неизменном, видимом объединении верующих, без которого нет спасения. Из всех этих данных следует, что истинная Церковь Христова должна быть сравнительно легко различаема от самочинных церквей, т. е. что она должна обладать определёнными признаками, или приметам, или критериями, по которым всякий искренний человек мог бы её отличить и найти.

Признаки Церкви — это те её существенные свойства, которые легче всего заметить извне и которые, поэтому, могут **приводить** посторонних к познанию подлинности её.

Церковь — верная пристань спасения. Её признаки — как бы маяки, указывающие путь к ней.

Не могут быть признаками Церкви следующие её свойства:

1) **Правильность учения.** В самом деле, это свойство не воспринимается легче самой сущности Церкви. Получается порочный круг, ибо сама правильность учения предполагает познание той Церкви, которая уполномочена Христом учить людей. Где мерило правильности? Сначала надо познать, кому Христос поручил „учить все народы”. По каким источникам и критериям каждый будет судить о правильности учения того или иного вероисповедания? По Св. Писанию? Но если каждый по своему будет толковать Св. Писание, получится только хаос. Вдобавок, само Св. Писание решительно осуждает самозванные попытки устанавливать догматы и велит слушаться учащей Церкви: *слушающий вас Меня слушает...* Христос поставил пастырей, дабы мы не *не увлекались всяким ветром учения.* Необходим **объек-**

тивный критерий, по которому всякий мог бы узнать, какое из вероисповеданий, называющих себя „православными” или „правосверными”, есть **действительно** истинная Церковь.

2) **Чистота обрядов.** Чтобы судить о том, какой обряд „чист” и вполне соответствует догматам веры, а какой им противоречит, надо точно знать учение Церкви. Только глубокое знакомство с Церковью и её учением даёт возможность решить, что в обрядах существенно или догматически „чисто”, а что нет. Правильное суждение о чистоте обрядов вытекает из познания Церкви и её учения, а не наоборот.

3) **Отсутствие каких бы то ни было перемен и нововведений** по отношению к учению древней Церкви. Этот принцип можно понимать, или в смысле полной неизменяемости **буквы** и внешних формул древнего учения, или в смысле отсутствия противоречий с догматическим **учением** свв. отцов. Ни то, ни другое не может быть признаком Церкви. В самом деле, неизменяемость буквы противоречит сущности Церкви, как живого развивающегося богочеловеческого „тела”. Косность претит плодотворной жизненности религиозного общества, которое имеет своим Главою Христа, сущую Жизнь. К тому же, самой древней Церкви было безусловно чуждо это староверческое хранение буквы: и Никейский и Константинопольский символы веры были в своё время „нововведениями” в области догматических формул. В апостольские времена не существовала ещё „буква” таких догматов, как богоматеринство или приснодевственность Марии; выражения „феотокос” и „аэйпарфенос” были выработаны постепенно. Косность — признак отсутствия верности христианскому Преданию, полного разрыва с догматическою жизнью Церкви первых веков; в христианстве она не уместна. Неизменяемость, понимаемая в смысле верности **содержанию** древнего учения Церкви, в смысле отсутствия противоречий с этим учением, есть существенное свойство Церкви, но не её признак, ибо предполагает совершенное знакомство с её сущностью; познание такой неизменяемости не ведёт к познанию подлинной Церкви, а происходит из него, определяется им.

4) **Чувства умиления**, вызываемые трогательными обычаями или благолепием богослужения, также не могут считаться критерием для распознавания истинной Церкви, ибо эти чувства относительны и субъективны. Каждого больше всего умиляет то, к чему

он привык с детства, что связано с теми или иными воспоминаниями: вид мечети, встреченной на чужбине, трогает до слёз мусульманина, тогда как Пасхальная ночь кажется ему чем-то безжизненным; для нас умилительно поклонение благочестивых людей чудотворным иконам, в котором сектанты усматривают идолопоклонство. Что же касается благолепия обрядов, то легко может случиться, что они порождены вовсе не тем вероисповеданием, в котором мы их теперь чаще всего находим: литургия св. Иоанна Златоуста создана не творцами Греческого раскола, а существовала на Востоке задолго до его отпадения от единства Католической Церкви и теперь существует в ней, наряду с римской „мессой”. Кроме того, благолепие церковных служб нередко сочетается с оскудением в других существенных элементах богопочитания, например, с отсутствием христианского рвения о спасении людей лишённых света Христова.

5) Нельзя считать какое-либо вероисповедание истинным **потому, что оно есть „вера отцов”** или „родная церковь”. Держаться подобного принципа значит отдаляться от Христа, Который призывает людей жертвовать верою заблуждавшихся отцов и ложными „родными” религиями, ради спасения в Его единственной истинной Церкви. Европа стала христианской только благодаря тому, что латинские, славянские и германские язычники отказались от „веры отцов”. Принцип этот свидетельствует о наличии большого равнодушия к истине. Церковь, которая придерживалась бы сама этого начала, доказала бы тем самым, что она не есть подлинная Церковь. Тем не менее, ту долю истины, которая имеет во всякой „вере отцов”, следует уважать и хранить, особенно после воссоединения с истинной Церковью.

6) Дух **свободы**, если под свободой понимать благодатную радость во Христе, порождаемую смиренным послушанием, тесно связан со святостью Церкви, которая действительно принадлежит к признакам Церкви и о которой мы будем говорить ниже. Но протестантская свобода, свобода в смысле отсутствия авторитетного пастырства, есть не что иное, как устранение себя от Христова ига послушания.

Подлинные признаки Церкви — те, которые признавались таковыми в древней Церкви и на которые ссылались отцы в своих апологетических трудах, как например, Епифаний. Эти признаки перечисляются в догматическом определении существенных свойств Церкви, провозглашённом на первом Константинопольском

Соборе: «Верую в единую, святую, вселенскую (соборную) и апостольскую Церковь».

Совокупность указанных свойств составляет самый верный, наглядный и простой общий отличительный признак подлинной Церкви. Так, группа маяков, светящих одновременно, указывает вход в гавань гораздо лучше, чем если бы те же маяки горели один после другого. Богословскому обсуждению можно подвергать каждый из четырёх признаков в отдельности, но после этого анализа следует прибегнуть к синтезу. Единство Церкви есть единство святое, вселенское и апостольское; святость Церкви есть святость единая, вселенская и апостольская и т. д.

Все эти четыре признака, по существу своему, сводятся к любви. Действительно: 1) Единство порождается любовью, которая по природе своей есть стремление любящего к единению с любимым предметом. 2) Святость есть совершенство любви; Бог оттого бесконечно свят, что Он есть Любовь сущая, исключаящая всякий грех. 3) Вселенскость Церкви вытекает из её стремления спасти всех людей, т. е. из её любви к бессмертным душам, спасённым Кровью Христовой. 4) Апостоличность Церкви связывает её через апостолов со Спасителем, вся жизнь Которого была одним сплошным подвигом любви к Отцу и к людям. Сам Христос сказал: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ио. 13, 35).

Единство, святость, вселенскость и апостоличность Церкви — признаки не подобранные в пользу той или иной вероисповедной системы: догматическое определение четырёх существенных свойств Церкви было составлено в 381 году, т. е. задолго до появления византийского раскола и ереси Лютера. Этим они ценны для всякого, кто добросовестно и беспристрастно ищет истинную Церковь.

Ниже, разбирая подлинные признаки Церкви, мы будем их рассматривать не только как таковые, но и как существенные свойства истинной Церкви Христовой, не только как апологетические истины, но и как догматы.

Глава вторая

ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ

Церковь едина в двойном смысле: есть только одна, **единственная** Церковь Христова, и внутри этой Церкви всё **объединено**.

Церковь есть создание Божие, дело „рук Божиих“. Поэтому, как мы выше видели, всё в её богоустановленном домостроительстве носит печать Божиего совершенства: Церкви присуще стремление к **всесторонней** полноте и к исчерпывающему единству, не имеющему никаких пробелов. Церковь едина во всём своём **богочеловеческом** существе: её составные элементы, сверхприродные и природные, невидимые и видимые, таинственные и иерархические, тесно спаяны между собою, и каждый из этих элементов в отдельности отличается логическим и органическим единством. Церковь едина и в самой себе и в своих внешних проявлениях. Она едина и в пространстве, и во времени, и в своей сверхпространственной и сверхвременной жизни. И в её божественной жизни, и в её сущности, как богоустановленного человеческого общества, всё направлено к единству. Церковь объединяет ум, сердце и волю чад своих. Церковь имеет одну „душу“ в одном „теле“.

Ветхозаветные пророчества, касающиеся Церкви, всегда говорят об одном только грядущем Царстве Божиим на земле. Этого ожидания единого Царства Иисус Христос не отрицал; наоборот, Он подтвердил его всем Своим учением. В Ветхом Завете, Церковь сравнивается с одною горой, с одним деревом; в Новом Завете — с одним стадом, одним виноградником, одним неводом, одной нивой, одною драгоценною жемчужиной, одним телом.

Иисус Христос основал только одну, Свою Церковь (Мф. 16, 18). *Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет*

(Мф. 12, 25); Церкви же Своей Христос предсказал и **обещал**, что врата ада не одолеют её, другими словами — что она не „опустеет”. Если бы Церковь когда-либо потеряла своё внутреннее или внешнее единство, то она, тем самым, перестала бы существовать, а обещания Христовы оказались бы ложью; предполагать возможность этого просто кощунственно, если верить в божественность Иисуса Христа. Итак, признавать возможность распада Церкви, хотя бы только её „эмпирического” строя, — то же что отрицать Христа и христианство.

Никогда Спаситель не упоминал о каких-либо новых грядущих „стадах”. Наоборот, все овцы Христовы объединены в **одно единственное стадо**. *Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора; и тех надлежит Мне привести; и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь* (Ио. 10, 16).

Как Основатель Церкви понимал её единство, видно из странной молитвы Его, приведённой в 17-й главе евангелия от Иоанна. ...*Соблуди их во имя Твоё, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы... Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино. Как Ты Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино; да уверует мир, что Ты послал Меня... Да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне: да будут совершены во едино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их... Да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них.* Из этой молитвы становится очевидным, во-первых, что единство верующих в Церкви, сравниваемое Спасителем с единением Лиц в Пресв. Троице, **существенно для Церкви** и совершенно; во-вторых, что единение верующих во Христе совершается через иерархию, ибо если вера зависит („по слову их”) от единой Христом установленной иерархии, то и всё **единство Церкви имеет своим основанием единство иерархии**; в-третьих, что к совершенному единству призваны „**все**” верующие во Христа; в-четвёртых, что церковное единство должно быть **видимым** и общедоступным для понимания, так чтобы по этому признаку единства „мир” мог познать, что Христос послан Отцом. Итак, по воле Христовой, Церковь отличается устремлённостью к совершенному единению на всех ступенях бытия, начиная с благодатного единения верующих в божественной любви Христовой и кончая единством внешней иерархической и канонически-административной орга-

низации; иными словами, единство Церкви должно быть **богочеловеческим**, ибо *как Ты послал Меня в мир, так Я послал их в мир*, Церковь есть продолжение Воплощения Христова. Настойчивая, горячая молитва Спасителя о пастырях Церкви, „по слову” которых вера будет сообщаться людям и с которыми Христос будет пребывать до скончания века, в сочетании с главной целью молитвы — именно совершенным сверхприродным единением верующих на подобие единства Пресвятой Троицы, определённо указывает на волю Иисуса Христа, чтобы единство Церкви обеспечивалось единством пастырской иерархии.

Верное отражение воли Христовой относительно единства Церкви мы находим **в учении Ап. Павла о Церкви**, как соборном Теле Христа. *Умоляю вас поступать достойно звания... стараясь сохранять единство духа в союзе мира. Одно тело и один дух... Один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех... И Он (Христос) поставил одних Апостолами, других Пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения; но истинною любовью всё возвращали в Того, Который есть Глава, Христос, из Которого всё тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких, взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви (Еф. 4, 1-16).* Согласно этому тексту: 1) Церковь есть не только один дух, одно невидимое благодатное объединение людей, но и одно тело, одно **видимое живое соборное целое**, одно совершенное „общество” верующих, связанных между собою органическими узами подчинения невидимому жизненному началу и видимым объединяющим органам. *Мы многие составляем одно тело во Христе, а пороюь один для другого члены (Рим. 12, 5).* 2) *Доколе все придем в единство веры... в меру полного возраста Христова*, т. е. до перехода Церкви из состояния борющейся на земле в состояние торжествующей на небесах, — созидание тела Христова в вере и любви совершается Богом при посредстве общедоступных **человеческих служений**, в особенности через единую учащую

иерархию пастырей. 3) Повиновение этой единой Христовой иерархии необходимо для достижения „совершения святых” и **истинной любви**. 4) Пастыри Церкви заимствуют свою учительскую власть не от верующих, не от церковного народа, а **от Самого Христа**, Который их „поставил” для того, чтоб предохранять верующих от губительного влияния всякого ветра ересей и расколов, от настроения масс. 5) Братская соборность всех верующих предполагает их повиновение Христу-Главе в лице поставленных Им иерархов. — В первом послании к Коринфянам, Апостол, пространно изложив сущность церковной соборности, опять возвращается к основе её, к иерархичности: *И вы — тело Христово, а порождённы — члены. И иных Бог поставил в Церкви... Апостолами... пророками... учителями* (12, 27-28). Единая иерархия необходима, *дабы не было разделения в теле* (ст. 25), во избежание расколов.

Из всех приведённых текстов Св. Писания становится очевидным, что вероисповедания, в которых допускается деление Церкви на секты или на радикально независимые от центра общины, не могут быть истинной Церковью или составной её частью, „ветвью”. В Церкви может быть только одна иерархия; федерация, „лига” нескольких вполне самостоятельных поместных церквей и поместных иерархий претит её сущности. Полная автономия отдельных частей недопустима в Церкви. Церковь не есть **союз организаций**, объединяемых только тождеством духовных начал и веры, но одно богочеловеческое тело, оживляемое „одним и тем же Духом”, освящаемое и управляемое одной постоянной, тесно сплочённой иерархией, с одним высшим иерархом во главе: в живом теле нет частей независимых от души или от сердца и от единой нервной системы; жизненное душевное единство обеспечивается посредством единства физического, телесного.

Кто сознательно отвергает хотя бы только одну богооткровенную истину, тот теряет вечное спасение: по воле Христа, мы должны „соблюдать всё” преподаваемое Им через поставленных Им пастырей (Мф. 28, 20); Дух Святой обещан им для того, чтобы они могли излагать учение Христово во всей его полноте (...*научит вас всему и напомнит вам всё...* Ио. 14, 26). Кто не будет верить чему-либо из того, что учит иерархическая Церковь, тот *осуждён будет* (Мк. 16, 16), ибо отвергать учащую Церковь — то же, что отвергать самого Христа. Из этого следует, что учащая

Церковь должна быть в высшей степени единой, что в ней должна быть высшая центральная всецерковная власть, устраняющая недоразумения, причиняемые человеческою ограниченностью.

Внешние выражения единства развивались и укреплялись **постепенно**, сообразно общему развитию всей Церкви. Церковь Христова, в своей сущности, свободна от всего уродливого; всё в ней **гармонично**. При неизменности основных принципов церковного единства, **применение** этих принципов определялось точнее и росло вместе с ростом нужд Церкви. С распространением Церкви по всему миру, развивалось неисчерпаемое разнообразие её жизненных проявлений; **соразмерно** этому разнообразию и в синтезе с ним, развивалось и единство Церкви.

Уже в конце I века после Р. Х. папа св. Климент в своём знаменитом Послании писал об единстве Церкви. Св. Игнатий Богоносец писал против нарушителей церковного единства: «Кто следует за творцом раскола, тот не удостоится наследства в царствии небесном».¹ Гермас, повторяя учение Христа и Ап. Павла, говорит, что в Церкви должна быть не только одна вера и одна любовь, но и одно „тело”.

Св. Ириней Лионский, в своём труде **Против Ересей**, опровергает лжеучения еретиков, указывая на единство подлинной Церкви. Церковь есть один дом. В ней одна душа, одно сердце и одни уста (I, 10). Ереси проповедают различные и существенно противоречащие друг другу учения, вера же Церкви везде одна и та же (III, 12). Основатели расколов не имеют любви Христовой, так как они пренебрегают единством Церкви; пытаясь разорвать Церковь на части, они стремятся убить её; они вне Церкви, вне истины, вне спасения (IV, 33).

Прекрасно выражается об единстве Церкви Климент Александрийский. Церковь одна потому, что она отражает Божию природу, а Бог в совершенстве один. Истинная Церковь одна во всех отношениях. Своим единством Церковь превосходит всё и не имеет ничего равного себе. Этим единством она отличается от ересей, которые получают название от имени своего основателя, от народов, которые их исповедуют, от того или иного догмата и т. п.² В другом месте он восклицает: «Один Отец! Одно Слово! Один Дух Святой!.. Одна и единственная Мать-Дева, которую я с радостью называю Церковью».³

1. К Филад., III.

2. Стром., VII 17.

3. Педаг., I 6.

Св. Иларий пишет: «Церковь, Богом учреждённая и укреплённая апостолами, едина для всех... Она опровергает все заблуждения тем самым, что она единственна и в самой себе едина».¹

«Со всякой долины собран католический народ. Это не несколько собраний, а одно религиозное общество (**congregatio**), одна Церковь». Так говорит св. Амвросий.²

Учение о необходимости всестороннего единства Церкви мы находим у св. Августина и у всех вообще отцов.³

Перейдём к возражениям.

1) *Истинно говорю вам... где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них* (Мф. 18, 20).

Ответ. — Это сказано „вам“ (в предыдущем стихе — „если двое из вас“), т. е. ученикам уже объединённым Христом в одно общество, будущую Церковь. Так отвечает на это возражение св. Киприан в главе XII своего труда о вселенской Церкви. И в самом деле, если бы Христос был посреди любой секты, собранной во имя Его, Он противоречил бы собственным словам: кто вас (иерархию) отвергает, тот Меня отвергает.

2) Достаточно **мистического** единства в Духе Святом. Внешнее полезно, но не существенно.

Ответ. — Господь мог, конечно, основать Церковь объединённую только невидимым образом; Его всемогущество могло бы совершить это чудо. Однако в Св. Писании о таком чуде ничего не упоминается. Зато из слов установления единой иерархии явствует положительная, определённая и безусловная воля Главы Церкви, чтобы Церковь была не только одним духом, но и одним **телом** (Ефес. 4). Всё, что установлено Христом, не только полезно, но и безусловно существенно. При крещении нет благодати, без омовения водою; подобным образом, в Церкви нет мистического единства, без видимого иерархического единства.

3) Единство Церкви обеспечивается единством **веры**.

Ответ. — Это правильно, если под словом „вера“ понимать не бесплодное преклонение перед отвлечёнными догматами, а подлинную **благодатную живую веру во все истины Откровения**, со всеми

1. О Пресв. Троице, VII 4.

2. Шестодн., III 1.

3. Изречения отцов о необходимости иерархического единоглавия в Церкви читатель найдёт в шестой части настоящего труда.

вытекающими отсюда жизненными выводами и нравственными последствиями. А единство такой живой веры немислимо без единства учащей Церкви, без особого объединяющего органа. Христианская вера должна быть богочеловеческой, должна проистекать из божественного единства и выражаться в видимом человеческом единстве, так же как жизнь единой души человека выражается в мыслях и действиях, обусловливаемых нормальным состоянием единого организма: если мозг живого человека разрезать пополам, то и умственная жизнь его прекратится. Впрочем, вся история Церкви показала, что там, где нет органического единства церковного тела, нет единства веры, нет полноты единства духовного. С тех пор как греческий Восток отпал от единства Церкви, единство веры в отделившихся церквях ограничивается лишь истинами, провозглашёнными на вселенских соборах до отпадения от Рима; по всем же появившимся впоследствии догматическим вопросам и сомнениям, никогда не удалось достигнуть единства верований. О единстве веры у протестантов и подавно не приходится говорить.

4) В творениях отцов часто говорится о „церквях” без упоминания о единой Церкви: единую Церковь отцы усматривали в **согласии**, в мире поместных национальных церквей. Да и в литургии византийского обряда мы молимся о „благостоянии святых Божиих церквей”. Папская юридическая централизация претит духу единения.

Ответ. — Понятия „церковь” и „согласие” далеко не тождественны, отцы хорошо это знали, они верили „в едину Церковь”, а не только в „едино согласие”. — „Церкви”, о которых упоминают отцы, не были национальными церквями, **подчинёнными** тому или иному государству или нации, а скорее епархиями, подчас митрополиями или патриархатами, в пределах единого всецерковного „тела”. Их мирное взаимодействие, конечно, очень желательно и свято; оно является высшим идеальным единством, к которому все должны стремиться. В этом отношении взгляд отцов вполне совпадает с современным учением Католической Церкви. Но католическое церковное единовластие не заменяет и не вытесняет согласия церквей: духовно-благодатное согласие и каноническая подчинённость находятся как бы в двух различных плоскостях, друг друга не исключających, а наоборот — друг друга предполагающих. Отцы, как и теперь католические богословы и проповедники, призывали к любви и единогласию; но когда надо было устрани́ть препятствия **на пути к достижению** единогласия, например, смуты производимые еретиками, они призывали предстоятелей

поместных церквей прибегнуть к каноническим мероприятиям — прециениям, отлучениям, апелляции к Апостольскому Римскому престолу: об этом говорят многие страницы из истории древней Церкви. Во все-связывающей сверхприродной любви отцы и теперешние католиче-ские богословы видят **плод, цель, норму и дух** благодатью поддер-живаемых человеческих общинных усилий всё лучше и лучше осу-ществлять юридически совершенное религиозное общество. Правда, каноническая „централизация” теперь сильнее, чем в первые века, **она органически выросла в связи с общим ростом** и распространением Церкви; но и централизация и децентрализация процессы совершаю-щиеся в пределах канонических взаимоотношений, и потому нельзя их противопоставлять духовному единству, а можно только противопо-лагать друг другу. Если централизация — явление юридическое, то и децентрализация с поместным решением всех канонических вопро-сов — явление подавно юридическое, ибо в этом случае высших цер-ковных судилищ больше, чем в первом. Здравые юридические отно-шения в Церкви не препятствуют, а способствуют духовному единству тела Христова; здоровыми же их можно назвать тогда, когда осуще-ствлены равновесие и **синтез** поместных и всецерковных канониче-ских начал, к чему и стремится Католическая Церковь. Правда и то, что отцы, говоря о поместных церквях и их согласии, подчас совсем не упоминают о единой вселенской Церкви как таковой. Но, с другой стороны, они часто говорят о вселенской Церкви так, как будто бы не признают никаких поместных церквей; чтобы убедиться в этом, стоит только прочесть толкование на псалмы св. Афанасия Велико-го. И в том, и в другом случае имеется не отрицание вселенства или поместности, а **частичное** освещение сущности Церкви. Чтобы иметь полное и верное представление о святоотеческом понимании единства Церкви, надо учесть всё, что отцы учили по этому вопросу. И тогда станет ясно, что они отстаивали начало богочеловеческого, христопо-добного, благодатно-иерархического единства Церкви, хотя, конечно, реальные **применения** этого начала не были ими осознаны с той отчётливостью, какая в наши дни является плодом последующего многовекового церковного исторического опыта.

5) Единство, достигаемое авторитетом иерархического единовла-стия и инквизицией, есть единство **вынужденное** и потому с духов-ной точки зрения недопустимое, противоречащее сущности Церкви.

Ответ. — Вполне верно, что вынужденное, рабское, неискреннее единство не подобает Церкви Христовой. Но ведь церковный авторитет — папы, вселенского собора, всего епископата — есть авторитет Христа Спасителя, авторитет указывающий, приглашающий, воспитывающий духовными поощрениями или наказаниями, но никого не принуждающий. Церковь обращается к человеческой свободе, приглашая её содействовать ей самой в созидании тела Христова. Кто не хочет принимать участия в этом созидании и не идёт путями указанными церковным авторитетом, того, в крайнем случае, Церковь отлучает, т. е. просто устанавливает факт, что тот или иной церковный самозванец перестал быть её членом, чадом, вот и всё. В вопросе отношения свободы к авторитету нет никакой разницы между пастырством апостолов, Церковью времён Ефесского или Халкидонского вселенского собора, и „папской ватиканской Церковью”. Правда, что в прошлые века иные светские правители или иерархи подчас и силою удерживали в Церкви и даже просто загоняли в неё инакомыслящих; в большинстве случаев это были просто недальновидные, неудачные мероприятия государственно-политической власти или отдельных церковных лиц; обыкновенно Церкви этим оказывались медвежьи услуги. При этом нельзя никак забывать, что несравненно чаще государственные власти действовали, и по сей день действуют, в обратном направлении, с более или менее прикрытым замыслом насилиями и правовыми стеснениями задержать или ослабить свободное созидание Тела Христова, отвлечь от католичества массы, или ввергая их в безверие, или искажая в них веру, чаще всего путём созидания независимых от Рима национальных церквей. Если уже говорить об укреплении авторитета иерархов насилием, то таковое в широких размерах и часто с невероятной жестокостью осуществлялось именно в цезаропапистических странах Востока и Запада, где Церковь была государственным „ведомством” духовных дел, ревниво оберегаемым полицией или „карательными экспедициями”; притом в лучшем случае осуществлялось лишь поместно-церковное религиозное единство с политическими уклонами, единство религиозно беспочвенное и потому пагубно отражавшееся на всецерковном единстве соборного тела Церкви. А если иметь в виду моральное давление или насилие, то оно, как всем известно, слабее всего в католичестве, зовущем к сверхприродной отрешённости от всего земного. Об инквизиции говорится в части V настоящего труда.

6) Единоначалие вполне допустимо или даже желательно в вопросах церковного управления, благочиния, дисциплины и т. п., одним

словом, в области церковной **эмпирии**. Но в вопросах внутренней сверхприродной жизни, в области веры и благодати, внешне-авторитетное эмпирически объединяющее начало неуместно, так как оно по существу своему принадлежит к низшему порядку, к области переходящего: вера и любовь принадлежат к миру непреходящих ценностей. Единение верующих в благодатной жизни производит не папа, а Дух Святой.

Ответ.— Такое обособление единства веры от единства церковного управления может быть оправдано только если предполагать, что в деле спасения вера и „внешние, эмпирические реальности” принимаются в расчёт лишь с точки зрения их собственной внутренней ценности. Но тут-то и кроется колоссальное заблуждение возражающих нам. Нет никакого сомнения в том, что такие данные эмпирии, как дисциплина, ничто в сравнении с хотя бы только одним проблеском благодатной веры, что они не могут её определять, будучи неспособны собственной действительностью объединять воздействия благодати в сердцах верующих. Но ведь есть не мало внешних данных, даже чисто материального порядка, которые, в силу домостроительства воплощения, **возведены Всемогущим** на степень орудий Его премудрого Слова и Силы, и потому должны быть принимаемы в расчёт не по своей собственной предметной „стоимости”, а по относительной „орудийной” ценности, **сообщаемой** им Божией Премудростью. Конечно, единство веры и благодати осуществляет Бог, а не папа, но Он делает это **свободно**, согласно собственному установлению, согласно Своему всеединому плану воплощения божественного в человеческом, а не в меру предметной ценности, присущей тому или иному человеческому фактору. Христос властен и способен осуществлять единство веры — водою, хлебом, вином, елеем, постановлениями соборов или решениями пап, а мы не имеем права навязывать Ему условия или ставить пределы Его главенству в Церкви. Заметим также, что авторитетное церковное пастырство служебно объединяет не самую божественную истину, являющуюся последним и глубочайшим предметом веры, а жизненные умственно-волевые восприятия этой истины людьми, достижения богословской вековой работы и исследования относительно смысла Божиих велений.

7) Иерархическое единоначалие **не всегда действительно** для сохранения единства Церкви: доказательством тому является факт, что в католичестве одно время было по 2-3 папы, друг друга отлучавших и раздиравших Церковь на несколько частей. Между тем, Церковь

не погибла. Значит она держится не папством, иерархическое единство ей не существенно, невидимое духовное единство достаточно.

Ответ. — Указанный печальный исторический факт доказывал бы несущественность для Церкви единоначалия, если бы папство действительно распалось на 2-3 части; между тем за всё это смутное время ни разу не было **распадения** папства, а были лишь более или менее крупные **отпадения** части верующих от единой законной иерархии. Никогда в Церкви не было одновременно двух действительных пап, но при наличии одного законного преемника Петрова бывали „антипапы“, узурпаторы, самозванцы, сеявшие смуту в Церкви. Многие тогда заблуждались относительно законного носителя папского сана, но никто из чад Церкви не сомневался в том, что только один из „споривших“ мог быть подлинным папою. Эти смуты показали, к каким печальным последствиям ведёт принцип ослабления папского авторитета.

8) В апостольские времена фактически было **несколько** Церквей, как видно из заглавий в посланиях Ап. Павла.

Ответ. — Первоначальные поместные церкви были членами одной вселенской духовной семьи, Церкви, а не замкнутыми в себе самих общинами. Апостолы составляли одну иерархию, один «лик», как часто выражались отцы, а не несколько ликов. Пётр „обходил всех“ (Деяния 9, 32). Ему одному Христос поручил всех апостолов.¹ Апостолы знали одну Церковь Христову (Ефес. 1, 22). Нигде в Св. Писании не говорится о каком-то союзе или федерации вполне самостоятельных церквей. Впрочем, как мы выше говорили, единство Церкви существенно связано с её природою, и потому оно развивалось постепенно, соразмерно всему развитию Церкви; именно **эта соразмерность показывает, что единство в Церкви явление не случайное, а «органическое».**

9) Единство Церкви в достаточной мере обеспечено **взаимообщением** иерархов различных Церквей.

Ответ. — Такое взаимодействие или ограничивается поздравлениями и приветствиями, и тогда оно недостаточно для обеспечения живого и действительного единства, и не разрешает спорных вопросов; или же оно есть выражение единой и всеобщей богочеловеческой жизни Церкви, и тогда оно предполагает наличие постоянных объеди-

1. Св. Иоанн Златоуст, Беседа III на Деяния Ап., изд. СПб, Дух. Акад., 1856, стр. 50 и 58.

няющих органов: в живом человеческом теле „взаимообщение” молекул предполагает не только душу, но и мозг, сердце, нервную и кровеносную системы. А Церковь ведь не только „один дух”, но и „одно тело”.

10) В христианстве существенно только единение в **любви**, остальное не важно.

Ответ. — В христианстве существенно стремление выполнять всё, что Христос установил, каким бы маловажным на первый взгляд оно ни казалось (напр., употребление воды при крещении). Любовь есть, конечно, высшая **цель**, к которой всё в Церкви должно стремиться, но чтобы достигнуть этой цели, надо применить все **средства** установленные Спасителем, в том числе и объединение всех в одно совершенное общество. В Церкви, **возглавляемой воплощённым Словом**, всё духовное должно быть воплощено в **соответствующей** человеческой форме; поэтому, и единение в любви немыслимо без естественного всякому совершенному человеческому обществу иерархического единения. Люди не рождаются святыми; со времени первородного греха все мы склонны к эгоизму, вражде, ненависти; единение в любви не даётся нам свыше механически, помимо нас; мы сами должны к нему стремиться всеми дозволенными средствами, в том числе организованностью, требуемой **божественным** природным законом. А верное средство, чтобы никогда не достигнуть единения в любви, это вообразить, что оно уже достигнуто в совершенстве и никогда больше не может утратиться.

11) Духовное единство **сильнее** юридического и, потому, не нуждается в его помощи.

Ответ. — Мышление „сильнее” и важнее черепа, но Творец дал человеку череп, чтобы предохранять мозг, необходимый для здорового мышления. И Церкви Своей Господь дал „мозг и череп”, чтобы при посредстве этой второпричины охранять её духовное единство.

12) В первоначальной Церкви было не мало **разногласий**.

Ответ. — Были разногласия, но было и стремление устранить их сообразно заветам Спасителя, касающимся иерархического строения Церкви. Оттого, например, Павел ходил в Иерусалим „повидать Петра”, оттого апостолы сплотились около Петра, как видно из толкования св. Иоанна Златоуста на Деяния Апостолов. Впрочем, как мы выше упоминали, в младенческой Церкви могла быть только „младенческая” объединяющая организация.

13) Внешнее единение убивает свободную инициативу верующих, их **творческое дерзновение**.

Ответ.—Исторический опыт показал, что подлинное иерархическое объединение верующих, унаследованное от апостолов, не только не убивает свободную предприимчивость, но как нельзя больше способствует её процветанию: нигде нет такого разнообразия проявлений духовной жизни, как в католичестве; стоит только указать на монашеские ордена или братства. Беспорядок и анархия притупляют всякую плодотворную инициативу и делают невозможным творческое соборное разрешение спорных богословских вопросов.

Глава третья

ВСЕЛЕНСКОСТЬ ЦЕРКВИ

В Символе веры, принятом на II Вселенском Соборе, Церковь названа „католикэ“, т. е. вселенской.

Греческое прилагательное „католикос“ обозначает „всеобщий“, „универсальный“.

Что Церковь должна быть вселенской, католической, и трудиться над тем, чтобы проникнуть повсюду, где только есть люди нуждающиеся в её помощи, т. е. просто где есть люди каких бы то ни было рас, культур, классов и т. д., это вытекает как прямой вывод из того богословски неоспоримого факта, что Христос Господь умер за всех; древний догмат католичности Церкви определяется догматом всеобщего Искупления: раз Христос умер за всех обитателей земного шара, а с другой стороны, спасение достигает людей через человеческие же орудия — проповедь, таинства, пастырство (см. главу о второпричинах), — то ясно, что Церковь должна действительно и жертвенно стремиться к повсеместному исполнению своего назначения — нести спасение Христово людям всех стран.

Выражение „католическая Церковь“ мы встречаем уже в сочинениях христианских писателей II века, например, в послании св. Игнатия к Смирнским христианам.

Климент Александрийский говорит, что «католическая Церковь древнее, чем сборища еретиков...; мы знаем только одну древнюю и католическую Церковь».¹ Уже тогда вселенский характер истинной Церкви считался её отличительным признаком. Тогда же и на Западе стали употреблять греческое слово „католикэ“ для обозначения единой подлинной Церкви Христовой; иногда слово

1. Стром., VII 18.

„Католика” употребляли как существительное, вместо „Церковь Христова”.

Церковь всегда была католическою, но не сразу распространилась по всему миру. Поэтому, догмат католичности или вселенскости Церкви следует понимать в смысле динамическом: истинная Церковь постоянно **стремится** к возможно более полному исполнению слов Спасителя: *Будете Мне свидетелями... до края земли* (Деяния 1, 8).

Новый Завет полон указаний на сверхнациональную природу Церкви. *Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех* (Рим. 10, 12). *Пётр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нелицеприятен; но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему* (Деяния 10, 34-35).

Дух дышет, где хочет (Ио. 3, 8), ничем не останавливаемый, и Церковь следует за Духом повсюду. В одном и единственном стаде Церкви объединены овцы различных дворов: *Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести...: и будет одно стадо и один Пастырь* (Ио. 10, 16). Вселенский универсализм Церкви ясно выражен в следующих словах Христовых: *И придут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут в Царствии Божиим* (Лк. 13, 29). Христос дал нам **пример**, как надлежит проявлять вселенскую любовь к ближнему: вопреки принятому у евреев обычаю, Он открыто общался с самарянами (Ио. 4); Христос исцелял больных иноплеменников с такою же любовью, как и Своих соотечественников (Мк. 3). Он даже охотно признавал духовное превосходство „чужих” над „своими”. О сотнике Иисус Христос сказал: *И в Израиле не нашёл Я такой веры... Многие придут с востока и запада, и возлягут с Авраамом..., а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю* (Мф. 8, 10-12). В Церкви отражается вселенское всемогущество Господа, *Который может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму* (Мф. 3, 9).

Перед Своим Вознесением, Иисус Христос торжественными словами **велел** Своей иерархии проникнуться духом вселенского проповедывания Евангелия. *Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари* (Мк. 16, 15). *Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите научите все народы... уча их соблюдать всё...* (Мф. 28, 19).

Христос в Своей Церкви есть спасение *уготованное пред лицом всех народов* (Лк. 2, 31).

Ту же характерную черту учения Христова мы находим во всей проповеднической деятельности апостолов. *Петр с одиннадцатую* поняли внутренний смысл великого чуда в день Пятидесятницы, когда люди всевозможных народов слышали апостолов *нашими языками говорящих* (Деяния 2): тут же в проповеди своей Пётр заявил, что *обетование* принадлежит не только *вам и детям вашим*, но и *всем дальним, кого ни призовет Господь* (там же, ст. 39).

Мы уже видели, какой смысл отцы Церкви придавали слову „католикэн”. Отметим их воодушевление в отстаивании католичности, как существенного свойства истинной Церкви. «Собери, Господи, Свою Церковь со всех концов земли... со стороны четырёх ветров», говорится в Дидахэ. В послании св. Климента мы читаем: «Тебя, Господи, избирающего из всех народов тех, кто любит Тебя... мы молим: да узнают Тебя все народы, ибо Ты Бог единственный и Иисус Христос есть Сын Твой» (59, 3). Св. Игнатий Богоносец часто выражал горячее желание, чтобы под знаменем Христовым и в «одном теле Церкви» собрались многочисленные праведники из различных народов. Св. Поликарп желал иметь духовное общение со всеми, «кто под небесами уверует во Христа»; он молился «за всю католическую Церковь находящуюся во вселенной».¹ Свв. Иустин, Ириней и другие апологеты прославляют вселенскость Церкви, когда они толкуют приведённые нами тексты Св. Писания и видение, в котором Петру было указано свыше, что он не должен чуждаться иноплеменников. Св. Киприан говорит, что «Церковь посылает лучи свои по всему миру».² Св. Августин и св. Иоанн Златоуст, с несравненным восторгом и красноречием, рисуют нам то вселенство, которое свойственно одной только истинной Церкви Христовой.

Св. Кирилл Иерусалимский следующим образом определяет смысл придаваемый Преданием термину „католикэ”: «Церковь называется соборною, потому что она в **целой вселенной**, от пределов земли до пределов её, и потому что во всеобщности и без всякого опущения преподаёт всё, долженствующее входить в

1. Мучен., VIII 1.

2. О единстве Церкви, 5.

состав человеческого ведения, догматы о видимом и невидимом, о небесном и земном; ещё потому, что подчиняет благочестию весь человеческий род, и начальников и подначальных, учёных и неучёных; наконец потому, что, как повсеместно врачует и исцеляет она всякого рода грехи, совершённые душою и телом, так в ней же приобретает всё именуемое добродетелью, какого бы то ни было рода, и в делах и в словах, и во всяком духовном даровании».¹

Св. Иоанн Златоуст в своих творениях часто возвращается к вопросу о католичности Церкви: «Церковь есть столп вселенной».² «Церковь, со всею щедростью раскрывая свои недра, с распространёнными объятиями ежедневно принимает все народы **вселенной**. Такое повеление и первые учителя догматов получили от Единородного... *шедшие научите вся языки*».³ «Пустив Церковь носиться по вселенной, как корабль по морю, Он (Христос) не уничтожил волнения, но избавил её среди волнения».⁴ Для св. Иоанна Златоуста католичность или соборность Церкви немыслима без её единства, без иерархического единоначалия. Толкуя обещание данное Спасителем Петру — построить на нём Церковь как на камне (Мф. 16), — Златоуст пишет: «*Вы же кого Мя глаголете быти*, — вы, которые всегда со Мною были...? Что же на это отвечает Пётр, уста апостолов, всегда пламенный, глава в лике апостольском? На вопрос, предложенный всем, отвечает от себя... Видишь ли, как Христос... обещаниями возводит Петра к высокому о Нём мнению...? Он обещает ему даровать то, что собственно принадлежит одному Богу, именно: разрешать грехи, соделать Церковь непоколебимую среди всех волнений, и простого рыбака явить крепчайшим всякого камня, когда восстанет на него вся вселенная... Иеремия поставлен был для одного народа, а Пётр для **целой вселенной**... Отец даровал Петру откровение о Сыне; Сын же откровенное познание об Отце и о Самом Себе посеял во всей **вселенной**, и простому смертному вручил, давши ему ключи, власть над всем небесным; и он распространил Церковь по всей **вселенной**, и явил её сильнейшею самого неба».⁵

1. Оглас. слово 18, пар. 23. Творения Кирилла Пер., С. Петербург, Соикин, стр. 230.

2. Толк. на Тимоф., Творения св. Иоанна Златоуста, изд. СПб. Духовной Академии, том XI, 1905, стр. 692.

3. Толк. на прор. Исаию, гл. II, то же издание, том VI, 1900, стр. 28.

4. Беседа о доброй жизни, то же издание, том III, стр. 63.

5. То же издание, том VII, 1901, стр. 553-555.

Тем же подлинно католическим духом проникнуто учение св. Афанасия Великого. Вот несколько выдержек из его **Толкования на Псалмы**: «Ты — Владыка Иаковлев, и распростёр Церковь Твою до концов земли... **Морем** называется мир, **водами же многими** (Пс. 76, 20) — различные в нём поколения людей... Апостолы прошли всю поднебесную, проповедали всем языкам... Церковь составлена из всех народов... Дело Его (Христа) прострется на **целую вселенную...** Церковь Христова будет озарять и просвещать поднебесную, всегда пребывая, подобно солнцу и луне... В целой вселенной основана Церковь... Дух повелевает апостолам петь новую песнь, т. е. народам целой вселенной возвестить Новый Завет... Проповедь будет слышима в целой вселенной... Лучи истины Твоей быстро распространяются повсюду, потому что пророки, апостолы и учителя росой её напоевают землю...».¹

Св. Ириней называет Церковь «по всей вселенной до пределов земли рассеянной». Блаж. Феодорит писал: «Церковь одна по всей земле и на море, почему мы и говорим в молитве: о святой и единой, католической и апостольской Церкви, сущей от пределов и до пределов вселенной». Св. Августин утверждал, что «по гречески Церковь называется католическою, потому что она распространяется по всему миру».² Такое же понятие о католичности Церкви дают св. Опат Милевитанский, св. Григорий Великий, Евсевий, Пасиан и вообще почти все отцы и церковные писатели, которые писали о свойствах Церкви.

Подлинная Церковь, по природе своей, обладает всеми свойствами, необходимыми для постоянного осуществления своего назначения. В первую очередь, следует отметить её **сверхнациональный** характер. Поместная церковь, подчинённая той или иной нации, по необходимости замкнута в себе самой; нация, как таковая, может стремиться к политическому или поместно-культурному господству во всём мире, но вселенский дух Церкви ей чужд: Церковь относится с равным доброжелательством ко всем народам, нация же имеет в виду собственное процветание. Кроме

1. Творения св. Афанасия Вел., Св. Троицкая Сергиева Лавра, ч. IV, 1903, стр. 197, 261, 285, 294, 295, 307, 314, 315, 345 и др.

2. Относительно этих трёх свидетельств см. Dogматическое Богословие Макария, изд. 1857 г., т. II, стр. 186.

того, распространение Церкви по всему миру предполагает общие, согласованные усилия, что почти неосуществимо при наличии нескольких обособленных, часто друг с другом соперничающих, национальных церквей. Вселенский динамизм Церкви неотделим от её единства. И именно своим сверхнациональным авторитетом Церковь наиболее действенным образом поддерживает, развивает и освящает национальную жизнь; Церковь применяется к этническим особенностям всех народов, проникается ими; она всегда идёт навстречу всем здоровым начинаниям.

Так как в Церкви „дух” неразрывно связан с „телом”, господствует над ним и определяет его, то сверхнациональным должен быть и весь соборно-иерархический строй Церкви, по крайней мере в виде объединения всех одной верховной сверхнациональной и вселенской властью: „чисто духовное” вселенство навсегда и по неизбежности останется только отвлечённой идеей, фикцией, прекрасной утопией.

„Географическая” вселенскость есть только исходная, наиболее наглядная и „овнешнённая” ступень универсальной католичности Церкви; этот аспект вселенскости Церкви не самый ценный, но в сочетании с её единством он важен как признак её подлинности. Церковь носит отпечаток вселенскости **во всём**: во всём своём учении и во всей своей жизни. Церковь во всех отношениях исчерпывающе универсальна: её следует назвать вселенской во всех смыслах этого слова. Здесь свойство католичности как бы сливается со свойством святости, которая тоже сводится, в конечном итоге, к стремлению к всесторонней, исчерпывающей, „совершенной” полноте бытия, т. е. к Богу. Невозможно перечислить все виды вселенскости Церкви; ограничимся несколькими примерами.

Церковь допускает различные обряды и обрядности; она считает святыми и римский, и мозарабский, и много других обрядов, не делая исключения для византийского. В Церкви, благочестивые обычаи и формы почитания Бога и святых бесконечно разнообразны; чтобы убедиться в этом, стоит только сравнить между собою религиозные особенности католиков — испанцев, китайцев, немцев, индусов, американцев или австралийцев. Во вселенской Церкви монашеская жизнь принимает самые разнообразные оттенки, смотря по особой непосредственной цели, которую преследует тот или иной орден или конгрегация (проповедниче-

ская деятельность, жизнь в крайней нищете, созерцание смирения Пресв. Богородицы или её страданий, почитание Пресв. Евхаристии, ручной труд, служение ближнему в виде воспитания юношества, ухода за умалишёнными и прокажёнными, помощи старикам или бездомным и т. д.). Сообразно обстоятельствам места и времени, любовь к ближнему имеет в Церкви беспредельно разнообразные облики. Церковь идёт навстречу всем без исключения нуждам человека. Церковь одобряет прославление Бога всеми формами искусства, поскольку они не оскорбительны для веры и нравственности; католические храмы строятся во всевозможных стилях — готическом, византийском, романском, ренесанс и проч., а вне Европы и в бенгальском, китайском, южно-американском... Церковь допускает украшение святынь не только иконами, но и другими видами изображения святых, в том числе статуями; в области церковной музыки Церковь разрешает не только пение, но и игру на органе.

Столь большое разнообразие само собою вытекает из назначения Церкви: подходить к людям самых разнообразных характеров, культур, вкусов и привычек. Оно есть прямое логическое следствие всех данных Евангелия, касающихся католичности Царства Христова на земле.

Ради более точного выяснения смысла разбираемого нами догмата, обратимся к возражениям.

1) В Символе веры Церковь именуется **соборною**, а не **кафолическою**.

Ответ.— Слово „соборная“, как оно понимается теперь, представляет собою мало удачный перевод слова „католикэн“, принятого II Вселенским собором. Слово „католикэн“ есть прилагательное, непосредственно образованное из „кат олю“, т. е. — по „всему (миру)“. В слове „соборная“ эта идея совсем оставлена в стороне: „соборный“ происходит от „собирать“, а собирать-то можно не только со всей земли, но и в пределах одного народа, города или даже семьи. Это слово может легко ввести в заблуждение. Большинство древнейших славянских переводов символов веры и церковных канонов содержат слово „кафолическая“ (Церковь) вместо позднейшего „соборная“. В переводе (X в.) Иерусалимского Апостольского Символа мы читаем: „кафолическую Церковь“. В конце текста Никейского Символа, приведённого в Устюжской Кормчей (анафематствование), Церковь

названа „кафоликia“. В самом древнем из дошедших до нас переводов Символа Константинопольского вселенского собора мы находим: «... во едину, святую, кафоликию и апостольскую Церковь»¹

В **Православном Догматическом Богословии** прот. Н. Малиновского (Сергиев Посад, 1909, т. III, стр. 513) мы читаем: «Наименование церкви соборною в славянском переводе символа — не первоначальное. В более древнейших славянских переводах символа греческое „кафоликэ“ оставляется без перевода, т. е. читается **кафолическую, кафоликию**, а перевод словом **соборная** принят уже после. Но такой перевод признают не точным, не соответствующим главному и наиболее употребительному понятию подлинника, что, как будто, сознавали сами древние славянские переводчики, поставляя рядом **кафоликia и соборная** (рукоп. 14-15 в.) и позднейшие (напр., в Книге Правил), восстанавлившие греч. **кафолическая** вместо **соборная**. Греческое „кафоликос“, от „ката“ — по, сообразно, и „олос“ весь (не всякий, а) целый, полный, значит: всеобщий, повсюдный, вселенский, всемирный. У LXX и в Новом Завете это слово не встречается, а у древнейших христианских писателей (Феофила, Юстина, Климента Ал., Иринея, Оригена, Дионисия, Тертуллиана и др.) употребляется для обозначения понятия **вселенскости** или **повсюдности**. В Апост. пост. (VIII, 10) под кафолическою церковью разумеется та, которая **от концов земли до концов её**. Бл. Августин говорит (*De Genes. ad liter.*, 4): *ecclesiam, quae catholica dicitur ex eo, quia... per totum orbem diffusa est*. Делают догадку справедливую, что слово „кафоликэ“ древние славянские переводчики не передали словом **вселенская** по следующей причине: тогда вселенная (ойкуменэ) означала собственно византийскую империю... и церковь вселенскою называлась константинопольская, глава которой доселе носит титул патриарха вселенского. Следовательно, если переводчики не взяли термина вселенский с таким узким применением, то этим самым они засвидетельствовали, что кафоличность церкви нужно понимать неограниченно, — в смысле всемирности, не ограниченной повсюдности, предназначения её для всей вселенной безизъятно, а не для „ойкуменэ“ в византийском или **orbis terrarum** в римском смысле... Для жизни церкви заповедуется.

1. См. беспристрастное историческое исследование русского учёного А. Гезена История славянского перевода символов Веры, СПб, 1884. — В русских переводах творений свв. отцов „кафоликэ“ иногда передаётся словом „повсемственная“, от предлога „по“ и местоимения „все“ (ката, олю): слово это безусловно в отношении содержания, но недопустимо с точки зрения чистоты языка.

что она должна направляться не к автономическому обособлению частей, а к централизующему объединению их во всей вселенной... Ещё меньше соборностию предreshается и санкционируется республикански-парламентарная выборность (**Церк. Вед.**, 1906, № 2)... В русском переводе **Послания вост. патр.** (10 чл.) также говорится: **веруем... в святую, вселенскую, апостольскую церковь...**»

— Почти все серьёзные православные богословы признают, что перевод в Символе веры греческого слова „католикэн” словом „соборную” неудачен.

Некоторые антикатолические полемисты пытаются обессилить исторические документы, говорящие в пользу Католической Церкви, противопоставляя слово „кафолическая” слову „католическая”. Такая аргументация напоминает времена протопопы Аввакума. И „кафолическая” и „католическая” представляют собою лишь первоначально совсем однозначные варианты перевода одного и того же греческого слова.

2) Церковь Христова существовала при апостолах в сравнительно узких географических пределах.

Ответ.—Для вселенскости Церкви требуется не фактическое существование Церкви во всём мире на всём протяжении церковной истории, но стремление к распространению по всему миру, **жертвенные усилия** в этом направлении и постепенное действительное установление церковной жизни среди всех народов земного шара. Этот религиозный динамизм воодушевлял Церковь с первых же дней её земного существования. В нашу эпоху, вряд ли найдётся какая-либо страна в любой из пяти частей света, где „закваска” католической Церкви отсутствовала бы вполне.

3) Протестантизм не менее универсален, чем католичество. Итак, вселенскость не может быть отличительным признаком одной Церкви.

Ответ.—Подлинная вселенскость **неотделима** от прочих существенных свойств и признаков Церкви, в частности — от единства Церкви в учении и в управлении. Протестантизм же, как всем известно, лишён действительного единства; даже в пределах одной и той же секты, часто нет ни церковного иерархического, ни догматического единения. Церкви присуща положительная органическая католичность, протестантизм же есть изливание по всему миру хаотического смешения друг другу противоречащих систем и толков, из которых некоторые дошли до отрицания самой основы христианства, божественности Господа нашего Иисуса Христа.

4) Христианский динамизм должен быть вертикален, а в католичестве он горизонтален (Бердяев).

Ответ. — Как видно из приведённых нами текстов Св. Писания и Предания, отрицать «горизонтальность» церковного вселенства — то же, что отвергать Евангелие и отцов Церкви. Конечно, вселенство Церкви не может не быть и «вертикальным», не быть устремлённым из глубин души к небу. Но в Церкви «вертикальность» не исключает «горизонтальности», а наоборот — предполагает её; „горизонтальное“ распространение Церкви свидетельствует о наличии в ней пламенной «вертикальной» преданности Тому, Кто сказал: идите, учите все народы. Отрицать «горизонтальность» Церкви может только скептик или гностик, окончательно порвавший с «вертикальной» сущностью Христова учения.

5) Церковь смиренна, ей не приличествует дух мирового господства и духовных завоеваний.

Ответ. — Именно потому, что Церковь смиренна, ей подобает **смирненно повиноваться воле Спасителя** относительно вселенской мировой проповеди христианства «всем народам» и смиренного апостольского труда над спасением всех людей, искупленных кровью Богочеловека. Замыкаться в собственном самодовольстве свойственно только гордым. Стремление Церкви к так наз. «мировому господству», т. е. к самоотверженному служению всем людям, доказывает, что в ней жив Христос. Дух гордости примешивается к «духовным завоеваниям» скорее всего там, где вселенская Церковь ослаблена или вытеснена религиозными течениями, уклоняющимися от вселенскости из национально-политических соображений.

6) *Сих двенадцать послал Иисус..., говоря: на путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 10, 5-6). Итак, Христос хотел установить не вселенскую, а национальную еврейскую Церковь.

Ответ. — Указанный текст, как видно в особенности из параллельного текста у Луки (9), относится к **временной** отправке учеников Христовых на своего рода «упражнения» в апостольской деятельности. Эта отправка состоялась гораздо раньше торжественного провозглашения Спасителем вселенского назначения Церкви, именно тогда, когда апостолы были весьма неопытными в святом искусстве обращать язычников в христианство (ср. Лк. 9, 55). Христос **постепенно** основывал Своё Царство на земле; этот равномерный и всеобщий

постоянный переход от меньшего к большему, от поместного к вселенскому, весьма характерен для всей проповеднической деятельности Спасителя, как впрочем и для всей церковной икономии спасения; эта постепенность говорит нам о чрезвычайной любви к людям Иисуса Христа, не желавшего сразу возлагать на Своих учеников слишком тяжёлое, непосильное бремя. Итак, приведённый возражателями текст вовсе не противоречит Христовой заповеди вселенского апостольства, а доказывает только, что в глазах Христовых это апостольство гораздо труднее и совершеннее служения национальной религии. Заметим также, что наставление, о котором говорится в возражении, было дано апостолам задолго до великого преступления, совершённого еврейским народом — отречения от Мессии. Богоизбранный народ **был призван** сыграть исключительную роль во вселенском распространении христианской религии, но отказавшись от Христа, он, тем самым, лишился своего высокого призвания.

7) В ответ на моления Хананейки, Спаситель сказал: *не хорошо взять хлеб у детей и бросить им сам* (Мф. 15, 26). Значит, хлеб спасения надо хранить для своих, а не для иноплемеников.

Ответ. — Христос хотел сказать, что вера, приносящая спасение, может быть весьма живой и чистой даже у «чужих»: Он дал Хананейке возможность проявить глубокое смирение и упование, чтобы с тем большей силой указать присутствующим на способность представителей любой народности воспринимать благовест: *О женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь её в тот час* (там же, ст. 28).

8) Слова Христа о вселенском распространении Церкви имеют эсхатологический смысл, касаются только времён, которые будут непосредственно предшествовать концу мира (ср. Мф. 24, 14).

Ответ. — Факт распространения Церкви перед Страшным судом ничуть не исключает постепенно совершающегося её распространения, а скорее предполагает его. Кроме того, если тот или иной текст Евангелия и допускает эсхатологическое толкование, то нельзя того же сказать о велении Христа Своим апостолам проповедывать Евангелие „всякой твари“: веление это дано Спасителем **безусловно** и потому сохраняет свою силу во всякий момент существования Церкви. Сами апостолы не иначе понимали заповедь вселенского миссионерства: *А они (апостолы после Вознесения) пошли и проповедывали везде* (Мк. 16, 20).

9) Между апостолами возникали споры относительно проповеди

христианства среди язычников: вселенскость они, повидимому, не считали существенным свойством Церкви.

Ответ. — Таких сомнений у апостолов быть не могло в виду определённых недвусмысленных слов Спасителя. Споры же возникали вовсе не о том, проповедывать ли христианство язычникам или нет, а о том, следует ли требовать от крещённых из язычников соблюдения некоторых еврейских обрядов и обычаев. В Св. Писании нет ни малейшего намёка на какое бы то ни было колебание в отношении обязанности иерархии *учить все народы*.

10) Вселенское проповедничество Евангелия было необходимо в самом начале существования Церкви, когда христианство почти никому не было известно. Впоследствии Евангелие приобрело всеобщую известность, и потому эта необходимость отпала.

Ответ. — В Св. Писании нет никакого указания на подобное ограничение. Наоборот сказав: *научите все народы*, Спаситель тут же присовокупил: *се, Я с вами во все дни до скончания века*; эти последние слова были бы неуместными, если бы заповедь вселенской проповеди имела только временное значение. Иисус Христос не ограничился тем, что сделал Своё учение общеизвестным в Иерусалиме, но деятельно трудился над спасением людей. Он ходил к людям, которые уже слыхали о Нём, и поучал их. Одной общеизвестности христианства мало; свет Христов постоянно и везде затемняется лжеучениями, ложными самозванными толкованиями, человеческими страстями, искажениями ради той или иной выгоды: на обязанности Церкви лежит везде и постоянно бороться со всеми вредными влияниями.

11) Для вселенскости Церкви достаточно, чтобы в одну эпоху она имела последователей в одной стране, в другую — в другой и т. д.

Ответ. — Такое кочевание всей Церкви из одной страны в другую не соответствует воле Спасителя, Который хотел, чтобы во всякое время Церковь спасала возможно больше людей, из какого бы племени они ни были. В своих апологетических трудах против еретиков, свв. отцы, в частности св. Августин, часто ссылаются на непрерывное и повсеместное стремление Церкви к возможно большему распространению.

12) Евангелие говорит о „малом стаде“, о небольшом числе избранных. Как совместить это с учением о необходимости всемирного распространения христианства?

Ответ. — Слова Христовы о малом стаде относятся к апостолам,

а не ко всей Церкви; и понятие „избранные“ не совпадает с понятием „члены видимой Церкви“. Впрочем, в сравнительном смысле, в сравнении с огромным количеством заблуждающихся, Церковь действительно „малое стадо“. Как бы мало людей ни отзывалось на голос Церкви, Церковь не перестаёт призывать к спасению всех, ибо Глава её *хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4). Из того, что многие пренебрегают спасением, предоставляемым им Церковью, ничуть не следует, что Христос желал спасения немногих или что Церковь со своей стороны может равнодушно относиться к вечной гибели кого бы то ни было. Церковь могла бы отказаться от вселенской проповеди спасения только при еретическом предположении, что Христос, умирая на кресте, желал спасения лишь немногих „предопределённых“.

13) Это интернациональное вселенство вредно отзывается на патриотическом чувстве, оно притупляет любовь к отечеству и родному народу.

Ответ. — Как раз наоборот. Своей вселенской любовью к людям Христос несравненно больше сделал для родного народа, чем те еврейские националисты, которые добивались Его смерти. Проникаясь Христовым учением о любви к ближнему, даже врагу, личному или национальному, человек становится способным на геройское самоотречение, необходимое для подлинно патриотического служения родине. Католическая Церковь нисколько не противится любви к отечеству, но облагораживает и укрепляет эту любовь, подвергая её благотворному влиянию вселенской любви Спасителя к падшему человечеству. Христова Церковь обеспечивает религиозно-культурное процветание не только отдельным людям, но и целым государствам, странам; быть же участниками спасения, для себя или родной страны, мы можем только в том случае, если подчиняем земные интересы вселенским чаяниям Христа. Не следует смешивать сверхнациональную католичность Церкви Христовой с духом разных современных безрелигиозных „интернационалов“: Католическая Церковь вдохновляет и поддерживает здоровую национальную жизнь, „интернационалы“ же убивают её. **Как национализм, так и интернационализм может быть или христианским или безбожным.** Христианину подобает противопоставлять христианский национализм безбожному национализму и христианский „интернационализм“ — безбожному интернационализму, а не национализм вообще интернационализму вообще. Точнее: болезненному, смертоносному разложению жизни

на противоборствующие начала антиинтернационального национализма и антинационального интернационализма, христианам, в силу самой сущности христианства, подобает противопоставлять жизненное сочетание, синтез, взаимопроникновение друг друга предполагающих и друг друга оберегающих творческих начал: здорового, цельного национализма и подлинного христианского „интернационализма“. Одно является залогом другого. Только движимый вселенским духом и строем Церкви национализм может достигнуть полного расцвета; только внедряя в себя здоровые особенности каждого народа, Церковь может быть жизненно, а не только отвлечённо, международной, сверхнациональной, католической. Это не противоречие, а одна из наиболее глубоких „антиномий“ христианства, один из аспектов существенного свойства Церкви — быть образом, „иконой“, совершеннейшего абсолютного сочетания кажущихся противоположностей — Бога.

Тому, кто с помощью Евангелия вдумывается в эту сущность всеобъемлющей католической Церкви, становится понятным, почему безбожные силы на земле, с одной стороны, всячески стремятся подменить католическую вселенскость разными отвлечёнными, в национальной жизни не укоренёнными интернационалами, а с другой стороны, изо всех сил способствуют образованию независимых от Рима „национальных церквей“.

*Глава четвёртая***АПОСТОЛИЧНОСТЬ ЦЕРКВИ**

Церковь называется апостольской в следующих смыслах:

1) Истинная Церковь **восходит** к апостолам; она была насаждена их трудами. Эмпирическая Католическая Церковь не появилась лишь впоследствии, во II или III веке, как утверждают протестантские рационалисты, она не „вылилась” из случайных обстоятельств или из одних только природных стремлений человека к организации, а, во всех своих существенных чертах, была учреждена своим Главою, Иисусом Христом, в виде религиозного богочеловеческого общества, возглавляемого апостолами.

2) Истинная Церковь верна **учению Христа, преподаванному нам апостолами**. Она верна Преданию, сохранившему содержание апостольских наставлений в вере. Всё её догматическое учение есть только раскрытие и применение к частным вопросам истин Откровения, данного апостолам. Понимаемая в этом смысле, апостоличность Церкви есть существенное свойство, но не признак истинной Церкви, ибо она не очевиднее самой Церкви и предполагает долготелнее серьёзное изучение догматического богословия.

3) Истинная Церковь управляется единственной объединённой церковной иерархией, учреждённой Спасителем в лице *Петра с одиннадцатью* (Деяния 2, 14). Другими словами — подлинная Церковь есть та, которая сохранила закономерную и прямую архипастырскую **преемственность** от апостолов, и притом не только в отношении передачи способности совершать все таинства (действительные рукоположения возможны и в расколах), но и в отношении передачи полномочий **учить верующих и управлять Церковью**. В этом смысле, апостоличность есть признак Церкви; при отсутствии предвзятости, не трудно узнать, какое из

существующих христианских исповеданий сохранило **полноту и единство** тройной власти — освящать верующих таинствами, руководить ими и учить их — данной Спасителем апостолам, возглавляемым Петром.

Необходимость иерархической преемственности от апостолов явствует чуть ли не из каждой главы Нового Завета.

Пастырская власть в Церкви немислима без соответствующих **полномочий, прямо** или косвенно исходящих от Самого Бога. Для того, чтобы кто-либо мог законным образом поучать и действовать от имени другого, он должен прежде всего получить от него надлежащее **поручение**; это требование здравого смысла, более чем где бы то ни было, применимо в Церкви, в которой не должно быть ничего бессмысленного, беспорядочного, хаотического. Самозванство пагубно везде; тем более, ему нет места в Церкви. Христос остерегал Своих последователей от самозванных пророков: *Берегитесь лжепророков... в овечьей одежде... Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали?... И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7). Апостолы строго осуждали всех „независимых” пастырей и учителей. Одному из них Павел сказал: *о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать...* (Деяния 13, 10). Дальше мы читаем такие указания у апостолов: *Возлюбленные!...испытывайте дугов, от Бога ли они: потому что много лжепророков появилось в мире* (1 Иоанна 4, 1). *У вас будут лжеучители, которые введут пагубные среси...* (2 Петра 2, 1). *Всякий первосвященник... поставляется на служение Богу... И никто сам собою не приемлет этой чести... Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником...* (Евр. 5, 1-5). *Всякий, кто призовет имя Господне, спасется. Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыжали? как слышать без проповедующего? И как проповедывать, если не будут посланы?* (Рим. 10, 13-15). Итак, в Церкви спасение сообщается через „**посланных**”. Да и само слово „апостол” обозначает именно „**посланный**”.

Иисус Христос получил от Отца божественное поручение спасть людей, и это поручение Он передал апостолам с тем, чтобы они, в свою очередь, сообщали его своим заместителям и преемни-

кам. Христос часто намекал на то, что Он есть обещанный и посланный Отцом Мессия, что Он пришёл на землю с одной лишь целью исполнить волю Отца. И продолжать исполнение этой святой воли Отца Он поручил только апостолам: *И Он повелел нам (апостолам) проповедывать людям и свидетельствовать, что Он есть определённый от Бога Судия живых и мёртвых* (Деяния 10, 42). Поэтому, кто отвергает апостолов, тот отвергает Христа. *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас* (Ио. 20, 21).

Апостолы безусловно сознавали, что духовная власть дана только им и тем, кому они сами её передадут; это вполне наглядно из повествования об избрании Матфия. Епископов, получивших власть от апостолов, все должны уважать: *Увещавай и обличай со всякою властью, чтобы никто не пренебрегал тебя* (Тит. 2, 15). Верующие становятся „своими Богу” лишь постольку, поскольку они утверждены **на основании апостольской иерархии**, с которой Спаситель пребудет до скончания века: *Вы... сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем* (Ефес. 2, 19-20). *Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати апостолов Агнца* (Апок. 21, 14).

Отцы Церкви не признавали иной церковной жизни, как та, которая зиждется на преемственности от апостолов. По словам св. Ириния, «следует слушаться священников, которые обладают преемственностью от апостолов...; тех, кто уклоняется от главной преемственности (т. е. преемственности Римских епископов от Ап. Петра)..., следует считать подобными еретикам, раскольникам и фарисеям...; все они уклонились от истины... Истину следует принимать от тех, кто обладает церковною преемственностью от апостолов».¹ Другие отцы, в сходных выражениях, также ссылались на апостольскую преемственность, как на признак подлинной Церкви Христовой.

Рассмотрим возражения.

1) *И иных Бог поставил в Церкви во-первых Апостолами,...* далее, *иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки. Все ли Апостолы?... Все ли чудотворцы?... Ревнуйте о дарах больших* (1 Кор. 12, 28-31). Итак,

1. Против ересей, IV 26.

не вся церковная жизнь связана с апостольской преемственностью.

Ответ. В Церкви всегда были, есть и будут святые, чудотворцы, люди одарённые необычайными „дарамы” Духа Святого: это вытекает из святости Церкви. Но здесь нет ничего противоречащего значению иерархии, первыми звеньями которой были апостолы. Как раз наоборот. Апостольская иерархия на то и учреждена, чтобы **вести людей к святости**, воспитывать их в духе „больших даров”, ограждать подлинную „чудодейственную” жизнь от ложного, обманчивого или болезненного псевдо-харизматического „самочиния”. Смирненное повиновение апостолам и их преемникам не только не убивает благодатной жизни в душах верующих, но, как нельзя лучше, способствует её процветанию; где живо это повиновение, там изобилует и святость: это неоспоримый факт, в котором всякий может лично убедиться. С другой стороны, истинные подвижники — в отличие от лже-мистиков и духовных самозванцев, которые были так строго осуждены Ап. Павлом — всегда являлись надёжной опорой преемников „Петра с одиннадцатью”: молитвою, советами и увещаниями, они поддерживали в них апостольскую ревность и твёрдость в отстаивании иерархического начала против поползновений духовных революционеров; стоит только вспомнить о св. Кирилле Александрийском, св. Феодоре Студите, св. Бернарде, св. Екатерине Сиенской и стольких других Божиих людях, ревностно защищавших духовную власть Апостольского Престола. Харизматические дары не исключают значения апостольской преемственности потому, что следствие не исключает причины и плод не „исключает” того корня, которому он обязан своим существованием.

2) Преемники апостолов — епископы — имеются и в католичестве и в восточных церквях; поэтому, апостольская преемственность не может служить доказательством в пользу истинности той или другой Церкви.

Ответ. — С самого начала церковной истории, во многих расколах, бывали подлинные, действительным образом хиротонисанные епископы, а между тем преемственность от апостолов всегда считалась отличительным признаком одной только истинной Церкви. Поэтому, указанный факт только подтверждает сказанное нами выше: чтобы какой-либо иерарх мог сослаться на свою преемственность от апостолов, одной, даже бесспорно действительной, хиротонии недостаточно; он должен, сверх того, принадлежать к единой Христовой иерархии: быть в духовном единении с её видимым главою; не от-

дельная группа иерархов является преемницей группы апостолов — и тем более, всего собора апостолов, — но единый и неделимый епископат, иерархически связанный со своим главою, преемником главы апостолов, является единственной иерархией, начало которой было положено „Петром с одиннадцатью“. Чтобы быть законным архипастырем Церкви, надо, кроме хиротонии, иметь полномочия, быть посланным от высшей церковной власти или, по крайней мере, управлять епархией с молчаливого согласия этой власти. Подлинная апостоличность не может не быть единой, святой и вселенской.

Другие возражения, касающиеся преемственности от апостолов, разбираются нами в главе о папском служении.

---

*Глава пятая***ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ
ИСТИННОЙ ЦЕРКВИ**

Приводимые ниже соображения касаются не каких-либо новых свойств Церкви, а служат лишь для более точного установления некоторых точек зрения, могущих служить вспомогательным средством при искреннем искании подлинной Церкви.

I

Ад ненавидит истину. Спаситель неоднократно упоминал об этом, например, когда Он обещал построить Церковь Свою на Петре (Мф. 16). **Истинная Церковь ненавидима и гонима «вратами ада» во всём, во всех своих свойствах и подлинных проявлениях; другие же церкви гонимы адом лишь постольку, поскольку они остались верными истинной Церкви; поскольку же они восстали против неё, они не только не преследуются сатанинскими силами, но даже пользуются их благоволением.** Этот факт вполне нагляден, если отбросить все посторонние данные, могущие ввести в заблуждение: надо иметь в виду отношение **врагов Бога, как таковых** (а не поскольку они преследуют определённые политические или экономические цели), к Церкви, как таковой, к её **принципам** (а не к тем или иным посторонним факторам или **уклонениям** пастырей и мирян от её принципов). Итак, всякий, кто искренне желает разрешить вопрос, какое из существующих теперь христианских вероисповеданий представляет истинную Церковь, должен без предвзятости

изучить отношение воинствующих безбожников ко всему тому, в чём эти вероисповедания противоречат одно другому; ибо по всем учениям разных исповеданий, которые приемлемы и для истинной Церкви, отношение безбожников к этим исповеданиям, конечно, одинаково. То же вероисповедание, которое, по всем существенным **расхождениям** с другими вероисповеданиями, постоянно имеет против себя ненавидящих Бога и Христа, является подлинной Церковью Христовой. Ради большей убедительности здесь полезно иметь в виду и разные страны и разные эпохи.

Католичество признаёт духовную власть преемников Петра, главы апостолов, другие вероисповедания этой власти не признают. **Всегда и везде** врата ада страстно ненавидят папство и нисколько не возражают против разделения епископата на самостоятельные поместные иерархии и, тем более, против полного отрицания иерархического начала. В этом можно убедиться, познакомившись, например, с масонской или большевицкой антирелигиозной литературой: она вся полна яростных нападок и клеветы на папство и ничуть не восстаёт против антиримской демократизации Церкви; аргументы христианских антикатолических полемистов широко распространялись большевиками в народных массах, между тем как апологетика папства всегда была строжайше запрещена на всей территории СССР. В своём труде „Против Попов” (Москва, 1923, выпуск IV, стр. 9), воинствующий безбожник Розенов с восторгом пишет: «В характере всех еретико-коммунистических движений имелись некоторые общие черты; **все они направляли главное острие своей борьбы против папы**».

На всём протяжении истории последних веков, во всём мире не было ни одного крупного международного съезда безбожников, на котором борьба с „папизмом” не была бы признана существенной задачей воинствующего атеизма.

Вот несколько выдержек из постановлений международных или национальных „конгрессов” безбожников или из речей, произнесённых вождями масонства:

«Пока мы не оторвали все народы от Рима — мы ничего не сделали» (Convent du Grand Orient, 1902, стр. 370).

«Католичество нам (атеистам всех стран) мешает больше других религий; необходимо прежде всего устранить именно его» (Viviani; Moniquet, стр. 399).

«Надо раскатоличить мир...» (там же, стр. 70 и 73).

«День уничтожения догмата папской безошибочности... будет великим днём для человечества» (Rivista della Massoneria Italiana, XII, стр. 248).

«Папизм надо искоренить, обесчестить, затоптать в грязь!» (Rosen, стр. 193).

«Нет ничего равного вселенской власти папы... Перед этой духовной гремучей змеей необходимо единство масонства» (Conseil Suprême de Charleston, VIII, стр. 174).

«Ватикан подобен гигантскому спруту... Мы должны разрушить этот апостольский символ ужаса..., если хотим предохранить поколения от догматов» (Convent du Grand Orient, 1922, стр. 102).

Надо «открыто бросить вызов папе» и «повести войну против этого колосса» (Интернациональный Съезд Атеистов в Брюсселе, в 1910 г., Офиц. протоколы, стр. 124).

«Враг, победить которого безусловно необходимо, ... это папство с его гвардией, иезуитами» (Международный Конгресс Безбожников в Женеве, 1903, Протоколы, стр. 35).

«Необходимо лишить (католическую) церковь авторитета... Необходимо разрушить религию» (Парижский Международный Масонский Конгресс, 1900, Протоколы, стр. 102).

«За исключением папы, масонство ни в ком не видит себе противника» (Интернацион. Масонский съезд в Брюсселе, 1904, Протоколы, стр. 43).

Другие, весьма поучительные документы читатель найдёт в журнале **Вера и Родина**, 1925, № 14.

Католичество отстаивает нерасторжимость таинства брака, между тем как другие исповедания допускают разводы и браки с разведёнными. И в этом отношении, большевизм (как и масонство и все какие только ни существуют антирелигиозные силы) безоговорочно придерживается антикатолической точки зрения.

Все неверующие готовы издеваться над католическими догматами Беспорочного Зачатия и чистилища; никому из них и в голову не придёт восставать против отрицания этих догматов.

Автокефальное православие представляет собою, в конечном итоге, искажённое **отрицаниями** католичество восточного типа. Именно эти отрицания дороги безбожию в той же степени, в какой ему ненавистно всё святое в православии.

Вот несколько поучительных фактов:

1) Несмотря на то, что в советской России католики составляли только около 1 процента населения, больше половины всех антирелигиозных большевистских книг или журнальных статей Союза Воинствующих Безбожников имели в виду или прямо католичество, в особенности папство, или вообще католические начала. Рубрики „На церковном фронте” и „Важнейшие события” в газете **Безбожник** были всегда полны „сведений” о деятельности католической иерархии. Из книг, изданных большевиками против папства, можно составить целую библиотеку.

2) Все те вымыслы против Католической Церкви, которыми кишели иные старые учебники „обличительного богословия” или истории, часто повторяются в большевистской литературе. Таковы: «папская власть порождена гордостью», «цель оправдывает средства», «папесса Иоанна», «политика иезуитов», «папа заслоняет науку» и проч.

3) Упоминая об отпадениях католиков в Греческий раскол — в Прикарпатской Руси, например, — редакторы советских журналов не скрывали своей радости. По поводу же присоединений православных к Католической Церкви, они проявляют крайнее раздражение. См., напр., **Революция и Церковь**, 1923, № 1-3, стр. 60. Безбожник И. Степанов радуется тому, что «наше православие» удаляется от католичества и «скоро пойдёт на выучку к протестантизму» (**О Живой Церкви**, Москва, 1922, стр. 30).

4) В католичестве советские безбожники больше всего ненавидят „религиозный абсолютизм”, „централизацию”, „интернациональную организацию” и „клерикализм”. Против дробления Церкви на автокефалии большевики нисколько не возражают. Книга А. Вульфуса, **Проблемы Духовного Развития** (Петербург, 1922, стр. 130-162), включает длинную апологию церковно-национального начала и яростные нападки на папизм. Свен (**Церковь и государство**, Москва, 1918, стр. 29) радуется тому, что на Востоке нет католической „мечты о мировом владычестве”. Против специфически католических начал направлены переведённые большевиками книги таких крупных апостолов безбожия, как Каутский (**Происхождение христианства**) или Бебель (**Христианство и Социализм**, Москва, 1920; см., напр., стр. 16).

5) Протесты папы против религиозных гонений в России вызвали в советских кругах несравненно больше страха и озлобления, чем все протесты мировых протестантских съездов. См., например, **За и**

против СССР (Москва, 1930). Против Ватикана были мобилизованы даже профессора астрономии.

6) Чем больше какое-либо исповедание уклоняется от принципа авторитетной иерархичности и чем более оно нападает на папство, тем снисходительнее относятся к нему советские безбожники.

7) Детям в советских школах и студентам очень часто даются для „проработки” такие темы как: «Ватикан против науки», «История папства» и т. п.

Весьма поучительно также то, что писал Ем. Ярославский, хорошо известный председатель Союза Воинствующих Безбожников. Вот выдержки из его книги **Против Религии и Церкви** (Огиз, Государственное антирелигиозное издательство, Москва, 1932).

Главу о папе Пие XI он заканчивает следующими словами: «Время сейчас такое, когда все вопросы ставятся на острие. Нужно сделать так, чтобы вокруг нас все поняли, куда идти: вместе ли с нами, строящими социализм, или вместе с теми, кто воздвигал эшафоты, кто заставлял гореть на кострах десятки тысяч невинных людей, кто в потоках крови...» (Том I, стр. 164). Он хочет сказать: кто идёт с воинствующим атеизмом, тот должен бороться против объединения всех христиан папством. Ярославский вполне разделяет мысль Маркса: «Необходимо энергично бороться с попами, особенно в католических местностях» (Том II, стр. 126). Не допускать в России **подлинного** церковного единства, препятствовать признанию православными главенства папы — такова главная задача советского атеизма: «За границей сделана попытка объединить католическую церковь и православную, конечно под руководством папы... В Риме построили даже специальный семинарий для подготовки священников, которые поклонились этой идее унии. По этой линии идёт довольно большая работа со стороны руководителей... религиозных организаций. Мы эту сторону дела должны иметь в виду... **Наша задача заключается в том, чтобы не допускать у нас такого (т. е. под главенством папы, С. Т.) объединения**» (Том II, стр. 288, 289). Значит, аду ненавистно объединение на началах подчинения папе, на Христовых началах смиренного послушания. Ярославский не скрывает своего презрения к некаатолическим формулам церковного единства, духовную беспомощность которых он вполне сознаёт. Вот что он писал о всемирном протестантском съезде христиан в Стокгольме: «На этот съезд собираются сектанты разных толков с целью объединения на какой-нибудь общей программе... Мы заранее не придаём никакого значения тем
10 Церковь Богочеловека

решениям, какие примут попы и проповедники **разных** сект на этом съезде» (Там же, стр. 338). «Наиболее сильная религиозная организация — католическая, во главе с римским папой... Католичество имеет огромное влияние...» (Там же, стр. 407). В своих сочинениях Ярославский постоянно утверждает, что именно с „организацией” религии следует безбожникам бороться. «По призыву папы римского, Пия XI, церковники всех религий организовали крестовый поход против страны Советов» (Там же, стр. 409). «С первых же недель папства Пий XI установил специальную краткую молитву: **Спаситель мира, спаси Россию...** Папа призывает организовать день молитвы для того, чтобы ускорить время, когда все смогут скорее явиться в единую овчарню единого спасителя» (Стр. 484). Молитвенное, благодатное единение всех христиан в одной „овчарне”, в одной папой Римским руководимой вселенской Церкви — вот это-то и есть то, что наиболее приводит в бешенство всех вообще безбожников всех стран. Советские безбожники всё время жалуются на то, что «при Ватикане имеется специальный отдел, где работают бывшие русские священники, имеется специальная семинария для обучения русских священников. Получилась своеобразная уния между русскими православными священниками и католическими» (Стр. 524). Поучительно вообще то, что в советской антирелигиозной литературе эта маленькая семинария часто упоминалась с выражением тревоги и ненависти, между тем как в той же литературе лишь редко упоминается о некатолических семинариях.

В книге А. Метелева **Ватикан** (Ленинград, 1926) мы между прочим читаем: «Среди всех церквей: православной, протестантской, еврейской, мусульманской и т. д., особым могуществом отличается католическая церковь... Ватикан отнюдь не потерял своего влияния». «Папа — владыка католицизма, пользующийся неограниченной властью над религиозным миром и всем аппаратом по управлению католической церкви» (13). Метелева, как и всех безбожников, страшно раздражает то, что папа действительный глава вселенской иерархии и не допускает разложения Церкви. «Не раз и не безуспешно Ватикан объявлял борьбу французской церкви против её национальных уклонов...» (15). Очень не нравятся нашему безбожнику католические ордена, которые своей „дисциплинированностью” столь содействуют процветанию веры во Христа. «Никакая агентура не может столько мешать делу освобождения народов (от христианства), сколько этому мешают агенты Ватикана, именующиеся миссионерами и монахами» (22). Метелев скорбит о том, что католические университеты интернациональны

(23) и в научном отношении высоко поставлены. «Нужно отдать справедливость, что во всех этих академиях, семинариях, колледжах и т. п. учебное дело поставлено очень высоко, эти учреждения располагают высококвалифицированным преподавательским составом, большими средствами и богатыми учебными пособиями. Недаром католическая церковь так крепко ещё держится на теле народа и играет роль серьёзной силы. Народам некоторых стран придётся ещё не один десяток лет вести борьбу с этой реакционнейшей силой...» (25, 27). Само собою разумеется, что Метелева больше всего беспокоят стремления привлечь к вселенскому церковному единству христиан других вероисповеданий. «Святой престол, охраняя прежде всего католическую религию, не отказывает в защите и другим религиям. Недаром так сугубо Ватикан охраняет религию, и не только католическую, но и всякую другую; недаром он учредил в своих стенах такой отдел, который занимается делами религии восточных стран и народов; недаром настоящее положение православной церкви внушает папе некоторые опасения... Повсюду, где только загорается заря освобождения трудящихся... от религии, Ватикан, в лице своих миссий, устремляется туда, чтобы загасить эту зарю. Борьба с этим чёрно-интернациональным штабом в католических странах будет ещё долго представлять большую трудность... Только пролетарская революция в своём огне расплавит твердь Ватикана, постепенно освободит человечество от религиозного фанатизма» (43). То же самое повторяют сотни советских антирелигиозных писателей.

Характерно и поучительно то, что лучшие писатели-агитаторы из среды фанатически воинствующих безбожников почти исключительно заняты борьбой против „Ватикана“, догмата папского главенства в иерархии, идеи воссоединения Православных с Католическою Церковью. Таков, напр., пресловутый М. Шейнман, автор ряда книг и брошюр, направленных против „Ватикана“; Шейнман не может простить папе следующих преступлений: папа проповедует единство Церкви, «борется с атеизмом», «призывает вернуться к религии, ... бороться против материализма... атеистического коммунизма» и т. д. (**Ватикан между двумя мировыми войнами**, 1948, стр. 130, 139, 199, 218 и др.).

Почувительно также и то, что коммунисты постоянно подстрекают православных иерархов нападать на папство и отрывать от Рима униатов; цель этой тактики ясна: погубить всё христианство, не исключая православия, используя предварительно трагическое

заблуждение автокефального православия — отрицательное отношение к главенству папы.

Недаром Г. Карпов, «Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР», так горячо приветствовал православных первосвятителей, съехавшихся на Московский собор 1948 г., и высказал радость Советской власти по поводу того, что «автокефальные, национальные церкви» остались „самостоятельными“ (по отношению к Риму, С. Т.) и „на протяжении своей истории строго охраняли свою церковную... независимость“ (*Журнал Московской Патриархии*, 1948, спец. номер, стр. 11).

Советские безбожники благосклонно относятся ко всему антикатолическому в православии. Зато, они **ненавидит** всё, что в современном православии есть общего с католичеством: все православные догматы; семь таинств; почитание Богородицы, святых и икон, и т. д.

Могут возразить:

а) Коммунисты **подчёркивают** равенство всех религий, они объявили войну всем религиям.

Ответ.— Они преследуют все религии, ибо во всех религиях есть хоть небольшая доля ненавистной им истины. Они преследуют **все религии, но не во всём**, а только в том, что эти религии имеют или могут иметь общего с Католическою Церковью. А если поглубже вдуматься в антирелигиозную тактику большевиков, то станет ясным, что они, как и все в мире безбожники, сводят все религии к равенству, к одному уровню, „одному знаменателю“, — из фактической ненависти к „католической нетерпимости“, к католическому догмату **единой** спасающей Церкви. Все атеисты прекрасно понимают, что принцип равноценности разных вероисповеданий крайне пагубен для Церкви Христовой.

б) Недопустимо это оскорбительное для христиан не католиков приравнивание их антикатоличества к антикатоличеству безбожников и богохульников.

Ответ.— Мы ничего не приравниваем, мы только устанавливаем материальный факт **совпадения** в отрицании папства; намерений и духа мы здесь не касаемся. Более того, мы не только не приравниваем православных к безбожникам, но наоборот исходим из бесспорного для нас положения, что на почве религиозных вопросов у православных не может быть ничего общего с безбожием, и потому из факта стремления воинствующих атеистов устранить или хотя бы только ослабить объединение Церкви папством, мы выводим прямое,

простое, убедительное для всякого беспристрастного человека заключение, что неповиновение христиан папе — не религиозно, не православно; это — явление противоречащее православию, калечащее его, претящее ему. Именно из уважения и любви к православным мы должны указывать им на безусловную неправославность антипапства. Впрочем, сказанное нами относится не только к православным, но и ко всем христианам, даже к католикам, поскольку и они подчас поддаются соблазну духовной жизни без послушания. Заметим ещё, что отмеченный нами исторический закон исключительной враждебности безбожия к католическим религиозно-церковным началам, где бы они ни проявлялись, в той же мере, в какой он доказывает неправославность отрицания папства, доказывает также богоугодность и **святость** всех тех элементов православия, которые или имеются налицо в католичестве, или по крайней мере потенциально заключаются в нём, не противоречат ему. Закон этот наглядно показывает, как близко к истине Христовой православие, не изуродованное последствиями римско-языческого отрицания единой вселенской иерархии.

в) Безбожники просто стараются разложить христианство, подерживая возражения православных против католиков и католиков против православных.

Ответ. — Ещё раз повторяем: мы имеем в виду не сложные житейские отношения — политические, национальные, экономические, научные и др.: в этой области возможны, конечно, самые разнообразные сочетания сил и симпатий, смотря по тому, какие интересы берут перевес над другими; последняя война породила немало причудливых разъединений и коалиций. Мы остаёмся в пределах интересующей нас дилеммы религия-безбожие, и в этой именно области факт приводимый возражателем никогда не наблюдался. В безбожнической литературе мы на каждом шагу встречаемся с выпадами против главенства папы, против безбрачия духовенства, индульгенций и т. д., очень часто почти дословно заимствованными у антикатолических богословов; но никогда никакой воинствующий безбожник не взял сторону папства против них; никогда большевики не выступили заодно с католиками в вопросах церковного строительства или вероучения. Да иначе и быть не может: все специфически католические начала диаметрально противоположны специфически безбожным, между тем как антикатолические наслоения в православии — далёкие отголоски безверия и чужды подлинному благочестию православных народов. Атеизм как таковой всегда стоит на стороне тех, кто стре-

мится разложить католичество на независимые друг от друга поместные общины и свести на нет многовековую работу пап над объединением христианского мира. Но безбожие всегда против положительного православия, которое Католическая Церковь признаёт и всячески стремится поддержать, укрепить, духовно углубить и защитить от тлетворных влияний.

г) Большевики убили больше православных епископов и священников, чем католических.

Ответ. — Да, но относительное число, процент убитых ими священнослужителей в католичестве больше, чем в православии. Не надо забывать, что в СССР было в 100-150 раз больше православных, чем католиков. В СССР всё католическое духовенство было уничтожено. Правда, не все епископы и священники были сразу убиты, большинство были медленно замучены в концлагерях или изгнаны. В отношении католиков большевиками с особенным усердием применялся принцип: делать так, чтобы они оказались не мучениками, а преступниками; с этой целью велись постоянные процессы с сенсационными обвинениями. Иных католических священнослужителей, особенно епископов, не расстреляли, а держали в тюрьме в надежде обменять их при случае на арестованных за границей крупных коммунистических деятелей. Факт остаётся фактом: несмотря на сравнительно ничтожное количество католического духовенства и вообще католиков в СССР, главное внимание воинствующих безбожников было обращено именно на Католическую Церковь, как на наиболее сильный оплот веры в Бога вообще и христианской веры в частности.

д) Среди убитых большевиками православных духовных лиц были решительные враги католичества. Значит, у безбожников нет никакой особой ненависти к католичеству.

Ответ. — Ненависть большевиков к православному духовенству отчасти определялась политическими данными, тесной связью этого духовенства с монархией, привилегированным положением в старой России. Сделав эту оговорку, мы не колеблясь признаём, что многие православные священнослужители были настоящими христианскими мучениками, пострадавшими не за удобства старого режима, а за веру во Христа. Но эти действительные Христовы мученики перед смертью теряли своё католиконенавистничество, часто дружески относились к своим католическим соратникам по страданиям Христа ради. Их мучили за подлинно православные, входящие в состав католического вероучения, истины, а никоим образом не за те отрицания, которые

православие противопоставляет католичеству. Следует также не забывать того, что громадное большинство этих православных „врагов” католичества относились отрицательно к католичеству просто по незнанию его, по непониманию роли папства в духовной жизни католиков, по наивному доверию к писателям изображавшим католичество по искажённым о нём представлениям протестантов или „свободо-мыслящих”. Что же касается самих гонителей, то, как видно из всей безбожной литературы, на почве религии они убивали православных епископов и священников исключительно за их преданность здоровым религиозным началам. Характерно также то, что заключённым православным священникам присоединившимся к Католической Церкви часто была обещана большевиками свобода, если только они откажутся признавать папу видимым главою Церкви.

е) Советские безбожники вели ожесточённую борьбу против московского патриарха: патриарх или папа, православие или католичество — им всё равно.

Ответ. — Большевики стремятся ослабить патриаршество именно в той степени, в какой оно как бы сходно с папством. Но они вовсе не противники патриарха, поскольку они считают возможным использовать его сепаратизм для достижения своих основных антикатолических и антирелигиозных целей. После 1945 г. они стали энергично поддерживать антикатолическую акцию московских иерархов в Галиции, в Чехии, в Прикарпатской Руси, в Венгрии, на Дальнем Востоке и т. д. Это видно хотя бы из **Журнала Московской Патриархии**.

ж) Исклнчительное обилие нападков на католичество в советской печати можно объяснить множеством вопиющих злоупотреблений, коими полна история Католической Церкви.

Ответ. — Как видно хотя бы из православных семинарских учебников по истории поместных православных церквей, в этих церквях было во всяком случае не меньше злоупотреблений, чем в католичестве. Очень много их было в антипапской Византии, о которой большевики сравнительно очень редко упоминают. Притом сотрудники «Безбожника», «Антирелигиозника», «Атеиста» и т. п. настолько не стеснялись измышлять „исторические” сказки и до смешного преувеличивать и искажать факты, что подлинные исторические злоупотребления стали для них чем то второстепенным. Безбожникам просто нужно очернить, чем попало, вообще христианство и в первую очередь скалу Петрову, на которой держится Христова Церковь. Но

можно согласиться с тем, что большевики широко использовали старые греческие или протестантские, частичные или сплошные, клеветы против папства, которыми изобиловало наше „обличительное богословие“: это особое „богословие“, с его крайне тенденциозными преувеличениями и искажениями правды в описании инквизиции или в истории индульгенций, в значительной мере проложило дорогу большевицким антирелигиозным „научным“ исследованиям. Безбожническая литература есть радикальное распространение на всё христианство и всякую религию, поскольку она актуально или потенциально заключает долю католической истины, старых антиклерикальных методов борьбы с католичеством.

з) Большевики ввели в России Григорианский, папский календарь: значит, они не безусловно враги католичества.

Ответ. — Они ввели принятый повсюду Григорианский календарь ради большего удобства в сношениях с заграницей и в мировой пропаганде коммунизма. Политические главари СССР заняты не только антирелигиозной деятельностью, но и государственно-экономическим строительством, и в этом отношении они не раз уже проявляли больше практического смысла, чем иные „буржуазные“ правительства. Впрочем, в СССР обыкновенно умалчивается о папском происхождении Григорианского „нового стиля“.

и) Исключительная ненависть безбожников к католичеству случайна, она вызвана „молитвенным крестовым походом“ папы Пия XI.

Ответ. — Эта ненависть свирепствовала в СССР задолго до объявления этого „похода“. В „походе“ приняли участие крупные лютеранские и англиканские деятели, но большевики не перестали оттого направлять свои нападки главным образом на папу.

к) Безбожники не знают внутренних двигателей христианства; оттого они просто ошибаются, думая что папство есть главный, опаснейший враг атеизма и твердыня христианства.

Ответ. — В этом деле «врата ада» не ошибаются, как видно из слов Спасителя в тексте Мф. 16, 18. Христос ясно предсказал, что ад будет бороться именно против Его Церкви, на Петре построенной. Внутренняя богатая жизнь, конечно, чужда и непонятна богохульникам, но её внешние проявления и плоды могут быть ими наблюдаемы: они не могут не заметить, что там, где процветает подлинная духовная жизнь, на иерархическом послушании основанная, безверие тает как снег на солнце.

л) Только коммунизм против папства; буржуазный капиталистически-материалистический атеизм не враг папе.

Ответ. — Это крупнейшая клевета, распространяемая советскими безбожниками. Капиталистический материализм такой же по существу материализм, как и коммунистический: и там и здесь главное стремление — притупить голос совести и захватить возможно больше „материи“ для себя и своих. Разница лишь в „масти“ и в методах борьбы с Церковью.

м) Большевики озлоблены на папу за то, что, как писал журнал *Безбожник* от 3 апреля 1923 г., «Пий XI так твёрдо вступает за Тихона», и за то, что в начале 1918 г. папа Венедикт XV сделал попытку спасти царскую семью: они против политики Ватикана.

Ответ. — Политика тут не при чём. Из огромной массы советских антиватиканских книг, брошюр и статей явствует, что воинствующим безбожникам ненавистна исключительно духовная сила папства, как оплота христианских догматов, и идея признания православными главенства папы. Попытка папы Венедикта XV спасти имп. Николая II и его семью была внушена папе чисто христианским состраданием к жертвам атеизма (См. журнал *Жар-Птица*, февр., 1952, стр. 21 и сл.).

Теперь советские атеисты менее грубо выступают против папства: эта крикливость вызывала в народе симпатии к Риму.

II

1) Истина не знает односторонности, отрывчатости, частичности; она органически сочетает все положительные реальности, даже такие, которые на первый взгляд кажутся несовместимыми. Это сказывается, в бесконечной совершенной степени, в Божией природе, т. е. безусловно и бесконечно совершенной Истине: в Боге строжайшее правосудие, например, идентично с неисчерпаемо милосердной любовью, бездонная премудрость — с недостижимой для человека простотой и т. д. В Церкви Христовой, и в этом отношении, отражается её божественное происхождение. Только в Церкви авторитет и свобода гармонически сочетаются в одно неделимое целое; вне её эти два существенных фактора всякого общинного человеческого существования соперничают друг с другом, авторитет в значительной мере перестаёт быть внутренним двигателем духовной свободы. В Церкви личная инициатива

и соборное начало адекватно проникают друг друга, личная или поместно групповая духовная жизнь питается непрерывным благодатным общением со всей сверхнациональной соборностью верующих; вне Церкви взаимное воздействие и равновесие этих факторов нарушено. Сюда же следует отнести и факт богочеловечества Церкви, о котором мы уже не раз упоминали: Церковь есть вполне естественное и, в то же время, в совершенстве сверхприродное общество; эти два элемента соединены в ней в одно начало, в один синтез, напоминающий ипостасное единение божества и человечества во Христе, коренящийся в нём. Истинная Церковь исчерпывающе всеобъемлюща.

2) Иисус Христос установил Пресв. Евхаристию, как залог духовного единения в любви и пребывания в Церкви Его Самого, её Главы. Оттого, одной из наиболее характерных черт подлинной Невесты Христовой является беспрестанное, горячее, весьма действительное и повсеместное почитание Евхаристического Христа. Все благочестивые священники ежедневно совершают Литургию, прелагают дары в Тело и Кровь Христа; храмы по возможности везде открыты с раннего утра до вечера, чтобы верующие могли беспрепятственно, в любое время, молиться пред своим Главою и Спасителем, пребывающим в дарохранительнице. Частое, нередко ежедневное принятие Христа в Причастии — главная основа соборно-благодатной жизни чад Церкви; они действительно духовно питаются Евхаристией. Евхаристия есть как бы **центр** духовной жизни верующих; они почитают её и в своей личной внутренней жизни, и всей семьёй, и всем народом или городом, и, наконец, в всецерковном единении всех. Оттого, в Церкви столько благочестивых обычаев, служащих выражением глубокой веры в пребывание Христа в Свв. Дарах. Поместные и международные „Евхаристические Съезды” оживляют эту веру. Во время крупных Евхаристических Съездов нередко 100 000-150 000 верующих разных наций в тот же день и в том же месте принимают Св. Причастие. Весьма развита католическая богословская и назидательная литература относящаяся к Св. Евхаристии.

3) Полезно беспристрастное изучение исторических причин, повлиявших на **развитие** характерных черт разных вероисповеданий. Оно не может не привести к следующим заключениям:

а) Все специфически католические догматы, благочестивые обычаи и виды богопочитания раскрывались из истин Откровения

и укреплялись в сознании верующих **ПОД ВЛИЯНИЕМ СВЯТЫХ**, т. е. людей насквозь проникнутых духом Евангелия и любовью ко Христу. Так, главные поборники папской и учительской власти папы были в древности почти исключительно святые. Истина беспорочного Зачатия Богородицы была выяснена и ограждена от крайних толкований её соборным сознанием наиболее благочестивых элементов населения во всех католических странах; и здесь многие святые сыграли крупную роль. Почитание Пресв. Сердца Христова и моления за упокой душ страждущих в чистилище — также плоды чистейшей святости во Вселенской Церкви.

б) Почти всё положительное в не католических христианских исповеданиях — так или иначе **католического происхождения**. Дивная византийская литургия была составлена, задолго до „разделения церквей”, служителями Восточной церкви, глубоко проникнутыми католическими началами. Современные восточные монастырские уставы и аскетические приёмы, поскольку они не искажены позднейшими злоупотреблениями, были тоже введены подвижниками, среди которых весьма видное место занимает св. Феодор Студит, убеждённый „папист”. Такие явления, как затворничество или странничество, также зародились до отпадения Византийской церкви от Рима. Точно так же, едва ли не всё положительное в протестантских исповеданиях унаследовано ими от Католической Церкви.

в) Отрицание католических начал проистекает обыкновенно из **чуждых христианству источников** или из церковных течений отравленных индивидуальной или национальной **гордостью**. Все догматические различия между Греческим расколом и католичеством сводятся, в конечном счёте, к **отрицанию** некоторых католических догматов; отрицание их с особенной силою выдвигалось теми, кто хотел использовать Церковь для земных, чаще всего политических целей. Беспристрастные, даже не католические историки свидетельствуют о том, что главный творец Греческого раскола и греческих антикатолических „отрицаний”, патриарх Михаил Керуларий, был человек весьма неразборчивый в средствах; он немилосердно преследовал лучших церковных людей того времени. А в XIX веке, в России, кто руководил антикатолической полемикой? Во всяком случае, не странники, не старцы, не св. Серафим Саровский, — а славянофи-

лы, одно название которых говорит об определении религиозного начала этническим.

4) **Апостольский дух**, дух Ап. Павла, есть вспомогательный признак истинной Церкви, по крайней мере в том смысле, что вероисповедания, лишённые его, не могут быть почитаемы за подлинную Церковь Христову.

Иисус Христос Сам дал нам лучший пример святого проповедания: Он неутомимо проповедывал истину каждым Своим словом и всею Своею апостольскою жизнью. Каков Глава, таково и всё тело, вся Церковь. Поэтому исповедание, в котором угас дух миссионерского рвения, тем самым уклонилось от Христа, Главы Своего, и не может отождествлять себя с истинною Церковью.

И другим городам благовествовать Я должен Царствие Божие, ибо на то Я послан (Лк. 4, 43). Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовестуется (там же, 16, 16); дух благовествования характерен для Нового Завета, как для ветхого — дух Моисеева закона.

Этим духом подвижнического благовествования были насквозь проникнуты апостолы. Они неутомимо проповедывали Христа, вопреки запрещениям и гонениям со стороны еврейских властей. *И во многих селениях Самарийских проповедали Евангелие (Деяния 8, 25). Они... удалились в Листру и Дервию и в окрестности их: и там благовествовали... Апостолы смело проповедывали... И проповедав слово Господне в Пергии, сошли в Атталию...* (там же, гл. 14). Все послания Ап. Павла свидетельствуют о том, что служение Христу без самоотверженного миссионерского горения немислимо. *Христос послал меня не крестить, а благовествовать (1 Кор. 1, 17). Если я благовествую, то нечем мне хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую (там же, 9, 16): миссионерское рвение есть обязанность всей Церкви и её чад. Почти все апостолы были мученически умерщвлены за то, что до конца самоотверженно исполняли эту «необходимую обязанность».*

Церковь, как мы раньше сказали, не может подвергаться существенным изменениям; а такое именно изменение и произошло бы, если бы Церковь утратила свой апостольский дух.

Однако и против этого находится немало возражателей:

а) Дух прозелитизма силён во многих сектах и потому не может служить признаком Церкви.

Ответ.—Мы и не утверждаем, что „прозелитизм“ свойствен одной только Церкви Христовой, а только, что **отсутствие** его несовместимо с её сущностью. Кроме того, мы имеем в виду лишь такое проповедание, какое подобает истинной Церкви. Подлинный „прозелитизм“ един и в своём богочеловеческом источнике и в своём содержании, он свят исчерпывающим совершенством проповедуемых начал; он опирается на апостольскую преемственность; он незыблем в догматах, как сама Церковь. В сектах церковный „прозелитизм“ искажён до неузнаваемости.

б) Прозелитизм вредит духу евангельского миролюбия и терпимости.

Ответ.—Подлинное евангельское миролюбие состоит в прощении обид, в отречении от собственной выгоды в пользу ближнего, в уступчивости, поскольку она не нарушает требований религиозной истины и Христовой морали. Но миролюбие, питающееся уступками заблуждениям, было осуждено Спасителем словом и примером. В этом смысле следует понимать слова: *Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч. Ибо Я пришёл разделить человека с отцом его...* (Мф. 10, 34). В отношении заблуждений и нарушения Божиих заповедей Христос был безусловно непримирим. Подлинное христианское миролюбие подчинено любви к предвечной Истине и определяется только истинной. Оттого все отцы Церкви и вселенские соборы, когда дело касалось вероучения или принципов христианской нравственности, не знали никаких поблажек или сделок с совестью. Еретиков и раскольников мы должны искренне и от всего сердца любить и уважать, поскольку они не по своей вине заблуждаются; но религиозное заблуждение, как таковое, мы обязаны осуждать, ибо Христос устранял всякое заблуждение. То же правило обязательно и для всей Церкви Христовой. Любовь к ближнему без любви к истине — неосуществима.

в) Прозелитизм противоречит смиренному упованию на Бога, Который и без нашей помощи может обратить весь мир в христианство.

Ответ.—Бог, конечно, в нас не нуждается, но мы, для достижения собственного спасения и для обеспечения его другим, **безусловно нуждаемся** в исполнении заветов Христовых, в том числе великой заповеди: **учите соблюдать всё, что Я приказал вам.** Основа христианского совершенства — действительная любовь к Богу и к ближнему, а

истинная любовь к ближнему осуществляется, главным образом, трудом над спасением ближнего в единой истинной Церкви Спасителя. Смирение, которое побуждает к пренебрежению апостольским духом, на самом деле не есть смирение, а духовная беспомощность или фарисейство.

г) Миссионерство среди язычников понятно. Но к чему прозелитизм среди последователей другого, также христианского, вероисповедания?

Ответ. — Частичное заблуждение есть тоже заблуждение и нарушение воли Христовой. К тому же, ереси и расколы, как таковые, — одно из главных препятствий к обращению язычников в христианство.

д) Спасать ближнего следует постами и молитвою, а не пропагандой.

Ответ. — Молитва — бесспорно самое надёжное средство, чтобы обеспечить ближнему благодать спасения; поэтому в Церкви немало монашеских орденов, члены которых подвизаются в самоумерщвлении и в молитвах о присоединении к истинной Церкви всех заблуждающихся. Но любовь требует, чтобы и мы трудились над спасением ближнего живым словом и печатью. Раз мы признаём Христа Главою Церкви, то мы не вправе уклоняться от наставлений Христа и апостолов, призывавших не только к молитве, но и к непосредственной апостольской деятельности. Эта святая обязанность лежит, главным образом, на духовенстве, но в значительной мере она касается и всех верующих.

е) Миссионерство было необходимо в самом начале христианства, когда учение Христово почти никому не было известно. Теперь оно излишне.

Ответ. — Мы уже доказали, что проповедничество составляет существенную черту Церкви; а что существенно, то и неотъемлемо и, потому, проявляется во всякую эпоху. Внешние формы могут и должны меняться сообразно условиям времени и места, но суть апостольского духа всегда должна оставаться неизменной. В глазах Божиих цена одной души столь велика, что апостольское рвение о спасении ближнего не должно угасать до тех пор, пока на земле будут люди нуждающиеся в спасении, т. е. до скончания века. Служители Церкви всегда и везде должны быть светом миру и солью земли.

ж) В эпоху первых вселенских соборов, христиане, искавшие

духовного совершенства, стремились к отшельничеству и пустынножительству, а не к проповеднической деятельности.

Ответ.— Тогда, как и теперь, в Церкви равно процветало и отшельничество и проповедничество. Свв. Иоанн Златоуст, Кирилл Алекс., Василий и много других подвижников неутомимо «занимались прозелитизмом». Апостолство же среди язычников было тогда менее развито, чем теперь; но это только кажущееся затмение апостольского горения, которое объясняется крайне неблагоприятными внешними условиями; сообщения с далёкими варварскими странами были до крайности затруднительны. Впрочем отцы пустынники подвизались во спасение всех людей.

ПРИЛОЖЕНИЕ. В своём Путешествии в Эрзерум, разбирая вопрос о том, как воздействовать на свирепых горцев, наш великий поэт Пушкин между прочим пишет: «Есть наконец средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание евангелия... Терпимость сама по себе вещь очень хорошая, но разве апостолство с ней несовместно? Разве истина нам дана для того, чтобы скрывать её под спудом? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мраке детских заблуждений, и никто ещё из нас не думал препоясаться и итти с миром и крестом к бедным братьям, лишённым до ныне света истинного. Так-ли исполняем мы долг христианства? Кто из нас, муж веры и смирения, уподобится святым старцам, скитающимся по пустыням Африки, Азии и Америки, в рубищах, часто без обуви, крова и пищи, но оживлённым тёплым усердием? Какая награда их ожидает? Обращение престарелого рыбака, или странствующего семейства диких, или мальчика, а затем нужда, голод, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лености легче, взамен слова живого, выливать мёртвые буквы и посылать немые книги людям, незнающим грамоты, чем подвергаться трудам и опасностям, по примеру древних апостолов и новейших римско-католических миссионеров. Мы умеем спокойно в великолепных храмах блеснуть велеречием...»¹

Пушкин несправедлив, когда он упрекает православных в „холодной лености“: ведь работали же среди инородцев России такие самоотверженные миссионеры как Стефан Пермский, Трифон Вят-

1. А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, шестое издание Ф. Павленкова, С. Петербург, стр. 1278.

ский, Гурий, Макарий Глухарев, оба Иннокентия. Но он прав в том смысле, что **в сравнении** с католическим всемирным апостольским подвижничеством православное миссионерство незначительно. К тому же надо иметь в виду, что лучшие русские миссионеры были проникнуты католическими духовными началами, у них не заметно увлечения византийским сепаратизмом.

Розанов пишет: «Католическая тенденция — говорить всем народам, орби террарум. Нельзя не заметить, что у нас, русских, этого пафоса нет: и мы если несём крест и Евангелие к бурятам или в Японию, то не с надеждой и мыслью о слиянии всех народов когда-нибудь в одну Церковь... Мы совершенно не имеем умиравших на миссии и миссионерами героев среди язычников, дикарей. Т. е. апостольство миру нам чуждо. Мы глубоко уездная в религиозном отношении нация; конечно с тем милым и добрым, что всегда бывает в уезде сравнительно с холодной столицей. Уездность и составляет самый наш пафос, на котором, например, и строили своё все славянофилы...»¹ Розанов отчасти прав. Но лишь отчасти: русские не хуже немцев или французов. Не они, а греки-сепаратисты ослабили идеал «слияния всех народов в одну Церковь».

1. Около церковных стен, II, стр. 258.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

О СВЯТОСТИ ЦЕРКВИ

Церковь свята тем, что её Глава, Иисус Христос, есть Суцая Святость. Как Бог, Он „свят, свят, свят”. Он беспредельно и во всех отношениях свят. Как Человек, в силу ипостасного единения Своей человеческой природы со Словом, Он обладает полнотою и совершенством святости, какая только мыслима в творении. Оттого Он беспредельно свято возглавляет Церковь, как Источник её духовной, благодатной силы, как верховный её Пастырь и Правитель, и как богочеловеческий Прообраз, с Которым Церковь должна согласоваться во всём. Церковь свята тем, что Дух Слова освящает её Своею божественною святостью, вдохновляет её, очищает от всякой греховности, защищает от всего что противно святости, оберегает её от осквернения недостатками и пороками её же собственных чад и служителей.

Эти основные истины учения о святости Церкви очевидны и бесспорны. Для всякого христианина ясно, что Церковь может быть свята только Христовой святостью.

Но как земная Церковь обретает и хранит в себе святость Христову? В каком смысле она сама может быть и должна быть святой? Где пределы её святости? Каково отношение её святости к святости или порочности её членов, её пастырей? Где ключ к разрешению возражений и сомнений насчёт святости Церкви? Вот вопросы, на которые не всякий и не сразу находит правильный ответ. Все они нуждаются во всестороннем освещении, тем более, что святость Церкви, по крайней мере на практике, является главным признаком её богоустановленности, её истинности.

Святость Церкви многогранна, она может иметь столько аспектов, или обликов, сколько Церковь может иметь отношений к Богу и к людям. Разобрать все стороны святости Церкви в одной книге невозможно, да и нет надобности в этом. Мы остановимся лишь на главных из них.

*Глава первая***ОСНОВНОЕ СВОЙСТВО СВЯТОСТИ**

Святость Бога заключается в том, что Он есть совершеннейшая во всех отношениях **полнота бытия**. Св. Писание часто связывает понятие Божией святости с понятием Божиего всемогущества, то есть беспредельности творческой силы, что предполагает беспредельность существа, бытия (Исаия 43, 15; Апок. 3, 7 и др.). Бог свят потому, что Он внутренне и существенно свободен и чист от каких бы то ни было пробелов, слабостей, недочётов, неосуществлённостей, половинчатостей. Он — бесконечная и единственная основа Своего бытия. Он — существо самосущее, самоисточное. Всё положительное в нём бесконечно, полностью налицо; всё отрицательное в Нём полностью отсутствует. Каждое из Его свойств отличается беспредельностью, полнотою. Он вполне вневременное и неизменное Бытие, ибо время и изменения предполагают „переход”, т. е. потерю и приобретение, а Бог никогда ничего не теряет и не приобретает: всё в Нём предвечно „есть”. Бог — чистейшее „есть”, никакого „было” или „будет” в Нём быть не может. Оттого Он Сам Себя называет: *Я есмь Сущий* (Исход 3, 14). Всякое зло есть всегда „не-достаток” чего-то требуемого сущностью, это — „не-полнота”: здоровья, средств, порядка, справедливости, любви, должного отношения к кому-либо и т. п. Бог свят потому, что в Нём безусловно отсутствует всякий такой „не-достаток”, всякое зло. Отцы Церкви охотно подчёркивают полноту совершенств и бытия Божия. «В Боге нет ничего кроме бытия», говорит св. Августин. «Он — полнота жизни» (**Исповедь III, 6-10**). Итак, полнота бытия определяет собою абсолютную святость Бога. Именно идея полноты тут существенна. Всякое свойство Бога есть Его святость в силу своей полноты, своей законченности. Бог, между прочим, свят и потому, что Его все-

благая воля вполне обращена к полноте Его сущности: Бог бесконечно, полностью любит Свою святость, своё бытие без всякого небытия. Это не есть самолюбие в дурном смысле этого слова, потому что в самолюбии, вернее себялюбии, плохо лишь присваивание ограниченным существом должного высшему, а в Боге никакого присваивания должного высшему существу нет и быть не может, ибо нет никакого существа выше Бога или Ему равного.

Бог есть причина и основание всякого тварного бытия. Все творения являются до известной степени частичным отражением своей Причины, полноты Божиего бытия, Его святости. Оттого всякая тварная святость должна тоже иметь своей отличительной приметой „полноту”, не абсолютную, само собою разумеется, но относительную. Следующие соображения помогут нам выяснить сказанное.

1) Святость есть **совершенство**. Но совершенство есть „совершенство”, полнота, целостность, законченность в осуществлении какой-либо идеи, какого-либо плана, замысла, в том или ином отношении отражающего полноту Божиего бытия и ведущего к Нему. „Совершенный” значит „совершённый”, осуществлённый, исполненный до конца, исключаяющий всякие пробелы, всякое „не-бытие”, всякую неправильность, неполноту в осуществлении данной идеи, данного плана, понятия, идеала. В совершенном всё должное реализовано, приведено в конкретное существование целиком, без изъянов, до конца. В нём мыслимое содержание становится исчерпывающе наличным в мире действительных существ. Какое-нибудь орудие совершенно, если оно полностью, без недочётов соответствует своей отвлечённой идее, определяемой его назначением. Произведение искусства совершенно, если оно полностью, без коряблящих эстетическое чувство пробелов, выражает известную гармонию отношений. Тело человеческое совершенно, если оно полностью имеет всё то, что требуется Божией идеей человеческого тела, выразителем которой является сама природа; если оно не искажено, не искалечено, не лишено, хотя бы только отчасти, какой бы то ни было функции или органа. И наоборот, всякое несовершенство есть наличие пробелов, изъянов, „не-достатков”; оно — незаконченность в исполнении какой-либо идеи, требования природы, программы. Несовершенно то, что неправильно, что не вполне соответствует своей отвлечённой

идее. Это — частичность, частичное отсутствие должного, частичный не-переход из возможности в реальность, из потенции в бытие. Совершенство природы есть полнота осуществления требуемого ею; совершенство творений техники — полнота реализации технического изобретения; совершенное здоровье — полное наличие всего требуемого природой для нормальной жизни тела, и т. д. Нравственное совершенство есть полнота осуществления заложенных в нашу человеческую природу требований Божиего нравственного закона. Итак, нет совершенства без соответствующей „полноты”.

2) К подобному же заключению приводит нас размышление о природе нашего человеческого духа, его основных способностей — ума и воли. Ум по существу своему стремится к полноте истины, и чем более он развивается и крепнет, освобождаясь от посторонних, низших влияний, тем сильнее и сознательнее даёт себя чувствовать его природное стремление к ней. Воля следует за умом в тяготении к полноте истины, которую она воспринимает как беспредельное добро: ничто частичное, ограниченное, неполное не может её вполне удовлетворить. Человек может до известной степени обманывать самого себя, или заблуждаться насчёт того, в чём заключается полнота истины и добра; но он никогда не может совсем убить в себе самого тяготения к полноте, как бы он ни калечил в себе жизнь духа. Как бы он ни относился к конечной цели своего существования, он разумет всё и желает всего под знаком полноты разума и волевого достижения; он хочет быть вполне счастливым даже тогда, когда что-либо побуждает его желать страдания. Ум и воля по природе своей могут найти полное удовлетворение только в полноте истины и добра или, по крайней мере, в уверенности, что в будущем им будет дано лицезреть Полноту истины и любить Полноту добра. Отсюда знаменитое восклицание Св. Августина: «Беспокойно наше сердце доколе не упокоится в Тебе, Господи!» Итак, Бог, Полнота бытия, есть высший и конечный предмет и нашего ума и нашей воли, нашего духа и сердца. С другой стороны, мы знаем, что ум и воля нам даны Творцом для того, чтобы мы могли сознательно и свободно достичь нашей конечной цели, то есть нашего нравственного совершенства. Отсюда заключение — без „полноты” нравственная зрелость не осуществима.

Так обстоит дело в порядке природном. В порядке же сверхприродном, благодатном, ещё живее и возвышеннее это стремление к совершенству в достижении полноты истины и добра: тут дух, про-

никнутый благодатной жизнью, уже не довольствуется простым „обладанием” истиной и добром, но ищет полноты сыновнего единения с бесконечно Правдивым и Благим; он желает невозмутимого, беспредельного, вечного участия в жизни Отца и Сына и Святого Духа. Свят тот, кто с помощью благодати и, поскольку это зависит от него, восполнил всякий пробел, всякое ограничение в своём смирении перед Полнотою святости и в своей любви к Богу Откровения. Итак, христианская святость есть сверхприродное „обожение” природного тяготения человеческого духа к полноте правды и добра.

3) Что понятие святости предполагает понятие полноты, следует также из размышления о всех христианских **добродетелях**.

Благодатная **вера** немислима без наличия в нас расположения принять, как истину и благо, **все** без исключения данные Откровения и вытекающие из них догматические заключения, так или иначе относящиеся к Бесконечному, к Полноте совершенств. Христианская вера по существу своему интегральна, целостна. И наоборот, всякий грех против веры, ересь, есть не что иное как урезывание, ущемление, калечение полноты Откровения, неприятие всей полноты истин, данных в нём или непосредственно вытекающих из них. Еретик не принимает **всего** предлагаемого Церковью как объект веры; он „выбирает”, берёт часть вместо целого; он всегда что-то отрицает. Христианская **надежда** имеет прямое отношение к конечной цели существования человека, к полноте единения с Полнотой бытия: если хоть что-нибудь урезать из полноты благодатной надежды, то она просто перестанет существовать, превратится в сомнение, в томление, в отчаяние. В высшей из добродетелей, в **любви**, начало полноты ещё нагляднее выступает. Любовь зовёт человека к полной отдаче, к „посвящению” себя Богу и ближнему, всем людям: где нет такой полноты, там не может быть и речи о подлинной любви, там нет христианской любви, всего лишь один расчёт или животная страсть, похоть. Любовь везде, где было „что-то”, ставит своё „всё”: она *всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит; любовь никогда не перестаёт...* (1 Кор. 13, 7-8). Целью её является замена „отчасти” „совершенным”, полным: *ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится* (там же, 13, 9-10). Всё это не удивительно: **Бог есть любовь** (1 Ио. 4, 8) или, что то же, — безусловная полнота совершенства.

Все **моральные добродетели** также связаны с понятием полно-

ты, определяются им. Все они предполагают уважение к целостности в той или иной области человеческих нравственных обязанностей. Надо быть справедливым, честным в делах — везде, всегда, со всеми. „Цело-мудрие” стремится к „целому”, полному соблюдению Божиих законов в половой жизни; тут всякое злоупотребление, как и всякое скопчество, запрещается, ибо они претят требованию цельности. Терпение и кротость не заслуживают названия добродетели, если они не охватывают, по крайней мере в намерении, все возможные страдания и всё, что может достаться в удел со стороны других людей. Смирение, эта основа христианского совершенства, будет простым фарисейством, если его не воодушевляет сознание полной зависимости от Творца и полное подчинение Богу и Его представителям на земле, если оно не воздаёт собою славы Бесконечному.

И наоборот, всякий грех несёт в себе печать нарушения полноты, нравственной безупречности. Во всяком пороке гнездится навик упускать что-либо необходимое для моральной целостности.

Поэтому, как высшая конечная награда на небесах, так и наказание в аду, отличаются от всех других наград или наказаний именно свойством своей полноты. Царство небесное есть полное блаженство в вечном всестороннем обладании Богом, как полнотою любви. Ад есть полная, неисправимая, беспредельная утрата надежды, блаженства, Любви; в аду находятся те, кто вполне отвернулся от Бога.

4) Все **таинства**, установленные Иисусом Христом, носят отпечаток полноты. Крещение есть полное, неделимое вступление в Церковь. Брак, как таинство, есть полное нерасторжимое единение мужчины и женщины. Таинство покаяния, чтобы быть действительным, должно сопровождаться раскаянием во всех смертоносных грехах, полной исповедью, твёрдым решением не возвращаться больше ко греху. С особенной выпуклостью выступает признак святости, благодатной полноты, в таинстве Св. Евхаристии: Иисус Христос, вполне Бог и вполне Человек, отдаёт Себя человеку в полноте самоотдачи и любви, чтобы разжечь его сердце полнотою любви к Богу и к соборной полноте Своего таинственного Тела.

5) Святость есть совершенное нравственное **здоровье**. Но что такое здоровье, как не целостная, без перебоев протекающая жизнь всего организма и всех без исключения частей его и органов? И, с другой стороны, что такое болезнь, недомогание или искалеченность, как не пробел, недочёт, изъян в той или иной анатомической, биологической или физиологической „полноте”? Чахотка—это изъеденные

лёгкие, это дыхательный орган лишённый своей, лёгочной, полноты. Всякое воспаление есть борьба организма за свою целостность, отстаивание им своей полноты от натиска её микроскопических врагов. Здоровье обеспечивает жизнь, а болезнь если её не преодолеть, ведёт к смерти; жизнь есть полное „обладание” телом, как смерть есть полная потеря его имманентной деятельности.

6) Святость есть совершенная духовная **красота**. А красота — это опять-таки полнота, именно полнота гармонии, правильности соотношений, совершенная уравновешенность. Она есть полное, ничем не нарушаемое взаимное проникновение единства и разнообразия. В духовной жизни, как и в эстетике, любой изъян, исключение из полноты идеи коробит, отталкивает.

7) Св. Фома Аквинат подчёркивает присущие святости черты — **чистоту и устойчивость** (*mundities et firmitas*). Но ведь и то и другое предполагает понятие полноты. Чистота есть законченная „незапятнанность”, полное отсутствие всего противоположного завершенности, всякого изъяна. Малейшее пятно портит всю чистоту, ибо лишает её желанной цельности. Устойчивость, твёрдость есть полное постоянное укрепление на вполне неподвижном, незыблемом.

Итак, с какой бы стороны мы ни рассматривали святость, мы неизбежно приходим к понятию полноты. Святость лучше всего определяется именно этим понятием. Освящающая благодать есть непостижимое для нашего ума тварное участие человека или ангела в жизни Бога, в полноте Его святости. Благодать нам даётся ради святости, *дабы (нам) исполниться всею полнотою Божией* (Ефес. 3, 19). *Во Христе обитает вся полнота Божества телесно* (Колосс. 2, 9), *а от полноты Его все мы приняли благодать на благодать* (Ио. 1, 16).

Всякую святость можно рассматривать или со стороны объективной реальности, как нормы, которая её определяет (святость **определяющая**), или со стороны совершенного сообразования с этой нормой, исполнения её требований (святость **определяемая**). И в том и в другом случае свойство полноты от неё неотъемлемо. Для всякой тварной христианской святости (святости лиц, учреждений, круга их действия и т. д.) высшей определяющей святостью, нормой и идеалом, является Господь наш Иисус Христос, в Котором ипостасно вполне сочетается полнота Божества с полнотою человеческой природы. Определяемая этой святостью, субъ-

ективная, моральная, святость состоит в возможно более совершенном воспроизведении Христовой богочеловеческой святости, сообразно особому призванию или назначению стремящегося к святости лица или учреждения. Свят тот, кто, уподобляясь Христу и исполняя обязанности своего особого служения Богу, достиг возможно большего „обожения“, проникновения божественною жизнью, её полнотою, при полном соблюдении, с помощью благодати, не только особых велений Бога, но и заложенных в человеческой природе правил природной морали, Богом данного естественного нравственного закона.

Ясно, что всё сказанное должно сугубо осуществляться в святой Церкви. Больше чем какое бы то ни было лицо или частное богоугодное учреждение, Церковь Богочеловека должна отличаться всесторонней полнотою: в её сущности никакой половинчатости, никакой неполноты, никакой незаконченности быть не может. Пастыри и чада Церкви, по человеческой свободе и слабости, имеют много недостатков, нравственных и других недочётов. Но сама Церковь, по своей природе соборного тела, в своём **домостроительстве**, в своём уставе, отличается признаком святости — полнотою, законченностью, последовательностью: в ней пребывает полнота Божества, она вполне благодатна, сверхприродна, она — единение сердец в божественной любви: и, в то же время, она отличается полнотою и завершённостью данного ей Спасителем человеческого строения, она — вполне человеческое, организованное „совершенное общество“, то есть общество самостоятельное, имеющее в самом себе всё необходимое для достижения своей неземной цели, свыше одарённое постоянной полнотою иерархических ступеней пастырства, от простого приходского настоятельства до верховного вселенского архиерейского служения включительно.

Глава вторая

**ХАРИТОЛОГИЧЕСКИЙ, ИЛИ БЛАГОДАТНЫЙ,
ОБЛИК СВЯТОСТИ ЦЕРКВИ**

Этот облик и есть главный аспект христианской святости, ибо благодать даёт участие в Божией святости. Итак, святость Церкви есть прежде всего то изобилие благодати, которая, исходя от Христа Главы, сообщается Церкви, а через неё верующим и изнутри объединяет их в одно „тело Христово“.

Выражение „церковная благодать“, или „благодать Церкви“, может иметь и более широкий и более тесный, непосредственный, собственный смысл. В широком смысле оно обозначает даруемую христианам благодать во всяком её аспекте и действии: Церковь составляет со своим Главою одно таинственное целое, и потому заслуженные Господом нашим Иисусом Христом милости являются в известном смысле и её милостями. Под благодатью Церкви в более тесном смысле мы понимаем сверхприродное действие Божие в душах, **поскольку оно осуществляет, заслугами Христовыми, единение верующих в благодатной любви**; это дар Божий, благодаря которому чада Церкви образуют одно целое, одну великую духовную семью; это благодать Главы, обеспечивающая внутреннее единение Таинственного Тела Христова освящением этого тела; это совокупность просветлений ума и воздействий на волю, даруемых пастырям и чадам Церкви, дабы каждый, сообразно занимаемому им положению в Церкви, исполнял свои обязанности в отношении хранения всецерковного единства.

Итак, благодать Церкви, понимаемая в собственном смысле, есть благодать церковного единения. Это не какое-то отвлечённое

построение богословской логики, а великая основная реальность Церкви, требуемая догматом главенства Христа; это беспредельный мир Божией любви в сердцах человеческих. При дивном и ослепляющем блеске неизреченной истины единения христиан в неземной любви, всё человеческое кажется излишним или даже затемняющей помехой; и неудивительно, если столько христиан, вполне искренних и благочестивых, в восторге от этого чудного видения, считают человеческие факторы церковного единения излишними, „камнем преткновения”, или чем-то второстепенным: им просто непонятна икономия Воплощения, они забывают, что до дивных высей благодатного единения надо **дойти** Христовыми человеческими путями самоотречения и послушания. Недостаточно восхищаться благодатью Церкви, нужно действительно проникнуться ею, осуществить её в себе.

Благодать церковного единения не есть особая категория благодатных милостей или нечто извне прилагаемое к обыкновенной благодати; вернее она — сама реальность всякой благодати, **поскольку** она осуществляет единение во Христе, в Его любви. Оттого-то мы её встречаем во всех видах благодати: в благодати освящающей и в воздействующей, в непередаваемой и в передаваемой, в предваряющей, сопутствующей и последующей.

Она в высшей степени присуща благодати **освящающей**, делающей нас сынами Божиими, постоянными причастниками Божеской жизни. Освящающей благодатью мы становимся в полном смысле членами единственной Христовой духовной семьи, живыми клетками единого и единственного в мироздании таинственного Тела Христова. Силою освящающей благодати мы становимся *причастниками Божеского естества* (2 Петр. 1, 4), то есть причастниками совершеннейшего Единства. Быть святым значит быть сплочённым со всеми духовными существами, поскольку они сходятся в Едином, значит быть оживляемым жизнью Спасителя. Из всех свойств освящающей благодати, свойство единения с Богом и, в Боге, с людьми есть наиболее основное, коренное, вразумляющее; в этом легко убедиться, если принять во внимание ту настойчивость, с какою Св. Писание отождествляет освящающую благодать с единением во Христе. Освящающая благодать есть состояние высшей любви, то есть единения, это очевидно для всякого, кто знаком с Евангелием и с Преданием. «Трисветлое Твоё единоначалие, Господи, светлыми сияньми ум наш облистая, от прельщения

многообразного обращает нас ко единительному обожению» (Пяток ваий, на утрени, трипеснец, песнь 9, троичен).

Мотив единения сопровождает и все проявления **воздействующей** благодати. Временные, мимолётные просветления ума и воздействия свыше на волю в большей или меньшей степени всегда как бы пронизаны духом единения по той простой причине, что воздействующая благодать имеет своим основным назначением или приводить безблагодатных людей к благодати освящения, т. е. единения, или — у тех, кто уже находится в состоянии освящения, — приумножать и укреплять освящающую, объединяющую благодать.

Непередаваемая благодать — это та, которая делает нас лично Богу угодными, проникнутыми стремлением к единению; передаваемая же — та, которая, независимо от нашего личного благодатного состояния, даётся нам ради сверхприродного совершенствования других. И в том, и в другом случае благодать даётся ради единения, ради любви.

Предваряющая благодать готовится почву для благодати единения, сопутствующая — прямо помогает нам в самых наших усилиях, чтобы возможно лучше осуществить единение, последующая — обеспечивает устойчивость и плодотворность наших благих дел единения.

Насколько существенна для Церкви благодать единения, видно ещё из следующих соображений.

а) *Без Меня не можете делать ничего* (Ио. 15, 5). Для любого спасительного действия или помысла нужна особая помощь свыше. Всякое исключение противоречило бы ясным словам Спасителя о безусловной необходимости Его помощи, то есть благодати. Отсюда прямое заключение: без Христовой благодати единения христиане не могут составлять одного христианского религиозного общества, Церкви.

б) Святая Евхаристия, по учению отцов Церкви, сверхприродно объединяет верующих, сплавливает их в одно Таинственное Тело Христово. Это не есть только „моральное” единение или одностороннее, юридическое сочетание; с другой стороны, это не есть физическое отождествление христиан с Христом. Евхаристическое единение есть единение благодатью, и так как вне Церкви или без её воздействия этого единения быть не может, то следует признать, что главный

плод Св. Евхаристии — сообщение верующим благодати церковного единства. Надо вдуматься в уподобление Церкви евхаристическому Хлебу: Церковь благодатно объединяет людей подобно тому, как смолотые зёрна объединены в одном хлебе. У св. Иоанна Златоуста мы читаем: «Чем делаются причащающиеся? Телом Христовым, не многими телами, а одним телом. Как хлеб, составляясь из многих зёрен, делается единым, так что, хотя в нём есть зёрна, но их не видно, и различие их неприметно по причине их соединения, так и мы соединяемся друг с другом и со Христом. Мы питаемся не один одним, другой другим, но все одним и тем же телом».¹ Благодатный плод Евхаристии — единение.

в) Спаситель сказал, что где двое или трое собраны во имя Его, там Он Сам среди них (Мф. 18, 20). Если Он там, где собраны лишь немногие чада Церкви, то тем более Он там, где Церковь. И, конечно, это не есть присутствие безучастного наблюдателя, а присутствие помогающего Своею благодатью Спасителя; Господь помогает „собранным“, и потому Он помогает им благодатью единения.

г) У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа (Деяния 4, 32). Таков был плод того излияния Духом Святым благодати, которое превратило „множество“ последователей Христовых в одну подлинную Церковь Христову. Это и есть благодать единения.

д) Церковь — Невеста Христова. Это значит, что ей присуща благодать, делающая её достойною быть Невестой Богочеловека, в частности — благодать единения, того совершенного единения, которое претворяет толпу последователей Жениха в одно тесно сплочённое общество, на подобие одной личности, одной „невесты“.

е) Отцы Церкви, в различных выражениях, настаивают на немземном, Духом Святым производимом духовном сближении христиан между собою. По принятому со времён св. Августина положению, Дух Святой есть „душа Церкви“; это положение теряет свой смысл или представляет собою грубую пантеистическую ересь, если его объяснить иначе, как единение верующих благодатью Духа Святого.

ж) Церковь имеет своим назначением освящать людей Христовой благодатью любви, т. е. единения. Но как бы она могла это делать, если бы она сама не была освящена этой благодатью?

1. Беседа 24 на I Кор. Творения, СПб, X, стр. 237, См. также: Дидахэ, гл. 9; Анафора Серапиона; Св. Кириак, письма 63 и 76; Св. Августин, Толк. на Ев. от Иоанна; Св. Иоанн Дамаскии, Толк. на I Кор., и др.

з) Христиане в состоянии освящающей благодати — чада Божии по усыновлению; но таковые не могут не быть братьями между собою, и притом, в том же благодатном порядке, не могут не составлять одной семьи усыновлённых.

и) Отцы сравнивают Церковь с Ноевым ковчегом, всем своим существом спасающим людей; а ведь спасает их благодать.

к) Ориген и другие отцы сравнивают Церковь с луною, которая заимствует свет от Христа-солнца, чтобы освещать им людей. Но Церковь, будучи живой соборностью, не может только „отражать” падающий на неё свет благодати, но должна, по необходимости, проникаться им.

л) По учению Климента Алекс., Оригена, Льва Вел. и др., Церковь есть общая мать, рождающая Богу детей силою благодати единения, без которой Церковь не могла бы быть одною Матерью.

м) Известно святоотеческое сравнение Церкви с Пресв. Девойю, с „благодатной”. Оно было бы неуместным, если бы Церковь, как „собрание” верующих, не была также благодатной, если бы не было той духовной сверхприродной силы, которая делает из покорных ей христиан одну Церковь.

н) В латинский „Апостольский” Символ веры издавна включён древний догмат „общения святых”: все чада Церкви в состоянии освящающей благодати объединены одной сверхприродной жизнью во Христе, по прообразу общения Лиц Пресв. Троицы между собою. В этом подлинная соборность Церкви, в силу которой верующие имеют одну общую сокровищницу молитв и заслуг Христовых, которые, по милосердию Спасителя, становятся заслугами самих святых. „Общение святых” есть внутренняя органическая связь, сочетающая в одно Церковь, борющуюся на земле, и Церковь, торжествующую на небесах. Всё это предполагает в земной Церкви благодать единения: не будь её, Церковь на земле была бы в отношении Церкви небесной чем-то совсем разнородным, чуждым ей, посторонним; переход верующих из земной Церкви в небесную не был бы завершением благодатной жизни на земле, а каким-то перебрасыванием человека на духовную чужбину, что никак не совместимо с христианским Преданием.

о) Ап. Павел прямо утверждает, что Господь освятил свою Церковь, сделал её славной, не имеющей пятна (Ефес. 5, 27). Христос освятил Церковь Своей силою, благодатью, даром любви, т. е. единения, ибо любовь по существу своему есть единение. По мысли Ап.

Павла, Церковь объединяет спасаемых благодатной любовью; но она не могла бы этого делать, если бы сама не была единой по благодати.

В благодати единения заключается весь „смысл“ Церкви, её внутренняя жизнь и сущность. Но эта благодать действует по законам, установленным её Творцом и определяющим сущность всякой благодати. По этой причине нам следует вдуматься теперь в природу благодати и определить основной закон её спасительного действия.

Точно определить, что такое благодать сама в себе, едва ли возможно: на человеческих языках не найти слов, которые могли бы дать хотя бы только слабое представление о безграничной Премудрости, Красоте и Благости, о Божией природе, „причастием“ которой является благодать (2 Петр. 1, 4). Всякая попытка описать бездонные благодатные глубины причастия человека Божией жизни — не более как слабый детский лепет. Тут нужен опыт, заслужить который не в наших силах, но к которому можно до известной степени расположить себя молитвою, полной преданностью воле Божией, мужественными усилиями жить по заповедям Христовым, подвигом христианского смирения и любви.

Но если прямое определение того, что такое благодать во внутренней своей сущности, нам не по силам, то мы всё-таки можем косвенно уяснить себе свойство благодати в её отношении к человеческой природе. Тут особенно ясно одно: действие благодати ведёт не к уничтожению, ослаблению, вытеснению или замене природы, а как раз наоборот — к всестороннему утверждению и укреплению её, ко всестороннему развитию, **совершенствованию и освящению**. И это не есть только какое-то случайное действие благодати. Если говорят о ком-нибудь, что он стал под влиянием благодати „другим человеком“, то это отнюдь не значит, что **вместо** прежней природы он получил другую, новую; нет, это значит, что его единственная, прежде искажённая, изуродованная грехом природа, приниженная подчинением ума и воли плотским похотям и гордости, теперь оздоровела, пришла в равновесие и духовное цветение подчинением тела душе, благодатью преображённой.

Это свойство благодати выступает со всей очевидностью в личности Господа нашего Иисуса Христа. Большого обилия благодати как то, каким был одарён Спаситель в Своей человеческой

природе, и представить себе нельзя: благодать от единения с Богом, а единения более совершенного, чем ипостасное, не может и быть. И что же мы видим? Благодать не создала во Христе какую-то третью, промежуточную природу между Божеской и человеческой, хотя бы даже ангельскую. Нет, благодать освятила человеческую природу Спасителя и возвела её на недосыгаемую для других людей степень „человечности“. Кроме Божества, во Христе были только беспредельно святые **человеческие** мысли, желания, чувства, поступки.

То же самое, хотя, конечно, в несравненно меньшей степени совершенства, мы наблюдаем у всех святых и в особенности у Пресв. Богородицы. Везде и всегда благодать вдохновляла святые человеческие подвиги природных добродетелей, поддерживала, возвышала и заканчивала чаяния и дела природной человеческой религиозности и праведности, везде она применялась к этническим и культурным особенностям избранников Божиих. Ни у одного святого не было сверхприродных реальностей, стоящих как бы параллельно по отношению к его природным человеческим благим устремлённостям: благодатные харисмы всегда совершенствуют, дополняют и наполняют Божиим светом и силою естественные способности праведников. **И чем выше святость, тем больше человечности**, тем больше благодать совершенствует человеческую природу; оттого у Пресв. Богородицы облагодатствование, превышающее „без сравнения“ благодатность херувимов и серафимов, „возносит“ и освящает её человеческую женственность, её девственность и материнство.

По назначению своему, благодать есть „помощь“. Это видно хотя бы из выше приведённых слов Христовых, коими отцы и богословы доказывают традиционные положения о благодати: *Без Меня не можете делать ничего*. Благодать предваряет, поддерживает и вводит в сверхприродный порядок нашу природу, все незапятнанные грехом движения человеческого ума, воли, сердца.

Отцы Церкви, чтобы дать представление о Христовой благодати, нередко прибегают к следующему сравнению: благодать претворяет дух человеческий так же, как огонь раскаляет железо; действием огня железо раскаляется добела, оно воспринимает свойства огня, начинает само излучать и свет и тепло, но при этом по существу своему остаётся неизменно железом.

Восточные отцы определяют действие благодати одним словом

— „обожение”. Выражение это очень удачно. Им сказано всё: и то, что благодатью мы становимся причастниками божеского естества, и то, что сверхприродная благодать предполагает природу. Обоженным может быть лицо нечто духовное, но по существу своему не божественное, тварное, а на земле — человеческое. Обожение, лишённое того, **что** подвергается обожению, есть абсурд, внутреннее противоречие, что-то мертворождённое, нереальное; это — прилагательное без существительного, к которому оно относится, „прилагаясь”.

По единодушному учению отцов и богословов, благодать не есть какое-то вещество (субстанция), хотя бы и духовное, это не какой-то нектар; она — сила, не созидающая новые личности, а „окачествляющая” личности природного, тварного, уже существующего мира. Она даёт освящение людям и их церковным группировкам.

Человек — дикая маслина, привитая на „святом корне” маслины Христовой (Рим. 11, 16 и след.): он благодатно живёт сверхприродными „соками”. И как такой прививкой природа дикой маслины облагораживается, а не уничтожается, так и природа человеческая силою благодати не ослабляется, а, наоборот, приводится к полному и всестороннему расцвету.

Св. Иоанн Златоуст — как и другие отцы — приписывает благодати не способность создавать в человеке новые органы духовной жизни, а свойство помогать естественной религиозно-нравственной деятельности души в достижении божественных высот, немислимом для природных сил, предоставленных самим себе. «Даниилу во всём помогала благодать... Таким образом, если мы пожелаем сделаться подобными ему, то благодать и ныне готова помогать».¹ «Помощь свыше приходит с щедростью тогда, когда и мы покажем много добродетели».² И, как видно из всей связи речи, благодать помогает именно той добродетели, которая идёт ей навстречу. По мнению св. Иоанна Златоуста, «благодать возделывает... церковь»³; хотя он говорит тут о поместной церкви, но мысль его та, что благодать не есть Церковь, а предполагает её, как естественную религиозную общину,

1. Творения св. Иоанна Златоуста, СПб, 1903, том IX, стр. 515.

2. Там же, 1898, т. IV, стр. 670.

3. Там же, 1895, т. I, стр. 594.

способную быть той реальностью, которую „воздвывает” благодать.

Прот. Малиновский пишет: «Благодать есть особая сила божественная, сила Духа Святого, любовью Божиею даруемая людям ради заслуг Искупителя и усвояющая им эти заслуги внутренним таинственным действием на природу человека и совместно с её естественными силами и способностями... Благодать..., действуя на рассудок, мало-помалу проникает в глубь сердца человеческого и помогает человеческой воле пробуждением в ней хотения спасения... Эта божественная сила проявляется в немощи нашего естества как всесильная, но без уничтожения нашей свободы, без подавления или устранения наших естественных сил, напротив, с предоставлением им свойственного им поприща деятельности... Могущественное действие божественной благодати не сопровождается насилием и подавлением наших человеческих сил, а ведёт к свободному подчинению их высшей силе и совместному с нею нашему подвигу».¹

Благодать, применяясь к человеческой природе, совершенствует её. И как всякая Божия милость, она **целостна**, отличается святостью, „полнотою”. Она всецело согласуется со **всеми** Богом в человеческую природу заложенными законами существования и жизни духа; она применяется к ним и, облагораживая, следует им. Благодать, раскрывающая понимание сверхприродных истин, даётся разуму человеческому, природной способности понимания; благодать сверхприродной любви завершает и освящает природную духовно-волевою любовь человека. Благодать не делает человека, даже только отчасти, ангелом или деревом: она делает человека — святым отцом, сыном, членом общины, ремесленником, исполнителем требований естественной религии и т. д. Благодать есть сила, совершенствующая **соответствующую** природную реальность. Она есть неземное **утверждение** и санкция, скрепление всех здравых природных устремлённостей человека, освящение их. „Освещённый кристалл” это — „освещение”, по необходимости предполагающее „кристалл”. Итак, всё благодатное так же человечно у человека, как оно бесплотно у ангела на небесах. Каждый акт благодатной жизни, чтобы быть вполне сверхприродным, должен быть в **соответствующем** порядке вполне природным.

1. Очерк Правосл. Догмат. Богословия, изд. второе, Сергиев Посад, 1912, ч. II, стр. 8 и сл.

Из всего сказанного до сих пор мы приходим к следующему выводу: существенное для Церкви единение верующих в благодатной любви Христовой **безусловно предполагает** окачествляемое им естественное, вполне человеческое стремление к объединению тех же верующих в одно человечески сплочённое, религиозное общество. Чтобы быть подлинной святой Церковью Христовой, Церковь должна быть „церковью”, естественным, по-человечески совершенным постоянным „собранием”. Благодатное единение в Церкви должно быть вселенским, постоянным и божественно глубинным: поэтому и человеческое объединение чад Церкви должно тяготеть к вселенской постоянной организованности. Божественная соборность немыслима без интенсивной устремлённости всех членов Церкви к возможно более человеческому осуществлению естественной „собранности” преданных Христу людей, в особенности же со стороны нарочито поставленных для созидания Тела Христова. Церковное благодатное единство, чтобы быть реальностью, а не обманчивой утопией, должно стремиться к максимальному развитию человеческой солидарности и организованного общинного строения.

Природа без благодати мыслима, на деле она преобладает повсюду. Но благодать не мыслима без соответствующей природы. Оттого не всякое организованное религиозное общество есть Божия Церковь или часть её; но всякое христианское вероисповедание, лишённое по крайней мере виртуального тяготения к единому вселенскому иерархическому строению, наверно не есть святая Церковь Христова. „Организм” соборного Тела Христова без соответствующей постепенной „организации” не более как опасный призрак, обманчивый мираж, подмена духовной реальности дивным, но ещё не осуществлённым идеалом, прекрасной отвлечённой фикцией. Церковь-любовь без Церкви-общества, в условиях земной жизни, — абстрактность.

Благодать церковного единения действует в сердцах, в разумно-волевых душах верующих. Благодатная сверхприродная любовь, которую она порождает в душах ей покорных, влечёт каждого к живому благодатному „причастию” в той же благодатной жизни всех остальных членов Церкви. Благодатная любовь не уничтожает и не покидает природную волевою любовь человека, но совершенствует её, внушая ей стремление к человеческому осуществлению единения между членами Церкви и применению

всех богочеловеческих предпосылок благодатной любви. В этом отношении первое место занимают естественные усилия жить согласно требованиям общинной вселенской организованности. Именно совокупность этих усилий является непосредственным природным подлежащим, субъектом или носителем соборной благодатной любви.

Церковь есть применение во вселенском масштабе основного аскетического начала, послушания. Оттого-то во всей Церкви, как и в любой её части или „малой церкви”, благодатная любовь процветает соразмерно общему усердию в соблюдении общинного благочиния, общих правил и требований послушания законному церковному начальству. Церковь-любовь может быть только сверхприродным завершением и освящением, „обожением”, Церкви-общества, Церкви как человеческого объединения.

Как во всяком вопросе учения о Церкви, так и здесь нельзя обойти основной догмат христианской экклесиологии: Иисус Христос есть Глава Церкви. Во Христе человеческая природа, во всей полноте своего человеческого совершенства и человеческих душевных и духовных способностей, была носителем, „подлежащим”, любви к Богу и к людям; христоподобие Церкви требует, чтобы Церковь, как человечески организованное и иерархически объединённое общество людей, была носителем, „подлежащим” божественной любви. Любовь есть самое существенное в Церкви, её благодатный очаг; поэтому **именно здесь** больше, чем где бы то ни было, должно проявляться сходство Невесты с её Женихом, с Богочеловеком.

Поясним сказанное, разобрав возможные возражения.

1) Придавать столь существенное значение природным способностям человека есть пелагианство.

Ответ. — Наше учение не имеет ничего общего с пелагианством, оно лежит в совсем другой плоскости. Пелагиане преувеличивали человеческие силы, мы же не касаемся того, **что** человек может делать без помощи благодати, а рассматриваем вопрос о том, **как** благодать действует на человека.

2) Если благодатное единство Церкви требуется природными стремлениями человеческой души, то нельзя говорить, что Иисус Христос свободно основал Свою Церковь.

Ответ. — Не природа, сама себе предоставленная, требует благо-

датной жизни, а наоборот, благодать требует или вернее **предполагает** природу, следуя при этом вышеупомянутому закону соответственности. Иисус Христос свободно учредил Свою Церковь, дав ей объединяющее иерархическое строение, требуемое благодатью единения.

3) Если общинное, внешне-иерархическое и юридическое строение Церкви требуется самой сущностью благодати единения, то отсюда вытекает необходимость юридически организованной иерархичности не только на земле, но и в загробной жизни, в вечности Царства Небесного, царства благодатного единения. А между тем, ни в Св. Писании, ни в Предании ничто не даёт основания предполагать, что эмпирически организованная церковность будет продолжаться в Церкви на небесах.

Ответ. — Церковь-благодать предполагает Церковь-общество в силу общего закона: сверхприродное предполагает природное. А природа человеческая требует, чтобы люди объединялись в религиозное общество в сей жизни, где они проходят опасный путь искания спасения; но **та же** природа устанавливает, что не нужны средства, служившие к достижению цели, раз таковая уже достигнута. В Царстве Небесном благодать единения уже полностью достигнута в пределах установленных Божией премудростью, там путь уже кончен, нет никакого дальнейшего совершенствования; на земле же совершается процесс ведущий к достижению полноты благодатного единения, **становление** Царства Божия; именно этот процесс благодатствования (а никак не окончательное состояние, к которому он ведёт) предполагает объединение людей в одно религиозное общество. В Царстве Небесном отпадают вообще все средства, служащие достижению цели, ибо цель уже достигнута там; там нет больше ни таинств, ни богослужений, ни назидательных книг, ни „общества”. Итак, на небесах нет юридического порядка и иерархичности по той же причине, по какой они нужны в земной Церкви; причина эта — воля Божия, чтобы благодать во всём применялась к природе человеческой и к различным её состояниям на земле и в загробной жизни. Всё возражение только подтверждает наше положение.

4) Благодать единения есть и у христиан не-католиков, вне Церкви как организованного общества; значит, это общество не безусловно необходимо для осуществления соборного единения во Христе.

Ответ. — Вне Церкви есть: а) **призывы** воздействующей благодати к жизни в едином стаде, но эти призывы не тождественны с

самой освящающей благодатью единения; б) **частичная** благодать единения, соответствующая частичному человеческому общинному единению. Чем теснее объединены последователи какого-либо христианского вероисповедания, тем больше возможностей налицо для их сверхприродного единения во Христе; мы говорим „возможностей“, ибо, повторяем, человеческое объединение есть условие, а не действующая причина благодатного сплочения верующих в одну семью. В автокефальном православии есть частичные общинные сплочённости в поместных церквях, но мало канонической сплочённости этих церквей между собою; оттого и неудивительно, что в них гораздо больше поместного духа единения, чем всецерковной братской любви; и то, что иные принимают за соборный всеправославный дух единства, чаще всего является не более как тоской по почти отсутствующем деятельном и плодотворном всеправославном духе; тоска эта у искренних людей — спасительная, но всё же она не тождественна со своим предметом.

5) В Церкви времён катакомб благодать была обильна, а между тем по-человечески налаженных связей поместных церквей между собою было тогда очень мало; значит, благодать в них не нуждается.

Ответ. — В первые века была особенно велика благодать христианской стойкости среди гонений. Христианам давалась тогда в таком изобилии предваряющая благодать, что с помощью её они могли **постепенно** вырабатывать порядок всецерковной общинности, требуемой основными началами богочеловечества. Существенна для благодати единения **устремлённость** к постепенному осуществлению возможно лучшей организованности церковного строения. Правда, в первоначальной Церкви внешние формы всецерковного строения были ещё слабо развиты (как слабо развиты были и иконопочитание, и позднейшее сложное богослужение, и монашество, и богословие); но **связь** между благодатью и пастырством была уже крепка, как это видно, например, из посланий св. Игнатия Богоносца или из письма св. Климента к Коринфянам. В первые три века христианства, из-за страшных гонений, объединяющая сила папства проявлялась лишь слабо, а вселенских соборов не было ещё вовсе; поэтому Господь поддерживал Свою Церковь исключительными харисмами. Но из этого отнюдь не следует, что Церковь должна быть всегда лишённой собственного всецерковного канонического строя. За последние десятилетия некоторые поместные католические церкви на много лет оказывались, в силу посторонних обстоятельств и гонений, фактиче-

ски оторванными от Римского Престола; и всякий раз сила благодатного всецерковного единения оказывалась соразмерной стремлению верующих повиноваться законной церковной власти.

6) Носителем, „подлежащим“, благодати единения в Христовой любви является сердце христианина; поэтому достаточно иметь в сердце любовь ко всем членам Церкви, а всякие организации не существенны.

Ответ. — Если под словом „сердце“ понимать, как мы это видим у отцов Церкви, человеческую разумно-волевою природу во всей её глубине, то вполне правильно, что именно сердце непосредственно воспринимает благодать единения верующих, что чистая человеческая любовь есть то человеческое „природное“, которому даётся свыше благодать любви. Благодать единения даётся Богом человеку постепенно: всякое последующее изливание этой благодати тем обильнее, чем совершеннее было сотрудничество верующего с предшествовавшим изливанием той же благодати, чем жертвеннее он покорялся её внушениям. Итак, недостаточно только воспринять первую, предваряющую благодать единения: надо всем своим человеческим существом совершать и дела, подобающие благодати единения, то есть такие акты единения, какие благодать могла бы всё более и более возводить в состояние обожения. Обожёнными благодатью единения могут быть только природные человеческие акты единения, точнее — послушания, ибо в противном случае получился бы абсурд: совершенствование при отсутствии того, что подлежит совершенствованию. Дела единения, чтобы быть действительно человеческими, способными к обожению, должны совершаться согласно заложенным в природу человеческую Божиим законам естественного общинного соединения людей, между которыми первое место занимает **закон стремления к образованию обществ**, определяемых общими целями, к коим люди могут и должны стремиться. И тут тоже первое место должно занимать стремление к конечной цели религиозного общения, к прославлению Бога. А церковная организация есть не что иное, как определение дел единения и устранение несовместимого с ними разъединения, хаоса.

7) Правда, человеческая общинность требуется богоданными природными законами религиозной жизни, и необходима она как подлежащее, как „то что“ обожено. Но нельзя доказать, что образование независимого, самобытного, **совершенного** религиозного общества есть требование этих законов.

Ответ.— Благодать не только обоживает всё подлежащее её воздействию: она также совершенствует и всё природное в пределах его же собственной природности, подобно тому как, например, воздействия разумно-волевой души, Богу покорной, постепенно совершенствуют и приводят в гармоническое единение всю природную психику человека. К тому же, уподобление Богочеловеку требует, чтобы законы природы постепенно осуществлялись в Церкви в максимальной степени совершенства. Во всех подлежащих обожения необходима, по крайней мере, неосознанная устремлённость к их же собственной целостности, самобытности, совершенству, без которого они были бы только частичными подлежащими частичного же, слабого обожения.

8) Если общим подлежащим благодати единения является Церковь как одно общество, то выходит, что эта благодать даётся собственно только строителям и управителям этого общества!

Ответ.— Оно было бы, пожалуй, так, если бы Церковь-общество была чем-то внешним и случайным по отношению к верующим и если бы, с другой стороны, благодать была какой-то субстанцией или правом на что-либо. Но все эти предположения совершенно ложны. Церковное общество составляют сами верующие в их совокупности; поэтому предложение „Церковь-общество есть носительница, подлежащее благодати единения” равносильно предложению: „верующие, поскольку они составляют одно религиозное общество, являются подлежащими, носителями, воспринимателями благодати единения”. Благодать единения даётся всем соразмерно их добродетели послушания, ибо послушанием закономерным церковным настоятелям они „осуществляют” Церковь как „совершенное общество”; настоятели только указывают, в чём надо слушаться, причём, конечно, им помогают особые воздействия благодати. Благодать единения даётся Богом везде, где даётся вообще благодать (особенно в таинствах), согласно усилиям людей жить в единении с подлинным церковным обществом, Христом основанным. Оттого благочестивая старушка или чернорабочий может иметь больше благодати единения во Христе, чем иной епископ. Недопустимо также и второе предположение, ибо благодать вовсе не есть „субстанция”, а свыше сообщаемое обожение всякого поддающегося ему духа, озарение и подкрепление изнутри праведника. Благодать не есть тоже и „право”; ведь право, по существу и смыслу своему, есть только внешнее условие для осуществления некоей реальности; в известном смысле, благодать

даёт „право“ на вечное блаженство, но, говоря так, мы только утверждаем, что Бог верен Своим обещаниям. По отношению к Богу человек сам по себе никаких прав не имеет; один только Бог является причиной благодати и дарует людям „право“ на спасение; люди не могут творить от себя благодати, и в этом папа безусловно равен любому другому человеку; папа является только верховным блюстителем тех норм, соблюдение которых обеспечивает всякому соучастие в благодати единения, в любви.

9) Коробит самая мысль, что Господь может обожить Свою благодатью „общество“, организацию, каноническое законодательство, параграфы человеческих постановлений, канцелярское делопроизводство епископских консисторий или папских конгрегаций.

Ответ. — **Непосредственным** носителем, или подлежащим, благодати единения является не общество, а христиане, их жизненная совокупная устремлённость к единению. Общинная церковная организация есть только требуемое началом богочеловечества **условие** для совершенства благодатного общинного единения. Что же касается всегда возможных злоупотреблений в „канцеляриях“, то они тем легче устраняются, чем лучше Церковь организована.

10) Можно удостоиться благодати единения подвигами разных добродетелей, например, целомудренной жизнью; значит эта благодать не предполагает непременно послушание начальству и участие в деятельности Церкви, как организованного общества.

Ответ. — Удостоиться какой-либо благодати и творить дела, **подлежащие** этой благодати, далеко не одно и то же; иной христианин в состоянии освящающей благодати может делами милосердия к ближнему обрести у Бога обильную благодать молитвы, удостоиться её; но непосредственным подлежащим этого облагодатствования являются не упомянутые подвиги служения ближнему, а человеческие моления, воздыхания к Богу, устремлённости души, оживляемые стенаниями Духа Святого. Точно так же подвиги целомудрия могут снискать тому, кто их совершает, благодать единения с другими членами Церкви в сверхприродной любви или умножение этой благодати; однако последняя может быть обожением и освящением только человеческих мыслей и поступков, коими осуществляется человеческая сторона единства Церкви.

11) Если благодать единения даётся человеческим делам единения, то выходит, что преступник может созидать церковное единство!

Ответ. — Нет благодати единения (тут мы не говорим о предва-

ряющих воздействиях благодати, зовущих к единению даже преступников) без подлежащих ей человеческих дел единения, без тяготения к „организации“; но не всякое дело единения удостоивается обожения. Благодать единения по преимуществу сопутствует освящающей благодати. Находящиеся в состоянии смертоносного греха могут находиться в ограде Церкви и жить под сенью её единства, но они могут иметь участие в созидании её только как **орудия** Божиего всемогущества; так, недостойный священник совершает таинства, освящающие других.

12) Если единство Церкви так тесно связано с благодатью единения, то из этого повидимому следует, что только праведники являются членами Церкви, и Церковь оказывается по существу своему невидимым союзом людей, как учат протестанты.

Ответ. — Можно быть членом Церкви и принадлежать к её единству в различной степени. Праведники в полном смысле принадлежат к Церкви и живут благодатью единения. Грешники же, вследствие смертоносного греха утратившие освящающую благодать, по благодати Божией посещаются воздействующей благодатью и призываются свыше к возвращению в полноту церковного единства: они весьма недостойные, омертвевшие члены единой богочеловеческой видимой Церкви.

13) Такая зависимость благодати от человеческих „подлежащих“ несовместима с превосходством сверхприродного дара Божия; неправда, что человеческое общинное единство создаёт благодатное!

Ответ. — Благодать, снисходя к человеческому подлежащему, вовсе не остаётся на его уровне; наоборот, она повышает этот уровень, **подчиняет** себе природу человеческую. А человеческое общинное единство не создаёт духовных высот благодатного единения, а только служит средством их осуществления.

14) Есть немало праведников в христианских некаатолических вероисповеданиях, а ведь они отвергают католическое общинно-церковное строительство.

Ответ. — По вине других, они ошибаются относительно фактической подлинной богочеловеческой Церкви, но сохраняют в значительной степени устремлённость к богочеловеческой вселенской церковности. Тут ненормальность проистекает со стороны пагубного воспитания. Доколе христианин не согрешит вполне сознательным личным отрицанием самого **принципа** всецерковного, видимым образом объединённого строительства, он может пребывать в состоянии

освящающей благодати, которая и присоединит его к полноте церковного единства, если не в этой жизни, то в будущей.

Подводя итог сказанному в настоящей главе, мы приходим к следующему заключению: существенная для святости Церкви Христовой благодать единения, в силу самой сущности благодати, предполагает общую действенную устремлённость членов Церкви к религиозному сотрудничеству, согласно требованиям заложенного Самим Творцом в природу человеческую тяготения к жизни в организованном религиозном обществе. А так как эта устремлённость удовлетворяется в подобающей степени только в Католической Церкви, то её лишь одну и следует считать подлинной святой Церковью Христовой.

---

*Глава третья***БОГОСЛОВСКИЙ ОБЛИК СВЯТОСТИ ЦЕРКВИ**

Этот второй облик святости Церкви Христовой тесно примыкает к первому, ибо и здесь речь идёт главным образом о благодати. Но так как мы здесь разбираем вопрос о помощи свыше с точки зрения трёх основных сугубо сверхприродных добродетелей — веры, надежды и любви, — которые принято называть „богословскими”, то мы и назвали этот облик святости Церкви „богословским”.

Основную истину, которую мы теперь имеем в виду, можно выразить так: подлинная Церковь Христова не может не иметь такого строения, какое предполагает у её чад высокую степень богословских добродетелей. Другими словами: Церковь свята потому, что она является носительницей, предметом, побуждением и условием великой веры, надежды и любви. Мы не хотим этим сказать, что к Церкви принадлежат только христиане, обладающие совершенством указанных добродетелей; в церковном неводе, как предсказал это Христос, встречается много грешников и вялых, духовно безжизненных христиан. Мы имеем в виду известное **соотношение**: чем более кто-нибудь живёт согласно богочеловеческому домостроительству Церкви, чем более в нём детской и великодушной преданности её единому вселенскому священноначалию, тем живее в нём вера, надежда и любовь; и наоборот: чем больше в ком-либо веры, надежды и любви, тем более в нём понимания роли иерархических факторов духовной жизни, уважения к ним, преданности им, тем более в нём духа послушания пастырям, которых он считает законными.

Таково одно из свойств Церкви. И свойство это может быть тоже названо признаком подлинной Церкви, как станет ясным из

последующего. Остановимся на каждой из этих трёх добродетелей в отдельности.

1. Вера.

Церковно мыслящий католик верует в догматические постановления учащей Церкви, вселенского собора или папы. Он верит человеку, грешному и смертному, подверженному всем немощам человеческой природы, притом в вопросах важных для спасения, далеко превосходящих всё земное. Больше того: виртуально и наперёд, он благоговейно принимает всё, что Церковь догматически определит в будущие века. Он верует, что Церковь, даже как иерархически-юридическое учреждение, пребудет незыблемой до конца света, несмотря на всеразрушающее действие времени. Он видит, как ежедневно против Церкви, а в особенности против папства, поднимаются мировые силы безверия; он видит, что они действуют заодно, когда дело идёт о походе на папство клеветой или насилием; он видит всемирный заговор, направленный на то, чтобы отклонить учащую Церковь от исполнения её долга: бесстрашно учить. Но он всё-таки верит, что врата ада не одолеют её. Во всём учении Католической Церкви нет ничего такого, что благоприятствовало бы чувственности или эгоизму — личному, национальному или классовому; наоборот, это учение требовательно, оно зовёт к постоянному всестороннему самоотречению. И сын Церкви верует, несмотря на искушения и соблазны, несмотря на софизмы врагов её, несмотря на все насмешки, унижения и гонения.

Само собою разумеется, что такая жертвенная вера невозможна без обильного содействия благодати, без помощи Утешителя. Католическая вера немыслима без глубокого, неземного смирения; она немыслима и без той чистоты сердца, которая даёт возможность разбираться в религиозных и вероисповедных вопросах. Но такое смирение и такая чистота осуществимы только при постоянной поддержке со стороны Духа Святого.

Вера, которой Церковь ожидает от чад своих, по существу своему сверхприродна. И именно поэтому она предполагает то природное начало, по отношению к которому она сама могла бы быть сверхприродной. Верующий должен предоставить вере все природные способности своей души: память напоминает ему истины, лежащие в основе веры; ум проникает в побуждения, чтобы

верить учащей Церкви, и с Божией помощью покоряется истинам Откровения; воля идёт навстречу той жертвенности, которой требует вера, противодействуя искушению заменить подлинную веру „религиозным чувством“, настроениями, бессознательным влечением себялюбия и т. п. Подвиг веры совершается способностями человеческой души, которые так или иначе, все вместе, участвуют в просветлении благодатью веры. Сердце верующего должно быть совсем чисто.

Подлинная вера богочеловечна, хриstopодобна, воплощённа. Она всецело сверхприродна в отношении истин, ею принимаемых, своей конечной цели, своей неземной жизненности; она целиком природна, человекна, разумна в воспринимающих её способностях души. Именно эта воплощённость и человечность веры христианской делает её далеко превышающей природные силы человека, требует их обожения обильной благодатью. Чтобы иметь „чисто духовную“ веру, т. е. веру, не связанную с Церковью как учреждением и авторитетом, достаточно естественных психических способностей, даже изуродованных и ослабленных фанатизмом, экзальтированностью, болезненным мистицизмом. Но чтобы иметь ту веру, какой требует догмат Воплощения и авторитетность Церкви, чтобы покорно принимать верою церковные догматы, безусловно нужна обильная помощь Христовой благодати. Вне Церкви христианская вера богочеловечна только отчасти и потому только отчасти благодатна.

2. Надежда.

Предметом этой добродетели является вечная жизнь в царстве Небесном, а потому и вообще всё, что так или иначе обеспечивает нам достижение этой конечной цели существования и ведёт ко спасению. Таким образом, наша надежда распространяется неминуемо на видимую, эмпирическую, иерархически-общинную Церковь, которая своим учением, законодательством и пастырством ведёт нас к вечному спасению.

Озаряемые благодатью, мы ожидаем многого. Мы всей душою надеемся, что, несмотря на превратности земной жизни, на соблазны её и препятствия, даже несмотря на слабости и недостатки служителей Церкви, именно эта, составляемая из грешных людей, иерархическая Церковь, если только мы ей будем покорны, безусловно доведёт нас до великой, Спасителем намеченной, цели на-

шего пребывания на земле. Мы уповаем, что Господь даст церковному священноначалию необходимый свет и силу, чтобы ежечасно вести ко спасению не только нас самих, но и все поколения христиан до скончания веков; наша надежда сливается с надеждой будущих поколений и с надеждой христиан истекших столетий в одно беспредельное дерзновенное упование. Наша надежда в том, что материнская забота Церкви о нас никогда не перестанет быть высшим орудием и выражением Божиего промысла. Озаряемые христианской надеждой, мы знаем, что во время грядущих и неизбежных до конца мира религиозных бурь, гонений и появлений новых сект, Церковь не перестанет быть маяком для всех искренне ищущих спасения Христова, не перестанет питать своих чад непятанными таинствами, чистым учением и образными примерами подвижничества. Мы уповаем, что, несмотря на страшные будущие религиозно-нравственные катастрофы, Церковь, не только как союз любви, но и как организованное учреждение, всегда останется единой спасительной Церковью Христовой.

Одним словом, мы возлагаем нашу незыблемую надежду на богочеловеческую христоподобную Церковь, на то человечески налаженное „учреждение“, всегда обуреваемое и гонимое адом, которое, не почивая на нём Господне благоволение, давно уже разделило бы участь всех „учреждений“ и распалось бы под напором вражеских сил. Наша надежда не похожа на безблагодатные мирские надежды и расчёты, она перечит им; она сходна с надеждой Авраама, который *сверх надежды поверил с надеждой* (Рим. 4, 18); она однородна с надеждою Пресвятой Девы, когда Она пела Свою благодатную песнь *Величит душа моя Господа*. Наша христианская надежда, как и вера, охватывает все способности души и требует во всех отношениях великого самоотречения, а это предполагает преизобильную помощь благодати.

Чтобы возлагать надежду на Церковь-учреждение, на Церковь-общество, надо быть гораздо более одарённым благодатью Святого Духа, чем в том случае, когда предметом надежды является Церковь, понимаемая в смысле исключительно духовного сверхэмпирического союза душ; ибо „чисто духовное“, не воплощённое лежит вне досягаемости естественного разложения и физических насилий. Если бы Церковь была лишена вселенской объединяющей организации, собственного правового порядка и папства, на неё можно было бы уповать и слабым сверхприродным влечением

духа; но как всецело богочеловеческая и хриstopодобная, она может быть предметом только глубокой благодатной надежды, в высшей степени сверхприродной, неземной.

3. Любовь.

Тут с ещё большей наглядностью сказывается необходимость обильной благодатной помощи. Жертвенность, которую подлинная Церковь Христова внушает чадам своим, никак не возможна без участия в любви божественной.

а) Верный сын Церкви любит церковные догматы веры. Для него они не сухие отвлечённые истины, но истины жизненные, которые налагают на христиан определённые обязанности и требуют великого самоотречения. Тайна Пресвятой Троицы для него источник неземной отрады и восторга, внушающих ему горячее желание подвижнической жизнью привлекать к этому счастью возможно больше людей. Догмат Воплощения Христова предлагает ему полную программу богочеловеческой жизни и беспредельной любящей преданности ко всем проявлениям Воплощения в сущности и в жизни Церкви Сына Человеческого. Догмат Искупления в сочетании с догматом Христа-Главы, зовущего всех принять участие в Его спасительном подвиге, побуждает христианина приносить величайшие жертвы ради спасения всех искупленных кровью Христовой; ибо христианство есть религия не только поклонения подвигу Искупителя, но и участия в нём. Догмат главенства Римского епископа учит нас любить Церковь и принимать участие в тех непосильных безблагодатному человеку страданиях от гонителей Христа, которые приходится переносить ради этого догмата. Учение о чистилище открывает перед нами широкие горизонты соборного единения с усопшими и помощи им молитвою и жертвенностью. Догмат Непорочного Зачатия Пресвятой Девы побудил тысячи подвижников жертвенно отстаивать повсюду христианское понимание чистоты сердца. Католическое учение о нерасторжимости таинства брака требует любви, готовой героически противостать напору страстей и подвергнуться преследованиям, которые выпадают на долю Церкви из-за того, что она решительным образом отстаивает ненарушимость сущности таинств Христовых.

б) Церковное правоучение, хотя и устраняет всякий мертвящий ригоризм, не допускает никаких послаблений всякий раз, когда дело идёт о требованиях Божиего закона, откровенного или заложенного

в человеческую природу. Кто причинил другому какой-либо ущерб, моральный или материальный, тот должен в меру своих возможностей возместить нанесённый убыток. Христианская мораль распространяет свои требования на все моменты нашей жизни, на все занятия, на все помыслы. Она касается всех отношений человека к самому себе и к ближнему: она интегрально богочеловечна, как догматика; и поэтому она требует от нас усилий, являющихся природными подлежащими обожения. Она вдохновлена сверхприродной любовью. И даже тогда, когда она, по примеру Христа, действует с постепенностью, умеренностью и снисходительностью, не требуя непосильного, цель её — именно этим материнским вниманием к ограниченности сил человека тронуть вялых христиан и привести их таким образом к совершенству жертвенной любви.

в) То же самое в **таинствах**: снисходительность, где это допустимо, безусловная неуступчивость везде, где воля Господня не подлежит сомнению. Мы это видели уже относительно нерасторжимости таинства брака. Св. Евхаристия в понимании Церкви есть очаг героической повседневной жертвенности, она даёт силу совершать сверхприродные подвиги. Священство не профессия, а святое призвание, требующее великих жертв, в свою очередь неосуществимых без постоянной помощи свыше. Таинство покаяния требует от кающегося открытия перед священником всех своих смертоносных грехов и решимости отказаться от их повторения, чего бы это ни стоило. И вообще все таинства немислимы без духа жертвенности, какой только благодать может сообщить.

г) **Каноническое право** отпугивает многих строгостью своих требований и сухостью своих предписаний. Но стоит только присмотреться к нему при свете Христовой икономии воплощения, и тогда станет ясным, что эти предписания есть не что иное, как требования божественной любви. Соблюдение в духе Церкви параграфов канонического права превышает силы человеческие, но при помощи благодати оно становится мощным двигателем внутренней жизни. Как трагически ошибаются те некатолические богословы, которые противопоставляют „мистическую” Церковь — Церкви „юридической”: именно эта последняя осуществляет первую в сердцах верующих.

д) Церковь, будучи самобытным независимым обществом, почти всегда должна собственными материальными и культурными **средствами** содержать множество низших, средних и высших учебных заведений, благотворительных учреждений, заморских миссий и т. д.

Вследствие своей богочеловеческой сущности она развивает огромную мировую богочеловеческую деятельность и в этом отношении тоже требует от своих чад ежечасного проявления жертвенности. Тут опять-таки нужна неисчерпаемая благодатная любовь.

В некаатолических христианских вероисповеданиях всё сказанное в настоящей главе осуществляется в той мере, в какой они ещё сохранили церковные начала, догматы, таинства, нравоучение и все положительные с католической точки зрения двигатели благочестия (всё „виртуально” католическое). Но всё, что в этих исповеданиях имеется существенно противоречащего **ПОДЛИННОМУ** католичеству, в особенности отрицание некоторых католических догматов, никогда не питало в них благодатной веры, героической надежды и божественной любви.

Повторяем: именно потому, что Церковь есть Церковь Богочеловека, а не Богоангела, потому, что она, будучи божественной, вопла в след за Вождём всей своей божественностью в человеческую „эмпирию” и „стала плотью” ради жертвенного следования за Воплотившимся, за Распятым, — именно потому она и немислима без исключительного обилия благодатных добродетелей веры, надежды и любви. Именно эта полнота человечности Церкви и предполагает полноту богословских добродетелей. А если принять во внимание, что божественная сила, сообщающая верующим благодатность их веры, надежды и любви, исходит от самой же Церкви, в свою очередь получающей её от Богочеловека, то мы должны прийти и в отношении богословских добродетелей к заключению, что Церковь свята.

*Глава четвёртая***ЭККЛЕСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЛИКИ
СВЯТОСТИ ЦЕРКВИ**

Под этим названием мы понимаем те аспекты Церкви Христовой, которые **непосредственно** связаны с основным догматом католической эkkлесиологии, именно догматом главенства Господа нашего Иисуса Христа. Из них мы рассмотрим здесь только главные.

Как во Христе недопустим никакой монофизитизм, даже частичный, никакие изъяны, пробелы или исключения из полноты человеческой природы, так и в Церкви Христовой должна быть полнота, законченность её человеческой природы: она должна быть „совершенным обществом“, всегда стремящимся к возможно лучшей организации, к совершенствованию канонического права, к развитию вселенского разноединоного мышления и хотения. В богочеловеческой Церкви может быть только одно единственное священноначалие, одна иерархически объединённая вселенская иерархия; недостаточно нескольких поместных сходных иерархий; должен быть один высший иерархический Центр, не должно быть никакого пробела в объединении поместных иерархий и церквей.

1. Свята **верность Церкви** своему богоданному хриstopодобному строению. В лице своих лучших чад Церкви уже почти 2000 лет исполняет свою богочеловеческую программу, она не отступает от своего хриstopодобия с такой неземною верностью и постоянством, какие сами по себе уже могут служить доказательством её святости, действующей в ней особой силы Христовой.

Церковь устремлена ввысь к **божественному**, к исповедничеству, к мученичеству, к единению во Христе. Она несёт святые таинства, эти источники божественной благодати, во все страны

земного шара, во дворцы и в хижины. Она даёт *уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею* (Ефес. 3, 19). Полнотою божественной любви она сближает и духовно сплавливает людей самых разнообразных и, казалось бы, друг другу противоречащих культур, воспитаний, этнических особенностей и т. д. Вселенским единством своим преодолевая порабощение национально-политическими силами, она в лице всех верных исполнителей её заветов устремлена прямо к Богу, к вечному единению с Пресвятой Троицей в царствии Небесном. Она одобряет и освящает все поместные культуры, она благоприятствует развитию и укреплению самобытности и положительных этнических особенностей больших и малых народов и целых рас; она применяется к ним; но при всём том она не допускает, чтобы её саму низводили на уровень „ведомства” того или иного государства, той или иной нации, чтобы её превращали в отличительный элемент определённых народов. В ней недопустимо мусульманское или еврейское стремление отождествлять данный народ с той или иной религией, подчас доходящее до того, что клеймят словом „предатель” всякого, кто определяет свою веру познанной вселенской истиною Христовой, а не принадлежностью к „вере предков”, к „родной религии”. И из-за этой устремлённости к полноте божественной вселенской правды, ей приходится переносить травли и гонения, которые давно бы её сломили, если бы в ней не обитала сама полнота Божества.

Но Церковь Богочеловека не только божественна. Она в то же время свята своей верностью **человеческой** стороне данной ей Спасителем икономии Воплощения. Она верна своему строению, как самобытного человеческого религиозного „совершенного общества”. Она свято применяет, раскрывает и продолжает подвиг Богочеловека. Когда св. Феодор Студит, св. Бернард, св. Екатерина Сиенская и вообще все католические святые так горячо отстаивали папство или увещевали самих пап не поддаваться слабости и проявлять твёрдость в исполнении вселенских архипастырских обязанностей, их воодушевляла святость самой Церкви, её верность Воплощению. Все силы безверия и все не католические религии и вероисповедания имеют одно общее им желание — уничтожить папство, этот кульминационный пункт воплощённости Церкви. Никакое безблагодатное учреждение на земле не устояло бы долго под таким сплочённым напором невероятных усилий

ослабить, втоптать в грязь, убить; тут нужна постоянная мощная поддержка свыше. За 19 веков своего существования папство бывало подчас представлено недостойными носителями этого высокого сана, которые лишь вяло проявляли свой архипастырский авторитет и боялись могущественных гонителей Церкви. Но даже из числа этих недостойных пап, ни один не оказался в полном смысле слова предателем папского авторитета; их поддерживала святость всей Церкви, не допускающей никаких изъятий в своём человеческом строе. Перед каждым носителем папского сана подымается страшное искушение: уступить духу мира сего, открыть двери вероисповедному индифферентизму, отказаться от непосильного бремени всеобъединяющего авторитета, объявить себя только „первым по чести”, *primus inter pares*; ведь тогда сразу отпал бы повод к насмешкам, издевательствам, унижениям, конфискациям; похвалам не было бы конца. А тут ещё соблазн кажущегося „соединения церквей”, на самом деле представляющего собою гибель подлинного единства Церкви, так как в нём устраняется авторитетный центр; но католическая Церковь не поддаётся этому искушению; разве это не говорит о наличии в ней великой благодати? Эту благодатную жертвенность в отстаивании „организации”, канонического порядка и авторитетности церковной власти мы видим в деятельности всех благочестивых епископов, простых священников, монашеских орденов, благотворительных союзов мирян и вообще везде, где процветает наиболее чистая духовная жизнь.

Не будь Церковь святою, она уже давно отказалась бы, совсем или частично, от полноты своего человечества, от идеи самостоятельного „совершенного общества”, от единства иерархии, и распалась бы на друг от друга независимые поместные церкви, входящие так или иначе в состав народов или государств и подчинённые им даже в канонических и чисто церковных вопросах.

2. Мы уже видели, какое огромное, существенное значение в религии вообще, в особенности в христианской, имеет **послушание**. Без послушания Богу и людям, поскольку они являются орудиями Его в деле спасения, христианство — только мечта, отвлечённое, мёртвое понятие, красивое, но бесплодное теоретическое построение, или же сплошной хаос в мышлении и действии. Послушание есть та основная добродетель, которая осуществляет христианство, переводит все духовные ценности из мира идейных

возможностей в мир реальностей. Послушание людям, орудиям Бога, несравненно труднее непосредственного послушания Богу; но именно это трудное, требующее обильной благодатной помощи, послушание людям положено Иисусом Христом в основу спасительного подвига: *Кто вас слушается, тот Меня слушается*. Поэтому всякая христианская святость, чтобы быть действительной, а не призрачной или поддельной, чтобы не стать „прелестью”, должна созидаться на послушании Христу и власти от Него имеющим, и притом на настоящем христианском послушании — смиренном, охватывающем все способности души и все области благочестия (веру, аскетизм, обряды, поведение и т. д.), жертвенном, постоянном, благоразумном, благодатно свободном, любвеобильном, сыновнем.

Отсюда вытекает следующая великая экклесиологическая истина: чтобы быть подлинной святой Христовой Церковью, Церковь должна **определяться послушанием**, и притом не только в проявлениях своей деятельности, не только в своих очагах благочестия, предприятиях, учреждениях, поместных организациях и т. п., но и в основном своём **строении**, в своей сущности. Тут не может быть никакой частичности, незаконченности, ибо самая сущность святости заключается в „полноте”, в законченности. Послушание мирян своим непосредственным пастырям и священников-пастырей своим архипастырям-епископам — необходимо, но недостаточно, если оно не будет запечатлено, закончено и освящено послушанием архипастырей одной, вселенской, постоянной церковной власти; и чем выше иерархическая степень подчинения, тем важнее, чтобы в нём проявлялись все черты подлинного святого Христова послушания.

Обладай Церковь даже всеми остальными факторами благочестия — таинствами, верою во Христа, обрядами и т. д., — но не имей она аскетически освящающей связи подчинения епископов и патриархов одному вселенскому архиерею, и уже этим нарушена гармония между вселенскою Церковью и „малыми церквями”, епархиями. Получается разнородность, дисгармония, расхождение, беспринципность. Или послушание многих одному есть подлинно христианское начало освящения, и тогда грешно исключать из строения Церкви послушание епископов папе; или это начало не пригодно, и тогда надо устранить, как величайшее зло, пастырство епископов в епархиях, настоятелей в приходах, игуменов в

монастырях и т. д. Или прав был св. Иоанн Златоуст, когда писал: «Мы все братья..., но и между братьями надобно, чтобы один давал приказания, а остальные слушались»¹, и тогда объединение епископата одним первосвятителем вполне оправдано; или же великий столп православия ошибался, и тогда следует исключить „послушание одному” из **всякой** христианской среды, где должна царить „братская любовь”, то есть ввести в обиход самое радикальное сектантство. Если начало послушания оставить в силе для подвижничества и в то же время не признавать папства, то Церковь станет по отношению к подвижничеству и святости чем-то совсем чуждым, разнородным, внешним, противоречащим, враждебным.

В домостроительстве Христовом не может быть двух свято-стей, в особенности друг друга исключających; те же **богочеловеческие начала освящения**, которые определяют строение любого образцового скита, должны определять также и вселенско-единое строение Церкви, ибо Церковь и есть прежде всего освящающее установление Христово. И в скиту и во всей Церкви самое существенное — благодатная братская любовь, а «в ком есть послушание, тот со всеми соединён любовью», как писал знаменитый подвижник, св. Ефрем Сирийский.² Того же мнения были все подлинны́е святые из всех времён и народов.

Итак, освящение и благодатствование через послушание человеку должно определять всё, **без исключения**, домостроительство Церкви, в том числе и отношение высших пастырей поместных церквей между собою. Осуществление этого начала есть свойство Церкви, но может быть рассматриваемо также и как признак истинности её, ибо для всякого искреннего христианина очевидно, в каком из христианских вероисповеданий применение этого начала осуществлено во всём строении Церкви и не обрывается вне пределов государств или наций. Свята та Церковь, которая во всей своей природе подобна своему Главе, бывшему *послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Филипп. 2, 8).

3. Церковь призвана к **свободе**. И в этом отношении она должна

1. Беседа III на Деяния Апостолов, Творения св. Иоанна Златоуста, СПб, 1903, т. IX, стр. 41.

2. Творения, Москва, 1848, т. I, стр. 20.

быть христоподобной. В противном случае нельзя назвать её святой.

Иисус Христос был безусловно послушен людям в пределах их богоданных полномочий. Свобода освящаемая благодатью была Его достоянием в недостижимой для других людей степени. Свобода эта была плодом ипостасного единения с Божеством и того единения человеческой природы с Богом, которое обеспечивается послушанием людям, как власть имеющим от Бога. Нечто подобное мы находим и в Церкви: **максимальное** применение начала послушания обеспечивает также и ей интенсивную внутреннюю благодатную свободу. На этом свойстве Церкви мы, впрочем, не настаиваем как на признаке её истинности, ибо внутренняя свобода Церкви, её сокровенная духовная жизнь, нелегко опознаётся посторонними, видящими только внешнюю, юридическую сторону Таинственного Тела Христа.

Более доступна общему пониманию свобода Церкви, рассматриваемая со стороны её самобытности, отстаивания собственного церковного соборного мышления и хотения от подмены их другими, земными, массовыми мышлениями и хотениями. Иисус Христос был послушен людям, поскольку они были выразителями воли Отца, но Он был свято свободен от людских влияний, когда эти влияния расходились с волею Божию. Он пользовался языком, понятиями и обычаями той среды, в которой Он провёл Свою земную жизнь; но Он установил Свою религию, осуществляя Своё общинное самобытное единение учеников. В этом деле Он не поддавался влиянию ни синагоги, ни толпы, ни светил тогдашней науки, ни политических деятелей, ни националистов, как еврейских, так и римских. Когда дело шло о верности подвигу Искупления, Он, наш кроткий Спаситель, решительными словами указывал на необходимость незыблемо хранить самобытность икономии спасения. Никакое сопротивление или преследование не останавливало Его на этом пути. И в этом отношении Он дал пример Своей Церкви, следуя которому, она должна до скончания века осуществлять свою святость.

И действительно, Церковь всегда стремилась к тому, чтобы возможно лучше уподобиться своему бесстрашному Главе. Государствам, политическим и иным учреждениям, культурным течениям, разным общественным „движениям” и, вообще, всем земным силам она подчиняется в пределах, установленных заветами Христовыми; часто, ради избежания большего зла, она, пока не нарушаются основы веры и морали, делает большие уступки, отказываясь от многих

своих прав и полезных начинаний. Отдельные духовные лица проявляют иногда даже черезчур далеко идущую уступчивость, греховную слабость. Но в вопросах веры и божественного нравственного закона высшая церковная учительская власть, вопреки клевете врагов Христовых, никогда не доходила до пагубных для всей Церкви капитуляций.

4. Свята Церковь и тем, что установленные её Главою таинства, эти источники благодати, т. е. святости, не случайны в ней, не разнородны по отношению к ней, а тесно, жизненно связаны с самой её богочеловеческой сущностью, выявляют её. Семь таинств Церкви не надо себе представлять в виде семи драгоценных жемчужин, удачно вправленных художником в золотую корону или чашу: их связь с Церковью органическая, они — проявления глубинности, „таинственности” её.

Связь таинств с Церковью не может не быть жизненно-благодатной, так как они установлены именно для того, чтобы сообщать людям благодать Церкви, её обожение. Церковь есть альфа и омега таинств: они даются нам Церковью ради более тесного единения с нею. Оттого отличительная черта истинной религии, Церкви, именно — всеисчерпывающее богочеловечество, является тоже необходимой отличительной чертой всех таинств; они божественны тем, что непосредственно сообщают освящающую благодать всем, кто должным образом расположен к её принятию; они человечны тем, что по существу своему являются в высшей степени человеческими действиями, материально осязательными, осуществляемыми на предметах повседневного человеческого употребления (вода, хлеб, елей и т. д.). И потому Церковь есть как бы прообраз таинств, одно великое всеохватывающее перво-таинство. Она — не восьмое таинство: но она „таинствоподобна“, она **сакраментальна**, она — таинство в основном смысле слова.

Свойство сакраментальности, или действия благодати через материю, должно быть присуще Церкви уже по той причине, что её Глава „таинствен“, „сакраментален“ в Своей человеческой природе. Святое человечество Христово есть *instrumentum coniunctum*, орудие ипостасно соединённое с Божеством, представляющее ту благодатную жизнь, которая, в Церкви и через Церковь, животворит и возносит до божественных высей всех людей доброй воли. Оно представляет её: человеческая жизнь Иисуса Христа

есть символ, образ Его благодатной жизни, сообщаемой Им всей Церкви; физическая органичность человеческой природы Христа есть образ этой всеединой благодатной жизни Церкви. И не только образ, а **е**и орудие Бога, творящего жизнь по благодати в сердцах верующих, ибо при посредстве Своей человеческой природы Иисус Христос заслужил то обилие благодати, которая изливается на людей. Таким образом, мы находим во Христе основные моменты или элементы всякого таинства: а) внешний человеческий знак, или образ, представляющий действие благодати; б) свехприродную реальность, выраженную этим знаком; в) инструментальную действенность, орудийность этого знака по отношению к благодатной реальности. А так как Церковь по существу своему хриstopодобна, то и совершенство её предполагает уподобление Христу и в отношении сакраментальности. Поэтому существенные элементы таинства коренным образом присущи Церкви.

а) Есть в ней материально-человеческий **представляющий** элемент, и притом существенно ей присущий, который является знаком, символом, образом благодатной жизни Церкви. Общинно организованное единство Церкви есть символ соборного единения её чад в божественной любви; её человеческое, навсегда неизменное в своих принципах строение — символ неизменного пребывания Христовой благодати в Церкви; законченность церковной иерархичности, то что Церковь есть „совершенное общество”, — образ совершенного, самобытного единения во Христе всех покорных Его благодати. Пастырское и учительское единоначалие в Церкви — образ Христова верховного пастырства и учительства. Общинная, совместная умственно-волевая жизнь членов Церкви — знак и символ их соборно-благодатной жизни; постоянные и многочисленные съезды, конгрессы, соборы и т. д., столь характерные для католичества, — знак и образ различных аспектов её благодатной соборности. Полнота, или рома человечества Церкви — символ полноты её божественного элемента. Видимый рост Церкви — образ её невидимого роста. Человеческое разноединство Церкви — знак разноединства её обожения.

б) Есть в Церкви элемент **представляемый** человеческим единством её: благодать, объединяющая во Христе, обожение возведённой до совершенства природной религии и её человеческого благоустройства; единство и разнообразие свехприродных даров; действие

Божией благодати в сердцах неверующих, символом которого являются усилия миссионеров; благодатная отрада и помощь свыше даруемая детям, больным, калекам, старикам, знаком которой являются самоотверженные труды воспитателей, благодетелей, монахов разных каритативных орденов; сверхприродные объединения душ, сообразно их естественным объединениям в различных церковных союзах; возрастание в освящающей благодати, знаменуемое постепенностью церковной педагогики, и т. д. Одним словом, в Церкви имеется плурима и максимальность сверхприродных даров Божиих, представляемая интегральностью церковной человечности.

в) Человеческая природа Церкви не только символически представляет её участие в божественной жизни: она причастна **осуществлению** этого участия, в качестве „орудийной“ причины. И так как два первых элемента сакраментальности Церкви — человеческий знак-символ и божественный дар, им означаемый — сообщаются телу Церкви её Главою, то нет никакого основания для исключения третьего элемента сакраментальности, именно инструментальной причинности: догмат Христа-Главы требует, чтобы Церковь во всём уподоблялась своему Главе, поскольку это возможно. Человечность Церкви сама по себе ничто, но силою Христовою она, подобно воде, вину или елею, служит обожению людей. К тому же, именно своею человечностью Церковь осуществляет то послушание, которое, являясь продолжением послушания Христова, „исполняет“ святость, переводит её из области отвлечённого идеала в область подлинного бытия.

Итак, Церковь свята и с точки зрения сакраментальности: в ней непрерывно применяется и продолжается освящающая сакраментальность человеческой природы Иисуса Христа, и она, как богоустановленное учреждение, как орудие Божие, низводит благодать в сердца благорасположенных христиан.

Из всего сказанного следует, что Церковь можно назвать таинством, но, конечно, в широком смысле этого слова, ибо не всё в Церкви есть таинство, хотя всё в ней так или иначе служит сакраментальности. К сакраментальности, само собою разумеется, принадлежит непосредственная богоустановленность, ибо только Творец благодати может сообщать твари — воде, например, или пастырю — силу освящать тех, кто способен воспринять обожение; а в Церкви не всё непосредственно богоустановлено Спасителем,

---

она богоустановлена лишь в основных элементах своей духовной сущности и своего одноиерархического строения. Уподобить таинству можно только совокупность основных богоустановленных человеческих данных Церкви.

Из всех таинств одно, именно Пресв. Евхаристия, особенно тесно связано с сакраментальностью Церкви. Ибо в Причащении мы не только лично освящаемся благодатью, но возрастаем и в благодати всецерковного соборного единения, в любви Христовой. Евхаристия есть центральный и кульминационный пункт сакраментальности Церкви. И чем ревностнее кто причащается, тем плодотворнее будет его участие в сакраментальности Церкви; и наоборот, чем более кто проникается этой сакраментальностью, тем обильнее будут в его сердце плоды евхаристической любви.

В отставших от единства Церкви вероисповеданиях сакраментальность, о которой идёт речь, ущемлена, ослаблена, ограничена: им недостаёт существенного фактора церковной сакраментальности — человеческого единства, точнее — оно в них неполно.

Глава пятая

СОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК
СВЯТОСТИ ЦЕРКВИ

1. Рассмотрим участие Церкви в **первосвященническом подвиге** Господа нашего Иисуса Христа.

Ради искупления рода человеческого, Слово стало плотью, восприняло полноту человеческой природы, облеклось человеческим телом и человеческой душой. Чтобы избавить нас от губельных последствий первородного греха, Сын Божий *будучи образом Божиим., уничтожил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам, и по виду став как человек* (точный смысл: „для всех стало вполне очевидно, что Он человек”); *смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Филипп. 2, 6-8). Иисус Христос — *священник по чину Мелхиседека*. Священство Своё Христос обнаружил, *принесши в жертву Себя Самого* (Евр. 7, 27). Он *явился для уничтожения греха жертвою Своею* (Евр. 9, 26).

Беспредельная любовь Бога к людям побудила Его спасти людей **жертвенным страданием**. А так как в Своей Божией природе Он, конечно, страдать не мог, то Он воспринял природу человеческую, чтобы в ней и через неё пострадать и спасти людей. Из любви к нам Господь хотел возможно больше страдать, и именно потому Он хотел быть «возможно больше человеком». И в самом деле, Его страдание было универсально, всеохватывающе: Спаситель страдал в течение всей Своей жизни; Он страдал во всей Своей человечности, во всём Своем теле, во всех способностях Своей души, во всей Своей умственно-волевой жизни; Он страдал от врагов и учеников, соотечественников и чужеземцев, от черни и от сановников. Облагодатствование, коренящееся в

ипостасном единении двух природ, совершенствовало Его тварную природу, делало её в максимальной степени человечески завершённой, а потому и в высшей степени восприимчивой к физической, душевной и моральной боли. Чашу страданий Он хотел испить до дна, и потому не допускал никаких пробелов в цельности Своей искупительной жертвенности. Страданию Он шёл навстречу, спешил к нему, как на давно желанное торжество. Когда дело шло об искуплении страданиями, Иисус Христос был беспощадно неуступчив, даже в отношении столь любящего Его ученика, как Ап. Пётр, даже в отношении Пречистой Матери.

Жертвенной священнической любовью Своей Иисус Христос спланировал по всем ступеням бытия до крайних пределов тварности. Он пришёл в мир, чтобы спасти всех людей с полнотою их столь разнообразных конкретных природ, со всеми их культурными и национальными оттенками, с теми бесчисленными неосызаемыми нитями, коими они связаны со всем, что есть на земном шаре и во всей вселенной.

Первосвященническая жертвенность Христова не была бого-ангельской, или бого-получеловеческой, или какой-либо иной, объекту спасения не соответствующей или несоразмерной с ним: она была в совершенстве богочеловеческой, без всякой примеси монофизитизма, то есть не только исчерпывающе божественной, но и **исчерпывающе человеческой**.

Чтобы свято уподобиться Главе и Пробразу, чтобы иметь возможно большую долю участия в Его искупительном подвиге, Церковь должна тоже иметь **максимально человеческую природу** и строение, необходимое для максимальной, святой, хриstopодобной жертвенности. Чтобы быть сораспятой Христу, Церковь должна быть одним телом, способным к распятию, непосредственно достигаемым для людских ударов, по природе своей могущей быть уподобленной, хотя и несправедливо, даже преступным человеческим учреждениям, и при том так, как Христос был уподоблен достойным казни злодеям, сопоставлен с ними, распят между двумя из них.

Если бы Церковь в своём единстве была „чисто духовной”, исключительно „мистической”, отдельные её члены могли бы ещё, пожалуй, в силу других факторов религии, проявлять известную жертвенность; но **сама** она, как одна Церковь, не могла бы быть **жертвой**; она была бы чем-то посторонним по отношению к

домостроительству спасения. С церквами, где человечество Церкви сохранилось отчасти, в виде поместных автокефальных юрисдикций и полноты всех Христовых таинств, дело обстоит значительно лучше, чем с протестантскими общинами: тут уже возможна жертвенность даже в силу самой церковности. Такие церкви, не только в лице своих чад, но даже как определённые церковные организации, гораздо легче могут быть предметом гонения Христа ради. Но не составляя в своей совокупности **одного** общества, вполне скреплённого человеческими узами, они могут только **отчасти** принимать участие в искупительном подвиге Христовом.

Церковь Богочеловека, в этом отношении, как и во всех других, не знает половинчатости, непоследовательности, „урезанности“, недоконченности, ибо, как мы это раньше доказали, законченность, целостность, полнота, плиромы, преодоление всякой половинчатости и незавершённости, принадлежит к самой сущности святости, есть её как бы метафизическое определение. Церковь жертвенно и искупительно страдает не только в своих обоженных высотах, но и в своей чисто человеческой природе, в своём бытии как „учреждения“, в своей человеческой правовой организованности, в своей общинной деятельности. Она свято придерживается своего „юридического“ строительства, и благодаря ему может быть в максимальной степени сораспятой Спасителю, может быть соединённой с Ним исключительно тесным благодатным единением.

В этом таится одна из наиболее глубинных причин замечательного явления, вполне наглядного для того, кто беспристрастно изучил историю Церкви: всякий раз как в Церкви наблюдался подъём сверхприродной жизни, благодатной вселенской братской любви, человечность Церкви, её каноничность и дисциплина, становилась более определённой, устойчивой, авторитетной. Ап. Павел был великим проповедником благодатной любви и в то же время он был наиболее энергичным среди апостолов защитником церковной дисциплины и пастырства „жезлом“ (1 Кор. 4, 21). И наоборот, всякий раз как понижался уровень веры и благодатного единения сердец, каноническое благочиние расстраивалось или подменялось посторонними, государственными или партийными, дисциплинами.

Церкви было бы так легко поклониться золотому тельцу, предоставить сильным мира сего, правителям и общественным деятелям, взять в свои руки „административные“ дела Церкви,

поручить церковное благоустройство попечительству народов или правительств, отказаться от собственного вселенского объединённого тела, и тем самым отказаться от полноты жертвенных страданий, свалить их на плечи отдельных верующих или поместных церквей, а самой уйти из очага жертвенности. Но даже в моменты глубокого духовного падения значительной части своих служителей-пастырей, она не поддаётся нашёптываниям искусителя, и свято держится того своего общинного тела, без которого христианская жертвенность не могла бы быть вселенской и всецерковной, не могла бы быть жертвенностью **самой** Церкви.

В условиях земной жизни нет жертвенности без страданий. Но следует остерегаться отождествления этих двух понятий. Самая суть жертвенности не в страданиях, а в устремлённости к Богу, в подчинении всего Богу через полное подчинение низшего высшему: телесного — духу, а духа — благодати. Таким образом, в Церкви, в силу полноты её человечности, имеется жертвенность законченная, исчерпывающая, как во Христе Искупителе. Жертвенность Невесты однородна с жертвенностью Божественного Жениха.

2. Отметим ещё **пророческое** служение Церкви.

Иисус Христос был не только Первосвященником: Он был также Первопророком, учителем и глашатаем Откровения и благой вести спасения. Тело и тут тоже следует Главе.

а) Иисус Христос был Мессией, посланником Бога, **только Бога**. И Его Церковь имеет то строение, которое наилучше предохраняет её от посторонних влияний и от превращения в посланницу государств, наций, политических партий и т. п. В ней есть одна центральная точка опоры для противодействия разным массовым эгоизмам, по существу своему обособленным, поместным, и потому всегда могущим использовать поместные церкви для своих себялюбивых целей, если эти церкви не имеют точки опоры в центре, не связаны органически с ним. Правда, нежелательные для христианского церковного пророчества давления производятся и на центр; но там они по необходимости сталкиваются с противоположными давлениями со стороны других государств или наций. В центре, и только в центре, все эти посторонние лже-пророческие или антипророческие силы в значительной степени нейтрализуют, уничтожают друг друга и менее опасны для богохранимого вещания Церкви.

б) Иисус Христос учил, как *власть имеющий* (Мф. 7, 29). И

Церковь учит не как университетский профессор, не как сектант-начётчик, не как пропагандист односторонних социальных теорий, не как дилетант-богослов того или иного „направления“: она учит спокойно, бесстрастно как **власть имеющая свыше**, с уверенностью, что вещаемое ею слово Правды раньше или позже восторжествует над односторонностью, над лжеучением. Церковное учительство в своих верховных, окончательных, всецерковных положениях безошибочно; это вытекает из факта, что власть учащей церкви есть применение власти Христовой: только хриstopодобная учительская власть может быть „орудийным“ выражением учительства Христова и его безапелляционности.

в) Спаситель учил людей всех сословий и состояний, обращаясь при этом ко всем способностям их души, прибегая ко всем нормальным средствам воспитания, заставляя соображать, логически заключать. При чтении Евангелия поражает удивительная педагогичность, с какою Христос учил: Он постепенно приводил Своих учеников к познанию великих истин веры. Таково же учительство Церкви. Церковь тоже **постепенно** воспитывает своих чад, вырабатывает в них способность рассудком преодолевать слепые влечения чувства, воображения или унаследованных навыков. С той же постепенностью Церковь возводит людей до совершенства в любви к Богу и ближнему. Та же постепенность наблюдается и в изрезании догматических определений.

*Глава шестая***ТЕОФАНИЧЕСКИЙ ИЛИ БОГОЯВЛЕННЫЙ
ОБЛИК СВЯТОСТИ ЦЕРКВИ**

Церковь можно назвать святою, если она во всей своей сущности и деятельности христоподобно отражает, **являет** святость Божию, т. е. Божию любовь. Любовь эта есть не что иное, как самая сущность Бога (1 Ио. 4, 8), но рассматриваемая со стороны наиболее доступной человеческому пониманию. *Любовь Бога к нам открылась в том, что Бог послал в мир едиnorodного Сына Своего* (там же, ст. 9); но „послание” Сына в мир передаётся во времени и в пространстве через Христову Церковь, и потому „открытие” любви Божией к нам должно быть тоже одним из признаков подлинной Церкви. Вот что мы понимаем под теофаническим или богоявленным обликом святой Церкви.

Чтобы правильно понять, каковы должны быть отличительные черты богоявленства Церкви, рассмотрим, как всегда, Прообраз её и с должным благоговением отметим эти черты в личности Главы.

Иисус Христос, если можно так выразиться, „переводит” Слово любви на общедоступный человеческий „язык”. Этот „язык” есть единственный в мире совершенный, не запятанный „гуманизм”. Иисус Христос учит всем понятными притчами, метафорами, сравнениями, заимствованными из повседневной человеческой жизни, из народного быта. Он совершает чудеса в обстановке как нельзя более человеческой, бытовой, обычной. Богоявленство Христово свято, совершенно; оно не останавливается на полдороге, оно воспринимается не только порывами неземных видений; оно полностью нисходит вплоть до материи, чтобы теснее охватить любовью всего человека. Иисус Христос являет Свою любовь,

подходя „вплотную” к человеческим немощам, помогая и душе и телу. Богоявленство Христово до конца богочеловечно. Оно во времени и в пространстве. Оно считается с человеческой природой, и потому оно „педагогично”; прогрессивно, восходяще, динамично: Спаситель не отталкивает тех, кто ищет Его по религиозно малоценным соображениям; Он так поступает для того, чтобы тронуть их и этим путём **привести** к совершенству любви. Благотворительность Христа в высшей степени видима, осязатима, осязаема, доступна, разумна, „эмпирична”. Он творит чудеса, когда это нужно, но чудачеств Он никогда не делает. Тут божественная поэзия выражена словами простейшей человеческой прозы. Христос не только творит дела отмеченные знаком теофаничности, Он Сам теофаничен во всей полноте Своей человеческой природы. Богоявленство Спасителя коренится в глубинах ипостасного единения, и оттуда проходит во все Его слова и поступки, доходя до последних пределов досягаемости, ибо Он *до конца возлюбил* людей (Ио. 13, 1). Во Христе „явление Бога” в высшей степени деятельно, предприимчиво, воспитательно, преобразовательно. Ясно, что и в Церкви Явленного мы должны найти те же черты, ту же человечность в проявлении Божией любви, то же отсутствие всякого докетизма. Так и есть.

а) Церковь **видима** и осязаема не только в своих обрядах, в своих членах, в своих учреждениях или в поместных церквях: она видима **сама, как вселенская и единая** Церковь. Но это не что иное, как проявление любви Бога к людям, открытие для всех доступа к единой всеспасающей истине, к полноте пастырства и отеческой заботливости. Вне Церкви люди томятся в бесплодных поисках разрешения сомнительных вопросов религии, указания верных путей всецерковного спасительного сотрудничества. Церковь же тем самым, что она есть вполне организованное „учреждение”, доступна для ищущих спасения, даже если они ещё блуждают в безверии или язычестве, даже если они ещё не созрели для внутренней благодатной церковной жизни. Церковь, как и Христос, не только пассивно видима: она видимостью своей, видимой связью своих апостольских предприятий с видимым центром, идёт навстречу всем, кто ищет Бога, а чуждающихся её она как бы догоняет „явлениями” своей любви.

б) Из любви Христос сотворил Свою Церковь постоянной и **неизменно** развивающейся всё в том же направлении, всё более

раскрывающей свою сущность. Применяясь к условиям времени и места, Церковь тем не менее всегда неизменно совершенствует своё строение. Эта непоколебимая неизменность основных принципов, продержавшаяся с самого начала, несмотря на страшные смуты и разорения, причиняемые врагами Церкви на всём протяжении истории, теофанически являет людям неизменность Бога и Его законов, то есть святость, ненарушимость Его любви. Незыблемый маяк Церкви указывает людям единственную неприступную для врагов гавань спасения.

в) Из любви Христос учредил Свою Церковь **независимой** от государств и наций, самобытной: она тем вернее ведёт людей „по ту сторону“, в царство беспредельной любви. Это свойство Церкви напоминает людям, „являет“ им, что Господь любит их, и потому не хочет, чтобы их воспитательница на земле отвлекалась посторонними служениями от своей единственной обязанности: вести людей к непреходящему благу, к Богу.

г) Видимое пастырское **единоначалие** во вселенской Церкви есть образ, „явление“ её невидимого благодатно-соборного единения силою Святого Духа. Всякое единство может быть представлено только другим единством; иерархическое единоначалие — лучшее „явление“ божественного единоначалия Христова. Но любовь есть единение сердец, и божественно-благодатная любовь, соединяющая христиан в одно тело Христово, есть именно благодатное „со-единение“. Итак, иерархическое единоначалие в церковном домостроительстве есть необходимая, хотя и не единственная, форма „явления“ всецерковной любви. Папство есть выражение пребывания в Церкви отеческой всесоединяющей любви Богочеловека.

д) Все **таинства**, в особенности Пресв. Евхаристия, тоже — „явления“ любви, это очевидно. И та заботливость, с которой Церковь „организовала“ по всему земному шару возможно более широкое и достойное спасительное служение человечеству совершением семи таинств Христовых, — свидетельство её одухотворённости божественною любовью.

е) **Католичность** Церкви есть другой аспект явления Божией любви людям. Дух Церкви есть дух великого апостола, который *для всех сделался всем* (1 Кор. 9, 22). Побуждаемая неисчерпаемой любовью Христовой, Церковь обращается к людям всех стран, всех рас, всех культур, всех классов и т. д. Если Господь дал Своей Церкви такое богочеловеческое домостроительство, которое способствует

максимальному проявлению её католичности и её стремления применяться ко всем здоровым чаяниям человеческого духа, то разве это не есть „богоявление“, проявление любви?

ж) То же самое можно сказать относительно **апостоличности** Церкви. Постоянство апостольского преемства, не преодолеваемое прибоем всевозможных мощных вражеских сил, и лёгкость, с которой все искренне ищущие христиане могут найти подлинное Христово всецерковное священноначалие, это опять-таки указание, что Господь нас любит и защищает от лжепророков. Если же рассматривать апостоличность со стороны апостольского, проповеднического духа, духа Ап. Павла, устремлённости во все части света ради спасения возможно большего количества душ человеческих, то надо признать, что и здесь Бог делает Свою любовь „явленной“, наглядной, общедоступной, действенной.

з) Благодаря своему богочеловеческому строению, Церковь распространяет свой **промысл**, своё попечение, на всех верующих и до известной степени на всех людей. Опираясь на свой многовековой опыт и всестороннее изучение всех великих жизненных вопросов, она предупреждает всех о губительных последствиях враждебных ей религиозных, моральных и социальных учений. Этот её промысл можно назвать явлением, отражением и свидетельством Божиего промысла о людях, Провидения.

и) Все **догматы** святой Церкви свидетельствуют о Божией любви к людям. Да и не только догматы, торжественно определённые Церковью, но и вообще все общепринятые положения догматического и нравственного богословия „являют“ Христову любовь. Трактаты о Воплощении, Искуплении, благодати и таинствах можно просто рассматривать как части одного великого трактата „О любви к людям“. Это не требует доказательств. Но при внимательном изучении всего вопроса становится ясным, что в тот же трактат „О любви“ можно включить даже такие положения католического учения, которые на первый взгляд кажутся не имеющими с ним никакой связи. Когда Церковь учит, что на исповеди достаточно иметь сокрушение о грехах из опасения потерять жизнь вечную, так это не „попустительство“, а применение данного в Евангелии принципа: Бог снисходит Своею любовью даже к тем, кто ещё не способен любить Его совсем чистой самоотверженной любовью. Догмат Беспорочного Зачатия Пречистой „являет“ людям ту любовь, с какой Бог дал им мать, всегда святую. Догмат главенства папы Римского отмечен тем

же знаком „богоявления“, попечения о людях, каким отличается установление главенства Ап. Петра; ведь Господь избрал его для этого служения из желания явить Свою любовь к ученикам, к Церкви, как об этом прекрасно свидетельствует св. Ефрем Сирин: «Господь, дабы **показать** пастырское попечение, какое имел о Своем стаде, передал его во время смерти Своей старейшему из пастырей Петру, коего уста исповедали Его, коего слёзы послужили ручательством»¹. Другие отцы Церкви также видят знак любви Божией к людям в том, что Иисус Христос поручил апостолов именно Петру, которого личный горький опыт падения научил быть снисходительным, **любящим** пастырем. Теофаничен и догмат о чистилище: из любви Господь спасает тех, кто не отвернулся окончательно от Него, из любви Он даёт им возможность страданиями в загробной жизни созреть для вечного блаженства в лицезрении Бога. То же явление Божией любви сказывается и в учении о вменении обоженным христианам в заслугу собственных Христовых заслуг.

к) Свойство являть Божию любовь присуще даже тем **отличительным** чертам Церкви, в коих противники часто её упрекают. Католичество обвиняют в „рационализме“, в „схоластической сухости“ и т. п. Оставляя в стороне действительные злоупотребления, всегда вытекавшие из недостаточно католического духа, мы охотно соглашаемся с тем, что католичество есть в высшей степени интеллектуальная, разумная религия: ведь и Главу Церкви, Христа, никакой христианин не станет упрекать в неблагоразумии, в слабоумии. Преклоняясь перед непостижимыми тайнами Откровения и принимая их верою, Церковь в то же время указывает на разумность оснований веры, она интеллектуально обосновывает свой авторитет, своё пастырство. Напрасно безбожники селятся доказать, что она „глупа“. Культурно-научное мышление во всех областях человеческих познаний нигде не достигло такого расцвета, как у христианских народов, веками воспитанных Церковью. И вся эта „разумность“ дана Церкви любящим Господом, Его отеческою заботливостью о том, чтобы тем, кто ещё не имеет света благодатного освящения и имеет только природный разум для нахождения спасения, дать возможность разумом же отыскать единственный путь ко спасению. Перед нами снова раскрывается „явление“ людям беспредельно мудрой любви Богочеловека,

1. Толкование на Четвероевангелие, Творения св. Ефрема Сирина, изд. Моск. Дух. Академии, Сергиев Посад, 1914, стр. 132.

Его желания привести всех к бесконечному блаженству, прибегая к разумно-волевой природе человека. Побуждаемая этой дивной любовью Бога к Своим созданиям, Церковь всячески „являет“ её людям, приучая их думать, соображать, а, значит, и искать наилучшего для них. Нет благодатной любви без благодатного познания, а, как мы видели в главе о благодатном облике святости Церкви, благодатное познание предполагает природное познание ищущим разумом, рассудком.

л) Нельзя не видеть любви Божией даже в **допущении** ею временных или поместных неурядиц в церковной жизни, слабости пастырей, упадка церковных учреждений и т. п. Ведь этим способом Бог с отеческою любовью напоминает христианам, к сколь плачевным последствиям ведёт забвение богочеловеческих устоев церковности, уклонение от подлинно католических начал. Именно в болезни мы познаём, как надо ценить и беречь здоровье. И несовершенства в жизни Церкви, и расколы или ереси Господь допускает с тем, чтобы ещё нагляднее указывать нам, где спасение и любовь.

*Глава седьмая***НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ОБЛИКИ
СВЯТОСТИ ЦЕРКВИ**

1. Законы природной этики, или морали, — законы божественные. Они заложены Самим Творцом в природу человеческую и имеют своим основанием предвечную сущность Бога. В толковании требований природного закона могут быть спорные, неясные вопросы; но верующий в существование Бога никогда не станет отрицать, что бесспорные природные нравственные законы (напр., почитать родителей) следует соблюдать.

Итак, Церковь не может быть названа святой, если она не согласуется с **природной моралью** в своём строении и в принятых ею началах, принципах.

Строение Церкви должно соответствовать природному богоданному закону общинности, организованного объединения для совместного разумно-волевого стремления к намеченной благой цели, в данном случае — к совместному почитанию Бога. Церковь вполне отвечает этому святому требованию природной этики: она совершенным образом осуществляет его, ибо не только допускает в своём лоне общинные религиозные группировки, но и сама в своей **сущности**, как единая вселенская Церковь, является таким общинным строением, или образованием, и притом законченным, доведённым до степени „совершенного общества“, общества вполне самобытного. Это есть святое исполнение воли Основателя, и словом и делом учившего соблюдать Божии природные законы. Церковь неустанно совершенствует свою „организацию“ в направлении, указанном природной общинной этикой. Считаясь во всём с богоданной человеческой природой, ограниченной и свободной, Церковь, руководясь Божиими законами, развивает своё каноническое право так, чтобы дать возможность приближаться

к Богу людям всех ступеней умственного и волевого совершенства. Всё это предполагает огромную всецерковную внутреннюю работу и свидетельствует о наличии в Церкви обильнейшей благодати: без благодати, люди не в силах совершенным образом довести до конца осуществление природной этики. Только святой Церкви посильно быть религиозным „совершенным обществом”.

Церковь согласуется с богоданной природной этикой и в своих **началах**. Раскрытие истин Откровения, определение **догматов** всегда производилось принимая во внимание божественные истины, лежащие в основе природной этики; это разъясняется в догматическом богословии. **Благодать** Христа-Главы, как мы выше видели, предполагает и совершенствует человеческую природу вообще, и в особенности природную этику. Богочеловек установил вселенское пастырство Своей иерархии в согласии с природной этикой подчинения людей людям же. Как образец святости, Спаситель всем своим учением и жизнью поощрял соблюдение этики. Все **таинства** вполне соответствуют природной морали: таинство крещения устраняет грех, это нарушение этики, таинство брака освящает природную этику супружества, таинство покаяния отвечает глубокой потребности человеческой души, и т. д. Всё христианское **нравственное богословие** есть наука о раскрытии, завершении и обожении природной этики; оно много к ней добавляет, но ничего от неё не отнимает. **Каноническое право** дополняет, укрепляет и освящает природное требование упорядочения человеческих отношений. **Литургическая жизнь**, способствуя процветанию духа соборности, тем самым облагораживает природную этику общинности. Единственная область, в которой Церковь может показаться несогласной с законами природы — это аскетизм; но стоит только вдуматься в суть дела и станет ясным, что и здесь высокие требования Церкви не подавляют природу, а, наоборот, совершенствуют, очищая её и отсекая лишь всё противное здоровой этике; подлинный христианский аскетизм развивает природную внутреннюю свободу человека, оздоравливает душу и тело.

2. Церковь свята также и тем, что, давая место всем здоровым требованиям человеческой природы, она не вызывает тех опасных **реакций искаленной природы**, которые обычно кончаются подменой, полной или частичной, благодатных ценностей природными, безблагодатными. Церковь благословляет природные

законы размножения рода человеческого и оттого в ней возможен благодатный, святой и нерасторжимый брак; принятое же в некоторых сектах неразумное противодействие богоустановленной половой жизни ведёт к попранию святости брака и подчас к отвратительным сексуальным злоупотреблениям, заменяющим собою брак. Полным уважением к уместным законным требованиям разума, Церковь предохраняет содержание догматов от разложения бессмысленным рационализмом. Правильно говорил Паскаль, что кто стремится заменить человеческую природу ангельской, тот на деле заменяет человека скотом: искалеченная природа всегда мстит своему оскорбителю и поработщает его или убивает. Это верно даже в отношениях между низшими и высшими ступенями природного бытия: попробуйте мыслить независимо от мозга, лишите его той роли, которую он призван играть в нашем мышлении, — с ума сойдёте, и от „чисто духовного” мышления останется только воспалённый мозг. Бог установил такой закон, что низшее должно быть орудием высшего; сила этого природного закона так велика, что при всяком его нарушении не употреблённое и отвергнутое орудие становится очагом разрушения; кто не бережёт свою животную природу и не приучает её служить высшим духовным целям, тот неминуемо становится жертвой своей же собственной „животности”. Отвержение провиденциального „материализма”, служебного использования природы для духовно-благодатных целей, автоматически ведёт к безбожному материализму.

Не устраняя природной религиозной общинности и нормальных, естественных стремлений человека организовать сообща с другими правильную религиозную жизнь, Церковь предохраняет эти стремления от ухода в постороннюю — государственную, национальную, классовую, артистическую и т. д. — общинность, где из орудий духовной силы они превращаются в грозные факторы порабления религии и использования её как орудия государства, нации или класса общества, отчего получается только урон и для религии и для государства, нации, сословия, искусства. Не лишним будет напомнить здесь ещё раз, что везде в христианстве, где нет папства, господствуют разные крайне вредные для христианства „папизмы”, например, этнопапизм.

3. Церковь свята ещё своим сопротивлением греховным страстям

людей. Эти страсти становятся страшными всеразрушающими стихиями, когда они выливаются в **движения масс**. Грозная опасность для христианства наступает всякий раз, как такие массовые движения облекаются в благородные формы, например, служения родному народу; опасность ещё усугубляется, если какой-либо гениальный демагог-авантюрист, располагающий огромными государственными средствами, систематически раздувает страсти под личиной служения всеспасительной идее. Всем известно, как легко подменить великие и святые национальные чаяния преступным националистическим сумасбродством и озверением, заменить добродетель животной, стадной страстью, использовать вполне справедливые требования народных масс для достижения отвратительных, себялюбивых, тщателью скрывааемых целей. Всесокрушающие ураганы коллективной гордыни или массовой чувственности сметаюг с поверхности земли или увлекаюг в свою мугь религиозные идеологии; они раздраюг то или иное вероисповедание на несколько друг другу враждебных лагерей и искажаюг вероучение до неузнаваемости. Тут можно наблюдать один постоянный закон: чем более какое-либо исповедание проникнуто иерархическими началами единой вселенской Церкви, тем более оно подвергается нападкам стихийных массовых страстей и с тем большей устойчивостью оно им сопротивляется.

Будучи центром сверхнациональным и сверхпартийным, вселенским, и, по существу своему, силой противоположной партийным эгоизмам, папство стремится согласовать на почве справедливости и любви все честные национальные или, вообще, коллективные интересы и стремления. Поэтому оно более, чем какой бы то ни был другой религиозный институт, наталкивается на ненависть и озверение себялюбивых коллективов или даже целых коалиций таковых. Нет той массовой преступной группировки, которая не включала бы в основные пункты своей программы борьбу с папством, даже там, где почти нет католиков и папа, казалось бы, не при чём. Всякий болезненный шовинизм видит в папстве врага, а при столкновении двух таких шовинизмов каждый из них неизбежно считает Рим своим противником и союзником другого; так всегда было, есть и будет. Рим стоит, несмотря на постоянные удары справа и слева, от капиталистических коллективов и от коммунистических, от той и от другой из воюющих наций, и притом даже тогда, когда многие католики слабо следуюг его призывам к отказу от греховного себялюбия и к разрешению крупных споров мотивами христианской взаимной

любви. Впрочем, и в самом папстве имеются повышения и понижения силы сопротивления собирательным страстям, но сами эти колебания подтверждают факт: чем более какой-либо носитель папского сана лично свят и проникнут сознанием святости папского служения, тем с большей энергией и с тем большим проявлением благодатной помощи свыше он отстаивает вселенскую правду от антирелигиозных сил, увлекающих за собою целые народы. Святость домостроительства Церкви сказывается в указанном явлении с полной очевидностью.

4. Свята Церковь своею неизменностью, **верностью своему святому прошлому**, тем устоям, благодаря которым она духовно процветала в первые века христианской эры.

Церковную верность прошлому можно понимать в двух различных смыслах: 1) Современная Церковь верна одному, определённом **периоду** или **моменту** своего прошлого, её теперешний уклад в существенных чертах сходен с тем, чем Церковь была, например, в I или в X веке; сходство с другими моментами или периодами прошлого не принимается во внимание или просто отвергается. 2) Современная Церковь верна не исключительно той или иной части прошлого, а **всему** прошлому своему, согласованности всех моментов его, то есть жизненному **процессу становления**, раскрытия, совершенствования церковного благоустройства на незыблемых началах Христова учения.

Первое понимание верности Церкви своему прошлому несостоятельно. В самом деле, такой выбор между рядом периодов или моментов одного в ущерб другим ни на чём не обоснован; можно только в той или иной эпохе находить больше назидательных примеров для подражания. Дело идёт о сущности Церкви, которая неизменна во все периоды её существования, и потому тут никакой разницы между моментами или периодами быть не может: если из всех последовательных моментов церковного развития одни хороши и приемлемы, а другие нет; то это значит, что вообще нет уже никакой неизменности Церкви, что Церковь погибла. Нам скажут, что речь идёт о чисто духовной, внутренней Церкви, об истинах веры самих в себе, о Духе Святом живущем в Церкви; но ведь тогда вообще никаких моментов, а тем самым никакой „верности прошлому“ быть не может: моменты обозначают известное течение, развитие, что недопустимо в „чисто духовном“ аспекте Церкви. Кто придерживается только одного

определённого момента в церковном прошлом, тот фактически отвергает это прошлое, порывает с ним; так, сектанты, желающие быть верными только первому веку, вынуждены отвергать догматические постановления вселенских соборов и всё дальнейшее развитие Церкви, т. е. всё то, что теперь составляет прошлое Церкви. То же самое следует сказать и о тех, кто хочет быть верным Церкви только трёх первых веков или только Церкви „семи соборов”, ибо, по отношению к целостному историческому ходу церковного прошлого, одна определённая группа веков является тоже „моментом”.

Католическое понимание верности Церкви своему прошлому не допускает никаких необоснованных исключительностей, Церковь верна **всем** моментам своего здравого прошлого, до наших дней включительно, ибо по отношению к сегодняшнему дню вчерашний день есть прошлое. Верность эту следует рассматривать не как верность тому, что каждая эпоха имеет специфического в противоположность другим эпохам, а как верность общему направлению всех эпох. Первое просто невозможно: невозможно быть в одно и то же время верным IV веку, в смысле употребления формулы „омоусиос”, единосущный, и I веку в том, в чём он отличается от IV, т. е. между прочим, в незнании этой формулы. Верность прошлому, чтобы быть действительно таковой, должна быть верностью всему **ходу, направлению, духу и жизненности** прошлого в христианстве. Чтобы быть верным прошлому Церкви, нужно быть верным всему постепенному **раскрытию** истин Откровения в сознании Церкви. Верность церковному прошлому существенно исключает остановку на каком-нибудь одном моменте истории: ведь и „теперь” и „будущее” в своё время станут навсегда „прошлым”, и потому, если желать быть верным прошлому Церкви, должно признавать, что Церковь неизменна, неизменно сохраняет то же отношение к неисчерпаемым истинам Откровения и неизменно верна своей жизненной динамике и неуступчивости в существенном.

Церковь свята тем, что она **всегда** органически продолжает жить принципами древней Церкви. Католическая Церковь всегда шла и всегда будет идти по линии Церкви всех прошлых веков; как и в древности, она всегда будет способной доводить до богословской зрелости догматические учения, канонически развивать, собираться на вселенские соборы и т. п.

5. Вполне естественный, непосредственный показатель святости Церкви представляют собою святые, ею порождаемые. Для того, кто близко знаком как с католичеством, так и с другими христианскими вероисповеданиями, очевиден факт, что примеры высшей, героической святости и самоотречения чаще встречаются среди чад Католической Церкви, чем среди христиан не живущих под её сенью; что католическая личная святость отличается неисчерпаемым, мало ведомым другим исповеданиям, богатством и разнообразием проявлений; что эта святость в высшей степени богочеловечна, является воплощением благодати в полноте человеческой жизни. Весьма поучителен тот факт, что все католические святые чудотворцы — мистики, подвижники любви к ближнему, мученики, миссионеры — достигали высшей степени единения с Христом и стяжания Духа Святого, духовно питаясь католическими догматами, очень часто — отличительными для католичества догматами главенства папы, чистилища или Беспорочного Зачатия Пресв. Девы Марии. Но как описать благодатную жизнь хотя бы только тех сотен тысяч подвижников, о которых упоминается в многочисленных „менологиях” (Четы-Минеи) бенедиктинцев, францисканцев, доминиканцев и многих десятков разных других мужских и женских орденов и конгрегаций? Для начертания этой величавой картины святости нужно очень много места, это можно сделать лишь в многотомном труде; мы вынуждены отказаться от подобной попытки.

Но можно дать агиографическое доказательство святости Церкви и более сокращённым способом, выяснив **отношение святых** разных времён и народов к послушанию, этому великому евангельскому принципу освящения, который определяет характерное для католичества строение Церкви.

Как мы уже видели в первой части настоящего труда, все крупные подвижники и отцы древней Церкви очень высоко ценили послушание настоятелям, поскольку они являются орудиями, при посредстве которых Бог указывает нам Свою волю. Все они видели в послушании наилучший способ осуществить подлинно христианскую взаимную любовь; никто из них не отстаивал противоположного принципа непослушания, никто не видел в епископе только уполномоченного народом администратора. Правда, древние святые не сразу целиком осознали необходимость полного применения принципа послушания одному

богоданному пастырю пастырей всей Церкви, как они не сразу поняли догматического значения иконопочитания, литургического богатства обрядов и некоторых древних богословских учений, впоследствии одобренных вселенскими соборами. Но иначе и быть не могло, так как папское служение могло развиваться только постепенно, **соразмерно** общему росту церковного „тела“, с которым оно всегда было органически тесно связано; появление вполне „оформленного“ папства во II или III веке было бы возможно только в том случае, если бы папство было чем-то чуждым Церкви, не вытекающим из её богочеловеческой природы. К тому же, указанная осознанность значения папства для Церкви постепенно созревала именно среди святых; самый крупный на Востоке в эпоху назревшего „разделения церквей“ наставник совместного, монашеского стремления к святости, св. Феодор Студит, был решительным сторонником единоличного вселенского архипастырства, вполне авторитетного в вопросах веры. Наиболее энергичные папы древней Церкви были святыми столпами православия, как видно хотя бы из православных богослужебных книг.

Католические святые последующих веков и лично достигали высокой святости путём применения в жизни всеиерархического послушания, и отстаивали перед другими необходимость полного, самоотверженного, любвеобильного, радостного повиновения учащей Церкви. Известны горячие призывы к послушанию папе св. Доминика, св. Бернарда, св. Екатерины Сиенской, св. Терезии, св. Игнатия и многих других. Св. Франциск Ассизский, в первых двух правилах своего устава, требует от подчинённых ему монахов, чтобы они укоренили своё стремление к святости в послушании папе. Да и все католические монастырские уставы исходят из того же принципа. С другой стороны все творцы расколов и проповедники непослушания папе очень далеки от святости; от них всегда веет духом гордости, чуждой Евангелию.

Русские некатолические святые — имеем в виду подлинно высоко духовных аскетов — духовно питались восточно-католическими элементами русской церковности; они жили общими у католиков и православных догматами и таинствами, богословски вполне католическим богослужением, восточно-католическими преданиями благочестия и расцветшими из этих преданий особенными формами богочитания. Никто из великих русских подвижников благодатного благочестия не питался духовно сепаратистическими наслоениями в

православии и несовместимыми с католическим учением доктринами. Стоит только познакомиться с житиями таких светил русского благочестия, как свв. Сергей Радонежский, Нил Сорский, Димитрий Ростовский, Тихон Задонский, Серафим Саровский и др.: всё, чем они духовно окормливались, или фактически содержится на практике в католичестве, или же, по крайней мере, вытекает из католических духовно-богословских принципов. Никто из этих святых мужей не возрастал духовно отрицанием **подлинного** папства, изначальной святости Богоматери или посмертных очистительных страданий; иначе оно и быть не может, так как чистое **отрицание**, как таковое, никого питать не может, оно способно только истощать душу. Чем ниже в какой-либо восточной среде уровень религиозной жизни, чем больше в этой среде подлинно православные мотивы подменены посторонними коллективными чаяниями, тем чаще встречаются в ней антикатолические настроения, и наоборот. Как мы уже видели, в основу своей духовности русские подвижники ставили смирение, осуществляемое посредством послушания церковному начальству, то самое смирение, которого так мало у проповедников антикатоличества. Конечно, и у русских подвижников мы встречаем следы антиримских предрассудков, это плод воспитания в не католической среде; было бы чудом, если бы эти святые не носили на себе отпечатка вековой трагедии византизма. Но поучителен тот неоспоримый факт, что **чем больше** возрастает святость у православных, тем ближе они становятся к католическому восприятию церковности, как „отсечения своей воли“; показательна именно эта **соразмерность**, это сокровенное тяготение лучших представителей православия к идее осуществления вселенской любви во Христе через подвиг смирения, послушания.

Нам скажут: русские святые иногда высказывались против католичества. Но ведь они почти совсем не знали ни **подлинного** католического учения, ни назидательной католической жизни; у нас в России вполне объективное изложение и распространение католической апологетики было почти невозможно из-за государственной цензуры, а многие „католики“ своим предосудительным поведением порождали совсем ложное представление о католичестве. То католичество, которое отвергали иные русские подвижники, не есть действительное церковное католичество; это — нечто карикатурное, выдуманное недобросовестными полемистами, местными или иностранными, дающее ложное освещение всех католических догматов и принципов. Это,

---

отвергаемое православными подвижниками псевдо-католичество, отвергают и все искренние католики, а в первую очередь сами папы. К тому же, сравнительно редкие выступления русских подвижников против католичества были им обыкновенно продиктованы общехристианскими, а потому и католическими началами.

В общем итоге, все, как западные, так и восточные, святые всех времён сходятся по крайней мере в одном: все они единодушно стоят за то начало христианского понимания святости, на котором зиждется католическое церковное домостроительство; начало это — смиренное, благодатно любовью порождаемое послушание. Везде благодать действует на искренне благочестивых христиан, указывая им дорогу, которая неминуемо приведёт их к католической Церкви, если не в этой жизни, то в потусторонней.

Кто отвергает католическую святость, выросшую на почве подчинения церковному священноначалию, тот последовательно должен был бы отвергнуть и всю православно-русскую святость, тоже выросшую на почве евангельского послушания, никогда не изменявшую основному началу Христовой и католической икономии спасения, и ошибавшуюся лишь в применении этого начала.

---

*Глава восьмая***ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ
СВЯТОСТИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ**

Все враги Бога и христианства ничего так не ненавидят как Христову Церковь. В своём стремлении поразить её в самом существовании — в её святости, — они не останавливаются ни перед какими средствами. Излюбленным их приёмом всегда было отыскать какую-либо предосудительную черту у тех или иных священнослужителей или вообще чад Церкви, чтобы путём всё растущих преувеличений, обобщений, искажений исторической перспективы, злонамеренных толкований и т. п., представить Церковь в глазах легковерных масс, как некое вредное и уродливое учреждение. Делаются всяческие усилия, чтобы натравить на Церковь возможно более влиятельных людей — политических деятелей, художников, учёных, писателей; а это не так трудно, так как везде находятся люди невысокого духовного уровня, наджкие на лёгкую наживу, какую даёт служение антицерковному настроению толпы. Постоянная реклама и повторение всё тех же обвинений против Церкви постепенно охватывает и увлекает даже многих верующих и честных людей, не имеющих достаточно ума или воли (зачастую и того и другого), чтобы оказать противодействие массовым внушениям и лично проверить реальность так называемых „общеизвестных фактов“. Мы не станем разбирать здесь всех нелепостей, изобретённых против святости Церкви теми, кому ненавистно учение Христово. Ограничимся лишь главными из тех возражений безбожия, которые находят сочувственный отклик даже среди христиан. Начнём с излюбленной темы всех врагов религии...

1) Инквизиция! Учредив инквизицию, Церковь предалась неслыханной жестокости, залила всю Европу потоками крови и слёз; она

сожгла сотни тысяч невинных людей только за то, что они не признавали церковных догматов; она стремилась силою заставить людей держаться её учения; она попрала человеческую свободу.

Ответ. — Каково было положение в Европе до появления инквизиции? Повсюду распространялись секты манихейской окраски, в большинстве случаев отвергавшие семью, а иногда и родину. Они имели крайне разлагающее действие на самые основы здоровой народной жизни. Растущие пагубные успехи безнравственных учений сектантов, в связи с их нередкими уголовными преступлениями, всё более и более беспокоили и правителей и народ. Общественное мнение требовало вмешательства Церкви и более энергичной, действительной защиты с её стороны общественной безопасности и морали. Церковь долгое время не вступала на путь организованных физических репрессий и до половины XII века боролась против еретиков проповедью, отстранением от должности, отлучением от Церкви. Тогда многие светские правители стали по собственному почину хватать еретиков и подвергать их обычным в те времена карам: ужасам темниц, мучению пытками, сожжению на костре. Раздражённая манихейским развратом толпа часто сама набрасывалась на еретиков, избивала или сжигала их; что-то в роде линчевания стало обычным явлением. Духовенству не всегда удавалось освободить из рук разъярённой толпы людей, которых влачили на казнь. Раздавались упреки по адресу Церкви в нежелании спасти народ от общественной язвы. Отношения между церковными властями и светскими правителями становились натянутыми. Только в конце XII века правители пришли к соглашению сначала с епископами, а затем и с Римским престолом, относительно борьбы с общим врагом; в этом духе были составлены некоторые постановления Латеранского и Веронского соборов; решено было учредить совместные судилища для „инквизиции“, то есть „расследования“ обвинений и наказания упорных еретиков. Это не было, конечно, идеальным решением, ибо Церковь вовлекалась в опасность принимать слишком близкое участие в кровавых расправах государства; и никто не станет отрицать, что инквизиторы далеко не всегда руководились началами Евангелия в исполнении своих трудных обязанностей. Но, с другой стороны, не надо забывать, что учреждение инквизиции дало возможность духовенству в значительной мере противодействовать самочинным и диким расправам тёмной толпы или огрубелых монархов со лжеучителями или даже с совсем неповинными людьми, становив-

шимися жертвой легкомысленных подозрений. Инквизиция спасла, пожалуй, больше людей, нежели погубила. Показательно, что в странах инквизиции погибло несравненно меньше „ведьм“, чем там, где её не было. К тому же, это учреждение способствовало избавлению общества от грозившей ему культурной гибели, что признают даже многие враждебные Церкви историки.

Даже после учреждения инквизиции, кто больше всего свирепствовал против еретиков? Не священнослужители, а князья далеко не „церковные“, напр., злейший противник папства в XIII веке, император Фридрих II. Случалось, правда, что представители Церкви убеждали гражданских правителей казнить еретиков: но в большинстве случаев эти последние действовали по собственному почину. При создавшемся положении, папы, хотя и одобряли инквизицию, но всё же следили за тем, чтобы не было пристрастных приговоров и лишних жестокостей; известны в этом отношении напоминания, напр., Климента IV или Григория X. Иннокентий IV в 1246 г. и Александр IV в 1256 г. велели главным настоятелям доминиканцев и францисканцев беспощадно низлагать и наказывать жестоких инквизиторов, злоупотреблявших своей властью; Климент V установил отлучение от Церкви для таких инквизиторов и приказал епископам сообщать ему о поступках инквизиторов, несогласных с учением Христа; Григорий IX, узнав о жестокостях Роберта Бугра, инквизитора для Франции, осудил его к пожизненному заключению в темнице; он же навёл на себя много неприятностей, защищая еретиков от казней Фридриха II. Многие папы смягчали решения инквизиции; интересно отметить, что даже известный своим крутым нравом Бонифаций VIII смягчил или совсем лишил силы целый ряд постановлений инквизиторов. Иные папы велели делать ревизии в судопроизводстве и тюрьмах инквизиции и устраняли злоупотребления.

Применение пыток, чтобы вынудить разные показания, не выдумано Церковью, а было навязано инквизиции извне; папы обыкновенно сопротивлялись этому варварскому обычаю, хотя некоторых из них можно упрекнуть в некоторой слабости. Во всяком случае, они строго запрещали „всё, что связано с опасностью для жизни“, и отсекание частей тела. К пытке разрешалось прибегать только один раз; признанное на пытке можно было взять обратно. Инквизиторы употребляли пытку лишь в редких случаях, когда, казалось, не было уже другого способа добиться важных для общественного блага признаний. Один из самых грозных трибуналов инквизиции, Тулузский, с 1309 по

1323 год разобрал 636 дел и только в одном случае протокол упоминает о применении пытки.

Одним из действительных злоупотреблений инквизиции было запрещение многим подсудимым избирать себе адвокатов. Но из этого нельзя заключить, что инквизитор мог судить по собственному произволу; он никого не мог осудить без контроля и постановления суда присяжных, избиравшихся из наиболее достойных уважения граждан. Свидетельские показания личных врагов обвиняемого не принимались в расчёт.

Не следует думать, что суд инквизиции обыкновенно кончался смертным приговором. Один из наиболее строгих инквизиторов, Бернард Ги, вынес за всю свою жизнь около тысячи приговоров; из них только 42 повлекли за собой „выдачу гражданской руке“, то есть в большинстве случаев смертную казнь. Инквизиционный суд в Памие за несколько лет осудил 98 преступников, из них пять были выданы на казнь. Очень часто причиной приговора была вовсе не ересь, а уголовное преступление, совершённое еретиком: убийство, развращение детей педерастией, отравление городских колодцев, и т. п. Пресловутый Торквемада свирепствовал больше других инквизиторов; но и здесь не надо преувеличивать зло. За всю эту эпоху в Испании было до 2000 случаев казни еретиков; это, конечно, весьма прискорбно, но если принять во внимание, что творилось в эту и последующие эпохи в некаатолических странах, то эти расправы не покажутся нам чем-то особенно свойственным католическим государствам.

Ллоренте, известный враг католичества, доводит число жертв испанской инквизиции за всё время её существования до 35000; в это число он включил много ростовщиков, контрабандистов и проч. Он явно преувеличивает: так он причислил к казнённым 2450 арестованных в Толедо в 1496 г., между тем как установлено, что из этих преступников **ни один** не был казнён. Виллиам Коббет, протестантский историк, уверяет, что англиканская королева Елизавета казнила в течение одного года больше людей, чем инквизиция за несколько веков. В Нюрнберге протестанты убили за 40 лет 356 инакомыслящих.¹

Обычные наказания, к которым прибегали инквизиторы, были: паломничество; ношение на плечах деревянного креста; лишение должности; срытие дома; тюремное заключение, более или менее

1. E. Duplessy, *Apologetica*, Roma, 1929, III, стр. 216, 217.

продолжительное и обыкновенно смягчаемое всякими разрешениями лечиться у родных, посещать их, получать лучшую пищу. Очень часто первоначальная строгая кара заменялась вскоре после осуждения гораздо более лёгкой.

Не надо забывать, что количество казнённых вследствие осуждения **церковной** инквизицией невелико; несравненно больше крови (несколько тысяч человек) было пролито **государственной** инквизицией XV и XVI веков, когда инквизиторы назначались не папой, а королём; вышеупомянутый Торквемада, Хименес и им подобные действительно жестокие люди принадлежали именно к этой государственной инквизиции.

Воинствующая неправда заключать из фактов инквизиции, что дух католичества в том, чтобы принуждать людей быть католиками. Основной целью инквизиции вовсе не было заставлять всех быть католиками, а защищать свободу народа от насилий и разлагающего влияния еретиков. Для того, чтобы удержать в правой вере католиков, Церковь с первых веков и до наших дней прибегала, главным образом, к увещаниям и таким церковным карам, как запрещение причащаться, посты, паломничества, разного рода эпитимии, интердикты.¹ Злоупотребления и насилия бывали, но Католическая Церковь, своей духовной силой, успешнее устраняла их, чем это делали другие церкви. Канон 1351 безусловно запрещает принуждать кого бы то ни было принять католическую веру: *Ad amplexandam fidem catholicam nemo invitus cogatur.*

Кто желает добросовестно судить о католическом духе, тот должен принять во внимание не только жестокости инквизиции, но и те великие и бесчисленные дела милосердия, которые Католическая Церковь беспрестанно совершала и совершает в сотнях тысяч домов

1. Послушаем в этом вопросе св. Афанасия Великого. Вот, что он пишет в Беседе на Еванг. от Матфея: «Еретики... готовы утверждать, что не должно судить и того, кто сделал смертный грех, потому что Господь сказал: не судите. Но если это действительно так, как утверждают они, то без сомнения подверг бы осуждению праведный Ной, который осудил нечестивых Хама осудил быть рабом братьев. И Моисей, осудив собиравшего дрова в субботу, повелевал побить его камнями... И Наия, осудив жезпороков, как свиной заклал при потоке... И Пётр, приняв ключи небесного царствия, когда Азания с женою утаили часть соборного своего состояния, осудив за это, сделал, что пали они мёртвыми... И Павел осудил ковача Александра... Итак если все праведные судили и не были сами судимы, аще же избраны на духовное служение, то почему же не должно судить, как говорит еретики? Господь сказал: не судите, да не судимы будете, не для того, чтобы мы поступали в чём или делали что без суда, но имея в виду фарисеев и книжников, которые судили друг друга, но не исправляли сами себя» (Творения св. Афанасия Вел., Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903, IV, стр. 434). Как жаль, что обвинители Католической Церкви так мало знают отцов Церкви!

воспитания, приютов, больниц, лепрозориев и т. д. Нет никакого сомнения в том, что число верных чад и пастырей Католической Церкви, отдавших свою жизнь ради облегчения доли разного рода страдальцев, в тысячи раз превосходит число жертв всех инквизиций вместе взятых. При свете этих бесчисленных подвигов любви к ближнему бледнеют самые яркие „костры” инквизиции. Инквизиция давным давно перестала существовать. Те, против кого она боролась, свободно распространили свои пагубные учения и достигли власти; кровопролития ими причинённые таковы, что в сравнении с ними инквизиция — невинная детская шутка.

У нас на Руси дух жестокой нетерпимости был гораздо слабее, чем в Византии с её массовыми выкалываниями глаз и изысканными пытками. Но и у нас, как и везде, дух Великого Инквизитора давал себя чувствовать, ещё со времён Добрыни, когда народ крестили „огнём и мечом”. В книге известного православного учёного, проф. П. Знаменского, **Учебное руководство по Истории Русской Церкви**¹, мы между прочим читаем: «В 1004 г. в Киеве учил богемильской ереси монах Адриан; митрополит Леонтий заключил его в тюрьму... В 1123 г. явился еретик Дмитр, но митр. Никита тоже посадил его под стражу» (стр. 42). «Псковичи возревновали о православии, засадили еретиков в тюрьму, некоторых казнили» (стр. 108). «Во Пскове сожгли 12 ведьм» (стр. 110). «Митр. Феодосий... вдовцом диаконом и попом повеле стричися, а еже у кого наложницы будут, тех мучити без милости... и продавать их» (стр. 145). В XVI веке «в суде и управлении господствовали страшные пытки и страшные казни» (стр. 154). Владыка Геннадий «предал их (еретиков) публичному позору — велел возить на клячках... в берестовых шлемах и соломенных венцах..., а в заключение шлемы на них зажечь» (стр. 170). Иосиф Волоцкий «настойчиво уговаривал великого князя предать еретиков градским казням... Строгий Иосиф доказывал, что не следует щадить даже кающихся еретиков... Еретики были осуждены на соборе; главных из них сожгли» (стр. 171).² Патриарх Никон

1. СПб, изд. второе, 1904.

2. Лучший русский церковный историк, Голубинский, пишет: «После того, как он (великий князь) принял это решение (казнить еретиков), для него составляло предмет довольно продолжительных колебаний то, как казнить. Митрополит с епископами, и вероятно с огромным большинством всего духовенства, требовал смертных казней... Пансий и Нил, восставшие против смертных казней еретиков, были люди исключительные; о людях же не исключительных совершенно вероятно думать, что они все были за смертную казнь» (История Русской Церкви, том II, ч. I, стр. 581, Москва, 1900).

«мучил мирскими казнями, а иных на пытке жёг» (стр. 259). «За соращение крещёного холопа в бусурманство назначена казнь через сожжение» (стр. 275). «Католических храмов вовсе не позволяли строить в России» (в XVII в.; стр. 280). «За употребление табаку резали носы» (стр. 281). «Уложение царя Алексея назначило за колдовство наказание кнутом и сожжение на костре» (стр. 282). Из зачинщиков Соловецкого старообрядческого бунта «одни были перевешаны, другие разосланы» (стр. 295). «Аввакум, Лазарь... были сожжены на костре» (стр. 296). «Раскольников велено было ловить и жечь; тех, которые перекрещивают соращённых, казнить смертью, хотя бы они и покаялись» (стр. 297). Московская духовная академия в XVII в. «назначалась быть блюстительницею православия во всей России...; нетвёрдых в вере она могла подвергать ссылке, а иноверцев, виновных в хуле... и русских отступников даже смертной казни через сожжение» (стр. 310). За принятие католичества «дьякон Пётр Артемьев был сослан на Соловки» (стр. 312) и там замучен. В XIX в. „обращённые“ татары стали отпадать от православия; «для ослабления этих отпадений духовное и светское начальство принимали разные меры, телесные наказания, ссылки, расторжение браков..., принудительное крещение» (стр. 368). «Главные коноводы секты (хлыстов) подверглись смертной казни» (стр. 446).

Декабристы «были преданы верховному уголовному суду, в состав которого вошли важнейшие сановники, члены Государственного Совета, Сената и Синода... Верховный суд приговорил почти сорок человек к смертной казни».¹

Весьма характерно то, что кн. М. Голицын за принятие католичества был превращён в придворного шута и замучен в „Ледяном доме“ (См. *Благовест*, № 10, стр. 76), что Чаадаёв за свои католические симпатии был объявлен сумасшедшим. Даже ещё в конце XIX века «принадлежность к вероисповеданию ставится в зависимость не от личных действий, сознательно совершённых, а от общего государственного акта, для которого не требовалось добровольного участия отдельных лиц».² Статья 187 Уложения о наказаниях была несколько смягчена только в 1900 г.; статья эта приговаривает к лишению прав и ссылке в Сибирь «за соращение из Православного в иное христи-

1. Проф. С. Платонов, Учебник Русской Истории, изд. шестое, Петроград, 1915, стр. 407.

2. К. К. Арсеньев, Свобода Совесть, СПб, 1905, стр. 228.

анское вероисповедание». ¹ Жестоко наказывалось обращение в католичество даже язычника, даже воинствующего атеиста.

Но можно ли определять этими жестокостями сущность Православия или характеризовать ими Россию? Конечно, нет! Подлинное русское православие проникнуто духом убоженств Христовых, духом кротости, геройского терпения, дивного сострадания, великодушного всепрощения. В нём нет той ненависти к инакомыслящим, коей отличалось политическое лже-православие, развившееся на почве цезаропапизма. Впрочем и этому последнему можно многое простить; в нём проявлялась исторически понятная реакция против тех обид, которые были нанесены России надменностью западных соседей, подчас скрывавших свои националистические страсти под личиной ревности о католической вере. Ответственность за гонения на католичество в России падает главным образом на тот самый дух мира сего, который поработил и само православие.

Недобросовестно определять русскую православную религиозность нерелигиозными настроениями тех или иных деятелей или пастырей; недобросовестно также судить о католичестве по причинённым западными цезаропапистами действительным злоупотреблениям, исказившим благие намерения, с какими инквизиция была первоначально учреждена. В высшей степени неумно и нечестно обозначать Россию словами „кнут” и „каторга”, потому что в России, как во всех странах мира, бывали жестокости и злоупотребления. Столь же недостойно культурного и честного человека усматривать в инквизиции характерную черту католичества или аргумент против святости Церкви. Мы вправе требовать от иностранцев, чтобы они видели не только тёмные, но и светлые стороны русского народа; не только вырывание ноздрей у еретиков, но и величайшие достижения культуры, и благородные почины русских монархов, и подвиги стольких аскетов, просветителей Севера, учёных, воинов. Мы вправе тоже требовать от всех честного всестороннего подхода к проблеме инквизиции.

На примере инквизиции мы показали подробно, в чём недостаток обычных исторических возражений против святости Церкви. Поэтому мы не будем так долго останавливаться на других аналогичных возражениях.

2) Папы предали жестокой смерти таких великих подвижников

1. Проф. М. Красножен, Иноверцы на Руси, Юрьев, 1900, стр. 166.

и проповедников христианской святости, как Ян Гус, Жанна д'Арк, Джордано Бруно.

Ответ. Гус был далеко не святой, он отличался гордостью и злоупотреблял религией, которую он переделал по программе еретика Виллеффа, ради своих социально-народных целей; он был выдан на казнь вовсе не папой, а Константиным собором, довольно враждебно относившимся к папству и встревоженным причинаемыми Гусом политическими осложнениями. Папа тут не при чём, Гус погиб, главным образом, вследствие столкновения националистических страстей, забвения с обеих сторон католического разрешения национальных вопросов. Жанна д'Арк была действительно святая, Рим причислил её к лику святых; она пала жертвой англичан и одного недостойного епископа, Конюна, насквозь проникнутого цезаропапистической угодливостью перед светской властью; от папы всё дело тщательно скрывали из опасения, что он не допустит осуждения Жанны. Джордано Бруно был выдан инквизицией на казнь за распространение паптеизма и безнравственных учений, за отрицание свободы воли и бессмертия души человеческой; в нём не было ничего святого; о его антихристианских настроениях воинствующие атеисты отзываются с большим восторгом.

3) Католики устроили во Франции „Варфоломееву ночь“, т. е. поголовное избиение протестантов! Папа одобрил это преступление.

Ответ, — Избиение протестантов в 1572 г. произошло по почину далеко не католически настроенной королевы Екатерины, напуганной тем, что затейливое ею же убийство протестантского адмирала Колigny не удалось. Многие католические губернаторы решительно отказались исполнить её преступное приказание истреблять протестантов, в которых она впрочем видела только политических противников. Правда, что папа Григорий XIII велел отслужить благодарственный молебен „за спасение короля Франции“ от угрожавшей ему от протестантов гибели; но этим он вовсе не одобрял избиения протестантов, о котором он тогда ещё ничего не знал, а просто, в принятых формах, отвечал на полученное им от французского правительства извещение, что на короля было произведено покушение и что король уцелел.

4) В X в. католическую Церковь правили многие безнравственные папы. В XVI в. ею правил даже такой развратник как Александр VI. Папы создали Возрождение, т. е. восстановление язычества. Итак, если папство не свято, то и Церковь, покорно следующая по его стопам, тоже не свята.

Ответ. В том, что в X в. на папском престоле восседали один за другим несколько личностей невысокого нравственного уровня, не приходится сомневаться. Но ведь это было время порабощения папства светской властью, несколькими всемогущими итальянскими князьями, время цезаропапизма, **уклонения от католического начала** сильной вселенской первосвятительской власти. Господь допустил это временное как бы устранение подлинного папства, чтобы показать, к сколь плачевным последствиям ведёт ослабление папства и зависимость от сильных мира сего. Всё это косвенно подтверждает положение, что Церковь свята в силу своего собственного домостроительства и своих собственных начал, и потому не святы все те, будь они даже папы, которые изменяют её началам, и поскольку они это делают. Александр VI был действительно недостойный, безнравственный носитель папского сана, он имел незаконные связи с Джулией Фарнезе. Но и здесь надо остерегаться преувеличений, так ревностно распространяемых об его личной жизни: кровосмесителем он не был, отравителем тоже нет, это прочно установлено. Но главное, опять-таки, это то, что появление этого безнравственного человека на папском престоле есть плод не идеи сильной, независимой от мирских властелинов, вполне церковной власти, а как раз **наоборот** — забвения этой католической идеи. Кто желает ослабления папства, низведения папы на уровень „первого между равными“, тот не может добросовестно ссылаться на примеры недостойных пап, явления тесно связанного с уклонением именно в сторону ослабления папской власти.

Папство не возрождало язычества, а способствовало использованию классической древней культуры и её положительных достижений: в этом его заслуга. А если некоторые папы слишком слабо сопротивлялись восприятию нездоровых языческих элементов вместе с высокой греко-римской культурой, то это указывает лишь на их личный недостаток, на понижение в них католического духа и недооценку высокой роли папства в Церкви. Вообще, все запятнавшие себя чем-либо папы проявляли в своих тёмных сторонах большую или меньшую степень **отступления** от „идеи папства“; они были, если позволительно так выразиться, — слишком мало папами. Заметим далее, что число недостойных архиереев на Римском престоле значительно меньше, чем на большинстве других древних епископских кафедр; о том, что недостойных пап было сравнительно мало, свидетельствует уже хотя бы тот факт, что желающие очернить папство ссылаются всё на тех же 12 или 15 пап из общего числа 262 носителей

папского сана, умалчивая о том, что папы в подавляющем большинстве были весьма благочестивы, и что среди них насчитывается несколько десятков великих христианских подвижников; **именно** эти подлинно святые папы, как Сильвестр, Лев Великий, Мартин, Григорий Двоеслов, Пий V, Иннокентий XI, Пий X и столько других, проявляли исключительную энергию в отстаивании отличительных католических принципов и авторитета Римского престола.

Предвиденное Спасителем наличие человеческих слабостей в жизни пастырей и чад Церкви доказывает одно: Церковь должна быть верной своему богочеловеческому строению и по мере сил совершенствовать его так, чтобы людская греховность возможно меньше искажала её подлинный святой облик; необходимо наличие безусловно авторитетной центральной чисто церковной власти, достаточно сильной, чтобы обеспечить свободный выбор последующих пап из среды наиболее достойных пастырей.

Заметим, наконец, что отношение пап к святости всей Церкви не надо понимать в смысле какого-то изливания личной святости пастырей на пасомых: это было бы кощунственным приравниванием папы Христу, единому Который действительно сообщает, в силу собственной святости, святую благодать людям. Святые папы могут только морально влиять примером своей жизни и передавать не свою, а Христову благодать своим служением — священническим, учительским, пастырским. Поэтому святость всей Церкви, всей массы верующих, должна определяться не столько степенью святости пастырей, сколько духом послушания пасомых, степенью их верности в исполнении тех обязанностей, какие на них возлагают пастыри, как орудия Христа-Главы; само собою разумеется, что никто не обязан исполнять безнравственных требований пап или других пастырей, наоборот. Освящает со стороны Бога только благодать, а со стороны верующих — покорность её требованиям, стремление возможно лучше располагать себя к её приятию через евангельское смиренное послушание духовным начальникам. Тут святость пастыря не при чём: можно даже сказать, что послушание недостойному пастырю требует большего духа веры и большего самоотречения, чем послушание ревностному подвижнику, и таким образом оно, благодатью Провидения, много способствует освящению Церкви. Все великие святые, которыми так богата Католическая Церковь, достигли столь высокой степени совершенства повиновением пастырям, стоявшим очень часто гораздо ниже их в отношении святости; и наоборот, все отступники

от святой Церкви не выдержали испосланного им Богом испытания и не сумели сломить своей гордости подчинением пастырям, имевшим те или иные недостатки.

5) А бесчинства католиков в Константинополе во время крестовых походов! А издевательства над православными в XVII в., когда католические паны доходили до того, что отдавали православные храмы в аренду евреям, и т. п.! Ведь всё это противоречит святости Христовой Церкви.

Ответ. — Нет никакого сомнения в том, что многие крестоносцы, среди которых, как всегда в подобных массовых предприятиях, было не мало всякого рода авантюристов, вели себя в Константинополе возмутительным образом, грабили и убивали граждан, как настоящие разбойники. Но Церковь не только не принимала участия в преступлениях лиц, бывших её чадами только по наименованию, но строго и неоднократно осуждала эти бесчинства. Если её пастыри брали иной раз крестоносцев под свою защиту, так это было почти всегда только для того, чтобы оправдать самую идею освобождения гроба Господня от кощунства неверных или чтобы защитить лучших из крестоносцев от преувеличенных обвинений. По поводу преступлений крестоносцев в Константинополе папа Иннокентий III писал одному из их вождей, Венецианскому дожу: «Руки насильников разграбили сокровища алтарей, оскорбили Создателя... Как может Апостольский Престол защищать тех, кто наносит такие оскорбления...?» Королю Бальдуину тот же папа писал: «Мы предлагаем тебе, если ты желаешь получить отпущение грехов, не приступать к разделу церковного имущества Греческой Империи и не допускать, чтобы другие так поступали».¹ Осуждая поведение крестоносцев, папа писал своему легату: «Латиняне дали Греческой Церкви только примеры безнравственности и преступлений. Естественно, что греки будут ненавидеть латинян, как собак. Наши защитники Христа должны были обратить свои мечи против неверных, а вместо того они обагрили их христианскою кровью. Они не щадили ни духовного звания, ни возраста, ни пола... Матерей, девиц они предавали неистовой грубости солдат... Можно было видеть, как они срывали с престола серебряные покровы, разбивали их на мелкие части и ссорились между собою при их дележе».²

1. Минь лат., ССХV, 699 сл. См. Бускэ, Греческий Раскол, перевод Б. Костыльва, Париж, 1925, стр. 142 и др.

2. Там же.

Что же касается самой **идеи** крестового похода, идеи освобождения великих святынь от власти врагов Христовых, то в ней нет ничего предосудительного. Употребление физической силы, когда это нужно для защиты святыни, имеет своё оправдание и в примере Христа, изгонявшего торговцев из храма, и в учении отцов Церкви. «Князь, ты поставлен на казнь злым», говорили епископы св. Владимиру. Крестовые походы бывали и в православных странах. «Поход Иоанна под Казань в 1552 г... имел характер крестового похода».¹

Бесчинства, которые когда-то совершались в подвластных Польше областях, были печальным плодом не католического учения или дисциплины, а как раз наоборот. Это ясно всякому. Такие эксцессы бывают повсюду, где сталкиваются национальные, поместные или личные интересы. Уже в древней Руси «князь, строивший в своём городе церкви и монастыри, подававший милостыню, прославляемый летописцем, как князь благочестивый, грабил и жёг церкви и монастыри в чужом уделе, истреблял чужих смердов и их животы, и потом на счёт чужого добра и чужих, православных же, святынь украшал свои святыни». «Свидригайло явился ревнителем православия..., костёлы пожёг». «Михаил Тверской разграбил церкви и монастыри в Торжке, Василий Тёмный—в Галиче».² Ещё несколько десятков лет тому назад были случаи осквернения католических и православных церковей разными „ревнителями“. А совсем недавно, при насильном уничтожении большевиками Унии в Галицкой Украине, Прикарпатской Руси и Румынии, сколько зверств, убийств и грабежей было совершено во имя «возвращения к вере отцов»! Но ведь во всех этих возмутительных эпизодах православие не при чём, ответственность падает на тех, кто прикрывается им для удовлетворения своих греховных инстинктов; точно так же, католичество было не при чём, когда пань отдавали церкви в аренду евреям. В Константинополе греки несколько раз поджигали болгарскую церковь. Причиной всех таких неистовств каждый раз бывало не православие или католичество, а **отступление** от православия или католичества в сторону коллективного себялюбия, непомерная гордость по отношению к презираемым иноземцам или соседям.

1. П. Знаменский, Учебное Руководство по Истории Русской Церкви, изд. 2-ое, 1904, стр. 129. Мы и дальше будем приводить выписки из этого труда по изданию 1904 г.

2. П. Знаменский, стр. 56, 78, 105. Напомним мимоходом, что Василий Тёмный, этот «грабитель» православных церковей, был также мучителем митр. Исидора и отверг Флорентийскую унию. См. также: С. Тышкевич, Единство Церкви и Византия, Рим, 1951, стр. 122-126.

6) Католическая Церковь не свята, так как она продавала и продаёт индульгенции, то есть прощает грехи за деньги.

Ответ. — С индульгенциями были действительно связаны злоупотребления в XVI в., но они уже давным давно устранены Римом. Индульгенция не есть прощение греха, а отпущение временной кары, которую грех влечёт за собою; она даётся только искренне покаявшемуся, получившему отпущение грехов на исповеди и желающему исправиться; даётся она для духовного врачевания, для укрепления верующего в смиренном сознании, что без помощи свыше он не может избавиться не только от греха, но и от его последствий. „Индульгенции” в смысле злоупотребления были распространены и в некатолических странах. У нас на Руси «было еще верование, что 10 литургий (оплачиваемых) могут избавить от грехов за 4 месяца, 20 — за 8 месяцев, 30 — за целый год».¹ Даже в Кормчей был вариант этого правила.² Из Византии пришёл на Русь «обычай за деньги нанимать на исполнение разных епитимейных подвигов... В Номоканоне Котелерия такой оригинальный наём не запрещается... Если кто возьмёт деньги, иерей или иной кто, чтобы класть за другого поклоны, и не исполнит их в назначенный срок, пусть кладёт их вдвое... Священники это широко практиковали... В некоторых правилах такса за епитимию повышена... Правило о литургиях взамен епитимии, даже без обязательности поста для грешника, попадает в требники, сопровождая чин исповеди, также в Кормчую книгу, и получает таким образом всю видимость законности и авторитета. Потаковничество идёт и дальше...»³ Люди грешны, слабы. Оттого везде бывают злоупотребления. Но их меньше там, где имеется единое верховное Христово пастырство. Виповато не христианство, а забвение учения Церкви.

7) Папская система не свята: она создана иезуитами, учение и деятельность которых в высшей степени безнравственны, как явствует из „тайных наставлений”, Монита секрета, данных ордену иезуитов одним из его генералов.

Ответ. — Те же самые лица, продолжая свои возражения, обычно утверждают, что папство было создано в IX в. при помощи лже-иси-

1. Знаменский, стр. 54.

2. Проф. С. Смирнов, Материалы для Истории древне-русской покаянной дисциплины, стр. 159.

3. Проф. С. Смирнов, Древне-русский духовник, Москва, 1913, стр. 189-192. Там же автор научно доказывает, что «источник для описанных черт древне-русской покаянной дисциплины... есть Восток, а не Запад».

доровых декреталий. А первые иезуиты появились только в XVI в.! Басня о создании папства иезуитами так же не выдерживает исторической критики, как и противоречащая ей басня о порождении папства лже-декреталиями. Правда, что святые из ордена иезуитов много потрудились над выявлением учения о папском главенстве: они, как и другие святые, просто продолжали дело великих поборников церковного единоначалия, начиная с Льва Великого.¹

Но перейдём к пресловутым „Монита секрета”. Этот грубый подлог был составлен в 1613 г. поляком Иеронимом Загоровским, расстригой, изгнанным из ордена иезуитов за безнравственную жизнь. Монита появились в Кракове, конечно, анонимно. Обман вскоре обнаружился, и сочинение было осуждено Краковским епископом в 1616 г. как преступный подлог. Несмотря на всю ловкость, с какою сочинитель подделывал свои „наставления” в стиле монастырских правил, он был настолько ослеплён своею ненавистью к ордену, что вложил кое-где в уста верховного настоятеля ордена свои собственные иронически-язвительные выходки против иезуитов; так, например, одно „наставление” говорит, что дома ордена следует основывать в крупных богатых городах, „следуя примеру Спасителя”. Другие места подлога просто непонятны вне Польши XVII века. Очень странно также, почему мнимые настоятели ордена иезуитов злобно намекают на то, что ими же изгнанные из ордена монахи — высоко благородные люди и жертвы незаслуженных гонений. И вообще повсюду в книге просачивается типичная психология веротступника. Монита секрета имели много изданий с различными крупными и противоречивыми переделками. Над переизданием Монита секрета много раз потрудились масонские ложи: издатель 1861 года — масон Совестр, 1894 года — масон де-Пиллие. Каждый издатели переделал текст по-своему, приписывая свои фантастические вымыслы „оригиналу”. С другой стороны, есть и бессмысленные повторения. Так, фраза первоначального предисловия: «Несколько лет тому назад герцог Брауншвейгский конфисковал иезуитский коллеж в Падерборне» — повторяется в **новых** предисловиях к изданиям 1761, 1824 и 1861 годов; в конечном итоге выходит, что названный герцог жил по крайней мере 200 лет! Новейшие масонские толкования и издания

1. Антикатолический историк свящ. И. Арсеньев, в своей книге Ультрамонтанское движение (Харьков, 1895, стр. 11 сл.), признаёт, что св. Бернард Клервосский был «замечательный подвижник» и «праведный муж», который оказал папству «сильную поддержку».

Монита подаются легковерной публике с сенсационным гарнитуром смехотворных выдумок вроде того, что у иезуитов есть флот, или, что иезуитам принадлежат золотые прииски в Калифорнии, а в какой-то неизвестной стране — целые города. Подложность Монита секрета признают все сколько-нибудь серьёзные историки, даже те, которые враждебно относятся к Церкви и к ордену иезуитов: Сарпи, Форстер, Шталь, Деллинггер, Барбие и т. д. У нас в России Монита были изданы по-русски славянофилом Ю. Самариним; этот пасквиль находится в списке книг рекомендованных „программой“, приложенной к уставу духовно-учебных заведений, утверждённому в 1867 г. Вот какими путями западное безбожие проникало в Россию! Монита занимают, конечно, видное место и в коммунистической атеистической литературе, например, в книге о иезуитах Д. Е. Михневича **Очерки из истории католической реакции** (Москва, 1955, издат. Академии Наук СССР!).¹

---

1. Более подробные сведения о Монита читатель найдёт во французском журнале *Etudes*, 1894, май-июнь, стр. 106 сл.

Глава девятая

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И БОГОСЛОВСКИЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ СВЯТОСТИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

1) Католическая Церковь не свята хотя бы только потому, что она запрещает мирянам **читать Св. Писание**.

Ответ. — Известный православный богослов, прот. П. Светлов, в своём **Христианском Вероучении** (т. I, стр. 187), находит, наоборот, что католические архипастыри много потрудились, чтобы сделать Св. Писание общедоступным. У нас в России только «в конце 1857 г. состоялось определение Св. Синода о разрешении перевода Библии на русский язык».¹ Церковь всячески поощряет чтение всеми Св. Писания. Она только запрещает распространять такие издания Библии, в которых нет необходимых объяснений затруднительных мест. И это запрещение весьма благоразумно: если каждый будет толковать Св. Писание по-своему, не считаясь с толкованием Церкви, получится сектантский хаос с его естественным последствием — неуважением к слову Божию, рационализмом, лишением Св. Писания его божественного содержания.

2) Католическая мораль меньше других христианских нравственно-богословских систем занимается вопросами духовного совершенства и святости; она занята только вопросом о том, что позволительно делать, не согрешая. В своём попустительстве она доходит до того, что различает грехи **смертоносные и простительные**, т. е. просто позволительные: грехи не стесняйся!

Ответ. — Католическое нравственное богословие мало касается

---

1. Знаменский, стр. 433.

вопросов высшего духовного совершенствования по той простой причине, что католическая аскетика и мистика достигли огромного развития и потому выделились в особые науки. Нигде высоко назидательная литература — популярная и строго-научная — не достигла такого количественного и качественного развития, как в католичестве; на тему о духовном совершенстве имеются и многотомные богословские трактаты католических учёных, и целые специальные энциклопедии, и замечательные труды великих мистиков, и агиографические исследования, и бесчисленные книги, брошюры и журналы для масс. Характер же католического нравственного богословия определяется тем фактом, что священники, для которых оно предназначено, большей частью имеют дело с грешниками, которых надо **прежде всего** спасать от греховности, и только после этого вести их к совершенству; этим отнюдь не закрывается дверь к святости. Напротив, грешник начинает с того, что очищает от грехов свою совесть и, таким образом, готовится к дальнейшему совершенствованию гораздо лучше, чем в том случае, если бы он устремился к подвижничеству, не осознав предварительно должным образом своей греховности и не преодолев её. Различие между смертоносными грехами, т. е. такими, которые совсем лишают человека освящающей благодати, и повседневными — весьма важно, чтобы возможно лучше предохранить верующего прежде всего от тяжких грехов; а повседневные, „невольные“, грехи иногда называются „простительными“ не в смысле их мнимой позволительности, а потому, что Господь прощает их **искренне кающемуся** даже вне исповеди, например, при совершении дела милосердия или по усердной молитве. Никакого попустительства тут нет; есть только всестороннее освещение греховности и её степеней, чтобы обеспечить успех в борьбе с грехами. Священник есть врач душ человеческих и потому он должен быть хорошим диагностом и уметь различать смертоносные недуги от менее тяжких, менее ответственных заболеваний, чтобы тем вернее спасать людей от духовной смерти. Впрочем лучшие православные моралисты, как, напр., епископ Феофан Затворник, придерживаются католического учения, когда они различают „смертные“ грехи от „простительных“.¹

3) „Цель оправдывает средства“ есть несомненно безнравственный принцип, несовместимый со святостью Церкви; а между

1. См. Начертание Христианского Нравоучения еписк. Феофана, Москва, 1895, стр. 164.

тем этот принцип выдуман католическими моралистами, именно иезуитами. Католические богословы допускают „невысказанную оговорку”, т. е. просто ложь.

Ответ. — Что католики придерживаются указанного принципа есть грубая клевета, которую уже распространял кальвинист Дюмулен; Паскаль повторил её, не проверив слуха, в своих **Письмах**. С тех пор она нашла себе горячий приём у всех, кто сам неразборчив в средствах и падок на всякую клевету против Церкви. Все схоластики были противниками этого безнравственного начала; однако, среди них Абелярд и Гюго-де-Сэн-Виктор так настаивали на важности благого намерения для нравственно добрых дел, что их учение может быть истолковано поверхностными людьми, как освящение намерением даже дурных поступков. Иезуиты всегда учили только, что нравственно **безразличный** поступок становится нравственно хорошим или дурным в зависимости от намерения, с каким его совершают; но это учение можно найти и в творениях отцов Церкви. А святитель Феофан Затворник писал: «Дела безразличные от цели получают качество, т. е. от цели доброй становятся добрыми, от худой — худыми».¹ Принцип „цель оправдывает средства” единодушно осуждён всеми католическими моралистами, в том числе самими же иезуитами. Его придерживались в своих теориях только люди религиозно вялые, Сервантес, напр., и в особенности политик Макиавелли († 1527), государственная мораль которого отвергнута всеми католическими моралистами. Что же касается применения указанного принципа на практике, то оно реже встречается у сторонников католической морали, чем у её противников. В англиканстве, напр., церковь низведена по недалновидным патриотическим соображениям на уровень национального религиозного учреждения; к хорошей цели стремятся, употребляя дурное средство, а именно — искажение самой сущности Церкви.

Неудачные выражения встречаются и у не католических авторов. Так уже автор Домостроя «в случае ссоры своих холопов с чужими советует побранить и побить своих, хотя бы и правы были, — этим вражды избудешь, а убытка не будет... При случае рекомендуется побить невинного слугу, солгать и проч.»² Пётр Великий велел, ради благой цели государственного благоденствия, нарушать тайну

1. Начертание, стр. 106.

2. Знаменский, стр. 156 сл.

исповеди. Иные православные богословы утверждают, что в некоторых случаях можно говорить неправду. «Случаи лжи..., чтобы сохранить в целостности жизнь ближнего или свою..., всегда могут повторяться. Что же, вменяется ли эта ложь в вину? Нет! В правилах церковных она прямо называется ложью во спасение ближнего и признаётся невменяемой; аще солжет, да спасет душу, греха не имать (Номоканон 97)».¹ Католические моралисты так далеко не идут; в подобных случаях они позволяют дать уклончивый ответ, но запрещают всякую невысказанную оговорку, вводящую в заблуждение, то есть обман ближнего, даже злейшего врага. Поучителен также тот факт, что католических моралистов часто упрекают как раз в обратном, в „бесчеловечии“, в упорном нежелании отказаться от принципа „цель не оправдывает порочных средств“. Церковь иные бранят за то, что она не допускает расторжения таинства брака даже тогда, когда этим „средством“ она может осчастливить несчастных супругов, обеспечить благую цель. Её поносят и за то, что она запрещает спасение жизни беременной женщины „средством“ прямого убиения ещё не рождённого младенца.

4) Католическая Церковь одобряет безнравственное учение называемое **пробабелизмом**; при малейшем сомнении относительно обязанности применять в каком-либо определённом случае тот или иной божественный закон, можешь поступать как тебе удобнее.

Ответ. — Это не пробабелизм, а лаксизм, давно осуждённый Римом и католическими моралистами. Пробабелизм же состоит в следующем: если в сомнительном случае, когда дело идёт только о позволительности какого-либо поступка, должным образом разведав, какое решение нравственно безупречно, вы не пришли к убеждению, что одно определённое решение обязательно, так что вам предстоит выбор из нескольких решений сомнения, — вы можете принять любое из тех решений, в пользу которых говорят веские нравственно чистые побуждения. Пробабелизм имеет глубокие основания. Господь не создал нас для жизни в постоянном детерминизме, Он нам очень часто предоставляет выбирать между **разными** благими решениями, дабы мы Ему служили свободно и радостно-творчески, а не как бессмысленные животные. Отвержение начал пробабелизма ведёт к

---

1. Прот. Е. Попов, *Общественные Чтения по Православно-нравственному Богословию*, СПб, 1901, стр. 886. В подтверждение своего учения этот автор приводит примеры из Ветхого Завета, когда «ложь была употреблена как средство к полезной цели»; но ведь не все факты, о которых упоминается в Библии, одобрены Богом!

отвержению свободы, с одной стороны, и Божией отеческой любви, с другой. В жизни встречается так много случаев, в которых не знаешь, что безусловно лучше соответствует закону! Нечего без конца искать самого лучшего „законного” разрешения сомнений, когда **любовью**, свободной духовной жизненностью лучше всего решишь сомнение. Пробабализм ставит пределы юридикзму, он подчиняет его духовной жизни. По учению католических богословов, пробабализм применим только в случаях сомнения относительно того, какой этический или церковный закон и в какой степени имеет силу в данном затруднительном положении; богословы единодушно учат, что для пробабализма нет места, когда воля Божия не подлежит сомнению или когда сомнение касается не одной только позволительности поступка; я не могу, например, довольствоваться тем, что я „вероятно” крещён, я должен быть уверен в том, что я христианин, и если есть малейшее сомнение, крещение надо условно повторить.

5) Церковь благосклонно относится к безнравственному **капитализму**, она очень снисходительна к богачам!

Ответ.—Безнравственный эгоистичный „капитализм” безусловно осуждён Церковью, особенно в энцикликах **Rerum novarum** и **Quadragesimo anno**. Тот капитализм, который породил столько злоупотреблений по отношению к рабочим и вызвал грозную реакцию в форме коммунизма, насквозь проникнут духом материализма и животной погони за наживой; Церковь всегда относилась к нему отрицательно. Насколько несправедливо обвинять Церковь в попустительстве эксплуатации рабочих богачами, явствует хотя бы из того, что все крупные капиталисты-эксплуататоры враждебно относятся к указанным энцикликам и упорно отказываются подчиняться нормам, выдвинутым католическою иерархией. Почти все американские миллиардеры денежно поддерживают разные антикатолические секты и учения. Капиталистические злоупотребления выросли на почве так называемого либерализма, течения существенно антицерковного, вытекающего из начала диаметрально противоположного католическому учению. Экономический либерализм всегда видел в католичестве своего главного врага, об этом свидетельствует „антиклерикализм” либералов во Франции, Бельгии, Испании и т. д. Эксплуататорский капиталистический либерализм был всегда чуть ли не главным врагом католичества в странах Азии и Африки, где имеются католические миссии. В рядах католического клира, как и всякого другого духовенства, попадают, конечно, люди заискивающие у

богачей; силою ведь никого не заставишь быть святым! Но зато сколько канонизованных католических святых были очень близки к трудящимся беднякам и должны были много страдать от видных деятелей капиталистического мира! В социализме и коммунизме Церковь осуждает не стремление помочь обездоленным, которое всегда было её собственным стремлением, а грубый материализм, порабощение духа земным себялюбием, т. е. как раз то, что породило эксплуатацию рабочих капиталистами.

б) Церковь установила **целибат**, т. е. безбрачие духовенства. Этим она осудила священников на безнравственную жизнь, ибо безбрачие непосильно громадному большинству людей. Много тому примеров среди ксендзов.

Ответ. — Тому священнику, который, будучи семинаристом, был покорен своему начальству и всегда руководится правилами установленными Церковью для священников, безбрачие не только не опасно, но служит источником большой духовной силы и свободы. Терпит нравственное крушение лишь те священники, которые пренебрегают материнской заботой о них Церкви, которые потеряли католический дух послушания и служения ближнему. Потеря целомудрия, как и всякая другая духовная потеря, всегда связана с духом непослушания. Не надо также преувеличивать число подобных трагедий; глубоко благочестивых католических священников гораздо больше, чем неудачных. Следует иметь в виду и то, что очень часто дурное поведение духовных лиц является прямым последствием тех законодательных мер, коими безбожные или недальновидные правительства стесняют иерархию в её заботах о подготовке достойных священников. На нравственном уровне духовенства очень вредно отзывается вмешательство светских правительств при назначении новых епископов. Нравственное падение священнослужителей отнюдь не связано со святостью Церкви; это видно хотя бы из того характерного факта, что эти священники очень часто открыто отпадают от Католической Церкви. Церковь установила целибат по той причине, что призвание католического священника очень трудное, всецело поглащающее его силы; женатый священник неизбежно связан заботами о прокормлении семьи и уже не так свободен для подвигов апостольства. Впрочем, если безбрачие духовенства безусловно вредно, то почему же в автокефальном православии епископы живут в безбрачии? На этот вопрос нельзя ответить, что они монахи, и потому лучше предохранены от соблазнов, чем белое

духовенство; ведь они очень часто проживают не в монастыре. Иные утверждают, что Церковь установила целибат из властолюбия, ради порабощения приходского клира; но это уж слишком неумная клевета, чтобы стоило на неё отвечать.

7) Рим даёт **разводы** тем, кто может хорошо за них заплатить!

Ответ. Католическая Церковь никогда развода не даёт, если действительный христианский брак завершён супружеским сожитием, даже если ей, как последствие отказа, угрожают огромные осложнения, как это было с Генрихом VIII в Англии. Так называемая „аннуляция брака“, которая иногда выносится Св. Престолом, есть нечто совсем другое: это есть только каноническое выяснение и установление факта, что в данном случае **никогда не было** действительного христианского брака, было только сознательно или бессознательно незаконное сожитие, и потому мнимые „супруги“ должны или вступить в действительный брак, если того желают и нет к тому канонических препятствий, или немедленно прекратить сожитие. Во избежание злоупотреблений такие аннуляции даются не легко и только на основании ясного доказательства, что в данном случае никакого брака не было никогда. В 1954 г. в Риме разбирались 245 случаев сомнительных браков и только 131 из них закончился аннуляцией. При этом оплачиваются только чисто канцелярские расходы; неимущие — от уплаты этих расходов освобождаются.

8) Католическая Церковь установила **Индекс**, т. е. запрещение читать книги, противоречащие её учению; этим она подрывает основу морали — свободную выработку личных убеждений.

Ответ. — Запрещение читать дурные книги издавна существовало в Церкви. Первые вселенские соборы своими прещениями боролись именно против распространения лжеучений. Такое запрещение вполне естественно: Церковь осуществляет папство Христово, на её обязанности лежит пасти своих чад, указывая им здравую духовную пищу и отгоняя от вредной и ядовитой. *Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь* (Евр. 13, 9). Церковь запрещает читать опасные книги лишь тем, кто ещё не способен самостоятельно думать с готовностью искать только истину; умственно и духовно зрелые люди без затруднения получают разрешение Церкви читать запрещённые книги. Дисциплинируя религиозные искания, Церковь содействует выработке ясных и глубоких личных убеждений. Из ежедневного опыта известно, какая путаница получается в голове у того, кто без контроля читает всё что попало, как он утрачивает способность

самостоятельно думать, становится до унизости зависимым от разных Ренанов или Ницше. Как часто пренебрежение индексом влекло за собою полное безволие, распущенность нравов и доводило даже до самоубийства! Согласно древним правилам на Руси «присуждались стоять вне церкви... держащие отреченные (запрещённые) книги».¹ «У нас давно уже известно было определение об истинных и ложных книгах..., в нём запрещаются...»; книга Транквилиона «была сожжена»; на соборе в Москве «изречено осуждение на многие мало-российские книги».² Это явление вполне нормально. Хуже было то, что церковный критерий недопустимости книг для чтения в России стал всё чаще подмешиваться государственно-политическим; это и привело к почти полному запрещению ввоза из-за границы католических апологетических книг при одновременном свободном распространении огромной антикатолической литературы; это не мало способствовало росту антицерковных безбожных настроений и коммунизма даже в духовных семинариях.³

9) Представители различных вероучений и мировоззрений имеют своих **мучеников**. Поэтому все учения равно святы, и святость не может быть отличительным признаком одной определённой Церкви.

Ответ. Надо различать. Есть „мученичество“, порождаемое гордостью, фанатизмом, животными стадными инстинктами, подчас даже яростною ненавистью. Такое мнимое мученичество можно встретить везде, оно ничего не доказывает, оно не имеет ничего общего со святостью. Подлинные христианские мученики умирают **за веру** в истины Откровения, и притом с **неземной радостью**, глубоким **смирением** и беспредельной **любовью**, даже к своим гонителям. Дух этого действительного Христова мученичества гораздо более развит в католической Церкви, чем в других христианских общинах, где он, впрочем, вытекает не из антикатолических начал, а из той доли правды, которая в большей или меньшей степени имеется во всех вероисповеданиях, особенно христианских. В современном автокефальном православии, как и в католичестве, было немало духовных лиц и мирян, приявших мученический венец за веру во Христа, за почитание Пресв. Богородицы и святых, за благочестивую христианскую жизнь. Но в то время, как католичество изобилует подлинными мучениками также и

1. Смирнов, Древне-русский Духовник, стр. 174.

2. Знаменский, стр. 120, 299 и 309.

3. Б. В. Титлинов, Молодёжь и революция, Ленинград, 1924.

за веру в такие догматы, которые приняты только Католической Церковью, отошедшему от единства Церкви православию было бы трудно сослаться на какого-либо своего представителя, который с благодатной любовью принял бы смерть за такие богословские положения, которые несовместимы с подлинным католическим учением. Для беспристрастного наблюдателя указанный факт не подлежит сомнению, хотя и предполагает серьёзное и всестороннее изучение вопроса. Весьма показательно то, что злейшие враги христианства, большевики, с особым ожесточением истребляют верных Риму католиков, и никого никогда не замучили за враждебное отношение к специфически католическим догматам.

10) Чудеса совершаются в разных вероисповеданиях; значит, в глазах Божиих все вероисповедания равно святы.

Ответ. — Следует различать некатолическое исповедание, как **антикатолическое** объединение, и то же исповедание, как **частичное продолжение** истинной Церкви. Господь может подтверждать чудесами ту или иную истину Откровения, где бы она ни проявлялась; этим Он вовсе не одобряет заблуждения в той среде, где эта истина ещё сохранилась. Если какой-либо протестант проповедует язычникам догмат Пресв. Троицы, то Бог может одобрить каким-нибудь чудом и такую проповедь, поскольку к ней не примешаны еретические учения. Но подлинные чудеса никогда не совершаются в подтверждение самих лжеучений. Все догматы Католической Церкви, даже те, которые приняты только в ней, постоянно одобряются благодатными проявлениями Божия благоволения; но отрицание догматов, принятых исключительно в одном католичестве, отрицание, составляющее сущность всех вероисповедных различий между католичеством и отставшими от него ветвями христианства, никогда не одобрялось свыше каким бы то ни было проявлением благодати или власти Бога над законами природы. В Лурде, в ответ на почитание беспорочного Зачатия Пресв. Девы, часто совершаются чудесные внезапные исцеления безнадежно больных чахоткою, раком, многолетними язвами и т. п.; эти чудеса строго проверены и доказаны сотнями врачей, светил медицины, и притом не только католиков. Зато нигде никогда не было ни одного достоверного сверхприродного явления, которое Господь совершил бы в ответ на верование в то, что Богородица в первое время своей жизни пребывала под властью первородного греха, или в ответ на отрицание „Ватиканского догмата“. Всё **действительно** несовместимое с католическими догматами и принципами не находит Божьего благоволения.

11) Католическая Церковь не свята, так как от православных, присоединяющихся к ней, она требует, чтобы они отказались от того, что несомненно **свято в православии**.

Ответ. — Православный, присоединяющийся к единству вселенской Царкви, ничего действительно православного не оставляет: он не отвергает ни православных догматов — все эти догматы признаются и католическою Церковью, — ни таинств, ни православного аскетического учения, ни византийского древне-церковного обряда; он может чтить, как и раньше, русские чудотворные иконы или мощи святых. Более того: в католичестве он находит верную опору для хранения в сердце православных святынь. Отказываться ему надо только от посторонних наслоений, тормозящих православную духовную жизнь. Так он должен отказаться от отрицания папской власти: враждебное отношение к папству есть явление сепаратистское; оно свойственно всем протестантам и особенно развито у масонов, коммунистов и всех вообще безбожников. Католическая Церковь не только не стремится „устранить” или ослабить незапятнанное Православие, но даже повсюду приучает католиков и не католиков знать, любить, а подчас и усваивать всё святое в нём: все древние догматы в их восточном преломлении и не искажённые посторонними влияниями и сепаратизмом, византийский обряд, восточную иконопись, русское церковное пение, благочестивые обычаи. Церковь отрицательно относится только к нездоровым идеологическим наслоениям, пагубным прежде всего для самого же Православия, каковы: порождённая языческой „римской идеей” зависимость религии от государства или нации; засорение богословия и религиозной жизни посторонними болезненными западными течениями — антиправославным протестантизмом, модернизмом, рационализмом, позитивизмом и другими вредными „измами”. Конечно, среди множества католических священнослужителей и мирян, к сожалению, есть ещё немало людей узкого религиозного мирозерцания, плохо усвоивших себе существенный католический принцип уважения и любви ко всему святому, где бы оно ни было. Но все насковзь проникнутые католическим духом пастыри и пасомые искренне и действенно желают сохранения, процветания и распространения подлинного, чисто религиозного и святоотеческого Православия.

Католическая Церковь считает себя обладательницей истинных начал церковности. Но это вовсе не значит, что она „актуально”, в полном осуществлении, одна имеет все духовные ценности, она их

содержит в себе „потенциально“, сокровенно. Она с уважением и любовью благословляет все действительные духовные ценности, благодатные и природные, где бы они ни расцветали, где бы благое семя не было возвращено. Именно в силу полноты своего богочеловеческого строения, Церковь с благоговением собирает все крупички истины и добра, рассеянные и разобъединённые в других исповеданиях. Она свята тем, что ничто святое в мире ей не чуждо, тем, что оно ей дорого. Она приспособлена к восприятию всего положительного, имеющегося во всех религиях и культурах.

12) По католическому учению таинства действуют *ex opere operato*, то есть сами собой, без веры и любви принимающего их, **магически**.

Ответ. — Богословская формула *ex opere operato* вовсе не означает, что таинства действуют „магически“, без должного расположения принимающего. Она выражает ту истину, что таинства не простые благочестивые церковные обряды, благодатная действенность которых зависит главным образом от благих усилий верующих, находящихся в состоянии освящающей благодати, а Самим Христом установленные средства сообщения людям заслуженной Им благодати, которую одними собственными усилиями они приобрести не могут. Католическая Церковь строго предписывает своим священнослужителям бдительно следить за тем, чтобы верующие приступали к таинствам должным образом подготовленные и расположенные, с сокрушением сердца, смирением, верою, самоотречением и стремлением любить Бога и ближнего возможно более чистою любовью. Для недостойно приступающих таинства Христовы не действительны. Священникам безусловно запрещено совершать таинства над недостаточно расположенными христианами. Отрицание *ex opere operato* ведёт к пелагианству.

13) У католических святых замечаются **эротические наклонности**, проявления чувственности, уподобление духовной жизни брачным влечениям. Не видно в них аскетической суровости, не похожи они на иконы.

Ответ. — Это клеветническое обвинение исходит вовсе не от подвижников православного благочестия, а от людей невысокого нравственного уровня, привыкших всё, что они видят, преломлять через призму собственной эротичности и неспособных поэтому возвыситься до понимания пламенной любви к Богу чистых, святых душ. Все подлинные Божии угодники настолько умертвили не только плоть

и, что ещё важнее, — чувства и греховные порывы духа, гордости в особенности, что им не нужно прибегать к стоической или нео-платонической брезгливости по отношению к природе, данной Богом человеку. Им вполне достаточно во всём придерживаться Евангелия и примера оставленного Спасителем, Который ведь был среди людей не „иконой“, а живым человеком, не уничтожившим, а вполне подчинившим тело духу. Иконы святы тем, что напоминают нам об особом духовном присутствии Господа Бога или святых подвижников; а все святые шли по стопам Иисуса Христа, проникались Его спасительной любовью к людям и не стремились превратиться в иконы. Уподобление духовных реальностей, в частности отношения Церкви к Иисусу Христу, отношению невесты к жениху, занимает видное место в Новом Завете. Божественная любовь образно представлена „брачным влечением“ в Ветхом Завете, особенно в **Песни Песней**, которую никто из русских подвижников не считает безнравственной книгой.

14) «Католическая Церковь не свята, так как она насквозь проникнута духом **юридика**, законничества, обмирщения. Всё в ней определяется земными, мирскими, языческими понятиями права, награды, наказания, платы за долги, барыша, заслуги и т. д., заимствованными из гражданского судопроизводства, торговли, выгодных сделок. Таковы её догматы, её идея удовлетворения Божьему правосудию. Таково и её учение о Церкви, которая воспринимается не как союз любви, а как государство, как законодательное учреждение. Даже мораль и аскетика сводятся в католичестве к бездушному формализму, к исполнению всяких предписаний. Католичество переносит нас в Римскую языческую империю и пытается подчинить нас древне-римскому праву».

Таково в кратких словах основное идеологическое обвинение, возводимое чуть ли не всеми протестантскими и протестантствующими богословами против католичества. На нём следует остановиться подольше.

Ответ. — Для большей ясности рассмотрим отдельно и по очереди проблему юридика: А) в догматических вопросах, относящихся к искуплению; Б) в учении о Церкви; В) в морали и аскетике. Хотя эти области и соприкасаются и отчасти покрывают друг друга, их всё-таки нельзя привести к одному знаменателю, так как католическая „юридическая“ терминология не везде имеет одинаковый смысл.

А) В **догматике** католичество повинно будто бы в том, что оно всю иконономию искупления рода человеческого страданиями

Христовыми рассматривает как мирскую правовую сделку, как плату в возмещение убытков, причинённых Богу грехом, нарушением Его прав; святилище основных догматов Христианства низводится на уровень гражданского правового порядка. Но возводя это обвинение, антикатолические полемисты совершают крупнейшую ошибку, которая у некоторых из них принимает облик демагогического приёма. Дело в том, что в католическом понимании указанные правовые термины применяются к догматике спасения не в непосредственном житейском смысле, а в смысле **переносном**, аналогическом, образном. Иначе и быть не может, так как, будучи людьми, мы по воле Творца человеческой природы, говоря о трансцендентных истинах, не можем не исходить из человеческих же представлений, устрняя из них всё несовместимое с Божьим совершенством. Оттого этот аспект антропоморфизма свойствен всем христианским вероисповеданиям. Оттого мы его встречаем на каждом шагу в Св. Писании и в творениях отцов Церкви.

В богословии можно исходить не только из правовой терминологии, Церковь этому не противится. Можно говорить о догмате искупления, прибегая к помощи понятий заимствованных из эстетики или даже из древней нео-платоновской философии единства. Тогда грехопадение уже не будет представляемо под аспектом нарушения Божьего закона, а в виде потери духовной **красоты**, подобия Божия в душе человека, или в виде недолжного **распадения** единства на множественность. Искупление и спасение становятся в этом случае устранием дисгармонии, безобразия, восстановлением первоначальной красоты или целостности. Ясно, что и здесь, как и в „юридическом подходе“, соответствующие термины следует брать не в грубом житейском смысле (например, чувственной красоты), а в переносном, образном, аналогичном, возвышенном. Нельзя низводить богословскую терминологию на уровень того значения, которое правовые термины имеют на языке журналистов и присяжных поверенных.

Вся несостоятельность столь распространённого возражения против догматического юрицизма в католичестве видна из подобного возражения против восточного благочестия. Это „возражение“ можно высказать приблизительно так: «Основной мотив восточного благочестия раболепство, рабская подавленность, убиение свободы, агония духа и т. д., и т. д., потому что в этом благочестии главную роль играет богослужение, дух которого есть дух рабства. Возьмём, Церковь Богочеловека

например, *требник*; там чуть ли не на каждой странице попадаются такие слова, как *раб, служение, страх, ужас, трепет* и другие подобные; корень *раб* мы встречаем несколько раз в последовании крещения, в последовании венчания — 18 раз, в последовании елосвящения — 33 раза; покойник именуется рабом 26 раз; ему желают жизни вечной в царстве небесном, в деспотической империи; причащаются страшных Тайн только рабы, приступающие со страхом. Всё это нас переносит в государство Ксеркса или Перона. Какое забвение Евангелия!» Конечно, такая аргументация и неумна и нечестна, ибо всякий знает, что под словом „раб” на богослужебном языке понимается чудное, благодатно-свободное, любящее сыновнее отношение христианина к Богу, как к бесконечно доброму Отцу. Столь же неумны и нечестны фразы против католического „юридического искупления”, повторяемые антикатолическими полемистами. Такой полемический приём христианам следовало бы вовсе оставить, особенно теперь, когда воинствующие безбожники создали огромную антирелигиозную литературу, в значительной мере основанную именно на этом недобросовестном приёме: все слова и изречения Св. Писания воспринимаются не в их религиозно-переносном смысле, а в худшем житейском освещении; самые чистые притчи и символы втоптываются в грязь.

Церковь нечего порицать за то, что она, по примеру Св. Писания, прибегает к образной речи, непосредственно заимствованной ею у свв. отцов, и для установления своей богословской терминологии использовала богатства латинского или греческого языка. В своём догматическом „юридизме” она шла в направлении указанном свв. апостолами Иоанном и Павлом и даже Самим Спасителем: *Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни (Откровение 22, 14). Вы куплены дорогою ценою (1 Кор. 6, 20). Отче наш..., остави долги наша. Иисус Христос пришёл, чтобы отдать душу Свою для искупления многих (Мф. 20, 28).*

Догматический юридизм вовсе не чужд русской святости. Вот что мы читаем, например, во всем известном наставлении преп. Серафима Саровского Мотовилову: «Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание, или наживание денег... Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходными друг с другом... Иисус Христос уподобляет

жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именует куплею... Стяжайте благодать... добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больше прибыль дают. Собирайте капитал благодатных избытков благодати Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных, и не по четыре или по шести на сто, но по сту на один рубль духовный... Не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить... Извольте торговать духовно».

Вполне сходное с католическим „юридическое“ учение об удовлетворении мы неоднократно встречаем у св. Тихона Задонского: «Грехи обдолжают к удовлетворению правде Божией... Грешник, которому грехи не оставляются, заключится судом Божиим в вечную темницу, и будет правде Божией за долги греховные платить казнию, но никогда не заплатит. За прогневание и оскорбление вечного и бесконечного Бога праведно воздаётся вечное и бесконечное наказание... За разорение вечного закона Божия, и тем оскорбление бесконечного величества Божия, ничем иным человеку удовлетворить не возможно, как вечною казнию и страданиями... Грешник понеже не имеет чем искупиться, будет вечною смертию удовлетворяти».¹ «Христос... за грешников пострадал и умер, и тако раздражённой правде Божией за них удовлетворил; а тако и грешникам к милосердию Божию дверь отворилася... Тако премудростию Божиею, и правда Божия и милосердие Его, в страдании и распятии Христовом исполнилися».² Св. Тихон прав: именно на фоне этого „юридизма“ ясно выступает всё величие милосердия Божия.

Б) На возражение, что католики юридически воспринимают **сущность Церкви**, пространно отвечает вся настоящая книга. Поэтому мы здесь ограничимся лишь несколькими замечаниями по поводу наиболее распространённых формулировок этого обвинения.

а) «Церковь, говорят, есть союз любви, а не учреждение». «Церковь есть организм, а не организация». «Церковь есть единение в благодати, а не общество». «Церковь есть дух, а не авторитет», и т. п. В этом маленьком слове, состоящем из одной буквы „а“, кроется капитальное, опасное заблуждение возражающих, именно бесознательное частичное введение монофизитства в учение о Церкви.

1. О истинном христианстве, II, Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского, Москва, 1875, Синод. изд. третье, том III, стр. 99 и 100.

2. Там же, I, том II, стр. 67.

Эти избитые формулы безусловно неправославны. Недопустимо говорить: «Человек есть дух, а не тело»: конечно, он — дух, и это главное в человеке, но он же „и“ тело, без которого человек не способен духовно развиваться. По учению Ап. Павла, Церковь есть *одно тело и один дух* (Ефес. 4, 4). Церковь — одно „учреждение“ и один „союз любви“; одно без другого немислимо в религии Бого-человека.

б) «Католическая Церковь есть **государство**, ибо она есть иерархически организованное самостоятельное общество». Этот трафарет так же несостоятелен, как и следующее, основанное на той же логике утверждение: «Человек есть лошадь, ибо он — животное». Как человек есть животное, но в отличие от лошади одарённое разумом и волей, так и Церковь есть „совершенное общество“, в отличие от государства одарённое благодатной жизнью и единением верующих в любви Христовой. Приведённое возражение так же слабо, как и голословное утверждение материалистов, будто человек не имеет бессмертной души, ибо тело его сходно с телом обезьяны; ведь даже если человек и родня ей, то это нисколько не аргумент против бессмертия души человеческой, разумом одарённой.

в) «Католическая Церковь есть **прежде всего** правовое общество; она, **главным образом**, — крепкое внешнее строение; в ней канонический порядок — **важнее** духовно-благодатной жизни, и т. д.». Тут мы имеем дело со своего рода психической оптической иллюзией самих же критиков Церкви: находясь **вне** её, они, конечно, видят только и „прежде всего“ внешнюю её сторону, замечают только „порядок“ и „строение“. Тому, кто никогда не входил в христианский храм и не хотел даже смотреть на его купола, видны только внешние стены этого храма, холодные, мрачные, может быть мало чем отличающиеся от стен какого-либо театра, вокзала или даже тюрьмы; но для того, кто усердно молится в храме, внешние стены его как бы не существуют. В чистом католичестве никакого преобладания внешности над духовностью быть не может потому, что в нём принципиально „внешнее“ и „правовое“ принимается лишь постольку, поскольку оно служит, как подчинённое средство, процветанию духовно-благодатной жизни. Крепкий череп не важнее мышления, но он, ради здравого мышления, дан человеку Самим Творцом.

В) Противники католичества отмечают ещё третий вид „юридизма“, именно в католической **морали**. В жизни католиков, как они

говорят, всё сводится к бездушному соблюдению бесконечных правил, предписаний, канонов, распоряжений, одним словом — правовых норм. Любовь, свобода, вера, всё духовное будто бы задавлено этим законничеством. Это верно, что католические трактаты „нравственного богословия“ отзываются правовым духом, что они тесно связаны с каноническим правом. Но произошло это не от того, что „право“ будто бы вытеснило закон любви, а наоборот, скорее оттого, что „закон любви“ настолько расцвёл в католической церковной жизни, что для него понадобилась целая система богословских наук (аскетика, мистика, „духовные упражнения“, агиография), и нравственному богословию была предоставлена скромная роль заниматься самой низкой ступенью лестницы духовного совершенствования. Через эту ступень надо пройти, чтобы продвигаться вперёд по пути духовного восхождения; это необходимая точка отправления. Кто презирает „сухие“ законы морали, тот никогда не будет духовно зрелым.

В аскетике, особенно монастырской или семинарской, Церковь гораздо более требовательна, ибо предполагает у пасомых благодатное призвание и особую помощь свыше. Тут она продолжает дело великих древне-христианских, особенно восточных, составителей правил совершенства или монашеских уставов (свв. Пахомий, Василий Великий, Иоанн Лествичник, Венедикт, Феодор Студит и др.). Как и все они без исключения, она придаёт огромное значение соблюдению церковных законов, правил, уставов, потому что, по единодушному учению всех великих святых Востока и Запада, это соблюдение есть необходимое и верное **средство**, чтобы развить в себе духовное горение и благодатное участие в жизни Таинственного Тела Христова. Только на этой почве и произрастает смирение и здоровое, чистое, жертвенно любящее единение сердец во Христе. Без этого „юридизма“ мистическая любовь или не осуществляется вовсе или гниёт, как роза оторванная от своей шипами покрытой ветки, и заменяется глубоким нравственным падением. Конечно, соблюдение многочисленных общежительских правил может оказаться непосильным, несносным и „мертвящим юридизмом“ для человека привыкшего к своеволию, разнузданности и удовлетворению своих капризов, но виною этому не правила, которые предполагают **постепенное**, основательное христианское воспитание, а моральный пробел у того, кто убил в себе способность восходить к совершенству по ступеням евангельского послушания людям. Возможны и ошибки со стороны отдельных настоятелей и пастырей, но таких ошибок или злоупо-

треблений будет тем меньше, чем устойчивее каноническое право и чем добросовестнее, совершеннее послушание пастырей архипастырям.

Здравый юрицизм есть существенный постулат всякой религии, в особенности христианской, истинной. Религия подчиняет разумную тварь её Творцу и приближает её к Нему через соблюдение — свободное, радостное, любвеобильное — обязанностей, вытекающих, между прочим, из законов богоданной природы человека. Но ведь всякая религиозная обязанность безусловно предполагает **соответствующие** „права“ на всё то, что необходимо для её соблюдения. Эти „права“, эти внешние возможности достижения конечной цели существования, должны быть согласованы объединяющими нормами и предписаниями, иначе они будут только друг друга парализовать. Христианская религия без „юридизма“, по крайней мере экклесиологического и морального, есть абсурд, обманчивый мираж, „прелесть“, пагубная мечта незрелых богословов в области духовных чаяний. Христианская религия без правовой стороны противоречила бы также и догмату воплощения Христова, она перестала бы быть религией Богочеловека. Разница между Католическою Церковью и другими исповеданиями не в том, будто католичество „ушло в юрицизм“, а остальное христианство — нет; эта разница состоит в том, что в чистом католичестве имеется уместный юрицизм, требуемый богочеловеческими началами Нового Завета, подчинённый духу, **обузды-ваемый** иерархичностью, между тем как вне строго церковного католичества он очень часто болезненно **распущен**, загрязнён нецерковным законодательством или политикой, духовно бесплоден, нередко препятствует духовной жизни. В католичестве он скреплён и в то же время обуздан папским главенством: папа ставит конечную точку всем каноническим столкновениям, следит за тем, чтобы со стороны церковных поместных властей не было никакого „права“ посягательства на Божии законы. В некатолическом христианстве юрицизм выражается то в безнадежных и бесконечных спорах о правах разных церковных властей, не сплочённых в одну Христову иерархию, то в подчинении церковной жизни посторонним, нецерковным правовым нормам. Оттого, повидимому, некатолики так нападают на католический юрицизм, что судят о нём по плачевному опыту тех вероисповеданий, где каноническое право отошло от чисто церковных основ, и потому бесспорно слишком часто действует „мертвяще“ на духовную жизнь и „заслоняет“ Христа.

Не следует забывать, что „протест“ против единства Церкви произошёл не на почве духовно-благодатной, а как раз на почве юрицизма, он порождён мнимым правом на непослушание законным пастырям. И сколько бы иные богословы не старались уклониться от юрицизма, сколько бы они не утверждали, что „папизму“ они противопоставляют свободу, любовь или дух, они борются за мнимое **право** на независимость от подлинного церковного папства. Это впрочем косвенно признаёт один из наиболее озлоблённых пропагандистов славянофильского взгляда на Церковь, Ю. Колемин; он пишет: «Я имею несомненное право заблуждаться. И это самое право принадлежит всем нам».¹ Именно этот необузданный юрицизм восстаёт против папства как раз потому, что папство ставит ему **пределы**. Последователи Хомякова требуют апелляции от папских решений к «соборному сознанию церковного народа»; и как бы они не избегали слова „апелляция“, они в сущности стоят за право апелляции, или, что то же, стоят на почве юрицизма. Все, кто восстаёт против Церкви, считают себя «вправе» проповедывать своё учение.

В католичестве есть **один**, безусловно ограниченный, юрицизм, удерживаемый папством в точно определённых пределах. Вне подлинного католичества есть **много** юрицизмов, часто выступающих из своих берегов и делающих разрушительные наводнения на духовной ниве. Если бы отставшие от единства Церкви христиане не были так пропитаны гипер-юрицизмом, они не придерживались бы так упорно своего „права“ судить папу, делая себя этим как бы сверх-папами; они довольствовались бы стремлением установить, где находится высшая папская власть, где подлинное Христово всецерковное священноначалие; они не подчиняли бы догматическую истину своему, индивидуальному или коллективному, критерию или праву. Весь этот гипер-юрицизм часто проявляется у людей искренне желающих жить церковной жизнью Христовой. Но суть дела от этого не меняется: юрицизм существенно свойствен всякой религии, и кто отвергает богоданный юрицизм, подлинную каноничность Церкви, тот волея-неволей впадает в нецерковный, сепаратистский и разрушительный лже-юрицизм, тем более опасный, что он трудно осознаётся.

Что касается юрицизма морально-аскетического, в автокефальном православии замечается большая неустойчивость, отсутствие руководящего начала, переход от одной крайности в другую. За последнее

1. Римский духовный цезаризм, СПб, 1913, стр. 81.

столетие, под влиянием некоторых протестантских богословов, для многих православных главным двигателем морально-духовной жизни стало „нравственное чувство“, распылчатая религиозность, чуждающаяся всяких ясных определений и точных предписаний; настроение взяло верх над разумно-волевым исполнением церковного закона: не справляясь с „внешними“ нормами, живи „пафосом свободы“; тут всякий юридизм, и дурной и полезный, вырван с корнем. В древней же Руси, вплоть до XVIII в., мы наблюдаем диаметрально противоположное явление: жизнь верующих была буквально задавлена обрядоверием, обрядовым юридизмом, бесконечными мелочными предписаниями.

ПРИЛОЖЕНИЕ. В Учебном руководстве по Истории Русской Церкви проф. Знаменского (СПБ, 1904) мы, между прочим, читаем: «Нельзя не замечать в юном русском христианском обществе... преобладания обрядового направления» (стр. 54). «Обрядовое благочестие не могло много содействовать развитию нравственной жизни» (стр. 108). «При смешении существенного с несущественным обрядовый религиозный взгляд простирался и на обыкновенные житейские вещи и обычаи; всё своё, русское, казалось православным, всё чужое — еретическим и басурманским. Русские носили бороду, и борода стала существенно чертою православия, а брадобритие — латинской ересью. Стоглав определил над брадобритцем ни отпевания, ни сорокоуста не творить, ... с неверными да причтется» (стр. 147). «Даже те самые люди, которые всех резче обличали обрядовое благочестие, иногда были самыми типичными его представителями, напр., Грозный» (стр. 154). «Предписываемые здесь (в Домострое Сильвестра) добродетели вообще редко выходят из круга обрядового благочестия, заключаются преимущественно в одной внешней форме, которую всегда можно соблюсти, не стесняя своих противонаправленных инстинктов» (стр. 157). Не догматами, а именно этим обрядовым юридизмом питалось отрицательное отношение русского народа к католичеству. Почти все наши старые возражения и упрёки по адресу католичества носят определённо юридическо-обрядовый характер. В знаменитой Книге о вере единой истинной православной, видное место занимают следующие „ереси папезские“: католики постятся в субботу вместо среды; молебнов не знают; „крестятся пятию персты“; одеваются в „жидовские ризы“; „в костелех ногою кланяются“; „ядят ястребами пораженное“ и т. д. Мате-

риалы для истории древне-русской покаянной дисциплины, изданные проф. Смирновым (Москва, 1913), дают потрясающую картину того невероятного юридического гнёта, которым было задавлено византийское, а за ним и балкано-славянское и древне-русское благочестие. Казуистика в католичестве служит только для упражнения клириков в умении применять принципы морали; между тем византийско-древне-славянская казуистика была обычной непосредственной нормой повседневной жизни; это видно хотя бы из пресловутых Вопросаний Кирика. Жутко становится при чтении этих бесконечных, подчас просто смешных предписаний.

Именно из этого чудовищного болезненного юридизма, которым уже отличался главный творец Греческого раскола, патр. Михаил Керулларий (см. наш труд Единство Церкви и Византия, Рим, 1951; стр. 112-119), в значительной мере зародилась вся ненависть греков к католичеству, усугубляемая впоследствии крупными взаимными обидами. Этого духа узкого законничества, формализма и византинизма мы не видим ни у отцов Церкви, ни у подлинных православных русских подвижников благочестия, как не замечаем у них и религиозности, основанной на „моральном и религиозном чувстве“. Враждебность к папству христианского Востока никогда не вытекала из чистого Православия; она произошла из человеческих страстей греков и латинян, в особенности из стремления использовать отличительные черты восточного христианства для достижения посторонних себялюбивых целей.

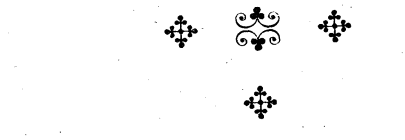
* * *

Для верной и справедливой оценки религий и культур, в особенности христианских, весьма важно всегда иметь в виду, что всё дурное и непохвальное в них сразу всякому бросается в глаза (мы не говорим здесь о каких-либо тайных обществах) и делает много шума, между тем как всё лучшее, подлинно духовное, скромно созревает в тайниках души, в недосыгаемых для посторонних подвигах людей смиренных, тихих, мало известных широким кругам; всё благодатное и благородное только медленно и незаметно приносит свои дивные плоды. Поэтому постороннему

поверхностному наблюдателю не раз казалось, что в России преобладают жестокость, суеверия, всякие узости, некультурность, „кнут“, „Сибирь“. Сколько талантливых западных писателей, мыслителей и журналистов стали жертвой этого заблуждения и интеллектуального самообмана! Но для того, кто **изнутри** познал русскую религиозную и культурную жизнь, жил ею и полюбил её истоки, ясно, что неприглядные явления древне-русского обрядового и нетерпимости к инакомыслящим бледнеют и становятся чем-то незначительным в сравнении с положительными достижениями и плодами подлинного русского благочестия, в котором они как бы утопают, в сравнении с подвижничеством „Северной Фиваиды“ и с русской культурой, которая ведь дала миру столько гениальных писателей, живописцев, композиторов, ваятелей и первоклассных учёных по всем наукам.

Подобным образом, и о католичестве, о святости Католической Церкви надо судить не по до крайности раздутым „общезвестным фактам“ и описаниям инквизиции или „убийственного юридикзма“, созданным злейшими врагами христианства — и подчас распространяемым христианами, даже католиками „по паспорту“, не знающими Церкви, — а по тому мало известному широким кругам неиссякаемому источнику духовных ценностей, каким является подлинная католическая святость, породившая всё лучшее в европейской цивилизации. Чтобы верно и добросовестно рассуждать о католичестве, надо хоть заглянуть в храм католического благочестия, познакомиться с жизнью и духовным горением воистину бесчисленных католических аскетов, мучеников, подвижников христианского сострадания, миссионеров, святых пастырей и мистиков, — а не смотреть только с улицы на замаранные и заплёванные холодные стены этого храма или верить тем, кто судит о католичестве только по предвзятости и наслышке.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

**ВЫСШИЕ ОРГАНЫ
ГЛАВЕНСТВА ХРИСТОВА**

*Глава первая***АПОСТОЛЬСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ЕПИСКОПСКОГО СЛУЖЕНИЯ**

Иерархия является настолько существенной во всей „икономии спасения“, что, говоря о свойствах и признаках Церкви, нам приходилось постоянно упоминать о ней. В настоящей главе мы попытаемся более точно установить происхождение и природу церковной пастырской власти.

Иисус Христос передал Свою власть учить, пасти и освящать верующих не всем Своим последователям, даже не всем Своим ученикам, а только нескольким, к тому Им призванным, именно апостолам.

В самом начале Своей проповеднической жизни, Христос *взошёл на гору, и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему. И поставил из них двенадцать, чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь... (Мк. 3, 13-14). Созвав же двенадцать..., послал их проповедывать царствие Божие (Лк. 9, 1-2)*. В то время как семьдесят учеников получили лишь временное поручение (Лк. 10), апостолы были предназначены для постоянного служения в царстве Божием на земле и потому неотлучно пребывали со Спасителем (см. напр., Лк. 8, 1). Оттого, в Св. Писании гораздо чаще говорится о „двенадцати“ (после предательства Иуды — об одиннадцати), чем о других учениках и последователях Христовых; даже тогда, когда речь идёт о всех учениках, апостолы упоминаются особо: женщины после воскресения Христова *возвестили всё это одиннадцати и всем прочим (Лк. 24, 9)*.

Апостолы не — избранные представители народа; их власть не происходит также от них самих. **Их сан и служение всеце-**

ло от Христа: *Не двенадцать ли вас избрал Я (Ио. 6, 70). Не вы Меня избрали, а Я вас избрал, и поставил вас... Я избрал вас от мира (Ио. 15, 16-19).* Посланничество апостолов вытекает из посланничества Христа; *Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир* (там же, 17, 18). Апостолы, т. е. „посланные”, посланы Самим Спасителем, а не массой верующих; они заимствуют свою власть от Него, а не от церковного народа; они — *апостолы Господа нашего Иисуса Христа (Иуд. 17).*

Тотчас же после Вознесения Христова, апостолы проявляют свою духовную власть, управляют Церковью, поучают верующих и наказывают виновных; все слушаются их, веруют согласно их вере, ибо все знают, что Дух Святой просвещает их и руководит ими (Деяния, главы 1-5), что Христос *повелел проповедывать* и дал сие поручение не всему народу, но *свидетелям предъизбранным от Бога (Деяния, 10, 41-42)*, т. е. тем же апостолам, которым Он велел быть Его *свидетелями даже до края земли (1, 8).* Апостолы принимают все свои решения и правят Церковью от имени Иисуса Христа или Духа Святого; оттого, еврейские власти велели им *не говорить об имени сем никому из людей (4, 17).* Отказывая в повиновении синагге, апостолы опять-таки ссылаются на свою обязанность повиноваться Христу, давшему им повеление руководить Церковью (4, 19). Они напоминают верующим, что Сам Господь учредил апостольскую и пастырскую власть (Ефес. 4).

Апостолам Иисус Христос обеспечил дар **безошибочности в вероучении.**

Христос послан Отцом для того, чтобы вести людей к истине (Ио. 18, 37), а Своё посланничество Спаситель передал апостолам. Он сообщил им благодатную власть учить верующих всем истинам Откровения. И как видно из Деяний Ап., апостолы считали своею главною обязанностью быть учащею Церковью для всего церковного народа. Это высшее и единственное в Церкви учительство предполагает дар безошибочности. В самом деле: а) *Кто не будет веровать (учению апостолов), осуждён будет (Мк. 16, 16);* но, обязывая всех людей верить апостолам, под страхом вечного осуждения, Христос не мог оставить апостолов без дара незаблуждаемости, ибо, в противном случае, вся ответственность за вечную гибель людей введённых в заблуждение падала бы на Него Самого. б) Учение апостолов есть учение Самого Христа, Кото-

рый ошибаться не может. *Кто принимает вас, принимает Меня; а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня* (Мф. 10, 40). *Слушающий вас Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается* (Лк. 10, 16). Учение Христово не „прейдет“, а учение это поручено апостолам. В Своём Таинственном Теле, Сам Христос учит посредством пастырей на то поставленных. в) Христос торжественно обещал пребывать с учащими апостолами: *идите учите... се Я с вами* (Мф. 28, 20); но это пребывание Христа с апостолами было бы бесцельным и бессмысленным, если бы, несмотря на него, апостолы все-таки могли вводить людей в заблуждение; „пребывать с кем-либо“ на еврейском языке значит „помогать“ ему.

Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины... Он в вас будет. Не оставлю вас сиротами... Дух Святой... научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам (Ио. 14, 16-26). Итак, безошибочность непрерывно сообщается апостолам Духом истины, Богом. Свидетельство апостолов есть свидетельство Духа Святого: *Дух истины... будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать* (Ио. 15, 26-27).

Сами апостолы сознавали, что им обеспечена незаблуждаемость в учении. Оттого, они отождествляли свою проповедь с „словом Божиим“. Исполненные Духа Святого, они *говорили слово Божие с дерзновением* (Деяния 4, 31). Приключение с Ананией и Сапфирой показывает, что обманывать апостолов то же, что обманывать Духа истины. Если бы апостолы самозванным образом приписывали себе дар безошибочности, они не могли бы совершать, и к тому же ещё именем Христовым, все те чудеса, о которых говорится в Деяниях.

Предание полно указаний на веру свв. отцов в безошибочность апостолов.

Кроме власти учить, Христос дал апостолам власть действительно **управлять** Церковью, т. е. власть издавать общеобязательные канонические постановления, судить и наказывать виновных. На богословском языке эту власть принято называть юрисдикцией.

Церковь есть независимое, совершенное общество, и потому она не может подлежать внецерковной юрисдикции; а так как совершенное общество без юрисдикции немислимо (необходимость юрисдикции во всяком человеческом обществе есть требование

божественного природного закона), то в Церкви должна быть своя собственная юрисдикция.

Христос передал апостолам Свою власть, за исключением, конечно, того, что по существу своему непередаваемо, например, власть создавать твари из ничего. Но Христос обладал полною юрисдикции, а эта последняя по природе своей не есть нечто непередаваемое от Бога к людям. Из этого следует заключить, что апостолам дана Христова юрисдикция для управления Церковью.

Кто не слушается пастырей Церкви, тот *да будет тебе как язычник и мытарь* (Мф. 18, 17), ибо им поручено не только учить, но и пасти верующих, налагая на них нравственные обязанности. *Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе* (там же, ст. 18). „Связывать” и „разрешать” обозначает на еврейском языке — налагать нравственные обязанности или освобождать от них. Власть связывать и разрешать дана двенадцати (ср. Мк. 9), а не всем ученикам; она распространяется на всё, что имеет отношение к спасению душ и благу всей Церкви и её частей; она не знает других пределов, кроме тех, которые установлены Самим Христом (*всё что Я повелел вам*); свою действенность она заимствует от власти Христовой: *отвергающий вас Меня отвергается* (Лк. 10, 16).

Законодательная власть апостолов была бы только призрачной, если бы она была лишена своего естественного дополнения — власти судить и наказывать виновных. Нигде в Евангелии нет указаний на подобное ослабление апостольской юрисдикции. Наоборот: церковная власть судит виновных, и не повинующиеся её решениям наказываются исключением из Церкви (*как язычник и мытарь*). Апостолы, именем Бога, судили и наказывали недостойных. Ап. Павел грозил коринфянам „жезлом”; блудника он *решил... силою Господа Нашего Иисуса Христа, предать сатане во измождение плоти* (1 Кор. 5, 5). Он же установил для Тимофея правила канонического судопроизводства: *Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трёх свидетелях* (1 Тимоф. 5, 19). Апостолы *готовы наказать всякое непослушание* (2 Кор. 10, 6). Господь санкционирует суд апостолов (Деяния 5).

Хотя учительская власть апостолов и их юрисдикция имеют своим назначением содействовать освящению верующих, однако апостолам был дан ещё третий вид духовной власти, именно

священство, цель которого — непосредственно сообщать людям **освящающую благодать**. Учение апостолов порождало в душах слушающих веру, их законодательно-судебная власть упражняла уверовавших в смирении, т. е. в основной добродетели, открывающей благодати доступ к душе; священство же прямо порождало и укрепляло сверхприродную жизнь новообращённых, особенно в таинстве Св. Евхаристии. Все три вида духовной власти святы и необходимы для спасения, ибо все три установлены Самим Главою Церкви.

О священстве и тесно с ним связанных других таинствах мы уже говорили во второй части настоящего труда. Здесь достаточно напомнить, что Христос обладал полнотою и совершенством священнической власти, что Он был *милостивым и верным первосвященником пред Богом, для умилоствления за грехи народа* (Евр. 2, 17); эту власть священства Иисус Христос сообщил „двенадцати“ вместе со „всякою властью“. Апостолам сказано — *научите, крестя... (Мф. 28, 19), сие (Евхаристию) творите в Моё воспоминание (Лк. 22, 19), кому простите грехи, тому простятся (Ио. 20, 23)* и т. д.

Итак, все виды власти Христовой были сосредоточены в духовной власти апостолов. Без апостолов нет на земле ни подлинного Христова учения, ни пастырства Христова, ни чистого источника благодати и жизни во Христе. Христианство без апостолов — или сознательный обман или беспросветное заблуждение.

Апостольское служение, столь существенное для всей „икономии спасения“, не могло целиком прекратиться со смертью апостолов; оно должно продолжаться, пока будет существовать сама Церковь.

По воле Христовой, апостолы избирали себе заместителей и преемников и сообщали им свою власть, полностью (епископство) или только отчасти (простое священство).

Христос хотел, чтобы Церковь Его была неизменной на всём протяжении своего существования (см. выше) и во всех своих существенных элементах; а так как постоянное апостольское служение учреждено Спасителем, как неотъемлемая составная часть Церкви, то из этого следует заключить, что, по воле Его, в Церкви всегда должны быть носители апостольской власти.

Передавая апостолам, объединяемым Петром, полноту пастырской и учительской власти, Иисус Христос сказал: *се Я с вами во*

все дни до скончания века (Мф. 28, 20). Апостолы не бессмертны; поэтому слова Христовы теряют свой смысл, если не допустить, что Христос имел в виду, не только апостолов, но и их преемников в апостольском служении. То же самое заключение вытекает из обещания, сделанного Господом апостолам, что Дух Святой *пребудет с вами вовек* (Ио. 14, 16).

Апостолы нисколько не сомневались в том, что на их обязанности лежит назначать себе преемников. Христос поставил в Церкви пастырей и учителей *к совершению святых...*, для *создания тела Христова* (Ефес. 4, 12); а святые будут „совершаться” и Тело Христово будет созидаться, доколе земная Церковь будет существовать; поэтому, Церковь никогда не будет лишена пастырей и учителей. На место Иуды Искарюта, апостолы *сопричислили к одиннадцати* Матфия, потому что это „надобно”, соответствует воле Господней (Деяния 1, 21-26).

Вся история первоначальной Церкви полна указаний на **созидание Тела Христова Духом Святым при посредстве апостольской иерархии** или её уполномоченных. Сотника Корнилия ангел посылает к Петру, чтобы он от Петра услышал слова, которыми спасёшься (Деяния 10, 6). Новообращённые самаряне *приняли Духа Святого* при посредстве Петра и Иоанна (Деяния 8, 17). Всё тою же властью, апостолы учредили диаконское служение (Деяния 6, 6). Савл и Варнава были призваны Духом Святым к особой миссии; но прежде чем приступить к её исполнению, они приняли возложение рук от представителей апостолов. Тимофей стал пастырем *с возложением рук священства* (1 Тимоф. 4, 14). Титу Апостол Павел поручил поставлять *по всем городам пресвитеров* (Тит. 1, 5). Поставленным от апостолов, *наставникам вашим повинуйтесь, и будьте покорны* (Евр. 13, 17). К заместителям апостолов относятся знаменательные слова Павла: *Внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога* (Деяния 20, 28), и слова Петра: *Пасите Божие стадо... охотно и богоугодно... Младшие, повинуйтесь пастырям* (1 Петр. 5, 2-5).

Подобно самим апостолам, их преемники получили тройную власть: учить, управлять и освящать таинствами. *Учи..., занимайся чтением, наставлением, учением... Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно... (1 Тимоф. 4, 11-16). Держись образца здорового учения... Старайся представить себя Богу достойным...*

верно преподающим слово истины... Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещай..., ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей (2 Тимоф.).

Из того, что епископы являются носителями тройной власти апостолов, не следует однако, что они во всём равны апостолам. Некоторые преимущества были даны апостолам, как необходимая, чрезвычайная и временная помощь для **основания** первых христианских общин, для **установления** незыблемых данных церковного домостроительства, для осуществления самого **перехода** от синагоги к Церкви. Эти исключительные и временные преимущества не перешли на последующих епископов: преемство от апостолов касается только тех апостольских служений, которые по природе своей и в виду определённых **постоянных** нужд Церкви должны существовать в ней до скончания века.

Так, апостолы были одарены личной безошибочностью в изложении Откровения; эта безошибочность не переходит на каждого епископа в отдельности взятого, а только на соборность законного, объединяемого Римом епископата и на самого его объединителя, Римского епископа, преемника Петрова, да и то лишь в очень ограниченных пределах. Апостолы были органами продолжающегося Откровения, они обогащали навсегда данную Церкви сокровищницу откровений; епископы же, не исключая папы Римского, даже в полноте всецерковной соборности, в отношении Откровения не властны ничего прибавить или убавить, они обязаны лишь толковать данное апостолам Откровение, проверять богословские выводы из истин Откровения и авторитетно определять, что то или иное положение имеет основание в Откровении, требуется им или ему не противоречит. Некоторые из апостолов были одарены харисмой вдохновения, в силу которой они составляли книги Нового Завета, как орудия главного автора Св. Писания, Святого Духа; эта власть опять-таки не дана ни папе, ни другим епископам, ни всей Церкви. Далее, в отношении власти управления каждый апостол мог повсюду основывать церкви и править ими, лично или через назначенных им епископов, ему подчинённых; при этом апостолы должны были, конечно, считаться с особым служением Петра как объединителя, хотя на деле едва ли доходило до необходимости применять это преимущество Петрово, так как, с одной стороны, апостолы были люди высокой

святости, точно исполнявшие заветы только что ушедшего от них Спасителя, а, с другой стороны, перед ними лежал весь мир, ещё не просветлённый Евангелием и им не трудно было избежать столкновений при „разделении труда”; редко представлялся случай прибегать к высшей инстанции, решающей споры. Другое дело епископы последующих времён; за редкими исключениями, они не были одарены особенными харисмами; с умножением поместных церквей положение осложнилось, и стали появляться поводы к разногласиям и столкновениям, принимающим подчас всецерковный характер и потому неразрешимым на поместных соборах; тогда служение верховного объединителя начало применяться на практике и постепенно переходить из области „полномочий” в область их **применения** на деле. Отдельные епископы не имеют права самолично устанавливать свою власть над другими епископами, они должны подчиняться в этом отношении указаниям объединителя или соборному голосу всего епископата. Только в отношении священнической власти совершать таинства, епископы вполне унаследовали соответствующую власть апостолов Христовых.

Есть большая разница между преемством папского служения, перешедшим от Апостола Петра, и преемством епископства от апостольства: папы — преемники одного определённого апостола, епископы же не являются преемниками тех или иных апостолов; весь епископат продолжает служение апостолов в их совокупности, „двоенадесятицы”.

Противниками изложенного здесь учения об апостольской преемственности, продолжающейся в Церкви, являются: в первую очередь сектанты, отвергающие всякое подлинное пастырство в Церкви; далее, все те, кто, как Гарнак, отрицает богоучреждённость апостольства; модернисты, по гипотезе которых епископская власть просто развилась из исторических причин; вообще все те, кто низводит пастырей церковных на уровень в сущности безвластных уполномоченных церковного народа.

Разграничение епископской власти от простой священнической („пресвитерской”) выступает в Св. Писании с гораздо меньшей выпуклостью, чем разграничение особенного служения Петра от призвания общего всем апостолам, в том числе и Петру. Но в древних памятниках церковного Предания имеются ясные указания на права и обязанности епископов. Все Отцы усматривали в епископстве продолжение служения апостолов.

Св. Климент Римский писал в своём знаменательном наставлении Коринфянам: «Апостолы установили епископов и диаконов... и затем распорядились, чтобы после их смерти апостольское служение восприняли другие испытанные мужи» (42, 1; 44, 1). У св. Ирины мы читаем: «Апостолы передали епископам все поместные церкви» (**Против ересей**, IV, 33, 8); «Апостолами установлены епископы и их преемники вплоть до нас» (там же, III, 3, 1). Киприан настаивал на том, чтобы епископы сохраняли единство, которое они имеют от Бога, как преемники апостолов (Письмо 45). Св. Иероним совсем определённо утверждает: «У нас место апостолов занимают епископы» (Письмо 41, к Маркелле). Особенно убедительны свидетельства св. Игнатия Богоносца: «Будьте совершенны и освящены единым послушанием епископу... Вы соединены с епископом вашим, как Церковь с Иисусом Христом и Христос с Отцом... Будем стараться не оказывать сопротивления епископу, чтобы быть подчинёнными Богу...».¹ «Кто живёт без епископа, тот не христианин, хотя бы и назывался христианином... Епископ начальствует, как заместитель Бога... Как Христос ничего не делал без Отца, так и вы ничего не делайте без епископа и пресвитеров».² «Будьте подчинены епископу, как Христу... Вы подчинены епископу, как Господней заповеди».³ «Все повинуйтесь епископу, как Христос Отцу... Подлинная Евхаристия совершается только епископом или тем, кто получил от него эту власть... Кто делает что-либо без ведома епископа, тот служит диаволу».⁴ Итак, без подчинения законным иерархам нет спасения.

Догматическое установление преемственности епископского служения от апостолов было дано Тридентским и Ватиканским соборами (Денцингер, 960 и 1828). Оно также ясно высказано в декрете „Ляментабилл“, коим были осуждены модернисты (Денцингер, 2050), и вошло в Свод Канонического Права (канон 329).

1. К Ефес., II 2, V 1, V 3.

2. К Магн., IV 1, VI 1, VII 1.

3. К Тралл., II 1, III 1, XIII 2.

4. К Смирн., VIII 1, IX 1.

Глава вторая

БОГОУСТАНОВЛЕННОСТЬ ЕПИСКОПСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Сам Господь наш Иисус Христос учредил епископское служение в его общих основных чертах.

Получив апостольство, ученики Иисуса Христа вместе с этим приняли на себя тройкую власть: учительства, священнодействия и управления Церкви. Такою полнотою власти апостолы действительно пользовались с сознанием, что они уполномочены на то от Иисуса Христа. Власть апостолов от Христа, а не от людей, она есть служение по божественному, а не по человеческому установлению.

«Церковь, пишет Малиновский, не могла изменить своей природы, явиться по смерти апостолов совсем иным учреждением, чем при апостолах, устроивших Церковь по повелениям Господа Иисуса и под руководством Духа Св. и, следовательно, не могла перестать быть состоящей из иерархии и паствы, без продолжения власти самого Иисуса Христа, вручённой Им апостолам. Только при этом условии Церковь могла продолжать, при содействии благодати, дело усвоения людям плодов искупления во всех концах земли. И Господь Иисус Христос,веряя апостолам власть учительства, священнослужения и управления, выразил при этом волю Свою, чтобы эта власть преемственно от апостолов продолжалась в Церкви до скончания века... *Аз с вами емь во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 19-20). Очевидно, слова эти не могут быть относимы только к апостолам, но предполагают и преемников их и содержат обетование содействия Божия не только апостолам, но и их преемникам... В прощальной беседе с пресвитерами ефесскими... Апостол говорил им: *внимайте*

себе и всему стаду, в нем же вас Дух Святой постави епископы, пасти Церковь... (Деян., 20, 28). Следовательно, власть пастырей и учителей, власть служения слову, совершение святых, управления и начальствования в Церкви введена не волею общества верующих, а тою же волею, которою и введена и власть апостолов, т. е. волею Иисуса Христа, введена навсегда... Ясно, таким образом, что пастырство или иерархия имеет свои благодатные полномочия от Бога..., а не от общества верующих... История удостоверяет, что апостолы свою власть и благодатную силу священнослужения действительно передали не обществу верующих, а особым, определённым лицам, и сделали так, без сомнения, по божественному повелению... В писаниях апостольских (Деяния, Тит., Тимоф.) даются твёрдые основания для убеждения в богоучреждённости чрез апостолов иерархии в Церкви, благодатные полномочия которой, воспринятые от апостолов, должны были при этом продолжаться после первого преемства от апостолов, а не оставаться лишь на первых апостольских преемниках или прекратиться с их смертью».¹

Богоучреждённость епископства обнаруживается в творениях уже первых отцов. Св. Климент Римский определённо связывает поставление епископов апостолами с тем, что «апостолы от Господа Иисуса Христа, Иисус Христос от Бога» (К Кор. 42, 44). По глубокому убеждению св. Игнатия Богоносца, епископы «поставлены изволением Иисуса Христа, по благоволению Своему Он утвердил их непоколебимо Святым Духом Своим» (Филад., привет). И ещё: «Всякого, кого посылает домовладыка для управления своим домом, нам должно принимать так же, как самого пославшего; поэтому ясно, что и на епископа должно смотреть, как на Самого Господа» (Ефес. 6). «Иерархия есть богоустановленный видимый орган посредничества между Богом и Христом с одной стороны, и верующими — с другой, через которое совершается Богом освящение человека».²

Догматическое подтверждение разбираемой нами истины со стороны самой Церкви было дано Тридентским и Ватиканским

1. Прот. Н. Малиновский, Православное догматическое богословие, т. III, Сергиев Посад, 1909, стр. 526-532. Мы привели здесь рассуждения этого выдающегося православного богослова, так как среди православных стали шириться протестантские взгляды на церковную власть: пастыри превратились в простых уполномоченных церковного народа. «Иерархия, пишет там же прот. Малиновский (стр. 525),... не есть орган церковного представительства, как учат протестанты, но учреждение божественное».

2. Прот. Малиновский, там же, стр. 536.

соборами в тех же заявлениях, которыми устанавливается учение о преемственности епископов. Папа Пий VI, осуждая лжеучение собора в Пистое, косвенно подтвердил положение о богоустановленности епископского служения (Денцингер, 1506-1508). Лев XIII в своей знаменательной энциклике *Satis Cognitum* категорически заявляет, что епископство — божественного установления (Денцингер, 1962).

Епископская власть — единолична, монархична. Это следует понимать так: в каждой епархии правит один епископ, а не группа или синод епископов. Постоянные синоды или советы духовных лиц могут принимать участие в этом управлении, но не на началах парламентаризма, а как подчинённые епископу учреждения. Кажущееся исключение встречается в том случае, если в одном и том же городе имеют свою „кафедру” 2-3 епископа различных обрядов; но это именно кажущееся исключение, на самом деле эти епископы правят каждый своё „стадо” верующих одного определённого обряда.

Заметим, что в первые десятилетия после Вознесения, при жизни апостолов, некоторые основанные ими церкви по всей вероятности управлялись собраниями „пресвитеров” (епископов или простых священников). Но это не была постоянная, апостолами установленная форма церковного правления, а скорее чрезвычайное временное ведение церковных дел в отсутствие настоящего епископа — самого апостола, основателя общины, занятого созиданием новых общин. „Пророки” того времени, о которых иногда упоминается в *Деяниях* и в посланиях Ап. Павла, были повидимому миссионеры-епископы, зависящие от апостолов.

Что епископское служение в управлении епархиями было **единоличным**, видно уже из большинства вышеприведённых свидетельств; в них говорится о значении епископов, а не синодов.

Из I века мы имеем свидетельство Апокалипсиса: *Ангелу Ефесской церкви напиши... Но имею против тебя то... И ангелу Смирнской церкви напиши...* (гл. 2). Семь ангелов семи церквей, о которых идёт речь, без сомнения — епископы этих церквей: если бы это были действительные бесплотные ангелы, призыв покаяться не имел бы никакого смысла; к тому же ангелам писем не пишут. Епископов семи церквей Сам Иисус Христос соделал *царями и священниками* (1, 6).

Ещё при жизни Ап. Павла Тимофей был главою Ефесской церкви, а Тит — Критской (I Тимоф. 1, 3 сл.; Тит. 1, 5).

Сами возражатели признают, что к концу II века повсюду существовало единоличное епископское церковное управление. Если до этого времени церковное управление было демократическим, республиканским, соборным в дурном смысле этого слова, то как же объяснить эту внезапную коренную перемену в „созидании Тела Христова”? Ведь тогда все строго держались Предания, как видно из множества свидетельств отцов, всякая ломка церковного домостроительства была недопустима. Если эта перемена действительно произошла, то как же история не отметила никаких следов неизбежных волнений, вроде тех, которые сопровождали установление дня Пасхи? Если же „монархический епископат” произошёл не путём революции, а путём эволюции, то как же он мог вылиться из демократической системы, чтобы быть её продолжением, раскрытием? Если он был новшеством, то почему столь выдающиеся церковные деятели, как Игнатий, Ириней, Климент и другие, не только не протестовали, но даже безусловно примкнули к нему? Теория „полной демократии первоначальной церкви” всё более и более распадается на множество друг другу противоречащих теорий.

Рассмотрим вкратце возражения противников.

1) Св. Игнатий Богоносец часто сравнивает епископа с Самим Господом нашим Иисусом Христом, а священников — с апостолами. Повидимому он считает преемниками апостолов не епископов, а священников.

Ответ. — Не следует забывать, что епископство есть полнота священства. Но главное то, что Богоносец имеет в виду не столько преемство, сколько **соотношение**: простые священники должны быть в подчинении у епископа, как апостолы были подчинены Христу.

2) Из Мф. 28, 19-20 следует, что апостолы должны иметь преемников и продолжателей, но вовсе не следует, что этими преемниками должны быть непременно епископы, а не пасторы, например.

Ответ. — Из этого текста следует, что во всех церквях должна соблюдаться иерархичность управления и полнота священства, ибо это необходимо для „соблюдения всего” и немислимо без епископства. К тому же, всегда надо иметь в виду толкование отцов Церкви,

которые, упоминая указанный текст, говорят именно об епископах.

3) Папа св. Иннокентий I (401-417) в письме 29 (к епископам Африки) утверждает, что епископское служение произошло от Петра. Значит, это служение учреждено апостолом, а не Самим Христом.

Ответ. — Как видно из связи речи, Римский первосвятитель говорит не об установлении епископского сана, а о благочинии и согласованности в пастырском служении множества епископов. Благодаря Петру-камню всемирное служение церковных иерархов стало действительным и плодотворным.

4) В первых христианских общинах церковными делами заведывали повидимому „собрания пресвитеров”.

Ответ. — Господь установил епископство, имея в виду уже вполне основанную Церковь, настолько развитую, что могли уже появиться настоящие епархии. Пока жили апостолы и основывали поместные церкви силою своих чрезвычайных полномочий, епископат только „назревал”, согласно установлению Христову. Было вполне естественно, что поместные церкви перешли в управление епископов только с уходом апостолов из этого мира. Ведь и диаконское служение фактически появилось не сразу, а только тогда, когда назрела потребность в нём. Впрочем, нельзя назвать ни одной первоначальной христианской общины, в отношении которой коллегиальное управление было бы исторически доказанным; такие коллегии пресвитеров, если они действительно существовали, находились под управлением или надзором апостола-основателя. Первая по времени поместная церковь, Иерусалимская, единолично управлялась апостолом Иаковом при подчинённом содействии пресвитеров, старейшин.

5) Климент Римский в послании к Коринфянам упоминает только их пресвитеров. Это значит, что по крайней мере в Коринфской церкви было демократическое управление.

Ответ. — Климент упоминает только пресвитеров потому, что он считал своим долгом устранить волнения в Коринфской церкви, направленные именно против пресвитеров. В своём послании он вовсе не говорит, что пресвитеры управляют или должны управлять епархией коллективно.

Нет никакого сомнения в том, что священническая, пастырская и учительская власть епископов — от Бога, источника всякой власти. Но есть ещё другие вопросы: Как Бог сообщает власть епископам, непосредственно или через видимую второпричину,

через подходящий орган, Им же установленный? Является ли этим органом единоличный носитель верховной власти, завершающий иерархическое строение Церкви, или — коллективное собрание равных? При наличии многих епископов, кто устанавливает область или „поле” применения власти каждого из них, так, чтобы не было столкновений, неразрешимых загадок, сомнений, пагубных споров? Какая общедоступная власть ясно указывает верующим и клиру, кто из хиротонисанных епископов законно правит той или иной епархией и кто потерял, отчасти или целиком, пастырские полномочия, вследствие заблуждения в вере, разрыва с церковью, непригодности к пастырству? Одним словом, находятся ли в Церкви архиерейские полномочия в незавершённом состоянии или же имеется в ней один верховный пастырь пастырей, Христом установленный для того, чтобы точно определять пределы юрисдикции каждого епископа?

Следует различать власть **священнодействовать** (совершать св. Литургию, рукополагать и т. д.; *potestas ordinis*) от **юрисдикции** (полномочия заведывать церковными делами, пасти верующих, налагать и снимать церковные кары, отпускать грехи в определённых конкретных условиях и т. д.; *potestas iurisdictionis*). Юрисдикция, в свою очередь, может быть: или актуальной, **наличной**, имеющейся налицо в данном месте и времени и сообщающей способность действительно осуществлять те должности священнического сана, которые, ради соблюдения богоустановленного благочиния, подлежат усмотрению и надзору верховной власти; или же **коренной**, ещё не наличной для конкретных действий, вследствие отсутствия **определённых** полномочий, благодаря которым она может применяться не самолично в ущерб всеединому церковному благочинию, а в соборном единении с единым пастырством Христовым.

Власть священнодействовать и коренная юрисдикция даются епископу при самой хиротонии, в силу полноты таинства священства. Вопрос лишь в том, кто и как сообщает епископу наличную юрисдикцию.

По учению Католической Церкви, всякий епископ получает от Римского папы наличную юрисдикцию для управления епархией и архиерейского служения. Это называется в каноническом праве — „кооптацией”, т. е. утверждением или допущением к использованию коренной юрисдикции, полученной при хиротонии. Это

утверждение не следует смешивать с избранием: утверждается на определённую епископскую кафедру кандидат, избранный местным клиром с большим или меньшим участием верующих, или представленный государственной властью, по предварительному соглашению гражданской власти с церковной, или же предназначенный самим Римским первосвященителем.

Утверждение, коим сообщается епископу наличная юрисдикция, может быть **непосредственным**, прямо исходящим от Апостольского Престола, или **посредственным**, сообщаемым, например, патриархом или митрополитом, согласно правилам и началам прямо или косвенно одобренным папою или его представителями. При известном стечении обстоятельств (гонения, трудности сообщения и др.), для действительности утверждения достаточно, чтобы кандидат был принят в братское соборное общение епископами данной страны, находящимися в единении с Апостольским Престолом. Вообще папа сообщает юрисдикцию не только положительными актами своей верховной власти, но иногда даже одним молчаливым согласием.

Утверждение Римским первосвященителем требуется не только для **позволительности** (*licetitas*), но и для самой **действительности** (*validitas*) епископской актуальной юрисдикции.

Указанная здесь зависимость епископов от папы обосновывается теми же богословскими соображениями, что и власть папы в Церкви вообще. Раз папа — видимый домовладыка Церкви, то ясно и вполне естественно, что без его согласия архипастыри Церкви не могут вступать в исполнение обязанностей своего служения. Ибо во всяком благоустроенном обществе начальствующие должны быть приняты в правление верховным начальством всего общества. Это нисколько не противоречит тому факту, что епископы имеют коренную юрисдикцию от Бога; это одно из применений великого принципа христианской эkkлесиологии — принципа богочеловечества: всё в Церкви богочеловечно, а потому и реальное осуществление епископской власти должно исходить от Бога и от человека. От того, что епископы, чтобы пасти верующих своей епархии не в пустую, а силою Христовою, кроме коренной юрисдикции, должны иметь еще и наличную, — власть Божия не умаляется и не „подчиняется” человеческой; наоборот: папа есть только орудие, исполнительный **орган** всеобъединяющей и все-спасающей власти Бога; таким образом, в данном случае имеется

применение **по всем ступеням иерархичности** начала безусловного подчинения человека Богу, иерарха — Христу. Приходский священник в таинстве рукоположения получает коренную юрисдикцию для отпущения грехов кающимся; но чтобы действительно отпускать грехи, он должен тоже иметь наличную юрисдикцию от своего епископа; этим, конечно, также не умаляется власть Бога, а выявляется мудрость всеобъединяющего верховного папства Христова.

Необходима зависимость всех служений в Церкви и всех их носителей от одного верховного начальства, распределяющего священные служения, точно определяющего — кто, где, сколько времени и в каких пределах должен исполнять своё служение, и сообщающего соответствующие полномочия. Благодатным внушением это конкретное распределение обязанностей и полномочий не даётся; даже в хиротонии Святой Дух не открывает новому епископу, в какой епархии он должен править, где и в каких условиях единения обеспечена благодатная действительность его архипастырства. В Церкви должна быть одна постоянная общая верховная власть, **через которую** Христос-Глава делает все частные коренные юрисдикции наличными, вводит их в соборное единство Своей всецерковной власти, органически применяет их в Своем богочеловеческом Таинственном Телѣ. А такой верховной служебной властью, как увидим в следующих главах, может быть только Римский Апостольский Престол.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Вот прекрасная страница из творений одного из великих столпов древнего православия, св. Григория Богослова; мы заимствуем её из знаменитого *Слова о соблюдении доброго порядка*, по переводу одобренному Московской Духовной Академией.¹

«Порядок устроил вселенную, порядок держит и земное и небесное, порядок у существ умпредставляемых, порядок в вещах чувственных, порядок и у ангелов, порядок в звёздах, в их движении, величине, взаимном отношении и светлости... Порядок в частях года и временах, которые чинно наступают и проходят, и своими промежутками умягчают свою крутость... Порядок — в стихиях, из которых тела, порядок обвёл небо, распростёр воздух, подложил или

1. Творения иже во святых Отца нашего Григория Богослова, Часть третья, Москва, 1844, стр. 140 и след.

наложил землю, разливал и собрал во едино влажное естество, пустил ветры, но не дал им совершенной свободы, связал в облаках воду... И как, под владычеством порядка, во всём устройство и неизменная красота; так беспорядок и неустройство дали начало в воздухе бурям, в земле потрясениям, на море кораблекрушениям, в городах и домах раздорам, в телах болезням, в душе грехам. Всё это — наименования не порядка или мира, но смятения и беспорядка... Порядок узаконил и всем животным образ рождения, пищу и свойственное каждому место пребывания; никто не видал, чтобы дельфин рассекал бразды, чтобы вол нырял в воде, чтобы солнце убавлялось или возрастало ночью, а луна светила днём... Присовокуплю, что ещё важнее и ближе к нам: порядок из смещения неразумного с разумным составил человека — животное разумное, таинственно и неизъяснимо связал персть с умом, и ум с духом. И чтобы показать ещё более чудес в своём творении, одно и то же и сохраняет и разрушает; одно вводит, другое похищает, как в речном потоке, и смертному доставляет бессмертие посредством разрушения. Порядок отличил нас от бессловесных, соорудил города, дал законы, почтил добродетель, наказал порок, изобрёл искусства, сочетал супружества, любовь к детям облагородил жизнь и насадил в человеке нечто большее низкой и плотской любви — любовь к Богу. И нужно ли говорить подробно? Порядок есть мать и ограждение существующего... Но к чему говорил я обо всём этом, и к чему давно поспешало моё слово? Порядок и в церквах распределил, чтоб одни были пасомые, а другие пастыри, одни начальствовали, а другие были подначальными; кто составлял как бы главу, кто — ноги, кто — руки, кто — глаз, кто — иной из членов тела, для устройства и пользы целого, как низших, так и высших. И в телах члены не отделены друг от друга, но целое тело есть одно из различных частей сложенное... То же и у нас — в общем теле Христовом. Ибо все едино тело есмы о Христе; а по единому Христу и друг другу уди (Рим. 12, 5). Один начальствует и председательствует, а другой водится и управляется; оба действуют неодинаково, если только начальствовать и быть подначальным — не одно и то же, но оба делаются едино во едином Христе, составляемые и слагаемые тем же Духом... Будем, братия, уважать и соблюдать сей порядок... Учащийся да учится в повиновении; подающий да подаёт с добрым изволением; служащий да служит с усердием. Не все будем языком, всегда готовым, не все пророками, не все апостолами, не все толкователями... Для чего

представляешь из себя пастыря, когда ты овца? Для чего делаешься головою, когда ты — нога? Для чего берёшься предводительствовать войском, когда поставлен в ряду воинов?... Примечаешь ли, что из Христовых учеников, которые все были высоки и достойны избрания, один именуется камнем, и ему поверяются основания Церкви, другой больше других любим, и возлежит на персях Иисуса, прочие же не оскорбляются таким предпочтением?»

Вот другое наставление св. Григория Богослова: «Овцы не пасите пастырей, и не выступайте из своих пределов; для вас довольно, если вы на доброй пажити. Не судите судей, не предписывайте законов законодателям. *Несть бо нестроения и беспорядка Бог, но мира и порядка* (1 Кор. 14, 33)... Кому можно без опасности следовать за другим, тот не желай начальствовать с опасностью для себя. Да не нарушается закон подчинения, которым держится и земное и небесное, чтобы чрез многоначалие не дойти до безначалия».¹

---

1. Слово 19, Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, изд. Московской Дух. Академии, ч. II, 1843, стр. 154.

Глава третья

ГЛАВЕНСТВО АПОСТОЛА ПЕТРА

И СВ. ПИСАНИЕ

«Мы все братья, и один у нас Наставник (Христос); но и между братьями надобно, чтобы один давал приказания, а другие слушались». Так говорил некогда св. Иоанн Златоуст.¹ В этих немногих словах, знаменитый столп православия выразил два основных начала христианского совершенства и истинного церковного „созидания тела Христова” — братскую любовь и послушание.

Апостолы были почти во всём равны между собою и братья. Но на одного из них, Петра, кроме апостольства, было возложено Спасителем особое постоянное служение — объединять апостолов в одну иерархию, ограждать пастьырскую соборность от раздоров, возглавлять правящую, учащую и освящающую Церковь.

Как апостольское служение вообще, так и особое служение Петра было установлено Иисусом Христом лишь постепенно.

При самом избрании „двенадцати” Спаситель дал Симону, и только ему одному, особое личное название: *Поставил Симона, нарекиши ему имя: Пётр, Иакова...* (Мк. 3, 16). *Иисус же... сказал: ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит камень* (Ио. 1, 42). У евреев, и вообще у восточных народов, перемена личного имени всегда обозначала какое-либо важное, исключительное назначение; так, Иакова Господь назвал Израилем, как родоначальника избранного народа. Арамейское слово „кифа” —

1. Беседа III на Деяния Апостолов. Изд. СПб правосл. Духовной Академии 1856, ч. I, стр. 71.

по-гречески „петрос“, „петра“ — обозначает камень, скала, утёс; как собственное имя, „Кифа“ тогда не употреблялось. Это переименование следует, поэтому, рассматривать как предназначение Петра к особому существенному служению в грядущей Церкви: все слова и действия Спасителя относились к установлению царства Божьего на земле, т. е. Церкви.

Когда в Евангелии перечисляются апостолы, Пётр почти всегда упоминается первым (напр., Лк. 6, 14; Мф. 10, 2; Лк. 8, 51; Мк. 9, 2). Весьма знаменательно, что в Новом Завете собрание апостолов или группа наиболее выдающихся из них часто определяется формулой — *Пётр и бывшие с ним* (напр., Лука 9, 32) или же *Пётр с одиннадцатью* (Деяния, 2, 14 и проч.). Не лишено значения и то обстоятельство, что в Капернауме Пётр платил подать за себя и за Спасителя. Петра Христос с **исключительной заботливостью обучает, исправляет и поддерживает** (напр., Мф. 14, 29; 16, 23; Лк. 5, 10; Мк. 14, 37 и т. д.). Пётр очень часто говорит от имени всех, и Христос через него отвечает всем. Очень показательно то, что Воскресший *явился Кифе, потом двенадцати* (1 Кор. 15, 5). Все эти многочисленные данные, в отдельности, конечно, ещё не доказывают главенства Петра, но, **вместе взятые**, служат весьма веским указанием на волю Спасителя, чтобы Пётр впоследствии занял среди апостолов место первенствующего.

Это первенство не есть первенство призвания, ибо Андрей был *первозванным* (Ио. 1); ни первенство возраста, ибо Евангелию совсем чуждо распределение апостолов по возрасту; ни первенство предпочтения, ибо Христос любил Иоанна больше, чем других; ни первенство чести, ибо вряд ли можно себе представить что-либо более претящее духу Христову, чем воздавание человеку почестей, не основанных на каком-нибудь действительном служении; такое пустое, чисто мирское, оказывание чести было строго осуждено Спасителем (Мк. 10, 35-45).

Незадолго до своей крестной смерти, Иисус Христос торжественными словами обещал Петру поставить его объединителем вселенской Церкви. Это явствует из внимательного разбора знаменитого текста Мф. 16, 13-19. Вот он: *Пришедши же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или*

за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Пётр, отвечая, сказал: Ты—Христос, Сын Бога Живого. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, суший на небесах. И Я говорю тебе: ты — Пётр (камень), и на сём камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её. И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах. Обещание это относится к одному только Петру. В самом деле: а) Евангелист подчёркивает резкий переход от обращения „вы” (15) к обращению „ты, тебе” (17), „ты” (18), „тебе” (19). б) Христос называет Петра по имени и „отчеству” — Симон, сын Ионин; этим Он ещё более „выделяет” Петра среди остальных апостолов. в) „Ты еси Кифа” явно относится к ранее совершённом Спасителем переименованию одного Симона в Кифу. г) Употребление указательного местоимения „сей” (на сём камне) тоже подтверждает противоположение Петра прочим апостолам.

Если принять во внимание притчу Господню о благоразумном муже, который *построил дом свой на камне*, и безрассудном человеке, который *построил дом свой на песке* (Мф. 7, 24–26), то следует прийти к заключению, что *на сём камне* обозначает не камни, из которых Церковь построена (1 Петр. 2, 5), или на которых, как на искусственном основании, фундаменте, она воздвигнута (Ефес. 2, 20), а утёс, на котором зиждется всё здание Церкви. Пётр есть то **орудие**, благодаря которому всё здание Церкви не распадается, он принцип единства и неизменности Церкви. Христос связывает понятие „Пётр” с понятием „Церковь Моя”: Церковь, построенная на Петре и охраняемая им в вероучении, есть единая истинная Церковь Христова, в отличие от каких бы то ни было других церквей. Отсюда известное изречение св. Амвросия: «Где Пётр, там Церковь».¹ Без служения Петрова, нет Церкви. Но если устойчивость Церкви поставлена в зависимость от Петра, то ясно, что Пётр предназначен быть видимым главою Церкви.

И врата ада не преодолеют её. Союз „и” указывает на тесную связь между частями одного и того же обещания. Против Церкви,

1. Толк. на пс. 40.

возглавляемой Петром, врата ада обрушатся **с особенной ненавистью**. Но именно этой Церкви, а не какой-либо другой, обещана помощь Божьего всемогущества. Незыблемость Церкви исходит, конечно, только от Бога; но волею Христовой она сообщается Церкви через архипастырское служение Петрово.

И дам тебе ключи царства небесного. Метафора ключей, как видно между прочим из Апокал. 3, 7, обозначает **высшую** и безапелляционную власть во всяком обществе, в данном случае — в Царстве Божием, гонимом вратами ада, т. е. в земной Церкви. Власть ключей универсальна: она касается всех чад и пастырей Церкви и всего, что имеет отношение к вечному спасению; Христос не упоминает ни о каких ограничениях. Столь великая и всеобъемлющая власть есть власть Самого Главы Церкви, Христа, и не может опираться на личные свойства Петра: Пётр — **только второпричина**, видимое орудие и человеческое выражение невидимого и всемогущего главенства Иисуса Христа в установленной Им единой и вселенской церковной иерархии.

И что свяжешь на земле, то будет связано на небесах... Высшая архипастырская власть обещана сначала одному Петру, а затем и сонму апостолов (Мф. 18). Она сообщается апостолам Христом-Главою, но не каждому в отдельности во **всей** её полноте, как Петру, и не собору апостолов без Петра, а **апостолам объединяемым Петром**. Нельзя говорить о равенстве апостолов **во всех отношениях**: равны в высшей архипастырской власти только Пётр, никому, кроме Христа, не подчинённый, и собор апостолов, поскольку он единомыслен с Петром. Всякое другое толкование отношения между текстами Мф. 16, 19 и Мф. 18, 18, неизбежно ведёт к заключению, что Христос противоречит Себе Самому. Заметим тоже, что в 18 ст. главы 18 Евангелия от Матфея (*что вы свяжете на земле...*) ничего не упоминается об „утёсе”: один только Пётр есть скала, на которой построена Церковь; только он один имеет полноту власти ключей, другим эта власть даётся лишь в зависимости от него.

Обещание Своё, данное Петру, Иисус Христос исполнил только после Своего Воскресения.

Между учениками Христовыми был спор о том, *кто из них должен почитаться большим* (Лк. 22, 24). Если бы, по воле Христа, между апостолами не должно было быть одного „старшего”. Он не преминул бы сказать это по случаю упомянутого спора. Но

Христос не только не стал отрицать того, что между апостолами должен быть один „большой”, но даже сравнил „большого” с Самим Собою (ст. 27) и указал на основную добродетель начальствующего — править другими с кротостью, смирением и любовью, как Сам Спаситель, а не как „цари и владеющие”, которые проявляют деспотизм, гордость и честолюбие: чем возвышеннее, чем божественнее какая-либо власть на земле, тем отчётливее должно отражаться на ней отличительное свойство Того, Кому дана всякая власть, именно смирение. Напомнив апостолам эту великую истину, Спаситель, обращаясь сначала ко всем апостолам вместе, сказал им: *сядете на престолах, судить двенадцать колен Израилевых* (там же, ст. 30); затем, обращаясь уже к одному только Петру, Он вдохновенно добавил: *Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу. Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих* (ст. 31, 32). Опять, как в известном тексте Матфея, то же настойчивое противопоставление Петра (Симон, ты, тебе, твоя, твоих) прочим апостолам (вы, вас). Как и там, Христос указывает на избранный им способ укрепить Церковь и сделать её непобедимой в борьбе с вратами ада, с сатаной, который будет *сеять* (апостолов) *как пшеницу*; способ этот — обеспечить одному, „начальствующему”, исключительную непоколебимость, на которую, как на скалу, остальные могли бы опираться. Христос молился о всех апостолах (Ио. 17, 20), но, кроме того, Он вознёс **особую** молитву к Отцу: Спаситель молился о Петре, чтобы его вера никогда не оскудела, и чтобы он мог, как безошибочный учитель, утверждать в вере братьев своих.

Отметим **безусловный** характер поручения данного Спасителем Петру; как и в тексте Матфея, — полное отсутствие ограничений: везде и всегда будь блюстителем чистой веры в словах и поступках всех братьев твоих; вероучительская власть Петра простирается так далеко, как сама опасность диавольских наущений против веры, т. е. на всё время существования земной Церкви Христовой. Поручение, данное Симону, охранять веру братьев вступило в силу после „обращения” Петра и с тех пор непрерывно осуществляется в Церкви; впрочем, слово „обратившись”, кроме смысла „очистив совесть”, может быть понимаемо и в смысле „обратившись к братьям...”; первое толкование, однако, более правильно, ибо тогда выступает наружу источник вероучительской

власти Петра — Божие всемогущество (а не личные добродетели Петра).

Предположение, что молитва Христа о Петре могла остаться не услышанной Отцом, противоречит всему тому, что Христос сказал о действенности совершенной, святой молитвы (напр., Ио. 14, 13; 15, 16 и т. д.).

После Своего Воскресения, Христос сначала *явился Кифе, потом двенадцати* (1 Кор. 15, 5). Для всех было ясно, что такое исключительное отношение Спасителя к Петру находится в тесной связи с исключительным служением Кифы. Но Христос перед Своим Вознесением хотел окончательно определить и установить Петрово служение в Святой Церкви. Об этом свидетельствует Ап. Иоанн, в последней главе своего Евангелия: *Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Пётр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси агнцев Моих. Ещё говорит ему в другой раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Пётр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Говорит ему в третий раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Пётр опечалился, что в третий раз спросил его: любишь ли Меня? и сказал ему: Господи! Ты всё знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих.* (Ио. 21, 15-17).

Пророки, в особенности Михей, Иеремия и Исаия, предсказали, что грядущее царство Божие на земле будет подобно единому стаду с единым Пастырем, Мессией, во главе. Прообразом Христа был Давид. Приведённый текст Иоанна описывает установление Петра **видимым выражением** вечного папства Христова в „малом стаде“ апостолов и во всём стаде, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа (Деяния 20, 28).

Глава 10 Евангелия от Иоанна заключает притчу, из которой видно, как Христос понимал Своё папство. *Овцы слушаются голоса его..., и он выводит их; без послушания немислимо стадо Христово. Я дверь овцам..., кто войдёт Мною, тот спасётся; без Христа нет спасения: все лжепастыри суть воры и разбойники. Я есмь пастырь добрый; пастырь добрый полагает жизнь свою за овец: Христово папство есть не что иное, как подвиг самоотверженного служения; в христианстве, власть имеющий должен*

быть как служащий. *Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора; и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь;* без органического единства стада и единства пастырской власти — нет Церкви Христовой. Самоотверженная любовь, чистосердечное послушание и безусловное всестороннее единство через повиновение одному — в этом суть пастырства Христова. Христос поставил Петра избранным орудием именно этого **Своего** верховного пастырства, орудием и единственным центральным органом, а не только символом.

В тексте из 21 главы благовествования от Иоанна, поручение даётся Петру и ему одному. Как и в тексте Матфея, Христос противопоставляет Петра остальным апостолам: ты, Симон, сын Ионин; *любишь ли ты Меня больше, нежели они,* т. е. нежели остальные апостолы. Последующие стихи также касаются одного Петра, а не всех апостолов.

Петру поручается верховное вселенское пастырство над всем стадом Христовым, пастырями и пасомыми. Обычная, равная для всех, апостольская власть была дана Петру и другим апостолам ещё до этого: *...Я посылаю вас... Примите Духа Святого...* (Ио. 20, 21-22). Петру Христос поручил не одно из Своих стад, а просто Своё стадо, ибо у Христа только **одно стадо**. Пётр поставляется пастырем не только агнцев, но и овец; и притом всех овец, к которым применимо определение „Мои”, т. е. всех крещёных, священнослужителей и мирян.

Глава четвёртая

ВОЗРАЖЕНИЯ ИЗ СВ. ПИСАНИЯ

ПРОТИВ ГЛАВЕНСТВА ПЕТРА

1) Христос дал особое название не только Симону, но и сыновьям Зеведеевым: Он нарѣк их Воанергес (Мк. 3, 17).

Ответ. — „Воанергес“, или „сыны громы“, не есть **личное** название, как „Кифа“, а относится к обоим апостолам (Иакову и Иоанну) вместе. Симону дано название Кифа, Скала, потому что на нём, как на скале, построена Церковь; Иаков же и Иоанн названы „сынами грома“, потому что пожелали истребления самарян молнией и громом (Лк. 9, 54). „Пётр“ обозначает особое постоянное служение. „воанергес“ — мимолётный упрѣк. В Новом Завете апостол Симон называется часто „скалой“, между тем как о переименовании сыновей Зеведеевых в Воанергес упоминается лишь вскользь, всего один раз, у Марка 3, 17. Св. Григорий Нисский пишет про Симона: «... с изменением имени претворяется Господом в нечто божественнейшее, вместо Симона наименован и соделан Петром» (Творения, Москва, 1862, III, 374). У св. Льва Великого мы читаем: «Христос благоволил, чтобы он назывался подобно Ему Самому (камнем), дабы построение вечного храма, по чудесному дару благодати Божией, утверждалось на **непоколебимости** Петра, и чтобы ни безумие людей, ни врата ада ничего не могли против него» (Минь лат., 54, 629). На утрени 16 января читается: «нарек тебя блаженным и, наименованием указав на **сущность**, назвал тебя Петром...» (Изд. Афинское, II, 525). В славянской Минее русского синодального издания (16 янв.) мы читаем: «Днесь нам основание Церкви Петр камень веры предлагает честныя своя вериги...» «Из глубины прелести ловя Петре человеки, яко рыбы привел еси тебе избравшему от рыбаей, истинно в верховного всех учеников» (Заметьте это „истинно“: значит не только по стар-

шинству, приматом чести). «...Яко апостолов верховный, яко догматов основание неподвижно...» «Яко верховного мудрых апостолов, и яко ключаря небесного царствия восхваляем верою тя апостоле...».

2) При перечислении апостолов, Пётр не всегда упоминается на первом месте, именно в Гал. 2, 9 Ки́фа упомянут на втором месте, после Иакова.

Ответ. — Ап. Павел настаивает на том, что ему «подали руку общения» даже наиболее **привязанные к еврейским обрядам** ученики Христовы, а в этом отношении Паков превзошёл других апостолов. Впрочем из одного только факта обычного упоминания Петра на первом месте мы не делаем каких-либо заключений относительно его главенства; веско лишь отмеченное нами **совпадение многих данных** в пользу исключительного положения занимаемого Петром.

3) *Апостолы, услышав, что самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна* (Деяния 8, 14). Значит, Пётр подчинён апостолам.

Ответ. — Во-первых, собранием, „пославшим“ Петра и Иоанна к самарянам, руководил сам Пётр. Во-вторых, „посылать“ кого-либо можно не только приказывая ему пойти, но и прося его об этом; так, больной сын может „послать“ свою мать за лекарством, при чём нет никакой необходимости, чтобы мать была подчинена сыну. В-третьих, „самарянский вопрос“ был в то время настолько щекотлив, что личное вмешательство главы апостолов было всеми сочтено крайне желательным. Иоанн был тогда обычным спутником Петра. Итак, если указанный текст что-либо доказывает, то только в пользу исключительно выдающегося положения Петра среди апостолов.

4) Ап. Павел в своих посланиях упоминает о Петре только один раз, и то для того, чтобы сказать, что он „лично противостал“ Петру (Галат. 2, 11).

Ответ. — Ап. Павел в 1 Кор. 1, 12 жалуется на то, что «у вас говорят: я Павлов, я Аполлосов, я Кифин, а я Христов»; если бы Павел не признавал Петра, он не упоминал бы о нём, и притом непосредственно перед упоминанием о Христе, тем более что Ки́фа никогда (разве только впоследствии) не бывал в Коринфе. В главе 9 того же послания мы читаем: *прочие апостолы, и братья Господни, и Ки́фа* (ст. 5): о Ки́фе Павел упоминает **отдельно**, не причисляя его к „прочим“. Тот же Ап. Павел считает нужным подчеркнуть, что после Своего Воскресения Христос сначала *явился Ки́фе, потом*

двенадцати, потом... пятистам (там же, 15, 5-6). В послании к Галатам, Павел писал: *Спустя три года ходил я в Иерусалим видеться с Петром, и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня* (1, 18-19). Никакие семейные или личные симпатии не связывали Павла с Петром. Если бы Павел не признавал главенства Петра, то чем же объяснить это стремление Павла получить указания относительно своей апостольской деятельности от Петра, а не от собора апостолов? Но, говорят, Павел „лично противостоял“ Петру. В чём же дело? В Антиохии, между христианами из иудеев и христианами из язычников были нелады. *Когда же Пётр пришёл в Антиохию...*, он стал *таиться и устранился* сторонников коренного разрыва с еврейскими обрядовыми преданиями. Его примером были увлечены *прочие иудеи...*, даже *Варнава* (Гал. 2, 13): так велик был авторитет Петра. Тогда Павел обратился к нему с упреками; при этом весьма показательно то, что он „апеллирует“ не к собору апостолов, а к постановлению **самого Петра** (Деяния 15, 10). Павел не видел возможности восстановить пошатнувшееся было церковное единство иначе, как через принятие всеми постановления, исходящего от Петра. Таково толкование св. Иоанна Златоуста¹ и многих других отцов. Другой столп православия, св. Григорий Двоеслов, писал по поводу разбираемого нами текста: «Пётр благодушно выслушал обличение Ап. Павла; а Давид смиренно внимал упрекам своего подданного; ибо добрые **начальники**, чуждые самолюбия, помнят долг смирения и не считают обидным для себя свободное и правдивое слово даже **подчинённых**».² Св. Ефрем Сирин, перефразируя слова Ап. Павла, пишет: «Когда приходил Кифа в Антиохию, сам глава апостолов и основание Церкви, я осмелился (тогда) обличать его, — не потому, чтобы сам он заслуживал обличения, — но потому, что подвергался обвинению от обрезанных, ходивших с ним».³ Итак, для этих великих учителей древней Церкви Ап. Пётр „начальник“ или „глава“ апостолов даже тогда, когда они толкуют тексты Св. Писания на первый взгляд неблагоприятные для главенства Петрова. Некоторые отцы преувеличивают: в своём желании защитить верховную власть Петра, они

1. Толк. на посл. к Галатам. Творения, изд СПб Дух. Акад., т. X, стр. 763-767.

2. О Пастыреком Служении, в «Христ. Чтении», 1847, ч. I, стр. 206.

3. Творения св. Ефрема Сирина, часть VII, На Послание к Галатам, Издание Московской Духовной Академии, Сергиев Посад, 1913, стр. 161.

высказывают предположение, что сам Пётр велел Павлу всенародно упрекнуть его.

5) *Никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос* (1 Кор. 3, 11). Итак, Пётр не есть основание Церкви.

Ответ. — Из контекста видно, что Ап. Павел касается здесь не основания Церкви, а начала благодатной жизни верующего; для достижения спасения во Христе, вера во Христа необходима, и ничто не может её заменить. „Соработники у Бога” должны **проповедывать только Христа**, Его учение и Его заповеди, в том числе заповедь повиновения Христовой иерархии, возглавляемой Петром. Впрочем, из того, что Христос есть единственное основание Церкви — и это для нас неоспоримо — ничуть не вытекает, что Он не властен сделать слабovolьного и немощного человека видимым выразителем Своей верховной власти.

6) *Вы... утверждены на основании Апостолов и пророков* (Ефес. 2, 20). Итак, Церковь основана не на одном Петре.

Ответ. — Власть Петра не исключает, а наоборот, **укрепляет** „основание апостолов”. И опять-таки не следует смешивать „основание” (в греч. оригинале — фемелиос), „фундамент”, который **построен**, с „камнем”, кифой (по-гречески — петра), **утёсом**, на котором кладётся основание. Многочисленные места Св. Писания побуждают нас строго разграничивать эти понятия; Спаситель хвалил человека, который *положил основание на камне* (Лк. 6, 48). Как „фемелиос”, Пётр равен остальным апостолам; как „петра”, он превосходит их. Церковь основана на апостолах, но апостолы „основаны” на Петре.

7) Христос, а не Пётр есть камень, на котором построена Церковь: *Все-плти... из... камня, камень же был Христос* (1 Кор. 10, 4), Христос есть „краеугольный камень” (Ефес. 2, 20).

Ответ. — Вполне верно, что Христос есть камень, и притом, как в смысле скалы, на которой построена Церковь, так и в смысле краеугольного камня, соединяющего христианство из иудейства с христианством из язычества. Но именно потому, что Христос есть камень, Глава, Тот, Кому „дана всякая власть”, Он властен был сделать Симона орудием, участником Своего свойства быть скалой, обеспечивающей несокрушимость всей Церкви; точно так же, не превышало Его власти сделать всех апостолов камнями, фемелиос, основанием, положенным на утёсе-Петре. Всё возражение вытекает из непонимания всемогущества Христова и из забвения Божиих законов второ-

причинности. Что же касается приведённых двух текстов в отдельности, то заметим, что в 1 Кор. 10, 4 говорится о Христе не как о скале, на которой Церковь построена, но как о неиссякаемом первоисточнике освящающей благодати, а в Ефес. 2, 20 речь идёт о краеугольном камне, содиняющем две стены, и это последнее понятие тоже не следует смешивать с понятием камня-скалы: Пётр, конечно, не первоисточник благодати; он только орудие „Краеугольного Камня“.

8) Христос сказал Петру: *Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие* (Мф. 16, 23): как же Церковь может опираться на такого человека?

Ответ. — Церковь построена вовсе не на личных, положительных или отрицательных, качествах Петра, а на **Божием всемогуществе**, на главенстве Христовом, обеспечивающем непоколебимость Петрову служению. В немощных людях Божие всемогущество проявляется с особенной наглядностью. Если благодать сверхприродного возрождения может быть сообщена язычнику крещением, т. е. водою и краткой молитвою, если чудо преложения Св. Даров совершается Богом через любого священника, грешника, как и все люди, то почему же слабовольному рыбаку не быть орудием власти Христовой над Церковью? Если Христос был властен учредить таинства, то, **тем более**, Он был властен установить служение Петрово и сообщить этому служению необходимую прочность.

9) Отцы иногда говорят, что Церковь построена на вере Петровой. Значит, — на вере, а не на Петре.

Ответ. — Отцы, когда они утверждают, что Церковь зиждется на вере Петровой, не противопоставляют веры Петровой Петру, а наоборот: в обещании данном Петру они видят залог чистоты его веры. Конечно — и отцы это нередко подчёркивают — Церковь построена не на уме Петра, не на его заслугах, не на его дарованиях и проч., а на чистом и неподдельном вероучении, сообщаемом Богом Петру и через него всей Церкви: *не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой*. Указанные святоотеческие тексты не только не умаляют Петрова главенства, но свидетельствуют о том, что это главенство касается наиболее существенного в жизни Церкви — веры. Пётр возглавляет не только церковную „администрацию“, но и церковное **догматическое учительство**. «Пётр — основание веры», говорит св. Иоанн Златоуст.¹

1. Против оставивших Церковь, Творения, изд. СПб Дух. Акад., т. VI, стр. 562.

10) В Св. Писании не только Пётр именуется пастырем. Поэтому *паси овец Моих* не заключает никаких особенных полномочий.

Ответ.— В Церкви Апостольских времён все, пасомые и пастыри, были потенциально объединяемы одним главным пастырем. Если принять во внимание, с одной стороны, все тексты, относящиеся к Петру, и изречения Христовы, касающиеся иных пастырей, с другой, то станет ясным, что пастырство Петрово, не исключая других пастырств, превышает и объединяет их.

11) Власть пасти дана Церкви.

Ответ.— Одно другому не противоречит. Эта власть дана учащей Церкви, объединяемой Петром. Не масса верующих имеет власть над пастырями, а пастыри над верующими, как Пётр над прочими пастырями. Нелепо утверждать, что овцы ведут на пастбище своих пастырей.

12) В Евангелии не упоминается о том, что Христос велел Своим ученикам слушаться Петра.

Ответ.— Пасти и быть пасомым — понятия **соотносительные**, неотделимые и предполагающие одно другое. Веление данное Петру — пасти и утверждать в вере всех — было бы бессмысленным, если бы оно не предполагало обязанности всех быть пасомыми Петром и утверждаемыми им в вере. К тому же, Христос так настойчиво проповедывал всем послушание, что апостолы, обязанные светить миру примером всякой добродетели, после Вознесения Христова должны были объединиться около одного, старшего; и кто же, если не Пётр, мог быть этим „старшим“?

13) Из Деяний Апостолов видно, что Пётр не присваивал себе права давать апостолам приказания, как подчинённым; он не был среди них каким-то самодержавным монархом.

Ответ.— Церковная власть не похожа на политический деспотизм: она не только не исключает соборно-братского отношения к подчинённым, но предполагает его и **охраняет** от разложения. Власть в Церкви проявляется во вне в виде приказаний или запрещений лишь по мере необходимости и поскольку духовное совершенство ещё не достигнуто подчинёнными; но там, где благодатная любовь и единомыслие уже достигнуты, приказы и запреты излишни, ибо дух послушания уже настолько силён, что правление теряет свои внешне-административные проявления и облекается в извне мало заметные братские волеизъявления. Оттого, в монастырях, где процветает духовная жизнь, послушание весьма интенсивно, хотя посторонний наблюдатель даже не замечает, кто игумен, а кто простой монах. Апостолы

были лично воспитаны Спасителем, все они были одарены обильной благодатью Духа Святого, все они достигли высокой святости: Петру нечего было прибегать к приказаниям или поучениям. Но это обстоятельство нисколько не умаляет его духовной власти **по существу**.

14) Если всё в Церкви зависит от Петра, то для других апостолов нет места, и вся Церковь как бы исчерпывается и поглощается неограниченной властью Петра.

Ответ. — Нисколько. Высоко подымающаяся горная вершина не „поглощает“ самой горы, а привлекает к ней всеобщее внимание. Полководец не „исчерпывает“ подчинённых ему начальников и армию, а ведёт их к победе. Ложная зависимость губит, но богоустановленная зависимость укрепляет и спасает.

15) Через своё отречение Пётр потерял свою апостольскую власть. Словами *паци овец Моих* Христос простил Петру его грех и восстановил его в равном для всех апостолов сане.

Ответ. — Христос простил Петра ещё раньше. Это видно, между прочим, из того, что после Своего Воскресения Спаситель особо известил Петра о происшедшем (через ангела и женщин) и лично явился ему. Св. Иоанн Златоуст пишет: «Пётр, верховный из апостолов, .. совершил не маловажное преступление... Но он загладил свой грех, и после этого ему вверены ключи небесные».¹ «После столь великого греха, Христос снова возвёл Петра в прежнее достоинство и поручил ему управление вселенскою Церковью».² В другом месте³, Златоуст доказывает, что Петру «вверены все», даже апостолы. Для св. Феодора Студита *паци овец Моих* не есть восстановление Петра в равном для всех апостолов достоинстве, а поручение ему верховной власти над всеми, пастырями и пасомыми. В «Похвальном слове в честь Ап. Иоанна» он говорил: «Пётр более всех любил, как сам засвидетельствовал, быв спрошен, и его свидетельство Христос подтвердил через троекратное вопрошание и ответы, за каковое свидетельство в награду получил право **пасти всех**... Пётр за то, что больше любил, преимуществовал...».⁴ Можно согласиться с тем, что, вопрошая Петра о любви, Спаситель хотел этим подчеркнуть полное прощение Петру его вины и восстановление его в достоинстве близкого человека и

1. Беседа III о покаянии.

2. Беседа V о покаянии.

3. Беседа III на Деяния Ап.

4. Творения, СПб, т. II, 1908, стр. 143.

одного из первых учеников: но *паци овещ...*, *паци агнецв...* никоим образом не может быть восстановлением, возвращением Петру апостольских полномочий, апостольской папской власти: ведь Иисус Христос дал апостолам эти полномочия, эту власть, только после Своего воскресения; только тогда он сделал их в настоящем смысле апостолами, поручил им особое постоянное служение; до того Он только воспитывал их, обещал им апостольство и давал частичные временные поручения. „Восстанавливать“ можно только в потерянной должности, возвращать можно только отнятую власть; но Пётр не потерял в минуту отречения своих апостольских полномочий просто потому, что ещё не имел их, был носителем одного лишь обещания. Нельзя же терять того, чего не имеешь. Ведь и Златоуст пишет: «...после этого ему вверены (не: возвращены) ключи...». Всё возражение покоится на анахронизме и смешении достоинства ученика Христова с апостольским служением, а этого последнего — с главенством одного.

По мнению отцов, Господь допустил падение Петра именно потому, что хотел сделать его начальником апостолов. Св. Иоанн Златоуст пишет: «Бог попустил ему (Петру) пасть, так как и его (как Моисея) намерен был сделать начальником над всей вселенной, чтобы, вспоминая о собственных падениях, он был снисходителен...».¹ Под словом „вселенной“ следует, конечно, понимать вселенскую Церковь: гражданской, политической власти Спаситель никому из своих учеников не давал. Св. Ефрем Сирийский говорит: «Князь учеников подпал поражению и искушению, дабы стать врачом раненых».² Петра, как будущего начальника апостолов, Иисус Христос вёл особыми путями и воспитывал в большем смирении, чем других апостолов.

16) Пётр называл других апостолов „братьями“. Значит, он считал себя равным прочим апостолам.

Ответ. — Равенство и братство в некоторых, и даже во многих отношениях, не обозначает равенства во всём. Впрочем, св. Иоанн Златоуст ответил и на это возражение: «Если Господь назвал их (апостолов) братьями, то тем приличнее было такое обращение Петру».³ Христос относился к своим ученикам как брат, Он мыл им ноги, как слуга: неужели из этого можно заключить, что Он равен

1. Творения. Изд. СПб Дух. Акад., том XII, стр. 289.

2. Творения. Изд. Московской Дух. Акад., ч. VIII, 1914, стр. 297.

3. Беседа III на Деяния Ап.

апостолам? Настоятели монастырей называют братьями подчинённых им монахов; обычное обращение папы к епископам: „Досточтимые братья”.

17) Первое рукоположение, поставление диаконов (Деяния, гл. 6), было совершено „двенадцатью”, апостольским собором, «без всякой особенной роли примата апостола Петра»¹ (9).

Ответ. И теперь в Католической Церкви огромное большинство рукоположений совершается без ведома папы. Более существенно то, что апостолы установили самую „должность” диаконов; но они это сделали не вопреки Петру и не без его ведома, а сообщая с ним. Для осуществления принципиального главенства Петра вовсе нет надобности, чтобы всё делалось только по его приказанию; достаточно того, чтобы он, в качестве лица объединяющего, наблюдал за тем, что делается и не возражал. Тогда, как и в наши дни, роль верховного пастыря состояла в том, чтобы властью, ему данной, решать несогласия, споры, объединять подчинённых, **поскольку** они ещё не единого мнения в том или ином важном вопросе. Поскольку же единогласие уже осуществлено, для **применения** этой власти нет места.

18) На вопрос Христа, за кого апостолы Его почитают (Мф. 16, 13-16), «все ответили как один и через одного, и этим одним, представителем всего апостольского чина, как бы старшиной апостольства, явился Пётр, который и ответил за всех...» (10, 11).

Ответ. — Из того, что участник какого-либо собрания или член общества высказывает то, что в данном случае думают все, вовсе не следует, что он является **только** их представителем, уполномоченным, от их согласия зависящим, юридически связанным: когда Александр I сказал, что не положит оружия до тех пор, пока последний солдат Наполеона не оставит России, он выразил мысль всех русских патриотов; но это не значит, что он был бесправным уполномоченным „всех”. Пётр решительно и с дерзновением своей любви к Спасителю высказал веру, внушённую ему свыше, и за это удостоился обещания быть верховным блюстителем той веры, на которой зиждется христианство. Пётр не есть **юридически уполномоченный делегат** апостолов; он — орудие и богоустановленное внешнее выражение главенства Христова в Церкви, Духа Христова, пребывающего в апостолах, в их соборности. На этом настаивает Спаситель, так настойчиво

1. Это и последующие возражения, до 42-го включительно, мы заимствуем из книги прот. Сергия Булгакова. «Св. Пётр и Иоанн», изданной в Париже изд-ом YMCA. В конце возражения, в скобках, мы указываем страницу, на которой оно высказано.

выделяя, в указанном месте Евангелия, лично Петра из группы апостолов: Симон, сын Ионин, ты..., тебе...; это не имело бы ровно никакого смысла, если бы Пётр был во всём равен другим, был простым „секретарём, читающим протокол собрания”. Напрасно отец Булгаков называет Петра „старшиной”, раз он не признаёт за Петром ни малейшего **действительного** старшинства, раз Пётр для него что-то в роде слуги, передающего письмо. А если бы Господь имел в виду в данном случае только „веру всех”, то при свойственной Ему божественной простоте и правдивости Он сказал бы „блаженны все вы..., всем вам в равной степени дам ключи Царствия” и т. д.

19) «Петру было свойственно выступать от лица всех апостолов, в силу стремительности его темперамента» (12).

Ответ. — **Частичная** причина не есть вся причина. Одно побуждение не исключает других. Пётр был по природе живого характера; но **после** того, как он получил полноту власти ключей, он стал выступать первым **также** и в силу своего особого верховного иерархического служения. В следующей главе мы приводим слова св. Иоанна Златоуста, являющиеся прямым ответом на приведённое здесь выражение.

20) Пётр не воспринял смысла беседы на пути в Кесарию Филиппову; в нём «было смутно сознание происходящего и слаба готовность к будущему» (17).

Ответ. — Все апостолы очень смутно постигали многие изречения Спасителя, например, об установлении Пресв. Евхаристии; станем ли мы по этой причине отвергать таинство Евхаристии? Новорождённый ребёнок при крещении сознаёт происходящее как нельзя более „смутно”; неужели вследствие того крещение перестаёт быть установлением Христовым? Почти всё в христианстве **осознавалось лишь постепенно**. Так и слова Христа к Петру были вполне осознаны лишь впоследствии, когда молитвы святых и церковная жизнь, в особенности борьба с ересями, открыли до конца глубокий пророческий смысл слов Спасителя. Неисчерпаемая божественная Премудрость может только постепенно и частично усваиваться ограниченным человеческим пониманием, даже соборным, всецерковным.

21) Пётр «имеет силу и авторитет, или есть Пётр, лишь в связи с собором, силою собора и от лица собора» (20).

Ответ. — Бесспорно, что глава без тела — ничто, что Пётр, как и все папы, имеет значение и авторитет лишь как выражение той благодатной жизни, того Духа, Который, по учению Католической Церкви,

есть „душа” Церкви. Уста зависят от души, а не наоборот. Но из этого вовсе не следует, что уста не могут быть подлинным выражением мыслей и желаний души без „согласия” тела. **Именно потому**, что Пётр говорит по внушению Бога, живущего в Церкви, и силою её духа, его слова не пужаются ни в **последующем юридическом** признании „собора”, ни в **последующем** одобрении со стороны массы верующих.

22) «Носитель власти не есть уже *primus*, но единственный в своём роде, который существует не со всеми и среди всех, как первый, но в противопоставлении к ним» (25).

Ответ. — Такое противопоставление имеется лишь там, где „власть” и жизнь „всех” вытекают из двух несовместимых источников; так, например, вторжение власти византийских базилиевсов в чисто церковные дела всегда вредно отражалось на духовной жизни верующих. Но власть таких пастырей, как, например, Златоуст или Григорий Двоеслов, ни в чём не „противопоставлялась” духовной жизни церковного народа, а, наоборот, поддерживала, питала её. Здоровью человеческого организма голова несколько не мешает; мешает ему или убивает его только **постороннее** вещество, как, например, пуля, в особенности, когда она поражает голову. Беда именно в том, что поборники византийского понимания Церкви сплошь и рядом судят о церковной богоустановленной власти по тем действительно печальным последствиям, к каким приводит вмешательство посторонних властей в управление Церковью.

23) Если примат есть особый сан, то «апостол Пётр... сверх-апостол, т. е. уже не апостол» (25).

Ответ. — По этой логике выходит, что епископ, правящий епархией в силу церковной юрисдикции, — уже не священник, и литургия, им отслуженная, не действительна; что священник, если он является настоятелем прихода с пастырскими полномочиями, ... не принадлежит к приходской общине, чужд ей; что всякий отец семейства не есть член семейства; что монарх не принадлежит к той нации, над которой он царствует, и т. д.

24) «Быть Петром не *munus* (должность, служение), который не может прерываться..., но состояние, которое ... прерывалось в жизни Петра» (27). Автор имеет в виду отречение Петра.

Ответ. — Никакого перерыва в служении Петра не было по той причине, что это служение началось только **после** Вознесения Христа. Роль Петра в Церкви основывается вовсе не на его изменчивых

настроениях, а именно на „должности“, на том, что он сам по себе ничто и имеет значение лишь как орудие Христа.

25) «Господь... устанавливал лишь одну власть и старшинство — смирение, при котором умолкают самые мысли о власти и праве» (29).

Ответ. — Конечно, смирение — основа христианского благочестия. Но ведь подлинное христианское смирение безусловно **немыслимо без готовности быть послушным** настоятелю, имеющему соответствующую власть и право. По учению отцов, наиболее авторитетных в Православии, нет хуже зла чем непослушание пастырям, имеющим власть от Бога (см. главу о послушании); а **подделка** смирения, фари́сейство, т. е. смирение без духа послушания, и есть самая сердцевина того порока, который был так ненавистен Господу и всем святым без исключения.

26) Нет „выделения“ Петра при торжественном послании учеников на проповедание всей твари (31).

Ответ. — Достаточно того, что Господь заблаговременно выделил верховного объединителя подвижников.

27) Власть ключей «принадлежит всему апостольскому лику, но непосредственно ключи вручаются ключарю, как первоапостолу» (32).

Ответ. — Конечно пастырская власть принадлежит всем апостолам, но это не исключает иерархического порядка в применении её; власть дана всем апостолам, но способом, соответствующим всей икономии спасения и Воплощения, т. е. согласным с требованиями благоразумной организованности, с подчинением объединяющему первоапостолу. Или этот „ключарь“ является пастырем, согласующим действия других пастырей, тогда вполне понятно, почему Господь ему одному передал „ключи“ для объединения всех, кому дана власть „вязать и решать“; или же он только ...,„ключник“, никакой особой власти не имеющий, и тогда мы впадаем опять в теорию пустого, светского, беспринципного „первенства чести“.

28) Среди апостолов «при отсутствии различия в *ordo*, нет почвы для различия и в *iurisdictione*» (33).

Ответ. — Это предположение, будто в христианстве не может быть другой **богоустановленной** подчинённости, кроме той, которая вытекает из „ордо“, из рукоположения, выдвигается без всяких доказательств. Теория, отрицающая в среде епископов подлинную юрисдикцию и иерархичность, выросла на почве цезарепапизма, навязывания христианству языческих представлений о недопустимости другой „юрисдикции“, кроме императорской, государственной.

29) Пётр не может быть камнем Церкви, так как вера его „дрогнула“ (35).

Ответ. — Грех Петра, как видно из всего евангельского рассказа, вовсе не состоял в **потере веры** во Христа, а в том, что у него не хватило мужества **поступать** согласно этой вере. По учению отцов, Господь нарочно допустил его падение, чтобы показать всем, что Церковь построена вовсе не на **личных** качествах Петра, а на силе Христовой, сообщаемой апостолам, и в первую очередь Петру.

30) Текст Ев. от Луки 22, 32 (утверди братьев твоих) не говорит в пользу главенства Петра: «братьев, но не пасомых и не низших или подчинённых» (36).

Ответ. — Мы уже видели, как решительно Златоуст осуждает мнение, будто братское отношение исключает послушание одному из братьев, как занимающему место отца. Оно исключает только грубую, безучастную, рабскую подчинённость, для которой, конечно, нет места в Католической Церкви.

31) «Ап. Павел был избран и поставлен в апостолы самим Христом, так сказать, вне ведома Петра» (40).

Ответ. — Не только Павел, но и вообще все апостолы были поставлены непосредственно Спасителем. И во все последующие века Господь призывал на то или иное важное для Церкви особенное служение великих святых, озаряя их светом обильной благодати „вне ведома“ папы. Но что же из этого? Ведь роль Петра и папы вовсе не в том, чтобы заменять Христа, как бы вытесняя Его, а в том, чтобы приводить к единству Церкви тех, кто нуждается в руководстве и **поскольку** он в нём нуждается; отношения между Петром и Павлом едва ли давали повод к **применению** власти Петровой, но из этого отнюдь не следует, что **самой** этой власти принципиально не было. См. также ответ на возражение 40-е.

32) Как видно из богослужебных книг, Пётр и Павел равно „первоверховны“, значит среди апостолов не было одного верховного пастыря (42).

Ответ. — Нет никакого сомнения в том, что во многих отношениях Павел был равен Петру и даже превосходил его. Католическая идея главенства, вселенского или поместного, именно и состоит в этом органическом **сочетании** главенства с равенством, или даже с **обратным** превосходством, т. е. превосходством подчинённого над начальствующим; каждый может легко убедиться в том, что этой же „идеи“ придерживались все великие древние восточные святители

и творцы монашеских уставов.¹ В богослужебных книгах „верховный“ (корифаиос) есть общий термин, который может означать как „начальник“, так и „выдающийся“, „превосходящий“ в отношении добродетели, ума, апостольского рвения и т. д.; выбирать одно из этих значений можно только опираясь на контекст или другие данные, уже установленные. То же самое следует сказать о таких выражениях как „основание“. Из того, что „верховный“ и т. п. **может** означать превосходство не во власти, не следует, что такие термины не могут обозначать превосходства во власти. Павел несомненно превосходил других апостолов и обилием своих богословских писаний, и плодами апостольской миссионерской деятельности и, пожалуй, даже совсем особым отношением ко Христу. Вот почему богослужебные книги прославляют его наравне именно с Петром. Тут сам собою навязывается вопрос: в чём же состоит то превосходство Петра, благодаря которому он удостоился быть выделенным из среды „рядовых“ апостолов и поставленным наравне с Павлом? Смешно было бы сослаться на „живость темперамента“ Петра или на то, что он был старшим по призванию (Андрей был призван одновременно с ним, а между тем нет праздника первоверховных Андрея и Павла). Здесь может иметь вес только то, что, по формуле Златоуста, Петру „вверены все“. Церковь прославляет обоих первоверховных Петра и Павла: «оваго убо яко апостолов предначальника, оваго же яко паче инех трудившегося»; Пётр „корифей“, **как предначальник апостолов**, Павел „корифей“, как наиболее выдающийся **миссионер**. Это и выражает католическую идею гармонического сочетания власти одного с превосходством других. И ещё: «О, Петре, камне и основание, и Павле, сосуде избранный, иже и сопряжении воли Христовы»: **противопоставление** Петра-камня Павлу-сосуду ясно показывает, что, кроме смысла, который „камень“ имеет в применении к апостолам **вообще**, и в особенности к Павлу, он имеет и другой смысл в применении к Петру; какой же может быть этот смысл? Конечно, только тот, на который указывает Предание. Ещё: «Церковного камня, всехвальнаго Петра, и поборника Павла, мирскую мрежу, достойно восхвалим вернии, яко имуща ключи небесные»: здесь опять „камень“ выставляется, как отличительный признак Петра (конечно, не характера его, ибо по характеру он был слаб, вовсе не „камень“); в единении

1. См., например: Древние иноческие уставы, собранные епископом Феофаном, Москва, 1892.

с Петром-камнем поборник-Павел становится причастником власти ключей.

33) «Не Пётр и Андрей, и не Иаков и Иоанн есть основная двоица Иоаннова Евангелия, но Пётр и Иоанн» (55). Значит, Иоанн был равен Петру, и потому нет места для главенства Петра.

Ответ. — А мы рассуждаем так: Пётр удостоился быть сопоставленным с Иоанном, из всех двенадцати наиболее близким к Спасителю учеником, которому были даны исключительные откровения о Слове, о божественной любви, который был особенным образом поручен Богородице, который один из апостолов не оставил Спасителя у подножия креста; значит, Пётр получил какое-то особое преимущество **равноценное** с совокупностью великих преимуществ, коими был одарён Иоанн. Тут уже надо оставить все ссылки на „первенство по призванию“, „первенство чести“ (ибо какое кощунство приравнивать пустую мирскую „честь“ и тщеславие к дивным преимуществам евангелиста Иоанна!), „стремительный темперамент“, на „ключаря“, не имеющего больше власти чем любая ключница, и т. п. Равным всем этим великим преимуществам Ап. Иоанна и равноценным для Церкви может быть только то особое, возложенное на Петра и единственное в своём роде служение, о котором говорит Предание: объединять агнцев и овец Христовых.

34) На Тайной Вечери Пётр «чувствует своё бессилие... И примат авторитета склоняется перед приматом любви» (60).

Ответ. — Вполне верно, что в Церкви примат авторитета склоняется перед приматом любви, но именно склоняется, а не уничтожается. Да и не может „склоняться“ то, что не существует. Любовь устраняет только препятствия на своём пути, а главное препятствие для любви есть как раз непослушание, т. е. самочиние, гордость. По знакомому нам учению Ап. Павла, пастьерская власть установлена Спасителем *для созидания тела Христова*, другими словами, для **осуществления любви** через подвиг смирения и послушания. Без „авторитета“ нет подлинной благодатной любви, может быть только „прелесть“. Христова любовь не исключает „авторитета“, как присталь не исключает спасательного судна, на котором потерпевшие крушение спешат к ней.

35) Умирая на кресте, Спаситель «вверил Матери Своей... не викария, не вице-сына..., но в лице Иоанна всё апостольство и всё человечество воцерковил, усыновил Он Матери Своей» (68).

Ответ. — Так как из всех учеников Христовых один Иоанн стоял

у подножия креста, то вполне естественно, что Спаситель поручил именно его попечению Своей Матери. Пётр в то время каялся в своём грехе и к тому же ещё не получил власти ключей. Что же касается покровы Богородицы, то эта Божия благодатная милость даруется не иерархам как таковым, а всем тем, кто живёт согласно заповедям Христовым, в частности согласно заповеди послушания пастырям. Ироническое упоминание „вице-сына” только показывает, как беспросветно непонимание иными богословами католического учения о папстве. Папа — викарий Христов вовсе не в смысле „местоблюстительства”, а в смысле верховного по отношению к людям **исполнителя заветов** Христовых, стража верности Ему; он не „замещает” Христа как местоблюститель замещает патриарха: он „наместник” Спасителя, занимая „место” видимого, **осязаемого присутствия** Христа на земле, но не замещая Самого Христа; точно так же как, в пределах епархии или прихода и с соразмерными ограничениями, епископ или настоятель „замещает” видимость Христа, но не самую Его личность.

36) «Если можно говорить об установлении первенства Петрова после его исповедания, то с таким же основанием можно говорить и об установлении первенства Иоаннова среди других апостолов на Голгофе» (71).

Ответ. — Это постоянно повторяемое предположение, что все „первенства” по природе своей тождественны между собою по содержанию, ровно ничем не доказано. Неужели быть главнокомандующим вооружёнными силами страны и быть лучшим, „первым”, поэтом в той же стране — одно и то же? К тому же Христос никогда не обещал никакого первенства Иоанну.

37) У гроба Господня «уверовал только Иоанн. Даже первенство в утверждении веры... здесь переходит к Иоанну» (73).

Ответ. — Во-первых, из того, что Иоанн уверовал в воскресение Христово, ещё не следует, что Пётр не уверовал. Во-вторых, автор опять смешивает харизму безошибочности в учении и веру как добродетель, святость определённого лица.

38) «Иоанн Петру не подвластен: *что тебе* (Ио. 21, 22)?... В примате Иоанна граница примата Петрова» (79).

Ответ. — Пока Христос пребывал видимым образом на земле, никто не был подвластен Петру. Это ничего не говорит против примата Петрова **после** Вознесения. И не главенство святости Иоанна ставит пределы главенству пастырских полномочий Петра, а по при-

роде своей примат Петра касается пути и средств к достижению святости, но не **самой святости**, поскольку она уже достигнута.

39) «Апостолы, услышав, что самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна... (Деяния 8, 14-15). Эта посылка... свидетельствует именно о высшем их авторитете, в силу которого они и могли принять там важные и ответственные решения...»(85).

Ответ. — Не видно, почему спутник должен непременно быть равным во власти с тем, кого он сопровождает. Все настоятели в важных делах обыкновенно пользуются советами, напоминаниями и моральной поддержкой одного или многих помощников, не теряя от этого своего главенства. Но особенно интересно то, что о. Б. здесь сам опрокидывает одно из главных классических возражений антикатолических богословов против главенства Петрова: апостолы послали Петра, значит он их посыльный, он никакой власти не имеет.

40) Иоанну были даны особенные откровения свыше, которые он и записал в Апокалипсисе (89).

Ответ. — Если всё сводить к первенству озарения благодатью, то не Иоанн, а Пресвятая Дева обладала и „пророческим первоапостольством“. В смысле исключительного неповторимого участия в Христовой святости Богородица есть несомненно наша Царица небесная. Но это ведь нисколько не исключает первосвятительства в Церкви. Тем более **пророческое** первенство Иоанна нисколько не противоречит **иерархическому** главенству Петра.

41) Св. Феодор Студит называет Иоанна, между прочим, „исопетрос“, равный Петру (Минь греч., 99, 784-788) (91).

Ответ. — Как видно из всего контекста, Студит говорит о равенстве Петра и Иоанна в общем всем апостолам достоинстве. В других местах своих творений, как увидим в другой главе, он совсем определённо связывает безусловно признаваемое им учительское главенство папы Римского с верховным главенством Ап. Петра.

42) Св. Кирилл Александрийский также пишет: «Пётр же и Иоанн оба были апостолами и святыми, и равной меры (изоморус) почестями и силами наделёнными чрез Духа Святого нашим Спасителем Христом. Поэтому из равномерного достоинства (экс изоморус аксиас) или власти (аутентиас) неужели они почитались двое как бы за одного человека» (**Против Нестория**, II, 1: Минь греч., 76, 65 В) (91).

Ответ. — Автор возражения пропустил перед „поэтому“ ссылку св. Кирилла на Св. Писание; между тем из этой ссылки явствует, что он имел в виду равенство в отношении апостольской ревности и

власти исцелять больных, изгонять бесов и т. п. Нет никакого сомнения как в том, что с этой точки зрения апостолы равны, так и в том, что это равенство нисколько не исключает особого, **впоследствии** данного Петру, поручения объединять учеников Христовых. Для Кирилла Ал., Пётр „поставленный над” всеми учениками Христовыми, „предводитель”, которому другие следуют; он „игумен святых учеников” и т. д.¹

43) В Евангелии Пётр занесён в списки апостолов первым не потому, что он был первым над двенадцатью по власти, а потому, что он вошёл в состав двенадцати первым в двоице, и из двух (Андрея и Петра) был старшим по годам (13-21).² Все данные Н. Э. в пользу примата Петра объясняются тем, что он был призван к апостольству первым по времени.

Ответ. — Во-первых, мы не доказываем главенства Петра **только** на основании того, что Пётр именуется первым в евангельских списках; решающее значение имеет лишь **совокупность многих данных** Евангелия, взаимно друг друга поясняющих и дополняющих; к тому же списки апостолов в Евангелии относятся к тому времени, когда Пётр не только ещё не получил главенства, но даже ещё не был воспитан Спасителем. Во-вторых, что Пётр был старше Андрея есть голословное, недоказанное утверждение, а „первозванным” в православном предании обыкновенно считается Андрей, а не Пётр. В-третьих, если четыре списка апостолов (Мф. 10, 2-4; Мк. 3, 16-19; Лк. 6, 13-16; Деян. 1, 13) составлены по старшинству призвания и возраста, то почему же Пётр всегда стоит в них на первом месте, тогда как остальные апостолы далеко не везде на том же месте? Предоставление Петру первого места среди апостолов можно было бы, пожалуй, объяснить первенством призвания, если бы между призванием Петра и призванием остальных апостолов протекло значительное время, так что Пётр являлся бы в святой школе Христовой своего рода учеником „старшего курса” по отношению к прочим

1. Минь греч., напр., 69, 285 А; 74, 745 В; 77, 576 А, и т. д. Для Кирилла Апостол Пётр — хегуменос, что, по словарю Синайского, обозначает „правлящий, руководящий, игумен”. Тут уж никак не „первенство чести”. Изучение греческих текстов св. Кирилла Александрийского, касающихся главенства Петрова, читатель найдёт в нашей статье: Der hl. Petrus in den Schriften Cyrills von Alexandrien, Zeitschrift für Kathol. Theologie, 1919, стр. 531 сл.

2. Это возражение, как и следующие, мы заимствуем из книги митр. Сергия Японского, Двенадцати святых Апостолов, изданной У. М. С. А. в Париже в 1936 году. Мы сохраняем несколько своеобразный стиль автора. В конце возражения в скобках — страница, откуда заимствовано возражение.

новоначальным апостолам; в этом случае первенство по времени, само по себе пустое, имело бы смысл и содержание. Но ведь в действительности ничего подобного не было, апостолы были призваны почти одновременно. Промежуток времени между призванием Петра и призванием остальных апостолов настолько мал, что евангелисты не относят к нему ни одного поучения Христова, ни одной притчи, ни одного чуда. Андрей вступил в число учеников Христовых почти одновременно с Петром, так что фактически не было одного первого по призванию, а два.

44) Среди апостолов «особо выделялись четверо, трое и двое — только как свидетели дела Иисусова от дня выступления Иисуса на проповедь» (29).

Ответ. — Особое выделение двух или трёх, как свидетелей, отнюдь не исключает и особого выделения одного для будущей роли руководителя.

45) Пётр признаёт себя грешным; маловерный, он начал тонуть; он медленно „христианизировался“; он слишком практичен и т. д. Всё это не даёт ему «нравственного права на приматство» (30 и сл.).

Ответ. — Примат Пётр получил не в силу нравственного права, сам по себе он такого нравственного права **не мог иметь**, а в силу установления Христова. Св. Писание, упоминая о недостатках Петра, говорит и о той исключительной заботливости, с какою Спаситель **воспитывал** его и исправлял; такая заботливость уместна, раз Христос намеревался впоследствии дать главенство Петру, и она была бы совсем непонятна, если бы Пётр должен был навсегда оставаться только первым по порядку призвания. Если бы в Церкви мог быть пастырем только тот, кто, будучи семинаристом, не имел никаких недостатков и не нуждался ни в каких исправлениях, то скоро Церковь оказалась бы почти совсем без пастырей.

46) После воскресения Христова ангел сказал святым жёнам: *... идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее.* Пётр поставлен особо от учеников потому, что после отречения он перестал быть учеником (44).

Ответ. — Пётр мог бы перестать быть учеником, если бы он **сам порвал** со Христом, или если бы Христос **наказал его** за отречение изгнанием из среды учеников. Первое предположение невозможно, ибо Пётр только из страха притворился незнающим Христа; то же следует сказать и о втором, так как в противном случае кто-нибудь из евангелистов наверно упомянул бы о таком страшном наказании;

к тому же, согрешив, Пётр сейчас же вышел и „плакася горько” о своём грехе, а Спаситель любвеобильным взглядом засвидетельствовал Своё подлинное отношение к этому ученику, который, несмотря на своё мимолётное падение, так любил Учителя, и не переставал быть Его учеником.

47) Часто встречающаяся в Новом Завете формула „Пётр и иже с ним” не говорит в пользу главенства Петрова, так как „иже с ним” иногда обозначает не всех апостолов, а только некоторых из них (48).

Ответ. — Из того, что Пётр возглавлял иногда только трех или четырёх апостолов, нисколько не следует, что он не мог возглавлять одновременно и всех вместе.

48) Мф. 16, 18: «Если истина имеет источник в Отце, почему награждать проводника этой истины, Петра? Да и странно было бы награждать Петра тем именем, которое он уже имел давно» (60).

Ответ. — Христос не жалует Симона титулом в вознаграждение за заслуги, а предвещает и обещает, что призовет его на особое служение — выражать собою верховное главенство Христа в Церкви. Переименование Симона в Петра подтверждает только наше убеждение, что „Пётр” не есть просто титул, а слово, передающее лучше всего смысл того участия, какое впоследствии Пётр должен был иметь в свойстве Христа — быть скалою, на которой зиждется Церковь.

49) «Ты — Пётр, есть вставочные слова. Здесь мы видим образец игры слов» (61).

Ответ. — Как же можно допустить мысль, что в такой великий момент, когда речь идет об основном Откровении и основании Церкви, Христос мог вставить в Свою речь какое-то весьма неостроумное подшучивание над Симоном, которому он неизвестно почему дал кличку „Пётр”? Сколько кощунства в таких возражениях! Спаситель не любил пустых шуток, Он не издевался над Своими учениками.

50) Церковь построена не на Петре, а на основной истине божественности Христа: „петрос” и „петра” два различных слова, а было ли в арамейском оригинале в обоих случаях „кифа” — неизвестно (61, 62).

Ответ. — О „петрос, петра” достаточно сказано в другом месте. Хотя первоначального арамейского текста Матфея и не имеется, однако на основании других еврейских памятников с уверенностью можно сказать, что арамейскому языку было чуждо греческое употребление корня равносильного корню „пётр” то с окончанием

мужского рода, то с окончанием женского рода. А существенно здесь то, что возражающий напрасно строит дилемму: на Петре — на истине; вся аргументация антикатолических полемистов держится этим противоположением; между тем, одно совсем не исключает другого, наоборот: Пётр будет верным, свыше руководимым, охранителем основного догмата христианской веры. Если бы основная истина нашей веры исключала другие аспекты церковной „основы“, то пришлось бы отбросить не только главенство Петра, но и все таинства, и другие основные истины, имеющиеся в Евангелии и Предании, обряды, священство, иконы и вообще всё, что так или иначе поддерживает христианскую жизнь, служа ей основой.

51) Отожествляя „петрос“ и „петра“, правильнее было бы видеть: ты еси Пётр и на тебе созижду Церковь Мою (62).

Ответ. — Некоторые восточные отцы, действительно, так перефразируют слова Христовы (см. след. главу). Впрочем, слова Христа, как они переданы в Мф. 16, лучше выражают одно из главных положений католической экклесиологии: Пётр (и тем более папа) сам по себе **ничто**, всё его значение для Церкви вытекает из его зависимости от Христа, Главы.

52) По-гречески „петра“ обозначает „скала“, а „петрос“ — „кусок, осколок скалы“, „камень“. «А на одном камне здания не построить!» (63).

Ответ. — Во-первых, это только одно из возможных значений: „петра“ может обозначать и „пещеру“, петрос — скалу, и Предание так именно и понимало переименование Симона в Петрос. Во-вторых, слова „кусок скалы“ выражают два понятия: **оторванности**, отпадения от скалы, и **участия в природе скалы**, близости к ней: ясно, что в Мф. 16 Спаситель имел в виду не идею оторванности, отпадения, ибо в этом случае и улаживание Петра и обещание власти ключей было бы совсем неуместным; Он имел в виду понятие „участия“, которое как нельзя лучше подходит к связи речи и объясняет улаживание и обещание ключей. Церковь Христова построена вовсе не на „одном камне“ личных сил и способностей Петра, а на Христе-Скале и видимой стороне этой Скалы, на участии Петра в её неизбежности.

53) «Возможно, что... камень есть Пётр... Но в этом случае слова адресованы к Петру, как индивидууму, а не к епископу Рима» (65).

Ответ. — **Непосредственно** слова Христа касаются, конечно, только Петра. Но так как, с одной стороны, Пётр не бессмертен, и Спаситель это несомненно учитывал, а, с другой стороны, Христос связывал свойство „камня“ с предсказываемой Им **неограниченной**

во времени неизбежностью Церкви, то становится ясным, что свойство „камня” должно переходить ко всем посылаемым Провидением преемникам Петра. Приведённое возражение одинаково применимо и к епископам: Христос дал пастырские полномочия **непосредственно** только апостолам; неужели из этого следует заключить, что все епископы земного шара — самозванцы?

54) «Петру обещаны ключи не Церкви, а ключи Царства Небесного... Пока мы живём в Церкви..., вся власть административная в Церкви продолжает быть без ограничений в руках Домовладыки» (72).

Ответ. — „Церковь” и „Царство Небесное” — понятия, хотя и не покрывающие друг друга, но и не совсем разные: видимая Церковь есть часть Царства Небесного, часть как бы подготовительная; в ней окончательно решается участь христиан — вечное царство на небесах или вечное осуждение. В вечности потустороннего Царства никаких „ключей” нет и они не нужны; ключи могут быть только **от** Царства Небесного. Везде выражением „ключи города” принято означать ключи — в прямом или переносном смысле — открывающие **доступ** к городу, а вовсе не ключи, которыми можно открывать все двери и шкафы в самом городе. Трудно себе представить более глубокое извращение святоотеческого представления о смысле жизни, чем перенесение власти ключей из условий земной жизни в загробную. Оно очень опасно и **подрывает в корне** духовную жизнь: ведь если человеку даётся возможность обеспечить своё спасение после смерти, то здесь на земле он может предаться беспечности и греховности. Петру дана власть на земле ради достижения верующими неизменности в вечном спасении Царства Небесного; это ведь сказано в том же 19 стихе 16 главы Матфея, где говорится о ключах: *И что свяжешь на земле, то будет связано на небесах*. Далее, передача Петру верховной пастырской власти не есть „ограничение” власти Домовладыки Христа, а **выражение её полноты**.

55) Пётр прекословил Христу (Мф. 16, 22), Христос назвал его сатаной, он — камень преткновения. На таком человеке Христос не мог создать Свою Церковь (80).

Ответ. — Напрасно возражающий умаляет догмат главенства Христа в Церкви. Конечно, если бы Христос был только человеком или если бы Он был лже-пророком, возражение было бы уместным. Но разве Богочеловек не властен править Церковью посредством одного слабого человека, укоренённого в смирении наставлениями, упрёками, допущенными свыше падениями?

56) «Пётр мог утвердить братьев своих одним примером своей ревности, без власти над ними» (91).

Ответ. — Да, но Петру дано безусловное **поручение** утверждать в вере. Христос **не ограничил** этого поручения одним „примером“, и потому оно может осуществляться и „примером“, а, когда надо, — наставлением, увещанием, и вообще всяким духовным врачеванием.

57) «Для торжественного акта установления Петрова приматства прилично было бы иметь свидетелями всех прочих десять, а не шесть только, как здесь (Ио. 21, 15-20). И почему всё это происходит на рассвете ночи, на берегу?» (116).

Ответ. — Все великие моменты в Христовом домостроительстве отличаются евангельской простотою, лишены всякой парадности, им чужд дух блестящих манифестаций. Почему же установление главенства Петрова должно составлять исключение? Не было торжественной обстановки ни при рождении Спасителя мира, ни при великих чудесах, которые Он творил, ни при установлении таинств; величайший акт спасения — Воскресение Христово — совершился также в ночное время, в обстановке нисколько не более „торжественной“, чем на берегу озера. Именно эта божественная простота *наси агнецв Моиз, наси овец Моиз* лучше всего свидетельствует о неземном происхождении „приматства“ Петрова.

58) «Об интронизации Петра на папский престол на берегу озера не могло быть, и не было речи» (127). «Не о папской тиаре думал св. Пётр...» (309).

Ответ. — А думали ли апостолы о саккосе и архиерейской митре? Следует ли из этого, что епископство должно быть уничтожено? Путём отрицания органического исторического развития или раскрытия разных существенных функций церковного организма легко дойти до полного отрицания христианства, что и случается нередко с **последовательными** отрицателями папской власти. На том же основании можно было бы отбросить и св. Литургию, так как ведь в Евангелии не говорится ничего о престоле, о проскомидии, ектениях и т. д.; можно отвергнуть все догматические постановления соборов, ибо во всём Св. Писании ни разу не упоминаются решения Ефесского, Халкидонского и других вселенских соборов; можно осудить почитание икон Пресв. Богородицы, так как никто из учеников Христовых не думал никогда об Иверской или Казанской иконе Её; так можно свести на нуль всё христианство.

59) «Все были свободны высказывать свои суждения, не нуждаясь в диктовке Петра» (142).

Ответ. — Главенство было дано Петру (после Воскресения Христова) для пользования им **при нужде**, для заполнения пробелов в единстве. Пётр или папа — не „лидер“, навязывающий всем свои личные взгляды, а „раб рабов Божиих“, употребляющий свою власть лишь тогда, когда надо положить конец крупным злоупотреблениям, бесплодным спорам или опасным заблуждениям, и вообще, когда надо объединять, согласовывать. Если инициатива, можно сказать, бьёт ключём в бесчисленных католических духовных и апостольских начинаниях, то именно потому, что все знают, где нужно искать точку опоры: в случае заблуждения Пётр исправит, в случае нападок он же поддержит, в случае столкновения он разрешит недоумение. „Диктовку“ следует искать не у преемников Петровых, а у Византийских императоров, продвигавших подмену церковного вселенства государственно-национальным, или у творцов англиканства. Вся, столь богатая и разнородная, католическая духовная жизнь есть плод действия благодати, зовущей к личному и поместному религиозному творчеству, к святому дерзновению; тут „диктовка“ не при чём, даже если под этим словом понимать авторитет папской власти; последний проявляется только тогда, когда частная инициатива и поместное творчество почему-либо ослабели или очутились в плену у посторонних, например, политических факторов. Главное в церковной жизни — святость верующих; Рим её не „диктует“, а только освобождает от нездоровых теорий и в канонизации святых преклоняется перед нею.

60) Пётр искал слова крещения, Петру принадлежит изменение формулы крещения: во имя Иисуса Христа; но это изменение Церковь не приняла (179). Значит Пётр — не глава Церкви.

Ответ. — Нечего Церкви было исправлять Петра, ибо он вовсе не предписывал новой формулы крещения, отличной от той, которая дана Спасителем: он просто настаивал на необходимости принять для спасения крещение, установленное Иисусом Христом.

61) Пётр и Иоанн *пришли к своим и пересказали, что говорили им первосвященники и старейшины* (Деян. 4, 23). Значит Пётр даёт отчёт в своих действиях перед апостолами (191).

Ответ. — На всех языках „пересказывать“ не то же самое что „давать отчёт“. „Пересказали“, по-гречески апэнгейян, (по Бензелеру) означает: объявлять, возвещать, передавать, рассказывать, хвалить,

прославлять, а не: давать отчёт, как ошибочно считает возражатель.

62) «Ап. Варнава рекомендует Павла апостолам, а не Петру. Апостолы вот пока центр жизни» (Деян. 9, 26-28) (192).

Ответ. — Апостолам да, но не отделённым от Петра. Апостолы были „центром” верующих, как Пётр был „центром” апостолов.

63) «Церкви, возглавляемой Христом, нужен был постоянный видимый Глава, — таким Главою и был Иаков, брат Господень, со всею властью Главы Церкви» (208).

Ответ. — Иаков был предстоятелем Иерусалимской церкви, но ведь тогда были уже церкви и в Самарии, Дамаске, Иудее (Деян. 8-9). Ниже мы приводим свидетельства отцов по этому вопросу. К тому же эти голословные утверждения митр. Сергия находятся в полном противоречии со столь же радикальными его заявлениями, что „среди 12 принципиально не может быть первого» (стр. 9), что в Церкви „полное равенство” (297), „полная демократия” (171). Если Иаков был главою всей Церкви, то как могло случиться, что его преемники всегда занимали последнее место в ряду древних патриархов?

64) На соборе апостолов по вопросу обрезания христиан из язычников председательствовал Иаков и он же решил этот вопрос, так и сказав: «эго крино», я решаю со властью. «Мнение Иакова, а не Петра было признано, как резолюция собора» (209-218).

Ответ. — Для нас авторитетнее толкование св. Иоанна Златоуста, изложенное в его «Беседах на Деяния»: Пётр говорит всегда первый, потому что „ему поручены все”; Иаков же на Иерусалимском соборе выступает с известной властью, потому что он был епископом Иерусалимской поместной церкви, где происходил собор; это **относительное** первенство было предоставлено ему апостолами, между тем как Петру Сам Христос поручил вселенское пастырство. „Резолюция” собора состоялась согласно мнению не одного Иакова, а обоих говоривших апостолов. С местоимением „эго” глагол „крино” значит: „что до меня, я сужу так”, „по-моему”.

65) «Угодно Св. Духу и нам: ... Не потому ли угодно было собору скрыть лицо Петра под общим **мы...**, что верховный, безусловно-обязательный для всех голос в Церкви принадлежит Святому Духу?» (219-221).

Ответ. — Нет никакого сомнения в том, что верховный голос в Церкви принадлежит Духу Христа, Главы Церкви, Который и вещает божественные наставления то через одного Петра, то через собрание пастырей, находящихся в церковном единении с Петром. Дух Божий Церковь Богочеловека

властен говорить и через одного Петра, и никто не имеет права связывать, задерживать Его постановления обязательной санкцией собора.

66) «Мы видим две загубленных души, Анании и Сапфиры. И кем? Ап. Петром... Здесь нет и намёка на какую-либо милостивую цель... Всё поведение Петра абсолютно отлично от того, чего всякий мог бы ожидать от ученика Господа... Краткий рассказ — отталкивающий, отвратительный... Не отсюда ли родились потом ужасы инквизиции?» (226-229).

Ответ. — Митрополит Сергей, браня Петра, забывает, что не Пётр убил Ананию и Сапфиру, а **Сам Бог**, вмешательством Своего всемогущества и власти над жизнью людей подтвердивший исключительное значение Петра-камня для Церкви: выпады автора по адресу Петра падают на Самого Бога, вдохновившего к тому же и этот „отвратительный рассказ“. Всё приведённое здесь возражение — просто богохульство.

67) С 32 ст. девятой главы Деяний «мы видим Ап. Петра вне Иерусалима, — в Лидде и т. д... Удобно ли было Петру, Главе Апостолов по Джонсону¹, отсутствовать из центра Церкви Иерусалима столь продолжительное время? ...Предполагаемый Глава Церкви встречается, по возвращении в Иерусалим, с допросом Церкви об его деятельности в Кесарии...» (234).

Ответ. — А св. Иоанн Златоуст, толкуя то же место, пишет: «*И бысть Петру, посещающу всех, снити и ко святым, живущим в Лидде. Он обходил их, как бы военачальник ряды, наблюдая, какая часть сомкнута, какая во всём вооружении и какая имеет нужду в его присутствии. ...Где опасность и где требовалась распорядительность, там он; а где всё было в мире, там все они (апостолы) вместе. ...Он потому и благорассудил обойти церкви, что верующие имели нужду в его наставлении*».² Очевидно, никто из апостолов не может заменить „военачальника“ Петра в особенно важных обстоятельствах. По возвращении он встречается не с допросом Церкви, а с волнениями, затейными беспокойными элементами церковной общины; таково толкование Златоуста: «препирахуса иже от обрезания, а не апостолы».³

1. Католическому писателю, с которым спорит митр. Сергей.

2. Беседы на Деяния, перевод с греч. Санктпетербургской Дух. Акад., 1856, ч. I, стр. 378, 382.

3. Там же, стр. 428.

68) «Лишь... не допуская мысли... о папстве св. Петра, мы легко можем понять и суд св. Павла, безапелляционный, над коринфским кровосмесником» (1 Кор. 5, 3-5) (287).

Ответ. — Роль папы вовсе не в том, чтобы быть **единственным** авторитетным пастырем, а в том, чтобы устранять злоупотребления и объединять. В суд Ап. Павла над кровосмесником Петру нечего было вмешиваться, так как в поступке Ап. Павла не было ничего **предосудительного** и не было тоже ничего **противоречащего** учению прочих апостолов.

69) Ап. Павел ходил в Иерусалим (Галат. 1, 18) «не на поклон к Петру-папе, не за благословением на начало проповеди, а для знакомства» (293).

Ответ. — Св. Иоанн Златоуст говорит о Петре: «Он был избранный из апостолов, уста учеников, верховный в их лике, почему и Павел приходил некогда видеть его преимущественно пред другими».¹

70) Пётр считал себя рабом Христа и отличался смирением: «Из такой души Петровой не могло произрасти папство» (307). Он не считал себя архипастырем, но „сопастырем пастырей“, как видно из 1 Петр. 5, 1 (308).

Ответ. — Все мы милостью Божией „рабы Христовы“; это большая честь для нас, и смирение Петра было бы очень незначительно, если бы оно состояло только в том, что он считал себя рабом Христовым. То, что Пётр именовал себя сопастырем апостолов, доказывает смирение первоверховного Петра только в том случае, если он **на самом деле** был чем-то больше других: нет никакого смирения в том, что товарищи называют друг друга товарищами, братья — братьями и т. д. Правильнее доказывать смирение Петра, как это делает св. Иоанн Златоуст: будучи большим, Пётр, несмотря на это, часто поступал как равный.² Нет никакого сомнения в том, что Пётр отличался изумительным смирением, особенно после того, как Господь с таким исключительным вниманием воспитал его для особенного служения. Именно из смирения Петрова, гораздо больше, чем из его власти, „произросло“ папство. Кто поставил папский авторитет на недостижимую высоту? Святые, т. е. смиренные папы — Келестин, Лев Вел., Григорий Двоеслов и др., и бесчисленные святые католического

1. Беседа 88 на Ев. от Иоанна, Полное собрание творений, С. Петербург, 1902, т. VIII, стр. 599.

2. См., напр., беседу 3 на Денния Апостолов.

мира, проникнутые древнехристианским убеждением, что смирение, по примеру Христа осуществляемое послушанием, есть самая верная и безопасная основа благодатной жизни, свободы, отрады и любви. Папство держится не на военной силе или материальных средствах, а на любящей преданности послушных, т. е. смиренных, епископов, священников и мирян.

71) Все апостолы равно уверовали в Христа как Сына Божия. Поэтому ублажение и „на сем камне” относятся равно ко всем апостолам (Мф. 16).

Ответ. — Предоставим св. Иоанну Златоусту ответить и на это возражение: Когда Пётр исповедал Христа Сыном Божиим, он удостоился слов Спасителя: *Блажен еси, Симон, сын Ионин*. Но «и прежде сего бывшие на корабле, после бури говорили: *Воистину Сын Божий есть*. Однако же не названы блаженными, хотя присовокупили — *воистину*. ...И Нафанаил также говорил: *Равви, Ты еси Сын Божий...*, однако не только не называется блаженным, но ещё обличается Господом... За что же Пётр называется блаженным? За то, что он исповедал Господа истинным Сыном. По сей причине Иисус Христос..., говоря с Петром, показал, Кто и открыл ему (истину)... Пётр только произносил, а научал его Отец...». «Те исповедали Иисуса Христа не таким сыном, как Пётр, но признавали воистину Сыном, подобным многим, даже превосходящим многих, только не из самой сущности Отца рождённым».¹

72) Весь смысл слов „паси агнцы, паси овцы” (Иоанн 21) сводится к заботе Спасителя только о душе Петра.

Ответ. — Спаситель имел в виду главным образом благо Церкви. Пусть опять ответит за нас Златоуст: «Обращаясь к верховному из апостолов, Он (Христос) говорит: *Пётр, любиши ли Мя?*, и когда тот исповедал любовь свою, Он прибавляет: если любишь Меня, *паси овцы Моя*. Учитель спрашивает ученика, любим ли Он им..., чтобы научить нас, как Он печётся о спасении этого стада... Он хотел показать тогда не то, сколько Пётр любит Его, но сколько Он Сам любит Церковь Свою».²

73) Спаситель всем апостолам одновременно сказал: идите научите все народы (Мф. 28, 19). Значит, все апостолы во всём равны.

Ответ. — Этот вывод совсем произвольный. Епископ, например,

1. Беседа на еванг. Матф., Москва, 1839, т. II, стр. 217-218.

2. Слово П о священстве, Творения, СПб, 1898, том I, стр. 413 сл.

может подготовить миссию к язычникам и назначить ей начальником одного опытного миссионера, а при напутственном благословении сказать всем вместе: «Трудитесь, молитесь, крестите, держитесь данных мною наставлений»; но это вовсе не значит, что он хочет упразднить служение начальника.

Глава пятая

ЦЕРКОВНОЕ ПРЕДАНИЕ О ГЛАВЕНСТВЕ ПЕТРА

Свидетельства свв. отцов в пользу главенства Петрова многочисленны; ограничимся лишь некоторыми из них. С иными текстами мы уже знакомы.

Начнём с западных отцов.

Св. Опат Милевитанский: «На епископском престоле в Риме восседал **глава всех апостолов, Пётр**; он получил название камня, чтобы в этой одной кафедре сохранялось единство».¹ «Христос предпочёл Петра прочим апостолам, и он один получил ключи царства небесного, чтобы преподавать их другим».²

Св. Амвросий: «Так как один только Пётр среди всех исповедал (божество Христа), то перед всеми и почитается... Господь дал ему приказание пасти не только агнцев..., не только молодых овец, но и взрослых; Он велел ему управлять ими».³ «Где Пётр, там Церковь».⁴

Св. Иларий восклицает о Петре: «О, блаженное основание Церкви, ...о, блаженный привратник небес, усмотрению которого вверяются ключи вечного входа».⁵

Св. Иероним следующим образом понимал обещание, данное Христом Петру: «Хотя на всех апостолах... утверждается укрепление

1. Против донатистов, II 2.

2. Там же, VII 3.

3. Толков. на Лук., к. X. 175.

4. Толк. на пс. 40.

5. Толк. на ев. Матф. XVI.

Церкви, но из двенадцати избирается один для того, чтобы, поставив главу, уничтожить повод к расколу».¹

Обратимся к восточным столпам древнего Православия.

О Петре они учили, что он «первоверховный в сонме учеников»², «верховный и первенствующий из апостолов»³, что «Господь избрал Петра быть **началовождем** своих учеников».⁴

Св. Василий Вел. говорит, что Пётр „за превосходство веры” получил «обетование, что на нём созиждется Церковь»⁵, что «Пётр был предпочтён **всем ученикам...**, которому вверены ключи царства небесного».⁶

Св. Григорий Богослов называет Ап. Петра несокрушимым камнем, «которому вверяются ключи»⁷, а в 32 слове он говорит: «Из Христовых учеников, которые все были достойны избрания, один именуется камнем, и **ему поверяются основания Церкви**».⁸

Св. Иоанн Златоуст называет Петра: „верховным из апостолов”, „камнем несокрушимым”, „неподвижной скалой”, „непоколебимым основанием”, „первоверховным в лике апостолов”, „основанием веры”, „предстоятелем всей вселенной”, „главою в лике апостолов”, и т. п. Петру Христос «предоставил руководить и устроить всё».⁹ Толкуя „паси овец Моих”, Златоуст пишет: «Если кто спросит: почему же престол Иерусалимский получил Иаков? — то я отвечу, что Петра Христос поставил учителем не для этого престола, но для вселенной... **Теперь ему вверено попечение даже о братии**».¹⁰ В 31 беседе на послание к Римлянам мы читаем: «Между учениками Христа не все были равны, но трое превосходили прочих. Даже между этими тремя было опять много различия... Петру (Христос)

1. Против Новиниана, Творения, Киев 1880, ч. IV, стр. 171.

2. Св. Невдор Пелусиот, схола. Прону, письмо 142.

3. Св. Кирилл Нерус., Огласит. слово II 19.

4. Св. Епифаний Кипр., Об ересях, 51, пар. 17.

5. Опровер. Евномия, Творения, Москва, 1891, III, стр. 54.

6. О суде Божиим, там же, 1892, V, стр. 18.

7. Похвала девству, Творения, Москва, 1889, стр. 59.

8. Творения, Москва, 1844, III, стр. 149.

9. Похвала св. Игнатию, Творения, изд. СПб Духов. Академ., т. II, 1912, стр. 650.

10. Беседа 88 на Иоан., там же, 1914, т. VIII, стр. 599-601.

отдаёт перед ними первенство».¹ Христос умер крестною смертью, «чтобы приобрести тех овец, которых Он вверил Петру и его преемникам».² Толкования Златоустого на Деяния Апостолов полны указаний на главенство Петра: «Пётр всегда первый начинает говорить, частью по живости характера, а частью потому, что Христос **вверил ему Своё стадо** и он был первым в лике апостолов».³ Пётр «первый распоряжается в этом деле (избрании Матфия), так как **ему вверены все**».⁴ Когда в день Пятидесятницы «мужи израильстии» начали упрекать апостолов, «сей **вождь в блаженном лике**, ... которому вверены были ключи неба..., смирил их страхом».⁵ Пётр «посещает всех»; он принимает решения везде, где «требовалась распорядительность».⁶ Ап. Пётр — «**глава сонма учеников**».⁷ «Таков был Пётр, верховный в сонме их, уста всех апостолов, **глава того братства, предстоятель всей вселенной, основание Церкви**».⁸ «После принятия Духа они (апостолы) стали иными, и во всём уже уступают первенство Петру».⁹ «**Пётр... глава в лике апостольском**».¹⁰ В беседах на Деяния Апостолов Златоуст называет Петра «военачальником»; в беседе XII на 1 послание к Коринфянам он поясняет роль военачальника: «Военачальник поставляется над войском для того, чтобы из отдельных членов **составить одно тело**».¹¹ «Христос (после воскресения) явился не всем вместе и не многим в начале, но прежде всех одному только, именно верховному из всех».¹² «Бог попустил ему (Петру) пасть, так как и его (как Моисея) намерен был сделать **начальником над всей вселенной**, чтобы... он был снисходителен...»;¹³ эти слова Златоуста заключают в себе лучший

1. Творения, 1903, т. IX, стр. 848.

2. О священстве, Слово II.

3. Беседы на Деяния, изд. СПб Духовной Академии, 1856, I, стр. 50.

4. Там же, стр. 58.

5. Там же, стр. 106.

6. Там же, стр. 378.

7. Творения, изд. СПб Духовной Академии, 1897, т. III, стр. 538.

8. Там же, т. IV, стр. 571.

9. Творения, т. VII, стр. 519.

10. Там же, стр. 553.

11. Творения, т. X, стр. 110.

12. Там же, стр. 390.

13. Творения, т. XII, стр. 289.

ответ на главное возражение против главенства Петра — его отречение.

Макарий Египетский говорит, что «Пётр стал преемником Моисеевым¹, когда вверены ему были новая Церковь Христова и истинное священство».²

Св. Кирилл Алекс. называет Петра «**предводителем** учеников», «первоверховным над прочими» и т. п. (см., например, его толкование 21 главы Иоанна).

Многозначуци и следующие слова св. Ефрема Сирина: «Иоанн (Креститель), когда увидел, что течение его жизни достигло конца, передал своё стадо Князю пастырей, подобно тому как и Господь, дабы показать пастырское попечение, какое имел о Своём стаде, передал его во время смерти Своей старейшему из пастырей, Петру, коего уста исповедили Его, коего слёзы послужили ручательством. Прежде чем Господь получил это ручательство, не дал ему даже немногих овец, и тройное исповедание, какое дал Пётр, принял как верный залог за три части стада, кои передал ему».³ Разбирая знаменитый текст 16 главы Матфея, св. Ефрем называет Петра «**главой и князем**» и как такового **противополагает** прочим апостолам; пересказывая обещание Христово, он пишет: «Блажен ты, Симон, и врата ада не одолеют тебя»⁴; Пётр, в его глазах, — «**глава общества учеников**»⁵.

Св. Астерий Амасийский, современник св. Иоанна Златоуста, причисленный к отцам Церкви и столпам православия седьмым вселенским собором, в следующих выражениях определил значение Петра, «главы апостолов», в Церкви Христовой: «Исаия говорит пророчеству, что Отец положил Сына камнем краеугольным, показывая, что весь состав мира имеет Его своею основою и опорю. А Единородный, как говорится в Евангелиях, называет **в свою очередь** Петра основанием Церкви: *ты Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою*. И действительно, он первый, как бы камень какой великий и крепкий, был ввержен в ров мира сего, или в долину плача, как говорит Давид,

1. По мнению некоторых отцов, Пётр был тем орудием, через которое Христос основал и возглавляет Свою Церковь, как Моисей был орудием Бога при основании «Моисеева закона» и возглавлении «церкви» Ветхого Завета.

2. Беседа 26, изд. Московской Духовной Академии, 1904, стр. 204.

3. Толкование на Четвероевангелие, Творения ч. VIII, Сергиев Посад, 1914, стр. 132.

4. Там же, стр. 197.

5. Там же, стр. 199.

дабы, поддерживая всех христиан, названных на нём, вознести к вышоте, которая есть жилище упования нашего. *Никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос* (1 Кор. 3, 11). Подобным же названием Спаситель наш почтил и первого ученика Своего, нарекиши камнем веры. Итак, чрез Петра, бывшего истинным и верным тайноводителем благочестия, сохраняется **твёрдое и непоколебимое основание Церкви**. Строением праведного стоим мы, сущие от восхода солнца до запада христиане, крепко утверждённые... Спаситель наш, когда по восприятию добровольной смерти намеревался освятить человечество, как некий особенный залог **вверяет целую вселенскую Церковь** этому мужу, трижды допросив его: „любишь ли Меня?“. И когда на эти вопросы Пётр с большою готовностью предложил равное количество признаний, он получил мир в своё попечение, **как един пастырь — едино стадо**, услышав: *паци агнцев Моих*. И почти вместо Себя Господь даровал самого верного ученика в **отца, пастыря и наставника для пришельцев веры**».¹

Св. Иоанн Дамаскин, в слове на Преображение Господне, обращается к Петру со словами: «Господь сделал тебя **начальником и руководителем не палаток, но всей вселенской Церкви**» (пар. 16).

Русские Месячные минеи в следующих выражениях прославляют Петра: «Днесь нам **основание Церкви**, Пётр, камень веры, предлагает честные свои вериги...» «Законы Христовы утвердил еси...» «яко апостолов верховный, яко **догматов основание** неподвижно...» «Рима не оставль, к нам пришел еси честными веригами, яже носил еси апостолов первопрестольне» (16 янв.). «Петре, **апостолов основание**, камению Христовы Церкви, христианом начало, паси овцы твоего двора славно... Верховнейшего апостолов днесь воспоем... Киими похвальными венцы увязем Петра и Павла — оваго убо яко **Апостолов предначальника**, оваго же яко паче инех трудившегося» (29 июня). «Рима же ты был еси первый епископ... и Церкви Петре утверждение, и врата ада не одолеют во истину ея, якоже Христос предрече» (30 июня). В „прологе“ того же дня и в разных местах Миней Пётр назван: **наставник апостолов, начало православия**,

1. Слово в похвалу свв. Апостолов Петра и Павла, в «Богословском Вестнике», изд. Московской Духов. Акад., 1892, июнь. стр. 383 и 396. О св. Астерии Амас. см. там же, январь.

Церковь Божия, **вождь апостолов**, твёрдый камень веры, **пастырь владычный всех апостолов**, **предстатель Церкви**, верховное основание апостолов и т. д. Христос построил Свою Церковь „на тебе, Петре,, (там же, собор св. апостолов).

То или иное из приведённых выражений касающихся Петра (святоотеческих и богослужебных), в отдельности взятое, может быть применимо и к другим апостолам. Иаков был „первым” и „первопрестольником”, ибо вручённая ему Иерусалимская епархия была первой в хронологическом порядке. Павел был первоверховным в том смысле, что он „паче инех” потрудился над распространением христианства. Андрей нередко называется „первейшим” учеником потому, что он был „первозванным”. Но если принять во внимание тот факт, что в Предании Петру, и притом ему одному, **постоянно** прилагаются эпитеты определённо обозначающие **исключительное верховное папство над всеми** (например, «пастырь всех апостолов»), то станет ясным, что в том же смысле следует понимать и такие прославления „первоверховного”, которые, сами по себе, могут быть применимы и к другим апостолам. Наше доказательство главенства Петрова построено не на том или ином эпитете, а на **совокупности** бесчисленных выражений, которыми Предание отмечает исключительное положение, занимаемое Петром.

Остановимся на главных возражениях.

1) Отцы говорят иногда о тождестве власти Петра с властью прочих апостолов.

Ответ. — Те же отцы подчёркивают и исключительную верховную власть Ап. Петра. Мы, как они, различаем **два служения Петра**: одно, общее и **равное** со служением всякого апостола, другое, свойственное **только Петру** и заключающееся в обязанности объединять всех и руководить братскою соборностью. Как апостол, Пётр равен Матфею, Иоанну или Павлу; как „кифа”, он выше их. Поэтому и преемники Петра, как священники, равны любому подлинному священнику, а как носители служения Кифы, — выше всех епископов. Совмещение в одном лице высшей власти с низшей и частичной вполне возможно и фактически постоянно встречается в жизни; монарх, например, может быть одновременно отличным полководцем. Если Христос, будучи Богом, в то же время мог быть человеком, настолько „равным” всем людям, что Его божество ускользало от большинства людей, — то разве Господь не властен был поручить всех Своих учеников Петру, в отношении священства

и апостольства до смерти оставшемуся равным своим соапостолам? Сочетание высшего с низшим и власти со смирением составляет чуть ли не наиболее характерную черту христианства. Поэтому, когда отцы отмечают эту черту в Петре, то в этом нет ничего удивительного, и нельзя усматривать в их словах отрицание главенства Петра.

2) По крайней мере св. Киприана следует считать противником главенства Петра, ибо в своём труде „О единстве Церкви” он определённо говорит, что «прочие апостолы имеют равное с Петром достоинство».

Ответ. — Равенство, о котором говорит св. Киприан, касается апостольского служения в точном смысле, и мы нисколько не отрицаем этого равенства. В этом же труде, он отмечает и **другое**, „верховное” служение Петра. Он между прочим пишет: «Господь основывает Церковь Свою на одном и ему вверяет овцы Свои, чтобы пас их... Всякое начинание происходит от единства, и Петру даётся первенство, чтобы показалось единство кафедры... **Кто отделяется от престола Петра, на котором основана Церковь, может ли полагать, что он ещё в Церкви?»**.¹ «Один есть Бог и один Христос и Церковь одна, и кафедра, основанная по слову Господа на камне, — одна».²

3) Эпитеты прилагаемые отцами Петру, — ораторские гиперболы.

Ответ. — Эти эпитеты обычны не только в ораторских произведениях отцов, но и в их богословских сочинениях, **лишённых ораторской окраски**, и в их личной переписке. Кроме того, крайне оскорбительно для свв. отцов предполагать, что они проповедывали ложью и „гиперболами”. Наконец, постоянное и общераспространённое употребление какого-либо термина, выражающего определённое служение, никак не может быть объяснено требованиями риторики. Нельзя тоже объяснить ораторским пустословием и тот факт, что слово „верховный” часто употребляется отцами как **собственное имя** Петра, чтобы отличить его от других апостолов.

4) Толкуя Матфея 16, Ориген под словом „петра” понимает всех апостолов (Минь греч., 13, 998). То же толкование мы находим у блаж. Иеронима (Минь лат., 23, 247), Кирилла Алекс. (Минь греч., 70, 940), блаж. Августина (Минь лат., 37, 1101) и Феодорита (Минь греч., 80, 1562).

1. Творения св. Киприана, Киев, 1879, II, стр. 172.

2. Там же, I, стр. 124.

Ответ. — Ориген в том же труде отождествляет „петра“ с Петром. Там, где он под словом „петра“ имеет в виду всех апостолов, он определённо говорит и о всех христианах: он уподобляет их Петру, но не в отношении пастырской власти, что было бы абсурдом, а с точки зрения нравственного совершенства: он ясно говорит, что кто пребудет верен Христу, тот удостоится, подобно Петру, ублажения Господня. Если считать, что это приравнение Петра прочим апостолам должно распространяться на все полномочия данные Петру, то **на том же основании** следует отрицать епископство и священство, так как в том же толковании слова „петра“ Ориген приравнивает всех верующих Петру и апостолам. Надо быть последовательным. Блаж. Иероним, в указанном месте, говорит об участии апостолов в свойстве Петра быть основанием Церкви, но в зависимости от Петра, под его главенством. Августин, Феодорит и Кирилл Алекс., имея в виду псалом 86 и Ефес. 2, 20, тоже подчёркивают только участие, которое все апостолы принимали в основании Церкви и которое никем не оспаривается; нигде они не говорят, что в отношении **верховой** власти все апостолы были равны. Наоборот, в других местах своих сочинений они недвусмысленно учат, что Пётр был главою апостолов.

5) Св. Василий Вел., в слове о покаянии, говорит: «Пётр сказал: Ты еси Сын Бога Всевышнего, и похвален, услышав от Него: ты еси камень. Ибо хотя он камень, но камень не как Христос, но камень как Пётр. Господь есть камень неподвижный, Петра же делает камнем, ибо сообщает другим Свои свойства, но сообщает не совлекаясь Сам. Он есть Свет и говорит апостолам: вы свет миру, Он священник и творит священниками, Он Агнец и посылает их, как агнцев среди волков; Он Камень и утверждает камень, рабам Своим даруя Своё». Итак, св. Василий слово камень относит не только к личности Петра, но и к прочим апостолам.

Ответ. — Мысль св. Василия вовсе не та, будто Христос все свои свойства **равно** сообщает всем апостолам; он просто на примерах показывает, что Спаситель делает людей участниками Своих свойств, Сам не лишаясь их. Речь идёт о **способе** сообщения людям свойств Христовых, а не о том, будто все эти свойства даются всем и в равной степени. Текст этот можно привести скорее в пользу примата: по мнению св. Василия, Спаситель делает всех апостолов светом, священниками, агнцами; только Пётр, камень, упоминается — два раза — в единственном числе. Какой же смысл было делать это исключение, если бы намерение святого писателя было как раз обратное — утвер-

ждать, что все были в равной степени скалою, на которой силою Христовою зиждется Церковь?

Мы не будем разбирать остальных возражений, приводимых из отцов, против главенства Петра. Все эти возражения или тексты, в которых под символом камня понимается Иисус Христос или вера Петра, опровергают вовсе не католическое учение о главенстве Петра, а только напрасно приписываемое католикам фантастическое учение, будто „не Христос, а Пётр” та скала, на которой зиждется Церковь, будто Церковь построена не на вере Петровой, будто Пётр, как апостол, не был равен другим апостолам и т. д. Все указанные возражения легко разрешаются, если иметь в виду все элементы католического толкования Матф. 16. По католическому учению: 1) „Камень” (скала), на котором построена Церковь, в безусловном и **источном** смысле этого слова — только Христос, вовсе не Пётр. 2) Пётр — скала Церкви в существенно **относительном** смысле, как верховное орудие и служебное выражение единственного безусловного главенства Христа над Церковью и Его папства над пастырями. 3) То, что делает Петра „скалою” в отношении пастырей и пасомых, не столько его добродетельная жизнь, или природные познания и преимущества, или влияние на других учеников Христовых, а именно его вера, свыше ему сообщаемая ради сохранения чистоты веры во всей Церкви. 4) Церковь построена на подвигах всех апостолов, Петром возглавляемых и своими апостольскими преимуществами равных ему и в некоторых отношениях даже превосходящих его. Только в сочетании этих истин учение о главенстве Петра имеет смысл и жизненность, только в совокупности этих друг друга **восполняющих** и определяющих положений учение о главенстве Петра соответствует с одной стороны данным Евангелия, с другой — жизненному процессу раскрытия папской власти в Церкви.

Отцы не писали богословских трактатов о Церкви. Оттого они лишь редко приводят полный синтез указанных истин, когда они толкуют 16 главу от Матфея, преследуя какую-либо определённую апологетическую или назидательную цель. Смотри по этой ограниченной цели, требуемой обстоятельствами, они и подчёркивают тот или иной аспект этого синтеза. Когда им приходится бороться против обмирщённого, демократического представления

о Церкви, они говорят о Петре, как скале Церкви. Против еретиков, отрицающих Божественность Иисуса Христа, они охотно ссылаются на камень веры Петровой в Христа Сына Бога Живого, веры которою держится вся Церковь; этим они, конечно, вовсе не отрицают ни камня-Христа, ни камня-Петра. Желая подчеркнуть перед язычниками, что Церковь божественного происхождения, что она основана Самим Иисусом Христом, они говорят о Камне-Христе-Боге, не отрицая этим значения Петра и других апостолов. Очень часто один и тот же церковный писатель и учитель, смотря по теме сочинения, упоминает то только о Петре-скале, то только о Христе-Скале, то только о вере Петровой; это не противоречие, а частичное изложение истины.

Все тексты выше указанных возражений имели бы силу против католического учения только в том случае, если бы они заключали пояснения, положительно **исключающие** главенство Петра среди апостолов, ограничивающие власть Спасителя, доказывающие, что Христос не мог призвать Симона к участию в собственном „петровстве”, как его внешнее проявление. Но именно этого у отцов и нет, между тем как обратное встречается часто. Вспомним также, что было сказано об органическом развитии Церкви: истины Христова домостроительства осознавались Церковью только постепенно; отцы — не посторонние наставники, а изнутри связанные с нею таинственными узами свидетели её органического развития в учении и жизни.

Весьма важно иметь также в виду, что очень часто отцы Церкви говорят об Ап. Петре, каким он был **до** вручения ему **воскресшим** Спасителем верховной власти в Церкви: во всех этих случаях приписывание Петру главенства было бы неуместным. Точно так же современные католические богословы и духовные писатели, нисколько не сомневающиеся в главенстве Петра, обыкновенно не упоминают об этом примате, когда они имеют в виду Петра при земной жизни Иисуса Христа. Большинство возражений против примата Ап. Петра, заимствованных из творений отцов, основано на ошибочном предположении, что, по католическому учению, Пётр был главою апостолов с тех пор как он стал учеником Христовым.

Пётр почти не проявлял своей власти в среде апостолов; но из этого вовсе не следует, что он этой власти не имел: по существу своему власть в Церкви есть средство, которое применяется

в случаях **надобности**; а в сношениях между апостолами таких случаев почти не было.

И ещё раз напомним: из того, что Пётр был равен другим апостолам во **многих** отношениях, отнюдь не следует, что он не превосходил их в отношении своего особого служения, как лицо всех других потенциально объединяющее.

Рассмотрим здесь главные возражения из богослужебных книг, собранные митр. Сергием в его труде «Двоенадесятица свв. Апостолов».

1) Эти книги говорят о „хоре”, о „лике” апостолов, о двоенадесятице, о десятице, об осмерице, о двойце апостолов. Значит, нет места для главенства Петрова.

Ответ. — Нет места для деспотического главенства, перед которым апостолы были бы только исполнителями приказаний. Есть место для католического понимания верховной церковной власти, как гармонического сочетания братского отношения с главенством. К тому же, богослужебные книги имеют часто в виду жизнь апостолов ещё до воскресения Христова, когда Петру верховная власть ещё не была дана.

2) Св. Апостол Иоанн назван „чиноначальником лика” (стр. 318).

Ответ. — Возражение заимствовано из Кан. Феоф., п. 8, тр. 2. Из всей этой песни явствует, что Иоанн — чинователь апостолов вовсе не как верховный пастырь и „скала”, ибо это касается только Петра, а как передовой богослов, указавший всем, как надо славословить, воздавать Богу хвалу **песнопениями**: вот всё предложение, из которого заимствовано возражение: «Богослова имуще лику чинователя, Ты от него Христе **благословима**, Бога возвещаем со Отцем и Духом, и **единоначальственне песнословяще** вопием: **отроцы благословите, священницы воспойте, людие превозносите во вся веки**». Итак, Иоанн, в данном случае, начальник в относительном смысле — в хвалении, богослужебном прославлении Бога. В этом особом смысле он несомненно — верховный среди апостолов. Этим, конечно, не уничтожается архипастырская власть Петра.

3) Апостольский лик — двоенадесятострунный орган, на котором играет Дух Утешитель (стр. 320).

Ответ. — Дух Святой — „душа Церкви”, Он наполняет Своей благодатью, Своей „игрой”, не только апостольский лик, но и всех благочестивых христиан. Благодать не только не исключает, а,

наоборот, подразумевает смирение, соподчинение, послушание орудию Божией власти, порядок.

4) В службе 29 июня, кан. Иоанна Дамаскина, п. 1, Пётр правда назван первоверховнейшим апостолов, но тут же и указано в каком смысле: „яко первозванного Христова... воспоим“. Значит, Пётр отличался от других только тем, что раньше других был призван к апостольству (стр. 331).

Ответ. — Почему автор упомянул только первое „яко“, и пропустил второе, именно „яко предстателя Своея церкви“ и т. д.? Грамматически „первозванного“ относится к „воспоим“; как видно из следующего стиха, это слово касается предвечного „призвания“: „Тя Предвечный проуведев предустави“. Св. Иоанн Дамаскин безусловно признавал главенство Петра.¹

5) Пётр в богослужебных книгах — „проэдрос“, по-славянски „председатель“, т. е. президент; таких президентов на собраниях в Афинах было девять. Значит, Пётр просто один из двенадцати президентов-апостолов (стр. 334).

Ответ. — Не надо преувеличивать сходство с языческими собраниями. Русское слово „иерей“ происходит от греческого „иереус“; неужели мы на этом основании станем утверждать, что все христианские священники властны только гадать по внутренностям животных? На первых порах христианам из греков и латинян приходилось употреблять слова заимствованные из античного языческого обихода, но содержание этих слов определялось у них не античными нравами, а учением Христа Спасителя. Власть христианского проэдроса настолько больше власти афинского временного чиновника, насколько христианство совершеннее язычества. Ведь и христианские епископы имеют больше власти и достоинства, чем языческие „епископой“ — надзиратели, хранители, лазутчики.

6) Пётр „предначальник апостолов“, апостолон проэкархос — „идуший впереди апостолов, но по чести, по старшинству, а не со властью, авторитетом и полномочиями первого, как главы над одиннадцатью“ (стр. 335).

Ответ. — Это совсем произвольное толкование. Какой же смысл религиозно прославлять и хвалить Петра за то, что он, в поправление заповеди Христовой, осуждающей всякое мирское, пустое, на особом

1. Подробное доказательство читатель найдёт в нашей статье «Der hl. Johannes von Damaskus und die antirömische Polemik», в журнале Zeitschrift für Katholische Theologie (Innsbruck), 1919, стр. 78-104.

служении не основанное честолюбие, будто бы горделиво „идёт впереди“? Ведь такому Петру совсем нет места не только среди апостолов, но и вообще среди назидательных христиан.

7) В службе 29 июня читаем: «Церковного камня всехваляемого Петра и поборника Павла, мирскую мрежу, достойно восхвалим, вернии, яко имуща ключи небесныя». Значит, Павел равен Петру во власти (стр. 342).

Ответ.— Власть ключей содержит в себе, между прочим, и власть отпускать грехи; без сомнения в этом отношении не только Павел, но и бесчисленные простые священники имеют власть ключей. Но Пётр обладал полнотою власти ключей, верховной архипастырской власти, превосходящей одностороннее полномочие отпускать грехи. Оттого в Минеях один Пётр именуется, и притом несколько раз, просто „ключарем“. Павел же имел ключи — в более полном смысле, чем простая власть отпускать грехи — вследствие своей близости к „ключарю“, своего сотрудничества с Петром в Риме, и своего личного призвания.

8) В кан. Иосифа 16 янв. мы читаем: «Трижды отвергся еси Христа, тем же вопрошением трикратным исцеляет твое согрешение, Петре славне»: исцеляет согрешения, а не возводит в папское достоинство (стр. 344).

Ответ.— Вполне согласно с учением некоторых отцов, что троекратным **вопрошанием** Христос исцелил грех его троекратного отречения. Но из этого вовсе не следует, что „паси овец Моих“ касается только падения Петрова. По учению отцов, как мы видели выше, „паси овец Моих“ следует понимать в смысле поручения Петру верховного пастырства.

9) Богослужебные книги не раз упоминают о всех апостолах, как ветвях на лозе. «Кто дерзнет говорить о преимуществах какой-либо ветви на лозе?» (стр. 347).

Ответ.— Всё это касается благодатной жизни во Христе, а не пастырских полномочий. Если свойство быть ветвью на Лозе-Христе исключает всякое другое преимущество, то на том же основании надо утверждать, что все апостолы, епископы, священники ничем не отличаются от благочестивых мирян, что в Церкви не должно быть никакого пастырства и никакого священства: ведь любой благочестивый христианин есть „ветвь“ на Христе-лозе.

10) В Минеях все апостолы названы солью, светом, лучами, рыбами, друзьями Христовыми, стрелами, трубами, конями, врачами, спасителями, горами, молниями и т. д. Все они равно Божии стрелы,

лучи и т. д. При таком полном их равенстве нет места для главенства Петра (стр. 348 и сл.).

Ответ. Одно из двух: все эти эпитеты или исключают всякие различия и преимущества одних апостолов перед другими, свидетельствуя о „полном равенстве“, т. е. равенстве во всех отношениях, или нет. В первом случае, пришлось бы вычеркнуть из Нового Завета всё в нём сказанное о благодатных откровениях, данных Иоанну, об апостольских преимуществах Павла, об особенном внимании Господа для Петра, Иакова и Иоанна, о том, что Иуде были поручены деньги „лика“ и т. д.; т. е., другими словами, надо исказить основы христианства до неузнаваемости. Во втором же случае, нет никакого основания делать исключение для одного Петра, можно признать и за ним особую роль и служение в отношении апостолов.

Остальные возражения митр. Сергия и других антикатолических толкователей богослужебных книг настолько слабы, что нет никакого смысла разбирать их. Упомянем только главный аргумент протоиерея К. Зноско, ибо иных он всё-таки может легко ввести в заблуждение. Зноско пишет: «Иакову в день его памяти Церковь воспеваает так: Яко князь Апостолов поставлен был еси по всей земли (30 апр. п. 8)». ¹ Заключение, какое отсюда можно вывести, ясно: Иаков такой же глава всех апостолов, как и Пётр, а это опять-таки значит, что нет никакого видимого главы апостолов. Мы проверили приведённый текст, сличив его с синодальным славянским изданием Миней. Оказалось, что там напечатано не «князь апостолов», а «князь апостол». Слово же «апостол», по-славянски, может быть формой и именительного падежа един. числа и родительного падежа множ. числа. Вопрос о том, в каком смысле употреблено в данном случае слово «апостол», может быть разрешён только сличением с греческим оригиналом. В греческом же издании 1798 года (стр. 131), равно как и в Афинском новом издании 1904 года (стр. 126), мы читаем не «архон апостолом» (род. множ.), а «архон апостоле» (зват. един. числа), что коренным образом меняет смысл. Итак, Иаков вовсе не «князь апостолов», а просто апостол, т. е. «князь» верующих, как и все апостолы.

1. Прот. К. Зноско, Римская неправда, Варшава, 1932, стр. 53.

Глава шестая

ПОСТОЯНСТВО ВЕРХОВНОГО СЛУЖЕНИЯ ПЕТРОВА

Церкви, построенной на Кифе, обеспечена незыблемость. С иерархией Своей, возглавляемой Петром, Христос обещал пребывать до скончания века. Раз установленный Спасителем строй Церкви меняться не может. В Церкви должно быть постоянно живо и действительно как общепостольское — епископское — служение, так и верховное служение Петра. Симон, сын Ионин, вскоре умер, но возложенное на него служение перешло на его преемников. С общим развитием Церкви и епископата, оно должно было расцвести и окрепнуть на „кафедре Петровой“.

Согласно Преданию и голосу всей древней вселенской Церкви, Пётр умер в Риме.

О том, что Ап. Пётр некоторое время пребывал в Риме как апостол и пастырь и там же умер мученической смертью, свидетельствуют, между прочими: Климент Римский (К Коринф. 5-6); Игнатий Богоносец (К Рим.); Климент Алекс. (у Евсевия II 15; VI 14); Дионисий Кор. (у Евс. II 25); Иринея Лионский (Прот. ересей, III 3); Тертуллиан (De прескр. 32, 36 и др.). Эти свидетельства подтверждаются археологическими открытиями: так, надгробные надписи, составленные св. Дамасом в Риме, говорят о пребывании там обоих апостолов Петра и Павла.

Из древнейших списков Римских епископов (Егесипп, Иринея) явствует, что Пётр был настоятелем Римской Церкви. В церковном Предании Римский епископский престол называется «*cathedra Petri*», «престол Петра» (Киприан, Опат, Иероним).

В конце I послания Ап. Петра (5, 13) мы читаем: *Приветствует вас... церковь в Вавилоне и Марк, сын мой*. Итак, Пётр писал из „Вавилона“. Вавилоном тогда называли Рим и христиане и евреи, как это видно из книги Откровения, из древних еврейских книг, из Сивиллиных книг, из Церковной истории Евсевия (II 15) и т. д. Ап. Пётр наверно не писал своего послания из старого Вавилона в Месопотамии, который тогда был разрушен и необитаем (Страбон, 16, 1); да никто никогда не упоминал о пребывании Петра в этом Вавилоне; то же самое можно сказать и о старой Египетской деревушке „Вавилон“.

Все серьёзные современные христианские историки признают, что Ап. Пётр умер в Риме.

Как смотрели на своё главенство папы первых веков, преемники Ап. Петра на Римской кафедре?

«Из I столетия к нам дошло послание папы св. Климента, написанное к Коринфянам, по случаю возникших в Коринфской церкви беспорядков. Коринфская церковь была очень отдалена от Рима. Происшедшая в ней распря случилась ещё при жизни св. Иоанна Богослова, последнего из двенадцати апостолов, жившего гораздо ближе к Коринфу, чем Римский епископ. И всё-таки ни отдалённость расстояния, ни присутствие в Ефесе Иоанна Богослова, не помешали св. Клименту властно вмешаться в дела Коринфской церкви. Он отправляет к коринфянам послание, в котором строго осуждает их за производимый ими соблазн...: «Если некоторые не послушают того, что Христос через нас вещал, то пусть знают, что их душам угрожает великая опасность, мы же будем неповинны в этом грехе» (гл. 59). Так мог писать лишь человек глубоко убеждённый в своей вселенской власти.¹ Послание папы было принято с таким благоговением, что ещё долго потом читалось в Коринфской церкви наряду с апостольскими посланиями.

«Во II столетии греческие церкви обращаются к папам с вопросом о введении во всей Церкви одновременного празднования Пасхи. Папа Виктор предписывает согласоваться с обычаем Римской церкви, а послушникам грозит отлучением...»

1. О послании папы св. Климента даже протестантский историк Гарнак выражается так: «Это послание доказывает, что уже в конце I века римская община выработала у себя прочное устройство, что она с материнской заботливостью следила за отдалёнными общинами и что умела тогда говорить языком... долга, любви и власти» (Dogmengeschichte, I, 3, стр. 444).

«В III столетии папы осуждают не только те ереси и заблуждения, которые появились в самой римской епархии, но и возникшие в отдалённых церквях. Так, папа Зефирин отлучает от Церкви монтанистов; папа Стефан осуждает африканский обычай перекрещивать еретиков; папа Дионисий, до которого дошли слухи о будто бы ложном учении другого Дионисия, архиепископа Александрийского, предписывает последнему прислать оправдание, и Дионисий Александрийский беспрекословно повинуетя римскому епископу».¹

Весьма поучительно дело константинопольского патриарха Нестория. Папа Келестин, православный святой, лично осудил Нестория и велел Александрийскому патриарху, св. Кириллу, привести этот приговор в исполнение. «Ты — писал папа Кириллу — приняв на себя подобающую власть и заступив наше место с усвоенною ему властью, приведи **в исполнение** с непреклонною твёрдостью этот приговор: в продолжение десяти дней... он должен письменно исповедать неправоту проповедуемого им учения... (Надо, чтобы епископам) известен был наш суд о нём, или вернее **божественный суд Христа нашего**».² Уже в первые века христианства, папы, в особенности отличавшиеся высокой святостью, сознавали, что их суд есть суд Самого Христа и что все должны подчиняться их решениям. Так как Несторий продолжал упорствовать, то для устранения смуты был созван Ефесский вселенский собор; но и этот собор, повинуваясь папе, только привёл в исполнение постановление папы: «Святой собор изрек: **...Мы вынуждены были, на основании канонов и послания святейшего Отца** и сослужителя нашего Келестина, епископа Римского, произнести против него (Нестория)... следующее определение».³

Учение о папской духовной власти и её основах пространно и очень ясно изложено другим знаменитым поборником древнего православия, св. Львом Великим. Все это признают.

Папа святой Григорий Двоеслов писал имп. Маврикию: «Всем читающим Евангелие известно, что словом Господним вверено св. Петру, князю всех апостолов, попечение над всею Церковью... Я защищаю дело Бога, дело вселенской Церкви».⁴

1. И. Забужный, Православие и Католичество, изд. 1922 г., стр. 56-58.

2. Деяния Всел. Соборов, Казань, 1859, I, стр. 366-370.

3. Деяния Всел. Соборов, там же, стр. 592. См. также статью «Свв. Келестин и Кирилл», в Католическом Временнике, II, стр. 15-61.

4. Минь латин., т. 77, ст. 745.

Весьма характерен и поучителен тот факт, что **те папы первых веков, которые проявляли больше всего твёрдости и мужества в отстаивании учения о главенстве Римского епископа, были причислены к лику святых и по сей день почитаются как святые, даже в автокефальных восточных церквах.**

В русской месячной минее, мы читаем о папе св. Клименте (25 ноября): «Петра верховного ученик, Отче, быв, на камени того создал еси, яко камень честный тебе самого, всехвальне... Священно-начальник явился еси, к благочестивой вере Христовой вся возводя божественными твоими сказаниями. Новый Пётр, Петрова престола преемник показался еси, просвещающая всю тварь». 2 янв. о папе св. Сильвестре Церковь поёт: «Столп явился еси огненный, священно предводя священный собор... Верховник явился еси священного собора, священнотаинниче, и верховного учеников (Петра) украсил еси престол... Яко божественный верховник священных Отцов, **священное учение утвердив**, еретиков заградил еси уста». 18 февраля Церковь взывает к папе св. Льву Великому: «Что ты именуем, богодухновенне? **Главу** ли православныя Церкви Христовы?... Проповедника ли истины и **основание** твердо, старейшину верховного собора честного (Халкидонского вселенского собора, С. Т.)?... Петра верховного престола наследник был еси... Петра честного преемник и сего начальством обогатился, уста заградил еретикам». 14 апреля Церковь поёт св. Мартину, папе: «Что ты ныне, Мартине, провещаем? Православных учений наставника всеславна, **верховника священных повелений** неложна... Собрал еси священ, Мартине, собор и церковное **утвердил** учение... Яко же лев, отче, уповав, на незаконные дерзостно наскочил еси, Феодора и Сергия и Петра и сих единомышленные отлучая от Христовы святые Церкви, украсив Петров божественный престол и на того камени Церковь неколеблему соблюди». Итак, древнее православие хранило религиозную веру в то, что Римский епископ есть преемник „верховного учеников”; оно верило в главенство пап.

Хотя у отцов Церкви учение о главенстве преемников Петра ещё не обладает той логической законченностью, которую оно

1. Намёк на возглавление I вселенского собора папскими легатами.

получило впоследствии, а словесные формулы, в которые они облекают это учение, то слишком суживают, то чрезмерно расширяют пределы папской власти, — бесспорно то, что, по мнению св. отцов, **согласие Апостольского Римского престола необходимо** для действительности окончательных догматических определений и вообще для решения важных вопросов, касающихся всей Церкви. Из логической предпосылки святоотеческого взгляда на папство прямо вытекает то определение папского главенства, которое было провозглашено Ватиканским вселенским собором.

Когда Римский епископ утвердил догматическое определение двух соборов против нелагинанской ереси, то св. Августин с радостью сообщил об этом верующим: «Оттуда (из Рима) пришли уже бумаги. Итак, дело кончено».¹ Это положило начало знаменитому *Roma locuta, causa finita*.

Епископы даже наиболее отдалённых восточных церквей, в важнейших церковных делах, обращались за решением к Римскому престолу. Православные восточные святители, преследуемые еретиками или цезарепапистами, прибегали к защите Римского епископа, ибо видели в нём богоустановленного стража незыблемости Церкви. Св. Иоанн Златоуст восклицает: «Это (римский престол) — наша стена, наша твердыня, наша необуруемая пристань, наша сокровищница неисчислимых благ, наша радость и основа нашего удовольствия».² Ещё раньше, Златоуст просил папу осудить и низложить небагочестивого Александрийского патриарха Феофила. По этому поводу он писал папе: «Я умоляю любовь вашу... сделать всё, чтобы прекратить это зло... Потрудитесь объявить посланием, что всё, так противозаконно сделанное в отсутствие наше..., **не имеет никакой силы...** и обличённых в таком преступлении предать наказанию по церковным законам».³ Златоуст видел в папе высшего судию по делам веры не вследствие его личных качеств, а потому, что, согласно Преданию, считал его преемником «главы сонма учеников» (стр. 538). Св. Афанасий Великий и другие православные епископы, сверженные арианами со своих кафедр, также нашли защиту у папы. Вот как повествует об этом Сократ Схоластик,

1. Слово 131, Минь латин., т. 38, ст. 734.

2. Творения, изд. СПб Духовной Академии, т. III, 1897, стр. 558.

3. Там же, стр. 555.

греческий историк V столетия: «Они (т. е. Афанасий и другие епископы) известили о своих делах Римского епископа Юлия, и Юлий, пользуясь преимуществами Римской церкви, дал им уполномочительные грамоты, которыми возвращалось каждому его прежнее место, и письма, в которых выражалось негодование на опрометчивых изгнателей, и с этими грамотами и письмами отпустил их на Восток. Отправившись из Рима и указывая на полномочия епископа Юлия, они снова взяли свои церкви».¹

Чаще всего греческие епископы обращались к Римскому престолу тогда, когда вере угрожала опасность со стороны еретиков. Когда ересь Македония опустошала восточные церкви, св. Василий Великий писал папе, что только его вмешательство может отвратить опасность, и просил прислать на Восток папских легатов для водворения порядка и «единственного избавления».²

Блаж. Феодорит Кипрский, защищаясь против своих обвинителей, писал папе св. Льву: «Если Павел, глашатай истины, труба Святого Духа, обратился к великому Петру, чтобы тот дал разрешение спорившим в Антиохии касательно жизни по закону Моисееву,³ то тем более мы, незначительные и маленькие, прибегаем к Вашему Апостольскому престолу, чтобы получить от вас врачевание язвам церкви... Мы и убеждаем, и просим, и молим, и умоляем Твою Святость помочь обуреваемым церквам Божиим... Я ожидаю решения вашего Апостольского престола, прошу и умоляю Твою Святость позволить мне явиться по вызову к правильному и справедливому суду вашему и приказать идти к вам... Я прошу вас сообщить, должен ли я признавать это несправедливое низложение или нет? Я жду вашего решения. И если **постановите**, чтобы я оставался при этом осуждении, то я останусь... Прошу ваше преподобие... पहले всего всеми силами заботиться о подвергшейся замыслам вере и сохранить церквам отеческое наследие неповрежденным».⁴ В своём ответе Феодориту, великий папа, между прочим, писал: «...Члены согласуются с **главою**... Чтобы не показалось, что нет добровольного согласия других престолов с тем, который **Господь**

1. Церковная История, СПб, 1850, кн. II, стр. 144.

2. Творения, Сергиев Посад, 1892, ч. VI, стр. 161.

3. Вот, кстати, хороший ответ на возражение приводимое против главенства Петра из Галат. II 11.

4. Творения бл. Феодорита, Сергиев Посад, 1907, ч. VII, стр. 132-136.

поставил начальствовать над прочими..., нашлись люди, которые сомневались относительно наших решений... Свет солнца правды ясно воссиял с Запада, где главным образом оно воздвигнуло высочайшую вершину в апостолах... Хотя он (еретик побуждаемый диаволом, С. Т.) только в отдельных братьях ранил нас, он всё-таки не изъял нас и от особенной скорби, так как... он постарался поднять их к противозаконным действиям против своей главы... Благословен Бог наш, непобедимая истина Которого показала тебя чистым от всякого пятна ереси, согласно суду Апостольского престола Римского... (Сохрани себя) в защите Вселенской Церкви таким, каким мы тебя одобрили и одобряем...¹ Итак, по мнению одного из величайших столпов православия, неповиновение „главе“, Римскому епископу, внушается людям самим диаволом.

Желая образумить еретика Евтихия, св. Пётр Хризолог, епископ Равеннский, грек по происхождению, писал ему: «Советуем тебе, чтобы ты с покорностью внимал всему, что написано блаженнейшим папой города Рима; потому что св. Пётр, который живёт и восседает на своём престоле, открывает ищущим истину веры. Ибо мы, по любви к миру и вере, помимо согласия епископа Римского не можем расследовать о предметах веры».² Решение догматических вопросов зависит от Апостольского престола, как высшей инстанции. В этом смысле, Сергей, митрополит Кипрский, писал папе Феодору: «Христос, Бог наш, утвердил твой апостольский престол, о Священный Глава, как основание от Бога положенное и незыблемое, как чистое изображение веры... Ты еси Пётр и на твоём основании утверждены столпы Церкви (епископы). Тебе поручены ключи небес...».³

В письме св. Иеронима к папе Дамасу, мы читаем: «Я, следуя прежде всего только Христу, соединюсь общением с блаженством твоим, то есть с кафедрою Петровою. Я знаю, что на этом камне создана Церковь. Кто вне этого дома будет вкушать агнца, тот чужд священного сонма. Кто не в ковчеге Ноевом, тот погибнет в разливе потопа... Я вопию: кто соединяется с кафедрою Петровою, тот мой единомышленник... Заклинаю блаженство твоё..., чтобы ты уведомил меня письменно, с кем я должен иметь общение

1. Там же, стр. 137-144.

2. Деяния Вселен. Соборов, изд. Казанской Духовной Академии, 1863, т. III, стр. 62.

3. Деяния Соборов, изд. Лаббэ, т. V, пар. 121.

в вере».¹ Так выражался и так веровал знаменитый христианский учёный, которого даже Киевская Духовная Академия считает равным Афанасию Вел. и Василию Вел.²

У св. Опитата Милевитанского мы читаем: «...Епископская кафедра в гор. Риме была дана первому — Петру: на ней сидел глава всех апостолов Пётр..., дабы в сей кафедре всеми сохранялось единство, так чтобы остальные апостолы не защищали каждый отдельную кафедру; так чтобы оказывался отщепенцем и грешным тот, кто противопоставит исключительной кафедре другую».³

Препод. Максим Исповедник, великий защитник православия против монофелитов и, по мнению Владим. Соловьёва, самый крупный, после Оригея, философский ум христианского Востока, в следующих словах определяет значение папства: «Все пределы вселенной и повсюду на земле, непорочно и православно исповедующие Господа, как на солнце вечного света неуклонно взирают на святейшую церковь Римлян, на её исповедание и веру, принимая от неё сверкающий блеск отеческих и святых догматов... С самого начала, от сошествия к нам воплощённого Слова, все повсюду христианские церкви приняли и содержат ту величайшую между ними церковь римскую, как единую твердьню и основание, как навсегда neodолимую по обетованию Спасителя вратами адовыми, имеющую ключи православной в Него веры».⁴

Один из наиболее замечательных представителей восточного монашества, св. Феодор Студит, писал папе св. Льву III: «Так как великому Петру Христос Бог даровал вместе с ключами царства небесного и достоинство **пастыреначальника**, то Петру, или преемнику его, необходимо сообщать обо всём, нововводимом в кафедральной Церкви отступающими от истины. Итак, научившись этому от древних святых отцов наших, и мы... почли долгом донести ангелу верховного Твоего блаженства. Так, божественнейшая глава **всех глав**, состоялось соборище преступников (т. е. епископов в угоду императору допускавших развод, С. Т.). ...Донося об это неложно, мы, смиренные, возносим христоподобному блаженству Твоему то же воззвание, которое верховный Апостол с прочими Апостолами

1. Творения, изд. Киевской Духовной Академии, 1893, ч. I, стр. 43, 47.

2. Там же, стр. III.

3. Против донатистов, Минь лат., II, 947.

4. Минь греч., II, 137-140.

произнёс ко Христу, когда на море поднялась буря: спаси ны, архинастырь поднебесной Церкви, погибаем... Если они (еретики) не побоялись составить еретический собор, хотя не властны составлять и православного собора без вашего ведения, по издревле принятому обычаю; то тем более справедливо и необходимо было бы божественному первоначальству Твоему составить законный собор... Возвестив об этом..., как нижайшие члены Церкви и повинующиеся Вашему божественному пастыреначальству, мы, наконец, просим святую душу Твою считать нас как бы собственными овцами Твоими...¹ В другом письме Студита к тому же папе мы читаем: «У нас состоялся всенародный собор, на котором заседали и начальствовали сановники, собор к нарушению **Евангелия Христа, которого ключи ты получил от Него** через верховного из Апостолов и преемников его до предшественника священнейшей главы Твоей... Мы же, смиренные, взываем теперь к Тебе: услышь, великая глава Божия, и внемли... Они и всё Евангелие отвергли, священная и божественная глава... Об этом мы, нижайшие чада кафолической Церкви, почли необходимым донести Тебе, первейшей апостольской главе нашей. Впрочем, измыслить и сделать угодное Богу принадлежит Тебе, **руководимому Духом Святым**, как в других делах, так и в этом...»² Описывая неистовства иконоборцев, св. Феодор писал папе Пасхалию: «...Внемли, апостольская глава, Богом вознесённый пастырь овец Христовых, имеющий ключи царства небесного, **камень веры, на котором воздвигнута кафолическая Церковь**. Ибо Ты—Пётр, украшающий и правящий престол Петров. Свирепые волки вторглись во двор Господень... Изгнания и ссылки архиереев..., святыни осквернены... Итак, приди сюда с Запада, хриstopодобный, востани и не отрни до конца. Тебе сказал Христос Бог наш: и ты некогда обращай утверди братию твою. Вот время и место; помоги нам, **поставленный на это Богом**; прости руку помощи, сколько возможно; ты имеешь силу от Бога, потому что первенствуешь между всеми, для чего Ты и поставлен».³ А в другом его письме к тому же „апостольскому папе“ мы читаем: «Подлинно узнали мы, смиренные, что действительный преемник верховного из апостолов председательствует в Римской Церкви.

1. Творения св. Феодора Студита, изд. СПб Дух. Академии, 1908, т. II, стр. 265. 266.

2. Там же, стр. 267-270.

3. Там же, стр. 345.

Истинно убедились мы, что не оставил Господь нашей церкви, для которой в приключаящихся несчастиях имеется **издревле и от начала одна и единственная помощь от Вас, по промыслению Божию**. Итак, Вы — поистине незагрязнённый и неподдельный источник православия от начала; Вы — тихая пристань всей Церкви, удалённая от всякой еретической бури. Вы — богоизбранный город спасительного прибежища... Доведи до конца при помощи Божией то, что **по внушению Духа** решено и определено Тобою на пользу нас смиренных...¹ Всё это не льстивые гиперболы, ибо таким же образом Студит выражается и в письмах к другим лицам. «Западному патриарху принадлежит высшая власть на вселенском соборе... Если, как он (император) говорит, председатель (патриарх) Никифор вместе с нами уклонился от истины, то следует послать к римскому (папе) от той и другой стороны, и **оттуда пусть будет принято утверждение веры**».² Императору Михаилу он послал следующее напоминание: «Если же встретится что-нибудь сомнительное, ... то пусть десница Ваша повелит принять объяснение от древнего Рима, как делалось издревле и **от начала** по отеческому преданию. Ибо там, хриstopодобный император, верховнейшая из церквей Божиих, на престоле которой первый восседал Пётр, которому Господь сказал: ты еси Пётр, и на сем камени созижду Церковь Мою...».³ Под конец своей жизни Студит писал в Рим своему другу, архимандриту Василию: «Мы этого именно и желали сильно, чтобы чрез посредство первопрестольной и богодарованной власти... была оказана нам помощь... Как один Господь, едина вера, един Бог, так, разумеется, и **едина Церковь, хотя она возглавляется у вас...** Ты вместе с апостольским главой Христовой церкви (папой) явился богоугодно ревнующим Господу...».⁴

Подводя итог всему сказанному, мы приходим к следующим заключениям. Римский епископ обладает юрисдикцией: 1) **вселенской**, касающейся всех важных вопросов вероучения и управления; 2) **верховой**; к папе апеллируют даже епископы отдалённых церквей, он судит даже патриархов; без одобрения папы,

1. Творения св. Феодора Студита, изд. СПб Дух. Акад., 1908, т. II, стр. 346.

2. К сакелларию Льву, там же, стр. 498.

3. К Михаилу императору, там же, стр. 447.

4. К архимандриту Василию, там же, стр. 765.

православный собор немислим; 3) проявляющейся везде, где **нужно** вмешательство верховной власти, а не только в крайне редких, исключительных случаях; 4) **непосредственной**, т. е. простирающейся не только на всех архипастырей, но, когда надо, и непосредственно на всех священнослужителей или мирян; 5) **богоустановленной и заимствуемой прямо от Христа-Главы и Духа Святого**, а не от епископата или «церковного народа».

*Глава седьмая***РАЗБОР ВОЗРАЖЕНИЙ ПРОТИВ
ГЛАВЕНСТВА РИМСКОГО ЕПИСКОПА**

Мы не станем отвечать на такие возражения, которые сами по себе настолько слабы, что ответ каждому сразу же бросается в глаза. Мы оставляем также в стороне те „исторические” возражения, ложность которых признана всеми серьёзными историками, не только католическими, но и протестантскими и православными или „нейтральными”; сюда относятся, например, легенда о „папесе Иоанне” или басня о папе „Петре Гугнивом”.

Большинство возражений против главенства Апостольского Римского Престола могут быть сведены к одной категории, и потому нет надобности отвечать на каждое из них в отдельности. Я имею в виду все те соображения или выдержки из творений отцов, которые приводятся в доказательство того, что Римский епископ в том или ином отношении **равен** другим епископам или даже любому из чад Церкви. Наши противники ломятся в открытую дверь! Как Пётр, в отношении своего общеапостольского служения, был равен любому из апостолов и превосходил других **только** как „кифа”, так и его преемники, как обладатели полноты священства, равны всем подлинным епископам, как патриархи — равны патриархам, как священники — священникам, как крещёные — крещёным, как люди — людям. Мы утверждаем лишь то, что **кроме** тех многочисленных служений папства, которые общи у него с епископатам или священством, есть одно свойственное только преемникам Петра высшее служение — быть верховным орудием главенства Христа, как Правителя и Учителя всей Церкви. Поэтому, чтобы обесилить все наши доводы, недостаточно приводить разные тексты, говорящие о том или ином равенстве всех

епископов, но следовало бы доказать, что церковное Предание видело в Римском епископе только епископа или патриарха и ничего не знало о его особом служении. Но именно в этом существенном вопросе наши противники совершенно бессильны и вынуждены накапливать множество **к делу не относящихся текстов**. Равенство во многом не есть ещё равенство во всём: перед этой простой аксиомой элементарного здравого смысла, падают три четверти всех классических возражений греческих полемистов против папского главенства. Отец семейства остаётся отцом, сколько бы посторонние ни доказывали, что его сыновья имеют такое же влияние на общество или такой же рост, как и он.

Но перейдём к возражениям.

1) Отцы Церкви нередко указывают на соборное единодушие, как идеал церковной жизни и действенное средство для устранения беспорядков.

Ответ. — По мнению свв. отцов, единодушие не только не противоречит строгой иерархичности, но наоборот — **предполагает её**. «Везде Бог устроил степени и разнообразие власти, чтобы всё пребывало в единодушии и великом согласии»; так говорил св. Иоанн Златоуст в 34 беседе на 1 Кор.¹ Студит желал, чтобы еретики «соборно были осуждены от верховнейшего апостольского престола (папы), как было издревле и от начала».² Месячные минеи прославляют святых пап за то, что они возглавляли вселенские соборы. Св. Кирилл Алекс., Флавиан, Пульхерия и столько других усматривали в безапелляционных постановлениях пап лучший способ спасти церковную соборность от поглощения и уничтожения политическими и иными лжесоборностями. Златоуст полагал, что «безначалие везде есть зло»,³ в особенности в церковной жизни, что «между братьями надобно, чтобы один давал приказания, а другие слушались».⁴

2) Во время церковных неурядиц, поместные восточные церкви иногда обращались за помощью не только к папе, но и к другим выдающимся иерархам.

1. Творения, изд. СПб Духовной Академии, 1904, X, стр. 346.

2. Игумену Василию, Творения, СПб, 1908, II, стр. 272.

3. Веседа XXIII на посл. к Рим., изд. СПб Дух. Акад., 1903, т. IX, стр. 775.

4. Беседа III на Деяния Апост., СПб, 1856, ч. I, стр. 71.

Ответ. — К папе обращались как к «апостольской главе», по выражению св. Феодора Студита, на то именно «поставленному Богом», чтобы разрешать догматические споры и сомнения; к другим иерархам обращались ради их личного влияния, учёности или святости. К папе все апеллировали как к «камню веры», «кафедре Петровой»¹; вне Рима искали заступничества выдающихся личностей и только. То же самое наблюдается и в Католической Церкви XX века.

3) Отцы не признавали **принудительного** послушания папе.

Ответ. — Конечно, послушание «главе всех глав» должно быть добровольным, радостным, духовно-свободным. Рабское, вынужденное послушание не достойно христианина. Но из этого нисколько не следует, что послушание богоустановленной власти не обязательно. Всё наше послушание Христу должно быть духовно **свободным** и добровольным; следует ли из этого, что мы можем безнаказанно предпochсть Магомета Христу? Нисколько.

4) В католичестве замечается **гипертрофия** власти и авторитета, слишком много о них говорится.

Ответ. — С теми, кто чуть ли не всю суть Церкви видит в отрицании папской власти, поневоле приходится много говорить о ней. Во внутренней жизни католиков, власть занимает подобающее ей место богоустановленного средства, а не цели. Зато, в некаатолическом мире наблюдается вполне реальная „гипертрофия“ боязни перед папской властью; она-то и толкает многих некаатолических богословов в сторону крайне легкомысленной терпимости к великим заблуждениям. Нас упрекают в том, что мы будто бы всю догматику сводим к «ватиканскому догмату»; этот оптический самообман наших противников происходит от их болезненного стремления подчинять все религиозные ценности отрицанию действительной, вселенской духовной власти.

5) Учение о папской власти превращает Церковь в монархию, т. е. государство; но Церковь есть царство Божие, а не государство.

Ответ. — Аналогия и внешнее **сходство** с государством далеко не то же, что **тождество** с ним. Церковь есть совершенное человеческое общество и, как таковое, похожа на государство; но этим сущность её не искажается. В Своей человеческой природе, Христос имел общие черты с любым человеком, но это не мешало Ему быть, в то же время, Богом и Творцом. И в этом отношении, как во всём, Церковь **подобна своему Главе**; за это её упрекать не приходится.

1. См., напр., письмо епископа коринфского Дионисия к римлянам.

Внешнее сходство с хорошо организованным государством не претит сущности Церкви и доказывает только её богочеловечность, т. е. её истинность. Зато, навязывание Церкви радикально демократического строя и уподобление её шаткому союзу республик оскорбительно для неё.

6) Папский абсолютизм беспределен, раз на папские решения нет апелляции.

Ответ. — Заметим сначала вообще, что для существования какого бы то ни было независимого общества необходима высшая инстанция, на которую нет апелляции, ибо, в противном случае, ни один спорный вопрос никогда не мог бы быть окончательно разрешён. Во-вторых, папский „абсолютизм” имеет вполне определённые „абсолютные” пределы. Так, например, власть папы не распространяется на тех, кто не вступил, через крещение, в Церковь. Папа связан Откровением и природным божеским законом. И великая ответственность, и сознание своего высокого служения — всё побуждает Св. Отца соблюдать Божии веления с большей тщательностью, чем кто бы то ни был другой. **Во многих отношениях власть папы гораздо более ограничена, чем власть любого не католического митрополита или синода;** так папа не даёт развода, когда брак действителен и завершён таинством и сожительством. Именно благодаря папству, в католичестве меньше произвола и излишнего властвования, чем где бы то ни было.

7) Папа для Церкви, а не Церковь для папы. Поэтому, папа должен быть подчинён Церкви, а не наоборот.

Ответ. — Предпосылка не подлежит сомнению: папа есть служитель Церкви; отсюда, титул Римского епископа — «слуга слуг Божиих». Из этого отношения папы к Церкви вытекает, что папа всецело подчинён Божественному Главе Церкви, Христу; что папа должен во всём руководиться духом Христовым, живущим в Церкви; что он подчинён благодати, воодушевляющей Церковь; что он обязан с большим вниманием прислушиваться ко всем проявлениям духовной жизни верующих. Но природа и назначение папского служения отнюдь не требуют, чтобы папа был подчинён той или иной **эмпирической церковной инстанции**, синоду, собору или „общественному мнению”. Как раз наоборот: чтобы папа мог беспрепятственно и всецело отдаться служению Церкви, он должен держаться на высоте, недостижимой для споров о власти, он должен быть возможно более независим от всего того, к чему неизбежно примешаны земные

расчёты или что страдает неопределённостью и незаконченностью (напр., вселенский собор без папы) и потому вредно отзывается на чистоте вероучения.

8) Папский абсолютизм уничтожает значение епископата и убивает всякую **инициативу** верующих.

Ответ. — «Абсолютизм», прочность скалы не уничтожает построенного на ней величавого здания. Папство гораздо больше «даёт» епископам, чем «отнимает» у них. Для офицеров действующей армии опасна не власть их полководца, а отсутствие твёрдого и независимого высшего командования. Нигде епископы не пользуются таким обаянием и влиянием, как в Католической Церкви; достаточно упомянуть только имена таких выдающихся католических иерархов, как Маннинг в Англии, Лявижери во Франции, Гиббонс в Соед. Штатах, Кетелер в Германии, Мерсие в Бельгии и столько других. Другой факт, не менее бросающийся в глаза, это необыкновенная живучесть личной и групповой инициативы во всякой католической среде. Это весьма наглядно, например, в аскетизме: в католичестве мы находим неисчерпаемое богатство и разнообразие укладов созерцательно-мистической и каритативной жизни.

9) **Святость** важнее власти.

Ответ. — Важно всё, что **ведёт к святости**, а по воле Христовой смиренное повиновение власти — одно из основных средств для достижения святости. «Вот причина всех зол — говорит Златоуст: — исчезло должное повиновение начальствующим».¹

10) Из Св. Писания и Предания не видно, чтобы Церковь когда-либо **уполномочивала** Римского епископа быть её главою.

Ответ. — Если бы Церковь сама поручила папе быть её главою, то такое её действие было бы, во-первых, вполне **излишним**, ибо Церковь ничего не может прибавить к тому, что видимый глава Церкви имеет уже от Христа; во-вторых, оно было бы посягательством на **главенство Христа**, Который не уполномочил Церковь принимать тот или иной, демократический или монархический строй.

11) **В первые два века**, папство не было столь могущественно, как при Льве Великом, а теперь Католическая Церковь стала ещё более централизованной, всё в ней совершается под диктовку Рима.

Ответ. — Папство укреплялось сообразно общему развитию Церкви. Если папская власть — вернее применение её — с течением

1. Творения, СПб, т. XI, стр. 767.

времени и возросла, то в известном отношении она сделалась более ограниченной: современный нам папа связан догматическими определениями своих предшественников и целого ряда вселенских соборов. Даже в вопросах церковного права он не может без веских причин отступать от сложившихся до него норм и обычаев. В органическом развитии всей Церкви рост папской власти тесно переплетается с умножением и ростом ограничений этой власти во всех сторонах церковной жизни. И если теперь из Рима к «периферии», к поместным церквам, исходит больше решений и постановлений, чем во II или VII веке, то в той же мере в Рим из всей Церкви стекается теперь гораздо больше сведений и указаний на целесообразность и желательность той или иной перемены или улучшения. Келестин осудил лжеучение Нестория, посоветовавшись лишь с приближёнными; папа Пий IX провозгласил в 1854 году догмат Беспорочного Зачатия Богородицы лишь после того, как он получил бесчисленные петиции в этом смысле от всех почти католических епископов земного шара, от множества монашеских орденов, конгрегаций, братств, благочестивых союзов мирян, не говоря уже о том, что он принял во внимание многовековые прения и заключения всех богословских школ.

12) В святоотеческой литературе нет особых **трактатов** о главенстве пап.

Ответ.— Святоотеческое богословие неполно и в других отношениях. Отцы писали пространные сочинения лишь против **современных** им ересей, а, как известно, ереси той эпохи были почти исключительно христологические или пневматологические; экклезиологию они мало затрагивали. Впрочем, если в творениях отцов и не имеется трактата о папстве, то во всяком случае имеются **все элементы** и все начала, принципы, современного католического учения о папской власти.

13) Древние **символы** веры не заключают догмата о папстве; значит, древняя Церковь не верила в этот догмат.

Ответ.— Эти же символы веры ничего не говорят о вездесущии Духа Святого или справедливости Христа; следует ли из этого заключить, что в Америке нет Духа Святого или что Иисус Христос несправедлив?

14) Не могут считаться главами Церкви те **кроважидные** папы, которые учредили инквизицию.

Ответ.— Папа— орудие в руках Христова провидения над Церковью, премудрость же и всемогущество Христовы могут править

Церковью независимо от личных, положительных или отрицательных, свойств этого орудия. Личная святость архипастырей Церкви, конечно, весьма желательна, и недостойный папа сугубо грешит; но **благодать Христова больше всякой человеческой немощи**. Что же касается инквизиции, то вопрос о ней исчерпан в V части настоящего труда.

15) Процесс **Галилея** доказывает, что папы враждебно относились к науке, т. е. к истине.

Ответ. — Папство не против науки, а против вторжения естественных наук в недосыгаемую для них область догматической правды. А если процесс Галилея и причинил мимолётный вред науке, то этому, как и ещё двум или трём случаям злоупотребления римских богословов (а не пап) в области науки, мы можем противопоставить сотни тысяч фактов, доказывающих содействие церковных кругов науке и культуре, как общечеловеческой, так и поместной. Большинство знаменитых европейских университетов были или непосредственно основаны папами или, по крайней мере, пользовались их благосклонным вниманием. Церковь благословляет науку, но не подчиняет ей своей устремлённости к сверхнаучному миру.

16) **Теократия** и неосуществима и нежелательна, ибо Церкви не подобает заниматься мирскими делами.

Ответ. — Наши противники постоянно смешивают теократию, в смысле **подчинения всех Божиим законам** (А), с теократией, в смысле **прямого подчинения государств высшей церковной власти** (Б). Теократия А есть основная аксиома христианства: да придет царствие Твое... Теократию Б отстаивали в средние века, и то не везде; эта теория теперь заброшена всеми и не имеет ничего общего с догматом главенства папы в Церкви.

17) Папское главенство есть плод многовековой **гордости пап**.

Ответ. — Если папство развилось из гордости Римских епископов, то папы более других проявившие энергию в отстаивании власти Апостольского престола — уже просто чудовищные гордецы и преступники. Но тогда, в первую очередь, окажутся виновными такие столпы и защитники православия, как св. Мартин, св. Келестин, св. Лев Великий или св. Григорий Двоеслов, а всех тех святых, которые опирались на папское главенство — Афанасия, Флавиана, Феодора Студита и множество других — придётся считать причастными к величайшему преступлению, какое только знает церковная история. Вселенское догматическое главенство пап есть **или святой догмат**

или самая гнусная и великая ложь, ввергавшая и продолжающая ввергать в обман и духовную гибель сотни миллионов людей, в том числе бесчисленных подвижников христианства, святых и чудотворцев; **среднего быть не может**, ибо власть папы универсальна, а универсальное не может быть чем-то незначительным, посредственным; всё универсальное — даже только в относительном смысле — есть **проявление абсолютного и бесконечного**. Папа — или наместник Христа, или воплощение какого-то всемогущего злого бога. Итак, кто отвергает главенство пап, тот, чтобы быть последовательным с самим собою, должен был бы признать всех воинствующих безбожников спасителями христианства, так как их ненависть направлена, главным образом, против папства и всего, что так или иначе связано с папством; тот должен был бы отказаться от веры в Провидение, ибо Провидение не может допустить, чтобы величайшие подвижники христианства опирались на ложь и преступление.

18) **Одному** человеку не по силам править всей Церковью.

Ответ. — Папа правит при помощи многочисленных сотрудников, советников и „конгрегаций“, или постоянных синодов. Впрочем, вся суть вопроса в том, что Христос **установил**, а не в том, что нам кажется лучшим. Христу-Главе столь же легко управлять Церковью через одного человека, как через тысячеглавый собор умнейших пастырей.

19) Католики ставят папу **на место** Христа, единственного высшего и безусловного Правителя всей Церкви во всех её частях и во все моменты её существования.

Ответ. — Власть папы не распространяется на небесную часть Церкви Христовой, и в земной Церкви тот или иной папа правит всего 5, 10 или 20 лет: власть папы касается лишь сравнительно незначительной части всей Церкви. Оттого, о захвате папой положения, подобающего одному Христу, говорить не приходится. Скорее следовало бы говорить о **принижении** Христа в автокефальных церквях до уровня папы. А главное — и об этом мы уже неоднократно напоминали — то, что папа есть лишь служебный орган главенства Христова. Христос — Глава Церкви **во всех** без исключения отношениях, Он глава самого внутреннего бытия Церкви; папа — подчинённый глава, и притом он глава только в **охранении** духовных ценностей и **созидании** Церкви. Возьмём пример. Папа, как орудие Христа, руководит соборной и богословской **выработкой** догматического восприятия религиозных истин, но раз какая-либо истина вполне осо-

знана и словесно установлена как догмат, папа уже не может отступить от данного учения, власть его тут прекращается. Христос же не только верховный Руководитель постепенного осознания Церковью догматических истин, Он — Глава и центр этих истин самих в себе. Папа воспитывает христиан в благочестии, но поскольку они, завершив свой земной путь, уже достигли святости, он не хозяин их внутренней жизни, он преклоняется перед ними, прислушивается к их голосу. Христос — Глава, как источник благодати и царь души человеческой, папа ни в коем случае не источник благодати, а отец и пастырь, следящий за тем, чтобы во всём мире христиане в духе вселенского братского единодушия и сотрудничества возможно лучше готовились к достойному освящению благодатью Христовой. Если папа „вытесняет Христа из Церкви“, потому что Христос есть её Глава, то и епископ „вытесняет“ Христа из епархии, а настоятель приходской церкви или игумен — из прихода или монастыря, ибо Христос есть Глава не только всей Церкви, но и каждой епархии, каждого прихода, каждого монастыря. Отцы Церкви были убеждены, что послушание „одному“ человеку не только не мешает главенству Христа, но, наоборот, — способствует ему. Св. Феодор Студит писал: «Следуйте за передовым землепашцем; опять и этот в свою очередь пусть управляет прочими; и все, следуя один за другим, помогайте друг другу. Таким образом, по слову Божию, вы будете чада Христовы и уди отчасти. И я верую, что **Христос будет вашею Главою**».¹

Послушание папе есть упражнение в смирении, а **смирение открывает Христу доступ в души наши**. Оно осуществляет главенство Христово в сердцах наших.

20) Папа является **светским** государем определённой территории, а светскому властелину не подобает править Церковью.

Ответ. — Папа есть государь, поскольку это необходимо для свободного управления Церковью: будучи подданным какого-нибудь постороннего, хотя бы даже христианского государства, он был бы лишён этой свободы. Впрочем, положение папы, как видимого главы Церкви, настолько **превосходит** его значение, как светского государя, что опасность порабощения Церкви светским государством папы фактически теперь окончательно устранена.

21) Но в средние века бывали же папы пренебрегавшие благополучием Церкви из-за **политических** интересов „папской области“.

Ответ. — Это были, конечно, злоупотребления. Но они вытекали вовсе не из независимости и процветания папства, а как раз наоборот — из его временной зависимости от соседних государств и вообще посторонних, земных факторов; в этом можно убедиться, прочитав любой, даже не католический, учебник средневековой истории. Приводимые нашими противниками печальные факты, при внимательном анализе, только **подтверждают** высказанный нами тезис о необходимости духовно-авторитетного, вполне независимого, высшего управления в Церкви. Лев Великий, Григорий Двоеслов и все вообще папы, которые больше всего проявили „догматического абсолютизма“, держали весьма высоко знамя своей независимости и „автономности“.

22) Из отцов Церкви, по крайней мере **св. Киприана** следует причислить к противникам папского главенства, ибо он оказал сопротивление папе св. Стефану и не признавал главенства Ап. Петра.

Ответ. — Выше мы уже приводили изречения св. Киприана в пользу главенства Петра. Что же касается сопротивления его св. Стефану, то заметим, что: а) Подвиг послушания труден, и неудивительно, если даже святые испытывали в этом отношении искушения и затруднения. б) Церковное послушание ничуть не сводится к механическому, чисто пассивному и рабскому повиновению, а предполагает и даже поощряет личное искание и содействие начальству советами, напоминаниями и указанием препятствий; так, в католических монашеских орденах правило послушания обыкновенно дополняется правилом излагать игумену свои затруднения. Киприан не был противником самого принципа объединения, но в применении этого принципа он теоретически и практически самому себе противоречил. В его трудах мы находим следующие слова: «Кто отделяется от престола Петра, на котором основана Церковь, может ли полагать, что он ещё в Церкви?»¹ Сказанное относится не только к мирянам, но и к пастырям: «Сие то единство (Церкви) надлежит крепко поддерживать и отстаивать нам, особенно епископам, которые председательствуем в Церкви, дабы показать, что и само епископство одно и нераздельно». В другом месте, св. Киприан пишет: «Один есть Бог и один Христос и Церковь одна, и кафедра, основанная по слову Господа на камне, — одна».² Римскую церковь он называет «главную церковь, от которой изшло священническое единство» и к которой

1. Творения св. Киприана, Киев, 1879, т. II, стр. 172.

2. Там же, т. I, стр. 124. В подлиннике: «на Петре».

«вероломство не может иметь доступа».¹ Киприан оказал сопротивление Стефану потому, что, по его мнению, каждый епископ независим; а это неверно, как видно из постановлений вселенских соборов, подчинивших епископов митрополитам или патриархам.

23) Александрийский патриарх носит титул „судии вселенной“, а константинопольский — „вселенского патриарха“. Повидимому, и „глава православной Церкви“ или „глава всех глав“ — только почётные титулы Римского епископа.

Ответ. — Указанные эпитеты давались восточным патриархам только как **титулы** (в заглавиях посланий, в официальных обращениях); к Римскому папе они почти всегда прилагались, как реальное **основание** апелляции к нему, как мотивы, чтобы ожидать от него окончательного решения важнейших церковных вопросов, как прилагательное выражающее сущность папства, в отличие от обыкновенного патриаршества. Оттого, папа назывался „главою Церкви“, или аналогичными выражениями, не только в обращении к нему, но и в частной переписке. Вся церковная история полна фактов, говорящих о **действительном**, не только титулярном главенстве пап. Впрочем, титул „судии вселенной“ александрийские патриархи приняли только с тех пор, как папа св. Келестин уполномочил св. Кирилла Александрийского быть его заместителем на Ефесском вселенском соборе и судить от имени папы отступников от вселенской Церкви. Что касается титула константинопольского патриарха, то всем известно, что он не церковного, а чисто политического происхождения и был введён с явно противоцерковною целью — возвысить придворного императорского патриарха над прочими восточными патриархами и в ущерб служению преемников Петровых; этот титул свидетельствует о противодействии политического византийского вселенства церковному вселенству Рима. Оттого, папа св. Григорий Двоеслов запретил константинопольскому патриарху носить название „вселенского“.

24) Ап. Пётр одно время правил Антиохийскою церковью. Поэтому, Антиохийский патриарх тоже вправе считать себя главою Церкви.

Ответ. — Пётр сначала жил некоторое время в Антиохии, но в Риме он обосновался окончательно и запечатлел свою апостольскую жизнь мученическою смертью. А так как двух центральных „апостольских кафедр“ быть не может, ибо Христос „поручил всех“ только одному Кифе, то ясно, что предпочтение должно было быть

1. Творения св. Киприана, Киев, 1879, т. I, стр. 208.

дано Риму. За Рим высказалась вера всей древней вселенской Церкви: этого достаточно.

25) **Павел** был, вместе с Петром, основателем Римской церкви.

Ответ. — Из этого можно заключить, что папы являются преемниками обоих апостолов; и действительно, издревле Рим придерживался формулы — „авторитетом свв. апостолов Петра и Павла“. Но нелогично из указанного факта заключать, что папа может быть преемником только Павла или что он не может быть преемником ни „паче инех трудившегося“, ни „апостолов предначальника“. Римский престол унаследовал и верховное служение Петра и дух вселенского миссионерства Павла.

26) Папство отвергнуто соборным голосом **церковного народа**.

Ответ. — Массы у нас просто ничего не знали о действительной роли, которую папство играет в жизни Церкви, а это не то же самое что „отвергали“; или же они были введены в заблуждение клеветой врагов Рима, и тогда они отвергали вовсе не действительное папское архипапство, а фантастическое, карикатурное папство, отвергаемое самим папою и всеми католиками. Чаще же всего они отождествляли сущность католичества с далеко не назидательным поведением западных соседей России; это реакция национального духа, а не „голос православия“. Положительно отвергали у нас попечение пап о Церкви главным образом сторонники подчинения иерархов государственной власти или посторонним деятелям. Догматические постановления Флорентийского вселенского собора были отвергнуты на Востоке вовсе не церковным народом, не единодушным убеждением глубоковерующих православных людей (затерянных в нескольких больших народах), а светскими агитаторами, духовенством насквозь пропитанным византийским цезарепапизмом, веками воспитанным в нём, и массами, политически настроенными против Рима; а „массы“ всегда и везде стоят на невысоком религиозно-моральном уровне.

27) В **промежутках** между смертью одного папы и избранием другого Церковь остаётся без того, что вы считаете существенным её элементом?

Ответ. — Для Церкви существенна и достаточна «моральная» непрерывность папского служения; достаточно, чтобы за разрешением важных, касающихся всей Церкви, вопросов не приходилось слишком долго ждать; многие дела могут быть налажены местоблюстителями папского престола. Папа умер, но живы другие, признан-

ные им, церковные власти. Церкви, богочеловеческому организму, в её человеческой природе, нужна непрерывность **человеческая**, а не физически-математическая. Заметим тоже, что и епископское служение богоустановлено и существенно для всякой епархии; но ведь и епископские кафедры бывают незанятыми, а между тем никто не ссылается на этот факт, как на аргумент против богоустановленности епископства. Возражающие, чтобы быть последовательными, должны отвергать не только папство, но и епископство.

28) Папы — итальянцы. Церкви угрожает опасность порабощения **итальянизмом**.

Ответ. — Никакие догматические узы не связывают папство с итальянской нацией. Для законности выбора папы требуется, чтобы избранный получил по крайней мере две трети всех голосов; таким образом, даже если бы все выборщики-итальянцы сговорились выбрать в папы итальянского националиста, они могли бы осуществить своё желание только при поддержке значительной части выборщиков-иностранцев. Но смешно предполагать, что кардиналы из голландцев, французов, американцев или венгров, давшие присягу выбрать наиболее достойного пастыря, почему-то выберут итальянского шовиниста, готового подчинить интересы вселенской Церкви своему национальному эгоизму. К тому же даже недостойный папа, хотя бы только по личным расчётам, не стал бы делать своего положения невыносимым, раздражая своим национализмом католиков всего мира.

29) «**Конец Риму — конец папству**».

Ответ. — Нисколько. Преемственность от Петра и первых римских епископов не связана с „географическим” пребыванием пап в Риме, ни даже с существованием этого города в будущем. Семидесятилетнее пребывание пап в Авиньоне не уничтожило папства. За всё время существования Церкви, благоволение Провидения к Скале Петровой сказалось с такою силою и с таким постоянством, что за будущность папства нечего беспокоиться, что бы ни случилось с городом Римом.

30) Послание св. Игнатия Богоносца к Римлянам не заключает увещания повиноваться папе.

Ответ. — В нём вообще нет какого-либо увещания; поэтому не удивительно, что в нём отсутствует и увещание слушаться папы.

31) Своеобразное возражение мы находим у проф. А. В. Карташева: православные, по его мнению, повинны «в том, что по недо-

статку соборной любви Церкви не интересовались богословием Запада, которое открыто и добросовестно разрабатывало и выращивало догматы Филиокве и папской власти. Восточные... не только не возражали своевременно против возраставшей мистики папского догмата, не только молча подписывались под папскими формулами пап Льва Великого и Адриана I и многих других, не говоря уже о времени Николая I и патриарха Игнатия, но и сами своими юридически бессознательными **апелляциями** к Риму, или наивным ромофильством, подобно св. Феодору Студиту, поддерживали у римлян искреннюю иллюзию, будто бы и греки разделяют их западное понимание мистики папства...»¹

Ответ. — а) Если в древности наиболее православные из греков, несмотря на свою общеизвестную богословскую утонченность и на националистическое недоброжелательство византийцев по отношению к латинянам, **всё-таки** не протестовали против папства, то этому явлению нельзя найти другой причины как религиозное убеждение в обоснованности церковного единоначалия. б) Среди греков были, с одной стороны, „ромофилы”, в роде Феодора Студита, и с другой стороны, столичные элементы, недоброжелательно относящиеся к мистике папского главенства; но важно то, что ромофилы эти были подлинными ревнителями православия и подвижниками, а придворная толпа мало интересовалась папством просто потому, что занималась православием главным образом поскольку это касалось национальных интересов. в) „Отвергание” папства в Византии давным давно коренилось в цезарепапизме придворных кругов духовенства и мирян, людей заражённых старой римской идеей возглавления религии не верховным первосвященником, а императором. г) Св. Феодор Студит (и другие греческие сторонники папства) вовсе не был так недалёковиден и тупоумен, как полагает Карташев.

32) В письмах к патриархам Александрийскому и Иерусалимскому св. Феодор Студит называет обоих „отцами отцов”; обращение это похоже на то, которое он употребляет в письмах к Римским папам. Значит, он считал папу во всём равным другим патриархам.

Ответ. — Отметим разницу: в то время как Александрийского патриарха св. Феодор называет просто „отцом отцов”, — в относительном смысле главы епископов своей патриархии, — папе Римскому он приписывает название и свойство „главы **всех глав**”, в безусловно

1. Христианское воссоединение, Париж, ИМКА, (Год не указан), стр. 116.

универсальном смысле пастырениачальника иерархов всей Церкви, как легко убедиться из его писаний. В титулы легко вкрадываются гиперболы и неточности. Оттого-то мы наши выводы делаем не на основании титулов, которыми св. Феодор величает папу, а из самого **содержания** его писем, из рассуждений, которыми он обосновывает свою веру в папский примат. Из одних титулов папы, конечно, нельзя делать бесспорных богословских умозаключений в пользу примата, ибо тут могут быть преувеличения; но по той же причине сводятся на нет все возражения против папского примата заимствованные из титулов восточных патриархов. В древней Церкви и епископы и простые священники часто назывались „отцами“; следует ли на этом основании уничтожить епископский сан? Нельзя тоже заподозрить такого подвижника как св. Феодор в рабленстве: к тому же он явно приписывает папе догматическое главенство не только в письмах к самому папе, но и в письмах к своим друзьям и даже в посланиях к императору, неблагосклонно относившемуся к „главе всех глав“.

33) В письме к „сакелларию Льву“ (Творения, II, 498) тот же святой Феодор пишет: «Если уклонится один из патриархов, то он должен получать исправление от равных ему». Итак, все патриархи равны.

Ответ. — Из связи речи видно, что автор имеет в виду вовсе не равенство в **степени** церковной власти, а равенство в самом **роде** власти; он хочет сказать, что, как светские сановники бывают судимы светскою же властью, так и церковный сановник может быть судим только **однородною**, церковною же инстанцией, а не светскою властью императора. «Невозможно, пишет там же св. Феодор, смешивать божественный суд с мирским судом... Западному патриарху принадлежит высшая власть на вселенском соборе... Следует послать к римскому от той и другой стороны, и оттуда пусть будет принято утверждение веры». Св. Феодор Студит был до известной степени сторонником „пентархии“, судилища состоящего из пяти патриархов, но руководимого „главою всех глав“, Римским патриархом.

34) Происхождение учения о главенстве папы можно объяснить **психологически**. «Рим сделался вселенским по значению и размерам восприимчивым кровью мучеников христианских... И среди них первое место занимают первоверховные апостолы Пётр и Павел... Это выдвигало Римскую общину... и возлагало на неё великую роль — гостеприимства. ...Председательствующая в любви — так поэтому по

праву называет Игнатий Антиохийский Римскую церковь... И независимость по отношению к светской власти, и первенство чести..., и ряд энергичных лиц на епископском престоле Рима, с ярким сознанием своей ответственности за судьбы всей Церкви вселенской, и особенно память и пример первоверховных апостолов..., — всё это содействовало росту удельного веса римской кафедры в жизни всей Церкви».

Ответ. — Нельзя свидетельство св. Игнатия Богоносца сводить к простому признанию с его стороны гостеприимства римлян. Послания его к различным церквам всегда озаглавлены: „Церкви, которая находится” в такой-то стране; только одно послание к римлянам озаглавлено: „Церкви, которая **председательствует**” в стране римлян; тут слово „председательствует” (прокафэстай) употреблено без упоминания любви, оно явно намекает на вселенское пастьрское преимущество Римской церкви. Слова же этого послания „прокафэменэ тэс агапэс” следует переводить — „главенствующая по отношению к обществу любви”: главенствовать или председательствовать можно только над обществом, общиной; под „любовью” здесь следует понимать не отвлечённую добродетель, а конкретную, налаженную организацию, **воодушевляемую любовью**. Что под этим словом св. Игнатий понимал именно „церковь”, видно хотя бы из того, что в других посланиях он прямо употребляет слово „любовь” вместо „церковь”: в выражении „прокафэменэ тэс агапэс”, агапэ, любовь, употреблено без всякого ограничения и потому должно быть отнесено к вселенской Церкви. Заглавие «председательствует в столице области Римской» не может обозначать главенства над одной только римской церковью, ибо тогда получилось бы: церкви, которая главенствует сама над собой. Что св. Игнатий имел в виду пастьрское главенство Римской „любви”, видно тоже из следующих слов его послания к Римлянам: «Поминайте в молитвах своих церковь Сирскую... Один Иисус Христос будет епископствовать в ней и любовь ваша»: Римская „община любви”, т. е. церковь, должна „епископствовать” и над Сирской церковью, очевидно в качестве орудия Христа Главы. Заметим ещё, что св. Игнатий постоянно употребляет отвлечённые выражения в смысле конкретном, а здесь конкретная любовь может быть только „общиной воодушевляемой любовью.”

Что касается независимости религии от светской власти, то следует иметь в виду, что столь неслыханное в языческой древности явление, предполагающее сверхчеловеческие усилия, чтобы избавиться от гнёта сильного мира сего, могло быть плодом скорее всего сильной веры в богоустановленность Церкви основанной на Петре. Только духовная сила папства могла обеспечить за Церковью ту независимость от государства, которую христианский Восток терял всё более и более по мере своего нарастающего удаления от Рима и погружения в византийской государственности.

Относительно первенства чести пап следует сказать то же самое, что относительно первенства чести Петра: если это первенство не основано на особом богоустановленном верховном служении, то оно сводится к пустому, мирскому, радикально противоречащему данным Евангелия явлению; жалкое, тщеславное, языческое, не обоснованное „первенство чести” могло бы только дискредитировать папство и мешать применению принципа папского главенства.

„Энергичные лица” были и на восточных кафедрах.

Указанные автором факты несомненно провиденциально содействовали раскрытию учения о папском главенстве, они помогли **осознать** смысл и **оценить** значение слов Христовых о служебном участии Петра в созидании Церкви на Камне. Но они не могли **создать** из ничего самого главенства, как принципа; они не могли обеспечить устойчивого и возрастающего применения этого принципа, если они сами не сочетались с сверхприродными побуждениями и убеждением верующих, что папство существует по воле Христовой. Почему подобные и даже гораздо более веские „психологические” факторы не создали главенства на Востоке? Все перечисленные возражателем явления бледнеют и, даже в своей совокупности, буквально исчезают перед одним таким фактом, как то, что в Иерусалиме Сын Божий учил, умер, вокрес и основал Свою Церковь: ведь в сравнении с этим римские „психологические данные” — ничто. А между тем все попытки сделать из Иерусалимской кафедры руководящий центр христианства не имели успеха.¹ Нам скажут: папство образовалось

---

1. Последняя такая попытка была сделана протестантами в половине прошлого столетия. Ценою всевозможных вероисповедных компромиссов, с помощью Германии и Англии, в 1841 году была учреждена всехристианская верховная епископская кафедра в Иерусалиме, целью которой было не только объединять протестантов разных толков, но и втянуть греков (а затем и русских) в водоворот панпротестантизма. Не так легко было найти подходящего кандидата для протестантского квази-папского престола. В конце концов все-таки отыскали пужного человека: это был даровитый еврей из Позна-

благодаря римской идее мировой империи; но ведь в эпоху наиболее мощного и скорого развития „папской системы” римская идея на Западе была уже мёртвой, от неё оставались только печальные воспоминания, как о принципе враждебном христианству, в священнослужителях Римской церкви и в церковном народе она вызывала только отвращение; зато в Византии она продолжала процветать и пользовалась успехом в клире и народе.

Скажут ещё: гордость и честолюбие римских епископов побудили их использовать указанные психологические факторы для установления папской власти. Но смешно было бы утверждать, что гордость, честолюбие и другие пороки встречались только в христианском Риме, как раз в церкви отличавшейся своею любовью, гостеприимством и мученическими подвигами; гордости и честолюбия было пожалуй больше в Византии чем в Риме.

Применение во вселенском размахе основного начала христианского аскетизма, именно послушания, к восприятию самой сущности земной Церкви и строению её, установление всех церковных отношений на основании этой добродетели, столь трудной для человеческой слабости: вот что предполагает всецерковный подвиг, огромные духовно-благодатные силы многих, и притом на протяжении веков. Никакие „психологические” факторы не в состоянии объяснить происхождение той таинственной силы, благодаря которой Церковь крепнет вопреки человеческой склонности к своеволию и непослушанию; тут нужна обильная благодать и сверхприродная христианская вера в слова Спасителя об особом служении Петра. Сам возражатель признаёт, что святые и „энергичные лица” из пап имели „яркое сознание своей ответственности за судьбы всей Церкви вселенской”,¹ т. е. верили в своё верховное архипастырство: но разве такая вера возможна без глубокого благодатного убеждения в богоустановленности папства? Традиция мученичества, гостеприимство и т. д. не создали папства; они послужили только осознанию его богоустанов-

---

ни, перешедший в протестантизм. Михаил Саломон. При поддержке мировой антикатолической печати и опираясь на „психологическое” значение Иерусалима, ловкий „епископ” достиг кое-каких успехов и сумел даже снискать доверие нескольких православных иерархов. Но при третьем его преемнике великолепное сооружение рухнуло. От всей этой авантюры остался только Гибралтарский везангликанский „епископ”. (Подробности и литературу читатель найдет в первом и единственном номере Католического Обозрения, изданном в Петербурге в 1914 году, стр. 50-63).

1. «Так папа Сириций заявляет, что он — епископ, имеющий попечение о всех церквах; папа Лев I пишет константинопольским монахам: мы имеем попечение о вселенской Церкви» (Арсеньев, стр. 94).

ленности. Не только святые папы, но и вообще все католические подвижники, мистики и мученики глубоко верили в догмат папского главенства и готовы были пролить свою кровь во свидетельство этой истины.

35) «Юридизация самосознания римской общины и римского епископа наступает... постепенно. Повышенное самосознание римской Церкви сочетается нередко с пониманием благодатного... характера полученных даров... Но мало-помалу заявления пап всё более подчёркивают правовую точку зрения. Так уже папа Стефан в середине третьего века ссылается на то, что он „имеет преемство Петра, на коем утверждены основания Церкви"... Стремление к господству над всей Церковью встречается уже у папы Виктора, в конце второго века,... у папы Льва Великого..., но с особой силой... развивается... у папы Николая I».¹

Ответ. — Юридические поползновения, на которые жалуется возмущающий, исходили от святых мучеников Стефана и Виктора и потому несомненно сочетались с „пониманием благодатного характера" возложенного на них Провидением верховного служения. Св. Лев Вел. и св. Николай I были великими молитвенниками, исполненными благодатного рвения. Эти папы смотрели на объединяющую роль папы как на одно из лучших средств освящения Церкви. Для них, как для Ап. Павла, благодатность соборного тела Христова немислима без дисциплины. Развитие юридического аспекта Церкви вытекает из её хриstopодобия. Но это нисколько не вытесняет молитвенных настроений, как видно хотя бы из того, что папы гораздо чаще призывают верующих молиться и любить ближнего, чем напоминают о своих верховных правах.

36) Восточным отцам Церкви было чуждо учение о **богоустановленности** папской власти.

Ответ. — Эту богоустановленность бесспорно признавали такие светила древнего православия как свв. Феодор Студит или Максим Исповедник. Никто из восточных отцов не отвергал её. Отцы знали, что папы считают своё верховное служение богоустановленным в поручении данном Спасителем Ап. Петру; они это знали хотя бы из деяний вселенских соборов, на которых папские легаты ясно и настойчиво напоминали об указанном учении; между тем никто из отцов не возражал против него, отцы полагали, что упомянутые заявления

1. Арсеньев, там же, стр. 98, 99.

легатов не заключают ничего противоречащего православному Преданию.

37) Русские **святые** подвижники голосом Александра Невского отвергли и осудили католичество и папство.

Ответ.— а) Александр Невский был доблестный воин и самоотверженный защитник родной земли; он прекрасно исполнил свой долг, освободив её от иностранных захватчиков; в этом его великая заслуга. Но нельзя же его считать типичным представителем русской святости: все великие русские святые были подвижниками в духе евангельской кротости, духовной тихости, человеколюбия, сострадания, тогда как Александр Невский, по свидетельству лучших русских историков, наказывал своих противников казнями и физическими мучениями; в древней редакции его жития он сравнивается с Ахиллесом и римским императором Веспасианом.¹ б) Он отрицательно относился не к подлинному католичеству, не к чисто религиозной роли папства в Церкви, не к католическому вероучению: в силу обстоятельств, он обо всём этом никакого понятия не имел; исторически установлено только то, что он победил немецких, шведских и других рыцарей и отверг предлагавшиеся Римом планы изгнания татар из Европы; он понимал, что эти планы невыгодны для русского народа; на его месте многие католические короли поступили бы точно так же. в) Орден, против которого воевал Александр Невский, никоим образом нельзя считать верным исполнителем воли папы Римского; ведь те же „католические” рыцари, которые грабили и разоряли население завоеванных ими русских земель, с не меньшим ожесточением опустошали и чисто католические страны. г) Шумная реклама, которую советские воинствующие атеисты делают в пользу мнимых глубоких антикатолических убеждений Александра Невского,² явно преследует двойную цель: покрыть патриотическим ореолом советских маршалов и в особенности всеми демагогическими средствами поддерживать в народе антипапские настроения.

Решающую роль во всё растущем отдалении Русской Церкви от Рима сыграли не русские подвижники благочестия, которые подлинно-го католичества даже не знали, а политические деятели, сильные мира

1. См., напр., Г. Федотов, *Святые древней Руси*, Париж, 1931, стр. 90. Н. Клипин, *Св. Александр Невский*, Париж, ИМКА, стр. 169.

2. См., напр. книгу „для детей” В. Яна, *Юность полководца*, Москва, 1952, или восторженную длинную статью об Александре Невском в *Большой Советской Энциклопедии*.

сего, крайне бесцеремонно обращавшиеся с русскими святынями: Василий Тёмный, который не только отверг Флорентийскую Унию, отправив в тюрьму законного митрополита Исидора, но и грабил православные церкви и монастыри¹; Иван Грозный, который не только называл папу волком, но и замучил великого православного святого, митрополита Филиппа; Пётр Великий, который направил корабль Русской Церкви подальше от Рима, поближе к протестантизму, и устраивал кощунственные маскарады, издевался над русской церковной старшой, над Святою Русью.

38) Учение о главенстве папы порождено **псевдо-исидоровыми** декреталиями, подложными документами, будто бы написанными в первые века христианства, а на самом деле сочинёнными в IX веке, при папе Николае I. Папы вплоть до XVII века постоянно расширяли свою власть, обосновывая свои притязания на этих ложных декреталиях. Протестантские учёные блестяще доказали подложность этих исторических основ папской духовной власти.

Ответ.— Это возражение теперь очень в ходу у всех врагов Церкви, до „воинствующих безбожников” включительно. Как уже установлено нами на основании стольких свидетельств Предания, принятых не только католиками, но и православными, и не имеющих ничего общего с лже-декреталиями, папское главенство существовало задолго до появления декреталий и всегда опиралось на веру древней Церкви в необходимость одного всецерковного центра, которым, согласно Преданию, могла быть только кафедра преемников Апостола Петра. Собрание ложных декреталий начинается посвящением „Исидору, рабу Христову”, откуда и произошло название „лже-исидоровых”. Этот злосчастный сборник, содержащий как подлинные так и подложные декреталии пап, был составлен во Франции около 850 года. Целью его было вовсе не возвышение папской власти, а защита прав епископов от посягательств сильных мира сего: декреталии устанавливают положение, что не короли и князья, а только папа имеет власть судить епископов и низлагать их. Ложные декреталии ничего существенного не прибавили к подлинным документам церковного предания, и можно с уверенностью сказать, что издревле папы нисколько не сомневались в своём праве—и долге—судить в церковных делах всех епископов, в чем-либо провинившихся. Сам папа

1. Знаменский, Учебное руководство по истории Русской Церкви, 1904, стр. 105.

Николай I ещё до 864 года, т. е. раньше чем лже-декреталии были доставлены в Рим, напомнил Фотию в 860 г. о верховных правах Римского престола, вмешался в 861 г. в дело Иоанна Равеннского, потребовал в 863 г. объяснений от Гинкмара. Только в конце XI века некоторые папы начали ссылаться на лже-исидоровы декреталии. Неправда, будто бы протестанты обнаружили подложность этих документов: ещё задолго до появления протестантизма, католические учёные высказали сомнение в их подлинности. Это признают такие православные канонисты как М. Остроумов.¹ Так уже в XII веке Пётр Коместор, канцлер Парижского университета, стал оспаривать подлинность „послания Климента к Иакову, брату Господню”; римский кардинал Николай Кузанский († 1464) доказал, что два письма Анаклита не подлины. Протестанты же просто списали свои аргументы с творений католических историков. Больше всего потрудился над обнаружением подложности лже-декреталий такой убеждённый „папист” как св. Роберт Беллярмин, иезуит. Сами папы, убедившись в подложности лже-исидорового сборника, отвергли и осудили подлог. Бесспорно, что декреталии долгое время были в употреблении даже в самом Риме, и следы их заметны в ряде папских постановлений... и только. Если бы „папская система” была построена на подлогах, то с обнаружением этой подложности вся система должна была бы рухнуть с позором. Между тем, теперь папство как никогда духовно крепко, несмотря на несомненный вред, который ему причинило пользование псевдо-исидоровщиной. Говорить, что папство создано лже-исидоровыми декреталиями, — просто смешно и в высшей степени не научно. Теперь, все серьёзные церковные историки, даже протестанты, как и лучший русский древне-церковный историк Болотов, признают, что „папская система” существовала уже при папе Льве Вел., т. е. за несколько веков до составления сборника связанного с именем Исидора.

Везде, где есть люди, к истине примешивается доля заблуждения; такова уж наша человеческая ограниченность и таковы последствия первородного греха. Зло становится грозным лишь тогда, когда заблуждение берёт перевес над истиною и окончательно утверждается на месте вытесненной им правды. Ничего подобного не было с лже-декреталиями: они были преодолены и устранены **изнутри**, здоровой

1. Введение в православное церковное право, Харьков, 1893, том I, стр. 369.

реакцией самой же Католической Церкви, а папство окрепло не ими, а верою и любовью бесчисленного сонма святых всех веков.

ПРИЛОЖЕНИЕ. В древности, наравне с подлинными, вдохновенными четырьмя Евангелиями, число апокрифических евангелий достигало пятидесяти; точно так же, наряду с подлинными Деяниями Апостолов и посланиями, существовало множество апокрифических „деяний” и „посланий”, которыми питалось христианское благочестие. Понадобилось немало времени прежде чем Церковь окончательно устранила из обихода все эти подлоги и очистила от них христианскую литературу. Каноническое право в древности было засорено всякими подлогами, имевшими большое влияние на церковную жизнь. Неужели мы на этом основании осудим всю... „христианскую систему”, отбросим все те данные Св. Писания и церковных постановлений, которые имеются также в апокрифах, и просто откажемся от христианской веры? Конечно нет, ибо Церковь — главным образом благодаря папству — не перестаёт преодолевать все искажения истины и все заблуждения.

Вот что пишет Православная Богословская Энциклопедия¹ о знаменитых в своё время „Апостольских Постановлениях”: «Что касается происхождения самой греческой редакции апостольских постановлений, то несомненно одно, что она возникла благодаря обширной интерполяции, т. е. добавлениям и изменениям всех составных частей сборника, причём интерполятором проявлены полуарианские тенденции и склонность ко взглядам Оригена... Местом интерполяции считают Сирию и даже именно Антиохию... Важное значение сборника признаётся весьма рано, а 85-е правило святых Апостол прямо ставит его наряду с священными книгами Нового завета... Колебания то в пользу, то против них (т. е. Апостол. Постановлений; С. Т.) продолжались более двух столетий, пока Трулльский собор, признав каноническое достоинство 85-го правила св. Апостол 2-м своим правилом, не признал их интерполированными и не отверг их канонического значения ради назидания и ограждения христианской папствы. Однако и после этого определения некоторые части сборника продолжали пользоваться большим уважением и значением в восточной церкви. На Западе сборник никогда не пользовался особым значением, а после римского собора при папе Геласии (496), признавшего

1. Том I, стр. 974, 975.

его неканоническим, и совсем потерял его... Многие молитвы сборника до ныне употребляются в церковном богослужении..., а некоторые правила и предписания вошли в нашу славянскую Кормчую. Таковы: „Апостола Павла 17 правил“, „Обоих верховных апостолов Петра и Павла 17 правил“... Есть предположение, что вместе с интерполяцией Апостольских Постановлений, ей подверглись и некоторые Правила Апостольские, следы чего видят в правилах: 26, 50, 82 и 85».

У нас на Руси, как впрочем и у балканских славян, дело обстоит не лучше. Проф. С. Смирнов в приложении к своей строго научной книге Древне-русский духовник (Москва, 1913) пишет: «Как наши древние поучения нередко озаглавливаются именами вселенских учителей: Златоуста, Василия Великого и других, или надписываются общее — слово святых отец, так и каноническая письменность древней Руси изобилует заповедями, правилами и уставами, носящими претенциозные заглавия: Заповедь святых Апостол или святых Отец, или тех и других вместе, — Василия Великого, Святого Собора такого-то (Лаодикийского, Сардикийского, Анкирского, Никейского, Халкидонского и т. п.), что однако не мешает этим правилам содержать далеко не авторитетные, часто наивные, даже антиканонические предписания. Провести черту, отделяющую подобные правила от епитимейников положительно невозможно».¹ В Учебном Руководстве по Истории Русской Церкви П. Знаменского мы читаем: «Даже лучшие пастыри Церкви не всегда могли отличить истинную книгу от ложной. Апокрифические сказания и ссылки на них встречаем в сочинениях митрополита Даниила, в сборниках митрополита Макария, в определениях Стоглава, даже у Максима Грека. Князь Курбский резко замечает об учителях своего времени, что они занимались не столько истинными писаниями, сколько бабьими бреднями и болгарскими баснями».² В другом месте того же труда Знаменский пишет: «Патриарх (Никон) издал вновь пересмотренную и дополненную им Кормчую, в которую, между прочим, включил подложную грамоту Константина Великого папе Сильвестру, — она была важна для него, как апология церковной власти и церковных имуществ».³ Итак, в наиболее авторитетном на Руси

1. Материалы для истории древне-русск. покаянной дисциплины, стр. 251.

2. Издание второе, СПб, 1904, стр. 167.

3. Там же, стр. 250.

сборнике церковных постановлений были тоже подложные документы. А среди наиболее распространённых в Московском государстве творений отцов и древних аскетов сколько было разного рода неаутентичных писаний! Однако было бы безумием и вопиющей несправедливостью делать из этого вывод, что русское благочестие фальшиво или преступно.

Нигде подлоги и извращения правды не пользовались таким доверием, как в антикатолической полемической литературе, в сочинениях против папства. В своих богословских трудах кн. Е. Волконская разоблачила целый ряд крупных искажений творений отцов Церкви, допущенных обличителями папства. Ю. Самарин в своём грубом пасквиле „Иезуиты“, одобренном церковною властью для употребления в духовных академиях и семинариях, строит свои аргументации против католичества на подлоге самого низкого качества — *Monita secreta*. Ещё не так давно иные наши полемисты, в противовес апостольскому происхождению Римской кафедры, придавали значение исторического факта легенде о пребывании апостола Андрея на Руси. Басня о „папессе Иоанне“, наряду с другими подобными измышлениями, часто приводилась в наших „одобренных“ учебниках в качестве исторической истины. Антикатолическое „обличительное богословие“ полно ссылок на подложную речь епископа Штроссмайера, будто бы произнесённую им на Ватиканском соборе. А каким успехом пользовался в старообрядческих антикатолических кругах вымысел о фантастическом, никогда не существовавшем „папе Петре Гугнивом“, видно хотя бы из знаменитой Книги о вере православной. До каких чудовищных размеров доходила у антикатолических писателей какая-то бессознательная, болезненная потребность порочить католичество, явствует из их слов, будто во время коронации папа сидит на престоле, где совершается святое жертвоприношение.¹ А. Хомяков, наиболее влиятельный славянофильский светский богослов XIX века, „учитель Церкви“ по мнению Самарина, хотел было издать одну свою противопапскую брошюру „Церковь одна“, как памятник святоотеческой письменности.²

1. См., например, Колемиц, Римский Духовный Цезаризм, СПб, 1913, стр. 115, или Архиеп. Никанор, Учение о нравственности, Казань, 1910, стр. 140.

2. Издатель сочинений Хомякова пишет: «Мы не можем определить в точности, к какому году относится этот опыт (Церковь одна): но несомненно, что в сороковых годах он уже был написан. А. С. Хомяков долго держал его в портфеле, так что о нём не знал никто... Первоначально автор выдавал это своё произведение за найденную где-то древнюю рукопись: и потому хотел её напечатать с предисловием и послесловием

Эти антикатолические подлоги появлялись не во времена лжеисидоровых декреталий, не в самую тёмную эпоху средневековья, а тогда, когда было уже гораздо легче избежать незнания, чем в IX веке. Разница между католичеством и антикатолическим лагерем в том, что Католическая Церковь давным давно собственными силами преодолела и отвергла лже-декреталии, между тем как в антикатолических кругах до сих пор ещё мало заметны серьёзные попытки освободиться от старого навыка бороться против Рима, не подвергая предварительно используемые документы научной проверке. Всё это легкомыслие не церковного происхождения, оно не голос настоящего православия: подлинному благочестию наших старцев и простых, искренне верующих, православных людей чужды все эти, мягко выражаясь, поверхностные приёмы борьбы против Рима и папства. Эта кампания лжесвидетельствами исходит не из чистого православия, а из посторонних источников. В большинстве случаев это — наступление сил, враждебных как католичеству, так и православию.

от себя, в настоящее время к сожалению совершенно утраченными. В таком виде он её посылал В. А. Жуковскому» (Полное Собрание Сочинений А. С. Хомякова, Изд. пятое, Москва, 1907, том II, стр. 2, примечание издателя).

*Глава восьмая***РИМСКИЕ ПАПЫ И ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ**

Вселенский собор есть собрание в определённом месте епископов, представляющих всю Церковь, с целью торжественного решения важных вопросов веры, нравочужения или церковного благоустройства. Как собрание епископата всей Церкви, вселенские соборы имеют большой вес, и их догматические постановления, должным образом утверждённые Апостольским престолом, безошибочны; тем не менее, эти соборы нельзя считать постоянным элементом церковного строения, ибо они не были установлены Спасителем как необходимый орган вероучительства.

На Востоке признают лишь семь¹ первых вселенских соборов, тогда как Католическая Церковь знает их двадцать; последний вселенский собор, Ватиканский, состоялся в 1870 году.

До второй четверти IV века вовсе не было вселенских соборов, да и поместных было мало в сравнении с XIX веком. От IV до IX века был уже ряд вселенских соборов, вселенских благодаря значению, которое им придало папство, ибо фактически, по своему составу, они были восточными с незначительным участием западных епископов. На первом вселенском соборе, созванном в Никее в 325 году, присутствовало всего четыре западных епископа, в том числе Осия, епископ Кордубский, который председательствовал и первым подписал акты собора вместе с двумя другими представителями папы, простыми священниками. Второй собор, Константинопольский 381 года, был поместным съездом только восточных епископов: понадобилось не мало времени прежде чем

---

1. Восьмой вселенский собор признавался восточными церквами до 1054 г., когда он был вычеркнут Керулларием из списка вселенских соборов.

Церковь, в виду принятых на нём важных догматических постановлений, причислила его к вселенским соборам. Жизненному осуществлению всецерковной соборности и папского верховного архипастырства много мешали как гонения на христиан и трудности переездов, так и живучесть античной идеи управления государственной религией императором, идеи, унаследованной Византийской христианской империей от древнего Рима Августов и Диоклетианов. Византийско-греческий епископат был проникнут идеологией государственной „вселенной“, чуть ли не больше, чем идеей всецерковной соборности: многие представители этого епископата были к тому же невысокого умственного и нравственного уровня, как это видно из „разбойнического“ собора в Ефесе. Каноны стремящиеся поставить Церковь в возможно большую зависимость от „императорского города“, т. е. от светской власти, — третий канон Константинопольского собора 381 года и пресловутый 28-й канон Халкидонского —, явно порождены не церковным духом, а диаметрально противоположной ему политической гордостью и провинциализмом византийских придворных епископов, желавших видеть императорского архиерея по крайней мере вторым после папы; поэтому эти каноны были отвергнуты и осуждены св. Львом Великим, по сану своему защитником сверхгосударственности, сверхпоместности, вселенского церковного духа; каноны эти так и не вошли в состав постановлений всей Церкви. III вселенский собор исполнял директивы папы св. Келестина, который ещё раньше осудил ересь Нестория: св. Келестин руководил собором через своего уполномоченного, св. Кирилла Александрийского.¹ На Халкидонском вселенском соборе ярко выступила борьба всецерковности с антисоборным духом придворных творцов злосчастного 28-го канона. На следующих все-

1. Вот что пишет об этом русский антикатолический церковный историк А. В. Карташев: «В Риме летом 430 г. Келестин собрал собор и осудил доктрину Нестория... Папский собор взял на себя право заочно, без личной перенески и допроса, осудить епископа столицы (константинопольского патриарха) и уже пост фактум ультимативно известил его и других восточных собратьев. Чрезмерны (?) и подробности этого суда. Папа: 1) объявляет Несторию, что он аннулирует все его епископские запрещения, наложенные на непокорных константинопольских клириков; 2) предлагает Несторию в десятидневный срок по получении сего публично или письменно отречься от своих богословских мнений под угрозой отлучения его от римской церкви; 3) исполнение этого ультиматума поручается александрийскому врагу Нестория; 4) через головы властей императорской и Несториевой константинопольским клирикам папа объявляет о своём разрешении прещений, наложенных на них Несторием... Собор подписался под суждениями Рима...» (На путях к вселенскому собору, Париж, YMCA, 1932, стр. 106, 107).

ленских соборах поддерживаемое папством соборное вселенское сознание, несмотря на временные затмения, осложнения и колебания, всё возрастало и всё определённое противопоставлялось византийской государственной замкнутости и сепаратизму, пока не дошло до открытого и окончательного разрыва при Керуллании: в последующие века вселенские соборы, всё более соборные по своему сверхнациональному составу, продолжали собираться под сенью папства, а в Византийской Церкви они прекратились.

Председательство папских легатов на вселенских соборах служило выражением не „первенства чести” Римского епископа, но его подлинно архипастырского главенства; оно опиралось на Предание. Когда александрийский патриарх Диоскор созвал собор без разрешения папы, то этот собор не только не считался вселенским, но был отвергнут Халкидонским вселенским собором, между прочим, **именно** за такое независимое отношение к Риму. Отцы шестого собора, в приветственном слове к императору, сами свидетельствуют о том, что вселенские соборы были всегда созываемы при участии папы.¹ На седьмом вселенском соборе официальный докладчик, константинопольский диакон Иоанн, подводя итог мнениям отцов, заявил, что состоявшийся перед тем собор не может считаться вселенским, ибо «он не имел своим соучастником в этом деле тогдашнего папы Римского..., как по закону требуется от таких соборов».² Русские месячные минеи видят в папе „верховника” или „главу” вселенских соборов; мы уже знакомы с этими свидетельствами.

Право созывать вселенские соборы принадлежало папам, а если императоры сами созывали соборы и обеспечивали материальную сторону столь затруднительных тогда многочисленных съездов, то они делали это с согласия папы, уже данного или, по крайней мере, ожидаемого.

Во всяком случае, важные определения и решения соборов должны были непременно согласоваться с указаниями Римского епископа. «Св. Лев Великий, папа, ранее Халкидонского собора, своею собственною властью определил, как должно верить относительно двух естеств во Христе, и, отправляя своих уполномоченных в Халкидон, предписал им, чтобы они не допустили

1. Деяния Вселенских Соборов, Казань, 1882, VI, стр. 242.

2. Там же, 1891, VII, стр. 208.

перерешения этого вопроса».¹ На шестом соборе, созванном против монофелитов, отцы приняли без рассуждений послание папы Агафона, провозглашая: «Через Агафона говорит Пётр»; в своём послании к папе, отцы вновь признали главенство Рима.

Соборы не были до такой степени необходимы, чтобы папа не мог без них принимать окончательных решений против ересей или чтобы папское определение не могло заменить соборных постановлений. «Какого ты хочешь ещё исследования — писал св. Августин епископу Юлиану, — когда это уже решено апостольским престолом?».²

Догматические определения и каноны соборов получали законную силу для всей Церкви только после окончательного утверждения их Римским епископом. Деяния вселенских соборов заключают ряд писем и прошений к папе, умоляющих его утвердить соборные решения и придать им силу общеобязательных постановлений; эти прошения исходили от самих соборов, от отдельных иерархов или от верующих.

Вселенский собор без папы невозможен не только по основной причине главенства папы в земной Церкви Христовой. В самом деле, при гипотезе безглавого вселенского собора остаются **неразрешимыми** все спорные вопросы, касающиеся самой сущности собора, и от предварительного разрешения которых зависит подлинность и действительность всех соборных постановлений. Будут ли приниматься решения единогласно или по большинству голосов? Но совершенное единогласие неосуществимо без особого чуда, совершить которое Христос никогда не обещал. А обычное в демократических парламентах решение по большинству голосов не имеет ровно никакого основания ни в Св. Писании, ни в Предании; из церковной истории известно, что иногда большинство епископов увлекалось заблуждениями; так было во время арианства. Количество есть реальность чисто материального порядка, и ставить религиозную истину в зависимость от неё немислимо. При наличии нескольких групп, ещё труднее разрешить вопрос, где истина. Невозможность вселенского собора без вмешательства высшей инстанции подтверждается тем фактом, что, со времени своего разрыва с Римом, восточные церкви никогда не могли

1. Забужный, Православие и Католичество, стр. 106.

2. Против Юлиана, кн. II, парагр. 103.

осуществить какой-либо не только вселенский, в древнем понимании слова, но даже „всеправославный” собор Русской и балканских церквей. В восточном отделившемся от Рима православии вселенские соборы на деле неосуществимы, так как неизвестно, кто, кого, для чего, когда и где имеет право созывать; а состоявшийся в 1948 году в Москве собор православных архиереев разных стран вряд ли может быть назван православным, так как он явно оказывал услуги не Православию, а советской власти. Эта **невозможность** настолько очевидна, что многие модернистические богословы перестали признавать за вселенскими соборами право выносить окончательные общеобязательные постановления; при своей предвзятости и нежелании вернуться к „папистическому” представлению о вселенских соборах, они логически вынуждены развивать теорию зависимости иерархии от невидимого и весьма неопределённого „церковного сознания” народных масс и, таким образом, идти навстречу протестантскому учению о невидимой, „чисто духовной” Церкви. Споры об отношении между папством и вселенскими соборами выяснили, что в учении о соборах между „папизмом” и протестантизмом догматически среднего быть не может.

Из главенства папы на вселенских соборах следует, что:

1) Папа может утвердить и придать **вселенское значение** всем постановлениям собора или только некоторым из них. Так, после IV вселенского собора папа св. Лев одобрил большинство мероприятий этого собора и отверг пресловутый „28-й канон”, навязанный собору придворными греческими епископами по шовинистическим соображениям.

2) В промежутках между смертью одного папы и избранием его преемника, собор не может издавать вселенских общеобязательных догматических определений.

3) Папа не связан решениями соборного „большинства” и может одобрить меры предложенные „меньшинством”.

4) Он может придать вселенское значение и силу общеобязательного определения каноническим и вероисповедным постановлениям таких соборов, которые фактически являются лишь съездами большей или меньшей части архипастырей Церкви.

5) Папа разрешает сомнения относительно способности того или иного епископа голосовать на соборе.

В лице апостолов, возглавляемых Петром, Христос установил

епископат или учащую Церковь, а папа, конечно, не властен отступать от установлений Христовых. Поэтому, папа не может, например, предоставить мирянам право принимать в соборе такое участие, от которого постановления вселенского епископата подверглись бы существенным изменениям. Преобладание мирян на соборах было бы в высшей степени несогласным с волей Христа-Главы и церковным Преданием. Но папа может пригласить мирян на совещание по церковным вопросам. На католических соборах принято считаться с убеждением верующих и суждениями монашества.

Подлинный вселенский собор с Римским епископом во главе, т. е. собор представляющий всю учащую Церковь, имеет власть издавать не только обязательные для всех чад Церкви каноны, но и догматические определения вероучения. Такие определения не нуждаются в последующем одобрении или согласии верующих или низшего клира: они исходят от епископата, установленного Спасителем и заимствующего свет веры от Него Самого. Вселенский собор представляет Церковь, но не как собрание „депутатов”, **уполномоченных** от народа.

Но вселенский собор не выше папы, и потому апелляция на решения Апостольского престола к вселенскому собору, по существу своему, недействительна. Самый вопрос о подчинении папы вселенскому собору **лишён всякого смысла и заключает в себе противоречие**. Этот вопрос аналогичен вопросу о том, подчинена ли голова телу, в состав которого она входит. Как человек без головы мёртв, так и „вселенский” собор без одобрения папы есть только внешнее подобие вселенского собора. К обезглавленному телу апеллировать невозможно.¹

Отцы вселенского собора являются подлинными судьями по всем вопросам вероучения и церковного управления, поскольку они решают соборно и в иерархической зависимости от Апостольского престола.

В Католической Церкви часто созываются поместные и обла-

1. Апелляция к папе, как «инстанции» стоящей выше собора, была вполне «нормальной» в древней православной Церкви. «Апелляция к папе, как к главе Римско-католической Церкви, формально была признана в качестве юридического права в 343 году собором Сардийским. На нём было постановлено, что епископ, осуждённый собором, имел право обратиться с апелляцией к римскому патриарху, которому в таком случае предоставлялось утвердить приговор или назначить новых судей...» (Православная Богослов. Энциклопедия, СПб, 1900, т. I, ст. 981).

стные соборы архиепископов. В каждой церковной провинции (группе епархий объединённых одним митрополитом или архиепископом) соборы местных иерархов должны собираться не реже, чем каждые 20 лет.

Возражения.

1) Бывали случаи, когда епископы на соборах прямо высказывались против главенства папы.

Ответ. — Отдельные епископы и даже многочисленные группы епископов, на соборах или вне таковых, — не безошибочны. В эпоху великих христологических споров, вряд ли найдётся какая-либо ересь, которая не имела бы в числе своих покровителей и сторонников хоть нескольких заблудившихся иерархов. Божия благодать пребывает с объединённым епископатом, а не с отпавшими от него обломками, как бы крупны они не были. Единый же епископат Христовой Церкви никогда не восставал против Апостольского престола.

Правда, в эпоху страшных опустошений произведённых в Церкви цезарепапизмом, одно время на Западе появились антипапы, которые при помощи сильных мира сего достигали такого влияния, что трудно было различить, кто законный, действительный папа, а кто узурпатор. Тогда собрался собор в Констанце (1414 г.) и издал одно постановление в духе учений Парижского университета о главенстве вселенского собора над папой. Но заметим, что: 1) На этот собор съехались далеко не все епископы и часть съехавшихся отсутствовала, когда было принято указанное постановление. 2) Голосовали по „нациям”, выражали своё мнение не столько епископы, сколько „нации”, да и то не все. 3) Констанцкий собор был одновременно съездом монархов, князей и множества политических деятелей, по большей части довольно враждебных папству. 4) Собор этот находился под сильным давлением „французской партии”, которая всячески старалась унижить папство, ускользавшее из под её влияния. Оттого папы и последующие соборы придали вселенское значение лишь здоровым, полезным постановлениям Констанцкого собора и отвергли нецерковную националистическую попытку этого собора и епископов Базельского собрания провозгласить гору более высокой, чем её вершина.

2) Если папа есть монархический глава вселенского собора, то собор превращается в совещательное собрание при папе, что противоречит учению самой же Католической Церкви о епископах, как

пресемниках апостолов; на таком соборе, епископы не судьи, а „чиновники в мантиях”.

Ответ. — Между двумя крайними положениями — быть только „чиновником”, пассивно исполняющим приказания своего начальства, и быть безапелляционной инстанцией, не признающей никакого главы — есть ещё нечто **среднее**: судить, руководясь указаниями свыше и в зависимости от утверждения главы. В иных монархиях сенаторы судят и разрешают важнейшие вопросы, проявляя при этом много мудрости и инициативы; неужели их следует считать „пассивными чиновниками” только потому, что монарху принадлежит право окончательно утверждать или отвергать постановления сената? И неужели верховные права полководца превращают всех подчинённых ему генералов, офицеров и воинов в безвольных и никому не нужных „чиновников”? Неужели вершина величавой горы превращает эту гору в ничтожный холмик? Из того, что папа имеет право пользоваться собором, как исполнительным органом, отнюдь не следует, что папа не может предоставить собору разрешать важные вопросы церковного управления или вероучения. Именно папская власть придаёт соборам жизненность, плодотворность и устойчивость; она даёт им возможность достигать поставленной цели. Чтобы быть живым, здоровым и свободным, тело вовсе не нуждается в том, чтобы ему отрезали голову. К тому же, как отличить подлинный вселенский собор от иных, иногда очень многочисленных, но не вселенских соборов?

3) Если папа может решать все церковные дела без согласия вселенского собора, то вселенские соборы, вообще, излишни.

Ответ. — Вселенские соборы не безусловно необходимы, но они не излишни, а при некотором стечении обстоятельств, их полезность может приближаться к необходимости. Главная польза от соборов состоит в том, что наличие в одном месте пастырей всей Церкви естественно вызывает всеобщий религиозный подъём; в прениях и столкновениях крайних мнений, истина выступает наружу с большей наглядностью, единство и вселенскость Церкви предстают перед посторонними во всей своей силе, побуждая искать истинную Церковь; соборы облегчают папе ознакомление с нуждами Церкви; ими укрепляется соборный дух Церкви.

4) Уже в первые века раздавались голоса против единоличного возглавления соборов одним иерархом, и многие защищали принцип полного равенства всех епископов на соборе.

Ответ. — Указанное течение несомненно существовало задолго до „разделения церквей”. Но оно не церковного происхождения и окрепло, главным образом, под воздействием полуязыческого мировоззрения многих византийских базилевсов, преемников римских императоров, применявших именно этот принцип в отношении языческих жрецов, чтобы тем удобнее самим управлять государственной религией. Уже по поводу III вселенского собора император Феодосий раздражённо писал „местоблюстителю” папы, св. Кириллу Алекс.: «Наше Величество... не потерпит того, кто захотел бы более повелевать, чем излагать только свои мнения или совещаться с другими...»¹. Императорам хотелось самим возглавлять Церковь Христову. Эта чисто мирская политика способствовала развитию раскола и теории соборности без папы. Именно против такого течения, чреватого пагубными последствиями, мужественно восставали лучшие представители подлинного древнего церковного православия.

5) Вселенские соборы вдохновляются Духом Святым, а папа не глава Духу Святому.

Ответ. — Вдохновение Духа Св. обеспечено соборам постольку, поскольку они следуют воле Христа-Главы, Который „поручил всех” одному верховному. Собор не глава Духу Христа и Его органу, папе.

6) Папы не председательствовали на древних соборах.

Ответ. — На большинстве древних вселенских соборов, как и на всех последующих, папа был действительный „глава собора честного”, по выражению русских миней, но не лично, а через уполномоченных или легатов. Таким образом, епископам предоставлялась большая свобода в прениях и избегалось лишнее давление групп на решения папы. Вторым и пятым вселенскими соборами папские легаты, действительно, не руководили; но эти соборы получили вселенское значение только после утверждения их Римской кафедрой.

7) Из древних вселенских соборов ни один не определил учения о главенстве Римского епископа!

Ответ. — Из этого нисколько не следует, что древние вселенские соборы отрицательно относились к той роли, какую папство призвано играть в Церкви. Ни один из вселенских соборов не определил, что Божья премудрость не противоречит Божьему милосердию; станем ли мы на этом основании кощунственно утверждать, что бесконечное милосердие Отца Небесного претит мудрости Божией, что оно

1. Деяния Всел. Соборов, Казань, 1859, т. I, стр. 478.

неумно? Но обратимся к фактам. На древних вселенских соборах, именно на III, IV, VI и VII папские легаты как нельзя более ясно и определённо излагали католическое учение о главенстве Римского епископа в вопросах веры и верховного управления, и требовали повсеместного применения этого учения; там же громко читались папские послания касающиеся богоустановленности главенства папы в вопросах веры и дисциплины. Если бы это „римское учение” было противно православному преданию, то оно было бы не простым заблуждением, а крупнейшей ересью, касающейся самого существования Церкви; оно должно было бы вызвать с первого своего появления взрыв возмущения и осуждение со стороны указанных соборов. Но ничего подобного не случилось, несмотря даже на то, что в своих выступлениях против папства епископы почти всегда могли рассчитывать на поддержку императора, желавшего править Церковью вместо папы! В большинстве случаев епископы прямо или косвенно выразили своё согласие с папскими посланиями или, по крайней мере, не находили в них ничего предосудительного. Известный антикатолический церковный историк, В. В. Болотов, пишет: «Весьма ясное учение Льва Великого о римском главенстве над всею вселенскою Церковью ни в ком не вызвало тревоги на востоке... Лишь Антиохийский собор 341 года заговорил с римским иерархом языком твёрдым и решительным... и опротестовал вмешательство пап по существу, и это был, к сожалению, собор полуарианский... Легаты папские являются на соборы, .. как судьи, и их окружают всевозможным почётом... На востоке о серьёзной полемике против папских притязаний вздумали уже слишком поздно, когда они получили авторитет освящённой веками древности».¹ Болотов прав, когда он устанавливает факт, что древнее Православие не протестовало против „папских притязаний”. А еретические, антиправославные соборы, все без исключения, „по существу” сопротивлялись папам и очень часто боролись против папства „языком твёрдым и решительным”. Этих фактов достаточно, чтобы себе уяснить, где Православие.

Иные антикатолические историки создали теорию, согласно которой древние вселенские соборы и все православные люди просто „прозевали” папские выступления, обосновывающие вероучительское главенство Римского епископа. Но ведь для этих историков Церковь состоит только из православных. Выходит так, что в течение не-

1. Лекции по Истории Древней Церкви, СПб, 1913, III, стр. 317 сл.

скольких веков вся Церковь „зевала” и не сопротивлялась величайшей ереси. А это уже прямо ведёт к радикально неправославному модернизму, к признанию, что Церковь может веками ошибаться в важнейших вопросах вероучения, что догматы имеют лишь относительную ценность и т. д. Желание во что бы то ни стало опровергнуть католическое вероучение так или иначе логически ведёт к разрыву с чисто церковным Православием.

*Глава девятая***ОСНОВНОЙ ОРГАН
БЕЗОШИБОЧНОСТИ ХРИСТОВОЙ**

Мы уже рассмотрели закон Божьего воздействия на мир посредством второпричин, живых или даже вещественных орудий Господнего всемогущества. В Церкви Христовой, по существу своему святой, не терпящей пробелов и отступлений от воли Творца, этот закон обнаруживается с особенной наглядностью. Ясно, что и **безошибочное учительство Христа-Главы** не может не иметь в Церкви соответствующего постоянного видимого человеческого органа. С другой стороны, ясно тоже, что безошибочность в учении даётся тем, кому дана самая власть учить, т. е. объединяемому преемниками Петра епископату. Отсюда заключение: орган единения есть тем самым и орган обеспечивающий за епископатом безошибочность. Эту роль играет папство.

Догмат папской безошибочности определён на Ватиканском вселенском соборе в следующих выражениях: «Когда Римский епископ говорит *ex cathedra*, т. е., исполняя служение пастыря и учителя всех христиан, своею верховной апостольской властью определяет учение в области веры и нравов, обязательное для всей Церкви: тогда, в силу Божией помощи, обещанной ему в лице блаженного Петра, он обладает безошибочностью, которой Божественному Испытателю было угодно одарить свою Церковь в определениях, касающихся учения о вере и нравственности. Поэтому, такие исходящие от Римского епископа определения непреложны сами по себе, а не в силу согласия Церкви (*ex sese, non ex consensu Ecclesiae*)». Взвесим точный смысл этих терминов.

Безошибочен только папа, а не „римские конгрегации” (постоянные синоды), заведующие текущими церковными делами. Но и сам папа безошибочен не в силу своих умственных, нравственных или других качеств, а единственно в силу своего **особого служения**.

Папа безошибочен тогда, когда он учит „с кафедры”, т. е. когда имеются налицо все следующие условия:

1) Папа учит в качестве **вселенского пастыря всех христиан**, обращается ко всем, а не к той или иной части иерархии или пасомых. Безошибочность не касается тех наставлений папы, которые исходят от него, как от частного лица, патриарха определённой области, учёного богослова, личного друга и т. п. Тем более не следует искать безошибочности в частных поступках или чисто административных мероприятиях папы, которые могут оказаться неудачными.

2) Папа действительно пользуется полнотой своей верховной власти, учит от имени Христа, налагает на совесть верующих обязанность принять его учение **как догмат**, непринятие которого равносильно разрыву с Церковью Христовой. Итак, догмат безошибочности не распространяется даже на те послания и энциклики, которые исходят от папы, как главы всей Церкви, и обращены ко всем верующим, но в которых папа только призывает, советует, предлагает, поощряет, богословски доказывает и т. п.

3) Учение, излагаемое папой, касается **веры и нравственности**. По вопросам математики, естествоведения, географии, политики и проч. папа может ошибаться, ибо в этом отношении он не является орудием главенства Христова. Однако, по мнению католических богословов, выходящему за пределы ватиканского определения, безошибочность папы распространяется и на такие истины, которые непосредственно связаны с охранением Откровения: так, папа, силою своего безошибочного авторитета, может осудить философские системы, ведущие к отрицанию догматов христианской веры.

4) Папа **окончательно определяет** смысл какого-либо учения и ставит верующим в обязанность верить этому учению, иначе говоря — объявляет, что данное учение так или иначе заключается в Откровении.

Чтобы подлежать безошибочности, решения папы должны быть, конечно, сознательными, свободными.

Особую помощь, оказываемую Господом верховному учителю Церкви, следует отличать от Откровения и от вдохновения. Помощь эта даётся не в виду новых откровений, а ради верного **охранения и толкования** раз данного и законченного Откровения Христова. Она также не есть вдохновение, подобное тому, которое присуще Св. Писанию.

Безошибочность папы не противопоставляется безошибочности Церкви, а служит её верховным **выражением**.

Догматические вероопределения папы безошибочны „сами по себе, а не с согласия Церкви”. Папа подвластен одному Христу, от Которого он заимствует свои полномочия. Папа, конечно, зависит от Духа Христова, живущего в Церкви, его учение безошибочно только в зависимости от Него. Догматические определения папы безошибочны только „с согласия” источника благодати, оживляющего Святую Церковь. Папа обязан повиноваться голосу Христа, Главы Церкви. Он „связан” догматами церковного Предания. Что же собственно обозначает эта формула *ex sese, non ex consensu Ecclesiae*? То, что истина сообщается пастырем пасомым, а не пасомыми пастырю; что богопоставленный верховный учитель Церкви, говорящий „с кафедры”, не подчинён суду **никакой эмпирической земной церковной инстанции и никакого коллектива**, имеющего притязание на право подчинять себе орудие верховного пастырства Христова; что голове, чтобы руководить телом, не нужно согласие тела. Что случилось бы, если бы догматические определения папы канонически зависели от „согласия Церкви”? Любое религиозное движение, любой „церковный народ”, любая философско-богословская школа, любой собор стали бы **отождествлять** себя с Церковью и, от её имени, налагать прещения на постановления иерархии; никакой богословский вопрос не мог бы быть разрешён; постепенно все религиозные истины стали бы оспариваемыми, сомнительными, неопределёнными; богословие превратилось бы в дилетантское „богословствование”. Нет ничего более конкретного, определённого, точного и сознательного, как санкционируемые Апостольским престолом, веками вырабатываемые определения вечной истины; нет ничего более отвлечённого, неопределённого, расплывчатого, внутренне противоречивого и бессознательного, как всё то, что может быть прикрито столь соблазнительной формулой „согласие Церкви”. А подчинять действительное от-

влечённому, определённое неопределённому, последовательное противоречивому и сознательное бессознательному — значит издеваться над здравым смыслом, данным человеку Творцом для искания спасения.

Безошибочность папских вероопределений „экс катэдра” есть не что иное, как проявление **провидения** и всемогущества Христа, Главы Церкви, Который устраняет опасность введения верующих в заблуждение папскими вероопределениями: Бог всегда может направить жизнь Церкви и мировые события так, что до ложного вероопределения папы не дойдёт; Бог может, например, в нужную минуту изменить настроение папы, послать ему болезнь, непреодолимые затруднения, смерть. Догмат папской безошибочности есть **прежде всего** выражение веры в **неограниченность** мудрости, власти и любви Иисуса Христа, Главы Церкви, Который властен обеспечивать всецерковную соборную безошибочность вероопределениям „экс катэдра” любого папы, не нуждаясь для этого в одобрении и санкции со стороны епископата или церковного народа. Кто отвергает „ватиканский догмат” папской безошибочности, тот волей-неволей ограничивает власть Христа-Главы, посягает на её полноту. Это хорошо поняли не только В. Соловьев, но и такой не католический мыслитель как В. Розанов (**Около церковных стен**, I, стр. 113 сл.).

Слова: «не в силу согласия Церкви» вовсе не обозначают, что папа будто бы может требовать безусловной веры в свои личные соображения и догадки, не считаясь с верою епископата, богословов, благочестивых элементов „церковного народа”. Они обозначают, что вероопределение, исходящее от папы, как первопастыря обращающегося ко всей Церкви, является выражением многовековой соборной мысли лучших из пастырей и пасомых, ответом на их пожелания такого вероопределения, проявлением соборного духа Церкви, внушаемого ей самим Духом Святым, и именно **поэтому** не нуждается в **последующем** одобрении какого бы то ни было учреждения, собрания (духовенства или мирян), „движения” или общественного мнения, которое стало бы приписывать себе право говорить и решать от имени Церкви, или хотело бы отождествлять себя с Церковью.

Тот, кто не нуждается в „согласии” (консензу) Духа, живущего в Церкви, это вовсе не папа „оторванный” от Церкви, противопоставляющий себя всей Церкви (такой папа уже не был бы папой); а

именно этот самый Дух Христов, Который даёт Церкви осознание истин Откровения посредством озарённых обильной благодатью праведников, иерархически объединённого епископата, верных преданию богословов и, наконец, через Римского епископа, который в своих вероопределениях „экс катэдра”, с безошибочностью обеспечиваемой силою Христа-Главы, подводит итоги соборной веры Церкви и ограждает её от искажений и посягательств со стороны лже-соборностей и нездоровых идеологических течений в клире или в народных массах, в которых обыкновенно затерян церковный народ.

Не будь „ватиканского догмата”, как он издревле был понимаем и применяем уже такими столпами Православия, как св. Лев Великий или святой Григорий Великий, Церковь давно распалась бы на множество поместных Церквей, не имеющих **одного все-ленского чисто церковного соборного духа**; она, может быть, и хранила бы в некоторой мере богословские достижения первых веков, но была бы неспособной разрешать назревшие вопросы вероучения и устранять опасные сомнения.

В теле Церкви папство является как бы устами. Уста здорового человека высказывают мысли и пожелания человеческого **духа**, но нисколько не зависят от „согласия” (одобрения, разрешения) рук, ног, туловища, всего тела и его чувственных инстинктов; весь смысл христианского аскетизма состоит в том, чтобы подчинить тело духу. То же наблюдаем мы и в Церкви Христовой. Папа в своих торжественных определениях «экс катэдра» выражает подлинную мысль Церкви, тесно связанную с её сверхприродной духовной жизнью, проявляющейся в убеждении лучших элементов епископата и вообще духовенства, в творениях глубоко верующих богословов, в словах и в жизни подвижников благочестия, чудотворцев, мучеников; ведь в словах простой, но святой деревенской девушки имеется более чистая соборность, чем в речах и писаниях множества политически или сектантски настроенных „церковных деятелей”. Но папские окончательные учительские постановления действительны „экс сэсэ”, сами по себе, силою присущей им всецерковности, силою благодатного единения с Христом-Главою и Его Духом, с Душой Церкви, а не в зависимости от **последующего** предстоящего „согласия”, признания, со стороны „туловища” — толпы, общественного мнения, крика журналистов, „духа времени” и более или менее крупных съездов и соборов.

Делать вероопределения папы зависимыми от одобрения хотя бы вселенского собора — именно это галликанское заблуждение и имел в виду устранить Ватиканский собор, — значит парализовать всякое дальнейшее осознание Церковью истин Откровения, необходимое при появлении новых лже-учений, и таким образом порвать с существенной чертой древней православной Церкви. Противопологать вселенский собор папе противоречит церковной истории, которая не знает общеобязательных для всей Церкви догматических постановлений вселенских соборов без одобрения Римского епископа. Никакой вселенский собор никогда не осуждал „папских новшеств”. Как мы видели выше, вселенский собор без папы неосуществим, немыслим. В галликанской теории получается неизбежно пагубный заколдованный круг: вселенский собор — безапелляционный судья над папой, а без решения папы некому обеспечить вселенскость собора. Галликанское отрицание папской безошибочности экс катэдра ставит Церковь в догматический тупик, обрекает её на богословское прозябание,

„Ватиканский догмат” вовсе не „навязан” Церкви папой Пием IX. Он является только оформлением и утверждением многовековой веры лучших представителей католического духовенства и мирян, в особенности благодатного убеждения бесчисленных святых католической Церкви, мучеников, боговидцев, чудотворцев, подлинно церковного народа. На Ватиканском соборе оппозиция оспаривала почти исключительно **своевременность** провозглашения этого догмата. А что он угоден Богу, видно хотя бы из той травли, которую не перестают вести против него все без исключения воинствующие безбожники; в советской антирелигиозной литературе ватиканский догмат никогда не упоминается без выражения страстной ненависти к нему.

При окончательной редакции „ватиканского догмата” были приняты во внимание все серьёзные возражения богословов и историков.

Учение о безошибочности папы логически вытекает из всего, что имеется в Св. Писании и Предании относительно главенства Петра и его преемников.

Согласно Мф. 16 Церковь держится на кифе, Петре, и **в первую очередь на его вере**, сообщаемой ему свыше и безошибочной. Но, с другой стороны, мы знаем, что всё относящееся к сущности Церкви, и установленное Спасителем во благо её,

пребудет неизменным „до скончания века”. Поэтому, в Церкви всегда будет пребывать Пётр в лице своих преемников, которые будут служить „правилом веры” для всех пастырей и пасомых.

Верховному Апостолу поручено Спасителем утверждать (Лука 22) братьев своих. Но если уже апостолы нуждались в подобном утверждении, то их преемники на епископских кафедрах и подавно нуждаются в одном „верховном”, который охранял бы их веру от заблуждений. С другой стороны, ясно, что тому, кому поручено охранять от заблуждений веру всех пастырей Церкви, дана также помощь свыше и незаблуждаемость, по крайней мере в определении общеобязательных догматов. Кошунственно предположение, что Христос мог поручить охрану веры пастырей человеку, который даже в **основном и существенном** не предохранён Духом Христа-Главы от заблуждений! Такой Христос не был бы Богом.

Известный текст 21 главы Ев. от Иоанна приводит нас к тому же заключению: Господь не мог поручить кормление всего Своего стада истинами веры пастырю, который **никогда** не в состоянии с уверенностью различить обыкновенную траву от ядовитых растений.

Из упомянутых текстов видно также, насколько несогласно с Евангелием предположение, будто вера верховного становится непреложной лишь „с согласия Церкви”. Толпе Своих последователей Спаситель не говорил: «Будьте утёсом для поддержки Петра; утверждайте в вере Петра; овцы и агнцы мои, пасите вашего пастыря безошибочным учением».

Единство Церкви невозможно без единства веры, единства живого, постоянного и действенного. Но это единство веры не может быть обеспечено одним „церковным народом”, в котором, по слову Христа, **плевелы перемешаны с добрым зерном**. Оно может исходить только от Бога, предохраняющего Церковь от заблуждений через соответствующую второпричину.

Выше, говоря о главенстве папы вообще, мы привели уже не мало святоотеческих свидетельств, показывающих также веру древней Церкви в безошибочное догматическое учительство римских епископов. Поэтому, мы ограничимся здесь немногими текстами.

В своём знаменитом труде «Против ересей» (III 3) св. Ириней пишет: «С этой (Римской) церковью, вследствие её превосходства,

необходимо, чтобы согласовалась всякая церковь, т. е. все откуда бы они ни были верующие; благодаря ей, верующие разных стран всегда сохраняли полученное от Апостолов предание».¹ Св. Ириней опровергает еретиков, «опираясь на апостольское предание и веру возведённую людям» и доходящую до нас через римских епископов.

Блаж. Иероним писал Феофилу: «Наша древнейшая забота — хранить права Христа, не нарушать пределов начертанных Отцами, и всегда помнить римскую веру, восхваленную апостольскими устами» (письмо 63). К папе Дамасу он писал: «Только у вас охраняется неповреждённое наследие Отцов... Следуя за Христом, я пребываю соединённым с Твоим Блаженством, т. е. престолом Петра, ибо знаю, что на этом камне основана Церковь» (Мишь лат., XXII 355).

Многочисленные труды св. Августина тоже включают указания на безошибочное учительство преемников Петровых.

Когда папа св. Келестин осудил вероучение Нестория, он известил об этом восточных епископов, отождествляя свой суд с безошибочным судом Иисуса Христа.² И никто не думал тогда оспаривать эти „ватиканские притязания”. Наоборот, св. Кирилл Алекс. уговаривал всех „согласоваться с суждениями” папы.³ По признанию серьёзных церковных историков, все великие восточные и западные ереси первых веков были устранены из Церкви преимущественно благодаря бдительности и чистоте веры римских епископов.

Безошибочность пап признавали и вселенские соборы, когда они согласовали свои определения с готовыми постановлениями пап. То же убеждение отражается в возгласах, которыми отцы этих соборов приветствовали чтение догматических определений римских епископов: «Пётр через Льва вещал!», «Устами Агафона говорил Пётр!» и т. п.

В V столетии почти весь Восток, введённый в заблуждение патриархом Акакием, отпал от Церкви. Спустя несколько десятков

1. Наши противники стремятся обессилить этот текст, ссылаясь на то, что некоторые его части допускают различный перевод. Но каков бы ни был смысл «*undique*» или «*in qua*», общая мысль св. Ириней очевидна: чистота веры сохраняется в Церкви через Римскую церковь.

2. Деяния Всел. Соборов, Казань, 1859, т. I, стр. 366-370, 411-415 и др.

3. Там же, стр. 417.

лет, раскольниковы епископы пожелали вернуться в Церковь. Тогда папа св. Гормизда составил „формулу” воссоединения, которую должны были подписать все покаявшиеся иерархи. В этой „формуле” мы читаем: «Первое спасение состоит в том, чтобы хранить правило правой веры и нисколько не отступать от отеческих преданий. Ибо не может пройти даром слово Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: ты еси Пётр, и на сем камне создам Церковь Мою и т. д. Сказанное Христом подтверждается на деле, ибо на Апостольском престоле всегда сохранялась неповреждённой католическая вера... Поэтому..., мы принимаем все послания папы Римского Льва, написанные им о христианской вере. Оттого, как мы уже сказали, мы следуем во всём Апостольскому престолу и исповедуем всё им определённое и уповаем, что будем достойны пребывать в единении с Вами, требуемом Апостольским престолом, который хранит в целостности и совершенной прочности христианскую веру». Под этим исповеданием веры в безошибочность папы подписались почти все восточные епископы. Оно было единогласно принято отцами VIII вселенского собора.

На VI вселенском соборе, состоявшемся в Константинополе в 681 г., было прочитано письмо папы св. Агафона, ещё до собора лично осудившего монофелитскую ересь. Святой папа писал: «Пётр был назван блаженным. Сам Спаситель всех людей троекратным поручением велел ему пасти духовных овец Церкви. Опираясь на его помощь, эта апостольская церковь (римская) никогда не уклонилась от пути истины в сторону какого бы то ни было заблуждения. Авторитетному водительству этой церкви, т. е. церкви князя всех апостолов, верно следовали во всём вся Католическая Христова Церковь и вселенские соборы... Таково **правило** истинной веры».¹ Собор согласился с содержанием этого послания и сам писал папе: «Мы признаём, что Твое послание исходит от Бога, ибо оно от верховнейшего из апостолов... Еретиков мы поразили анафемами силою Твоего решения».²

На VII вселенском соборе, втором Никейском, было торжественно прочитано догматическое послание папы Адриана I.

1. Harduin, III, 1079.

2. Там же, 1438.

В этом послании¹ говорится: что «апостольская духовная мать ваша, церковь Римская» есть «**глава** всех церквей»; что, «следуя преданиям православной веры», надо «с любовью принимать определения церкви блаженного Петра, князя апостолов»; что православной вере надо следовать «в духе нашей святой Римской церкви»; что от Римской церкви «все прочие церкви Божии получили **правило веры**»; что (иконоборческий) собор, созданный «без ведома апостольского престола», есть лжесобор, незаконен и должен быть предан анафеме; что «кафедра св. Петра учреждена с тем, чтобы быть главою всех церквей Божиих»; что эта кафедра «утверждает своею властью всякий собор»; что духовная вселенская власть дана Искупителем Петру и навсегда принадлежит одной только Римской кафедре, так что отрицающий эту истину «**чужд православной веры** и отступник от нашей святой кафолической веры». Но Христом установленное правило веры, обязательное для всех, не может не быть безошибочным, по крайней мере в указанном выше смысле. Если бы взгляд Адриана на безошибочное главенство Римской церкви не совпадал с древним церковным преданием, отцы седьмого вселенского собора **должны** были бы с возмущением отвергнуть его и осудить Адриана как опаснейшего еретика: в противном случае, они ввели бы в заблуждение всю вселенскую Церковь. Между тем, произошло обратное: собор единогласно принял послание папы.² Патриарх св. Тарасий заявил, что чистота веры Римской церкви засвидетельствована Ап. Павлом (Рим. 1, 8) и что «**этому свидетельству надо следовать**».³ Против этого заявления также никто не возразил. Иоанн, «посланный от восточного округа», высказал мысль, что Римская церковь должна называться именем „Истина“, и подтвердил своё мнение, ссылаясь на Св. Писание.

Древняя православная вера в безошибочное учительское главенство Римского епископа прекрасно выражена в письмах св. Феодора Студита: папа — «глава всех глав», к которому следует обращаться по всем вопросам веры и лжеучений; без его «боже-

1. Деяния Вселенских Соборов, напечатанные в Православном Собеседнике, изд. Казанской Дух. Акад., 1874, февраль, стр. 128 и следующие.

2. Там же, стр. 161.

3. Там же, стр. 160.

ственного первоначальства», никакой собор не может разрешать вопросы веры; папа — «апостольский глава, Богом вознесённый пастырь овец Христовых, камень веры, на котором воздвигнута Церковь»; он «поставлен Богом», чтобы охранять чистоту веры; папство «издревле и от начала ...незагрязнённый и неподдельный источник православия»; решения Римского епископа внушаются ему Духом Святым, все должны смиренно принимать «**утверждение веры**», исходящее от преемников Петра; от папы, «**апостольского главы Христовой Церкви**», исходит единство веры.¹ Как многозначущи тоже следующие слова св. Феодора Студита: «Свидетельствуюсь перед Богом и людьми: они (еретики) отторгли сами себя от тела Христова, от верховного престола, на котором Христос положил ключи веры, которой не преодолели от века и **не преодолеют до скончания врата адовы, т. е. уста еретиков, по обещанию Неложного**. Итак, да радуется блаженнейший и апостольский и соответствующий имени своему Пасхалий (папа); ибо он исполнил дело Петра. Да восхищается всё общество православных».² Так писал и так верил великий подвижник, который «между всеми современными ему святыми Отцами отличался ревностью и **твёрдостью в правой вере и благочестии**».³

1. Творения, изд. СПб Дух. Акад., 1908, т. II, стр. 265-272, 344, 347, 447, 498, 764 и др.

2. Там же, К Навкратию, стр. 419.

3. Преп. Феодора, игумена Студийской Обители, Огласительные поучения, изд. Оптиной Пустыни, Москва, 1872, Предисловие, стр. IV.

Глава десятая

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ БЕЗОШИБОЧНОСТИ РИМСКОГО ЕПИСКОПА

1) В тексте Ев. от Луки 22, 32 слово „обратившись” относится только к Петру, а не к его преемникам. Поэтому, и весь стих касается одного Петра.

Ответ. — Допустим, что „обратившись” обозначает „покаявшись” и касается только Петра. Но из этого ничуть не следует, что „утверди братьев” не относится и к его преемникам. В самом деле, необходимость утверждать братию имеет своей причиной не „обращение” Петра, а немощь „братьев”, епископов, немощь, которая, по всеобщему признанию, будет тяготеть над епископами, пока Церковь будет существовать. А если **зло постоянно**, то и средство, избранное Христом для противодействия ему, не может не быть тоже постоянным: утверждать братьев есть постоянная и неотъемлемая обязанность всех преемников Петра. „Обратившись” здесь не при чём.

2) Безошибочность папы была провозглашена только в 1870 г. и потому должна быть отвергнута, как новшество. Формула *ex sese* неизвестна христианской древности.

Ответ. — В таком случае, придётся отказаться от всех вообще „провозглашённых” догматов, от всех членов Символа веры, которые в своё время все были „новшествами”: в Евангелии нет Символа веры. Формула *ex sese*, правда, не употреблялась раньше, но **содержание** её было известно древней Церкви; точно так же, и формула „единосущный Отцу” не находится в Св. Писании и была неизвестна апостолам, хотя содержание её заключалось в Откровении. Софизм, лежащий в основе этого возражения, когда-то употреблялся арианами для отрицания Божественности Христа, как и впоследствии он был использован протестантами для того, чтобы отвергнуть некоторые

догматы, таинства, почитание Богородицы и святых. Одно из двух: или признавать раскрытие и совершенствование словесного выражения неизменной истины, или нет; если первое, то нет основания для негодования по поводу „не имеющих в Евангелии” терминов — „ex sese”, „единосущный”, „Богородица” и т. д.; если второе, то надо отбросить догматические определения всех вселенских соборов и „вернуться” к самому упрощённому типу протестантизма.

3) Если папа безошибочен, то епископат не безошибочен, ибо в Церкви может быть только одна безошибочность.

Ответ. — Указанное возражение аналогично следующему соображению: если голова умна, то человек не умён, ибо в одном человеке двух умов быть не может! Епископат, как одно соборное целое, безошибочен благодаря своему единению с богоустановленным стражем церковной безошибочности. В Церкви нет двух безошибочностей, но одна и та же единственная безошибочность, завещанная Церкви Спасителем, выражается то через папу, живущего жизнью Церкви, то через епископат, объединённый около своего верховного пастыря.

4) Безошибочность папы делает излишними богословские исследования спорных вопросов.

Ответ. — Неужели наличие „арбитра” делает какие-либо состязания излишними? Неужели существование справедливого судьи делает невозможной и ненужной работу следователя, обвинителей и защитников? Как раз наоборот. Богословская жизнь в Католической Церкви так кипуча и плодотворна **именно** потому, что есть кому одобрять и утверждать её положительные достижения. Зато, крайне растяжимое понятие „согласие Церкви” вводит в богословие разлагающее начало, ибо некому рассудить, какое из спорящих эмпирических „согласий Церкви” есть действительный голос Церкви.

5) Христианская древность знала другие критерии религиозной истины: истинно то, что „всегда и всеми” признавалось таковым, то, что заключается в писаниях свв. отцов, и т. д.

Ответ. — Эти критерии действительно применялись; но и по сей день они **широко применяются в католичестве**, и притом гораздо больше, чем в других вероисповеданиях; такие критерии, как „учение отцов”, „убеждение верующих” или „обычное мнение богословов”, занимают почётное место во всей католической религиозной литературе. И как теперь, так и в первые века, эти критерии не исключали, а подразумевали высший конкретный критерий — суждение Апостольского престола, часто необходимое для того, чтобы решить

сомнения насчёт **применения** указанных критериев, хотя и вполне авторитетных, но для защиты веры от еретиков обыкновенно недостаточно определённых. Из того, что в древней Церкви употреблялся критерий „всегда и везде”, нисколько не следует, что другой критерий — суждение папы — непригоден: если считать два критерия по существу своему несовместимыми, то на том же основании следует отбросить критерий „всегда и везде”, только потому, что имеется уже критерий „учение свв. отцов”. В Церкви может, конечно, быть только одна безошибочность, но критериев истины может быть несколько; достаточно, и необходимо, чтобы они были **согласованы** между собою и чтобы была в Церкви одна высшая инстанция, решающая сомнения, охраняющая эти критерии от злоупотреблений и делающая возможным их безошибочное применение.

6) Как отличить безошибочные определения папы от других его поучений?

Ответ.—Общеобязательное и окончательное догматическое определение „с кафедры” узнаётся: а) по выражениям, которыми вводится определение, напр., „определяем как догмат веры”; б) по возлагаемой на всех христиан обязанности верить в данную истину; в) по заявлению, что не принимающие данного учения исключаются из единства Церкви; г) по совокупности всех обстоятельств, которые вызвали и сопровождали это определение. В случае сомнения, всегда можно обратиться к какому-либо опытному богослову или к своему епархиальному епископу. Если и этого было бы недостаточно и явилась бы необходимость выяснить безошибочность какого-либо спорного в этом отношении предложения, то всегда остаётся открытым путь выяснения сомнений посредством нового и дополнительного определения, исходящего от Апостольского престола.

7) Ватиканский догмат чрезмерно расширил прерогативы папы.

Ответ.— Не столько расширил, сколько точнее определил. Если в ином отношении это определение и „расширило прерогативы папы”, то в других отношениях оно их **сузило**. Если, с одной стороны, ватиканское определение отвергло демократическое галликанское учение о папстве, то, с другой стороны, оно закрыло дорогу и крайним „ультрамонтанским” течениям, чрезмерно расширявшим пределы папской безошибочности.

8) Церковные пастыри нередко впадали в еретические заблуждения. Поэтому, из слов Христовых „паси овец Моих” нельзя вывести заключение, что тот, к кому они относятся, безошибочен.

Ответ. — Мы доказываем безошибочность Римского епископа не из этого текста в отдельности взятого, а из совокупности указаний Св. Писания и Предания в пользу главенства Петра и постоянства Христовых установлений. Из одного понятия „паси” ещё не вытекает понятие безошибочности, это бесспорно. Но так же бесспорно, что тот, кому „вверены все”, по крайней мере в самом существенном, именно в догматах, не может вводить всю Церковь в заблуждение: Провидение Главы, Христа, этого не допустит.

9) Папская безошибочность не нужна для единства веры, ибо в православии имеется единство веры, хотя папство в нём отвергается.

Ответ. — В некаатолическом православии сохранилось, в значительной степени, единство веры по вопросам, которые были догматически определены до отпадения Востока от Католической Церкви; этим относительным единством современное православие обязано, главным образом, Льву Вел. и другим святым папам. По другим же важным догматическим вопросам, в антиримском православии единства веры очень мало.

10) Канон шестого деяния Ефесского вселенского собора отлучает от Церкви тех, кто дерзает «слагать иную веру, кроме определённой святыми отцами, со Св. Духом сошедшими в Никее». Поэтому, ватиканское определение должно быть отвергнуто.

Ответ. — Этот канон был часто использован еретиками, как аргумент против последующих догматических постановлений Церкви. Уже в 433 году группа вероотступников обвинила св. Кирилла Алекс. в нарушении Ефесского канона. Из ответа св. Кирилла явствует, что отцы Ефесского собора запретили только еретические формулировки догматов.¹ Они вовсе не намеревались осудить раскрытие учения Церкви или внесение в Символ самую Церковь более точных определений догматов Откровения; такое осуждение было бы догматическим самоубийством Церкви, оно связывало бы ей руки в борьбе с ересями. Монофизиты, под предлогом верности тому же канону Ефесского собора, отвергли догматические определения папы св. Льва и Халкидонского вселенского собора. Против таких лжетолкований Ефесского канона, Халкидонский собор объяснил, что епископы, собравшиеся в Ефесе, запретили только **противоречить** никейскому Символу веры. В VII веке св. Максим Исповедник дал толкование

1. Т. е. такие, которые противоречили бы Никейским вероопределениям.

упомянутого Ефесского канона, совпадающее с объяснениями св. Кирилла и Халкидонского собора.

11) После Вознесения Христова, Ап. Пётр одно время жил в Иерусалиме, затем руководил церковными делами в Антиохии; поэтому, преемственность безошибочности должна распространяться и на Иерусалимского и Антиохийского патриархов.

Ответ.—С самого начала **церковное Предание** видело только в Римском патриархе настоящего преемника Петра, как «главы всех глав»; и это вполне понятно, ибо всякая пожизненная преемственность связана со смертью предшественника, а Пётр умер в Риме. Пребывание Петра в Иерусалиме и Антиохии, равно как и основание Александрийской церкви св. Марком, учеником Ап. Петра, немало способствовали возведению указанных трёх епархий в патриархаты (Константинопольская патриархия чисто политического происхождения) и великие центры духовной жизни; об этом прекрасно свидетельствует св. Иоанн Златоуст. Но всё это доказывает не безошибочность восточных патриархов, из которых некоторые были несомненно еретиками, а признание древнею Церковью исключительного значения Петра, как главы Апостолов.

12) Приписывать безошибочность человеку, значит недоверять безошибочному главенству Христа в Церкви.

Ответ.—Наоборот. Полагать, что Христос не может через одного человека обеспечить безошибочность Церкви и вообще охранить видимое единство основанной Им „эмпирической“ Церкви, именно это обозначало бы недоверять безошибочности и всемогуществу Господа.

13) Согласно Ефес. 3, 18, познание истины достигается единением „со всеми святыми“, а по католическому учению оно даётся папе вне связи с Церковью.

Ответ.—В католичестве больше, чем где бы то ни было, догматическая истина познаётся „со всеми святыми“. Догмат безошибочности папы был догматически определён только после того, как в его пользу высказались сотни тысяч праведников, мучеников и чудотворцев. Как тело немисливо без собственной телесной головы, так и голова без тела жить не может. По католическому учению, безошибочность даётся папе **только в связи с Церковью.**

14) В католичестве „критерием истины стал не Дух Св., живущий во всей Церкви, а голос епископа“.

Ответ.—Дух Св. есть сама предвечная Истина, а не критерий её.

15) Католичество стремится заменить невидимого Господа безошибочным наместником.

Ответ. — Злоупотребления преданностью Св. Отцу, конечно, возможны; бывают ханжи и лицемеры, которые прикидываются ревностными почитателями папства для того, чтобы прикрыть этим те или иные слабости или расчёты. Но ведь нет ничего святого, что не могло бы стать предметом злоупотребления! Сколько людей злоупотребляет таинствами, Евангелием, Божиим милосердием; даёт ли это основание отбросить и таинства, и Евангелие, и самую веру в Бога? Было бы безумием порицать старчество потому, что некоторые им злоупотребляли; точно так же, не обоснованно и отрицание папской безошибочности из-за погрешностей дурных католиков.

16) Католики признают папскую безошибочность по лености; очень удобно повиноваться „живому оракулу”.

Ответ. — Подчинять свой гордый разум суждению другого, по свидетельству **всех** древних православных подвижников, есть подвиг весьма трудный, но необходимый для достижения духовного совершенства. Зато, подмена „живого оракула” неопределёнными понятиями безусловно предрасполагает к духовной лености и догматическому равнодушию. Не следует забывать и того, что вся христианская икономия спасения определяется **любовью** Спасителя к людям. Именно эта любовь побудила Слово воплотиться, подойти ближе к надшему человеку, основать Церковь возможно более человеческой, „конкретной”, видимой, общедоступной для познания. Христос хотел не затруднить, а **облегчить** спасение. Истина Христова не прячется от людей. Спаситель, как добрая мать, призывает нас к спасительному послушанию, но не посылает нам **лишних** мучений.

17) Тертуллиан и Ориген отрицали догматическое главенство папы.

Ответ. — Тертуллиан стал отвергать главенство папы **после** своего отпадения от Церкви. Ориген отрицательно относился к папству в связи с еретическим уклоном некоторых своих теорий, несогласных с православным Преданием. Ориген — не святой и не отец Церкви.

18) По толкованию некоторых отцов Церкви, архипастырская и учительская власть даётся не одному Петру, а через него епископам.

Ответ. — Весь вопрос в следующем: передал ли Пётр раз навсегда всю полноту своей власти всем епископам, до скончания

века, или же верховная власть в Церкви постоянно обеспечивается епископатам при объединяющем примате Петра и его преемников. Первое не имеет никакого основания в Св. Писании или Предании; второе, правильно понятое, опирается на бесчисленные свидетельства всей христианской древности.

19) Учительская деятельность Афанасия, Кирилла Алекс., Илария и других отцов распространялась на всю Церковь: не папам, а им следует приписывать догматическую безошибочность.

Ответ. — Между догматическим главенством папы и личным вселенским учительством отцов Церкви нет никакого противоречия: одно другому помогает. То же наблюдается и в католичестве последних веков: учительское значение знаменитых „учителей Церкви” распространяется на всю Церковь, и притом в гармоническом единении с главенством папы и его безошибочностью. Из одного факта, что папы первых веков посылали наставления восточным церквам, конечно, ещё не вытекает их безошибочность: она доказывается не столько существованием этих наставлений, сколько тем, что они давались папами от имени главы апостолов, и притом иногда как беспелляционное окончательное решение догматических споров.

20) На Востоке происходили все древние вселенские соборы, издававшие догматические определения. Поэтому, на Востоке, а не на Западе следует искать догматической безошибочности.

Ответ. — Эти соборы происходили на Востоке потому, что Восток был средоточием большинства древних ересей, расколов и лжеучений: арианство, несторианство, монофизитство, иконоборчество и другие ереси зародились и свирепствовали преимущественно на Востоке. На Востоке же христианство было искажено цезарепапизмом.

21) Признание за папой светского владычества Пий IX объявил в „силлабусе” догматом, а 6 лет спустя светская власть папы была уничтожена. Итак, папа не безошибочен.

Ответ. — В силлабусе (перечне заблуждений) нет никакого „догмата светской власти”, а просто осуждено мнение, не признающее за Церковью права считать некоторые политические системы безнравственными и противными Евангелию. Что же касается прямой власти папы над определённой хотя бы совсем малой территорией, то она хотя и отстаивается католиками, как условие возможно большей независимости папского престола от гражданских властей, но никогда не была предметом каких-либо догматических определений.

22) Догмат учительского главенства папы выдуман Игн. Лойолой.

Ответ. — По признанию даже некаатолических историков, в учении св. Льва Вел. уже имеются все элементы ватиканского определения; но ведь этот знаменитый столп православия жил за 11 веков до появления в мире св. Игнатия! Св. Игнатий Лойола, как все святые, был ревностным сторонником смиренного послушания, особенно в вопросах духовной жизни и веры; за это его упрекать не приходится. Отметим здесь, что св. Игнатий почерпнул свои аскетические принципы преимущественно из творений восточных святителей и подвижников.

23) Папа Либерий подписал арианское исповедание веры.

Ответ. — Либерий жестоко пострадал от ариан и предпочёл быть отправленным в изгнание, чем одобрить арианскую ересь. Он подписал не арианский символ веры, а „формулу”, заключающую неудачные двусмысленные выражения. Если бы Либерий был еретиком, вся древняя Церковь отвернулась бы от него; а между тем мы видим как раз обратное: св. Амвросий, св. Сириций и многие другие говорят о нём, как о святом страдальце за веру. Православный Восток считает его святым. (Память — 27 августа).

24) Папа Вигилий противоречил самому себе в вопросах веры.

Ответ. — Мучимый императором, Вигилий действительно долго колебался, но со времени своего законного избрания в папы (540) он не издал никакого догматического определения, которое можно было бы заподозрить в ереси. Колебания его касались не веры, а своевременности осуждения некоторых крупных личностей.

25) По крайней мере папу Гонория следует признать еретиком.

Ответ. — Никаких догматических постановлений „с кафедры” Гонорий никогда не издавал: Гонорий допустил богословскую неточность не в поучении, обращённом ко всей Церкви, а в письме к обманувшему его патриарху Сергию. Такие письма не безошибочны. Посмертное же его осуждение папой Львом II и собором последовало из-за того, что Гонорий не проявил достаточно решительности в борьбе с еретиками и стремился воздействовать снисходительностью там, где надо было выступить со всей властью безошибочного апостольского авторитета. Гонорий согрешил недостатком „папистического духа”.

26) Папа Лев III не хотел внести в Символ веры „Филиокве”, а впоследствии Венедикт VIII принял это добавление. Значит, папы противоречили друг другу в вопросах веры и, потому, не безошибочны.

Ответ. — В древней Церкви большинство членов Символа веры вносились в символ лишь тогда, когда в этом была **необходимость** в виду опасности распространения какой-либо ереси. Так было и с Филокве. При жизни папы Льва III учение, отрицающее исхождение Духа Святого от Отца через Сына, или, как на Западе предпочитали выражаться, — от Отца и Сына, было ещё мало известно; поэтому, не было никакой необходимости увеличивать и без того уже довольно значительное число добавлений к первоначальному Символу веры, сделанных в эпоху первых вселенских соборов. При папе же Венедикте VIII, т. е. в XI веке, положение совершенно изменилось вследствие значительного распространения Фотиева заблуждения; тогда Церковь сочла уместным торжественно подчеркнуть в самом Символе свою древнюю веру в исхождение Духа Святого от Отца и Сына или, что то же — от Отца через Сына. Между символом Льва III и символом Венедикта VIII так же нет никакого противоречия, как нет его между кратким „Апостольским” и более подробным Никейским символами, как нет его между этим последним и ещё более полным Константинопольским. „От Отца через Сына” заключается в исповедании веры VII вселенского собора.

27) Папа Сикст V объявил исправленный им текст Вульгаты за обязательный для верующих, а при преемнике его этот текст был изъят из обращения, как неисправный.

Ответ. — Где же тут догматическое определение вероучения? К тому же, в исправлениях Сикста V не было никаких существенных искажений смысла Св. Писания или еретических лжетолкований. Факт же, что преемник Сикста V исправил его перевод, доказывает только заботу Церкви о том, чтобы дать верующим возможно более точный перевод Священных Книг.

28) Знаменитый епископ Штроссмайер, в речи произнесённой на Ватиканском соборе, решительно высказался против самой сущности этого догмата.

Ответ. — Речь эта, на которую часто ссылаются греческие и протестантские полемисты, есть сплошной подлог. Она была сочинена в Мексике, в 1870 г., вероотступником и расстригой, Иосифом Эскудеро; её подхватили и распространили американские протестантские журналы, откуда она попала в сочинения русских антикатолических полемистов. Подлог был опровергнут самим Штроссмайером и другими членами собора. Впрочем, вся последующая деятельность ревностного хорватского иерарха находится в противоречии с содержанием

подложной „речи”. Подобно большинству других членов „опозиции”, Штроссмайер опровергал на соборе не столько неудачные представления об учительском главенстве папы, сколько своевременность догматического определения.

Следующие возражения, до 43-го включительно, мы заимствуем из статей прот. Сергия Булгакова о Ватиканском соборе, помещённых в номерах XV и XVI парижского журнала „Путь”.

29) Против Ватиканского догмата папской безошибочности восстали благороднейшие учёные „олицетворяющие литературную честность”, именно Фридрих, Шульте, Деллингер и другие основатели старо-католицизма.

Ответ.— Указанная группа немецких богословов совсем ничтожна в сравнении с огромной массой не менее **честных** учёных католических богословов, которые высказались за названный догмат. Далее, не надо забывать, что все серьёзные возражения деллингеровцев были приняты во внимание при окончательном определении папской безошибочности, при установлении пределов её. Деллингеровское движение провалилось: в глазах верующих основатели этой школы сильно повредили себе тем, что иные из них, как проф. Поцль и Петтенгофер, стали открыто проповедовать безверие. Дружба деллингеровцев с воинствующим безбожником Блунтшли и с главарями масонских лож обнаружила подлинный облик этого безнадёжного начинания. Гордые руководители движения, направленного против догматического определения папской безошибочности, не обладали ни религиозным горением, ни пониманием благодатной сущности христианства, необходимым для восприятия сути догмата. Правильны, в этом смысле, слова Бисмарка о старо-католиках: „С 200 крестьян, которые молятся, надо больше считаться, чем с 12 профессорами, которые только рассуждают”. Антиватиканское старо-католическое движение пропитано расовой гордостью и духом „Культуркампафа”. Всё это движение утопает в собственном духовном бессилии.¹

30) Ватиканский «собор созывался неизвестно для чего... Первые его шаги были облечены тайной» (XV, стр. 41).

Ответ.— Именно епископам было поручено хранить эту тайну до конца собора, чтобы не дать повода посторонним нецерковным агитаторам вмешиваться в чисто церковные вопросы и чтобы предотвратить епископам возможность свободно, без посторонних давлений,

1. См. F. Mourret, Concile du Vatican, Paris, 1919, стр. 323-340, и особенно капитальный научный труд: Th. Granderath, Histoire du Concile du Vatican, Bruxelles 1907-1915.

обдумать эти вопросы и свободно высказать свое мнение на соборе. Известно, какой вред причиняет предоставление религиозных вопросов на суд легкомысленной толпы журналистов. Нельзя упрекать Пия IX за то, что он не хотел разжигать страстных споров между некомпетентными людьми, часто враждебно настроенными к Церкви. За несколько лет до Ватиканского собора папа пригласил епископов всех стран собраться на поместные соборы для обсуждения вопросов, которые предстояло разрешить вселенскому собору. Первые ученики и апостолы Христовы обсуждали вопросы веры и благочиния между собою, а не с крикливой уличной толпой.

31) «Состав собора был заранее подобран, причём было обеспечено послушное папе большинство... Италии было предоставлено 276 (епископских голосов), против Австро-Венгрии — 48, Франции — 84...» (стр. 42).

Ответ. — На собор папа созвал всех епископов из всех стран: было приглашено столько епархиальных епископов из каждой страны, сколько издавна в данной стране существовало епархий. Должен ли был папа, из уступчивости врагам католичества, наскоро уничтожить итальянские епархии, существовавшие с первых веков христианства, а создать несколько сот новых, немецких или венгерских, епархий? Ведь в этом случае сами возражающие возмущались бы таким неслыханным произволом папы. На ватиканский вселенский собор были приглашены даже все православные иерархи, причём им было обеспечено право, свободно и без каких-либо предварительных обязательств, высказать все свои возражения против католического учения о Церкви. Не папа, а антикатолические правительства ставили препятствия: так, например, наше правительство запретило всем католическим епископам России ехать на собор. Из двух епископов голосовавших на окончательном заседании против папской безошибочности один был итальянец (еп. Риччио), вождями же сторонников определения безошибочности были не-итальянцы: Маннинг (англичанин), Дешан (бельгиец), Мартин (немец) и т. д. Что же касается „епископов без епархий“, то таковые принадлежали к различным народностям. Нельзя утверждать, что „догмат прошёл благодаря 276 голосам итальянских епископов“, так как, по признанию самого о. Булгакова, в решающем голосовании участвовало только 148 итальянцев.

32) На Ватиканском соборе «было устранено всякое участие мирян, прямое или посредственное» (стр. 44).

Ответ. — Разве Вейо, Монталямбер, де Мэстр и др., сыгравшие столь важную роль в выяснении учения о папской безошибочности, не были мирянами? Непосредственного участия в голосованиях Ватиканского собора миряне, конечно, не принимали. Но ведь и на древних вселенских соборах миряне давали советы, высказывали желания и убеждения, но не голосовали. Когда на Ефесском вселенском соборе мирянин, императорский сановник Фирмилиан, вздумал принять участие в соборных прениях, отцы собора заставили его уйти из церкви, в которой они заседали. На Иерусалимском соборе 50-51 года, по словам знаменитого русского церковного толкователя Св. Писания, Н. Глубоковского, «действующими являются собственно апостолы иерусалимские и местный совет из пресвитеров, а все прочие были лишь соприсутствующими свидетелями, которые, не будучи только пассивными слушателями, однако не влияли своим голосом на ход решений».¹

33) «Уже одно опасение, что внесён будет догмат о непогрешимости папы, вызвало величайшее волнение и протесты в католических кругах» (стр. 44).

Ответ. — Волнения и протесты — явления обычные и перед древними вселенскими соборами, и в гораздо больших размерах, чем перед Ватиканским, где они были вызваны травлей врагов Церкви и ложными толкованиями смысла предстоящего догматического определения. Большинство протестов со стороны анти-инфаллибилистов оспаривало то учение некоторых католических общественных деятелей, которое слишком расширяло пределы папской безошибочности (напр., безошибочность папских посланий к местным церквам или в чисто административных вопросах) и которое, с полного одобрения Пия IX, было отвергнуто собором. Были протесты со стороны анти-инфаллибилистов, но не меньше их было и со стороны их противников. На самом соборе „опозиция“ почти целиком была не против самого догмата, а против **своевременности** его торжественного соборного провозглашения или против неудачных формулировок указанного учения; дело в том, что все без исключения враги христианства и вообще всякой религии издавна вели против учительской власти папы страшную кампанию, и иные епископы опасались, как бы провозглашение „Ватиканского догмата“ не вызвало новой волны гонений на Церковь.

34) «Слова: *ex sese, non ex consensu Ecclesiae*, составляющие самое сердце догмата, вставлены без обсуждения, прямо на голосование и были проглочены собранием *en bloc*» (стр. 47). «Эти роковые слова отделяют папу от Церкви и противопоставляют его ей как повелителя, трансцендентного Церкви» (стр. 33).

Ответ. — Содержание этих слов было давным давно всем известно, так что никакой новой истины никому „глотать” не приходилось. Если бы оно было новшеством, то определение догмата Беспорочного Зачатия Богородицы, данное папой именно *ex sese*, вызвало бы ещё в 1854 году взрыв негодования во всём католическом мире; а ведь ничего подобного не случилось. Последние голосования происходили действительно с некоторой поспешностью, но этой поспешности требовал сам собор в виду надвигавшейся войны. Формула *ex sese* не отделяет папу от Церкви, а только устраняет тот хаос, то „отделение”, взаимное отчуждение верующих и пастырей, которое неминуемо хронически порождалось бы подчинением папы какой бы то ни было другой церковной инстанции, т. е. на практике — лишением верховной церковной власти всякой силы и авторитета. Папа соединён с Церковью больше, чем кто-либо другой. „Трансцендентная”, отделившаяся от тела голова безвластна, мертва и не может иметь никакого влияния на тело; а между тем сам оппонент неоднократно жалуется на тот „психоз”, на ту глубокую неразрывную связь, которая соединяет папство с католической Церковью; по его мнению только „чудо” или „геологический переворот” может оторвать Церковь от папы. Разве отец многочисленного семейства становится чуждым семье „трансцендентным повелителем” оттого, что детям не полагается судить своего отца, оттого, что отцовская власть провозглашается богоустановленной независимо от согласия детей? Разве вершина горы отделяется от горы оттого, что гора не выше своей вершины? *Non ex consensu Ecclesiae* обозначает неподчинённость папы конкретным эмпирическим церковным инстанциям, создаемому журналистами или политическими деятелями „общественному мнению”, нездоровым течениям среди клира и т. д., но они вовсе не устраняют **внутреннюю** духовно-органическую зависимость папы от Церкви, как царства Христовой благодати.

35) «Надо искренне и внутренне не соглашаться с самим собою, с доводами своего разума и его очевидностью, и сделать не-свою мысль своей... Именно в таком самопреодолении, хотя бы вопреки

всему своему сознанию, ради подчинения авторитету, состоит существо церковной системы папизма» (стр. 50).

Ответ. — Действительно, в смирении и преодолении гордости — исходная точка католичества. Только подвиг евангельского самоотречения делается не ради подчинения авторитету папы, а именно это подчинение соблюдается ради любви Христовой. Основной догмат рационализма безусловно неприемлем для христиан. Католики считают с требованиями разума, но подчиняют свой ограниченный, личный или групповой, разум Божественному разуму, который руководит Церковью посредством данной Богом иерархии. Подчиняют свой разум законному авторитету в высшей степени разумно. Тут мы имеем дело с богоданным всеобщим законом человеческого существования. Разумный больной не станет доверять своим очень ограниченным медицинским познаниям, но склонится перед мнением опытного врача. Разум требует подобного же обращения к авторитету — если надо построить дом, усовершенствовать завод, удобрить почву и т. д. Это — Божий закон, применение которого в религии Спаситель не только не исключил, но всем своим учением одобрил. Чистосердечное подчинение собственного суждения „авторитету“ всегда составляло основу христианского аскетизма, то есть самой сердцевины христианства. То, против чего так восстаёт наш возражатель, всегда было руководящим правилом всех святых представителей подлинного православия, каковы Лествичник, авва Дорофей, Ефрем Сирий и столько других. Если бы каждый принимал в христианском учении только то, что ему нравится или вмещается в небольшое вместилище его личного разума, то от христианской догмы и от христианского благочестия тогда вскоре не осталось бы ничего. Сказанное несколько не противоречит тому, что церковное послушание должно везде быть добросовестным и не распространяться на явно безнравственные веления начальства.

36) Догмат папской безошибочности «торжественно отрицался всей католической церковью на соборах» (стр. 53). Имеется в виду, главным образом, собор в Констанце.

Ответ. — Подвиг послушания предполагает большую благодатную силу; епископы — люди грешные, как все люди, и гордость может воспреобладать над смирением. Были эпохи, когда погрязшие в лжеучениях и политике епископы, иногда даже многие (но никогда «всю Католическую Церковь»), восставали против папы. Следует ли из этого, что истина была на их стороне? Было время, когда почти все епископы

христианского мира, на соборах и без соборов, ушли от папы в арианскую ересь; неужели возражающий признаёт арианство подлинной Христовой Церковью? О Констанцком соборе мы говорили в другом месте.

37) «Перерывы в папстве, которые естественно вызываются смертью пап, способны вызывать догматические смущения» (стр. 54).

Ответ.—Такого смущения нечего опасаться, ибо Церковь не имеет надобности постоянно провозглашать общеобязательные догматические толкования Предания. Догматические определения экс катэдра крайне редки.

38) «Папа может приказать всё и потребовать всего под угрозой духовной казни» (XVI, стр. 24).

Ответ.—Это просто недобросовестное искажение истины. Власть папы ограничена всем учением Христовым, Преданием, всеми богоданными природными законами. Если бы папа приказал какому-либо мирянину или епископу сделать что-либо безнравственное, это приказание по существу своему было бы не действительным, ибо Божии законы выше папских постановлений. С общим ростом Церкви власть папы, конечно, также укреплялась, но вместе с тем раскрывалось и католическое нравоучение, вырабатывались аксиомы и догматические положения, являющиеся лучшей гарантией против злоупотребления властью со стороны папы. Папа, который издал бы общеобязательное постановление противоречащее Божиим велениям, был бы величайшим в мире преступником или умалишённым. Но ведь папу теперь избирают представители почти всех католических стран, священнослужители, старцы, дающие клятву избрать наиболее достойного кандидата; нелепо предполагать, что они выберут нравственного уроды или какого-нибудь идиота. На протяжении веков бывают и недостойные папы: но положение таких пап крайне трудно, и они, конечно, не станут ещё ухудшать его сами, вводя постановления, противоречащие церковному сознанию католических народов. Недостойных преемников Ап. Петра можно обвинять в чём угодно, но только не в том, что они провозглашали экс катэдра „догматические новшества“.

39) «Провозглашая папский суверенитет, собор тем самым себя упразднил, совершил догматическое самоубийство...» (стр. 35).

Ответ.—„Самоубийство“ было бы налицо, если бы Ватиканский собор почитал себя, независимо от санкции папы, единственной вышею догматическою инстанцией; но ничего подобного не было.

Церковь издавна верила, что без папского одобрения учительские постановления соборов недействительны; Ватиканский собор не составлял исключения. И если согласие папы необходимо для действительности церковно-административных постановлений вселенских соборов, то тем более оно необходимо в самом важном — в вопросах веры. Далее, собор не передал своей власти папе, не было никакого перелома. Было лишь прямое продолжение древнего, как сама Церковь, постепенного раскрытия точного смысла церковных преданий относительно догматической роли папства в Церкви. Не было „самоубийства” собора в пользу папы, а было проявление самосознания Церкви. Было окончательно установлено, что вселенские соборы держатся на незыблемом основании. Совместными усилиями папы и собора были устранены крайние доктрины, преувеличивавшие или преуменьшавшие учительское служение преемников Петровых. Собор, вместе с папой, засвидетельствовал и удостоверил веру католиков и учение богословов относительно папской безошибочности: папа верно выражает веру Церкви благодаря той помощи, которая обеспечена свыше его служению, а не в силу последующих признаков со стороны какой-либо церковной юридической инстанции.

40) «Ватиканский догмат... явился неожиданностью, навязанной сверху... Догмат этот явился неизбежностью, как последний логический вывод церковного юридикзма» (стр. 41).

Ответ. — Логически неизбежное не может быть неожиданностью. Ватиканский догмат был „навязан” гораздо больше снизу, чем сверху: он — плод глубокого религиозного убеждения массы верующих и пастырей; чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать несколько статей в разных журналах указанной эпохи; это признаёт сам возражатель, квалифицируя эту веру церковного народа „психозом” и говоря, что для искоренения веры в папство нужен „геологический переворот”. О юридикзме мы уже говорили.

41) В силу догмата папской безошибочности «католичество есть могучая дисциплинированная армия, но Церковь не есть армия» (стр. 43).

Ответ. — В 21 беседе св. Иоанна Златоуста на Деяния Апостолов мы читаем: «И бысть Петру, посещающу всех, снити и ко святым, живущим в Лидде. Он обходил их, как бы военачальник ряды, наблюдая, какая часть сомкнута, какая во всём вооружении и какая имеет нужду в его присутствии...»¹. Свой „милитаризм” Златоуст заимство-

вал из Св. Писания. Апостол Павел увещал Тимофея быть *как добрый воин Иисуса Христа* (2 Тим. 2, 3), Тимофей должен *воинствовать как добрый воин* (1 Тим. 1, 18). Даже на небесах имеется *многочисленное воинство* (Лк. 2, 13).

42) «Католичество в настоящее время духовно изолирует себя от всего прочего христианского мира» (стр. 44).

Ответ. — С первых дней своего существования Церковь „изолировала себя” от лжеучений. *То в тебе хорошо, что ты ненавидишь дела николаитов, которые и Я ненавижу* (Апокалипсис 2, 6). Все вселенские соборы собирались для того, чтобы „изолировать” Церковь от заблуждений. Точно так же и теперь Церковь „изолирует себя” от столпотворения бесчисленных сект, разрушающих основы христианства, и не принимает участия в собраниях, где истина и вероотступничество рассматриваются как равноценные величины. Ватиканский догмат укрепил Церковь в её противодействии вероисповедному индифферентизму.

43) «Ватиканский догмат... понуждает к лицемерию» (стр. 45).

Ответ. — Церковь побуждает к смирению, а вовсе не к лицемерию. В лицемерах, которые только внешне исповедуют её учение, она не нуждается, и они всегда свободны уйти от неё. Сколько есть плохих христиан, которые лицемерно „соблюдают” заповеди Господни и всё учение Христово; неужели это может быть аргументом против христианства?

44) «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваемы Отца и Сына и Святаго Духа». Итак, безошибочное определение вероучения исходит не от папы, а от церковного народа, любовью во едино сплочённого.

Ответ. — Так как вскоре после этого возгласа поётся Верую, то можно сказать, что он относится к Символу веры уже данному и установленному двумя вселенскими соборами епископов и утверждённому Римским папою. Возгласом „Возлюбим”, Церковь призывает клир и верующих вовсе не **определять** вероучение, не толковать Предание, а благодатным единомыслием громко **исповедовать** вероучение, выработанное Отцами и соборами и данное Церковью верующим. Во всей литургии св. Иоанна Златоуста, равно как и в литургии св. Василия Вел., нет даже и намёка на разрешение догматических вопросов самими же верующими. Другие подобные литургические возгласы и моления также касаются не определения догматов, а **прославления** Бога исповеданием уже данных Евангелием и уча-

щей Церковью догматов веры («Да и тии с нами **славят** пречестное и великолепое имя Твое...»; «И даждь нам единими усты и едином сердцем **славити и воспевати** пречестное...»). Всенародное исповедание веры вовсе не влечёт за собою необходимости формулирования догматов самим народом. Славянофильское толкование „Возлюбим“ противоречит истории вселенских соборов, взгляду отцов Церкви на церковное учительство, и тому факту, что только в некоторых сектах женщины берутся за определение догматов веры. Церковный народ, по католическому учению, должен не только **пассивно исповедовать** данное Церковью вероучение, но и всей своей благодатною жизнью, духовным опытом и религиозными познаниями **активно помогать** иерархии во всецерковной работе над раскрытием религиозных истин, вытекающих из неиссякаемого источника веры, из Откровения. Но массы сами по себе, без руководства, не могут ведь единодушно толковать Предание и разрешать трудные догматические вопросы: пусть нам укажут хоть одно догматическое положение, которое стало бы таким путём предметом вероучения!

45) Безошибочной может быть только святость. А папы-то ведь не все святые.

Ответ. — Преимущества и дары, сообщаемые свыше людям как **орудия Божиим** для освящения **других** людей, действительны силою Божией, а не силою самих орудий-служителей Бога, и потому независимы от степени их святости. Действенное провидение Христа-Главы — вот главное, вот основа папской безошибочности. Человеческая же святость, даже если это будет святость совокупности всего епископата или всего церковного народа, всегда останется ограниченной, **несоразмерной** глубинам безошибочности, далёкой от той совершенной святости, которая одна совпадает, именно в Боге, с безошибочностью. Папа сам по себе не безошибочен, но он служит орудием Безошибочного, Который в пределах, определённых Ватиканским собором, предохраняет его от опасности вводить верующих в заблуждение. Если безошибочность совпадает со святостью, то:

а) благочестивые женщины должны принимать участие в торжественных соборных определениях догматов, а между тем известно, что женщины не принимали участия в определении догматов на вселенских соборах; б) в силу предпосылки этого утверждения — именно, что преимущества и полномочия в деле спасения ближнего даются только святости — следует говорить, что таинства совершае-

мые грешными священниками недействительны; что священник, рукоположенный не святым епископом, — не священник; что крещёные не святыми совершителями этого таинства (значит, большинство христиан) — люди безблагодатные, ничем от язычников не отличающиеся; что таинство покаяния — часто бесполезное занятие, выслушивание лживой формулы отпущения. Тут не поможет утверждение, что безошибочность дана не отдельным лицам, а совокупности верующих; ибо в этом принципиальном вопросе количество, масса не при чём. Весь вопрос в том, **властен ли Иисус Христос** сообщать дар всецерковной безошибочности одному человеку, или не властен, ограничен в своём главенстве, связан толпою. Принцип лежащий в основе приведённого возражения послужил образованию целого ряда сект, в которых христианство изуродовано до неузнаваемости.

46) Папа — грешный человек, как все люди: сами католики это признают. Значит, папа может согрешить и против веры — стать еретиком. В силу Ватиканского догмата вся Церковь должна идти за ним, принять его ересь!

Ответ. — На протяжении веков никогда не было папы еретика, бывали подчас только слабовольные преемники Петра, вяло и неумело боровшиеся с ересями. Но отвлечённо, теоретически говоря, случай ухода папы в ересь возможен: все люди свободны. Но и в этом крайнем случае нет опасности вовлечения Церкви в ересь: папа-еретик в силу своего еретичества перестал бы быть членом Церкви и тем более — видимым главою её; с того момента как он стал еретиком он сам себя лишил папского сана. Такой случай был бы равносильен смерти папы или поражению его неисцелимым сумасшествием: собор кардиналов немедленно приступил бы к избранию нового, действительного папы. Этим вовсе не подрывается „Ватиканский догмат“. В силу этого догмата, когда папа, **исполняя своё верховное служение**, разрешает для всей Церкви какой-либо догматический вопрос, выясняет учение веры, раскрывает истину заключающуюся в Откровении, — Провидение не допускает заблуждения, безошибочность обеспечена папе свыше. Но если бы какой-либо папа, **уклоняясь от этого своего верховного служения**, порвал с уже безошибочно выясненным положением вероучения, если бы он стал, например, учить, что Бог не Троичен в Лицах, а пятеричен, — он тем самым согрешил бы против „Ватиканского догмата“; он ушёл бы, так сказать, из той области, в которой ему обеспечена безошибочность учительства. В таком случае провиденциальная помощь Церкви Богочеловека

свыше учащему экс-папе стала бы невозможной, ибо Божия святость не может положительно содействовать заблуждению. Не было бы опасности введения всей Церкви в заблуждение, ибо для каждого стало бы ясно, что бывший папа отпал от папства и от Церкви, уклонился от своего служения и тем самым от безошибочности. А главное то, что Христос-Глава всегда властен не допустить провозглашения папой ложного догмата, даже если папа в том или ином догматическом вопросе лично ошибается. Не надо также забывать, что без особой помощи свыше и вселенский собор и весь «церковный народ» легко могут впасть в ересь.

Глава одиннадцатая

СОБОРНОСТЬ И ПАПСТВО

Слово „соборность” может иметь несколько смыслов.

1) Соборность есть **благодатное общение** чад Церкви между собою. При таком понимании данного слова никакой несовместимости с католическими началами нет и быть не может. В этом можно убедиться, читая жития и творения католических святых (и при том не только мистиков), папские и епископские послания, касающиеся общения верующих в Таинственном Теле Христовом, поучения духовных писателей о любви во Христе. Духом так понимаемой соборности питаются католические монашеские ордена созерцательной или деятельной жизни, и все католические благотворительные и воспитательные содружества и учреждения. Этим духом соборности, как всеобщей братской любви во Христе, проникнуты творения и многих средневековых схоластиков и крупных современных католических богословов. Значительная часть окружного послания папы Пия XII *Mystici Corporis* может быть названа призывом к церковной соборности.

Можно без преувеличения сказать, что соборности, понимаемой именно в смысле жертвенной, подчас геройской, братской благодатной любви во Христе, в жизненной духовной действительности подлинного католичества гораздо больше, чем где бы то ни было. И это вполне понятно: домостроительство Католической Церкви основано на том евангельском, любовью во Христе порождаемом послушании законным представителям Христа, Главы Церкви, которое всегда было в христианстве великим двигателем осуществления духовной жизни, святости. Соборность, как благодатное общение верующих, есть благодатное единомыслие в духовной жизни, согласие в любви ниспосылаемой свыше. А по учению св. Иоанна Златоуста: «Везде Бог устроил степени и

разнообразии власти, чтобы всё пребывало в единодушии и великом согласии».¹ Отношение церковного послушания к соборности прекрасно выражено в следующем изречении св. Ефрема Сирина: «В ком есть послушание, тот со всеми соединён любовью».² Подлинная соборность есть, конечно, братство и единство в свободе и любви, но не *fraternité* французской революции, неотделимая от антииерархической *égalité* и своевольной *liberté*, а то христианское братство, о котором только что упомянутый Златоуст писал: «Ведь мы все братья, и один у нас Наставник, но и между братьями надобно, чтобы один давал приказания, а остальные слушались».³ Древние иноческие уставы настаивают на единении всех в любви Христовой, осуществляемом через послушание одному общему настоятелю, игумену. В католичестве имеется применение этого основного принципа древнего православия ко всей Церкви; поэтому в католическом мире благодатная соборность процветает постольку, поскольку процветает сыновнее послушание Св. Отцу.

2) Соборность есть общение во Христе чад земной Церкви не только между собою, но и с **членами торжествующей Церкви** на небесах и с душами, ожидающими ещё вечного упокоения. Здесь тоже нет места для какого-либо противоречия с католическими началами. Под краткой формулой *communio sanctorum* идея этого всецерковного общения вошла в латинский Символ веры. Она легла в основу католического учения о призывании святых, о пользе молитв за усопших и об индульгенциях. Папы, особенно святые папы, всячески поощряли распространение соборного общения верующих в духе *communio sanctorum*, тесного единения с небожителями, небесною Церковью. Тем же духом единения странствующей Церкви с Церковью торжествующей на небесах проникнуты почти ежегодные торжественные канонизации святых, совершаемые в Риме. Папы неизменно указывают средства для осуществления полноты соборного единения живых и умерших членов Церкви, они не устанут напоминать об условиях, исполнение которых необходимо для участия в неисчерпаемых сокровищах заслуг Иисуса

1. Изд. СПб Дух. Академии, том X, 1904, стр. 346.

2. Творения св. Ефрема, Москва, 1858, том I, стр. 21.

3. Изд. СПб Дух. Академии, том IX, 1903, стр. 41.

Христа, коими так обильно одарены святые Божии угодники.

3) Соборность есть **свет Христов**, озарение всей совокупности верующих, всей Церкви, вечными истинами Откровения. Она есть высшее **правило веры**, обязательное для всех без исключения. Она есть жизнь в Церкви Духа истины. И такое восприятие понятия соборности вполне совместимо с католическим учением об учительском главенстве Римского епископа. Ибо согласно этому учению, папа более, чем кто-либо другой, обязан прислушиваться к голосу Духа Святого, живущего во всей Церкви и во всех её частях, и быть „устами Церкви”, подчиняться вдохновениям, свыше посылаемым Церкви, и верно их выражать в соответствующих догматических вероопределениях и наставлениях. Папа не есть какой-то самоисточник благодатного света: сверхприродные озарения нисходят на верующих от Духа Христова, папа ничего не может в них изменить. Он безусловно подчинён Христу-Главе и Его Духу, он их орудие в деле блюдения единства Церкви, и веры. Его задание и долг — облекать в словесные богословские выражения истины Христова Откровения по мере того как они осознаются Церковью под всеозаряющим воздействием Духа Святого. Так, например, истина Непорочного Зачатия Пресвятой Девы с течением веков всё яснее осознавалась благочестивым церковным народом, подчас даже вопреки затруднениям выдвигаемым иными богословами. Становилось всё более и более очевидным, что это учение, верно понимаемое, нисколько не противоречит раньше определённым догматам. По плодам святости, которые оно приносило в сердцах верующих, видно было, что оно овладевает ими силою посылаемой свыше. Папы всё это наблюдали; они прислушивались к голосу верующих и всего епископата, всё чаще и определённое высказывавшегося в пользу торжественного провозглашения догмата Непорочного Зачатия Приснодевы. И чтобы богословская осторожность не превратилась в сопротивление внушениям Духа Святого, „души Церкви”, папа Пий IX в 1854 году облёк эту истину в форму окончательного вероопределения. Вскоре после этого состоялось знаменательное явление Непорочно Зачатой в Лурде, где великие чудеса, явно одобряющие решение Пия IX, до сих пор не прекращаются.

4) Произнося слово „соборность”, иные имеют в виду подчинение папы вселенскому собору, как высшему выражению вселенской Церкви.

В исторической действительности никогда не было съезда всех епископов, как никогда не было полного единодушия всех съехавшихся на собор иерархов. Вселенские соборы были по большей части сравнительно малочисленны; иные поместные соборы бывали значительно многочисленнее II или V вселенского собора; во времена первых вселенских соборов было немало съездов епископов-еретиков, в численном отношении превосходивших тот или иной вселенский собор. Всегда необходима была высшая власть, решавшая, какой собор и в каких вопросах может и должен почитаться вселенским, издавать вероучительные постановления обязательные для всех христиан. Этой властью всегда было и есть папство. Римские епископы придали небольшому поместному съезду части греческих епископов, состоявшемуся в Константинополе в 381 году, значение и силу вселенского собора. Иные постановления Халкидонского вселенского собора были лишены силы решением папы св. Льва Великого, и потому остались без вселенского авторитета. Высшая власть в Церкви принадлежит главе вселенского собора и всему собору, большому или малому, поскольку он единодушен и не восстаёт против своего главы, не впадает в раскол. Папство и епископат жизненно-органически связаны между собою: есть только одна иерархия в Церкви, имеющая высшую пастьрскую и учительскую власть в единении с Римским епископом; поэтому всякая, даже крупная, часть епископата, удалившись от этого единения, становится неспособной давать общеобязательные вероопределения. Вселенский собор без папы, представителя Христа-Главы, есть что-то безжизненное, безнадёжное, уродливое; это опасная, неосуществимая утопия, ибо отпадает верный критерий для различения этого „вселенского” собора от не вселенского или раскольнического. Это самопротиворечие и самообман. Утверждать, что собор выше папы, это то же что говорить: «Гора выше своей вершины» или «Голова должна подчиняться обезглавленному телу».

5) Папству подчас противопоставляют соборный **ГОЛОС ВСЕГО ЕПИСКОПАТА**, хотя бы и не собравшегося на вселенский собор. Но в действительности, когда дело идёт о положительном выяснении какого-либо догматического вопроса, слышен не один **ГОЛОС**, а **-ГОЛОСА** различных групп составляющих епископат. Ни одна догматическая проблема никогда не была разрешена единогласием всего епископата или одним только его единогласием. Необходим

один вселенский „третейский судья”, который в случае расхождения мнений решал бы, кто из епископата высказывает подлинное убеждение Церкви, внушаемое Духом Святым, какое течение в богословских мнениях иерархов может считаться выражением подлинной церковной веры; папа провидением Христа, Главы Церкви, лучше чем кто-либо другой видит и понимает, что в Церкви от неё и что приходит извне, он отличает церковное от политического или этнического. Где папства нет, там обыкновенно епископат распадается на поместные или партийные солидарности, в значительной мере порождаемые давлением посторонних сил, которые находятся в постоянных столкновениях между собою и искажают до неузнаваемости подлинную церковную соборность.

Нельзя тоже считать безошибочным голос **большинства** епископов христианского мира: в эпоху арианства большинство епископов Востока и Запада, подчиняясь воле императора, исповедовали арианскую ересь и лишь сравнительно немногие мужественно отстаивали веру в Христа как Бога.

б) Ещё безотраднее положение, когда папству противопоставляют не епископат, а «соборный голос **церковного народа**», и не признают никакого органа церковной безошибочности. Ведь даже самого основного вопроса о том, куда следует обращаться за разрешением важных догматических проблем (к собору, к рассеянному по всему миру епископату или к церковному народу), — „церковный народ” никогда не решил и, конечно, решить не может, потому что в нём ещё больше разнородных, друг другу враждебных течений, чем в епископате; в нём голос действительной благодатной церковной соборности ещё более заглушается шумом всевозможных личных и массовых страстей. Церковный народ не призван решать догматические вопросы, как видно из Евангелия, где нет ни малейшего намёка на демократическое подчинение иерархии народу.

Из сказанного, конечно, вовсе не следует, что верующие не принимают участия в подготовке догматических вероопределений: послушание епископов папе, священников епископам и мирян священникам обеспечивает расцвет **смирения**, которое в свою очередь раскрывает доступ в душу благодатных даров и озарений свыше; и этим светом Христовым в душах верных чад Церкви руководятся папы и епископы в своей учительской и пастырской деятельности. Так Пий XII провозгласил догмат Введения в небеса

Пресв. Богородицы только после того, как верующие католики всего мира высказались в пользу этого провозглашения. Папа, так сказать, подводит итог благодатным убеждениям лучших элементов верующих масс, поощряет, защищает и санкционирует их. Оттого везде, где послушание папе стоит на должной высоте, голос церковного народа гораздо более чист и свободен от посторонних ядовитых примесей, чем там, где народные массы, пропитанные всевозможными нехристианскими учениями, считают себя вправе решать церковные вопросы и осуждать папу и всю церковную иерархию.

7) Нередко слово „соборность” воспринимается в смысле: верность духу и принципам Церкви времён „семи соборов”, «**семисоборной**». В этом случае соборность не является чем-то исключаящим папство, а наоборот, она имеет в нём опору. В древней Церкви истины Откровения постепенно, в борьбе с ересями, лучше осознавались и облекались в более точные словесные выражения, в вероопределения. Церковь неизменна в своей сущности. Она идёт всё в том же направлении, определяемом её богочеловеческой природой; она во все эпохи, не исключая и нашей, продолжает трудиться над выявлением неисчерпаемых истин, заключающихся в Откровении. Как в первые века, так и теперь, благодаря соборным, гармонически друг друга восполняющим, духовным усилиям пап, епископов, богословов, подвижников благочестия и простого церковного народа, она prepares вероопределения и в должный момент их провозглашает. Как в первые века, при наличии центральной церковной власти, были возможны вселенские соборы, так оно осталось и в последующие эпохи. „Семи-соборная” Церковь вырабатывала своё, церковное, отличное от государственного, каноническое право, применяясь к условиям времени и места и сопротивляясь цезарепапистическим попыткам искажать каноны государственным законодательством; и в этом отношении, опять-таки благодаря папству, современная Католическая Церковь верна отцам Церкви, которые столь потрудились и пострадали, защищая независимость вселенской Церкви от „вселенской” империи; Церковь теперь, как и раньше, продолжает вырабатывать канонические постановления, отвечающие новым требованиям времени и жизни.

8) Многочисленны те, кто усматривает соборность в националистической **солидарности** под религиозной, не всегда удачной,

окраской. Сюда можно, пожалуй, отнести тех, кто придерживается автокефального православия, потому что он грек, или католичества, потому что он поляк, или мусульманства, потому что он турок, или англиканства, потому что он англичанин. Такое смешение понятий явно претит существу христианства; оно несовместимо с тем фактом, что божественные истины и Христовы заветы даны Господом для всех народов без различия и без исключения. Папам часто приходилось очень много страдать от таких стихийных подделок религии и от попыток врагов христианства подчинять само папство притязаниям национального эгоизма.

Но если под соборностью понимать не обычай определять религию принадлежностью к тому или иному народу, а здравую религиозность, порождающую самоотверженное служение своему народу и любовь к отечеству, свободную от массового этнического себялюбия, если иметь в виду расцвет национальной культуры на почве вселенских христианских устремлённостей, то конечно папа, возглавляющий не космополитическую и интернациональную, а всенациональную и многонародную Церковь, нисколько не враждебен так понимаемой соборности. Наоборот, папы поддерживают среди христиан дух Христовой вселенской любви, которою лучше всего питается преданность и любовь к своему народу, национализм в христианском смысле слова. Католическая вселенскость и христианский национализм — два друга предполагающие и друг друга питающие начала. Как в семье дети тем счастливее, чем больше они проникнуты братским семейным духом и чем выше авторитет отца семейства, так в семье народов, входящих в Церковь, отдельные народы тем лучше осуществляют свою „идею” и тем более духовно процветают, чем теснее они связаны с матерью народов, Церковью, и чем больше они имеют уважения и любви к богоданному отцу всех христиан.

9) Употребляя слово „соборность”, можно иметь в виду в особенности **сотрудничество** всех, духовенства и мирян, учёных и простолюдинов, европейцев и китайцев или негров, ради проведения в жизнь истин Откровения и заповедей Христовых. Но сотрудничество, чтобы не превратиться в бесплодное всеобщее столкновение взглядов и поступков, нуждается в организации, в дисциплине, в соподчинённости, в том „порядке”, на котором так настаивали отцы Церкви. А это в свою очередь не только не исключает, но предполагает высшее всеобъединяющее устано-

вление, имеющее возможность и власть, необходимую для того, чтобы успешно устранять безвыходные положения, примирять враждующих, приучать к сотрудничеству, защищать и поддерживать здоровые соборные начинания и т. д. Человеческая враждебность ко всему, что не „моё”, — печальное последствие первородного греха — повсюду даёт себя чувствовать, это неизбежно. Но благодаря папству, в католичестве опустошения, производимые ею, не так катастрофичны, как за оградой Церкви. Папство согласует между собою бесчисленные религиозные сообщества, кружки, братства, миссии, монашеские ордена и конгрегации, посвящающие себя христианскому воспитанию детей, уходу за больными, сиротами и калеками, просвещению отсталых в культурном отношении народов и т. д. Католические просветительные и „карикативные” сообщества сильны духом христианского сотрудничества и самопожертвования, развивающегося в школе сыновнего послушания единой вселенской иерархии.

10) Слово „соборную” можно и, конечно, следует понимать в том смысле, в каком оно употребляется в Символе веры, где оно является переводом, правда очень неудачным, греческого слова „католикэн”, принятого вторым вселенским собором. Догмат соборности Церкви, по пониманию отцов Церкви, обозначает „по всёму”, т. е., прежде всего, устремлённость распространяться повсюду, среди всех народов земного шара. Соборность Церкви есть не что иное как её **вселенскость, католичность**. Ясно, что соборность понимаемая в этом основном, догматически подлинном смысле, не только совместима с папством, но и находит своё полное и верное осуществление только в „соборной”, кафедральной или католической, Церкви.

11) В наши дни, когда во всё проникает дух «экуменизма», иные как будто склонны отождествлять до известной степени понятие соборности с протестантскими чаяниями братского сближения христианских вероисповеданий. Эти довольно туманные тяготения к примирению христианских Церквей и сект хороши, поскольку они пробуждают сознание недопустимости капитуляции перед фактом разложения христианского мира, радикально противоречащей воле Христа, Главы Церкви, и могут побудить христиан искать подлинную, существующую и всегда существовавшую, единую и объединённую Церковь. Поскольку же они располагают к подмене подлинного, по догмату второго вселен-

ского собора никогда не прекращающегося единства вселенской Церкви лже-единством, единством компромисса правды с ложью, единством сделки с совестью, единством равноправия истины и заблуждения, единством адогматическим, а потому и аморальным, противным заветам Христовым, — постольку они непримиримы с папством, обеспечивающим подлинное всестороннее бого-человеческое единство Церкви.

12) Многие, настаивая на соборности Церкви, ставят логическое ударение на простом **отрицании главенства** Римского епископа; они думают, что в деле осуществления соборности необходимо прежде всего устранение папства. Они не замечают, что их желание совпадает с основным пунктом программ **всех без исключения** антирелигиозных и антихристианских движений и организаций. Лозунг: „Долой папство!“ вовсе не православен; для православия нет ничего более оскорбительного, как считать его таковым. Древние вселенские соборы не провозглашали его. „Долой папство!“ есть практически главный принцип безверия, это „соборный“, единодушный крик не только всех сект и ересей в пределах протестантского мира, но и всех антирелигиозных течений, никол и учреждений. Против папства высказывались, прямо или косвенно, все древние крайне враждебные православию еретические соборы. Против папства яростно боролись и средневековые безбожники, и французские атеисты-энциклопедисты, и масоны разных лож, и сторонники возрождения древне-германского язычества, в роде последователей Гитлера. Чем радикальнее и фанатичнее какая-либо группа людей ненавидит Бога и основы религии, тем более единодушно и беспощадно она воюет против Католической Церкви и в первую очередь против папства. В наше время с исключительным ожесточением „ликвидируют“ религию, и в особенности преданных папе католиков, все воинствующие атеисты-коммунисты. Большевики преследуют, конечно, и Православие, столь близкое к католичеству, но они никогда не относятся враждебно к антипапским выступлениям православных иерархов или богословов. Подлинная церковная православная соборность, соборность стольких праведников, ровно ничего общего не имеет с кощунственным единодушием мировых безбожных движений, а потому и в отношении к папству не должно быть никакого совпадения путей Православия и программ безбожия, совпадения хотя бы только случайного, чисто материального.

По воле Господа нашего Иисуса Христа, Основателя и Главы, **всё** в Церкви совершается Богом через Его видимые человеческие орудия. В вере и любви христиане объединяются священниками, священники — епископами, а епископы всего мира — верховным первосвятителем: в божественной икономии спасения со стороны Бога нет непоследовательности, незаконченности, зияющих пробелов. Папа — высший в иерархии **орган**, посредством которого Христос-Глава объединяет все поместные или неполные проявления соборности, выражает **всцерковную** безошибочную соборность и предохраняет её от засорения политическими, сословными, шовинистическими и другими эгоистическими солидарностями и лже-соборностями.

Все части человеческого тела органически, „соборно”, направляют кровь в сердце, а сердце посылает её в обратном направлении, к периферии. Но это — не борьба, не „несовместимость”, а наоборот — необходимая предпосылка правильного кровообращения, здоровья. Папство есть как бы сердце вселенской Церкви, этого „тела” Христова. В нём стекаются благодатные озарения, ниспосылаемые Богом лучшим элементам всего христианского мира (в Риме прислушиваются и к голосу русских святых); в папстве сходятся все жизненные нервы Церкви; и в свою очередь оно передаёт всем верующим внушения Христа-Главы, живущего во всей Церкви. Тут никакого противоречия быть не может потому, что один и тот же Дух Христов просвещает светом веры и любви как Римского первосвяителя, так и весь епископат и весь подлинно церковный народ.

Против этого факта, подтверждаемого свидетельством сотен тысяч святых и бесчисленными чудесами, бессильно возражение заимствованное из практики первоначальной Церкви. **Всё** органическое развивалось в Церкви лишь постепенно. До IV века не было ни вселенских соборов, ни патриархов, ни византийского обряда; каноническое право было только в зародыше; почитание икон было едва заметно и не имело догматического характера; церковных праздников было очень мало. Надо быть последовательным: или мы признаём органическое раскрытие Церкви, и тогда нет никакого серьёзного основания отрицать роль современного папства, как двигателя церковной соборности; или мы отвергаем папство на том основании, что во II веке оно было в „младенческом состоянии”, и в этом случае, чтобы не противоре-

читать самому себе, надо отбросить все проявления развития Церкви — византийской обряд, догматические определения вселенских соборов, иконопочитание, одним словом — надо отказаться от Православия.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Идея мистической соборности без верховного авторитета — не новая. Её уже проповедовал один из главных творцов протестантизма, Иоанн Кальвин.¹

Теория Хомякова в своих отрицаниях всякого авторитета не применима к Церкви борющейся на земле. Она пагубна для самой же соборности, если её не **дополнить** святоотеческим учением о **путях ведущих** к духовному совершенству: как говорил Владимир Соловьёв, самый верный способ не достигнуть цели — вообразить, что она уже достигнута; больше всего мешает осуществлению церковной соборности — думать, что она уже целиком осуществлена в сердцах верующих, что такие средства к её назреванию в церковном народе, как, например, послушание единой всецерковной иерархии, — излишняя помеха. В монастыре едино на потребу — братская соборность, благодатная взаимная любовь, свобода детей Божиих; но если на этом основании устранить устав, правило молчания, авторитет игумена и всё внешнее благочиние, — братская соборность скоро превратится в отвлечённое понятие. Хомяков прекрасно списал Церковь в состоянии уже достигнутого полного осуществления благодатной соборности. Это отрадное чудное видение Церкви всегда полезно иметь перед глазами, чтобы по мере возможности **осуществлять** этот идеал, чтобы совершать тот трудный подвиг самоотречения и послушания, без которого соборность — пагубный, убийственный самообман и „прелесть“. Чтобы дышать чистым воздухом горной вершины, недостаточно восхвалять этот воздух и проклинать крутые каменистые стези, кажущиеся слишком „земными“ и „юридическими“, но на самом деле необходимые для того, чтобы взойти на вершину горы и не упасть в пропасть; именно надо взойти на гору по этим стезям, **осуществить** желаемое пребывание на горе; надо

1. См. Ch. Claereboets, *Ecclesiologia Joannis Calvini*, Roma, 1941 (Univ. Gregoriana) стр 13, 32 и др. Мнение Кальвина таково: *Datae sunt promissiones non alicui instituto, quod repraesentatur ab illis qui in eo auctoritate praediti sunt, sed immediate omnibus... Neque donum infallibilitatis... datum est pastorum coetui, sed ipsis fidelibus in unum coactis* (стр. 37).

тоже помогать другим в достижении этих спасительных высот. Это восхождение вполне обеспечено только единым Христовым всецерковным иерархическим послушанием. Вот чего не понимали ни Хомяков, ни его последователи, и вот отчего их учение о соборности так бесплодно, уперлось „в тупик“, и в конце концов сводится к бездушному повторению всё тех же шаблонных фраз: „Церковь есть любовь и свобода“, „Церковь — не авторитет“, „Церковь не знает органа безошибочности“.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все разобранные в настоящем труде вопросы приводят нас к заключению, что Церковь есть величайшее проявление безмерной любви Господа нашего Иисуса Христа к блуждающему человечеству. Эта любовь определяет всю природу Церкви, все её свойства, всю её жизнь.

Церковь Христова божественного происхождения; природа её находится в зависимости от предвечных законов бытия, совершенства и жизни, имеющих своё основание в самом существовании Бога, т. е. Любви. Единство в разнообразии, жизненное развитие, второпричинность, необходимость послушания для достижения духовной свободы — эти и подобные Божии законы касаются существенных сторон богочеловеческой Церкви Христовой. Основатель её, желая сделать спасение возможно более доступным и близким всякому человеку, создал её не только на сверхприродных данных, но и на универсальных, всем понятных началах, определяющих природу человека. Чтобы спасти людей от вечной гибели, Слово стало плотью, вочеловечилось, подчинилось всем предвечным законам земного существования. Любовь, только любовь, побудила Бога снизойти по всем ступеням сотворенного бытия, чтобы „догнать” Своею спасительною благодатью несчастного грешника, всё время отворачивающегося от своего единственного спасения. И только при свете этой бесконечной любви становится понятным, почему Церковь Святая есть продолжение воплощения Христова, почему она есть божественное и, в то же время, вполне человеческое, организованное общество. „Икономия спасения” есть икономия всеисчерпывающей воплощённой Любви.

Только беспредельной, божественной любовью можно объяснить ту конечную цель, к которой Иисус Христос зовёт Свою Церковь и всех её чад. Цель эта — возможно более интенсивное „созидание” соборного тела Христова, возможно более совершенное участие в

жизни Отца, Сына и Святого Духа. Цель эта — вечная радость воскресения Христова и нашего участия в нём, вечное торжествующее ликование в славе небесной. Цель эта — царство Божие, вполне осуществляемое в загробной жизни, но предвкушаемое праведниками уже здесь на земле. Святая пристань, к которой ведёт нас Церковь Христова, — тесное, во веки веков неразрывное единение всего нашего существа с Христом-Главою, бесконечно любящим Другом, Братом и Сонаследником нашим, а в Нём с Отцом и Духом Святым. Всё в Церкви устремлено к Богу, сущей Любви.

Любовь Бога к людям определяет **назначение и природу земной Церкви Христовой**. Назначение Церкви — приводить людей к цели намеченной Спасителем, к Любви, и напоминать им, что всякая другая конечная цель есть „суета сует” и самообман. Оттого, Церковь Христова выступает в истории всех эпох христианства как самостоятельное, видимое, совершенно богочеловеческое общество, не сливающееся ни с каким другим человеческим коллективом. Оттого, Христос дал Церкви ту единую иерархическую организацию, которая обеспечивает за ней высшую степень осуществимой на земле независимости от посторонних влияний.

Одна только истинная Церковь Христова может сообщать людям спасение, какой бы страны или эпохи они ни были. Долг любви к ним обязывает её, при всей своей терпимости и материнской снисходительности к заблуждающимся, при всём своём уважении к той доле истины, которая имеется во всех религиях, — не вступать ни в какие „компромиссы” с религиозными заблуждениями. Церковь Святую многие упрекают в нетерпимости, „империализме” и стремлении к горделивой обособленности; но именно эта нетерпимость ко всем отступлениям от спасительных истин Откровения, ей порученных, — неопровержимое доказательство наличия в ней подлинной любви Того, Кто претерпел на кресте величайшие мучения, чтобы предохранить людей от всех лжеучений и спасти их в едином стаде Своём.

Из сострадания к падшему человеку, Иисус Христос создал Свою Церковь видимой, общедоступной, постоянной, самостоятельной, мужественной в борьбе с соблазнами „чисто духовного” христианства, болезненного гностицизма, ложного мистицизма, индивидуализма и других „прелестей”. Побуждаемый всё той же сострадательною любовью, Спаситель одарил Свою Церковь **признаками** её истинности, то есть её божественного происхождения; таким образом, всякий искренне и самоотверженно ищущий человек может отличить её

от других учений и от тех церквей, в которых более или менее значительная доля божественной истины и праведности перемешана с догматическими заблуждениями. Единство есть безусловный, общепонятный, вполне наглядный признак совершенства: Церковь Христова, в отличие от других религий и церквей, едина во всех элементах своего богочеловеческого бытия. Церковь верна всем заповедям Христовым, и в этой её святой верности тоже проявляется её подлинность. Христос создал Свою Церковь вселенской, сверхнациональной и сверхкультурной, чтобы она с тем большим успехом могла распространять любовь Его среди всех народов. Апостольская преемственность также облегчает искание пути к Истине и Любви.

Пастырское главенство Христа в Церкви выражается в постоянной любвеобильной отеческой заботливости Спасителя о спасаемых. Пастырство это осуществляется через установленную Им единую иерархию, с которой Он пребудет до скончания века, поддерживая, укрепляя и предохраняя её от заблуждений, через высший орган Своего провидения — преемников Ап. Петра. «Господь, дабы показать пастырское попечение, какое имел о Своем стаде, передал его старейшему из пастырей Петру»¹.

Любовь Спасителя к людям беспредельна; Он применяет все, какие только ни есть, способы воплощения, чтобы исцелить человека от его духовных недугов. Иисус, *возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их* (Ио. 13, 1). В подвиге Христовом и в Церкви Святой, являющейся плодом этого подвига, нет ничего незаконченного, половинного, одностороннего: всё в ней доведено „до конца”. Дело Христово не знает ни пробелов, ни обрывов. Так например, логическое восхождение по ступеням церковной иерархичности не останавливается на епископском или патриаршем сане, но достигает в папстве своего естественного, требуемого богочеловеческим существом Церкви, завершения; иерархия пастырей и архипастырей Церкви объединена „до конца”, она не лишена той существенной инстанции, без которой она не была бы одной иерархией, а только группой нескольких иерархий. Всемогущая и беспредельная любовь Господа к людям проявляется с особенной очевидностью и силой в том, что учительская власть иерархии тоже доведена Спасителем до **крайних пределов**, т. е. до безошибочности в догматических вероопределениях.

1. Св. Ефрем Сирин, Творения, изд. Московской Дух. Акад., 1914, ч. VIII, стр. 132.

Не может понять и полюбить Церкви Христовой тот, кто не понял всеисильной и всеисчерпывающей любви Богочеловека к потомкам Адама, кто не полюбил этой „любви до конца”. А понять — да и то только до известной степени — и полюбить Христову любовь можно только в смиренной молитве, чистоте сердца и великодушной, непреложной готовности искать во всём только пресвятую волю Господа нашего Иисуса Христа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Предпосылки учения о Церкви

Гл. 1	Церковное Предание	13
Гл. 2	Христианская религия и разум	27
Гл. 3	Второпричины	43
Гл. 4	Разноединство	51
Гл. 5	Богочеловечность Церкви	59
Гл. 6	Развитие Церкви	73
Гл. 7	Свобода	86
Гл. 8	Послушание	101

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О Церкви как Теле Христовом

Гл. 1	Царство Божие и Церковь	123
Гл. 2	О Таинственном Теле Христа-Главы	136
Гл. 3	Христова благодать	142
Гл. 4	Полнота благодати во Христе, Главе Церкви . .	148
Гл. 5	Дух Святой и Церковь	153
Гл. 6	Значение таинств	158
Гл. 7	Значение Св. Евхаристии и Св. Жертвоприношения	166

Гл. 8	Пресв. Богородица и Таинственное Тело Христо- тово	173
Гл. 9	Всеобщая взаимная помощь во Христе	177
Гл. 10	Воскресение плоти и жизнь вечная	183

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Странствующая или земная Церковь

Гл. 1	Богоустановленность Церкви	191
Гл. 2	Назначение земной Церкви	196
Гл. 3	Необходимость Церкви для спасения. Члены Цер- кви	205
Гл. 4	Видимость Церкви	221
Гл. 5	Постоянство и неизменность Церкви	229
Гл. 6	Самобытность Церкви	236

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Признаки истинной Церкви

Гл. 1	О признаках истинной Церкви вообще	249
Гл. 2	Единство Церкви	253
Гл. 3	Вселенскость Церкви	266
Гл. 4	Апостоличность Церкви	280
Гл. 5	Вспомогательные признаки истинной Церкви	285

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

О святости Церкви

Гл. 1	Основное свойство святости	310
Гл. 2	Харитологический, или благодатный, облик свя- тости Церкви	317
Гл. 3	Богословский облик святости Церкви	335
Гл. 4	Экклесиологические облики святости Церкви	342

Гл. 5	Сотериологический облик святости Церкви . . .	352
Гл. 6	Теофанический или богоявленный облик святости Церкви	357
Гл. 7	Некоторые другие облики святости Церкви . . .	363
Гл. 8	Исторические возражения против святости Католической Церкви	373
Гл. 9	Идеологические и богословские возражения против святости Католической Церкви	389

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Высшие органы главенства Христова

Гл. 1	Апостольское происхождение епископского служения	415
Гл. 2	Богоустановленность епископского служения . . .	424
Гл. 3	Главенство Апостола Петра и Св. Писание . . .	434
Гл. 4	Возражения из Св. Писания против главенства Петра	441
Гл. 5	Церковное Предание о главенстве Петра	470
Гл. 6	Постоянство верховного служения Петрова . . .	484
Гл. 7	Разбор возражений против главенства Римского епископа	495
Гл. 8	Римские папы и вселенские соборы	521
Гл. 9	Основной орган безошибочности Христовой . . .	532
Гл. 10	Возражения против безошибочности Римского епископа	543
Гл. 11	Соборность и папство	563
	Заключение	575

Підписано до друку 10.11.92 р. Формат 60×84/16. Папір друкарський № 2.
Друк, офсетний, Ум. друк, арк. 36,5, Ум. фарбо-відб. 37,4. Обл. вид. арк. 43,2.
Зам. 2246.
Віддруковано з готових діапозитивів у Жовківській книжковій друкарні.
292310, м. Жовква, Львівської області, вул. Василянська, 8.

